

Язык и культура в глобальном мире

Сборник статей

Санкт-Петербург
2022

УДК 80; 81; 82; 316; 347; 372; 378; 930
ББК 81 (81.1; 81.2; 81.21)

Ответственный редактор канд. филол. наук, доц. С. Ю. Рубцова

Редакторы: канд. филол. наук, доц. Т. Е. Доброва, канд. филол. наук, доц. Е. К. Рохлина.

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. О. Г. Егорова (Моск. гос. лингвист. ун-т), док. филол. наук, доц. Н. А. Трофимова (С.-Петерб. гос. ун-т).

ISBN 978-5-00105-694-2

Статьи сборника затрагивают широкий круг проблем лингвистики, лингводидактики, социолингвистики, когнитивистики и переводоведения. Особое внимание уделяется актуальным проблемам межъязыкового и межкультурного взаимодействия и перевода, а также преподаванию иностранных языков для специальных целей.

Сборник предназначен для специалистов в области лингвистики, перевода, межкультурной коммуникации, лингводидактики и методики преподавания иностранных языков для специальных целей, а также для всех интересующихся современными тенденциями в этих областях.

© ООО «Издательство «Лема», 2022

© коллектив авторов, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.И. Анфиногенова	
ЭМОТИВНЫЕ КОНЦЕПТЫ BORED/DEPRESSION И ИХ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ РЯДЫ	9
И.Б. Балашов, О.Г. Горина	
ПРОБЛЕМАТИКА ХЕДЖИРОВАНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ.....	16
А.А. Борисова, А.В. Леленкова	
ТРАДИЦИОННЫЙ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ НА БАЗЕ АСПЕКТОВ «ПРЕССА» И «СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ» НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ	24
Л.Г. Бругтян	
ДЕТСКИЕ ВОПРОСЫ О СЕМАТИКЕ.....	30
Д.М. Вольфберг	
ЯЗЫКОВОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ И ЯЗЫКИ-ПОСРЕДНИКИ	37
Н. И. Гетьманенко, Л. Розбудова	
ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: УДЕРЖИМ МОТИВАЦИЮ? (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ).....	43
Е.В. Гимон	
КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С АРАБСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДОХИ АССИ «104 КАИР»)	49
Т. Н. Гончарова	
ОСОБЕННОСТИ МЕСТНОГО КОЛОРИТА В «РУССКИХ РОМАНАХ» ПОЛЯ ДЕ ЖЮЛЬВЕКУРА.....	55
О.Н. Горяинова, С.Ю. Рубцова	
АРГУМЕНТИРОВАННОСТЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РЕЧИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	63
П.Б. Дроздова	
О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ ПИСЬМА ССЛХХІІІ СЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ СИЕНСКОЙ.....	68
А.О. Животова	
ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛИНГВОЭТНИЧЕСКОГО БАРЬЕРА ПРИ ПЕРЕВОДЕ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ИНТЕРВЬЮ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	75
Е.С. Зорина	
КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК СРЕДСТВО ДИСКУРСИВИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ С. НОСОВА «БЕРЕНДЕЙ»).....	82
Д.Т. Курманбаева	
КОГНИТИВНО-МАТРИЧНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ХРОНОТОПА РОМАНА КАДЗУО ИСИГУРО «THE BURIED GIANT».....	87

С.Д. Кирпу	
ПЕРЕВОД ВЫСКАЗЫВАНИЙ С РАЗЛИЧНЫМИ КОММУНИКАТИВНЫМИ ИНТЕНЦИЯМИ С УЧЕТОМ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ОБЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ).....	93
М.Ю. Копыловская, К.О. Яцечко	
ЯЗЫКОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОБУЧЕНИЯ ОНЛАЙН КОММУНИКАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	100
А.И. Коршунова	
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕБЕНКА В ОБИХОДНО- РАЗГОВОРНЫХ ДИСКУРСАХ СОВРЕМЕННЫХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США	106
И.В. Михеева	
ОБРАЗ ВЛАДИВОСТОКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.....	113
М. Н. Нечаева	
ЯЗЫК В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОТ ГИПОТЕЗЫ НЕЗНАНИЯ К ИНТЕРКУЛЬТУРЕ.....	120
Е.Э. Овчарова	
ШАРЛЬ БОДЛЕР И МАРИНА ЦВЕТАЕВА О СТРАНЕ ВСЕОБЩЕГО СЧАСТЬЯ.....	127
С.А. Резцова	
ФОНЕТИЧЕСКИЕ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТФИЛЬМАХ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК	132
Т.С. Росянова	
ЭСТЕТИЗМ В МАРКЕТИНГОВЫХ НОМЕНАХ КОСМЕТИКИ.....	136
К. В. Светлов, Н. И. Легостаева	
ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНТЕНТА ОНЛАЙН СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ	140
Ю. Г. Седёлкина	
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	148
С. В. Семочко	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АББРЕВИАТУР В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ	153
Е.М. Смирнова	
ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ “ОПЫТ” И “ЭКСПЕРИМЕНТ” В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	159
Д.Д. Шкаруба	
КОНСТРУКЦИЯ «РАБОТА РАБОТОЙ» И ЕЁ ЭКВИВАЛЕНТЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	166
Е.С. Тарасова	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КАК ИНСТРУМЕНТА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В НОВУЮ ЭПОХУ (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНСКО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА)	179

В.М. Топорова, Е.В. Корнева	
ЭМОТИКОН КАК ФОРМА СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ МЕТАКОГНИТИВНОЙ РЕФЛЕКСИИ.....	186
С.С. Шимберг	
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОНЛАЙН-ПРОЕКТ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ В ВУЗЕ	194
Ю. Г. Штых	
ДУХОВНЫЙ ОПЫТ ПУТЕШЕСТВЕННИКА В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ДЖАЛАЛ АЛЕ АХМАДА.....	200
А.А. Ядронова	
ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКОВ ВО ВРЕМЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ВЕДУЩИМИ КАНАЛАМИ ВОСПРИЯТИЯ.....	205
Е. Alekseeva	
LINGUOSTYLISTIC PERSPECTIVE OF ANGELA MERKEL'S PUBLIC SPEECH	210
У. Arsenyeva	
RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL EUPHEMISMS DENOTING MATERIAL WORLD.....	219
Н. Bochegova, V. Bologova	
COGNITIVE METAPHOR IN THE ENGLISH-LANGUAGE EDUCATIONAL DISCOURSE.....	224
Е. Borzova , М. Shemanaeva	
SOFT SKILLS AND INTERCULTURAL COMPETENCE INTEGRATED DEVELOPMENT IN UNIVERSITY FOREIGN LANGUAGE EDUCATION.....	230
Е. Buzalskaia	
MODERN METHODOLOGY OF SPEECH GENRE ANALYSIS: CORRELATION OF EUROPEAN AND RUSSIAN METHODS OF ANALYSIS	239
С.А. Cherkashina	
RUSSIAN-CHINESE CULTURAL CONTACTS IN NORTHEAST CHINA IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY.....	245
И. Chernysheva	
METAPHORICAL USE OF THE WORD CZAR DEPENDING ON THE CONTEXT OF THE COMMUNICATIVE SITUATION.....	255
Е. Chuksina	
THE REPRESENTATION OF THE FEAR CONCEPT IN THE ENGLISH GOTHIC NOVELS OF THE XVIII CENTURY AND IN THE STORIES BY EDGAR POE	259
К. Danilova, D. Vasileva	
SOCIAL NETWORKS' LANGUAGE AS AN INDICATIVE FACTOR OF AGGRESSIVE BEHAVIOR IN DIGITAL COMMUNICATION.....	268
А. Dediukhina, D. Lanskiikh	
STRATEGIES OF TRANSMITTING COMPONENTS OF MEANING AND CATEGORIES OF VALUE IN THE TRANSLATION OF POLITICAL NEOLOGISMS.....	272

A. Delva	
ONLINE TECHNOLOGIES USED FOR TRAINING TRANSLATORS IN THE CENTRE FOR INNOVATIVE EDUCATIONAL PROJECTS AT ST PETERSBURG STIEGLITZ STATE ACADEMY OF ART AND DESIGN	281
E. Denisenko	
TYPOLOGY OF RELEVANT READING EXERCISES IN AN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE COURSE IN MODERN	284
M. Dmitrieva	
GOSPEL HARMONY AS A TYPE OF TEXT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LINGUISTIC FEATURES OF THE OLD SAXON POEM «HELIAND».....	295
T. Dobrova, I. Grigoriev	
MULTICULTURALISM AS SOFT POWER THROUGH ESP FOR INTERNATIONAL RELATION STUDENTS: CASE STUDY	301
S. Gorbovskaia	
THE CONCEPT "DEPTH" IN MODERNISM AND METAMODERNISM FROM THE "HARDENED LAVA" OF MARCEL PRUST TO THE "PLASTER" OF ALI SMITH.....	305
L. Grigoryeva	
SCREEN ADAPTATION IN THE ASPECT OF TRANSLATION (ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN-LANGUAGE FILM «DIE WAND»)	310
A. Kashcheyeva	
ACADEMIC TEXT IN COGNITIVE-DISCURSIVE PARADIGM: RESEARCH PERSPECTIVES.....	316
O. Kharitonova, N. Trofimova	
THE DYNAMIC MODEL OF SENSE IN APPLICATION TO SYMPATHIC SPEECH ACTS.....	321
O. Khutoretskaia	
ON THE USE OF FUTUR ANTÉRIEUR AS AN EQUIVALENT OF PASSÉ COMPOSÉ IN THE CONTEMPORARY FRENCH MEDIA	328
Y. Konyaeva	
HUMOUR IN THE NEWS DISCOURSE AS THE INSTRUMENT OF DISCREDITATION	335
T. Kudelko	
METHODS AND APPROACHES OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES BY DIGITAL DIDACTICS (VIEWING THE MULTIMODAL DICTIONARY BASED ON THE STORIES OF HARRY POTTER)	340
A. Kuragina	
THE USE OF AUTHENTIC VIDEO SOURCES FOR THE DEVELOPMENT OF AUDITIVE SKILLS IN EFL CLASS WITH UNIVERSITY TEACHERS IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION.....	349
N. Kutafeva	
IMPORTANCE OF ZOOMORPHIC METAPHORS WHEN TEACHING JAPANESE.....	355
A. Kutimskaya	
MODERN GERMAN BANKING TERMINOLOGY: DIFFERENTIATION BETWEEN SYNONYMY AND VARIATION	361

E. Martinez	
“DAS HAUS WAR ZU GROß”: USING PAINTINGS TO TEACH CONTEMPORARY GERMAN LITERATURE TO INTERNATIONAL STUDENTS.....	364
E. M. Markova, A. G. Zaytseva	
INFLUENCE OF ENGLISH IN LEARNING RUSSIAN AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE IN THE SLAVIC AUDIENCE.....	370
E. Nikitina, M. Solovieva	
PETRARCHISM IN LOUISE LABÉ’S SONNETS: THE TRANSFORMATION OF MALE THEMES AND IMAGES UNDER THE PEN OF A WOMAN.....	376
N. Y. Osokina	
ON TRANSLATION OF THE INTENTIONAL SEMANTIC SHIFT IN THE VERB ‘TO BE’	384
I. Powkh	
ALTERNATIVE TRANSLATIONS OF TRADITIONAL IRISH SONGS INTO ENGLISH AS MANIFESTATIONS OF TRANSLATORS’ APPROACHES TO IRISH FOLK CULTURE	390
P. R. Rodríguez	
PRAGMATICS AND TRANSLATION: LINGUISTIC INTERFERENCE IN THE TRANSLATION PROCESS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE RUSSIAN-SPANISH COMBINATION	396
S. Rubtsova	
LINGUACULTURAL ASPECTS OF TEACHING ESP AND TRANSLATION FROM THE PERSPECTIVE OF INTERTEXTUALITY IN THE CONTEXT OF PLURICULTURALISM	401
R. Salakhova	
PECULIARITIES OF TRANSLATING DENOMINATIONS OF PERSONS AND INTERJECTIONS FROM THE TATAR INTO RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE WORKS OF F. YARULLIN)	408
I. Salamatina, T. Kovaleva	
TRENDS IN MODERN EDUCATION: THE PHENOMENON OF E-LEARNING	413
T. Sirotkina	
RUSSIAN LANGUAGE IN SLOVAKIA: FROM THE EXPERIENCE OF CREATING TEACHING AIDS.....	417
D. Starostin, E. Kuleshova	
CLAUDE DE SEYSSEL (1450-1520) AND THE DEVELOPMENT OF TRANSLATION PRACTICES IN FRANCE IN THE HUMANIST PERIOD.....	421
N. Stepanova	
THE FORMATION OF A TRANSLATOR’S INFORMATION RETRIEVAL COMPETENCE: CHALLENGES AND CHOICES.....	426
Sun Xiaoli	
FEATURES OF TRANSLATING CHINESE PRAGMATIC MARKERS 这个 ZHE GE AND 那个 NA GE INTO RUSSIAN (BASED ON PARALLEL LITERARY TEXTS).....	432
E. Varlamova, F. Sibgaeva, R. Latypov	
LINGUISTIC LANDSCAPE OF THE MULTILINGUAL CITY: TRANSLATION AND TRANSLANGUAGING.....	439

E. Vlasova	
EXAGGERATION IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF MODERN BRITISH AND AMERICAN NEWSPAPERS).....	444
A. Yakovlev	
LANGUAGE CONSCIOUSNESS: CONTENT, VOLUME AND APPLICATION FIELD	451
K. Zaides, D. Gorbunova, T. Popova, N. Bogdanova-Beglarian	
PRAGMATIC MARKERS AND PERSONALITY: APPROACHES TO ANALYSIS	457
N. Timko	
CULTURE-BOUND BARRIERS IN TRANSLATION. LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC ASPECTS	464

А.И. АНФИНОГЕНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ЭМОТИВНЫЕ КОНЦЕПТЫ BOREDOME/DEPRESSION И ИХ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ РЯДЫ

Данная статья посвящена лексико-семантическому анализу английских эмотивных лексем (ЭЛ), являющихся переводческими рядами (ПР) русских ЭЛ, употребляющихся в пьесах А.П. Чехова. В рассмотренных английских переводах трудности возникали при передаче на английский язык не только пословицы, идиомы, фразеологические обороты, фамилии героев, но и ключевые слова русской культуры <тоска/скука>. При передаче на английский язык русских лексем <тоска>, <грусть> и <скука> оригинальных текстов ни разу не встретился вариант <blues and woe>, который не является общеупотребительным для разговорного английского языка. А самыми частотными английскими ПР для передачи русского эмотивного концепта «тоска» являются <depression>, <boredom>. Анализ эмотивных концептов как важнейших компонентов языковой картины мира английского и русского языков позволит выявить некоторые общие и различающиеся черты английского и русского менталитетов.

Ключевые слова: языковая картина мира, синонимический ряд, английские переводческие ряды, эмотивные концепты

A. ANFINOGENOVA

St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

TRANSLATION VARIANTS OF ENGLISH WORDS REPRESENTING THE EMOTIVE CONCEPTS BOREDOME/DEPRESSION

The article deals with the lexico-semantic analysis of the English emotive concept 'depression' on the basis of English translations of plays by A. Chekhov's ('Ivanov', 'Three sisters', 'The Seagull', 'The Cherry orchard', 'Uncle Vanya'). The translations were made at different times by both famous and anonymous translators. The Russian lexemes 'toska/skuka/grust' are considered to play a pivotal role in Russian culture. The Russian lexemes 'depression /boredom/gloom/sadness/longing/misery' are the most frequently used for these. Analysis of the emotive concepts as the most important components of the linguistic picture of the world both English and Russian enables to determine some common and distinguishing features of English and Russian mentalities.

Key words: Linguistic picture of the world, basic emotions, English emotional lexemes, Russian concept 'toska/skuka'

В последние годы как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике особый интерес вызывает изучение семантики английских и русских эмотивных лексем (ЭЛ), т.е. лексем, выражающих различные эмоции и чувства человека. В этой связи можно, например, указать на работы В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресяна, Э. Вайганд, А. Вежицкой, Н.В. Дорофеевой, И.Б. Косицыной, В.М. Круглова, Е.В. Пичугиной, Н.А. Синтоцкой, О.Е. Филимоновой, В.И. Шаховского и А.Д. Шмелева.

Данная статья посвящена лексико-семантическому анализу английских ЭЛ, являющихся переводческими соответствиями (ПС) русских ЭЛ, употребляющихся в произведениях А.П. Чехова. Актуальность настоящего исследования определяется общей направленностью современной научной лингвистической парадигмы. Это лексико-семантический подход, позволяющий выявить тонкие смысловые различия между членами синонимического ряда, а также контрастивно-переводоведческий подход, позволяющий установить типы лексической вариативности в нескольких переводных текстах, соответствующих одному оригинальному источнику. Рассмотренный материал изучался с помощью методов лексико-семантического анализа, в том числе анализа словарных дефиниций. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования материалов и полученных выводов при подготовке лекций по лексикологии, спецкурсах по художественному переводу и контрастивной лингвистике.

Богатая эмотивная лексика в произведениях А.П. Чехова послужила материалом для данного доклада. Были выбраны 5 самых известных пьес А.П. Чехова: «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад» и 5 – 6 английских переводов каждой пьесы. Еще при жизни автора появились переводы некоторых его произведений на многие европейские языки – немецкий, французский, датский, чешский, греческий, английский. Многие его произведения, как рассказы, так и пьесы до сих пор переводятся по несколько раз разными переводчиками. Известный английский переводчик и драматург Том Стоппард в своем интервью так объясняет появление новых переводов пьес А.П. Чехова «В английском театре часто бывает, что режиссер хочет работать с собственным текстом. Это нетрудно понять: в таких случаях переводчик и пьеса становятся частью репетиций; можно задавать вопросы, вносить всевозможные поправки» [Стоппард].

Для данной статьи мы воспользовались переводами на английский язык, выполненными в начале XX (еще при жизни автора) и в середине XX века переводчиками, как известными (Elisaveta Fen, Marian Fell, Peter Carson, Ronald Hingley и др.), так и анонимными (т.к. издатели не указали имен переводчиков).

В настоящей статье рассматриваются способы переводы на английский язык русских эмотивных лексем, вербализующих концепты ТОСКА/СКУКА/ДЕПРЕССИЯ, представленных в пяти пьесах А.П. Чехова («Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад»); количество переводов каждой из пьес равняется пяти-шести). Важность концепта ТОСКА для русской языковой картины мира подчеркивалась в работах А. Вежицкой и А.Д. Шмелева. Так, например, А. Вежицкая писала, что тоска (наряду с понятиями судьба и душа) является одним из ключевых слов русской культуры [Wierzbicka 1992, p.31]. При этом, она приводит данные Кучеры и Френсиса, в корпусе которых, включающем миллион слов последовательного текста, представлены следующие наиболее близкие эквиваленты слова тоска: yearning - 14 словоупотреблений, longing - 12, boredom - 11 и melancholy - 9 [там же]. Как отмечает сама А. Вежицкая, поскольку все эти слова (за исключением boredom) не являются общеупотребительными в современном разговорном английском языке, скорее уместно сопоставить по смыслу русскую тоску с английскими словами sadness и sad. Необходимо отметить также определенную семантическую близость русских концептов ТОСКА и СКУКА. Так, например, в первом выпуске «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» лексемы скука и тоска рассматриваются в одной словарной статье [НОССРЯ 1999: 370].

Как представляется, рассмотрение данных нескольких переводов одного оригинального текста (в нашем случае – пьес Чехова) может позволить обнаружить степень семантической близости двух (и более) концептов. Прежде чем рассматривать английские переводные лексемы, вербализующие концепты boredom и depression необходимо выявить круг эмотивных концептов, входящих в английскую и русскую языковую картину мира. К. Изард вывел 11 базовых эмоций человека: интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, смущение (застенчивость), вина. Однако при детальном рассмотрении каждой из вышеприведенных базовых эмоций К. Изард сближает

с ними и ряд других эмоций, а именно: интерес - возбуждение, радость - удовольствие, удивление - изумление, печаль - горе - депрессия, страх – тревога [Изард 2000, p. 64]. Э. Вайганд приводит список из 43 эмоций. Она, в частности, пишет: “We will assume the following are candidates for basic emotions”: Anger, Joy, Happiness, Hope, Love, Tenderness, Sympathy, Care, Admiration, Fear, Pride, Self-confidence, Interest, Enthusiasm, Tension, Dissatisfaction, Desire, Jealousy, Envy, Seriousness, Compassion, Pain, Surprise, Respect, Remorse, Sadness, Unhappiness, Disappointment, Despair, Hatred, Antipathy, Disgust, Contempt, Courage, Shame, Embarrassment, Indifference, Boringness, Relaxation, Serenity, Satisfaction, Rejection, Magnanimity [Weigand 1998:49]. Можно отметить, что список из одиннадцати эмоций К. Изарда представляется явно недостаточным, тогда как список Э. Вайганда, включающий сорок три базовых эмоции, представляется существенно избыточным. В нашей работе для выделения базовых эмоций и классификации выражающих их русских (оригинальных) и английских (переводных) лексем мы использовали два критерия: во-первых - критерий количества русских ЭЛ, зафиксированных в оригинальном чеховском тексте пьес, и, во-вторых, критерий количества английских ЭЛ, соответствующих каждой русской лексеме оригинального (необходимо при этом отметить, что многие русские ЭЛ в разных переводах нередко переводились одинаковым образом).

Типы лексико-грамматических переводческих трансформаций рассматривались с различной степенью детализации в работах таких переводоведов как Л.С. Бархударов, В.С. Виноградов, Т.А. Казакова, В.Н. Комиссаров, А.В. Федоров, Все английские переводческие ряды (ПР) подразделены на три группы: 1) ПР с сохраненным частеречным (и/или синтаксическим) статусом, 2) ПР с измененным частеречным (и/или синтаксическим) статусом и 3) английские ПР, представляющие собой словосочетания, свободные и устойчивые обороты и высказывания с эмотивной семантикой.

Ниже мы рассмотрим случаи перевода русских ЭЛ, входящих в первую по численности группу, т.е. группу ЭЛ, вербализующих концепт ПЕЧАЛЬ/ТОСКА/ДЕПРЕССИЯ. В эту группу входят лексемы СКУЧНО (27 случаев употребления), СКУКА (21), СКУЧНЫЙ (12), СКУЧАТЬ (10), ТОСКА (24), ТОСКОВАТЬ (5), ПЕЧАЛЬНЫЙ (4), ПЕЧАЛЬНО (3), ПЕЧАЛЬ (1), МЕЛАНХОЛИЯ (3), МЕРЛЕХЛЮНДИЯ (2), ГРУСТНО (3), ГРУСТЬ (1), ХАНДРА (2), ХАНДРИТЬ (2), УНЫНИЕ (2) и некоторые другие РЛ (сплин, угнетенность, психопатия, киснуть). Подчеркнем, что однокоренные ЭЛ группы СКУКА (скучно, скучный, скучать) насчитывают 70 случаев употребления и занимают первое место в списке русских ЭЛ, существенно опережая все остальные группы ЭЛ, включающие однокоренные дериваты. Употребление лексем, репрезентирующих эмотивную цепочку «печаль-тоска-депрессия» было зафиксировано как в ремарках, так и в разговорной речи героев пьес. Приведем примеры параллельных переводов высказываний с ЭЛ, вербализующих рассматриваемый концепт.

(1) [Посмотрите, на что он похож: меланхолия, сплин, тоска, хандра, грусть... (Иванов, с. 222)] - Look at him: melancholy, bitterness, boredom, gloom, depression (PC, p. 8); Just look at him, the picture of melancholy, bitterness, anguish, depression, gloom (AD, p. 30); Just look at him - sour, depressed, gloomy, miserable (EF, p. 43); Look at the man - all that gloom, bad temper, wretchedness, moodiness, general misery (RH, p. 7); Look what a sight he is now: dull, cross, bored, peevisish (AT3);

(2) [С вами жить скучно и жутко (Иванов, с. 224)] - It's hideously boring to live with you (PC, p. 11); It's tiresome living with you, and painful (AD, p. 33); Living with you is so depressing and upsetting (EF, p. 45); It's dull and rather unwherving living in the same house as you (RH, p. 9); You are ... very tiresome and painful to live with (AT, p 5);

(3) [Какая скука! (Иванов, с. 230)] - What boredom! (PC, p. 17; AD, p. 39); Now depressing! (EF, p. 51); How boring (RH, p. 14); Oh, how lonely it is! (AT, p.8).

Авторы Англо-русского синонимического словаря выделяют 2 синонимических ряда (СР) эмотивных лексем-существительных. Основным значением, объединяющим (СР) Sadness -

melancholy - depression - dejection - gloom – blues, по мнению авторов Англо - русского синонимического словаря, является «отрицательное и эмоциональное состояние, вызываемое нежелательным субъекту событием, ожиданием такого события или какими-то неясными самому субъекту причинами и сопровождаемое утратой активности, грусть, печаль, меланхолия, депрессия, угнетенность, уныние, мрачность, хандра»; [АРСС, с. 364]; еще один СР эмотивных лексем-существительных *Sorrow - grief - heartache - anguish - woe* («отрицательная эмоция, вызываемая (крайне) нежелательным для субъекта событием, обычно трагическим или угрожающим нормальной жизнедеятельности субъекта или того, кто (что) является близким субъекту, печаль, грусть, тоска, уныние, горе, скорбь, страдание»; [АРСС, с. 403]. Значение эмотивных лексем этого ряда более эмоционально выражено и насыщено.

Как представляется, рассмотрение английских переводческих рядов, соответствующих каждой из русских ЭЛ оригинального текста, позволит лучше представить семантику переводных ЭЛ (а также сферу их семантического действия).

Переходя к рассмотрению переводческих рядов (ПР) английских ЭЛ, отметим, что в рассмотренных английских переводах двадцати четырех случаев употребления лексемы тоска и двадцати одного случая употребления лексемы скука (таким образом, общее количество переводов этих слов превышало 220) ни разу не встретился вариант *yearning*. Также в рассмотренных переводах лексем тоска, грусть и скука оригинальных текстов ни разу не был зафиксирован вариант *woe*, который не является общеупотребительным для разговорного английского языка. Был зафиксирован один случай употребления варианта *blues* в словосочетании «*have a fit of the blues*» для лексемы хандрить. Приведем ПР английских ЭЛ, соответствующих шести наиболее употребляющимся русским лексемам – скучно, скука, скучный, скучать, тоска, тосковать.

ПР английских ЭЛ, соответствующих лексеме СКУЧНО: *be/get bored* (46 случаев употребления), *boring* (31), *a bore* (10), *to bore* (7), *tiresome* (9), *dull* (8), *tedious* (5), *be/get tired of* (3), *depressed* (3), *depressing* (2), *dreary* (1). ПР с сохраненным частеречным статусом составляют девять лексем - *boring* (31 словоупотребление), *tiresome* (9), *dull* (8), *tedious* (5), *depressing* (2), *unnerving* (1), *tediously* (1) - *foolishly* (1) - *dreary* (1), например:

(4) [С вами жить скучно и жутко (Иванов, с. 224)] - *It's hideously boring to live with you* (PC, p. 11); *It's tiresome living with you, and painful* (AD, p. 33); *Living with you is so depressing and upsetting* (EF, p. 45); *It's dull and rather unnerving living in the same house as you* (RH, p. 9); *You are ... very tiresome and painful to live with* (AT3);

(5) [(Иванов Саше на вопрос «Что вы сегодня такой скучный?») -- [Голова болит, Шуручка,] да и скучно... (Иванов, с. 245)] - *and besides, I'm depressed* (AD, p. 57; EF, p. 70); (KC, p.); *and I'm bored* (PC, p. 34; RH, p. 28); *and then I feel bored* (AT3).

ПР с измененным синтаксическим статусом представлены 11 вариантами, зафиксированными 76 раз, и могут быть двух типов:

а) глагольные ПР: - *be/get/feel bored* (46 случаев употребления); - *to bore* (7), *be lonely* (3), *get tired of* (3), *miss* (3), *be depressed* (2), *entertain* (1);

б) именные ПР: *a bore* (10) - *boredom* (1).

Четыре ПР, представляющие собой устойчивые обороты (употребленные по одному разу), включают следующие варианты: *keep her company*, *be not a pleasant subject*, *have enough of*, *get on one's nerves*, например:

(6) [(Шабельский Иванову) Ты оставляешь меня дома, чтобы ей не было одной скучно (Иванов, с. 227)] - *You leave me at home so she won't be lonely* (AD, p. 36); *You leave me at home to keep her from getting bored* (EF, p. 49); *You leave me at home so she isn't bored alone* (PC, p. 14); *You leave me here to keep her company* (RH, p. 12); *You leave me at home to entertain Anna* (AT3).

ПР английских ЭЛ, соответствующих лексеме СКУКА: *boredom* (62), *be/get bored* (15), *boring* (11), *a bore* (3), *dullness* (3), *dull* (2), *tedium* (4), *depressing* (1). При передаче данной

лексемы на английский язык незначительно преобладает ПР с сохраненным частеречным статусом: boredom (62 случая употребления из 112) включают также следующие ПР этой группы: tedium (4), a bore (3), dullness (3), weariness (1), indifference (1), restlessness (1), loneliness (1). ПР с измененным синтаксическим статусом, зафиксированные в рассматриваемых переводах 18 раз, включают boring (11 словоупотреблений), а также dull (2), depressing (1), lonely (1), deadly (2), vexed (1). В группу ПР фраз, включающих лексику СКУКА, входят обороты be bored/get bored (15 употреблений), а также прилагательные конструкции с временной семантикой, употребленные по одному разу: when you've nothing to do (1), when you're at a loose end (1), when you've got a spare moment (1).

[Какая скука! (Иванов, с. 230)] - What boredom! (PC, p. 17; AD, p. 39); How boring (RH, p. 14); It's so boring! So boring! (PC, p. 39); What a bore. Oh, what a bore ... (RH, p. 32);

ПР английских лексем ЭЛ, соответствующих лексеме СКУЧНЫЙ: boring (22), a bore (3), bored (1), dull (16), tiresome (10), depressed (6), tedious (4), sad (3), dreary (2), weary (1), sullen (1). ПР с сохраненным частеречным статусом составляют 22 лексемы, которые были употреблены 80 раз. Группа ПР этого типа включает следующие варианты с сохраненным частеречным статусом: - boring (22), dull (17), tiresome (10), depressed (6), depressing (2), tedious (4), sad (3), dreary (2), bored (1), moody (1), grim (1), austere (1), bad-tempered (1), drab (1), awful (1), monotonous (1), abysmal (1), stupid (1), unfortunate (1), wretched (1), weary (1), sullen (1), например:

(8) [(Саша Иванову) Что вы сегодня такой скучный? (Иванов, с. 245)] - Why are you so sad today? (AD, p. 57; EF, p. 70); Why are you so boring today? (PC, p.34);

ПР с измененным синтаксическим статусом одно - a bore (3 словоупотребления). ПР, входящих в устойчивые обороты и высказывания, нет.

ПР английских лексем ЭЛ, соответствующих лексеме СКУЧАТЬ: be/get bored (34), boring (3), miserable (5), be/feel lonely (4), dull (1), sad (1). В данной группе также отмечается незначительное превосходство ПР с сохраненным синтаксическим статусом (10 - be/get/feel bored (34 случая употребления), be/feel lonely (4), yearn for (1), long for (1), more (1), amuse (1)) над ПР с измененным синтаксическим статусом (7 - miserable (5), boring (3), dull (2), sad (1), peevish (1), weary (1), dismal (1)). При этом, отмечены два ПР, являющиеся устойчивыми оборотами: be fed up (1), keep her company (1), например, [Устройте что-нибудь, а то все соскучились (Иванов, с. 245)] - Let's get something going, otherwise everyone will be bored (AD, p. 57); Do let's arrange something, please, everybody's feeling bored (EF, p.69); Do organize something, we're all bored (PC, p. 33-34; RH, p. 28; AT3);

ПР английских лексем ЭЛ, соответствующих лексеме ТОСКА. ПР с сохраненным частеречным статусом составляют 15 лексем и одно словосочетание, которые употреблены 77 раз и включают следующие варианты: - depression (24), boredom (17), anguish (7), longing (6), sadness (5), misery (4), melancholy (2), despair (2), fit (2), mental pain (2), anxiety (1), grief (1), sorrow (1), unhappiness (1), wretchedness (1), craving (for) (1), например:

[Посмотрите, на что он похож: меланхолия, сплин, тоска, хандра, грусть... (Иванов, с. 222)] - Look at him: melancholy, bitterness, boredom, gloom, depression (PC, p. 8); Just look at him, the picture of melancholy, bitterness, anguish, depression, gloom (AD, p. 30); Just look at him - sour, depressed, gloomy, miserable (EF, p. 43); Look at the man - all that gloom, bad temper, wretchedness, moodiness, general misery (RH, p. 7); Look what a sight he is now: dull, cross, bored, peevish (AT3).

Группа ПР с измененным частеречным статусом включает 14 вариантов, которые употреблены 24 раза, и содержит четыре группы слов:

- а) причастные формы: depressed (6 словоупотреблений), anguished (voice) (2);
- б) глагольные формы: - to bore (2), urge (1), get down (1), cheer up (1), miss (1);
- в) прилагательные: miserable (1), sad (2), wretched (1);
- г) наречия: miserably (3), wretchedly (1), plaintively (1), despairingly (1).

Группа ПР, представляющих собой устойчивые обороты, составляет 9 единиц: be depressed (8 случаев употребления), be bored (2), get bored (2), be fed up (1), get fed up (1), make sb. miserable (1), be as dull as ditchwater (1), sheer hell (1), in an agonized voice (1), например:

(11) [(Иванов - Саше) Ныть, петь Лазаря, нагонять тоску на людей (Иванов, с. 278)] - Whining, playing Lazarus, boring everyone to death ... (AD, p. 95); Whining and playing the poor Lazarus and making everyone miserable with your anguish (EF, p. 108); To whine, to be sorry for myself, to bore people ... (PC, p. 73); Moaning and groaning, whining, making people's lives a misery ... (RH, p. 58).

ПР английских лексем ЭЛ, соответствующих лексеме ТОСКОВАТЬ: Было зафиксировано 15 вариантов, из которых 10 – это ПР с сохраненным синтаксическим статусом (get depressed (7), be depressed (4), be sad (2), feel sad (1), be unhappy (1), feel unhappy (1), grieve (2), regret (2), long for (1), pine (1)), единственный ПР с измененным (адвербиальным) синтаксическим статусом: longingly (1). В группу ПР этой русской ЭЛ входят также следующие обороты: with intense longing (3 случая употребления), overcome by longing (1), alone in her misery (1), to get sb. down (1).

[(Треплев Аркадий о Сорине) Тоскует (Чайка, с. 458)] - He gets depressed (AD, p. 143; EF, p. 157; KC, p. 70; PC, p. 116-117);

[Ирина (тоскует) (Три сестры, с. 570)] - [with longing] (AD, p. 278); [with intense longing] (EF, p. 293; RH, p. 207); [longingly] (KC, p. 129); [overcome by longing] (PC, p. 243);

Необходимо указать, что для слова тоска зафиксировано значительно большее количество переводческих вариантов (также - mental pain, despair, wretchedness, craving (for), urge, anxiety unhappiness, sorrow, grief, fit и др.), тогда как для скуки - только loneliness, indifference, depressing. Таким образом, общим переводным эквивалентом для большинства рассматриваемых русских лексем являются дериваты boredom и depression, которые по праву могут быть признаны знаками всего рассматриваемого концепта. Что же касается дериватов русских имен тоска и скука, то напомним, что в рассмотренных пьесах А.П. Чехова отмечено пять случаев употребления глагола тосковать (при отсутствии прилагательного тоскливый/-ая/-ое и наречия тоскливо), тогда как скуке соответствует 27 случаев употребления прилагательного скучный/-ая/-ое и 10 случаев употребления глагола скучать.

Анализ английских переводческих соответствий по методу ПР позволяет существенно дополнить лексико-семантическую картину, поскольку он позволяет учитывать «квази-переводческие» соответствия лексем оригинала, обусловленные вкусами и интерпретацией конкретного переводчика, рассматривать различные контекстные (синтаксические и семантические) факторы, приводящие к смене частеречной принадлежности переводческого соответствия, а также принимать во внимание разнотипные словосочетания (как свободные, так и устойчивые) соответствующие эмотивным лексемам оригинального текста.

Источники материала

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 томах. Том 9 (Пьесы). М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1963. 711 с.

Сокращения

AD - Chekhov's major plays. New York. 1964 (Translated by Ann Dunnigan)

EF - Anton Chekhov. Plays. Penguin Books. 1959 (Translated and with an Introduction by Elisaveta Fen)

MF - Anton Chekhov. The Sea Gull. Dover Publications, Inc. New York. 1999 (Translated by Marian Fell)

KC - Anton Chekhov. Selected Works in Two Volumes. Volume Two. Plays. Moscow. 1973 (Translated from the Russian by Kathleen Cook)

PC - Anton Chekhov. Plays. Penguin Books. 2002 (Translated with Notes by Peter Carson)

- RH - Anton Chekhov. Five Plays. Oxford World's Classics. 1965 (Translated and with an Introduction by Ronald Hingley)
- AT1 - Anton Chekhov. The Three Sisters. Dover Publications, Inc., New York. 1993. Editor of the Volume: Philip Smith.
- AT2 - Anton Chekhov. Uncle Vanya. Dover Publications, Inc., New York. 1998. Editor of the Volume: Kathy Casey.
- AT3 - Ivanoff [Электронный ресурс] URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/1755>

Словари

- Анфиногенова А. И. Русско-английский словарь эмотивных лексем (на материале пьес А.П.Чехова). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. 138 с.
- Апресян Ю.Д., Ботякова В.В., Латышева Т.Э., Мосягина М.А., Полик И.В., Ракитина В.И., Розенман А.И., Сретенская Е.Е. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под рук. А.И. Розенмана и Ю.Д. Апресяна. М., 1979.

Литература

- Анфиногенова А.И. Вариативность эмотивных лексем в английских переводах пьес А.П.Чехова. Автореф... канд.филол. наук. СПб., 2006.
- Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Том II. М., 1995. С. 453-465.
- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
- Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 2002.
- Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 2000.
- Косицына И.Б. Лексико-семантическое поле «Положительные эмоции» в английском языке (текстоцентрический подход). Автореф... канд. филол. наук. М., 2004.
- Круглов В.М. Имена чувств в русском языке XVIII века. СПб., 1998.
- Пичугина Е.В. Когнитивная организация и прагматическая реализация концепта FEAR. Автореф... канд.филол. наук. СПб., 2002.
- Стоппард Т. Переводить Чехова – одно удовольствие. [Электронный ресурс] URL: https://www.bbc.com/russian/entertainment/2009/07/090720_stoppard_chekhov.
- Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. СПб., 2001.
- Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград. 1983.
- Weigand, E. The Vocabulary of Emotion. A contrastive analysis of ANGER in German, English and Italian // Contrastive Lexical Semantics. John Benjamins. 1998. P. 45-66.
- Wierzbicka, A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York-Oxford. Oxford University Press. 1992.

References

- Anfinogenova A. (2006) Variativnost' emotivnykh leksem v anglijskikh perevodakh p'esh A.P.Chekhova (Variability of emotive lexemes in English translations of Chekhov's plays). Avtoref... kand.filol. nauk. SPb. (in Russian).
- Apresyana V., Apresyana Yu. (1995) Metafora v semanticheskom predstavlenii emocij // Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. Izbrannye trudy (Metaphor in the semantic representation of emotions // Integral language description and system lexicography). Tom II. M. P. 453-465 (in Russian).

- Vezhbickaya A. (1996) Yazyk. Kul'tura. Poznanie (Language. Culture. Cognition). M. (in Russian).
- Vezhbickaya A. (2001) Sopotavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki (Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics). M. (in Russian).
- Dorofeeva N. (2002) Udivlenie kak emocional'nyj koncept (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) (Surprise as an emotional concept (based on the material of Russian and English). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd. (in Russian).
- Izard K. (2000) Psihologiya emocij (Psychology of emotions). SPb. (in Russian).
- Kosicyna I. (2004) Leksiko-semanticheskoe pole «Polozhitel'nye emocii» v anglijskom yazyke (tekstocentricheskij podhod) (Lexico-semantic field "Positive emotions" in English (text-centric approach). Avtoref... kand. filol. nauk. M. (in Russian).
- Kruglov V. (1998) Imena chuvstv v russkom yazyke XVIII veka (Names of feelings in the Russian language of the XVIII century). SPb. (in Russian).
- Pichugina E. (2002) Kognitivnaya organizaciya i pragmaticheskaya realizaciya koncepta FEAR (Cognitive organization and pragmatic implementation of the FEAR concept). Avtoref... kand. filol. nauk. SPb. (in Russian).
- Stoppard T. (2001) Perevodit' Chekhova – odno udovol'stvie (Translating Chekhov is a pleasure). [Elektronnyj resurs] URL: https://www.bbc.com/russian/entertainment/2009/07/090720_stoppard_chekhov (in Russian).
- Filimonova O. YAzyk emocij v anglijskom tekste (The language of emotions in the English text). SPb. (in Russian).
- Shahovskij V.I. (1983) Emotivnyj komponent znacheniya i metody ego opisaniya (Emotive component of meaning and methods of its description). Volgograd. (in Russian).
- Weigand, E. (1998) The Vocabulary of Emotion. A contrastive analysis of ANGER in German, English and Italian // Contrastive Lexical Semantics. John Benjamins, pp. 45-66.
- Wierzbicka, A. (1992) Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York-Oxford. Oxford University Press.

УДК 81-23

И.Б. БАЛАШОВ

Санкт Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Г. ГОРИНА

НИУ «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ПРОБЛЕМАТИКА ХЕДЖИРОВАНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

Статья рассматривает коммуникативную стратегию хеджинга в контексте межкультурного общения и её незаменимости при ведении международного диалога. Уделяется внимание дефиниции лингвистического явления хеджинга; делается обзор трактовок стратегий, оформляемых средствами хеджирования, в научной литературе. Приводится таксономия лингвистических манифестаций хеджирования на основе новой корпусной грамматики английского языка. Даются примеры хеджирования из Британского национального корпуса, относящиеся к сферам международных отношений. Кроме того, подчёркивается важность включения средств хеджинга в программу обучения

иностранным языкам специалистов-международников. Отмечается, что сопоставление средств хеджирования в русском и английском языках затруднено для обучаемых размытостью таксономий, а также тем, что хеджинг проявляет себя на разных лингвистических уровнях в русском и английском языках. Существует разница между необходимым и достаточным количеством хеджирования в разных лингвокультурных традициях.

Ключевые слова: хеджинг, хеджирование, коммуникативная стратегия, смягчение, дистанцирование, международное общение.

I. BALASHOV

St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

O. GORINA

Higher School of Economics National Research University
St Petersburg, Russian Federation

PROBLEMS OF HEDGING IN INTERCULTURAL CONTEXT OF INTERNATIONAL COMMUNICATION

The article examines the communicative strategy of hedging in the context of intercultural communication and its indispensability in conducting an international dialogue. Attention is paid to the definition of the linguistic phenomenon of hedging; an overview of the interpretations of strategies formed by means of hedging in the scientific literature is given. The taxonomy of linguistic manifestations of hedging based on the New Corpus grammar of the English language is given. Examples of hedging from the British National Corpus related to the spheres of international relations are given. In addition, the importance of including hedging funds in the foreign language training program for international specialists is emphasized. It is noted that Russian and English languages make it difficult for trainees to compare hedging tools due to the blurring of taxonomies, as well as the fact that hedging manifests itself at different linguistic levels in Russian and English. There is a difference between the necessary and sufficient amount of hedging in different linguistic and cultural traditions.

Key words: hedging, communication strategy, mitigation, distancing, international communication.

Введение

На сегодняшний день стратегия хеджинга является одной из ключевых в ведении академического дискурса в большинстве гуманитарных дисциплин. Слово «хеджирование» (от англ. hedge, hedging) в буквальном смысле обозначает «расплывчатая речь» (англ. vague language) или «осторожная речь» (англ. cautious language) [Carter, McCarthy 2011]; таким образом, хеджинг оформляет коммуникативную стратегию снижения безапелляционности высказывания.

Важность хеджинга в современной науке, а также его практическое применение в контексте академического и профессионального диалога проистекает из того, что его основу составляют, в первую очередь, обмен точками зрения и выводы, сделанные на основе фактологических данных. К таким дисциплинам относятся и международные отношения, и лежащие с ними в одной плоскости глобальная политика и дипломатия. В реальности одним из наиболее важных аспектов этой области является, в соответствии с теорией коммуникативного действия, коллективный поиск решения проблем регионального и глобального масштаба посредством диспута и дискурса [Habermas 1981]. С учётом этого язык вероятностей, или коммуникативная стратегия ограничения

категоричности, которым и является хеджинг, принимает первостепенное значение в ведении продуктивного диалога.

В последние годы концепция хеджирования действительно заняла видное место в дискурсе международных отношений. Это в первую очередь связано с возникновением на международном пространстве проблем нового характера, требующих выработки коллективных решений с применением многостороннего диалога [Ciorciari 2019]. В эпоху холодной войны лингвополитологическим подходам в дипломатической практике уделялось мало внимания, в то время как XX столетие в лингвистике прошло под знаком отрицания языкового употребления как значимого объекта научного исследования [Кибрик 2003]. Первые реальные теории о коммуникативном взаимодействии в международной политике оформились лишь к концу 1980-х гг. Одной из первых стратегий коммуникативного взаимодействия и был хеджинг.

Однако следует обратить внимание на негативную сторону недооценки хеджирования в международном дискурсе. Вместе с тем хеджинг может являться серьёзным коммуникативным барьером, так как является продуктом западной и в особенности англосаксонской языковой культуры. При изучении лингвистической литературы, в той или иной степени затрагивающей стратегии хеджинга, их осознание становится особенно важным [Vetrova 2012]. Абсолютное большинство исследований стратегий «смягчения» речевого материала опубликованы на английском языке. Кроме того, высказываются предположения о том, что в русском языке и русскоязычной культуре средства хеджирования, возможно, менее распространены [Ларина 2009] и существенно отличаются от средств, используемых в западных культурах – как в синтаксическом, так и в семантическом плане [Марюхин 2008]. Таким образом, проблематика хеджирования является новым важным направлением изучения характера межкультурного взаимодействия в международных отношениях.

Хеджирование: дефиниции

Хеджинг, или хеджирование, имеет множество определений и синонимов в современной лингвистике. В англоязычной литературе хеджи как элементы лексики классифицируются по своему значению следующим образом: speech material approximator; modal constructor (модальное конструирование); possibility emphatic (выделение степени вероятности); validity marker (маркер валидности речевого материала); certainty attributor (определитель степени уверенности); politeness marker (маркер вежливости); downtoner [Fraser 2007].

Хеджирование также рассматривается как лингвистическое понятие, включающее в себя в т.ч. такие синтаксические элементы, как смягчение каузальности, косвенность, осторожность и неопределенность [Channel 1994].

Все эти характеристики дают основы понимания задач, которые выполняет коммуникативная стратегия хеджинга: она придаёт материалу расплывчатость, снижает категоричность утверждений, акцентирует внимание на критической оценке достоверности пропозиции, демонстрирует неполную уверенность спикера и вместе с тем его открытость к диалогу/дискуссии.

Наиболее общо хеджинг можно дефинировать как стимулирование кооперативной тональности языка, которая в основном реализуется за счёт модальных и пассивных конструкций, простых временных форм и других модификаторов [Марюхин 2010]. Значительная роль в реализации хеджинга отводится наречиям и наречным конструкциям, tentативной модальности, а также уточняющим, вводным, вставным и другим конструкциям.

Для реализации стратегии хеджинга применяются следующие основные языковые приёмы, которые мы рассмотрим на примере английских предложений из новой корпусной грамматики английского языка (Carter, McCarthy), а также Британского национального корпуса (Британский корпус)

наречные и предложные конструкции: *apparently, likely, seemingly, normally, surely, evidently, typically, probably, as a rule, in a way, more or less, in principle, in some senses и подобные им;*

перенос деятеля в пассивных предложениях с формальным подлежащим *it*;

обобщение субъекта в предложении при помощи подлежащего *one*;

ограничение возможности или степени вероятности с помощью модальных глаголов в функции предположения *may (might), can (could), shall (should), will (would)*;

намеренное преуменьшение категоричности и точности при помощи слов и лексических пучков [Biber et al. 1999], или кластеров [Петрова 2011]: *a kind of, a bit of, a little, something, somewhat, slightly, just*.

Необходимо отметить, что конечными целями применения стратегии хеджинга в англоязычной среде на основе трактовок разных авторов являются:

«Сохранение лица» в рамках положительной прагматики интерперсонального взаимодействия. Это понятие тесно связано с теорией вежливости Браун – Левинсона. Согласно данной теории роли в диалоге (или полилоге) рассматриваются в терминах «позитивного» и «негативного» лица коммуникантов. При сохранении позитивного лица коммуникантов (используются позитивные хеджи) наблюдается стремление к выгоде от переговоров и сохранению хороших отношений, позиционирование собеседника как ценного участника диалога, что ведёт к успешной коммуникации; сохранение негативного лица коммуникантов (используются негативные хеджи) манифестируется как стремление сохранить независимость своих взглядов и решений [Brown, Levinson 1987].

Дистанцирование от обсуждаемого/излагаемого материала (минимизация степени ответственности говорящего). Участники диалога допускают возможность перехода собеседника (или оппонента) к «негативному поведению», для того чтобы оставить пространство для его личной автономии, признать его независимость и право на другую точку зрения. Дистанцирование полезно также и при «угрожающем негативному лицу речевом акте», когда собеседнику/оппоненту, играющему роль негативного лица делается настойчивое предложение или просьба объяснить свою точку зрения [Ларина 2009]. Например: *It would make sense for you to explain your point of view. It might be beneficial for us to listen to your counter-suggestion.*

Манифестация неполной проработки проблемы при предъявлении нового знания. В академических текстах хеджинг часто применяется в исследованиях, представляющих новизну. Хеджирование используется в качестве маркировки недостаточной или незавершенной обработки знаний, а также в качестве меры предосторожности на пути изменения текущего уровня знаний в дисциплине или ее подразделе [O’Keeffe et al. 2007]. В практической области международных отношений хеджинг используется на вводных раундах переговоров, поскольку обсуждаемая проблема представляется новой, а участники переговоров не обладают уверенностью в том, какие решения должны быть приняты.

«Подстраховка» (демонстрация неуверенности). Хеджинг также выступает в роли «подстраховки», поскольку эта стратегия, переводя характер речи из утвердительного в вероятностный, помогает избежать абсолютизации трактовок и как следствие обвинений в необоснованных обобщениях. В академическом дискурсе «подстраховка» помогает оформить стратегию защиты от потенциальной критики [Crystal 1988]. В дипломатических переговорах или на международных конференциях высшего уровня хеджирование сохраняет открытость политика к новым предложениям по решению проблем, но в то же время делает его позицию формально менее твёрдой и «правильной», чем позиции остальных участников диалога.

Хеджирование в русскоязычном академическом и международном дискурсе

Несмотря на то, что сопоставление целей и частотности англоязычного и русскоязычного хеджирования представляет собой проблему в силу размытости таксономий хеджинга, в последнее время внимание к исследованию и сопоставлению хеджирования растёт и в

русскоязычной литературе. Публикуется всё большее количество научных работ, частично или полностью посвящённых хеджингу на основе Русского национального корпуса. Это свидетельствует о том, что понятие ещё недостаточно глубоко изучено в русскоязычном академическом дискурсе.

Основная проблема исследования хеджинга заключается в том, что хеджинг, вероятно, не является одним из важнейших элементов в русскоязычной культуре, каким он является для британской (и в целом англоязычной) культуры. Этот вывод можно сделать на нескольких основаниях.

Во-первых, в русском языке нет такого богатства выражений, «смягчающих речь» и ограничивающих категоричность высказывания. Наиболее распространенные языковые средства, которые действуют как модификаторы языка, включают модальные наречия, частицы, модальные глаголы, модальные предложения и даже модальные обращения, средства персонализации, а также метакоммуникативные и паралингвистические приёмы: паузы, прерывание собеседника, обмен коммуникативными ролями, скорость говорения, громкость и тембр голоса [Глушак 2008, с. 16-18]. Однако такие термины в русскоязычном лингвистическом пространстве практически употребляются в других значениях и заменяются терминами «вводные слова», «вводные конструкции». В русском языке не существует безличного местоимения, которое присутствует в большинстве языков, относящихся к западным культурам, и выполняет функцию переноса актора на неопределённое, зачастую собирательное лицо [Виноградов 1986, VII.IV, §1]. Наконец, в научной среде до сих пор не произведена классификация хеджинговых средств русского языка – при этом очевидно, что полностью перенять аналогичную типологию из английского языка невозможно. Возможности создания такой классификации заслуживают рассмотрения в отдельной работе.

Во-вторых, восприятие модусных средств, снижающих категоричность в русском языке как русскоязычной, так и зарубежной аудиторией, неоднозначно [Порублева 2017]. Носитель русского языка зачастую не замечает применения хеджирования или же не воспринимает его как средство дистанцирования спикера (автора) от излагаемого им материала. Например, такие слова и выражения, как «полагаю, считаю, боюсь, сомневаюсь», являющиеся аналогом хеджирования в зарубежных культурах, воспринимаются часто как недостаток говорящего. Можно сказать, что неуверенность спикера в русскоязычной среде играет против него самого. Зарубежная аудитория может перцепировать излишнюю прямоту выражений русской речи по причине неправильного перевода, так как хеджирование в русском языке может манифестироваться уже на морфологическом уровне [Горина, Храброва 2017].

В-третьих, значительную роль играет позиция современной России в международном диалоге. Во многих странах тренды выступления перед международной аудиторией задаёт повестка внутривластного и дипломатического дискурса представителей правительства и представительных органов власти. Такая же ситуация складывается и в России. Характерными чертами риторики современных российских политиков являются уверенность, последовательность в защите своих позиций, ясность, хладнокровие, компромиссность только при отсутствии противоречий с заданной целью и настойчивость при защите интересов государства [Ардаева 2018]. К таким политикам относятся министр иностранных дел РФ С.В. Лавров и спикер МИД РФ М.В. Захарова. К использованию хеджей чаще прибегают лидеры думских фракций КППРФ и ЛДПР и Г.А. Зюганов и В.В. Жириновский [Пастухова 2018], однако и их стратегия хеджинга с учётом метакоммуникативных средств выражена слабо.

Вспомним отрывок из знаменитой речи В.В. Путина, произнесённой им на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г.: «...Однополярный мир... означает на практике только одно: один центр власти, один центр силы... Это мир одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри. И это ничего общего

не имеет, конечно, с демократией» (Официальный сайт Кремля). Отсутствие хеджей в речи Путина могло, с одной стороны, впервые за 15 лет вернуть Россию в число активных акторов на международной арене, с другой стороны, убрать Путина из списка, приглашённых на Мюнхенскую конференцию, возможно, на много лет вперёд. Впоследствии в прессе выступление Президента РФ в Мюнхене освещалось под такими заголовками, как «Россия начинает сопротивление» (Institut Montaigne), «Путин сделал Россию одинокой державой» (Carnegie Endowment), «Жёсткая речь Путина воспринимается в Европе как провал» (New York Times). Это отражает однозначно негативное восприятие чрезмерно информативных и не сглаженных формулировок российского лидера за рубежом.

Заключение

Таким образом, хеджинг является важной составляющей изучения практически любого межкультурного диалога. Поскольку между англосаксонской и русской языковыми культурами в области хеджирования обнаруживается недостаточная изученность связей и отсутствие чётких сопоставлений, в российских учебных заведениях следует внедрить изучение стратегий «смягчения» и «дистанцирования» при изучении иностранного языка наряду с другими обязательными элементами. Эта идея уже неоднократно звучала возникла в российской академической среде. Более того, был предложен план систематической реализации этих идей: в 2019 г. была опубликована научная работа о лингвокультурном подходе в преподавании языков [Щегорцова и др., 2019], включающая в себя не только собственно исследование данного подхода, но и предложения по её реализации. Особенно важно, что данное исследование было проведено обучающимися и сотрудниками педагогического университета (МГПУ).

Однако, вероятно, наиболее важным на современном этапе является внедрение культуры хеджирования в процесс изучения языков и страноведения (регионоведения) в российских вузах, специализирующихся на международных отношениях и сферах, лежащих с данной дисциплиной в одной плоскости. В первую очередь, это важно для студентов, готовящихся стать переводчиками, сотрудниками PR- и IR-отделов международных компаний (т.е. обучающихся на факультетах международных отношений, перевода и переводоведения, менеджмента, связей с общественностью, внешних связей и пр.), которые в реализации своей профессиональной деятельности должны проявлять дипломатичность, гибкость, учтивость, сохранять своё лицо и лицо организации, которую они представляют. Эти цели могут быть достигнуты в том случае, если программы подготовки специалистов уделяют существенное внимание повышению осознания стратегических задач хеджинга.

Источники

Британский корпус (<https://www.english-corpora.org/bnc/>)
Официальный сайт Кремля <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

Литература

- Biber, D., et al. (1999) Longman Grammar of Spoken and Written English. S. 1: Pearson Education Limited.
- Brown, P. & Levinson St. (1987) Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge University Press. February.
- Carter, R. & McCarthy, M. (2011) Cambridge Grammar of English: A comprehensive guide: Spoken and Written English Grammar and Usage. Cambridge Uni. Press.
- Channel, J. (1994) Vague language. Oxford University Press.
- Ciorciari, J. (2019) Hedging in International Relations: An Introduction // International Relations of the Asia-Pacific, Volume 19, Issue 3, September.
- Crystal, D. (1988) On Keeping One's Hedges in Order // English Today. Vol. 4. No. 3 (15).

- Fraser, B. (2007) Hedging in political discourse. *Semantic Scholar*.
- Habermas J. (1981) *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 1–2. Fr./M.
- Lackoff, G. (1973) Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Journal of Philosophical Logic*. – pp. 458–508.
- O’Keeffe, A., et al. (2007) *From Corpus to Classroom: language use and language teaching*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Vendler, Z. (1976) *Illocutionary suicide*. Yale University Press.
- Vetrova, O.G. (2012) The Culture of Scientific Communication: Hedging in Academic Discourse // *Problems of Modern Philology, Pedagogics and Psychology: Materials of the XXV International Conference*. London. – pp. 120-121.
- Ардаева Н.В. Дипломатический и политический дискурс. *Латинская Америка* // *Власть*. 05.2018. – с. 114–117.
- Виноградов В.В. *Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов/Отв. ред. Г.А. Золотова*. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
- Глушак В.М. Хеджинг как одно из составляющих эпистемической модальности / *Язык и коммуникация в контексте культуры*. – Рязань: Рязанский государственный университет. Рязань: РГУ, 2008. С. 16–18.
- Горина О.Г., Храброва В.Е. Linguistic Hedging as a Communicative Strategy // *Вестник НГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017, 15(№3), с. 44–53.
- Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Ин-т языкознания РАН. – Москва, 2003. – 90 с.
- Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
- Марюхин А.П. «Hedging (Hecke)» – новая семантическая категория? // *Сибирский филологический журнал*. 2008.
- Марюхин А.П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков) дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Ин-т языкознания РАН. – Москва, 2010. – 166 с.
- Пастухова О.Д. Способы выражения хеджирования в российском политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 5 (71) 2018. – с. 95–100.
- Петрова Е.С. Сопоставительная типология английского и русского языков: Грамматика. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Академия, 2011. 368 с.
- Порублева И.С. Модусные средства снятия категоричности в русском языке // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 2017.
- Щегорцова Е.А., Омарова А.И., Луткова Е.С. Лингвокультурологический подход на уроках английского языка // *Наука в мегаполисе*. №4(12). Опубликовано: 06 июня 2019.

References

- Biber, D., et al. (1999) *Longman Grammar of Spoken and Written English*. S. 1: Pearson Education Limited.
- Brown, P. & Levinson St. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. – Cambridge University Press. February.
- Carter, R. & McCarthy, M. (2011) *Cambridge Grammar of English: A comprehensive guide: Spoken and Written English Grammar and Usage*. Cambridge Uni. Press.
- Channel, J. (1994) *Vague language*. Oxford University Press.
- Ciorciari, J. (2019) Hedging in International Relations: An Introduction // *International Relations of the Asia-Pacific*, Volume 19, Issue 3, September.
- Crystal, D. (1988) On Keeping One’s Hedges in Order // *English Today*. Vol. 4. No. 3 (15).
- Fraser, B. (2007) Hedging in political discourse. *Semantic Scholar*.
- Habermas J. (1981) *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 1–2. Fr./M.

- Lackoff, G. (1973) Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Journal of Philosophical Logic*. – pp. 458–508.
- O’Keeffe, A., et al. (2007) *From Corpus to Classroom: language use and language teaching*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Vendler, Z. (1976) *Illocutionary suicide*. Yale University Press.
- Vetrova, O.G. (2012) The Culture of Scientific Communication: Hedging in Academic Discourse // *Problems of Modern Philology, Pedagogics and Psychology: Materials of the XXV International Conference*. London. – pp. 120–121.
- Ardaeva, N. (2018) Diplomaticheskij i politicheskij diskurs. Latinskaya Amerika (Diplomatic and political discourse. Latin America) // *Vlast’*. – pp. 114–117. (in Russian).
- Vinogradov, V. (1986) *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) (Russian language (Grammatical teaching about the word): Ucheb. posobie dlya vuzov/Otv. red. G.A. Zolotova. – 3-e izd., ispr. – M.: Vyssh. shk., – P.640.* (in Russian).
- Glushak V. (2008) Hedzhing kak odno iz sostavlyayushchih epistemicheskoy modal’nosti / YAzyk i kommunikaciya v kontekste kul’tury (Hedging as one of the components of epistemic modality / Language and communication in the context of culture). – Ryazan’: Ryazanskij gosudarstvennyj universitet. Ryazan’, pp. 16–18. (in Russian).
- Gorina O. & Hrabrova V. (2017) Linguistic Hedging as a Communicative Strategy // *Vestnik NGU. Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikaciya*, 15(№3), pp. 44–53. (in Russian).
- Kibrik A. (2003) Analiz diskursa v kognitivnoj perspektive (Discourse analysis in cognitive perspective): dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19 / In-t yazykoznanija RAN. – Moskva. – P.90. (in Russian).
- Larina T. (2009) Kategoriya vezhlivosti i stil’ kommunikacii: Sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul’turnyh tradicij (The category of politeness and communication style: Comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions). – M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi. (in Russian).
- Maryuhin A. (2008) «Hedging (Hecke)» – novaya semanticheskaya kategoriya? (“Hedging (Hecke)” – a new semantic category?) // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. (in Russian).
- Maryuhin A. (2010) Nepryamaya kommunikaciya v nauchnom diskurse (na materiale russkogo, anglijskogo, nemeckogo yazykov) (Indirect communication in scientific discourse (based on the material of Russian, English, German) dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 / In-t yazykoznanija RAN. – Moskva. (in Russian).
- Pastuhova O. (2018) Sposoby vyrazheniya hedzhirovaniya v rossijskom politicheskom diskurse (Ways of expressing hedging in Russian Political Discourse) // *Politicheskaya lingvistika*. 5 (71). (in Russian).
- Petrova E. (2011) Sopostavitel’naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazykov: Grammatika (Comparative typology of English and Russian languages: Grammar). SPb.: Filol. f-t SPbGU; M.: Akademiya. (in Russian).
- Porubleva I. (2017) Modusnye sredstva snyatiya kategorichnosti v russkom yazyke (Modus means of removing categoricity in the Russian language) // *Aktual’nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. (in Russian).
- Shchegorcova E. et al. (2019) Lingvokul’turologicheskij podhod na urokah anglijskogo yazyka (Linguoculturological approach in English lessons) // *Nauka v megapolise*. №4(12). (in Russian).

А.А. БОРИСОВА, А.В. ЛЕЛЕНКОВА
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

**ТРАДИЦИОННЫЙ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ В
ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ НА БАЗЕ АСПЕКТОВ «ПРЕССА» И
«СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ» НА ЯПОНСКОМ
ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена анализу применения онлайн-технологий в преподавании аспектов японского языка «Пресса» и «Современный исторический текст». В основной части рассмотрены особенности некоторых онлайн-приложений для изучения японского языка. Произведена попытка определить положительные и отрицательные стороны дистанционного формата обучения в сравнении с традиционным, при этом особое внимание уделено опросу студентов, которым было предложено дать свою оценку каждому из видов обучения. В результате исследования было определено, что формирование нового типа «смешанного обучения» с активным применением информационно-коммуникационных технологий с одной стороны, способствует усвоению знаний (хотя не всегда пассивное владение лексикой и умение определить грамматическую конструкцию может быть применено на практике), а с другой стороны, традиционные методы обучения позволяют лучше развивать навыки перевода и умение применять знания в зависимости от контекста. Задача преподавателя – соблюсти баланс между новыми технологиями и традиционными, хорошо зарекомендовавшими себя методами.

Ключевые слова: навыки перевода, японская пресса, современный исторический текст, информационно-коммуникационные технологии, традиционные методы преподавания.

A. BORISOVA, A. LELENKOVA
St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

**TRADITIONAL AND INNOVATIVE APPROACHES TO THE JAPANESE
LANGUAGE TRANSLATION SKILLS TRAINING BASED ON LEARNING «THE
JAPANESE MEDIA» AND «MODERN HISTORICAL TEXT»**

The article is devoted to the analysis of the use of online technologies in teaching such aspects of the Japanese language as "The Japanese Media" and "Contemporary Historical Text". The features of some online applications for studying Japanese are discussed, as well as an attempt to determine some advantages and disadvantages of the distance learning format in comparison with the traditional one is made. Special attention is paid to the survey of students who were asked to give their assessment of each type of education. As a result of the study, it is determined that the formation of a new type of "blended learning" with the active use of information and communication technologies, on the one hand, contributes to the assimilation of knowledge (although not always learner's passive vocabulary and their ability to determine grammatical structure can be applied in practice). On the other hand, traditional teaching methods allow better development of translation skills and the ability to apply lexical and grammatical knowledge

depending on the context. The teacher's task is to find a balance between new technologies and traditional, well-proven methods.

Key words: translation skills, the Japanese media, modern historical text, information communication technologies, traditional teaching methods.

Для соответствия современным требованиям к подготовке выпускников преподавание должно представлять собой процесс, органично подстраивающийся под существующие реалии и отражающий современные тенденции в образовании. Особенно актуальным это стало с началом пандемии коронавирусной инфекции нового типа, когда большое, если не решающее значение в образовании стали играть информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). В преподавании иностранных языков, в том числе, японского, наряду с традиционными (лекции, устные и письменные переводы, беседы с преподавателем и др.) применяют методы, тесно связанные с использованием ИКТ.

Однако для разработки наиболее подходящих методов обучения иностранному языку следует принимать во внимание и определенный набор навыков, которые обучающийся должен приобрести. Так, в результате опроса мнений студентов о наиболее востребованных навыках владения иностранным, в данном случае, японским языком в условиях глобализации и развития ИКТ, одним из наиболее популярных ответов стал навык письменного и устного переводов [Леленкова 2018, с. 128-129]. Очевидно, что умение осуществлять корректный и грамотный перевод никогда не теряло своей актуальности. Использование возможностей ИКТ значительно улучшает практический аспект обучения переводу. В рамках комплексного подхода в обучении японскому языку преподавание таких аспектов, как «Японская пресса» и «Современный исторический текст» занимает особое место, так как их основной целью является не только изучение текстов политической и социально-экономической тематики, но и приобретение навыков как устного последовательного, так и письменного перевода. Важно понимать, что именно эти аспекты способствуют усвоению наиболее актуальной лексики и позволяют понять, какие современные проблемы и веяния больше всего волнуют японцев.

Более того, методика их преподавания органично сочетает в себе как традиционные, так и инновационные формы работы. К примеру, помимо очевидных способов использования ИКТ для поиска актуальных статей и текстов на официальных сайтах японских СМИ, современные технологии могут применяться для повышения уровня подготовки обучающихся. Благодаря развитию технологий многие тексты бывают озвучены диктором, что способствует развитию навыков устного перевода и проработке использования знакомой лексики и грамматических конструкций в правильном контексте. Есть два вида озвучки: дословный, когда диктор полностью читает представленную статью, и пересказ, когда диктор излагает написанное в статье, используя не письменный (газетный), но разговорный стиль. На старших курсах сравнение устного и напечатанного текста позволяет определить стилистическую и лексическую разницу в двух видах сообщений. Представляется полезным предложить студентам пересказать газетную статью, а затем сравнить с диктором и выявить ошибки и неточности.

Полезно и обилие аналитических статей на разных языках, позволяющих взглянуть на рассматриваемую проблему с разных сторон. Возможность получать актуальную информацию из разных источников формирует критический подход к осмыслению и дальнейшему переводу прочитанного и услышанного. Кроме того, прочтение нескольких статей на одну тему формирует устойчивую лексико-грамматическую базу, а также позволяет быстро и не задумываясь переводить знакомые выражения и конструкции. Учащимся может быть интересно сравнить позицию разных СМИ, касательно одного и того же события, и определить, какими языковыми средствами достигается выражение этой позиции. Интересным для студентов старших курсов будет и сравнение перевода одного и того же текста (например, выступления главы какого-либо государства) на

разные языки. Можно обратить внимание на акценты при переводе, на разницу подходов и на грамматические и лексические средства передачи смысла на разных языках.

Также обязательным требованием в процессе выработки навыков перевода является изучение материала на схожую тематику на родном языке с последующим сопоставлением терминов и анализом понятийного аппарата. Весьма полезной представляется практика выполнения письменного и устного перевода в классе с точки зрения возможности коллективного обсуждения нюансов и вариантов перевода. Кроме того, практика перевода на слух новостных репортажей, документальных передач и пр. нацелена на узнавание пройденного лексического, фразеологического и грамматического материала, а также на запоминание его использования в представленном контексте [Борисова, Леленкова 2017, с.35-37].

Помимо упомянутых средств ИКТ, существующих уже довольно давно, пандемия придала импульс развитию онлайн-курсов, которые сейчас являются не просто записью чтения лекций преподавателем, но динамично и ярко представляют современные тренды в актуальных сферах науки. В последнее время стали появляться специализированные онлайн-платформы для быстрого и эффективного усвоения лексического материала и грамматических конструкций. Такие системы позволяют учить слова в форме простых заданий, разъясняют грамматические конструкции с приведением конкретных примеров, а также предлагают выполнение тестовых заданий. Есть и приложения для проработки грамматики, и грамматических конструкций, которые позволяют овладевать новыми данными после того, как обучающийся успешно пройдет тест после каждого блока заданий. При изучении новых грамматических форм в примерах и т.д. используются уже пройденные конструкции, что способствует постоянному повторению и закреплению материала. В профессиональных приложениях, полные версии которых часто бывают платными, есть возможность получить отзыв с указанием ошибок и неточностей.

Более того, разрабатываются онлайн-приложения, которые помогают читать новостной материал с заранее составленным списком потенциально незнакомых слов, с автоматическим переходом во встроенный словарь и т.д. Пользователи также могут предлагать свой вариант переводов как целой статьи, так и отдельных отрывков. Можно создавать и собственные глоссарии, списки слов и выражений для запоминания и т.д. Такие приложения позволяют в сжатые сроки прочитать большой объем материалов. Нужно отметить, что быстрая проверка значения слова или конструкции не всегда позволяет хорошо их запомнить и перевести в активное владение языком. Задача преподавателя не только в том, чтобы соблюсти баланс между количеством прочитанного и качеством овладения материалом, но и помочь развитию способности к постоянной адаптации к изменениям и усвоению новых знаний [Мамирова 2018, с. 121].

При этом нужно отметить, что использование приложений и образовательных платформ ориентировано на индивидуальное обучение. С одной стороны, это удобно, так как позволяет учащимся повторять сложные для понимания темы сколько угодно много раз без стеснения. С другой стороны, есть опасность «зациклиться» на одном уровне в отсутствие сравнения прогресса с другими студентами. Далеко не все готовы приобретать полную версию программы, поэтому многие полезные функции (например, вышеупомянутый разбор ошибок) могут оставаться недоступными, и нельзя говорить о том, что все студенты достаточно владеют навыками самостоятельного исследования и строгого самоконтроля [Цыгалов 2020, с. 63]. Таким образом, при несомненных плюсах использования ИКТ: доступность, скорость и удобство пользования, возможность быстро уточнить необходимую информацию и др., есть минусы: не всегда возможно проверить правильность своего ответа, не всегда очевиден собственный прогресс и др.

В связи с этим, не стоит недооценивать традиционные, хорошо зарекомендовавшие себя методы работы в аудитории под руководством преподавателя. Говоря об изучении вышеупомянутых аспектов («Японская пресса» и «Современный исторический текст»), стоит обратить внимание на важность таких форм тренировки, как составление

тематического глоссария, выявление и заучивание специализированной терминологии с применением метода контекстуально-ситуативного анализа, регулярное проведение лексических работ (написание диктантов и пр.), подбор грамматических конструкций, используемых в переводе на заданную тематику, определение особенностей и нюансов их использования и пр. Разработку онлайн-приложений, нацеленных на чтение новостных материалов, нельзя назвать новаторским подходом в обучении языка СМИ, так как практика составления учебных пособий по теории и практике общественно-политического перевода существует сравнительно давно. Работа с такими пособиями позволяет систематизировать знания, необходимые для выполнения корректного перевода. Однако усвоить подобный материал самостоятельно обучающимся практически невозможно, так как наличие большого количества специализированной лексики, выражений, оборотов речи или грамматических конструкций требует дополнительных разъяснений и помощи в понимании и правильном использовании основополагающих структур при переводе. Поэтому традиционно работа с подобного рода учебными пособиями осуществляется в присутствии преподавателя.

Принцип работы с историческими текстами, отражающими проблемы современной истории, зачастую очень схож с принципом работы с материалами прессы, прежде всего из-за наличия идентичной лексико-грамматической базы. Однако одной из главных целей аспекта «Современный исторический текст» является работа над переводом исторических документов, таких как совместных заявлений, соглашений, договоров, уставов, законодательных актов, текстов конституций и т.д. Зачастую подобного рода документы составляются по определенному, устойчивому принципу, на основе которого составляется и деловая документация [Борисова, Леленкова 2017, с. 36]. Таким образом, умение сделать корректный перевод исторических документов в дальнейшем может быть применено в самых разнообразных сферах профессиональной деятельности.

Крайне важным фактором в выполнении перевода является общая эрудиция обучающихся в области политической, социальной, культурной жизни страны изучаемого языка. Поэтому задача преподавателя заключается не только в том, чтобы научить студентов грамотно использовать предоставленные ресурсы и применять на практике полученные навыки в приложении к японскому языку, но и обучить специфике общения с представителями данной нации, принимая во внимание особенности и разницу менталитетов.

В связи с этим, стоит отметить, что развитие средств для дистанционного обучения дает новые уникальные возможности для студенческого взаимодействия, в том числе и на международном уровне. Появляется всё больше возможностей для проведения дискуссий, круглых столов и осуществления проектов с участием учащихся вузов России и Японии. Организация таких мероприятий нацелена на проведение студентами самостоятельной подготовительной работы, которая заключается в поиске и изучении определенного количества исследовательского материала, анализе информации, составлении краткого тематического доклада с высказыванием собственного суждения, обдумывании возможных тем для дальнейших обсуждений и т.д. Благодаря внедрению онлайн-технологий у студентов формируются умения и навыки самостоятельной когнитивной деятельности [Куляшова, Милованова 2020, с. 449], и, наряду с этим, аналитическое мышление и творческие навыки. Кроме того, проведение дискуссий, касающихся, например, политических и социально-экономических проблем, позволяет глубже понять позицию обеих сторон и способствует укреплению межкультурного общения и взаимопонимания.

Для разработки новых и совершенствования существующих методик преподавания японского языка в условиях современных реалий нам, как преподавателям, представляется крайне важным учитывать также мнения и потребности самих обучающихся. В связи с этим, был проведен пробный опрос среди студентов 2-4 курсов Кафедры японоведения Восточного факультета СПбГУ. Респондентам было предложено

два основных вопроса, ответы на которые в порядке убывания (по популярности) распределились следующим образом:

Вопрос 1. Какие можно отметить достоинства и недостатки обучения восточному (японскому) языку с использованием онлайн-технологий в сравнении с традиционными формами обучения?

Достоинства:

- доступ к разнообразным онлайн-переводчикам и словарям, которые позволяют быстро найти необходимую информацию;
- возможность использования сайтов или онлайн-платформ, где объясняются те или иные темы по грамматике, корректность использования разных выражений и т.д.;
- возможность использования различных методов для запоминания и проработки нового материала (метод интервального запоминания);
- возможность быстрой проверки правильности ответов, а также добавления новых вариантов заданий;
- отработка навыка восприятия на слух речи на иностранном языке при использовании различных аудио- или видеоматериалов;
- возможность общаться с носителями языка или людьми, изучающими тот же язык, посредством переписки в социальных сетях и на форумах;
- визуальное обучение с помощью, например, презентаций;
- возможность тщательно прорабатывать качество произношения, благодаря разработке программ с аудированием и записью собственного голоса;
- возможность чтения большого количества новостных и исследовательских статей на японском языке.

Недостатки:

- различные онлайн-самоучители содержат задания в виде однотипных быстрых тестов, которые позволяют отработать базовые навыки, но не предоставляют необходимого культурного контекста и наглядные примеры их использования в конкретных ситуациях, то есть предполагают пассивное изучение языка, а не активное;
- наличие большого числа электронных ресурсов, которые зачастую не предоставляют корректную информацию;
- отсутствие многих полезных материалов (учебники, методические пособия) в электронном доступе;
- несовершенство современных технологий передачи звука и изображения, а также возможные перебои с интернет-соединением;
- отсутствие возможности личного восприятия фонетических тонкостей языка;
- невозможность увидеть порядок и правила написания иероглифов, которые предлагает преподаватель;
- отсутствие тренировки навыка написания иероглифических сочетаний;
- постоянный доступ к электронным словарям со смартфонов приводит к потере мотивации заучивать лексику и выражения наизусть;
- низкий уровень мотивации (необходимо быть крайне сосредоточенным и дисциплинированным, чтобы не отвлекаться во время использования онлайн-платформ);
- неэффективность проведения групповых работ и дискуссий (личный контакт на занятиях дает возможность быстрее запоминать информацию);
- утрата навыков ведения диалога, что приводит к потере социальных навыков;
- «заочное» общение с преподавателем приводит порой к потере заинтересованности и вовлеченности в процесс занятия.

Вопрос 2. Что остается актуальным с точки зрения обучающегося в традиционном формате обучения иностранному (восточному) языку. Какие, наоборот, существуют пережитки?

Актуальность:

- преемственность традиций обучения;

- академическая среда, которая предполагает использование надежных учебных материалов и доступ к бумажным ресурсам;
 - разделение процесса обучения языку на аспекты (грамматика, письменность, разговорный, пресса, научный текст и т.д.), что позволяет преподавателям и студентам разделять обязанности, продолжая в целом работать в одном направлении;
 - работа в присутствии преподавателя: общение с носителем языка, работа с аудио/видеоматериалами при содействии преподавателя, подбор полезной лексики и написание диктантов, выполнение устного перевода и обсуждение результатов и т.д.);
 - возможность личного обсуждения той или иной информации, вопроса, проблемы и пр.;
 - приоритет традиционного формата обучения восточным языкам, поскольку их изучение тесно связано со знанием истории и древними традициями, культурой и менталитетом народа;
 - онлайн-приложения не могут дать обратной связи в более сложных аспектах, например, переводе, а без приобретения навыков перевода невозможно качественного знания языка.
- Пережитки:
- использование объемных печатных, зачастую устаревших изданий;
 - недоверие к онлайн-словарям со стороны преподавателей;
 - новая лексика или грамматические конструкции порой изучаются вне контекста;
 - недостаток практики аудирования с использованием пройденного лексического материала.

Из полученных результатов опроса и на основании всего вышесказанного, можно сделать вывод, что в настоящее время онлайн-технологии стали неотъемлемой частью образовательного процесса. Однако, несмотря на их широкое распространение и популярность, как среди обучающихся, так и среди преподавателей, традиционный формат обучения всё еще остается той основой, на которую опирается академическое образование. Мы становимся свидетелями формирования некоего «смешанного» процесса, конечному результату которого пока еще сложно дать объективную оценку. С одной стороны, существуют действительно полезные онлайн-платформы, созданные на базе эффективных методов изучения восточного (японского) языка. С другой стороны, наблюдается замедление в развитии интеллектуального потенциала обучающихся, так как та часть мозга, что по традиционной системе должна активно думать и работать самостоятельно, «расслабляется» и «перекладывает ответственность» за материал и знания на онлайн-технологии. Это разрушает традиционную систему обучения и приводит, соответственно, к качественно иным результатам. Работа над переводом с и на восточный язык требует максимального задействования различных навыков и знаний. Ввиду этого, крайне важно сохранять и улучшать традиционные методы обучения этому аспекту, при этом не игнорируя возможностей, которые могут предоставить ИКТ.

Литература

- Борисова А.А., Леленкова А.В. Формирование новой терминологии в современных текстах и проблемы преподавания аспектов «Пресса» и «Современный исторический текст» // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 16. Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе», (октябрь 2016 г.). – Москва, «Ключ-С», 2017. – С. 34-43.
- Леленкова А.В. Проблемы определения мотивации в изучении японского языка в условиях глобализации XXI века // Международный форум восточных языков и культур: сборник статей и докладов участников форума. – Казань: Издательство «ФЭН» АН РТ, 2018. – С. 125-134.
- Мамирова М.М. Ценности образования в условиях четвертой промышленной революции // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Непрерывное образование в интересах устойчивого развития: новые вызовы» (2-й этап). – Астана, 2018. – С. 120-123.

- Куляшова Н.М., Милованова Г.В. Онлайн технологии как обязательный элемент обучения // E-Scio, №6 (45), 2020. – С. 444-456.
- Цыгалов Ю.М. Эффекты и риски дистанционного образования в высшей школе // Управленческое консультирование, № 10, 2020. – С. 61–73.

References

- Borisova A. & Lelenkova A. (2017) Formirovanie novoj terminologii v sovremennyh tekstah i problemy prepodavaniya aspektov «Pressa» i «Sovremennyj istoricheskij tekst» (Formation of new terminology in modern texts and problems of teaching aspects of “Press” and “Modern historical text”) // YAponskij yazyk v vuze: aktual'nye problemy prepodavaniya. Vypusk 16. Materialy nauchno-metodicheskoy konferencii «YAponskij yazyk v vuze», (oktyabr' 2016 g.). – Moskva, «Klyuch-S». – pp. 34-43. (in Russian).
- Lelenkova A. (2018) Problemy opredeleniya motivacii v izuchenii yaponskogo yazyka v usloviyah globalizacii XXI veka (Problems of determining motivation in learning Japanese in the context of globalization of the XXI century) // Mezhdunarodnyj forum vostochnyh yazykov i kul'tur: sbornik statej i dokladov uchastnikov foruma. – Kazan': Izdatel'stvo «FEN» AN RT. – pp. 125-134. (in Russian).
- Mamirova M. (2018) Cennosti obrazovaniya v usloviyah chetvertoj promyshlennoj revolyucii (The values of education in the context of the Fourth Industrial Revolution) // Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Nepriyomnoe obrazovanie v interesah ustojchivogo razvitiya: novye vyzovy» (2-j etap). – Astana. – pp. 120-123. (in Russian).
- Kulyashova N. & Milovanova G. (2020) Onlajn tekhnologii kak obyazatel'nyj element obucheniya (Online technologies as a mandatory element of training) // E-Scio, №6 (45). – pp. 444-456. (in Russian).
- Cygalov Yu. (2020) Effekty i riski distancionnogo obrazovaniya v vysshej shkole (Effects and risks of distance education in higher education) // Upravlencheskoe konsul'tirovanie, № 10 – pp. 61–73. (in Russian).

УДК 81-23

Л.Г. БРУТЯН

Ереванский государственный университет
Ереван, Армения

ДЕТСКИЕ ВОПРОСЫ О СЕМАНТИКЕ

В статье анализируются детские вопросы о семантике, которые, как показывает наше исследование детских вопросов, касающихся разных аспектов языка, являются самой большой группой. Материал для анализа был извлечен методом сплошной выборки из книги В.К. Харченко “Корпус детских высказываний”. В ходе исследования были использованы также описательный, сопоставительный и статистический методы. Целью исследования является анализ данных вопросительных высказываний с точки зрения их функционирования в дискурсе, структурных характеристик, выявления общих моделей, характера вопросов и корреляции между последним и тематикой, наконец, – выявления частотности употребления в разном возрасте. Анализ показывает, что 1) рассмотренные дискурсы представляют собой цепочки вопросов, реже – вопросо-ответные реплики. Вопросы часто возникают из предшествующей части диалогического дискурса, иногда – из предшествующей реплики самого ребенка; 2) в структурном отношении практически

все вопросы простые и сводятся к моделям “А X это что (такое)?”, “А X это X?”, “А что значит X?” и т.д.; 3) по познавательной функции восполняющие вопросы преобладают над уточняющими; 4) большее количество рассматриваемых вопросов приходится на возраст от 3-х до 5-и лет, что подтверждает умственную активность детей именно в этом возрасте.

Ключевые слова: вопросо-ответные реплики, детские вопросы, дискурс, когнития, структурная модель, семантика, характер вопросов, цепочка вопросов, цепочка вопросов

L. BRUTIAN

Yerevan State University
Yerevan, Armenia

CHILDREN’S QUESTIONS ON MEANING

The paper analyses children’s questions on meaning which are, according to our study of children’s questions referring to various aspects of language, the largest group. The material for the analysis has been selected by means of the method of continuous sampling from V. Kharchenko’s “Corpus of children’s utterances”. The descriptive, comparative and statistical methods have been also used. The paper aims at the analysis of the given questions from the point of view of their functioning in the discourse, structural characteristics, revealing common patterns, the correlation between the subject and the character of the questions, finally, the frequency of their usage at different ages.

The analysis demonstrates that 1) the discourses under consideration are represented by chains of questions, less often – question–answer utterances. Questions often arise from the preceding part of the dialogical discourse, sometimes from the preceding utterance of the child; 2) from the point of view of structure practically all questions are simple and can be presented in the following patterns: “And what is X?”, “Is X Y?”, “What does X mean?”, etc.; 3) regarding the character of the questions, the predominance of Wh-questions over Yes/No questions is stated; 4) the majority of questions under consideration were asked during the period from 3 to 5, which verifies the mental activity of children in this period.

Key words: chain of questions, children’s questions, cognition, discourse, question-answer utterances, question character, structural pattern

“Изучение спонтанных детских
вопросов – лучшее введение в логику ребенка”
(Ж. Пиаже)

Познание окружающего мира, как известно, начинается с удивления, удивление же рождает вопросы, ответы на которые расширяют наше знание о мире. Вопросы поэтому можно считать мощным средством когнитии, важнейшего понятия когнитивной лингвистики, в которой “внимание исследователей переключается на выявление роли языка как условия и орудия познания” [Маслова 2007, с. 14]. Следовательно, в словосочетании “вопросы о языке” саккумулировано в большой степени познавательное значение двух явлений: языка и вопросов.

Известно, что самыми активными в деле задавания вопросов являются маленькие дети, “почемучки”, задающие, по словам блестящего исследователя детской речи К.И. Чуковского, “сто тысяч почему”. “...самое желание ребенка ответить на вопросы: зачем? почему? каким образом? – есть важнейшее качество его младенческой психики”, – пишет он [Чуковский 1990, с. 162]. Говоря о “жгучей потребности малолетнего разума во что бы то ни стало осмыслить окружающий мир и установить между отдельными явлениями жизни те прочные причинные связи, которые ребенок стремится подметить с самого раннего возраста”, К.И. Чуковский совершенно справедливо отмечает также:

“Какой бы неустойчивой и шаткой ни казалась нам (особенно в первые годы) умственная жизнь ребенка, мы все же не должны забывать, что ребенок от двух до пяти – самое пытлиное существо на земле и что большинство вопросов, с которыми он обращается к нам, вызвано насыщенной потребностью его неутомимого мозга возможно скорее постичь окружающее” [Чуковский 1990, с. 168]. Изучение детских вопросов и шире – детской речи – имеет большую научную ценность, поскольку, анализируя ее, мы тем самым обнаруживаем закономерности детского мышления. Важность изучения детской речи, в частности, детских вопросов, заключается и в том, что последние помогают лучше понять особенности вопрошания со стороны взрослых. Следует отметить также, что детская речь в разных ее аспектах всегда привлекала внимание исследователей. Назовем хотя бы работы С.Н. Цейтлин [Цейтлин 2009], В.К. Харченко [Харченко 2011], В.В. Казаковской [Казаковская 2006], Ю.Ю. Магерамовой [Магерамова 2012], Л.Г. Брутян [Brutian 2007]. Вышесказанным обусловлен наш интерес к изучению детских вопросов, относящихся к самой разнообразной тематике, в том числе вопросам о языке. При этом следует отметить, что наше исследование детских вопросов о языке охватывает 11 тематически разных групп, однако в силу ограниченности объема мы остановимся в данной статье на анализе лишь одной группы вопросов о языке, а именно – на вопросах, касающихся семантики. Последние являются самой большой группой вопросов о языке: было зафиксировано 67 таких вопросов при общем количестве 269 всех вопросительных дискурсов о языке, т.е. они составляют практически одну четвертую часть всех вопросов, что само по себе свидетельствует о большом интересе детей к данной стороне языка. Материал для анализа был извлечен нами методом сплошной выборки из книги известного лингвиста, доктора филологических наук, профессора В.К. Харченко “Корпус детских высказываний” [Харченко 2012]. Обращение к этому именно источнику (притом, что имеются и другие не менее ценные издания подобного рода) обусловлено тем, что данный объемный корпус (составляющий 520 страниц) представляет собой уникальный свод высказываний одних и тех же детей, двух внуков автора, зафиксированных по горячим следам на протяжении семи лет. Нашей целью было проанализировать данные вопросительные высказывания с точки зрения их функционирования в дискурсе, структурных характеристик, выявления общих моделей, характера вопросов и корреляции между последним и тематикой, наконец, – выявления частотности употребления в разном возрасте. В ходе исследования нами были использованы, помимо отмеченного выше, описательный, сопоставительный, статистический методы.

Дети уже в самом раннем возрасте активно интересуются значениями слов и выражений. Можно выделить разные структурные модели таких вопросов. Приведем примеры¹:

N1 “А Пушкин – это что?” (Женя 3г., 1м.)

N2 “А настая... а настроение – это что?” (Женя 4г.)

Совсем непонятное слово ребенок произносит лишь со второй попытки.

N3 “Без причины вдруг спрашивает: А “источник” – это что? А “источник энергии” – это что?” (Лев 4г., 9м.)

Данная цепочка вопросов, почти повторяющихся, возникает неожиданно, без причины, как и следующие вопросы:

N4 – “Женя “ни с того ни с сего”, что-то вспомнив: А “змея” – это что такое? – Змея? – Змей! (Женя 5л., 3м.)

Как можно заметить, ребенок видит разницу между лексемами “змея” и “змея”.

N5 “Женя во дворе вдруг: А вдохновение – это что?” (Женя 5л., 3м.)

¹ Примеры даются в том виде, в котором они представлены в источнике.

Структурно данные вопросы строятся по модели “А Х это что (такое)?”, где местоимение “что” употребляется для формирования вопроса, с помощью которого говорящий хочет получить новую информацию. Примечательно, что в вопросах, построенных по данной модели, неизвестное (непонятное) слово упоминается первым. При этом зафиксировано и немало случаев, когда вопросы строятся практически по той же модели, однако в обратном порядке, т.е. когда неизвестное (непонятное) слово упоминается в конце: “(А) что (это) такое “Х?”, “Что это Х?”, “Что за “Х?”. Приведем примеры:

N6 “Женя играет, варит щи: А что такое “щи” (объясняю). Они любят капусту! Они воспитаны к капусте (приучены)” (Женя 4г.)

Вопрос (простой с “а”) возникает из ситуации (во время игры). Делается вывод после реплики взрослого.

N7 “Лев ни с того ни с сего: Баб, а что такое “обуза”?” (Лев 8л., 4м.)

N8 “– Ты непоседа. – А что такое непоседа? – Ну, кто не сидит на месте. (Лев садится ☉ Теперь я посЕда!” (Лев 3г., 4м.)

Вопрос возникает из предшествующей части дискурса; ответ на него принимается, что видно из последней реплики ребенка (“Теперь я посЕда!”).

N9 “– А что такое “кинотеатр”? (После объяснения) А-а, это театр в кинЕ!” (Лев 4г., 7м.)

Ответ принимается (“А-а...”) и делается ложный вывод.

N10 “Что такое “курс”? – Направление. – Нет, курс – это на работе (студенты такого-то курса.)” (Женя 3г., 8м.)

Ответ не принимается ребенком из-за когнитивного диссонанса.

N11 “Много раз пели: “То не ветер ветку клонит... То мое сердечко стонет”. Поем и сегодня. Вдруг Лев с качелей: А что такое “стонет”? – Плачет, страдает, грустит. – А я думал: тонет!” (Лев 4г., 6м.)

Вопрос возникает из предшествующего дискурса и вдруг; ответ на вопрос принимается и озвучивается версия ребенка (“А я думал: тонет!”), т.е. восполняющий вопрос возникает для уточнения версии ребенка.

N12 “Лев за шахматами: ФерзЕйный... А что такое “оппозиция”? (Объясняю) Я “оппозиционИст” (оппозиционер)!” (Лев 7л., 11м.)

Вопрос возникает вне ситуации (во время игры в шахматы); ответ взрослого принимается и делается вывод (“Я оппозиционИст!”).

N13 “– А почему у тебя нет коровы? – Ее же кормить надо. – А потом дать попить на водопое. А что такое “водопой”? А бывают бездомные коровы?” (Женя 5л., 3м.)

В данном дискурсе, состоящем из вопросо-ответных реплик, первый вопрос, интересующий нас в цепочке вопросов, вытекает из предшествующей реплики ребенка, в которой использовано слово, о значении которого он затем спрашивает.

Приведем и пример диалогического дискурса, в котором аналогичный по сути вопрос выражен в имплицитной форме:

N14 “Мама: Жуки засыпают на зиму. – Засыпают же песком! – Ах ты, лингвист! – Чего?” (Лев 3г., 11м.)

Вопрос этот, вытекающий из предшествующей части дискурса, можно в эксплицитной форме представить как “А что такое лингвист?”.

Встречаются и вопросы “А кто такие (кто такой)?”:

N15 “– У нас (в Белгороде) ледник не проходил. – А кто такой “ледник”?” (Лев 3г., 10м.)

Слово “проходил” воспринимается в прямом значении, отсюда – “кто”.

N16 “Много раз пели: “Мы дети тех, кто наступал / На белые отряды...”. Вдруг сегодня спрашивает: А кто такие “дети тех”? (После объяснения): А это дети родителей! (Лев 4г., 7м.)

Вопрос возникает из дискурса вдруг, хоть и “много раз пели”; ответ на него интерпретируется своеобразно: “А это дети родителей!”

N17 “Напеваю: “Подмосковный городок, / Липы стройные в рядок” ... Лев: А что за “в рядок”? (После объяснения). А я думал “вредок” (вред)” (Лев бл., 2м.)

Вопрос возникает из предшествующего дискурса; после ответа взрослого озвучивается версия ребенка.

Во всех приведенных выше примерах характер вопросов по познавательной функции восполняющий, то есть вопросы возникали тогда, когда у ребенка отсутствовало хоть какое-то, приблизительное знание о значении того или иного слова.

Иногда, правда, задаются восполняющие вопросы и тогда, когда у ребенка есть свое, хоть и смутное, представление о семантике слова (см. N11).

Однако встречаются и вопросы о значении (семантике) слов, когда ребенок хочет уточнить имеющееся у него представление о том, что означает то или иное слово. Иллюстрациями служат следующие вопросы уточняющего, с точки зрения познавательной функции, характера, построенные по модели “(А) X это Y?”.

N18 “А в английском языке ноль – это ничего?” (Женя 4г., 8м.)

Данный вопрос свидетельствует также о когнитивной путанице.

N19 “– А стоматолог – это врач, который зубы лечит? А который у львов зубы лечит, называется зубник!” (Лев 4г.)

Структурно это логически простой вопрос с союзом “а”, выраженный сложноподчиненным предложением. Тактика апелляции к ожидаемому утвердительному ответу в данном дискурсе эксплицируется в продолжении дискурса, где ребенок, не дожидаясь ответа на свой вопрос, будучи (почти) уверенным в нем, дает другое определение (с восклицательным знаком), противопоставляя его, благодаря использованию союза “а” в противительном-сопоставительном значении, невыраженному, но ожидаемому ответу.

Аналогичная тактика встречается и в следующем дискурсе, в котором, правда, в отличие от предыдущего, вопрос строится по аналогии с известным ребенку и общеупотребительным определением (в первой части продолжения дискурса):

N20 “– А волчица – это “волчья жена? А жена медведя – медведица, а жена енота – енотица!” (Лев 4г.)

N21 “Лев спросил, что такое “двоюродный”. После объяснения: “А одноюродный – это родной?” (Лев 8л., 2м.)

В данном дискурсе, представляющем собой вопросо-ответные реплики, вопрос (структурно простой с “а” уточняющего характера) вытекает из предшествующей части дискурса.

N22 “– Это когда мы родину освобождали. – А “Родину” – это остановку, где ты живешь (остановка “Кинотеатр “Родина”)? А Лева думал, что он на ней родился когда-то...” (Женя 5л., 4м.)

Данный вопрос, логически простой с “а”, выраженный сложноподчиненным предложением уточняющего характера, вытекает из предшествующей части дискурса, в котором наблюдается когнитивный диссонанс: родина – кинотеатр “Родина”. Концовка дискурса показывает, что и здесь ребенок не сомневается в утвердительном ответе на свой вопрос.

N23 “– А “молОдец – это кто? (в песне: “... мОлодцу плыть недалёчко”)? Это как бы молодЕц, мОлодец?” (Лев 4г., 8м.)

Данная цепочка вопросов вытекает из предшествующего дискурса (текста песни). Оба вопроса в структурном отношении простые (первый с “а”); за первым восполняющим по характеру вопросом следует вопрос уточняющего характера, где несколько неуверенно выдвигается версия ребенка (союз “как бы” свидетельствует об этом).

В отдельную группу выделим вопросы о значении слов и выражений, имеющих в своем составе лексему “значит(ь)”. Это вопросы восполняющего характера “А что значит X?”, “А X – это что значит?”.

N24 “Татьяна Владимировна после поздравления по телефону поговорила с Женей и в конце: “Передай привет Лёвчику”. Женя передает трубку Льву, потом спрашивает меня: А что значит “привет передай”? (Женя 5л., 3м.)

Вопрос возникает из предшествующей части дискурса, в котором происходит когнитивный диссонанс вследствие непонимания выражения: ребенок Льву передает трубку.

В данной группе (в вопросах со словом “значит”) есть и уточняющие вопросы, построенные по модели “А Х значит Y?”. Примеры:

N25 “С турника наблюдает, как Лев расстроился, что вместо оценки в тетради “см.”: А эта надпись значит “тройка”?” (Женя 5л., 8м.)

Данный уточняющий вопрос, возникший в ситуации, является следствием имплицитной аргументации.

В рассматриваемой группе встречаются и вопросы формы “(А) Х – это как (понять)?”. Приведем примеры:

N26 “Лев (шутит): Баб, четверть – я знаю, треть я знаю, а дветь – это как? Одинеть?” Лев 8л., 3м.)

В данном дискурсе первый вопрос представляет собой в структурном отношении конъюнктивный вопрос с обращением, с точки зрения характера – это восполняющий вопрос, за которым следует эллиптический уточняющий. Вопросы озвучиваются в виде шутки, т.е. ребенок применяет здесь тактику сохранения лица.

N27 “Женя читает надписи в школе: “Кабинет географии”. А “география” – это как понять? Здесь фотографируют, да?” (Женя 5л., 5м.)

Данная цепочка двух взаимосвязанных вопросов возникает из ситуации. Оба вопроса структурно простые (первый с “а”); с точки зрения характера первый является восполняющим вопросом, а второй – уточняющим по фонетической ассоциации (“география” – “фотография”); причем во втором вопросе есть апелляция к ожидаемому (утвердительному) ответу: “да?”.

Встречается и вопрос “А Х – это какой?”, касающийся семантики:

N28 “А “неунизлимый” – это какой (неуязвимый)?” (Лев 4г., 10 м.)

Приведем и другие зафиксированные нами единичные случаи вопросов о значении слов и выражений:

N29 “– Конструктор так придумал. – Кого так зовут “конструктор”?” (Лев 3г., 4м.)

Данный вопрос восполняющего характера, построенный по модели “Кого так зовут Х?”, вытекает из предшествующей части диалогического дискурса.

N30 “Женя за кубиками: Сейчас я парами построю. А почему Людмила Николаевна (о школе) говорит: стать парами?” (Женя 4г., 5м.)

Вопрос восполняющего характера, в структурном отношении логически простой с “а”, выраженный сложноподчиненным предложением и построенный по формуле “Почему говорят Х?” (в значении “Что это значит?”), вытекает из предшествующей реплики ребенка в дискурсе во время игры.

Приведем, наконец, и такой дискурс:

N31 “Женя не хочет кушать. – Ой, беда! – Это не беда. Беда – это когда нападает кто-то на кого. Беда – это не то слово. Запомнила?” (Женя 4г., 1м.)

Вопрос структурно простой эллиптический, по характеру уточняющий контрольный, возникает из предшествующей части дискурса, стоит в самом его конце после своеобразного определения слова. Налицо – тактика манипулирования со стороны ребенка.

Анализ данной группы детских вопросов, таким образом, позволяет сделать следующие выводы:

Рассмотренные дискурсы представляют собой цепочки вопросов, реже вопросо-ответные реплики. Вопросы очень часто возникают из предшествующей части диалогического дискурса, иногда – из предшествующей реплики самого ребенка. Немало случаев, когда

вопрос возникает неожиданно, вдруг; зафиксирован и один случай, когда вопрос возникает не сразу, спустя время. В некоторых случаях наблюдались и ситуационно обусловленные вопросы, при этом отметим один пример вопроса, возникшего вне ситуации. За исключением одного дискурса, ответ взрослого принимается; иногда делается вывод (часто ложный). Есть случаи озвучивания версии ребенка. Зафиксированы случаи когнитивного диссонанса, когнитивной путаницы, а также имплицитной аргументации. В некоторых единичных дискурсах применялась тактика апелляции к ожидаемому (утвердительному) ответу, тактика сохранения лица, а также тактика манипулирования.

В структурном отношении практически все вопросы простые, за исключением одного сложного конъюнктивного вопроса и трех логически простых вопросов с “а”, выраженных сложноподчиненными предложениями.

Вопросы данной группы сводятся к следующим моделям:

“А X это что (такое)?”; “(А) что (это) такое X?”; “Что это X?”; “Что за X?”; “А кто такие (такой) X?”; “А X это Y?”; “А что значит X?”; “А X – это что значит?”; “А X значит Y?”; “(А) X – это как (понять)?”; “А X – это какой?”; “Кого так зовут X?”.

Что касается характера вопросов по познавательной функции, то в количественном отношении преобладают восполняющие вопросы (из общего количества 67 вопросов 54 восполняющих и 13 уточняющих вопросов). Данная статистика подтверждает нашу гипотезу о том, что вопросы о семантике возникают, как правило, тогда, когда у ребенка нет изначально знания о значении того или иного слова или выражения, что требует обращения именно к восполняющим вопросам.

Частотность употребления вопросов данной группы отражена в таблице ниже:

Лев	Женя
2 года –	2 года –1
3 года –8	3 года –2
4 года – 25	4 года – 7
5 лет –	5 лет – 14
6 лет – 4	
7 лет – 1	
8 лет – 5	

Наибольшее количество вопросов приходится на период до 6-и лет². Первый (и единственный) вопрос был задан в двухлетнем возрасте (Женей). Далее наблюдается возрастание количества вопросов (при отсутствии их у Льва в возрасте 5-и лет), а также уменьшение их количества после пятилетнего возраста). В целом у обоих мальчиков большее количество рассматриваемых вопросов приходится на возраст от 3-х до 5-и лет включительно (56 из 67-и), что подтверждает умственную активность детей именно в этом возрасте.

Источники

Харченко В.К. Корпус детских высказываний. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2012. – 520 с.

² Записи дискурсов Жени после пятилетнего возраста не велись.

Литература

- Казаковская В.В. Вопросно-ответные единства в диалоге “взрослый–ребенок”. СПб.: Наука, 2006. – 456с.
- Магерамова Ю.Ю. Современная онтолингвистика: мир детской речи: учеб. пособие. Магадан: Изд-во Северо-Восточного университета, 2012. – 129с.
- Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
- Харченко В.К. Синтагматика неправильностей в детской речи (методика коврового считывания) // Онтолингвистика – наука XXI века. Материалы международн. научн. конф. СПб.: Златоуст, 2011. – сс. 69-74.
- Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. – 592с.
- Чуковский К.И. От двух до пяти // Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Изд-во “Правда”, 1990. – сс. 73-467.
- Brutian L.G. Arguments in Child Language // Proceedings of the VI Conference of the International Society for the Study of Argumentation. Amsterdam: Sic Sat, 2007. – pp. 179-183.

References

- Kazakovskaya, V. (2006) Voprosno-otvetnye edinstva v dialoge “vzroslyj–rebenok” (Question-and-answer unities in the adult-child dialogue). SPb.: Nauka. (in Russian).
- Mageramova, Yu. (2012) Sovremennaya ontolingvistika: mir detskoj rechi (Modern ontolinguistics: the world of children's speech): ucheb. posobie. Magadan: Izd-vo Severo-Vostochnogo universiteta. (in Russian).
- Maslova, V. (2007) Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku (Introduction to Cognitive Linguistics). M.: Flinta: Nauka. (in Russian).
- Harchenko, V. (2011) Sintagmatika nepravil'nostej v detskoj rechi (metodika kovrovogo schityvaniya) (Syntagmatics of irregularities in children's speech (carpet reading technique) // Ontolingvistika – nauka XXI veka. Materialy mezhdunarodn. nauchn. konf. SPb.: Zlatoust. – pp. 69-74. (in Russian).
- Cejtlin, S. (2009) Oчерки по slovoobrazovaniju i formoobrazovaniju v detskoj rechi (Essays on word formation and form formation in children's speech). M.: Znak.
- Chukovskij K. (1990) Ot dvuh do pyati (From two to five) // Sochineniya v dvuh tomah. T. 1. M.: Izd-vo “Pravda”. – pp. 73-467. (in Russian).
- Brutian L. (2007) Arguments in Child Language // Proceedings of the VI Conference of the International Society for the Study of Argumentation. Amsterdam: Sic Sat. – pp. 179-183. (in Russian).

УДК 81'246.2

Д.М. ВОЛЬФБЕРГ

Санкт Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург

ЯЗЫКОВОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ И ЯЗЫКИ-ПОСРЕДНИКИ

Работа посвящена исследованию языковых контактов и роли английского языка в современном мире. Взаимодействие языков и заимствование лексики представляет естественный и необходимый процесс. Заимствованные слова поступают в русский язык

как прямым, так и опосредованным путем. При этом в качестве языка-посредника выступает американский вариант английского языка, что свидетельствует о возросшей роли и влиянии английского языка в XXI столетии. Как показывает изучение авторитетных словарей английского языка, современная научно-техническая терминология не может обойтись без слов, в качестве конечных компонентов которых выступают словообразовательные форманты греко-латинского происхождения. При этом английский язык сыграл немалую роль в переосмыслении слов латинского и греческого языков, а также слов, заимствованных из ряда экзотических языков, которые получили новые значения на английской почве и с этими значениями распространились во многих европейских языках.

Ключевые слова: заимствованные слова, заимствовать, англицизм, язык-посредник, словообразовательный

D. VOLFBERG
St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

LINGUISTIC BORROWING AND LANGUAGES-MEDIATORS

The article deals with the study of languages in contact and the influence of the English language in the modern world. Interaction of languages and linguistic borrowing present a natural and indispensable process. Loan words are borrowed by the Russian language both directly and indirectly. American English acts as a language-mediator which points to the increased influence of the English language in the 21-st century. The study of authoritative dictionaries shows that modern English scientific terminology cannot do without words whose final components are formed with the help of Greek or Latin derivational affixes. In this case the English language played a significant role in redefining Greek and Latin words as well as words borrowed from a few exotic languages which acquired new meanings in the English language and with these new meanings they spread in many European languages.

Key words: borrowed words, to borrow, anglicism, a language-mediator, word-formation, derivation

Проблемы коммуникации приобрели исключительное важное значение в современном мире в условиях активного взаимодействия культур разных стран. Глобализация экономики, растущая взаимозависимость стран и целый ряд возникших в последние годы проблем привели к пониманию необходимости сближения и совместных действий для их решения. В то же время успеху коммуникации препятствует ряд факторов, связанных с различиями в языковой картине мира у разных народов, поскольку в каждом языке отражается совокупность своих специфических представлений о мире. Устранить или значительно уменьшить затруднения в коммуникации между представителями разных культур позволяет язык-посредник, который выступает как язык международного общения. В качестве языка-посредника могут выступать разные языки. Такими языками были греческий язык в эллинистическую эпоху и латынь в эпоху Древнего Рима. В средние века языком науки и церкви была латынь. В эпоху Просвещения языком международного общения был французский язык, который считался языком дипломатии. Ситуация в корне изменилась в XX веке, когда основным языком международного общения стал английский язык. В настоящее время в Организации Объединенных Наций статус рабочих языков имеют английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский языки. При этом английский язык является первым среди равных языков ООН» [Брэгг 2014, с.387].

Преимущество английского языка как будущего языка международного общения отмечал датский лингвист О. Есперсен. По его словам, английский язык опередил всех своих

конкурентов. Ни один язык не распространяется так быстро и так далеко. «Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что в скором будущем число говорящих на английском языке значительно возрастет»,- писал он около 100 лет назад [Jespersen 1938, p.234]. Существует несколько причин, почему английский язык сегодня является наиболее востребованным. Это комплекс как лингвистических, так и экстралингвистических причин. О.Есперсен полагал, что английский наиболее удобен для выполнения коммуникативной функции из-за его упрощенной грамматики. Процесс развития и упрощения грамматики происходил постепенно в течение длительного периода и был вызван целым рядом причин [Jespersen 1938, p.169]. По мнению ученого, все языковые изменения направлены на облегчение условий коммуникации и потому прогрессивны. В процессе исторического развития английского языка произошли языковые изменения, в результате которых исчезла грамматическая категория рода у существительных, произошла утрата окончаний прилагательных и глаголов, а из четырех падежей остались только два:- общий и притяжательный. В своей «Философии грамматики» О.Есперсен пишет, что « если язык постоянно утрачивает окончания прилагательных и глаголов, которые указывают на их согласование с первичным словом, это не является для него потерей; наоборот, такую тенденцию следует считать прогрессивной. и полная стабильность возможна только в том языке, который покончил со всеми этими громоздкими пережитками далекого прошлого» [Есперсен 2006,с.398]. В процессе эволюции английский язык из языка флективно-синтетического с развитой системой склонений существительных, спряжений глаголов и выраженными морфологическими флексиями превратился в аналитический язык, в котором словоизменительные флексии либо незначительно представлены, либо полностью отсутствуют. Эти изменения значительно облегчают усвоение английского языка.

Одним из ключевых аргументов, который демонстрирует превосходство английского языка, по мнению ряда современных исследователей, является объем словарного запаса английского языка, аргумент, который по-прежнему сейчас используется [Jenkins 2006, p.149]. Анализ авторитетных словарей показывает, что в самом большом словаре английского языка насчитывается 600000 статей, что намного превышает словники других языков. Словарь французского языка, например, насчитывает 150000 слов, а самый большой словарь русского языка только 130000 слов [Claiborne, 1983, p.5]. Такой большой объем английского словаря объясняется рядом причин, среди которых одной из главных является заимствование слов из других языков.

Лексические заимствования неизбежно происходят в процессе взаимодействия языков. Термин “заимствование” определяется как иноязычное слово, не только перешедшее, но и полностью освоенное заимствующим языком» [Аристова, 1978: 5- 9]. Заимствование из других языков широко используется языком-реципиентом при отсутствии соответствующего лексического эквивалента на родном языке. Указывая на мотивы заимствования, американский лингвист У.Вайнрайх, писал, что «необходимость в обозначении новых предметов, лиц, местностей и понятий представляет собой, очевидно, всеобщую причину лексических инноваций. Определяя, какие инновации этого типа являются заимствованиями, лингвист может содействовать определению того, чему одно языковое сообщество научилось у другого» [Вайнрайх 1999, с.95].

Рядом исследователей отмечается, что «в результате заимствования слов язык не лишается своей специфики и не отступает от внутренних законов своего развития, что нужные лексические заимствования не ведут к порче, упадку языка и не нарушают целостности системы» [Ефремов 1959, с.4]. При переходе слова из одного языка в другой, может происходить процесс расширения или сужения значения. Заимствованные слова поступают либо прямым путём, либо опосредованно. Особенностью этих форм заимствования в настоящее время является то, что и языком-донором, и языком-посредником является один и тот же язык – американский вариант английского языка.» [Маринова 2008, с. 68]. Это свидетельствует о возрастании роли и влиянии английского

языка в современном мире. По мнению В.М. Аристовой, английский язык сыграл немалую роль в переосмыслении слов латинского и греческого языков и может считаться языком-посредником в передаче слов из некоторых экзотических языков во всё европейском ареале [Аристова 1978, с.42]. При этом слова, заимствованные из других языков, получили новые значения на английской почве и с этими значениями распространились в других языках [там же, с.41]. Исследователи отмечают, что «современная английская научно-техническая терминология не может обойтись без слов, в качестве конечных компонентов которых выступают словообразовательные форманты греко-латинского (неоклассического) происхождения. Эти слова обозначают основные понятия науки и техники» [Бартков и др. 1979, с.6]. Так, из греко-латинских терминоэлементов были созданы такие слова, как *telemetry* – телеметрия, дистанционное измерение; *panalgia* – паналгия, боль во всем теле; *polyinfection* – полиинфекция [Новый англо-русский медицинский словарь 2007, с.792, 576, 625]. На возросшую роль английского языка определенно повлияли другие международные языки, которые доминировали в различных частях Европы в разных областях: помимо английского, русский, испанский, итальянский, французский, немецкий языки выполняли более широкую коммуникативную функцию и были языками, на которых шло обучение с различной степенью эффективности, в разное время и в разных регионах. Английский язык всегда был развивающимся языком и языковые контакты были важной движущей силой изменений. Уже в 16 веке в состав английского языка входили слова 50 европейских языков [Брэгг 2014, с.381]. Взаимодействуя с другими языками, английский язык постоянно обогащался новыми словами, например: *alibi* (лат.), *entrepreneur* (фр.), *blitz* (нем.), *graffiti* (ит.), *siesta* (исп.), *tsunami* (японск.), *sputnik* (русск), *pandemic* (греч.). *avatar* (хинди), *ketchup / catchup* (кит.), *safari* (суахили), *saffron* (араб.). Особенно сильное влияние на английский язык оказали латинский, французский и скандинавские языки. В настоящее время словарный запас английского языка более чем на половину состоит из заимствованной лексики.

Вместе с тем чрезмерное использование иноязычной лексики может вызывать отторжение иностранных слов. Это связано со стремлением защитить национальную культуру из опасения, что заимствование иностранных слов может оказать вредное действие. Во многих странах периодически предпринимались попытки избавиться от иноязычных заимствований и очистить язык. Это явление, получившее название пуризм, имеет как положительную, так и отрицательную стороны. С одной стороны, пуризм направлен на сохранение традиционной национальной культуры. С другой стороны, он не замечает никаких изменений в развитии языка. «Пуризм ретроспективен (при отрицании новых фактов признается то, что уже закрепилось в языке) или прямо консервативен (отказ от даже освоенных и употребительных заимствований, стремление заменить их новообразованиями из исконных корней и морфем)» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с.247].

В Англии проявления пуристической направленности были особенно заметны в XVIII и XIX веках. В этот период в английском языке отмечалось большое количество заимствований из французского языка, что было связано с ростом влияния французской культуры. Видя угрозу со стороны французского языка, многие деятели английской культуры высказали свою озабоченность по этому вопросу. Так, в 1755 году известный английский лексикограф С. Джонсон говорил о том, что английскому языку грозит стать диалектом французского языка. [Görlach 2003, p.35]. Серьезные попытки очистить английский язык от иностранных слов были предприняты в середине XIX века. Пуристы выступили с идеей возрождения архаизмов, устаревших основ и аффиксов, использования диалектной лексики. Предлагалось полностью очистить английский язык от иностранных слов. Этот архаико-этнический пуризм потерпел, однако, полную неудачу, поскольку не учитывал поступательное развитие английского языка, а также «экстра- и интралингвистические причины, основными из которых являются разрыв литературной

традиции, вызванный Норманнским завоеванием, и произошедшие после него изменения в структуре английского языка, сделавшие возвращение к англосаксонскому прошлому невозможным.» [Геерс 2002, с.22]. В результате все попытки зафиксировать английский язык, ни к чему не привели.

Наиболее активное сопротивление проникновению иноязычных заимствований и, в первую очередь, английских оказали пуристы Франции, где для этой цели была создана Академия, играющая важную роль в проведении языковой политики и защите норм французского языка. В соответствии со специально разработанной программой в 1975 году во Франции был принят закон о защите французского языка, за которым в 1992 году последовал закон, запрещающий использование английского слова, если имеется его французский эквивалент. Отмечалась чрезмерное использование носителями французского языка слов английского происхождения. Во французском языке появилось слово 'franglais' для обозначения французского языка, который изобилует англицизмами. Для замены английских слов предлагалось использовать слова-заменители. При этом некоторые из них получили такую популярность, что буквально вытолкнули оригинальные английские слова: так SIDA заменил AIDS, ordinateur - международный термин computer [Görlach 2003, p.34]. Однако предпринятые меры в целом оказались неэффективными, а сам закон 1992 года был признан не конституционным Верховным судом Франции.

Предпосылки для превращения английского языка в мировой глобальный язык были созданы в Великобритании в конце XIX столетия. В то же время наряду с тем, что «английский язык непрерывно демонстрировал свою поразительную продуктивность, собрав целый набор “английских ветвей” на всех континентах, набирал обороты американский вариант английского языка» [Брэгг 2014, с.375]. Как отмечают исследователи, роль английского языка в мире могла бы угаснуть вместе с крушением Британской империи, если бы не произошел подъем США как мировой сверхдержавы. Решающее значение для распространения английского языка имели последствия Второй мировой войны. Именно после 1945 года на большинство языков мира оказалась воздействие экспансия английского языка. [Görlach 2003, p. XIII]. Английский язык распространился как через политические инициативы, так и ведущие финансовые институты, которые возникли после окончания Второй Мировой войны благодаря, главным образом, американскому участию [Graddo, 2000, p.9]. Экономическое доминирование США оказало влияние на привлекательность английского языка для тех, у кого английский не является родным языком. Как отмечал известный британский лингвист Д. Грэддол, в XX веке роль США оказалась важнее роли Британии и способствовала тому, что английский язык оказался не только на передовой научных и технических знаний, но и стал направлять культуру потребления [Graddol, 2000, p.14]. Английский язык стал глобальным языком и играет особую роль, которая признается во всем мире. Обычно рассматривают три сферы употребления английского языка, а именно: внутренний круг, в которые входят страны, где английский язык является государственным, внешний круг, в который входят страны, в которых английский язык выполняет важную государственную роль, как, например, в Индии и расширенный круг, куда входят страны, в которых английский язык широко используется как иностранный. [Graddol 2000, p.10]. В 1995 году число говорящих на английском языке достигло в 2,025 миллиардов человек или треть населения земли [Crystal 1997, p.60]. США сегодня наиболее развитая страна с мощной экономикой, передовой наукой и технологией. На английском языке создается большой объем интеллектуальной собственности. Исследование, проведенное по изучению английского языка в научных журналах в 1981 году, показало, что 85 процентов работ по биологии и физике выполнены на английском языке, несколько меньше - 73 процента по медицине [Crystal 1997, p.102]. У американских книг и журналов самые большие тиражи. О значении, которое придается английскому языку, можно судить по тому факту, что в такой стране как Руанда в 1996

году английский язык получил статус государственного [Crystal 1997, p.3]. Американский вариант английского языка оказал более сильное влияние на развитие английского языка, чем любой другой вариант английского языка в таких странах как Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Канада и Южная Африка, которые регулярно выражают обеспокоенность в прессе по поводу вторжения 'американизмов'. [Crystal 1997, p.117]. Все более широкое распространение получает американская орфография и лексика в особенности в контексте компьютерной техники. На широкое распространение американского варианта английского языка, оказывает влияние и растущая потребность в использовании современной научной терминологии, которая отражает достижения в приоритетных областях науки и в которой в основном преобладает англо-американская лексика. В настоящее время английский язык бесспорно доминирует как язык межкультурной коммуникации и, как отмечают современные исследователи, нет оснований полагать, что в ближайшем обозримом будущем его заменит другой язык как lingua franca. Сегодня английский язык – это не только язык межкультурной коммуникации, но и язык –донор, влияние которого распространяется на все современные языки.

Литература

- Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты: (Англизмы в рус. яз.). – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978.
- Бартков Б.И., Богдан С.Ф., Елисеева Р.Д., Колтунова Е.В., Мирочник А.Г. Квантитативное исследование статуса ряда аффиксальных словообразовательных формантов современного английского языка. // Особенности аффиксального словообразования в терминосистемах и норме. – Владивосток, Академия наук СССР, 1979. – с.3-42
- Брэгг М. Приключения английского языка – Москва : АНФ, 2014.
- Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования – Благовещенск : Благовещенский гуманитарный колледж, 2000.
- Геерс М. Е. Языковой пуризм в истории Англии и Германии : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н. – М., 2002.
- Есперсен О. Философия грамматики = The philosophy of grammar – М. : URSS, 2006.
- Ефремов Л.П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата филол. наук – Алма-Ата, 1959
- Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
- Новый англо-русский медицинский словарь = New English- Russian medical dictionary. – М. РУССО, 2007.
- Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. – М.: ЭЛПИС, 2008.
- Claiborne, R. (1983) Our marvelous native tongue. – New York: Times books, cop.
- Crystal, D. (1997) English as a global language. – Cambridge: Cambridge univ. press.,
- Görlach, M. (2003) English words abroad. – Amsterdam; Philadelphia.
- Graddol, D. (2000) The Future of English? – London: The British Council.
- Jenkins, J. (2006) World Englishes: a resource book for students – London ; New York : Routledge.
- Jesspersen, O. (1938) Growth and structure of the English Language – Leipzig.

References

- Aristova, V. (1978) Anglo-russkie yazykovye kontakty: (Anglizmy v rus. yaz.) (English-Russian language contacts: (Anglicisms in Russian). – Leningrad : Izd-vo LGU. (in Russian).
- Bartkov, B. et al. (1979) Kvantitativnoe issledovanie statusa ryada affiksalyh slovoobrazovatel'nyh formantov sovremennogo anglijskogo yazyka (Quantitative study of the status of a number of affixal word-formation formants of the modern English language). //

- Osobnosti affiksalnogo slovoobrazovaniya v terminosistemah i norme. – Vladivostok, Akademiya nauk SSSR. – pp.3-42. (in Russian).
- Bregg, M. (2014) Priklyucheniya anglijskogo yazyka (Adventures of the English Language) – Moskva : Anf. (in Russian).
- Vajnrajh, U. (2000) Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya (Language contacts: the state and problems of research) – Blagoveshchensk: Blagoveshchenskij gumanitarnyj kolledzh. (in Russian).
- Geers, M. (2002) Yazykovej purizm v istorii Anglii i Germanii (Linguistic Purism in the History of England and Germany): Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. k.filol.n. – M. (in Russian).
- Espersen, O. (2006) Filosofiya grammatiki (The philosophy of grammar) – M. : URSS. (in Russian).
- Efremov, L. (1959) Sushchnost' leksicheskogo zaimstvovaniya i osnovnye priznaki osvoeniya zaimstvovannyh slov (The essence of lexical borrowing and the main signs of mastering borrowed words): Avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni kandidata filol. nauk – Alma-Ata. (in Russian).
- Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary). – M.: Sov. enciklopediya, 1990. (in Russian).
- Novyj anglo-russkij medicinskij slovar' (New English- Russian medical dictionary).– M. RUSSO, 2007. (in Russian).
- Marinova, E. (2008) Inoyazychnye slova v russkoj rechi konca XX – nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funkcionirovaniya (Foreign words in the Russian speech of the late XX - early XXI century: problems of development and functioning). – M.: ELPIS. (in Russian).
- Claiborne R. (1983) Our marvelous native tongue. – New York : Times books, cop.
- Crystal D. (1997) English as a global language. – Cambridge : Cambridge univ. press.
- Görlach M. (2003) English words abroad.. – Amsterdam ; Philadelphia.
- Graddol D. (2000) The Future of English? – London: The British Council.
- Jenkins J. (2006) World Englishes : a resource book for students – London ; New York : Routledge.
- Jesspersen O. (1938) Growth and structure of the English Language – Leipzig.

УДК 372.881.161.1.

Н. И. ГЕТЬМАНЕНКО, Л. РОЗБУДОВА

Карлов университет,
Прага, Чешская Республика

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: УДЕРЖИМ МОТИВАЦИЮ? (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ)

Публикация посвящена актуальной методической проблеме преподавания русского как иностранного (РКИ) дистанционно. В статье представлены результаты студенческого опроса, проведенного в чешском и российских университетах, целью которого было выяснить позицию обучаемых о достоинствах и недостатках проведения занятий по русскому языку как иностранному дистанционно. Отдельно мы попросили студентов оценить, как изменился уровень их мотивации при дистанционном обучении. Авторы делятся опытом поиска эффективных форм работы, рассчитанных на активизацию учебной деятельности студентов и удержанию мотивации при работе дистанционно.

Ключевые слова: дистанционное обучение (ДО), достоинства и недостатки ДО; русский как иностранный (РКИ), мотивация, методика, формы работы, опрос.

N. GETMANENKO, L. ROZBOUDOVA
Charles University,
Prague, Czech Republic

DISTANT LEARNING: WILL WE KEEP UP MOTIVATION? (SHARING THE EXPERIENCE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT UNIVERSITIES)

The publication is dedicated to the topical methodological issue of teaching Russian as a foreign language (RKI) distantly. The article represents the results of the student survey conducted in a Czech and Russian universities for the purpose of identifying the position of the students on the pros and cons of distantly teaching classes in Russian as a foreign language. We asked the students to evaluate separately how their motivation level changed under distance learning. The authors share their experience of searching for efficient forms of work intended to activate learning activity of students and to keep up motivation when working distantly.

Key words: distance learning (DL), pros and cons of DL, Russian as a foreign language (RKI), motivation, methodology, forms of work, survey.

Введение

Современные глобальные социально-экономические вызовы, связанные с пандемией, вынудили мировые образовательные системы отыскивать новые и оптимизировать уже действующие формы дистанционного обучения.

Ограниченность пересечения государственных границ выявила трудности, с которыми столкнулись студенты и абитуриенты-иностранцы, которые планировали посвятить себя изучению русского языка и культуры в России или странах Евросоюза. Большинство из них получило доступ к изучению русского исключительно в дистанционном формате. Опыт преподавания показал, что при обучении иностранцев в дистанционном формате поддерживать эффективную мотивацию при удаленном общении непросто, особенно это касается студентов первого года обучения.

Актуальность публикации обоснована запросом на поиск новых методических приемов и совершенствование существующих дистанционных форм работы для поддержания высокой мотивации дистанционно обучаемых студентов, изучающих иностранные языки, в том числе РКИ.

Фокусом данной публикации стали вызовы, с которыми столкнулись многие преподаватели иностранных языков (в нашем случае русского как иностранного) высших учебных заведений России и Евросоюза. Одним из таких вызовов стало вынужденное перенесение в формат дистанционного обучения обычно аудиторных форм работы по РКИ, таких как отработка произношения трудно произносимых звукосочетаний, слов и фраз русского языка с преподавателями в группе, развитие устной и письменной речи при контактном общении (работа в малых группах), посещение музеев, совместные с преподавателем просмотры и комментирование кино- и документальных фильмов на русском, экскурсии с преподавателем и др.

Одной из задач нашего исследования стало проведение в осеннем семестре 2021 года студенческого опроса «Дистанционное обучение: плюсы и минусы», с целью выяснения отношения студентов к радикальному изменению в системе преподавания. Нам было важно выяснить, как изменилась мотивация студентов в условиях дистанционного обучения, поэтому вопрос о мотивации стал отдельной важной частью данного опроса.

Результаты проведенного студенческого опроса фиксируют критическое снижение мотивационных установок при изучении русского как иностранного. Этот факт стал отправной точкой задачи по поиску новых методических приемов, способных поддерживать мотивацию при обучении дистанционно.

Материалы и методы. Изучение публикаций по заявленной проблематике, обмен практическим опытом с коллегами на конференциях, наблюдения за мастер-классами стали методами, примененными при разработке материалов статьи.

Обсуждению понимания содержания термина «дистанционное обучение» (ДО) посвящено много публикаций. Значительный вклад в научную дискуссию о терминологии внесла монография «Теория и практика дистанционного обучения» под ред. Е.С. Полат, где представлен наиболее полный обзор и сравнительный анализ определений «дистанционное обучение», которые зафиксированы в литературе сегодня, [Теория и практика дистанционного обучения 2004, с.17-27]. Например, А.В. Хуторской (Центр дистанционного образования «Эйдос») рассматривает ДО как «образование, осуществляемое с преобладанием в учебном процессе дистанционных образовательных технологий, форм, методов и средств обучения, а также с использованием информации и образовательных массивов сети Интернет» [там же, с.18]. Портал «Российское открытое образование» рассматривает дистанционное обучение как форму, «при которой преподаватель и обучаемые физически разделены во времени и/или в пространстве, отличающуюся от заочной формы применением дистанционных технологий» [там же, с.17]. Группа ученых из лаборатории ДО ИОСО РАО формулирует дистанционное обучение как «форму обучения, при которой взаимодействие учителя и учащихся и учащихся между собой осуществляется на расстоянии и отражает все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения, реализуемые специфичными средствами интернет-технологий или другими средствами, предусматривающие интерактивность» [там же, с. 17].

Авторы данной публикации опираются на существующие формулировки ДО, и с учетом накопленного опыта, формулируют свое рабочее понимание термина ДО. Под дистанционным обучением мы понимаем учебный процесс, где взаимодействие педагога и обучаемых осуществляется при помощи Интернет-связи с привлечением различных IT-технологий и ресурсов-платформ. В практике преподавания авторов нашли свое применение многокомпонентные платформы: Zoom, Cisco Webex, Google Classroom, Microsoft Teams. Мы осознаем, что данные платформы можно эффективно использовать при условии, что все студенты, обучающие дистанционно, имеют равный доступ к источнику бесперебойной, устойчивой связи, персональный компьютер, личное рабочее пространство. К сожалению, как показывает практика, пока это не всегда достижимо.

На тот факт, что при дистанционном обучении у студентов снижается мотивация, указывают уже опубликованные материалы. Мы разделяем мнение Снежаны Станкович и Драгана Маркович, которые считают, что сложившиеся современные условия при изучении русского языка как иностранного диктуют нам необходимость «найти новые способы, повышающие мотивацию учеников и улучшение учебного процесса» [Novo i Tradicionalno 2021, с. 63]. Нам близка позиция И.В. Савочкиной, которая в качестве важного мотивационного ресурса применительно к РКИ рассматривает игровые и мультимедийные образовательные технологии, так как у студентов появляется «возможность параллельного представления визуальной и слуховой учебной информации, что интенсифицирует учебный процесс, повышает мотивацию» [1 Novo i Tradicionalno 2021, с. 79]. Интересным опытом работы, направленным на повышение мотивации при обучении русскому как иностранному при параллельном использовании образовательной платформы dotest.rostgmu.ru и потенциала Google Meet и WhatsApp, делятся И.А. Тропинина, Е.В. Черненко и С.М. Дьяченко [Novo i Tradicionalno 2021, с. 46-54].

Опрос стал еще одним методом исследования. Нам важно было узнать и учесть мнение студентов о формате обучения удаленно. Опрос «Дистанционное обучение: плюсы и

минусы» состоял из двух вопросов: 1. Расскажите о плюсах и минусах дистанционного обучения; 2. Расскажите, как изменилась ваша мотивация при изучении русского языка и культуры при обучении дистанционно. Мы просили респондентов давать развернутые, полные ответы. Участникам опроса стали студенты педагогических факультетов, обучающиеся дистанционно из Московского городского педагогического университета, Московского государственного областного педагогического университета (страны СНГ, Ближнего Востока, Азии и Латинской Америки) и Карлова университета (педагогический факультет). Всего в опросе приняло участие 63 студента.

Обобщение и анализ студенческих ответов показал, что студенты из разных стран сходно оценивают плюсы и минусы удаленного обучения. Откровенные комментарии студентов-иностранцев (особенно первый курс) относительно мотивации продемонстрировали значительное ее снижение.

Многие иностранные студенты, обучающиеся в России и Чехии, в целом положительно относятся к обучению дистанционно и находят много положительного в этом стиле общения. Их привлекает независимость обучения от места проживания; экономия времени и затрат на транспорт; интерактивность и возможность быстро обмениваться контентом; доступность обучения при легком заболевании; обучение доступно для лиц с ограниченными физическими возможностями (инвалиды)³. Как положительный момент студенты отмечают, что у них появилась возможность самостоятельно создавать большое количество проектов, презентаций, осваивать новые компьютерные технологии, интерактивные сайты, приложения, которые им могут пригодиться в будущей профессии. Студентам импонирует, что образование стало более персонализированным, и каждый преподаватель старается использовать приложения и другие ресурсы для сохранения мотивации. Более того, все учебные материалы можно получить в электронном виде и нет необходимости искать пособие в библиотеках. Студентов привлекает и то, что есть возможность восстановить в памяти занятие, если оно было записано, снято, т.к. это хорошая возможность пересмотреть занятие в удобное для них время. Респонденты отметили, что дистанционное обучение снижает уровень стресса при ответе на занятии, но при этом развивает самостоятельность и самоконтроль. Студенты обращают внимание факт снижения финансирования образования, например, при использовании дистанционных технологий нет необходимости в аренде отдельного помещения для проведения занятий. Важнейшим преимуществом дистанционного образования студенты называют безопасность, в том числе в условиях пандемии.

Помимо положительных сторон удаленной формы обучения, студенты обозначили и отрицательные ее стороны. Студентов разочаровывает отсутствие живого общения и социализации, невозможность лично обратиться к преподавателю; негативное влияние техники на здоровье и отсутствие нормального передвижения (всемирная гаджетизация); не всегда стабильный Интернет. Настораживает тот факт, что студенты отмечают снижение качества образования: подача материала преподавателями иная и восприятие материала студентами заметно снижается; слишком много теории и мало практики; отсутствует систематический и эффективный контроль (проведение контрольных работ, экзаменов, тестов и т.д.). Студентам кажется, что преподаватель думает, что мы не хотим хорошо заниматься, а мы не всегда понимаем предмет и речь, потому что Интернет может быть плохой; контрольные неудобно писать онлайн, потому что печатать по-русски надо больше времени, чем писать.

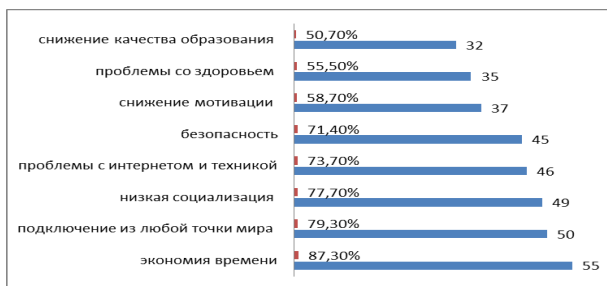
³ Стилистика студенческих ответов сохранена намеренно.

Отдельно в опросе нас интересовал вопрос мотивации. Большая половина респондентов отметила снижение мотивации к обучению: отсутствие эмоциональной реакции со стороны преподавателя; преподаватель вынужден находить все новые способы удержания внимания студентов; что касается мотивации к учебе, я бы сравнила ее с американскими горками; мало встреч с коллегами (друзьями) с помощью которых мы смогли бы мотивировать друг друга; чуть не нулевая мотивация к студии, так как домашняя среда - это не школа, а место, где я обычно отдыхаю.

Итоговым комментарием о роли мотивации при дистанционном обучении могут стать слова самих студентов, значительная часть которых (58,7%) пришла к заключению, что при удаленном обучении необходима колоссальная самодисциплина, потому что довольно многим студентам сложно понять собственную мотивацию для самостоятельного изучения большого материала или активной работы на занятиях, поэтому онлайн-обучение не подойдет безответственным людям; нужно многое осваивать самостоятельно, брать на себя ответственность за свое образование и свои результаты.

Далее полученные данные были подвергнуты статистической обработке с целью обобщения. Максимальное количество студентов (55 человек), что составляет 87,3% от всей опрошенных, отметило экономию времени как положительный момент ДО. Подключение из любой точки мира нравится 50 студентам, что составляет 79,3% респондентов. Очень низкая социализация не устраивает 49 человек, это 77,7% от общего числа участников опроса. На проблемы с техникой и перебои с интернетом указало 46 студентов, что составляет 73,3% от числа опрошенных. Безопасность, которую обеспечивает дистанционная форма обучения, устраивает 45 студентов, это 71,4% опрошенных. Больше половины участников опроса отметили снижение мотивации (37 студентов), что составило 58,7% от группы. Проблемы со здоровьем волнуют 35 человек, это 55,5% от группы. На снижение качества образования указало половина опрошенных группы (32 студента), это составляет 50,7% от всего числа респондентов. Наглядно обобщенные данные представлены в таблице ниже.

Таблица 1. Положительные и отрицательные черты дистанционного образования по результатам опроса студентов. Всего 63 студента. Осень 2021 г.

Результаты

Сегодня учителя-практики, методисты отыскивают новые и совершенствуют уже существующие методические приемы при обучении русскому как иностранному дистанционно. Для повышения мотивации наших студентов авторами был применен прием, который мы назвали «Учимся вместе работать дистанционно». Иллюстрацией этого приема служит положительный опыт применения деловой игры – «Видеоконференция ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения) по проблемам пандемии» и актуальное интервью «Как решить проблемы в дистанционном образовании с учетом пандемии?». Эти формы работы были апробированы авторами в курсе «Язык

современных СМИ» у студентов-иностранцев (уровень А1 – А2) в 2020–2021 учебном году дистанционно в России и Чехии.

Примечательно, что темы для обсуждения предложили нам сами студенты, поэтому изначальная мотивация отмечалась как высокая. Форма занятия представляла собой пресс-конференцию, где студенты, представляли разные СМИ, задавали злободневные вопросы дистанционно Генеральному директору ВОЗ (Всемирной организации здоровья). Подготовка актуальных, интересных вопросов для конференции была частью домашней работы. Формулирование вопросов, где учитывалось их содержание и форма (как грамматическая, так и устная форма подачи вопроса), носило соревновательный, рейтинговый, характер, и только лучший вопрос получал высший балл – «отлично», остальные вопросы оценивались ниже. Определение лучшего вопроса выносилось на дискуссию в группе. Заинтересованность студентов в этом виде работы проявлялась и в том, что они увлеченно формулировали вопросы «по ходу» пресс-конференции и оживленно дискутировали между собой в том числе.

По этой же схеме проходила подготовка вопросов и проведение деловой игры «Как решить проблемы при дистанционном обучении с учетом пандемии?». Студенты-иностранцы брали актуальное интервью у министра образования и здравоохранения своих стран. Данная форма работы предусматривала подготовку и работу в парах (один студент представлял министра, а другой журналиста). Следует отметить, что данный вид деловой игры позволил студентам и преподавателям узнать много полезного о системе образования здравоохранения в других странах. Студенты-иностранцы с большим энтузиазмом рассказывали об особенностях образования и медицины родных стран.

Обсуждение. По результатам обратной связи, курс «Язык СМИ», где регулярно проводились подобные игры, большинством студентов-иностранцев был назван полезным и самым запоминающимся. Иностранные студенты с удовольствием принимают участие в обсуждениях, которые предлагают им рассказать о себе, о своих близких, о культурных традициях своих стран.

Мы осознаем наличие методических трудностей при обучении иностранным языкам дистанционно, и понимаем, что при удаленном обучении невозможно реализовывать некоторые основные принципы формирования речевых навыков вообще, или они ограничены в значительной степени, например, постоянная активная творческая деятельность учащихся, активизация эмоций учащихся, симуляция естественных коммуникативных ситуаций, надлежащий контроль и оценка при работе в парах или группах и многие другие [Rozboudová 2020, с. 34–37 и 88–91]. Но это лишь подтверждает тот факт, что есть проблемы, которые еще ждут своего разрешения.

Вывод

Как показывают результаты проведенного опроса среди студентов, актуальную методическую повестку должна возглавить тема удержания мотивации при обучении дистанционно. Вероятно, это касается не только определенных образовательных курсов, как в нашем случае при обучении русского как иностранного, но в целом всей глобальной образовательной системы, включающей обучаемых и обучающихся.

Методический прием «Учимся вместе работать дистанционно», в частности, в форме деловой игры зарекомендовал себя положительно, следовательно, его можно активно использовать в дальнейшем с учетом меняющихся интересов студентов. Разработанные материалы было бы полезно разместить на разных образовательных платформах, где можно было бы обмениваться опытом.

Международное педагогическое сообщество уже осознало, что университетское образование претерпело изменения и впредь никогда не будет прежними, но каким оно будет в ближайшем будущем и каким будет занятие в удаленном формате, решать нам сегодня.

Литература

- Теория и практика дистанционного обучения: Учебное пособие /Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева; Под ред. Е.С. Полат. М., «Академия», 2004. – 416 с.
- Novo i Tradicionalno u Translatologiji I Nastavi Ruskog Jezika kao Stranog. Zbornik Radova. Новое и традиционное в переводе и преподавании русского языка как иностранного. Сборник статей. Панъевропейский университет «АПЕИРОН», Бания-Лука, 2021 г. Режим доступа: свободный. <https://apeiron-uni.eu/wp-content/uploads/2021/03/Zbornik-radova-Novo-i-tradicionalno-u-translatologiji-2021.pdf> (Дата последнего посещения 28.09.2021).
- Rozboudová, Lenka. Современная дидактика русского языка как второго иностранного: речевые умения. Praha: Karolinum, 2020. - 147 с.

References

- Teoriya i praktika distancionnogo obucheniya: Uchebnoe posobie (Theory and practice of distance learning: Textbook) / E.S. Polat, M.YU. Buharkina, M.V. Moiseeva; Pod red. E.S. Polat. M., «Akademija», 2004. – 416 s. (in Russian)
- Novoe i tradicionalnoe v perevodovedenii i prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. Sbornik statej (New and traditional in translation studies and teaching Russian as a foreign language. Collection of articles). Pan"evropejskij universitet «APEIRON», Banya-Luka, 2021 g. Rezhim dostupa: svobodnyj. <https://apeiron-uni.eu/wp-content/uploads/2021/03/Zbornik-radova-Novo-i-tradicionalno-u-translatologiji-2021.pdf> (Access date: 28.09.2021). (in Russian)
- Rozboudová, L. (2020) Sovremennaya didaktika russkogo yazyka kak vtorogo inostrannogo: rechevye umeniya (Modern didactics of the Russian language as a second foreign language: speech skills). Praha: Karolinum. - 147 s. (in Russian)

УДК 372.881.161.1.

Е.В. ГИМОН

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация

КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С АРАБСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДОХИ АССИ «104 КАИР»)

Статья посвящена анализу проблем художественного перевода современной арабской литературы с арабского на русский язык, связанных с различием культурных контекстов порождающей и воспринимающей культур на примере романа Дохи Асси «104 Каир». Автор статьи рассматривает, к каким сферам относятся случаи «культурной неперевоодимости» и показывает, как отсутствие фоновых знаний у читателя перевода препятствует правильному пониманию текста или ведет к потере части смыслов. В статье используется сравнительно-сопоставительный метод исследования этнокультурного компонента для поиска адекватных прагматических адаптаций. Наиболее адекватными решениями для приведенных примеров могут быть использованы добавление, описательный перевод (экспликация), переводческий комментарий разных типов. В связи с малочисленностью переводов арабской художественной литературы в современной

России в востоковедном сообществе арабистов почти отсутствует какая-либо заметная научная дискуссия по вопросам переводоведения; данная статья представляется попыткой хотя бы частично восполнить этот пробел.

Ключевые слова: культурный контекст, культурная непереводаемость, прагматические адаптации, современная арабская литература, фоновые знания, прагматический перевод, Доха Асси.

E. GIMON

National Research University
"Higher School of Economics"
St Petersburg, Russian Federation

CULTURAL CONTEXT AND PROBLEMS OF LITERARY TRANSLATION FROM ARABIC INTO RUSSIAN (ON THE EXAMPLE OF DOHA ASSI'S NOVEL "104 CAIRO")

The article is focused on such problem of literary translation of modern Arabic literature from Arabic into Russian as difference in cultural contexts of generating and perceiving cultures on the example of Egyptian novel "104 Cairo" by Doha Assi. The author of the article examines the areas to which cases of "cultural untranslatability" belong and shows how the lack of background knowledge prevents the correct understanding of the translated text or leads to the semantic and cultural losses. The article uses a comparative method of studying the ethnocultural component to search for adequate pragmatic adaptations. Such adaptations as addition, descriptive translation (explication) and commentary of different types can be used as the most adequate solutions for the examples given in the article. Due to the small number of translations of Arabic fiction in modern Russia, there is almost no noticeable scientific discussion on the issues of translation studies in the oriental community of Arabists; so, this article seems to be an attempt to partially fill this gap.

Key words: cultural context, cultural untranslatability, pragmatic adaptations, modern Arabic literature, background knowledge, pragmatic translation, Doha Assi.

Одной из проблем художественного перевода является расхождение между культурными контекстами порождающей и воспринимающей культуры. Национально-культурные особенности того или иного народа, имплицитно выраженные в языке, не всегда «считываются» представителем другой культуры, поэтому часть информации в тексте перевода ускользает от читателя, а иногда в силу культурных различий может быть неверно интерпретирована. Отсутствие фоновых знаний у читателя перевода может помешать правильному пониманию не только бытовых реалий, но и важных элементов сюжета, мотивов поступков героев и проч. «Необходимость обеспечить адекватное понимание передаваемого сообщения для рецептора перевода вынуждает переводчика заменить непонятный элемент исходного сообщения добавочной информацией, которая лишь подразумевалась в оригинале, но была вполне очевидна для рецептора оригинала. Таким образом, имплицитная информация в оригинале становится эксплицитной в переводе» [Комиссаров 1990, 212]. Задача переводчика – выбрать оптимальные варианты прагматических адаптаций, обеспечив адекватность перевода.

Разница между культурной спецификой России и арабских стран представляется весьма существенной по сравнению с различиями между русской и западноевропейской культурами. «Межкультурные различия – первое, что потрясает арабиста, впервые оказавшегося в арабской стране» [Шагаль 2001, 10]. А потому переводчик-арабист сталкивается с большим количеством «культурной непереводаемости» в разного рода текстах, особенно, в художественной литературе, в которой отражена жизнь народа, его быт, традиции, нравы и т.п.

Материалом для анализа несовпадения культурных контекстов стал социально-психологический роман современной египетской писательницы Дохи Асси (род. в 1970) «104 Каир», где для верного понимания и перевода текста требуется значительный объем фоновых знаний, связанных с социальной, религиозной, культурной, исторической спецификой Египта – прежде всего самому переводчику, а затем и реципиенту перевода. Действие романа разворачивается в период с 50-х гг. XX века до 10-х гг. XXI века. В центре повествования – девушка из городских низов по имени Инширах, которая мечтает получить хорошее образование и уехать во Францию со своим возлюбленным, однако ее мечтам не суждено сбыться: молодой человек оставляет ее, а семья не дает продолжить учебу. Инширах становится гадалкой-колдуньей по примеру бабушки, и, хотя не верит в магические обряды, расценивает их как своего рода «психологическую помощь» людям. Добросердечная Инширах говорит слюдьми на понятном им языке суеверий и заклинаний, помогая им решать различные жизненные проблемы. В романе описаны истории нескольких женщин, в судьбе которых героиня принимает важное участие: история Нахид, девушки из богатой аристократической семьи, история Маналь, дочери простой уборщицы, история эмансипированной Гады, дочери левого политического активиста. Все они проходят через опыт неудачного брака, как и сама главная героиня. Среди примеров тех сфер, где необходимы фоновые знания для верной интерпретации текста, можно выделить следующие:

Городской быт.

لكن المؤكد أنها قررت ألا تظل هي الفتاة الفقيرة التي تعيش على السطوح في باب الشعربة أو تقبل بغيرين من مقاطع قهوة الطشطوشي.

[Но одно было ясно: она больше не та нищенка, что жила на крыше в Баб аш-Шаарий и была согласна выйти замуж за какого-нибудь оборванца из кофейни Таштуши]⁴.

Русскоязычный читатель может понять выражение «жила на крыше» буквально, то есть «жила там от крайней нищеты», как живут маргиналы, либо как «проживала на чердаке, в мансарде». На самом деле, речь идет о небольших квартирах-надстройках на крышах зданий в Каире, где традиционно селилась городская беднота, что, например, описано в известном романе египетского писателя Ала' ал-Асуани «Дом Якобьяна» (русский перевод – 2008 г.). Вариантом переводческой трансформации может быть добавление:

[Но одно было ясно: она больше не та нищенка, что жила на крыше в квартирке-надстройке в Баб аш-Шаарий и была согласна выйти замуж за какого-нибудь оборванца из кофейни Таштуши].

Семейно-бытовые традиции.

Одна из героинь мысленно упрекает бывшего гражданского мужа, не желавшего афишировать в обществе свои отношения, за то, что тот не ходил с ней к врачу. Представителю русской культуры скорее всего будет не понятно, почему героиня не могла пойти к врачу сама и почему среди всех претензий, которые можно было предъявить бывшему супругу, выбрана именно эта.

دا أنا حتى حرمت نفسي من الخلفة علشانه، رفضت عقود عمل في أوروبا علشان أفضل جنبه، لبست الحجاب علشان طلب مني ده، سبع سنين مالمهوش لازمة، ده كان بيخاف يوديني للدكتور علشان محدش يشوفه!

[Ради него я даже отказалась завести детей, я отказалась от предложения работать в Европе, лишь бы остаться рядом с ним, я надела хиджаб, как он просил. Семь лет прошли впустую. А он к врачу меня боялся отвести, лишь бы никто его со мной не увидел!]

⁴ Перевод выполнен автором статьи; вначале дан перевод подстрочный, затем перевод с необходимыми переводческими трансформациями

Для понимания последней реплики героини надо знать бытовую культуру египтян и их традицию сопровождать родственника к врачу, часто всей семьей (иногда включая групповой заход в кабинет врача) – это считается проявлением заботы о близком человеке. Соответственно, вышеописанный герой с точки зрения египетской культуры не проявляет должного внимания и заботы. Вариантом перевода может быть следующая экспликация:

[Ради него я даже отказалась завести детей, я отказалась от предложения работать в Европе, лишь бы остаться рядом с ним, я надела хиджаб, как он просил. Семь лет прошли впустую. А он к врачу со мной боялся пойти, как принято у нас в нормальных семьях, лишь бы никто его со мной не увидел!]

Традиции т.н. народного ислама.

После того, как главную героиню бросает возлюбленный, она в отчаянии отправляется в мечеть к гробнице святого Яхья, хочет было подмести там пол, но все же не решается. Данное действие не вполне понятно русскоязычному читателю.

أما مقام سيدي يحيى فهو مستقرها في آخر الرحلة، تصلى هناك صلاة المغرب، سيدي يحيى أبو المظالم، ولكن لم يطعها قلبها أن تفعل مثل أخريات وتكس المقام على إبراهيم.

[Гробница Сиди Яхья - вот ее пристанище в конце пути. Она совершает там вечернюю молитву, у святого Яхья, Отца всех обиженных. Но сердце ее не слушается, не позволяя сделать то же, что другие девушки, и подмести пол у гробницы за Ибрагимом].

Понимание данного действия возможно при знакомстве с местными народными традициями: в Египте обманутые женщины просят у святого Яхья о мести для своего обидчика-мужчины и подметают перед его гробницей пол в благодарность святому. Героиня же жалеет своего возлюбленного и отказывается от этой идеи. Переводом может быть либо добавление и переводческий комментарий в виде сноски, либо сочетание экспликационного перевода и добавления.

Вариант 1. [Гробница Сиди Яхья – вот ее пристанище в конце пути. Она совершает там вечернюю молитву, у святого Яхья, Отца всех обиженных. Но сердце ее не слушается, не позволяя сделать то же, что другие девушки, и подмести пол у гробницы, чтобы отомстить Ибрагиму]. Сноска: «В Египте, согласно местным народным традициям, обманутые женщины просят у святого отмщения обидчику и подметают пол у его гробницы».

Вариант 2. [Гробница Сиди Яхья – вот ее пристанище в конце пути. Она совершает там вечернюю молитву, у святого Яхья, Отца всех обиженных. Но сердце ее не слушается, не позволяет отомстить Ибрагиму, сделав то же, что другие обманутые девушки делают по народному обычаю – подмести пол у гробницы святого, выпрашивая возмездия обидчику].

География и историческая география региона.

Главная героиня вспоминает о своем брате, уехавшем в Ливан, когда видит на книжном развале журнал «Табибак» («Твой врач»), издаваемый в Сирии. Для русскоязычного читателя Сирия и Ливан – две разные страны, связь между ними не очевидна, как и ассоциация героини.

تشتري مجلة طبيبك السورية التي كانت تربطها بسعيد الذي هج إلى لبنان من سطوة سيد أو بالأحرى ليلي.

[Она покупает сирийский журнал «Табибак», который напоминает ей о брате Саиде, удравшем в Ливан от властного Сейида или скорее даже от господства Лейлы].

Арабоязычный читатель в отличие от русского воспринимает Ливан и Сирию как исторически единое территориальное и культурное пространство: эти территории входили в состав Арабского Халифата как область Большая Сирия (араб. Аш-Шам), затем в состав Османской империи как Дамасский вилайет; национальные государства были образованы лишь в 40-е годы 20 века, когда Ливан и Сирия обрели независимость (обе до этого были подмандатными территориями Франции). Эти подробности арабскому читателю хорошо известны, а ассоциации понятны. Переводческое решение видится в экспликационном переводе, который тем не менее не может отразить всей полноты информации,

имплицитно выраженной в исходном тексте. Поэтому представляется целесообразным снабдить данный фрагмент переводческим затекстовым примечанием.

[Она покупает сирийский журнал «Табибак», который напоминает ей о брате Саиде, удравшем в Ливан, расположенном по соседству с Сирией, от властного Сейида или скорее даже от господства Лейлы].

История арабских стран.

Ряд событий в жизни героини, в том числе явление некоего мистического персонажа, сообщающего о паранормальных способностях героини и ее особом даре, происходит на фоне сигнала воздушной тревоги, который сложно интерпретируется в данном контексте: читателю языка-реципиента может быть не совсем ясно, слышится ли это героине в связи с драматизмом момента (слуховые галлюцинации от психологического напряжения), либо это настоящая воздушная тревога во время военных действий, но тогда – каких?

كنت صغيرة في الخامسة عشر، أذهلتني كلمات صديقي الزائر الليلي عندما جاءني لأول مرة، وقتها كانت جدتي على فراش الموت ورفض سيد أخي الأكبر أن أكمل تعليمي، وصوت صفرات الإنذار المدوي في كل مكان. كنت خائفة جدا.

[Я была совсем юной, пятнадцатилетней девушкой, когда ко мне впервые явился Ночной Гость и смутил своим голосом – как раз в ту пору бабушка лежала на сметном одре, старший брат, Сейид, не дал мне продолжить учебу в школе, повсюду выли сирены воздушной тревоги. Мне стало страшно].

Читатель языка-источника без труда может догадаться, что речь идет об арабо-израильской войне 1967 года: в Израиле ее называют Шестидневная война, в арабских странах – «Накса» (араб. неудача, поражение). Ранее в тексте романа указывался год рождения главной героини – 1952, это год т.н. Июльской революции, когда группой «Свободные офицеры» 23 июля 1952 года в Египте был совершен военный переворот, а затем провозглашена республика. Соответственно, если героине пятнадцать лет, то становится ясным и год происходящих событий. При переводе можно ввести в текст дату и оформить в виде подтекстовой сноски комментариев об арабо-израильской войне 1967 года. Вторым вариантом решения видится экспликация в виде фразы «шла война с Израилем» с подтекстовым комментарием.

Вариант 1. [Я была совсем юной, пятнадцатилетней девушкой, когда ко мне впервые явился Ночной Гость и смутил своим голосом – как раз в ту пору бабушка лежала на сметном одре, старший брат, Сейид, не дал мне продолжить учебу в школе, повсюду выли сирены воздушной тревоги – шел 1967 год. Мне стало страшно].

Вариант 2. [Я была совсем юной, пятнадцатилетней девушкой, когда ко мне впервые явился Ночной Гость и смутил своим голосом – как раз в ту пору бабушка лежала на сметном одре, старший брат, Сейид, не дал мне продолжить учебу в школе, повсюду выли сирены воздушной тревоги – шла война с Израилем. Мне стало страшно].

Образование.

Одна из героинь романа, Нахид – девушка из богатой мусульманской семьи, дочь известного юриста. Однако учится она во французской католической школе у монахинь, хотя не является христианкой. Такая «странность», безусловно, нуждается в пояснениях.

[Инцирах заплетает ей волосы, с удовольствием слушает ее истории про школу, про сестер- послушниц и монахинь, поет вместе с ней песню «Братец Жак», которой научила ее еще Агавни].

فرير Frère Jacques تصفّر لها شعرها، تستمتع بقصصها عن المدرسة السيورات والراهبات، تغني معها انشراح أغنية جاكو، التي حفظتها لها أغانني.

В результате деятельности французских миссионеров католические школы появляются в Египте в середине 19 века – сегодня по всему Египту около 170 таких школ. И если сначала туда принимались христиане, то затем в эти школы стали поступать и мусульмане, при том, что каждый ученик сохранял свободу вероисповедания, а программа включала большой набор общеобразовательных дисциплин. Такие школы пользовались престижем у египетской элиты из-за высокого уровня академических стандартов, жесткой дисциплины и строгих моральных норм. Примечательно, что автор романа, будучи

дочь мусульманского шейха, тоже училась во французской католической школе сети «Сакре-Кёр».

Вариантом переводческого решения в данном случае может быть переводческий комментарий в виде затекстового комментария.

История современного Египта.

В романе описано, как героиня в детстве с восторгом относится к президенту Насеру, считает себя его дочерью и даже подписывает школьные тетради своим именем и его фамилией. Однако в одном из фрагментов, где описывается дружба Инширах с армянской семьей, вдруг возникает авторская реплика-вставка относительно египетского президента:

الغصة الوحيدة التي كانت في قلب انتشار تجاه عبد الناصر، أنه حرّمها من أسرتها الثانية...

[Единственное, за что Инширах затаила обиду на Насера, так это за то, что он разлучил ее с теми, кто стал ей второй семьей].

Что имеется в виду под «разлукой» в данном контексте? Арабский читатель или русскоязычный знаток истории Египта без труда поймет намек: в 50-60 гг. из Египта были высланы сначала иностранцы, а затем и инородцы, поколениями жившие на этой земле – греки, армяне, евреи, сирийцы, итальянцы и проч. Однако данные исторические сведения могут быть не известны широкой аудитории, что делает целесообразным оформление переводческого комментария в виде сноски или затекстового комментария.

Итак, прагматические адаптации неизбежны при различиях в фоновых знаниях целевой аудитории исходного текста и переводного текста, при этом, чем дальше друг от друга отстоят культуры типологически, тем больше прагматических адаптаций потребуется. Часто проблему для переводчика представляет выбор между экспликационным переводом, подразумевающим порой значительную интрузию в текст перевода, и переводческим комментарием в виде подстраничной сноски, которая отвлекает читателя, тормозя динамику восприятия текста. Отметим, что разные переводчики допускают разные переводческие стратегии, но ни одна из них не может быть названа идеальной. Задача переводчика при выборе любой из них – минимизировать переводческую интрузию, чтобы сохранить идеостиль автора, и не перегрузить текст перевода подстраничными сносками, так чтобы каждая из них была оправданной.

Литература

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990.

Шагаль В.Э. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. М.: ИВ РАН, 2001.

Samir Boulos “Historical Context: Egypt and the Christian Mission” in European Evangelicals in Egypt (1900-1956), Brill, 2016

ضحى عاصي. 104 القاهرة، بيت الياسمين للنشر والتوزيع، 2016

References

Komissarov, V. (1990) Teoriya perevoda (lingvisticheckie aspekty) (Translation theory (linguistic aspects). M.: Vyssh. shk. (in Russian)

Shagal', V. (2001) Arabskij mir: puti poznaniya. Mezhhkul'turnaya kommunikaciya i arabskij yazyk (The Arab world: ways of knowledge. Intercultural communication and Arabic). M.: IV RAN. (in Russian)

Samir Boulos (2016) “Historical Context: Egypt and the Christian Mission” in European Evangelicals in Egypt (1900-1956), Brill

ضحى عاصي. 104 القاهرة، بيت الياسمين للنشر والتوزيع، 2016

Т. Н. ГОНЧАРОВАСанкт Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация**ОСОБЕННОСТИ МЕСТНОГО КОЛОРИТА В «РУССКИХ
РОМАНАХ» ПОЛЯ ДЕ ЖЮЛЬВЕКУРА**

Июльская революция 1830 г., вознесшая на престол «короля-буржуа» Луи-Филиппа I, породила раскол между французскими роялистами. Некоторые из них, именуемые «легитимистами», сохранили верность свергнутому Карлу X. Обнаружив единомышленника в лице российского императора Николая I, легитимисты прониклись особой симпатией к нему и его стране. Именно такие чувства привели молодого Поля де Жюльвекура (1807–1845) в Россию, где он провел семь лет между 1833 и 1840 гг. Полученный им опыт вдохновил его на создание двух романов: «Настасья или московское Сен-Жерменское предместье» и «Русские в Париже», вышедших в 1842 и 1843 гг. В них автор поставил перед собой цель воспроизвести местный колорит, опираясь на свое знание русских характеров и культуры. В некоторых из созданных им сатирических портретов помещиков, подражающих манерам аристократического Сен-Жерменского предместья, угадываются исторические личности, выведенные под вымышленными фамилиями. Сатира сосуществует с восторженностью по отношению к образу жизни и чистоте нравственного облика русских крестьян и выходцев из народной среды. На основе проведенного анализа содержания и стилистики «русских романов» Жюльвекура, автор статьи приходит к выводу, что, хотя и почти забытые в наши дни, они достойны интереса, не в последнюю очередь вследствие вклада их автора во франко-русский культурный диалог.

Ключевые слова: Поль де Жюльвекур, легитимизм, Россия, местный колорит, «русские романы», Сен-Жерменское предместье.

T. GONCHAROVASt Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation**LOCAL COLOUR IN PAUL DE JULVÉCOURT'S «RUSSIAN NOVELS»**

The July revolution of 1830, which brought to the throne Louis-Philippe I, the «Roi Bourgeois», created a split between the French royalists, some of whom, called the «Legitimists», remained faithful to the deposed Charles X. Having found a like-minded person in the Russian Emperor Nicholas I, the Legitimists kept feeling a special sympathy for him and his country. It was such feelings which brought the young Paul de Julvécourt (1807–1845) to Russia where he spent seven years from 1833 to 1840. This experience inspired him two novels: «Nastasya or the “faubourg Saint-Germain” of Moscow» and «Russians in Paris», published 1842 and 1843. In them, the author set himself the goal of reproducing the local colour, relying on his knowledge of Russian characters and culture. In some of the satirical portraits of landowners imitating the manners of the aristocratic «faubourg Saint-Germain» one can identify historical figures under fictitious names. Satire coexists with enthusiasm for the way of life and moral values of Russian peasants and popular figures. Based on the analysis of the content and style of Julvécourt's «Russian novels», the author of this paper comes to the conclusion that, although almost

forgotten nowadays, they are still worthy of interest, not least because of the contribution of their author to the French-Russian cultural dialogue.

Key words: Paul de Julvécourt, legitimism, Russia, local colour, «Russian novels», «faubourg Saint-Germain».

Двухтомные романы французского писателя Поля де Жюльвекура «Настасья или московское Сен-Жерменское предместье» и «Русские в Париже» неизвестны русскому читателю. Не существует ни одного перевода его романов на русский язык, несмотря на то что они имели ошеломительный успех во Франции сразу после своего выхода из печати в 1842 и 1843 гг. Как сообщал влиятельный критик Эдуар Тьерри в журнале «La France littéraire»: «Все издание «Настасьи» оказалось раскуплено за считанные часы; за этим романом последуют другие. Осведомлять, развлекать и заинтересовывать, вот три элемента успеха, подвластных г-ну Полю де Жюльвекуру и очень малому количеству писателей» [Thierry, 1843, p. 78]. Как оказалось, успех «русских романов» во Франции был мимолетным, о чем свидетельствует то, что они никогда впоследствии не переиздавались. Во французском литературоведении второй половины XX века весьма высокую оценку Жюльвекуру-прозаику дал М. Кадо, который увидел в «Русских в Париже» «роман с ключом» и сумел идентифицировать отдельных персонажей [Cadot, 1967, p. 60]. Однако последовавшие критические разборы «русских романов» не признавали за ними не только исторического интереса, но и никаких литературных достоинств (Henry, 1993, p. 19–22; Krauss, 2012, p. 45, 53–55; Krauss, 2013, p. 103–105). Отечественным литературоведам прошлого и современности Жюльвекур известен, главным образом, своим первым французским переводом «Пиковой дамы» А. С. Пушкина в антологии «Ятаган» (1843) [Нейштадт, 1937, с. 149, 164; Трыков, 2008, с. 185]. Исключением является, пожалуй, только В. А. Мильчина, которая проявила интерес и к другим аспектам творчества Жюльвекура, в том числе к его романам [Мильчина, 2006, p. 380–381, 387–389, p. 466–468]. Впрочем, как справедливо отметила исследовательница, «романистика Жюльвекура заслуживает отдельного разговора» [Мильчина, 2006, p. 389].

Виконт Поль де Жюльвекур (1807–1845), уроженец города Мец, принадлежал к той части французских роялистов, именуемых «легитимистами», которые после прихода к власти «короля-буржуа» Луи-Филиппа I остались верными старшей ветви Бурбонов в лице герцога Бордоского, внука и законного наследника свергнутого Карла X. Первоначально их оппозицию подпитывала надежда на то, что иностранная интервенция сумеет восстановить на троне законного короля, как это произошло в 1814 г. Известно, что российский император Николай I ратовал за вторжение во Францию, однако, не найдя поддержки среди союзников, гарантов Венского порядка, Англии, Австрии и Пруссии, вынужден был отступить [Таньшина, 2018, с. 38–41]. Обнаружив в Николае I единомышленника, легитимисты прониклись к нему симпатией, что подвигло их на идеализацию как самого самодержца, так и самодержавной России, воспринимаемой как оплот порядка и стабильности в противовес французской конституционной растленности и непредсказуемости. Уместно в данном случае сослаться на Оноре де Бальзака. Известный своими легитимистскими симпатиями, он выражал свое восхищение «русской покорностью» [Мильчина, 2007, с. 29–39].

Такая идеализация России, названная В. А. Мильчиной «легитимистским русским миражом», нашла выход в переводах произведений молодой русской словесности с целью ознакомления с ними французского читателя, а также в своеобразных паломничествах в Россию [Мильчина, 2010, с. 206–207]. Тем не менее, далеко не всегда идеал, рисовавшийся в воображении, находил подтверждение при столкновении с реальностью. Астольф де Кюстин, автор нашумевшей «России в 1839 году» (1843), вернулся разочарованным в самодержавии, которое с треском провалило экзамен «на соответствие легитимистскому идеалу», что позволяет провести параллель с сенсационным

произведением другой эпохи — очерком «Возвращение из СССР» (1936) А. Жида о крахе коммунистических иллюзий [Мильчина, Осповат, 2008, с. 716].

Русская тема стала центральной в творчестве Жюльвекура, его поэзии, переводах, прозе, уже в 1830-е гг. Причиной тому исповедуемые им легитимистские убеждения, которые привели его в Россию, где он обзавелся семьей и жил «почти как русский» в период с 1833 по 1840 гг. [Julvécourt, 1842, t. I, p. 12]. По словам В. П. Балабина, секретаря русского посольства в Париже, знавшего писателя лично, он был «чистокровным легитимистом и искренним, усердным и пылким поклонником императора и русского народа» [Balabine, 1914, p. 82]. Супруга Жюльвекура Лидия Николаевна приходилась дочерью известному литератору и путешественнику Н. С. Всеволожскому и слыла невероятно образованной особой [Гончарова, 2016, с. 88].

«Русские романы» стали итоговыми в творчестве Жюльвекура, как в смысле подведения итогов его семилетнего пребывания в России, так и в смысле отпущенного ему времени, так как писатель скорострительно скончался от аневризмы в 1845 г., всего два года спустя после выхода второго романа. В первоначальные его планы входило создание тетралогии, куда предполагалось включить также «Кавалергарда» и «Цыганку из Нижнего». Однако из четырех запланированных Жюльвекур успел написать только два романа, которые вышли в издательстве «Nuyppolite Souverain», где имели обыкновение публиковаться О. де Бальзак, Ф. Сулье, П. де Кок.

В предисловии к «Настась» Жюльвекур определил своей целью «точное и верное описание нравов, обычаев страны и общества», так как во Франции бытует «поверхностное и почти всегда ошибочное представление» о России [Julvécourt, 1842, t. I, p. 8]. При таких претензиях на объективность изображения естественно задаться вопросом, почему Жюльвекур избрал жанр романа, а не «более серьезный» (по его же словам) жанр публицистики или путевых заметок. Предвидя этот вопрос, писатель ссылаясь на то, что форма романа, в которую он облек свое повествование, является «уступкой предпочтениям века, который не приемлет картины без золотистого и блестящего обрамления» [Julvécourt, 1842, t. I, p. 8]. Не приходится сомневаться, что под «предпочтениями века» имелась в виду мода на романы, делавшие своим предметом анализ социальных явлений по образцу того, как физиология изучает закономерности функционирования живого организма. Такая претензия на научность находила отражение даже в названиях, примером чему может служить имевшая большую популярность после своего выхода в 1829 г. «Физиология брака» О. де Бальзака, поставившего себе целью изучить природу брачных обычаев.

Объясняя свой замысел, Жюльвекур неоднократно прибегал к введенному романтиками термину «местный колорит» (*la couleur locale*) для того, чтобы еще отчетливее декларировать свой интерес к своеобразию и даже экзотизму русской культуры. При этом в центре его внимания — русское общество, главным образом, представители дворянской среды, воспитанные иностранными гувернерами или гувернантками, многие из которых имели французское происхождение. Следует отметить, что если интерес Жюльвекура к местному колориту сформировался под влиянием романтической традиции, то его внимание к социальным вопросам свидетельствует уже об ориентированности на реализм. Персонажи обоих романов, по утверждению автора, являют собою «типы, а не портреты», что подразумевает наделение их типично русским характером и поведением [Julvécourt, 1843, t. I, p. 7].

Писатель настолько преуспел в реализации этого замысла, что после выхода из печати «Настась» до него стали доходить жалобы от русских, узнававших в романных персонажах себя самих, выписанных в очень нелестном виде [Julvécourt, 1843, t. I, p. 5–8]. Жюльвекура принялись уличать в сатире и клевете. О недовольстве соотечественников писал в своем дневнике и упомянутый выше дипломат В. П. Балабин, опасаясь, что и в следующем романе они «примутся выискивать персоналии (а когда их ищешь, то можешь быть уверенным, что найдешь)» [Balabine, 1914, p. 83]. Как бы то ни было, негодующие

отклики на первый роман свидетельствовали об успехе Жюльвекура в его стремлении дагерротипировать свои модели [Juvécourt, 1843, t. I, p. 11].

Время действия «русских романов» совпадает со временем их создания, о чем свидетельствует упоминание о дипломатическом кризисе, разразившемся в отношениях между двумя странами на рубеже 1841–1842 гг. [Juvécourt, 1843, t. II, p. 246–249]. Сюжетные линии перекликаются вследствие схожих интриг и характеров. Некоторые персонажи «Настасьи» встречаются и в «Русских в Париже», как студент Аксанин, дипломат Баришкин, князь и княгиня Зайцины и т.д. Главные героини, романтическая Настасья, пылкие Надин и Дарья, становятся жертвами циничных манипуляций со стороны пожилых, но молодящихся светских львиц, Екатерины Белорукой в первом романе, княгини Ворониной во втором, готовых на все ради удержания возле себя молодых ухажеров. Местный колорит находит выражение как в персонажах, так и в типично русских сценах. Однако дворяне, которыми населены оба романа, предстают в сатирическом свете.

Тема подражания образу жизни аристократического Сен-Жерменского предместья Парижа как неотъемлемая часть времяпровождения русского дворянства подается в гротескном виде. Так, князь Зайцин распорядился построить в своей усадьбе Пекра готический замок по рисунку, найденному в альбоме, не заботясь о том, что средневековый мануар выглядит неуместным посреди русской провинции. Внешнее следование правилам хорошего тона, как выясняется, не проникает в глубинное сознание. Приглашенный на бал в Москве заезжий парижанин находит неприличным то, что гости, пресыщаясь сладостями и фруктами с буфета, без стеснения набивают ими свои карманы и шляпы, в то время как «дамы делают из своих валансьенских кружевных платков некое подобие котомки» [Juvécourt, 1842, t. II, p. 270–271].

В романах высмеивается неуклюжий французский язык провинциалов. В своем стремлении изъясняться на «аристократическом языке» они допускали массу ошибок смыслового характера. Получив приглашение на ужин в усадьбу Пекра, г-жа Калашникова, соседка Зайциных, следуя старинным обычаям, прибыла со всем своим многочисленным семейством намного раньше назначенного часа, заявив в ответ на комплимент хозяина: «*Les Kalachnikoff sont trop, comme on dit à l'étranger, de la vieille roche⁵, pour nier leur naissance*» [Juvécourt, 1842, t. II, p. 126–127]. Та же самая дама немало повеселила присутствующих своими дословными переводами русских фразеологизмов. В авторском примечании, которым Жюльвекур снабдил текст, утверждается подлинность подмеченных им нелепостей. «Я помещаю их здесь как местный колорит...» [Juvécourt, 1842, t. II, p. 96].

Можно предположить, что в своем высмеивании бездумного подражательства всему иностранному Жюльвекур вдохновлялся произведениями классиков русской литературы, которые, как А. С. Грибоедов в «Горе от ума», видели в отрыве от национальной жизни ужасающий порок современности. Историк литературы Ш. Корбе высказал мнение о том, что провинциальные сцены и диалоги, выведенные в «Настасье», могли быть внушены Жюльвекуру поэмой в прозе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [Corbet, 1967, p. 208]. К слову, главные герои его второго романа Людмила и Рубецкой напоминают Онегина и Ленского («лед и пламя не столь различны меж собой»). Напрашивается и параллель и с более отдаленной по времени комедией Мольера «Мещанин во дворянстве»: русские дворяне в своем стремлении подражать французам, за которыми закрепилась репутация

⁵ На правильном французском — «de la vieille roche» (старой формации). «Калашниковы – слишком, как говорят за границей, люди старой формации, чтобы отрицать свое происхождение».

превосходства в культурном плане, предстают в столь же абсурдном виде, как французский буржуа, копирующий дворянские манеры.

В этой связи представляется уместным оспорить неоправданно суровое суждение о романах П. де Жюльвекура, высказанное французскими исследовательницами Э. Анри и Ш. Кросс, которые нашли его тексты «посредственными», «бессвязными вследствие литературного эклектизма, зачастую на грани плагиата» [Henry, 1993, p. 22; Krauss, 2013, p. 94, 106]. На наш взгляд, обвинение в заимствованиях выглядит надуманным, поскольку французские и русские литературные влияния, прослеживаемые при анализе созданных Жюльвекуром характеров, а также стилистики, выглядят вполне органичными, так как были усвоены и переработаны автором.

Галереи сатирических портретов дворян, приглашенных на ужин в усадьбу Пекра, на бал в Москве, на свадьбу в Париже, навевают ассоциации с персонажами Н. В. Гоголя. Можно предположить, что входящий в литературные круги Жюльвекур имел возможность познакомиться в России с творчеством Гоголя. В некоторых из персонажей «Русских в Париже» под вымышленными фамилиями угадываются известные исторические личности. Старый князь Палкин, проводящий время в окружении красавиц, как султан посреди гарема, вызывает ассоциации с П. И. Тютякиным, парижским денди и сибаритом [Cadot, 1967, p. 52]. Графиня Любовкина, не скупящаяся на денежные пожертвования в пользу церкви, напоминает Ю. П. Самойлову, прославившуюся своим эксцентричным поведением [Cadot, 1967, p. 80]. Представляется возможным подобрать «ключ» и к отдельным персонажам из «Настасьи». В образе г-на Мудрецова, который на балу у Курдюковых «держится с важностью сенатора», угадывается П. Я. Чаадаев, автор «Философических писем» (1836), вызвавших возмущение в правящих кругах, вследствие выраженного в них сожаления по поводу духовного застоя России. «Это г-н Мудрецов, насчет которого издали указ, объявляющий его безумным», — говорит шевалье д'Имкур, обращаясь к заезжему парижанину [Julvécourt, 1842, t. II, p. 280]. Как справедливо отметила В. А. Мильчина, «перед нами, возможно, первый во французской печати рассказ о судьбе Чаадаева; напомним, что книга маркиза де Кюстина, где судьба эта описана более подробно и более сочувственно, вышла на год позже» [Мильчина, 2006, с. 467]. Генерал Багатов, еще один гость на балу у Курдюковых, всем своим видом «дремлющего льва» напоминает А. П. Ермолова, который до своей отставки в 1827 г. по обвинению в самоуправстве командовал русскими войсками на Кавказе. «У него великолепная голова: эта седая шевелюра, эти черные усы и чрезвычайно выразительные глаза смотрятся очень органично, излучая силу и достоинство»⁶ [Julvécourt, 1842, t. II, p. 274-275].

Кроме сцен из провинциальной, московской и парижской жизни дворянства, в романах Жюльвекура присутствуют идеализированные картины сельской жизни, а также зарисовки этнографического характера, как описание Москвы с высоты птичьего полета. Они вкраплены в романное действие, представляя собой отступления от основной сюжетной линии. Упомянутые выше литературные критики Э. Анри и Ш. Кросс считают, что они вредят романам Жюльвекура, делая их бессвязными [Henry, 1993, p. 19–20; Krauss, 2007, p. 155]. Думается, что это не так. Авторские отступления — это всего лишь литературный прием, к которому зачастую прибегали писатели XIX века, тот же Бальзак. Они оправданы желанием автора дать общее представление о местном колорите, будь то

⁶ Портрет генерала А. П. Ермолова кисти П. З. Захарова-Чеченца 1843 г. в полной мере соответствует приведенному описанию.

описание русской избы, самовара, линейки, хоровода или ознакомление с терминами, обозначающими типично русские социальные явления, как барыня, староста и т.д. Самый запоминающийся народный образ, созданный Жюльвекуром, — карлик Горемыкин из «Настасьи». Наделенный отвратительной наружностью и любящим сердцем, он напоминает горбуна Квазимодо, персонажа романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери» (1831). Горемыкин отвергает предложенное ему освобождение от крепостной зависимости во имя любви к своей хозяйке. Но и в целом простонародные обитатели помещичьей усадьбы не жаждут обрести свободу. Напротив, крепостные крестьяне предстают довольными своей участью. Деревенские девки души не чают в своей барыне. «Вот жалкие крепостные, несчастные рабы, жертвы, бичуемые кнутом! Говорите им о свободе, и они рассмеются вам в лицо. Они не понимают высокие социальные идеи нашего века; они все еще живут в семейном режиме. Патернализм у них – закон!» — восклицает Жюльвекур в конце описания деревенского праздника [Julvécourt, 1842, t. I, p. 195–196]. Один из персонажей, старый граф Русников, патриот, не приемлющий ничего иностранного, утверждает: «Крепостной в России – фермер, с которым хозяин обращается как со своим ребенком» [Julvécourt, 1843, t. I, p. 192]. Помещик предстает в изображении Жюльвекура как заботливый отец для своих крестьян, тогда как император является таковым для своих подданных. Отметим в заключение, что романы Жюльвекура «Настасья» и «Русские в Париже» представляют собой поразительную смесь восхищения и критики. Написанные легким, быстрым, блестящим стилем, они с интересом читаются и сегодня, несмотря на то, что Жюльвекур – не автор первого плана. Имеющиеся в них исторические аллюзии, как и ряд узнаваемых портретов, придают им еще большую ценность. Русский читатель мог бы найти в них пищу для ума, но романы Жюльвекура не встретили в России благоприятного приема. Правящие круги отнесли их автора к разряду «заезжих виконтов, баронов и преимущественно маркизов», позволивших себе «сатирическое изображение российских реалий» [Достоевский, 1983, с. 98]. Так случилось, что издание «русских романов» совпало по времени с выходом в свет «России в 1839 г.», которая скандализировала императора Николая I своим критическим настроением. При этом ироничная и даже гротескная манера изображения не была чем-то новым в России, где с успехом шли комедии А. С. Грибоедова и Н. В. Гоголя. Просто критика, исходящая от русских авторов, меньше ранила национальное самолюбие. И хотя Жюльвекур-романист, в отличие от А. де Кюстина, писал в гораздо более легкой манере и не интересовался политикой, слишком велико было раздражение, вызванное путевыми заметками маркиза. Выведа на страницах своих романов представителей дворянства и крестьянства, Жюльвекур явно отдавал предпочтение последним. Дворянская среда, возведшая в культ поклонение Сен-Жерменскому предместью, разочаровала автора своей аккультурацией, в то время как самобытность крестьян, их исконно русский менталитет, как и их верность традициям, вызывали восхищение. Последующее «хождение в народ» российской интеллигенции, как в плане политики, так и в культуры, свидетельствует о провидческом даре Поля де Жюльвекура: уже в начале 1840-х гг. французский писатель выказывал поклонение русскому народу как хранителю национального своеобразия, иначе говоря, местного колорита.

Источники

- Достоевский Ф. М. Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф. М. Искания и размышления / Сост. Г. М. Фридендер. М., 1983. С. 80–116.
- Balabine V. Journal de Victor de Balabine, secrétaire de l'ambassade de Russie, 1842–1847, publié par Ernest Daudet. Paris: Emile-Paul frères, 1914. 336 p.
- Julvécourt P. de. Nastasie ou le faubourg Saint-Germain moscovite. En 2 t. Paris: Hippolyte Souverain, 1842. T.1–337 p. T.2–372 p.

Julvécourt P. de. Les Russes à Paris. En 2 t. Paris: Hippolyte Souverain, 1843. T.1–299 p. T.2–311 p.
Thierry E. Revue littéraire. Chronique // La France littéraire. 1842. Vol. IX. 2ème série. P. 76–79.

Литература

- Гончарова Т. Н. Русская литература в восприятии французских писателей и публицистов (1814–1848) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 82–96.
- Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб.: Гиперион, 2006. 528 с.
- Мильчина В. А. Русофилы, русофобы и «реалисты»: Россия в восприятии французов // Отечественные записки. 2007. № 38(5). С. 29–39.
- Мильчина В., Осоват А. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Изд. 3-е. СПб.: Крига, 2008. 368 с.
- Мильчина В. А. «Русский мираж» как прообраз «Русской идеи». «Предисловие к “Балалайке”» Поля де Жюльвекура // К истории идей на Западе: «Русская идея» (сб. статей) / Под ред. В. Е. Багно и М. Э. Маликовой. Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского дома, 2010. С. 206–217.
- Нейштадт Вл. Пушкин в мировой литературе // Красная новь. 1937. № 1. С. 144–173.
- Таньшина Н. П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 334 с.
- Трыков В. П. Французский Пушкин // Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Мос. Гуманитарного университета. 2008. № 1. С. 183–190.
- Cadot, M. (1967) La Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1856. Paris: Fayard.
- Corbet, Ch. (1967) A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: Marcel Didier.
- Henry, H. (1987) Note sur les traductions en français de «La Dame de Pique» // Revue des études slaves. Tome 59. Fascicules 1–2. pp. 277–284.
- Henry H. (1993) Paul de Julvécourt (1807–1845) entre la France et la Russie // Revue russe. № 5. P.15–26.
- Krauss, Ch. (2007) La Russie et les Russes dans la fiction française du XIXe siècle (1812–1917): d'une image de l'autre à un univers imaginaire. Amsterdam–New York: Éditions Rodopi.
- Krauss, Ch. (2012) Paul de Julvécourt ou comment (ne pas) expliquer la Russie aux lecteurs français // From the West to the East. Literary paths against the current. Dir. Stanislaw Jacobczyk et Charlotte Krauss. Poznań/Gniezno: PTPN. pp. 45–56.
- Krauss, Ch. (2013) “Aujourd’hui Nicolas — Napoléon demain!” Paul de Julvécourt (1807–1845) à la recherche du bon tsar paternel // Slavica Occitania. № 37 (Figures d'exil entre Russie, Occident et Orient). pp. 93–106.

Sources

- Dostoevskij F. M. Rjad statej o russkoj literature [A number of articles on Russian literature], in Dostoevskij F. M. Iskanija i razmyshlenija [Searches and reflections]. Sostavitel' G. M. Fridlender. Moskva, 1983. S. 80–116. (in Russian)
- Balabine V. Journal de Victor de Balabine, secrétaire de l'ambassade de Russie, 1842–1847, publié par Ernest Daudet. Paris: Emile-Paul frères, 1914. 336 p. (in Russian)
- Julvécourt P. De. Nastasie ou le faubourg Saint-Germain moscovite. En 2 t. Paris: Hippolyte Souverain, 1842. T.1–337 p. T.2–372 p. (in Russian)
- Julvécourt P. De. Les Russes à Paris. En 2 t. Paris: Hippolyte Souverain, 1843. T.1–299 p. T.2 311 p. (in Russian)

Thierry E. Revue littéraire. Chronique // La France littéraire. 1842. Vol. IX. 2ème série. P. 76 - 79. (in Russian)

References

- Goncharova, T. N. (2016) Russkaja literatura v vosprijatii francuzskih pisatelej i publicistov (1814–1848) [Russian literature in the perception of French writers and publicists], in Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the department of Modern and Contemporary history]. № 16. S. 82–96. (in Russian)
- Mil'china, V. A. (2006) Rossija i Francija. Diplomaty. Literatory. Shpiony [Russia and France. Writers. Diplomats. Spies]. Sankt-Peterburg: Giperion. 528 s. (in Russian)
- Mil'china, V. A. (2007) Rusofily, rusofoby i «realisty»: Rossija v vosprijatii francuzov Russophiles, Russophobes and realists: Russia in the memoirs of the French], in Otechestvennye zapiski. № 38(5). S. 29–39. (in Russian)
- Mil'china, V. & Ospovat A. (2008) Kommentarij k knige Astol'fa de Kjustina «Rossija v 1839 godu» [Comments on Astolphe de Custine's book «Russia in 1839»]. Izd. 3-e. Sankt-Peterburg: Kruga. (in Russian)
- Mil'china, V. A. (2010) «Russkij mirazh» kak proobraz «Russkoj idei». «Predislovie k “Balalajke”» Polja de Zhjul'vekura [«Russian mirage» as a prototype of the «Russian idea». Preface to the “Balalaika” of Paul de Julvécourt], in K istorii idej na Zapade: «Russkaja ideja» [Supplementing the History of Ideas in the West: the «Russian Idea»] (sb. statej) / Pod red. V. E. Bagno i M. Je. Malikovoj. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo doma, pp. 206–217. (in Russian)
- Nejshtadt, V. (1937) Pushkin v mirovoj literature [Pushkin in world literature], in Krasnaja nov' [Red news]. № 1. S. 144–173. (in Russian)
- Tan'shina, N. P. (2018) Samoderzhavie i liberalizm: jepoha Nikolaja I i Lui-Filippa Orleanskogo [Autocracy and Liberalism: the era of Nicholas I and Louis-Philippe Orleans]. Moskva: Politicheskaja jenciklopedija (in Russian)
- Trykov V. P. (2008) Francuzskij Pushkin [French Pushkin], in Znanie. Ponimanie. Umenie. Nauchnyj zhurnal Moskovskogo gumanitarnogo universiteta [Knowledge. Understanding. Skill. Scientific journal of the Moscow University for the Humanities]. 2008. № 1. pp. 183–190. (in Russian)
- Cadot, M. (1967) La Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1856. Paris: Fayard.
- Corbet, Ch. (1967) A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: Marcel Didier.
- Henry, H. (1987) Note sur les traductions en français de «La Dame de Pique» // Revue des études slaves. Tome 59. Fascicules 1–2. pp. 277–284.
- Henry H. (1993) Paul de Julvécourt (1807–1845) entre la France et la Russie // Revue russe. № 5. P.15–26.
- Krauss, Ch. (2007) La Russie et les Russes dans la fiction française du XIXe siècle (1812–1917): d'une image de l'autre à un univers imaginaire. Amsterdam–New York: Éditions Rodopi.
- Krauss, Ch. (2012) Paul de Julvécourt ou comment (ne pas) expliquer la Russie aux lecteurs français // From the West to the East. Literary paths against the current. Dir. Stanislaw Jacobczyk et Charlotte Krauss. Poznań/Gniezno: PTPN. pp. 45–56.
- Krauss, Ch. (2013) “Aujourd'hui Nicolas — Napoléon demain!” Paul de Julvécourt (1807–1845) à la recherche du bon tsar paternel // Slavica Occitania. № 37 (Figures d'exil entre Russie, Occident et Orient). pp. 93–106.

О.Н. ГОРЯИНОВА, С.Ю. РУБЦОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

АРГУМЕНТИРОВАННОСТЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РЕЧИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Статья посвящена проблеме аргументации в академическом общении. Именно в академической речи возможно применить аргументацию во всей ее полноте, так как именно этот тип речи предназначен для передачи логических построений и выводов. Особое внимание уделяется использованию интерактивных технологий и предлагается модель интерактивного занятия, основной темой которого является аргументация академической речи. Риторические, аксиологические и этические характеристики аргументации рассматриваются как регулирующие межличностные отношения в профессиональном кросс-культурном общении. Авторы приходят к выводу, что аргументативная деятельность и взаимодействие обучающихся обеспечивают активизацию фактуального и логического аспектов аргументации, указывающих на автономию личности, способствуют формированию навыка продуктивно и эффективно использовать аргументы для изменения взглядов и дальнейшего поведения собеседников в рамках ситуации взаимодействия.

Ключевые слова: аргументация, кросс-культурное общение, академическая речь, интерактивные технологии, преподавание иностранных языков

O. GORYAINOVA, S. RUBTSOVA

St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

ACADEMIC SPEECH ARGUMENTATION IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

The article is devoted to the problem of argumentation in academic communication. It is in academic speech that provides opportunities to apply argumentation in the most effective way, since this type of speech is designed to convey logical constructions and conclusions. Special attention is paid to the use of interactive technologies and an interactive lesson model is proposed, the main theme of which is the argumentation of academic speech. The rhetorical, axiological and ethical characteristics of argumentation are considered as regulating interpersonal relations in professional cross-cultural communication. The authors come to the conclusion that argumentative activity and interaction of students provide activation of factual and logical aspects of argumentation, indicating the autonomy of the individual, as well as contribute to the fostering the skill use effective arguments to change the views and further behavior of interlocutors within the interaction situation.

Key words: argumentation, cross-cultural communication, academic speech, interactive technologies, teaching foreign languages

В свете современных требований к уровню подготовки выпускников школ и вузов, когда на первый план выходит умение осуществлять эффективное общение, представляется актуальным рассмотрение важности аргументации как практического инструмента

профессиональной и межкультурной коммуникации. Владение аргументативной академической речью является одной из основных компетенций, приобретаемых в процессе обучения иностранному языку.

Академическая речь – особая речевая форма, в которой обучающийся может применить аргументацию во всей её полноте. Этот тип речи предназначен для выражения концептуальных понятий, сложных суждений, логических построений и выводов. Академический дискурс обладает своими специфическими нормами и стандартами, придуманными еще древнегреческими философами.

Философский энциклопедический словарь даёт следующее определение аргументации: «Аргументация (лат. argumentatio) – способ выдвижения оснований под какую-либо мысль или действие (обоснование) с целью их публичной защиты, побуждению к определённом мнению о них, признания или разъяснения; способ убеждения кого-либо посредством значимых аргументов» [5, с.36]. Аргумент определяется как «суждение (или совокупность взаимосвязанных суждений), приводимое в подтверждение истинности какого-либо другого суждения (или теории)» [5, с.36].

Существует множество различных подходов к проблеме аргументации, описаний тех или иных сторон аргументационной деятельности, попыток взглянуть на аргументацию под различными углами зрения. При этом одни исследователи обращают внимание прежде всего на личностные аспекты аргументации, другие — на её логическое строение, третьи — на лингвистические средства.

В рамках данного исследования значимым представляются следующие аспекты аргументации, выделяемые в рамках философии [5, с.36]: 1) фактуальный, 2), аксиологический 3), этический 4) риторический, 5) логический, позволяющие рассмотреть образовательный потенциал аргументации. Рассмотрим каждый из аспектов аргументации сквозь призму преподавания иностранных языков.

Аргументация представляет собой интеллектуальную познавательную деятельность. Выступая в роли субъекта иноязычного образования, обучающийся овладевает искусством аргументации, особенно если он познаёт что-то новое. Подвергая интерпретации информацию о фактах, которые используются в качестве аргументов, обучающийся формирует поле аргументации, куда входят уже имеющиеся у него знания, мнения, убеждения, его навыки интеллектуальной деятельности, склонности и пристрастия. Другими словами, познание (1) в условиях обучения иностранным языкам – это не только овладение неким знанием, это и сравнение с уже имеющимся знаниями и выведение нового знания на их основе.

Поскольку обучающийся познает факты культуры при помощи иностранного языка, через который эта культура транслируется, то, следовательно, сравнение (и не только!) фактов культуры страны изучаемого языка, явное или скрытое, с фактами своей собственной культурой, приведёт к осознанию собственной культурной идентичности.

Накопление фактологических знаний и различных мнений, то есть аргументов, происходит через постоянное ознакомление с фактами культуры своей и других стран. Становясь для человека ценностью реальной, а не потенциальной, эти факты культуры создают предпосылки для дальнейшего укрепления ценностной позиции и воспитания интереса к проблемам современного общества в поликультурном мире, что соотносится с аксиологическими (2) и этическими (3) аспектами аргументации.

Риторика трактует аргументацию как систему приемов убеждения, необходимых для эффективного речевого и эмоционального воздействия на аудиторию. Для создания высказываний аргументативного типа обучающимся потребуются аргументы в качестве строительного материала, а также правила «конструирования» высказываний на основании таковых. Аргументативные стратегии и персуазивная тактика лежат в основе риторического (4) аспекта коммуникации.

В логике (5) аргумент рассматривается как посылка доказательства, другими словами, – как основание или довод доказательства. Аргументация считается логической, если тезис

аргументации выводим из совокупности ее посылок, то есть аргументов, и соответствует замыслу говорящего.

Искусство аргументации предполагает наличие следующих способностей:

- оперирование фактами, мнениями, умение делать выводы, заключения,
- рассуждение на уровне понятия, суждения, умозаключения,
- структурирование высказывания и расположение составляющих его частей в соответствии с основными лингвологическими законами (монотематичность, когерентность, когезия, согласованность),
- строгое соблюдение внутренних логико-риторических законов текста: закон последовательности, закон (не-) противоречия и исключенного третьего, закон тождества, закон достаточного основания,
- владение приемами обобщения, спецификации, классификации, критического анализа, сравнения и выделения причины и следствия.

По мнению М.К. Мамардашвили, если логические способности недостаточно развиты, движение рефлексии в смыслах может затрудняться и даже блокироваться, и мы имеем лишь «тень» мысли, подобие мысли, ее мертвую имитацию – «симулякры» [4, с.14]. Из этого следует, что логика говорения должна стать одной из центральных задач обучения аргументированной речи на иностранном языке.

Очевидно, что в условиях поликультурного общения с присущим ему плюрализмом мнений, взглядов, идей и ценностей невозможно использовать «однонаправленную» логику в аргументации. Приемы аргументации могут применяться при отстаивании любых убеждений (в том числе диаметрально противоположных) относительно веры, религии, политики и даже основываться на предрассудках, что делает обучение искусству аргументации на иностранном языке еще более интересным для целей приобретения определенных компетенций в сфере межкультурной коммуникации.

Отметим, однако, что возведение искусства логики в ранг ведущего в аргументированном академическом дискурсе, в известных пределах условно, но оправдано целями исследования, поскольку мы делаем акцент на изучении форм аргументативной деятельности, о которой речь пойдет ниже, и разработке технологии обучения таковой на иностранном языке.

Вслед за А.Н. Леонтьевым мы понимаем под деятельностью процесс, «который побуждается и направляется мотивом, конкретизирующим в себе ту или другую потребность» [3, с.279]. Поскольку аргументация рассматривается как особая, сложная разновидность академического дискурса, как речемыслительная деятельность, то для того, чтобы мотивировать эту деятельность, необходимы соответствующие речемыслительные задачи.

В качестве речемыслительной задачи, адекватной для целей обучения аргументации, может выступать определенное утверждение/убеждение (statement). Решая задачу убедить кого-либо в чем-либо, обучающийся стоит перед выбором стратегии и тактики. Из имеющегося у него знания он подбирает аргументы и комбинирует их, а также выбирает адекватные средства выражения логической связи между аргументами.

Применение частных речевых задач, соотносящихся с убеждением как обобщенным их типом (В.Б. Царькова) для формирования речемыслительных задач различного уровня проблемности, в одинаковой мере целесообразно для развития всех качеств речевого умения, среди которых можно выделить целенаправленность, логичность, связность, самостоятельность, продуктивность и другие.

Остановимся подробнее на некоторых качествах речевого умения, развитию которых будет способствовать формирование аргументативной способности.

Вектор аргументации всегда задается в определенном направлении, и потому мы можем говорить о целенаправленности аргументативного высказывания. Логичность есть отражение структуры мысли и ее развития в семантических связях элементов аргументативной речи. Связность определяется степенью владения арсеналом логических скреп (linkers and

connectors), необходимых для совершения аргументативных процедур – начать, продолжить, закончить, перечислить, дополнить, расширить, изменить ход высказывания.

Аргументативное высказывание также характеризуется относительной завершенностью, непрерывностью, самостоятельностью, выразительностью. Но главное, на наш взгляд, это то, что аргументативная речь максимально продуктивна. Новая комбинация аргументов – это новое аргументативное высказывание, то есть новый продукт речемыслительной деятельности.

Тем временем преподаватели иностранных языков сталкиваются, в основном, с тем, что обучающиеся привыкли к устной речи в формате topics (наборы текстов на определенные темы). Основная проблема - отсутствие навыков подлинно монологической или диалогической речи, умения вести беседу в рамках конкретных жизненных ситуаций, когда при наличии пусть невысокого, но допустимого уровня лексико-грамматических навыков, наблюдается полное неумение использовать язык как средство обоснования своей точки зрения, логичной презентации выводов, подкрепления своих мыслей доводами и аргументами, тем самым полностью лишая дискурс персуазивной функции.

В связи с вышесказанным представляется необходимым обратиться к помощи интерактивных технологий, которые не только прочно вошли в образовательную систему школ и вузов, но и приобретают первостепенную значимость на рынке труда. Среди очевидных преимуществ интерактивных технологий следует упомянуть такие как мобилизация познавательной активности и, как правило, высокий процент усвоения знаний, активная роль обучающихся, заключающаяся в принятии важных решений по поводу самого процесса обучения.

Представим проект алгоритма построения подобного занятия.

Занятие предлагается начать с постановки проблемы и с обоснования необходимости её решения, то есть с обоснования её актуальности. Аргументативная деятельность и взаимодействие обучающихся, возникающие при решении проблемы, обусловят необходимость привлечения знаний, которыми обладает обучающийся. Наступает этап актуализации уже имеющихся знаний.

Возьмем, к примеру, тему роли Интернета в жизни людей. Следует для начала определить понятие Интернет, это необходимо для того, чтобы, во-первых, и преподаватель, и обучающиеся находились в одном понятийном поле. Преподаватель фиксирует все варианты, предложенные обучающимися, и совместно с ними выбирает наиболее полное и исчерпывающее определение.

Чтобы высказываться аргументативно, необходима высокая степень осознанности речемыслительной деятельности, которая достигается за счёт развития навыков работы с разного рода знанием: его получением, анализом и синтезом. Следовательно, на втором этапе обучающимся необходимо овладеть приемами работы с Интернет-ресурсами по извлечению нового знания, определению характера этого знания и его комбинированию в новых речевых условиях для того, чтобы в дальнейшем применять эти приёмы самостоятельно.

На данном этапе нам представляется адекватным применение интернет-сайта Wikipedia (с оговоркой, что не вся информация, представленная там, всегда достоверна). Содержание информации статей рассматривается с помощью гипертекстового подхода. Гипертекстовое представление информации является более соответствующим механизмам человеческого мышления, чем традиционный линейный текст. На странице Internet⁷ представлен материал о мировой сети Интернет, истории его создания, статистика,

⁷ <https://en.wikipedia.org/wiki/Internet>

графики, что даёт возможность изучать материал в любом порядке, на разных уровнях владения языком.

Любая новая информация заставляет нас корректировать свои знания и свое мышление. На этапе комбинирования знаний при решении разнообразных речемыслительных задач, обучающимся потребуются знания о когнитивных структурах, лежащих в основе построения текстов аргументативного характера. На сайте BritishCouncil⁸ есть страница, где представлена логика отбора форм работы, задающая определенную последовательность речемыслительного процесса.

На завершающей стадии развитие умений аргументативной речи должно быть направлено не только на усвоение разнообразных знаний как таковых, но и на формирование навыков и умений, необходимых и достаточных для осуществления аргументативной речевой деятельности. На данном этапе возможно применение таких форм групповых дискуссий как ролевая игра или круглый стол, которые требуют максимальной аргументативности. В этом случае востребованными оказываются умения не только выдвигать ряд аргументов в поддержку или для опровержения определенного заданного тезиса с определенной персуазивной целью, но и умения наиболее продуктивно и эффективно использовать аргументы для изменения взглядов и дальнейшего поведения собеседников в рамках ситуации взаимодействия.

Аргументативная деятельность и взаимодействие обучающихся обуславливают активизацию фактуального и логического аспектов аргументации, указывающих на автономию личности, а также риторических, аксиологических и этических характеристик аргументации, которые рассматриваются как характеристики, регулирующие межличностные отношения в профессиональной и межкультурной межличностной коммуникации при общении в познавательном процессе. Применение интерактивных ресурсов сделает образовательный процесс более актуальным, интересным и плодотворным.

Литература

1. Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение. – М.: Изд-во МГУ, 1991. — 150 с.
2. Ковальчук М.А. Дискуссия как средство обучения иноязычному общению: Методическое пособие для преподавателей иностранных языков/М.А.Ковальчук. – М.: Высшая школа; Научно-образовательный центр “Школа Китайгородской”, 2008 – 144 с.
3. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I – М.: Педагогика, 1983. – 392 с.
4. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. – М., 2001.
5. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. – 2-ое изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
6. Царькова В.Б. Речевые упражнения на немецком языке. – М., 1980.

References

1. Alekseev, A. (1991) Argumentaciya. Poznanie. Obschchenie [Argumentation. Cognition. Communication]. –М.: Publishing House of Moscow State University.— 150 p. (in Russian)

⁸ <https://learnenglish.britishcouncil.org/skills/writing/upper-intermediate-b2/an-opinion-essay>

2. Kovalchuk, M.A. (2008) Diskussiya kak sredstvo obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu: Metodicheskoe posobie dlya prepodavatelej inostrannyh yazykov [Discussion as a means of teaching foreign language communication: A methodological guide for teachers of foreign languages]/M.A.Kovalchuk. - M.: Higher School; Scientific and Educational Center "School of Kitaygorodskaya". – 144 p. (in Russian)
3. Leontiev, A.N. (1983) Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya [Selected psychological works]: In 2 vols. Vol. I - M.– 392 p. (in Russian)
4. Mamardashvili, M.K. (2001) Estetika myshleniya [Aesthetics of thinking]. – M. (in Russian)
5. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary] / Editors: S.S. Averintsev, E.A. Arab-Ogly, L.F. Ilyichev, etc. - 2nd ed. - Moscow: Soviet Encyclopedia, 1989. – 815 p. (in Russian)
6. Tsarkova, V.B. (1980) Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Speech exercises in German]. (in Russian)

УДК 821+81-2+808+27

П.Б. ДРОЗДОВА

Санкт Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ ПИСЬМА ССЛXXIII СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ СИЕНСКОЙ

Перевод средневековой литературы, по сравнению с переводом современных текстов, представляет дополнительные трудности, учитывающие исторический подход к языку и культуре, множественность рукописных вариантов текста, влияние устной традиции, стилистические особенности эпохи и др., ставя перед переводчиком филологические и культурологические вопросы и расширяя его задачу до межкультурной коммуникации. Выбор переводческой стратегии для передачи исторической и культурной дистанции, сохранение культурно-обусловленной лексики и авторского стиля средневекового текста анализируются в докладе на примере выполненного А.В. Топоровой перевода письма святой Екатерины Сиенской к Раймондо да Капуа.

Ключевые слова: перевод средневекового текста, переводческие стратегии, стилистика, культурно-обусловленная лексика.

P.B. DROZDOVA

St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

ON SOME DIFFICULTIES OF TRANSLATION OF MEDIEVAL TEXTS ON THE EXAMPLE OF THE LETTER CCLXXIII OF SAINT CATHERINE OF SIENA

The translation of medieval literature, in comparison with the translation of modern texts, presents some difficulties, including the historical view to the language and the culture, the quantity of manuscript versions of the text, the influence of oral tradition, stylistic peculiarities of the historical period etc., creating additional philological and cultural questions for the translator and expanding his task to intercultural communication. The choice of a translation strategy to render historical and cultural distance, the maintaining of culturally conditioned lexis

and the author's style of the medieval text are analyzed on the example of Anna Toporova's translation of a letter from Saint Catherine of Siena to Raimondo da Capua.

Key words: translation of medieval text, translation strategies, stylistics, culturally conditioned lexis.

Помимо традиционных трудностей, с которыми сталкивается любой переводчик при передаче текста с иностранного языка на родной, перевод средневековых текстов сопряжен с дополнительными трудностями, вызванными самим характером создания и сохранения для более поздних эпох текстов, появившихся до распространения книгопечатания. Путь, пройденный средневековым текстом к современному и тем более иностранному читателю, долог и извилист, и сложности, возникающие на этом пути, не всегда прямо и очевидно зависят от разделяющей нас и автора временной пропасти. Рассмотрим эти сложности на конкретном примере - выполненном А.В. Топоровой переводе одного из самых известных писем святой Екатерины Сиенской, написанного в 1375 году и адресованного ее духовнику и ближайшему сподвижнику Раймондо да Капуа (письмо CCLXXIII, или 53, в зависимости от нумерации).

Знаменитый писатель и поэт Джованни Папини в своей «Истории итальянской литературы» писал, что «для Екатерины характерно богатство образов и чеканность мысли; красноречие ее порой достигает таких высот, так кипит и обжигает, что становится поэзией, и кажется даже, что она пытается придать своей речи форму стиха» (перевод автора статьи) [Papini 1937, с.309]. Возможно, именно благодаря этим характеристикам тексты Екатерины Сиенской, которая не была ни писательницей, ни ученой – и даже грамотность ее одно время подвергалась сомнению – вошли в ряд шедевров средневековой итальянской литературы: это прежде всего «Диалог о божественном Провидении», а также большое количество (около 380) писем, составивших ее эпистолярное наследие. Екатерина жила в XIV-м веке, в эпоху формирования итальянского языка, являясь младшей ровесницей «трех венцов» итальянской литературы: Данте, Петрарки и Боккаччо. Принимая активное участие в политической жизни Европы, она писала множество писем монархам и понтификам; считается, что именно Екатерина убедила Папу вернуться в Рим из Авиньонского пленения. Несмотря на свою недолгую жизнь – 33 года – святая Екатерина Сиенская принадлежит к числу фигур, определяющих облик средневековой Италии.

Всплеск интереса к личности Екатерины Сиенской происходит в XX-м веке - филологи и литературоведы включают ее сочинения в сборники «золотых страниц истории итальянской литературы», а режим Муссолини использует имя Екатерины и для обращений к женщинам с призывом «менять себя, чтобы изменить действительность», и, наряду со святым Франциском, для поднятия общего национального духа [Scattigno 2011, с.119-121]. На протяжении XX-го века и «Диалог», и письма Екатерины переиздаются в Италии неоднократно, однако на русский язык переводов ее сочинений ничтожно мало. Все же в 2013 году издательство «Наука» публикует в серии «Литературные памятники» избранные письма Екатерины Сиенской в переводе А.В. Топоровой – д.ф.н., ведущего научного сотрудника ИМЛИ РАН и крупнейшего специалиста по средневековой итальянской литературе; именно из этого издания и взят пример перевода письма CCLXXIII⁹.

⁹ *Екатерина Сиенская. Письма.*, Издание подготовила А.В. Топорова. М., Ладомир Наука, «Литературные памятники», 2013 [2]. Далее фрагменты письма CCLXXIII в переводе А.В. Топоровой будут приводиться по этому изданию.

О трудностях перевода, о переводческих задачах и стратегиях сказано и написано очень много и, безусловно, не существует единственного возможного - «правильного» - решения: каждый перевод — это только предложение, один из возможных вариантов, родившийся в попытке сделать текст на чужом языке понятным читателю. Антуан Берман - теоретик и практик перевода, основатель «традуктологии» как дисциплины - в своей книге «L'épreuve de l'étranger» говорит о двойном испытании: перевод – это испытание как «de l'étranger», т.е. читателя в его усилении постичь чужой текст, но это также и испытание «pour l'étranger», т.е. самого текста, вырванного из первоначальной семиотической среды. Особенности этой семиотической среды и обусловлен тот факт, что при переводе средневековых текстов переводчик сталкивается с дополнительными трудностями, на которых мы остановимся.

Прежде всего, следует не забывать об исторической отдаленности эпохи Средневековья: по выражению итальянского филолога Чезаре Сегре, текст для получателя – это всегда в некотором роде письмо в бутылке, прибитой волнами к его ногам [Garzone 2001, с. 34]. И если говорить о Средневековье, то представление об этой эпохе у большинства обычных людей, неспециалистов, довольно расплывчато и часто основано на предрассудках о «застойном» и «косном» Средневековье, о так называемых «темных веках». Знаменитый медиевист А.Я. Гуревич называл Средневековье «пасынком истории, с которым историческая память обошлась несправедливо» [Гуревич 1984, с.16]. И несмотря на то, что в массовой культуре в последние десятилетия отмечается огромный интерес к Средневековью (вспомним необыкновенную популярность «Властелина колец» или «Игры Престолов»), картина мира средневекового человека, его система ценностей и мотивы его поведения часто остаются за рамками понимания современного читателя. Однако, как пишет тот же А.Я. Гуревич, «не можем мы, игнорируя систему ценностей, лежавших в основе мирозерцания людей средневековой эпохи, понять и их культуру» [там же, с.20]. В этом смысле переводчик должен быть также историком, относясь к переводу не как к передаче одного языка на другой язык, но как к передаче одной культуры в среду другой культуры; иначе говоря, действовать в рамках отношений «язык-культура», о которых ещё в 80-е годы XX-го века говорил поэт и теоретик перевода Анри Мешонник. Применительно к Италии XIV-го века эти отношения «язык-культура» можно описать словами Джузеппе Де Лука, составителя тома «Писатели малой прозы XIV-го века», где в числе других сочинений опубликованы и письма Екатерины Сиенской¹⁰: «В ушах пишущего неумолчно звучала музыка слов античности и слов, слышанных в Церкви среди гимнов и сияния огней; и вместе с тем, в разговоре или берясь за перо, он открывал для себя восхитительную музыку нового рождающегося слова. Такое удовольствие говорить, такое наслаждение писать никогда больше не будет испытано в будущем...» (перевод автора статьи) [De Luca 2013].

Другую трудность для переводчика средневековых текстов представляет множественность содержащих текст манускриптов, то есть отсутствие какого-то единственного - «правильного» - оригинала. Отдельные манускрипты одного и того же текста часто написаны на разных диалектах еще не установившегося языка - в нашем случае, на диалектах средневекового итальянского вольгаре - в зависимости от места происхождения и места проживания переписчика, и часто демонстрируют не только языковые, но и смысловые различия. Переводчик должен быть и филологом - «косоглазым филологом, который одним глазом смотрит в прошлое, а другим в настоящее» (перевод автора статьи), если воспользоваться выражением

¹⁰ Оговоримся, что в XIV-м веке – золотом веке итальянской литературы, когда творили три венца: Данте, Петрарка и Бокаччо - все остальные произведения поневоле становятся малой прозой.

исследователя Фульвио Феррари [Ferrari 2000, с. 60], - и в какой-то мере принять на себя функции издателя. Среди издателей средневековых текстов долгие годы практиковались разные методы работы над издаваемым текстом: лахмановская умозрительная реконструкция оригинала-«архетипа» или выбор одного «codex optimus» (или «bon manuscrit»), предложенный Жозефом Бедье. Сегодня, говоря словами Чезаре Серге, «война между Лакманом и Бедье закончена», так как оба подхода имеют своего читателя: издание, ориентированное прежде всего на аутентичность, предлагает нетронутый текст одного или параллельно нескольких манускриптов; издание, ориентированное на текст, предлагает приближенный к аутентичному текст, воссозданный из нескольких манускриптов. Главным критерием для издателя, но также и для переводчика, становится читатель, которому адресован текст: будет ли читать его специалист (филолог, историк, религиовед) или он предназначен для широкой публики.

В качестве примера приведем два издания писем Екатерины: одно из них подготовлено в 1860 г. Никколо Томмазо¹¹ и неоднократно переиздавалось затем в XX-м веке (перевод А.В. Топоровой сделан именно по этому изданию), другое вошло в сборник писателей малой прозы XIV-го века, опубликованный в 1954 г. под редакцией уже упоминавшегося Джузеппе Де Лука¹². Тексты письма CCLXXIII в этих изданиях сохраняют особенности средневекового языка в соответствии с выбором издателя: в тексте письма в издании Де Лука мы видим примеры фоно-морфологических латинизмов, а также метафоры (*stucifissione*, *aperto*, *Iacomo*, *secreto* и т.д.), или формы будущего времени с суффиксом «а» (как *pasciàrà*), сохранение которых характерно для сиенского и некоторых других тосканских диалектов, тогда как в тексте письма из издания Томмазо мы встречаем множество примет флорентийского диалекта, такие как анафонесис в *attigne*, междударный «е» в *pascièrà*, переход предударного «е» в «i» в *ligati* и т.д. Текст Томмазо более близок к современному итальянскому языку; кроме того, в нем нормализованы артикли, исправлены отдельные ошибки переписчиков (как, например, *rassomandandomivi* вместо *rassomandomivi*) и изменена пунктуация. При этом издание, сохраняющее аутентичный, менее нормализованный язык, не обязательно предназначено для специалистов. Во многих случаях такой язык не мешает понимать смысл текста и обычному читателю; более того, создавая необходимую историческую дистанцию, он позволяет читателю почувствовать аромат далекой эпохи. Конечно, подобные лингвистические особенности часто просто невозможно сохранить при переводе, и переводчик использует другие инструменты, чтобы передать временную дистанцию.

На примере текстов письма CCLXXIII Екатерины Сиенской в изданиях, подготовленных Томмазо и Де Лука, мы видим, как в различных вариантах текста отдельные фрагменты могут не совпадать друг с другом, опускаться или «пересказываться» другими словами переписчиком. Однако расхождения в тексте могут повлечь за собой и расхождения в смысле. Например, различия всего в одной букве в словах *affogato* и *affocato* меняют смысл эпитета: в первом случае во фразе «*affogato e anegato nel sangue dolce del Figliuolo di Dio*¹³» («утонувший и погрузившийся в сладостную кровь Сына Божьего») мы видим пример синонимии или риторической фигуры *variatio*, столь характерной для средневекового языка, во втором случае *affocato* – пылающий, синонимии нет (в переводе А.В. Топоровой: «желая видеть вас пылающим и погрузившимся в его сладостнейшую кровь» [Екатерина Сиенская. Письма. 2013, с. 242]).

¹¹ Lettere di Santa Caterina da Siena, a cura di Niccolò Tommaseo. Editore G. Barbera, 1860.

¹² Prosatori minori del Trecento. I. Scrittori di religione, a cura di don Giuseppe De Luca. Ricciardi, Milano-Napoli, 1954.

¹³ Издание Де Лука, см. прим.3.

В другом фрагменте текста расхождение - также только в одной букве - в словах *affetto* и *effetto* меняет смысл всего предложения и, следовательно, его перевод. Добавим, что расхождения в разных вариантах текста между *affetto* (любовь, сильная привязанность) и *effetto* (воздействие, впечатление) встречаются и у Данте в «Чистилище» и других текстах, и энциклопедический словарь Treccani предлагает в каждом подобном случае ориентироваться на контекст, чтобы понять, идет ли речь об *affetto* или об *effetto*¹⁴.

Еще более интересным кажется расхождение в выражениях *ineffabile* или (у Томмазо) *inestimabile amore*, где *ineffabile* – это «невыразимый», «который невозможно передать словами», а *inestimabile* – «неоценимый». В критическом аппарате к изданию Де Лука указывается, что стилистически выражение *ineffabile* – мистический опыт такой силы, что его невозможно передать словами - является одним из топов религиозной литературы; Данте использует его в тексте своего «Рая» (чуть ниже в том же письме Екатерина будет говорить о «сладости, какой ни сердце не может помыслить, ни язык выразить, ни глаза увидеть, ни уши услышать»). Выражение же в тексте Томмазо *inestimabile*, «неоценимая любовь», не несет в себе такого контекста. То есть, для переводчика важен как выбор издания (или нескольких изданий), по которому будет делаться перевод, так и филологический анализ средневекового текста.

Другим важным моментом при переводе является выбор переводческой стратегии: будет ли это актуализация или историзация, адаптация или остранение? Мы говорили, что издание текста на аутентичном (или «в меру аутентичном») языке может позволить читателю почувствовать «аромат далекой эпохи». При переводе историческая дистанция часто создается при помощи стратегий историзации и остранения. Например, Е.А. Костюкович при переводе романа Умберто Эко «Имя розы» прибегала к церковнославянскому языку для передачи средневекового фольклора: церковнославянский – в целом понятный читателю, но воспринимающийся им как нечто исторически отдаленное - в данном случае стал инструментом для создания эффекта остранения. А исследователь Джулиана Гардзоне в своей статье «Какую теорию выбрать при переводе средневекового текста?» пишет о передаче исторической дистанции при помощи устаревшей лексики: «Реальная цель точного воспроизведения этих стилем – это чтобы читатель осознавал дистанцию между ним и текстом, чтобы он наслаждался давно уже вышедшими из употребления способами выражать свои мысли и чувства» (перевод автора статьи) [Garzone 2001, с.52].

В нашем случае А.В. Топорова также выбирает для перевода стратегию историзации, используя лексику не только относительно устаревшую (горнило, трапеза, пир, лик, взор, прибежище, бесы, сладостный, сладчайший, благоухание и пр.), но прежде всего, заимствованную из религиозных текстов, как и слова самой Екатерины Сиенской. При этом подходе, однако, возникают отдельные сложности: например, одно и то же слово *agnello* применяется в итальянском как в обычном смысле («ягненок»), так и в религиозно-возвышенном («агнец»). При переводе на русский переводчику приходится выбирать, какое слово будет более уместным в том или ином контексте. Другим примером может стать использование устойчивых сочетаний – в частности, хорошо известное выражение «козни бесов», которым переведено выражение *illusione di dimonia* (дословно это значит «бесовское наваждение», тогда как «козни» – это злой, коварный умысел).

Однако, одним из самых важных моментов при переводе средневекового текста, пожалуй, следует назвать наличие в издании этого текста критического аппарата. Мы уже говорили, что переводчик средневекового текста должен сочетать в себе качества и историка, и

¹⁴ см. https://www.treccani.it/enciclopedia/affetto_%28Enciclopedia-Dantesca%29/

филолога, и даже часто религиоведа (подавляющее большинство европейских средневековых текстов подразумевает религиозный контекст), но, разумеется, доступ к замечаниям специалистов относительно тех или иных сложных фрагментов текста значительно упрощает работу переводчика. Приведем несколько примеров из рассматриваемого нами перевода А.В. Топоровой по изданию Томмазео, которые не согласуются с критическими замечаниями Де Лука – не только издателя, но и священника, в отличие от Томмазео¹⁵.

Выражение «*che è da scoppiare, della bontà di Dio*» переведено на русский как «что можно было разразиться слезами», однако уточнение Де Лука («*da far scoppiare il cuore, gicolmo della grazia di Dio*») заставляет перевести этот оборот несколько по-другому: «что сердце, переполненное Божией милостью, могло разорваться» (можно допустить, что на перевод А.В. Топоровой повлияло и распространенное в современном итальянском языке выражение «*scoppiare in lacrime*» - «разразиться слезами»). В отношении другой фразы, «*ricevetti il capo nelle mani mie, fermando l'occhio nella divina bontà*», переведенной как «я взяла его голову в свои руки, закрыла глаза в божественной любви», объяснение Де Лука в соответствующем месте его издания («*con l'occhio (di Niccolò) fisso alla bontà divina*») раскрывает другое значение этой фразы: глаза закрываются не у самой Екатерины, а у казненного Никколо - «я взяла в свои руки его голову; его глаза застыли, узрев Господа». Фраза «*le mani dello Spirito Santo il sergavano dentro*» в русском переводе звучит как «и руки Святого Духа сжимали его», слово «*dentro*» («внутри») опущено, но Де Лука в своем комментарии поясняет, где это «внутри» - в Ребре Христовом («*lo chiudevano dentro il costato di Cristo*»), и перевод можно сделать более точным: «руки Святого Духа удерживали его внутри Ребра Христова». Еще один пример – фраза «*Riposto che fu, l'anima mia si riposò in pace e in quiete*» переведена как «моя душа вкушала мир и покой», вводная часть «*riposto che fu*» опущена. Но именно этот оборот объясняет Де Лука: «*riposto che fu*» означает «*dopo che fu sepolto*» («после того, как он был похоронен»), и перевод также можно расширить и уточнить: «после его похорон душа моя обрела мир и покой»). В другом месте оборот «*manifestando la prima verità*» переведен А.В. Топоровой как «Первичная Истина засвидетельствовала», однако примечание Де Лука, что «*manifestando la prima verità*» означает «*trendendo manifesto che Egli, Verità prima*» («являя себя как Первичная Истина») позволяет проникнуть в суть этого выражения: не «Первичная Истина засвидетельствовала», но Бог проявил себя, обнаружил себя как Первичная Истина. Подчеркнем, что при всей точности и красоте перевода А.В. Топоровой рассмотрение критических замечаний дона Джузеппе Де Лука позволило бы избавиться от этих и других небольших и досадных неточностей в переводе; в общем же случае доступ к критическому аппарату различных изданий может сыграть ключевую роль в точности передачи на родной язык оригинального текста.

Наконец, значительным моментом при переводе средневекового текста является внимание к стилистике оригинального языка автора. Разумеется, любой переводчик старается так или иначе сохранять авторский стиль, однако для средневековых текстов характерны и общие, объединяющие их черты: это особая музыкальность или даже «театральность» - по определению Поля Зюмтора, швейцарского филолога-медиевиста - текста, связанная с тем, что, как мы знаем, чтение в Средневековье – это почти всегда чтение вслух, даже будучи в одиночестве. Именно поэтому для средневековых текстов так характерны

¹⁵ Заметим, что в рассматриваемых фрагментах нет описанных выше расхождений между двумя изданиями; перевод А.В. Топоровой рассматривается применительно к тексту из издания Томмазео, но с учетом критических замечаний, сделанных Де Лука.

аллитерации, грамматические рифмы, повторы и различные вариации языка – синонимии, полипторы и т.д.

При этом, если передача аллитераций при переводе представляет наибольшие трудности и сродни уже поэтическому переводу, то буквальная передача других фигур речи позволяет сохранить для читателя характерный стиль средневековых текстов.

В письме Екатерины Сиенской мы встречаем и аллитерации, и различные фигуры речи - в частности, этимологические фигуры, - но можно заметить, что в переводе на русский язык они сохраняются редко: «*da faccia sua si trasmutò di tristizia in letizia, godeva e esultava e diceva*» - «на лице вместо грусти появилась радость; он радовался, ликовал и говорил», «*Diletissimo e carissimo padre e figliuolo mio caro in Cristo Gesù*» - «Любимейший и дражайший отец мой и нежный сын в Иисусе Христе!», «*ricevuto da Dio per potenza, (potente a poterlo fare)*» - «принял ... Бог всемогущий (могущий совершить это)», «*Oimè misera miserabile*» - «О несчастная я, несчастная» и т.п.

Антуан Берман говорил о важности буквального перевода для сохранения эффекта «чужого», не ассимилированного текста. Перевод «буквы» не умаляет перевода «смысла», но позволяет сделать его более точным: исследователь Доменико Пеццини сравнивает переводчика с художником, подчёркивая, что переводчику необходимо сохранять краски, рисунок и структуру оригинального «изображения» - иначе говоря, лексику, стилистику и даже синтаксис исходного текста [Pezzini 2002, с.98-100]. Вспомним, что рационализация, или изменение синтаксиса исходного текста, как и разрушение присущих тексту ритмов, относились Антуаном Берманом к числу деформирующих тенденций при переводе. Что касается писем Екатерины Сиенской, то их стилистику очень точно описывают слова одного из крупнейших итальянских лингвистов XX-го века Джакомо Девото: «Зафиксированная языковая традиция Писем Екатерины Сиенской представляет собой четыре аспекта: это хороший литературный язык в части, касающейся её доктрины, для которого характерен ровный спокойный ритм и внутренняя однородность лексики; это язык возвышенный, отличающийся от повседневного благодаря аллегориям, но ещё не меняющий ритма; язык «практических» фрагментов писем, доходящий до предельной аритмичности скачущих, прерывистых предложений; и это экзальтированный язык, в нечастые моменты экстаза - язык, возопляющий о единении с Господом и переданный обрывистыми, произносимыми с трудом фразами, целиком подчиненными мистическому слову» (перевод автора статьи) [Devoto 1950, с.220-221].

В заключение еще раз подчеркнем, что любой переводчик в своей работе опирается на серьезную предварительную подготовку, на основательные теоретические знания. Однако перевод средневековых текстов, как и другой специальный перевод, требует расширенных знаний или помощи коллег - специалистов в смежных областях знаний.

Литература

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., Искусство, 1984.

Сиенская Екатерина. Письма. Издание подготовила А.В. Топорова. М., Ладомир Наука, «Литературные памятники», 2013.

De Luca G. Prosatori Minori del Trecento, Scrittori di religione – Introduzione // I Classici Ricciardi – Introduzioni, 2013.

Devoto G. Secoli da S. Caterina da Siena [1941] // Studi di stilistica, Le Monnier, Firenze, 1950.

Ferrari F. «Tradurre cosa e per chi? Instabilità del testo medievale e autocensure» // Cammarota M.G. e Molinari M.V. (a cura di). Testo medievale e traduzione: Bergamo 27-28 ottobre 2000, Bergamo University Press, Edizioni Sestante, Serie Traduzione Letteraria, 1, 2001, с. 59-70.

Garzone G. «Quale teoria per la traduzione del testo medievale?» // Cammarota M.G. e Molinari M.V. (a cura di). Testo medievale e traduzione: Bergamo 27-28 ottobre 2000, Bergamo University Press, Edizioni Sestante, Serie Traduzione Letteraria, 1, 2001, с. 33-53.

Papini G. Storia della letteratura italiana, Vallecchi, Firenze, 1937.

- Pezzini D. «Parole che dipingono, parole che strutturano: la necessità della traduzione letterale» // Cammarota M.G. e Molinari M.V. (a cura di). Tradurre testi medievali: obiettivi, pubblico, strategie: Bergamo, 12-13 ottobre 2001, Bergamo University Press, Edizioni Sestante, Serie Traduzione Letteraria, 2, 2002, c. 97-113.
- Scattigno A. Decoro della Patria: Caterina da Siena patrona d'Italia // Calìo T., Rusconi R. (a cura di). San Francesco d'Italia. Santità e identità nazionale. Viella, Roma, 2011.

References

- Gurevich, A. (1984) Kategorii srednevekovoj kultury [Categories of medieval culture]. M., Iskusstvo. (in Russian)
- Sienskaya Ekaterina. Pis'ma [Letters]. (2013) Izdanie podgotovila A.V. Toporova. M., Ladomir Nauka, «Literaturnye pamyatniki». (in Russian)
- De Luca, G. (2013) Prosatori Minori del Trecento, Scrittori di religione – Introduzione // I Classici Ricciardi – Introduzioni.
- Devoto, G. Secoli da S. (1950) Caterina da Siena [1941] // Studi di stilistica, Le Monnier, Firenze, 1950.
- Ferrari, F. (2001) «Tradurre cosa e per chi? Instabilità del testo medievale e autocensura» // Cammarota M.G. e Molinari M.V. (a cura di). Testo medievale e traduzione: Bergamo 27-28 ottobre 2000, Bergamo University Press, Edizioni Sestante, Serie Traduzione Letteraria, 1, pp. 59-70.
- Garzone, G. (2001) «Quale teoria per la traduzione del testo medievale?» // Cammarota M.G. e Molinari M.V. (a cura di). Testo medievale e traduzione: Bergamo 27-28 ottobre 2000, Bergamo University Press, Edizioni Sestante, Serie Traduzione Letteraria, 1, c. 33-53.
- Papini, G. (1937) Storia della letteratura italiana, Vallecchi, Firenze.
- Pezzini, D. (2002) «Parole che dipingono, parole che strutturano: la necessità della traduzione letterale» // Cammarota M.G. e Molinari M.V. (a cura di). Tradurre testi medievali: obiettivi, pubblico, strategie: Bergamo, 12-13 ottobre 2001, Bergamo University Press, Edizioni Sestante, Serie Traduzione Letteraria, 2, pp. 97-113.
- Scattigno, A. (2011) Decoro della Patria: Caterina da Siena patrona d'Italia // Calìo T., Rusconi R. (a cura di). San Francesco d'Italia. Santità e identità nazionale. Viella, Roma.

УДК 81-23

А.О. ЖИВОВА

Санкт Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛИНГВОЭТНИЧЕСКОГО БАРЬЕРА ПРИ ПЕРЕВОДЕ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ИНТЕРВЬЮ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья рассказывает о методах преодоления лингвоэтнического барьера при переводе текста развлекательного интервью с английского на русский язык. Целью данной работы является изучение интервью как формы диалога и рассмотрение проблемы понимания и перевода интервью с точки зрения преодоления четырех компонентов лингвоэтнического барьера.

Ключевые слова: лингвоэтнический барьер, текст, текст развлекательного интервью, телевидение, развлекательный контент, диалог.

LINGUISTIC-ETHNIC BARRIER OVERCOMING WHILE TRANSLATING AN ENTERTAINING INTERVIEW FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

The article focuses on the methods of overcoming the linguo-ethnic barrier when translating the text of an entertaining interview from English into Russian. The purpose of this work is to study interviews as a form of dialogue and consider the problem of understanding and translating interviews from the point of view of overcoming the four components of the linguo-ethnic barrier.

Key words: linguo-ethnic barrier, text, text of an entertaining interview, television, entertaining content, dialogue.

Несмотря на стремительное развитие современных технологий, таких как, например, Интернет, телевидение остается одним из самых популярных видов СМИ. Давно известно, что одной из основных функций телевидения является развлекательная. В погоне за рейтингами телекомпании пытаются создать новые форматы шоу. Одним из ярких примеров являются шоу, целью которых является взять интервью у известных людей, но в нише развлекательного контента.

В связи с тем, что такой вид интервью пользуется популярностью во всем мире, становится явным, что необходимо рассмотреть переводческий аспект и все трудности, с которыми может столкнуться переводчик при переводе развлекательного контента (в нашей работе это развлекательное интервью).

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью жанра развлекательного интервью в транслатологическом аспекте.

Материалом для данной статьи служат транскрипты текстов развлекательных интервью (33 минуты) с такими людьми, как: Сандра Буллок (11 минут), ЗакБрафф (12 минут), Зак Эфрон (10 минут).

Целью данной статьи является ответ на следующие вопросы:

какова концепция лингвоэтнического барьера и из чего он состоит?

какие лингвистические особенности можно выделить у жанра интервью?

в чем заключается специфика перевода текста развлекательного интервью?

Данное исследование следует начать с того факта, что, начиная с середины 20 века, понятие «интервью» укоренилось в русском языке. Одной из основных причин является развитие всех видов СМИ в 20 веке.

Согласно Е.В. Шестаковой, интервью – такая разновидность разговора, беседы между двумя и более людьми, при которой интервьюер задаёт вопросы своим собеседникам и получает от них ответы [Шестакова,2013, с.11]. Опираясь на определение, выдвинутое Е.В. Шестаковой, мы можем составить собственное. Прежде всего, под термином «интервью» принято считать «диалог или же беседу (чаще всего) журналиста и какой-либо социально значимой персоны». Так же стоит подчеркнуть, что основной целью журналиста является сбор информации (чаще всего перед репортером стоит цель узнать мнение определённого человека на актуальные события в мире).

Говоря об особенностях жанра интервью, можно выделить 2 типа:

лингвистические (часто также встречается упоминание «языковые»);
нелингвистические.

Г.В. Кузнецов, например, предполагает, что «силу аудиовизуального характера телевизионной коммуникации источником информации становится уже не только

звучащая речь со всем богатством ее риторики, интонационной, эмоциональной окраски, но и мимика, жест, поведение собеседников, а нередко и окружающая их среда (интерьер помещения, ландшафт, окружающие люди и пр.). Именно зрелищностью объясняется особая достоверность и, как следствие, широкое распространение жанра интервью в телепрограммах» [Кузнецов, Цвик, Юровский, 2002, с.175].

Ознакомившись с данной цитатой, мы можем сказать, что нелингвистической особенностью жанра интервью является визуализация всего происходящего (в отличие от радио, например), что соотносимо со всеми жанрами, транслируемыми по телевидению. Однако именно в этом жанре мы можем увидеть элементы шоу (интонационная и эмоциональная окраска, мимика, жесты), которые создают зрелищность, о которой говорит Г.В. Кузнецов [Там же, с.175].

Говоря о лингвистических (языковых) особенностях жанра интервью, следует отметить, что интервью обычно проходит в формате диалога или полилога (в зависимости от того, сколько человек принимает участие в беседе).

М.В. Вербицкая же предлагает такой список особенностей жанра интервью:

- когнитивная информация преломляется через видение отдельной личности, поэтому в речи могут появляться средства с эмоционально-оценочной окраской;
- у интервьюируемого может быть свой собственный стиль, который необходимо передать при переводе;
- не все реплики корреспондента являются вопросами;
- ответы на эти реплики не всегда держатся в рамках единой темы;
- стиль ответов и вопросов может быть сходным или различным;
- переводчик должен быть готов к переводу нелитературной и табуированной лексики;
- корреспондент может задать сразу несколько вопросов, потому нужно быть готовым запоминать и быть способным перевести разнородную информацию в большом объеме [Вербицкая, 2008, с. 280].

Говоря о лингвотническом барьере и его составляющих, данное исследование основывалось на определениях, предложенных О.Ю. Шубиной и Т.Н. Губской.

О.Ю. Шубина считает, что лингвотнический барьер – это препятствие, которое затрудняет восприятие текста на исходном языке носителем переводящего языка [Шубина, 2006, с.255].

По мнению Т.Н. Губской [Губская, 2011, с.79] лингвотнический барьер можно определить как «расхождение лингвотнических частей и коммуникативных компетенций». Так же Т.Н. Губская считает, что лингвотнический барьер состоит из препятствий, которые возникают во время коммуникации из-за принадлежности носителя исходного языка и носителя переводящего языка к разным лингвотническим общностям.

Согласно Л.К. Латышеву [Латышев, 2005, с.39], существует 4 составляющих лингвотнического барьера:

- различие систем ИЯ и ПЯ;
- несовпадение норм ИЯ и ПЯ;
- несовпадение речевых норм (узусов) носителей ИЯ и ПЯ;
- расхождение преинформационных запасов носителей ИЯ и ПЯ.

Как говорилось ранее, одной из основных целей данного исследования является анализ того, как именно составляющие лингвотнического барьера проявляются в тексте развлекательного интервью, и какие пути успешной передачи данных элементов имеются у переводчика.

В данной статье материалом выступили транскрипты текстов развлекательного интервью. При работе с данными транскриптами было выявлено, что самыми частыми примерами составляющих лингвотнического барьера являются: аллюзии, разговорный стиль и сниженная лексика.

Исследуя феномен аллюзий, было принято решение обратиться к определению, предложенному М.Н. Кожинной: «аллюзия — наличие в тексте элементов, функция

которых состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам. Такие элементы называются маркерами, или репрезентантами аллюзии, а тексты и факты действительности, к которым осуществляется отсылка, называются денотатами аллюзии. Аллюзию, денотатом которой являются «внетекстовые» элементы, т.е. события и факты действительного мира, иногда называют реминисценцией).

Согласно И.С. Алексеевой [Алексеева, 2004, с.180], «фонд существующих переводов подсказывает два возможных пути:

1) полная или частичная утрата интертекстуальности при переводе;

2) замена интертекста, содержащегося в ИТ, на интертекст, вызывающий аналогичные ассоциации, но присущий ПЯ и его культуре.

При анализе видеоматериала, было выявлено 9 примеров использования аллюзий в ходе интервью.

Интервью с Заком Браффом

Проанализировав интервью с американским актером Заком Браффом, было найдено 3 примера аллюзий.

Пример 1. Крейг Фергюсон даёт Заку конфеты. Сцена кажется непонятной, но она является аллюзией к сериалу, в котором Крейг и Зак приняли участие вместе. В одной из сцен данного сериала персонаж Крейга тоже поделился с персонажем Зака конфетами.

Пример 2. Зак говорит: «This bad guy from Karate Kid», называя так Джейдена Смита.

Возможный перевод: «Этот мальчишка из фильма Карате пацан».

Пример 3. Свое интервью Крейг заканчивает фразой: «You are pretty good», используя фразу из сериала «Особенные школьные каникулы», делая отсылку к тому же сериалу, где они снимались с Заком. Аллюзия будет понятна зрителям, которые смотрели данный сериал, однако ведущий сам раскрывает смысл, который он закладывал в аллюзию, поскольку после данной фразы на экране появляется данный отрывок из сериала «Особенные школьные каникулы».

Поскольку сериал не был популярен в России, при переводе данного предложения могут возникнуть трудности. Однако у переводчика есть возможность обратиться к скрипту или сценарию данного сериала. Там он может найти данную фразу или вариант ее перевода.

Интервью с Заком Эфраном

Пример 1. Со стороны Зака используется фраза: «I mean Mathew». Из разговора становится ясно, что в разговоре подразумевается Мэттью Мак Конахи, так как речь идет о фильме «Газетчик», где Зак и Мэттью вместе снимаются.

Поскольку в данном случае используется имя собственное, переводчик может дать полное имя и фамилию актера, что облегчит понимание зрителю.

Пример 2. Зак, описывая свою собаку, говорит: «I have a couple of Australian Shepherd. It's like a German Shepherd but kind of relax more». Этой фразой он делает отсылку к стереотипу, что австралийцы ведут расслабленный образ жизни.

Немецкая овчарка является распространённой породой собак в России, поэтому можно использовать полный эквивалент.

Пример 3. Во время интервью, Крейг говорит Заку следующую фразу: «You are taking your shirt off a lot», что является отсылкой к тому факту, что после того, как Зак Эфрон начал активно заниматься спортом и привел тело в хорошую форму, он начал часто снимать футболку и рубашку, чтобы продемонстрировать результат своей работы.

В данном случае фразу можно полностью перевести, поскольку позже идет видеоряд, где Зак снимает футболку на многих премиях и выступлениях.

Пример 4. В конце интервью Крейг спрашивает у Зака: «You want to throw Frisbee from the horse?», делая отсылку к диалогу, в котором актер рассказывает про его прогулки с собаками. В данном диалоге Зак упоминает, что любит кидать фрисби, играя с собаками.

Данная фраза не должна вызвать у переводчика трудностей, поскольку после этого идет видеоряд, где Зак играет с собаками в фрисби.

Интервью с Сандрой Буллок

Пример 1. Во время скетча по поводу популярности психиатров в США Крейг предлагает ей выпить кружку чая, говоря при этом: «I am a British Therapist», делая отсылку к стереотипу о том, что жители Великобритании любят пить чай.

Данный стереотип известен и в России, поэтому фраза может быть полностью переведена. Пример 2. Сандра говорит: «Has anyone learned anything from your comedy?», тем самым делая отсылку к фильму «Я буду рядом», где Крейг играет главную роль, а также является режиссёром данного фильма.

Проанализировав данные примеры, можно сделать вывод, что во многих случаях переводчик столкнется с тем, что он не сможет дать каких-либо ссылок, которые объяснили бы представителям другой культуры данную аллюзию. Более того, у переводчика часто нет возможности подобрать аналог данной аллюзии, который был бы понятен жителю России. Однако в любительском переводе встречаются примеры, когда специалист принимал решение дать ссылку-сноску с объяснением.

Для преодоления лингвоэтнического барьера переводчик чаще всего вынужден перевести данную языковую единицу, используя переводческую трансформацию «транскрипция», в некоторых случаях – калькирование. Однако встречаются ситуации, когда аллюзия и экзотизмы могут быть переданы единицей, вызывающей аналогичные ассоциации у представителей языка перевода

Что касается сферы данного исследования, то было выявлено, что аллюзии относятся к четвертой составляющей лингвоэтнического барьера: расхождение преинформационных запасов носителей ИЯ и ПЯ. Переводчик должен учитывать этот факт при передаче данных единиц. Однако, стоит предположить, что человек, решивший посмотреть интервью с, уже имеет минимальные знания о культуре, к которой принадлежит приглашенный гость.

Как уже было указано раньше, вторым явлением, которое часто встречалось в интервью, и которое относится к составляющим лингвоэтнического барьера, является сниженная лексика и разговорный стиль.

Можно отметить несколько характерных положений, которых мы будем придерживаться, говоря о разговорной/сниженной лексике:

разговорная лексика противопоставлена литературному языку;

разговорная лексика характеризуется сниженностью своего состава по отношению к литературному языку;

разговорная лексика функционирует в быту, в стихии свободного общения; внеофициальных норм языка.

Характерен также тот факт, что исследователи английского языка предпочитают говорить не о разговорной или сниженной лексике, а о неформальной или же сленге [Заботкина, 1989, с.142].

Что касается классификации этого вида лексики, то В.Д. Аракин выделяет следующие типы:

1) грубую (rough): bloody «проклятый».

2) презрительную (contemptious): spown «плодиться».

3) разговорную лексику (colloquial): to hike «гулять, ходить пешком».

[Аракин, 1991, с.13].

Вернувшись к анализу текста интервью, мы смогли выявить следующие примеры грубой лексики:

bastard — ублюдок;

bonehead — тупой, придурок;

creep — придурок, псих, отморозок;

shit — чёрт, дерьмо, лажа;

shit-head — дурак, говнюк;

toughcat — котяра, плейбой, казанова;

Что касается разговорной лексики, то мы выявили следующие примеры:

- chill— прохладиться, отдохнуть;
- suz — потому-что;
- bucks — баксы;
- coffeholiс — человек, любящий кофе;
- dude — чувак;
- fam — семья;
- focus-pocus — фокус-покус, мошенничество.
- freakout — испугаться, удивиться;
- getgoing — начинать что-то делать;
- goon — продолжать;
- gonna — собираться;
- hold on — ждать;
- it sucks — это ужасно, это расстраивает;
- junk — барахло;
- kid — малой;

Таблица 1. Примеры употребления и перевода единиц, относящихся к разговорной и сниженной лексике

1) Mathew came up and said 'come on dude, are you kidding?	Мэттью подошел и сказал: «Да ладно, чувак, ты серьезно?»
2) And you know why we beat those bastards?	А знаешь почему мы победили тех мудаков?
3) I think he was so freaked out!	Я думаю, он испугался до чертиков!
4) – I had to spend 2 months there! – Oh my God! It sucks!	И мне пришлось провести там 2 месяца! Боже мой! Какой ужас!

Рассматривая второе предложение, было принято решение использовать экспрессивную конкретизацию (то есть использование более эмоционально окрашенного варианта, нежели в тексте оригинала), поскольку, с помощью данной трансформации, удалось передать именно ту эмоциональную окраску, с которой и говорил автор. При работе с видеоматериалом это особенно важно, поскольку потребитель видит эмоции автора высказывания, слышит интонацию, с которой он говорит. Поэтому подбор верной единицы в языке перевода может вызвать ряд проблем у переводчика.

При переводе третьего и четвертого выражений, была использована нейтрализация, поскольку, если подбирать соответствующее выражение в разговорной и сниженной лексике русского языка, выражения могут получить более грубую окраску, что не должно получиться при переводе текста развлекательного интервью.

Чаще всего, когда переводчик стремится передать все семантические оттенки единиц, он прибегает к использованию переводческих трансформаций, а именно: опущению, эмфатизации, нейтрализации, амплификации (добавлению) или экспрессивной конкретизации.

Вывод

Текст развлекательного интервью имеет особенности, которые могут создать трудности в процессе перевода.

В данной статье удалось установить, что лингвоэтнический барьер является тем препятствием, которое мешает восприятию текста на исходном языке представителями переводящего языка, в лингвоэтническом барьере выделяют 4 составляющих. Было выявлено, что к основным особенностям жанра интервью является наличие единиц, относящихся к разговорной лексике или к средствам выразительности речи. В данном исследовании мы рассмотрели примеры аллюзий, которые относятся к четвертой

составляющей лингвотнического барьера, то есть к расхождению преинформационных запасов носителей ИЯ и ПЯ. Соответственно, переводчик должен учитывать этот факт при передаче данных единиц. Однако, стоит предположить, что человек, решивший посмотреть данное интервью, уже имеет минимальные знания о культуре, к которой принадлежит приглашенный гость. Что касается примеров сниженной и разговорной лексики, то стало ясно, что эта лексика относится к третьей составляющей лингвотнического барьера, а именно несовпадению речевых норм (узусов) носителей ИЯ и ПЯ. Соответственно, в языках различаются ситуации, где можно использовать сниженную и разговорную лексику, но в рамках развлекательного интервью переводчик может не нейтрализовать данные единицы, поскольку они являются частью развлекательного контента.

Литература

- Алексеева И.С. Введение в переводоведение. –СПб: АCADEMIA, 2004. – 334 с.
- Аракин В.Д., Выгодская З.С., Ильина Н.Н. Англо-русский словарь: Ок. 36000 слов – 13-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1991.– 378 с.
- Вербицкая М. В. Устный перевод. Английский язык. – М.: ГЛОССА, 2008. – 384 с.
- Губская Т.Н. Теория и практика перевода: переводческие трансформации. – М.: Издательство орского гуманитарно-технологического института, 2011.– 121 с.
- Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка, – М.: «Международ. отношения», 1989.– 361 с.
- Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я. и др. Телевизионная журналистика. –М.: Наука, 1998. – 265 с.
- Латышев Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Лев Константинович Латышев. — 2-е изд., перераб. и доп. –М.: Издательский центр «Академия», 2005.– 320 с.
- Шестакова Е. В. Кадровый консалтинг и аудит. –М.: «БИБКОМ», 2004. – 43 с.
- Шубина О.Ю., Степанова Л.И. Методическое пособие по практическому курсу перевода первого иностранного языка. –Биш.: КРСУ, 2006.– 61 с.

References

- Alekseeva, I.S. (2004) Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to Translation Studies]. - SPB: ACADEMIA. (in Russian)
- Arakin, V.D. et al. (1991) Anglo-russkij slovar' [English-Russian dictionary: About 36,000 words] – 13th ed., Stereotype. – М.: Rus. yaz. (in Russian)
- Verbitskaya, M.V. (2008) Ustnyj perevod. Anglijskij yazyk. [Interpretation. English language – М.: GLOSSA. - p.384. (in Russian)
- Gubskaya, T.N. (2011) Teoriya i praktika perevoda: perevodcheskie transformacii [Theory and practice of translation: translation transformations]. - М.: Publishing house of the Orsk Institute of Humanities and Technology. (in Russian)
- Zabotkina, V.I. (1989) Novaya leksika sovremennogo anglijskogo yazyka [New vocabulary of modern English], –М.: "Intern. relations ". (in Russian)
- Kuznetsov, G.V. et al. (1998) Televizionnaya zhurnalistika [Television journalism]. – М. Nauka. – p.265. (in Russian)
- Latyshev, L.K. (2005) Tekhnologiya perevoda [Translation technology: Textbook. manual for stud. linguistic, universities and fac]. / Lev Konstantinovich Latyshev. – 2nd ed., Rev. and add. – М.: Publishing Center "Academy". (in Russian)
- Shestakova, E. V.(2004) Kadrovyj konsalting i audit [Personnel consulting and audit]. – М.: "BIBKOM". (in Russian)
- Shubina O.Yu. & Stepanova L.I. (2006) Metodicheskoe posobie po prakticheskomu kursu perevoda pervogo inostrannogo yazyka [Methodological guide for the practical course of translation of the first foreign language]. – Bish. : KRSU. (in Russian)

Е.С. ЗОРИНА

Санкт Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

**КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК СРЕДСТВО ДИСКУРСИВИЗАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ С. НОСОВА «БЕРЕНДЕЙ»)**

В статье предпринимается попытка анализа современного художественного текста в русле синергетического подхода. Культурный код, заданный автором произведения, реализуется в институциональных дискурсах, связанных с прецедентными именами, упоминаемыми в тексте. Отдельное внимание уделяется названию пьесы «Берендей» и именованию главного героя. Такая структура художественного повествования предполагает обращение к лексико-грамматическому анализу текста в аспекте замысла автора. Эмоционально окрашенные лексические единицы и конструкции экспрессивного синтаксиса оформляют построение исторической перспективы и ее оценки в рамках культурно-исторического дискурса. Дискурсивизация текста как принцип его организации предполагает обращение к широкому спектру междисциплинарных знаний и методов. Анализ позволяет сделать вывод о важности изучения современного художественного текста в лингвокультурологическом аспекте для специалистов различных областей: филологов, преподавателей РКИ, психологов, культурологов, историков, философов. Умение осмысливать текст художественного произведения с привлечением большого объема культурно-исторических знаний является навыком, необходимым для воспитания патриотически настроенных и социально ответственных граждан.

Ключевые слова: культурный код, прецедентное имя, современный художественный текст, пьеса, дискурс, дискурсивизация художественного текста.

E. ZORINA

St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

**CULTURAL CODE AS AN INSTRUMENT OF DISCURSIVIZATION OF THE
FICTIONAL TEXT (BASED ON THE PLAY “BERENDEY” BY S. NOSOV)**

The article deals with the fictional text analysis based on the synergetic approach. The author's intention is represented in the cultural code, which realizes through a number of precedent names of different institutional discourses. Hence the title of the play “Berendey” and the name of the main hero are in a special focus. The lexical and grammar analysis in respect of the aspect of the author's intention is a key to the interpretation of the modern discursive fictional text. It is stated that the modern discursive fictional text is a subject to multidisciplinary study. The results of this study are of a high interest for the specialists of different spheres: philologists, psychologists, cultural specialists, historians and philosophers. The skill of the multidisciplinary discursive text analysis is important as a pedagogical base for the patriotic and socially conscious education.

Key words: cultural code, precedent name, modern fictional text, play, discourse, discursivization of the fictional text.

Междисциплинарный подход в лингвистике предлагает расширить горизонты анализируемого материала, методов и приемов анализа. Изучение русского языка в

культурологическом, когнитивном, психологическом аспектах открывает перспективу применения накопленного междисциплинарного знания при работе с важнейшей областью функционирования языка – художественным текстом. Особо следует подчеркнуть необходимость междисциплинарного подхода при работе с текстами литературы конца XX – начала XXI века. Традиционно о лингвокультурологическом аспекте говорится в связи с чтением и изучением текстов русской классической литературы. Однако очевидно, что область применения подхода гораздо шире и имеет педагогическое и социальное значение.

Для локализации точки зрения автора [Дымарский, 2006] в тексте пьесы Сергея Носова «Берендей» и понимания замысла произведения требуется анализ текста с позиций междисциплинарного подхода. Культурный код организует полимодальный дискурсивный текст пьесы, который требует от читателя знаний истории и культуры. Дискурсивность здесь понимается вслед за Н. Д. Арутюновой следующим образом: «текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие» [Арутюнова, 1990, с. 136]. Дискурсивность (как принцип организации повествования) реализуется в ряде институциональных дискурсов: историческом, культурном, социальном, психологическом, философском, и т. д. Таким образом, текст включает всё вербализованное ментальное пространство той или иной сферы знания. [Асратян, 2015, с. 17].

Культурный код позиционируется как основа для понимания замысла автора уже в названии пьесы «Берендей», вовлекая читателя в культурный и исторический дискурс. Для понимания культурного кода здесь необходимы знания о том, что берендеи упоминаются в пьесе Александра Николаевича Островского «Снегурочка», а также в одноименной опере Николая Андреевича Римского-Корсакова. Однако говорить об «игре ради игры» не приходится, так как оказывается, что главный герой, иммигрировав в «достаточно цивилизованную страну», назвал там берендеем по национальности. Культурный и исторический дискурс в тексте пьесы организуется прецедентным именованием героя [Караулов, 2010]: Рюрик по национальности берендей - и названием пьесы. Принципиальное усложнение повествования предполагает обращение к дискурсивному анализу в модальном аспекте.

Для определения модальной структуры повествования можно обратиться к эксплицитно выраженной позиции второго героя (Володи) относительно выбранной Рюриком национальности:

1) Рюрик Знаешь, кто я?

Реакции – ноль.

Не знаешь. Я – берендей.

Володя с показным равнодушием отворачивается в сторону. С показной заинтересованностью что-то высматривает вдалеке.

Берендей. Тут гастролы были. «Снегурочка» шла Римского-Корсакова, и все газеты писали... Успех феноменальный. Триумф. А мне программка попала рекламная... Я с этой программкой и предьявился. Показал. Ткнул пальцем, а там одни берендеи... Царь Берендей, царство берендеев... Одни берендеи... Я и сказал, что я берендей. Они поверили.

Володя (не выдержав) Врешь.

Рюрик (серьезно) Володя, я – берендей. Настоящий берендей. Честное слово, Володька. Они меня так и зарегистрировали.

Володя. Без документов?

Рюрик. У меня паспорт был, еще наш, старый. Я показал. Там «русский» стоит. А это что значит? Значит, дискриминация. Всех берендеев записали русскими.

Володя. Врешь.

Рюрик. Еще в тринадцатом веке. Я правду сказал.

Володя. Врешь, что поверили.

Рюрик. А здесь человеку верят, Володя. Здесь уважают права человека.

<...>

К 12 часам нам привозят обед. В специальной машине. По графику. Статус у меня. Государство заботится.

Володя. Что же, твое государство ... в это самое не заглянуло ... в энциклопедию?

Рюрик. В какую энциклопедию, Володя? Что ты за энциклопедист такой? Я тебе говорю, здесь о человеке заботятся. Здесь человеку верят, а не энциклопедии. (с. 116-117)

Лексико-грамматический анализ конструкций экспрессивного синтаксиса [Акимова, 1999] в данном фрагменте показывает, что позиция автора реализуется голосом героя Володи, который призывает друга к разуму и не верит его словам о возможности быть зарегистрированным как «берендей». Политический и социальный дискурс вводится лексемой дискриминация в вопросно-ответной конструкции: «Там «русский» стоит. А это что значит? Значит, дискриминация. Всех берендеев записали русскими.», - которая открывает читателю возможность задуматься над историей и пониманием явления в русской и европейской культурах. Эмоционально окрашенные элементы в конструкции с градацией: «Успех феноменальный. Триумф.» - формируют противопоставление понимания культурного кода в рамках дискурсов разных культур и в рамках временной перспективы: гордость в аспекте исторической перспективы на фоне сложности оценки и понимания настоящего момента.

Перспектива политического дискурса доводится до актуального момента истории в следующем фрагменте:

2) Володя. Ответь мне, Рюрик. Если я себя, допустим, древлянином назову. Их княгиня Ольга еще репрессировала, столицу сожгла. К тому же на территории суверенной Украины... (Встает, разминает затекшие ноги). Меня тоже запишут в гонимые?

Рюрик. Естественно. Надо лишь попросить. Ты древлянин, я берендей, оставайся, Володька! (С. 123)

Парцеллированная конструкция актуализирует высказывание: «К тому же на территории суверенной Украины...» - которое обращает читателя к современной политической ситуации и дискурсу. Пунктуационное оформление конструкции многоточием в конце указывает на нерешенность многих вопросов, с одной стороны, и на незавершенность истории, с другой. Герои пьесы, автор и читатель имеют возможность обратиться к исторической перспективе и погрузиться в исторический дискурс в рамках художественного произведения. Лексика разных исторических эпох: древлянин, княгиня Ольга, берендей, репрессировала, - представленная в одной реплике, указывает на объективную вневременность явлений и событий и субъективность их оценки в конкретный момент истории в соответствие с социокультурными представлениями народа.

Дискурс XX века, эпохи 90-ых и двухтысячных, именование главного героя и исторический дискурс выстраивают историческую перспективу «от берендея до Рюрика и до сегодняшнего дня». Дискурс XX века организован культурным кодом упоминания значимых для русской истории деятелей и их произведений: А. П. Чехова, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, П. Я. Чаадаева, а также марок товаров, ставших культовыми брендами советской эпохи: водка «Столичная» и папиросы «Беломор». Прецедентные имена требуют обширных знаний культурного дискурса, с ними связанного, в первую очередь знаний о роли человека для русской культуры и истории, его идеях, художественном мире. Реализация дискурса советских брендов требует представления о бытоустройстве, промышленности, торговле советской эпохи. Прецедентные имена встают в один ряд с прецедентными феноменами [Привалова, 2005], однако имеют такую особенность структуры, как «инвариант восприятия», состоящий из ядра и периферии [Красных, 2002, с. 80]:

3) Володя. Вот придет полицейский и нас арестует.

Рюрик. Если бы мы курили «Беломор», а мы не курим «Беломор», мы пьем «Столичную».

Володя. «Столичную» можно.

Рюрик. «Беломор» нельзя.

Володя. Экология, говоришь. (с. 144)

4) Рюрик. Ты помнишь Ручевского? Вел семинар по Чехову ... Я тут вспоминал ... Забыл имя-отчество! Никак не вспомнить...

Володя. Антон Павлович.

Рюрик. Ручевского!

Володя. Ручевский Виталий Никитич. (с. 120)

5) Рюрик. А как же «Снегурочка»?

Володя. (кого-то цитируя). «Села наша Мурочка под елкой, как снегурочка».

Рюрик. Да. (Принял к сведению). Ну и прекрасно. Отлично. Это только подтверждает слова Достоевского о предназначении русского человека. Быть братом всех на земле.

Володя. Извини, ты меня утомляешь. (с. 124)

Отдельно следует сказать об описании реалий эпохи 90-ых. Герои пьесы в этот непростой период в истории страны, как и многие, занимались мелкой торговлей: продавали ножи для резки овощей. Наименования типичных для деятельности продавцов предметов: примус, складной столик – и лексическая единица, относящаяся к профессиональному жаргону: тяга – служат для описания атмосферы эпохи на уровне сюжета пьесы и реализуют свое значение в аспекте культурного кода в рамках исторического дискурса. Оценка прошлого с позиции сегодняшнего дня и романтизация прошлого в рамках дискурса жизни человека – сложная, но одна из ключевых идей дискурсивного повествования:

6) Володя. Привез примус.

Рюрик. Один?

Володя. Ты один просил.

Рюрик. Надо было три. Здесь все есть, кроме примусов.

Володя. Увы.

Рюрик. И складных столиков... Помнишь, Володька, мы с тобой по России как путешествовали... С примусами.

Володя. С примусами.

Рюрик. Я помню язык. Смоленск...

Володя. Ростов-на-Дону. (с. 107)

...

А какова у тебя тяга, Рюрик?

Рюрик. Тяга?... Слова-то помнишь какие ...

Володя. Мы же с тобой профессионалы все-таки. Такое не забывается.

Рюрик. Хорошая тяга. Двадцать пять покупателей в час. Как в лучшие времена на юге России.

Володя. В лучшие времена тяга сто двадцать пять была. Под вдохновенье. (с. 126)

Дискурс эпохи 90-ых, в котором заложена неопределенность, отчаяние, страх за будущее, необходимость выживать, получает не просто положительную оценку в воспоминаниях героев, романтизируется как нечто прекрасное, связанное с вдохновением: «В лучшие времена тяга сто двадцать пять была. Под вдохновенье». По сути речь идет о глобальном аспекте – частная жизнь человека и течение истории. Понимание важности данного фрагмента пьесы возможно только в дискурсивном аспекте.

Текст пьесы характеризуется как открытый, дискурсивный текст. Автор предлагает культурный код в качестве ключа к замыслу пьесы. Читателю необходимо обладать обширным багажом знаний для понимания дискурсивного повествования.

Сотворческая деятельность читателя [Большакова, 2003], необходимая для понимания замысла автора в полимодальном тексте, здесь реализуется как обязательное условие понимания институциональных дискурсов.

Позиция автора явлена на лексическом и грамматическом уровне. Эксплицитно: эмоционально и стилистически окрашенными лексемами и конструкциями экспрессивного синтаксиса; и имплицитно: противопоставлением героев, их миров, логики и границ разумного для каждого из них:

7) Рюрик. Я, может, землю здесь куплю. Не решил еще.

Володя. Здесь дороже.

Рюрик. Мне всего-то два метра надо. (Загораясь: любимая тема). Представляешь, здесь можно землю купить. На кладбище. Хотя бы два метра. Это реально. А как только я становлюсь землевладельцем, я автоматически обретаю гражданство. У них закон такой. Надо только получить свидетельство.

Володя (криво). О смерти.

Рюрик. О владении землей. (С. 127)

Позиция автора реализуется в парцелированной конструкции, которая выделяет словформу на кладбище; и сегментированной конструкцией с наименованием свидетельства: свидетельство о смерти / о владении землей, части которой оказываются распределены между репликами героев. Философское осмысление происходящего «сейчас» представлено через противопоставление позиций героев на уровне культурного кода, который оказывается средством дискурсивизации художественного произведения [Асратян, 2015].

Обращение к текстам художественной литературы способствует формированию гармоничной цивилизованной личности, умеющей эффективно функционировать в современном межкультурном пространстве, в том числе и в связи с высоким уровнем познания языка, который приобретается при изучении текстов художественной литературы. Для понимания культурного кода в текстах художественной литературы необходим синэргетический подход [Петрова, 2015, с.103]. Рассмотрение современных текстов предлагает широкие возможности научного и методического анализа, который может быть интересен как преподавателям РКИ, так и лингвокультурологам, филологам, психологам и другим специалистам смежных направлений.

Источники

Носов С. Морковку нож не берет: [пьесы]. – М.: ИД «Городец-Флюид», 2020. –С. 101-153.

Литература

Акимов Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.

Арутюнова Н. Д. Дискурс //Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136-137.

Асратян, З. Д. Дискурс и текст художественного произведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика», 2015. - Т.12. - № 4. – С. 17- 20.

Большакова А. Ю. Образ читателя как литературоведческая категория // Известия Российской Академии наук. Серия Литературы и языка. Т. 62. № 2. 2003. С. 17-26.

Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX – XX вв. Изд-е 3-е, испр. М.: КомКнига, 2006. – 296 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.

Красных В. В. Этноспихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М.: ГНОЗИС, 2002. – 284 с.

Петрова С. М. Русский языка как средство межкультурной коммуникации на современном этапе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, 2015. - № 4 (48). – С. 98-109.

Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография / И. В. Привалова. – М.: ГНОЗИС, 2005. – 472 с.

References

- Akimova, G. N. (1990) *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New in the syntax of the modern Russian language]. M.: Vysshaya shkola.
- Arutyunova, N. D. (1990) *Diskurs //Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Discourse //Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M. pp. 136-137.
- Asratyan, Z. D. (2015) *Diskurs i tekst hudozhestvennogo proizvedeniya* [Discourse and text of a work of art // Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"] - V.12. - № 4. – pp. 17- 20.
- Bolshakova, A. Yu. (2003) *Obraz chitatelya kak literaturovedcheskaya kategoriya // Izvestiya Rossijskoj Akademii nauk. Seriya Literatury i yazyka.* [The image of the reader as a literary category // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of Literature and Language], V. 62. № 2. 2003. pp. 17-26.
- Dymarskij, M. YA. (2006) *Problemy tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyj tekst: Na materiale russkoj prozy XIX – XX vv.* [Problems of text formation and artistic text: Based on the material of Russian prose of the XIX - XX centuries] Izd-e 3-e, ispr. M.: KomKniga.
- Karaulov, Yu. N. (2010) *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. [Russian language and language personality].* Izd-e 7-e. M.: Izdatel'stvo LKI
- Krasnyh, V. V. (2002) *Etnopsiholingvistika i lingvokulturologiya: kurs lekcij* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures] / V. V. Krasnyh. – M.: GNOZIS, P. – pp.284.
- Petrova, S. M. (2015) *Russkij yazyka kak sredstvo mezhkul'turnoj kommunikacii na sovremennom etape* [Russian language as a means of intercultural communication at the present stage]// *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*- № 4 (48). – pp. 98-109.
- Privalova, I. V. (2005) *Interkul'tura i verbal'nyj znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii): Monografiya* [Interculture and verbal sign (linguocognitive foundations of intercultural communication)] / I. V. Privalova. – M.: GNOZIS– pp. 472.

УДК 821.111

Д.Т. КУРМАНБАЕВА

Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана
Алматы, Казахстан

КОГНИТИВНО-МАТРИЧНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ХРОНОТОПА РОМАНА КАДЗУО ИСИГУРО «THE BURIED GIANT»

Содержание художественного произведения в статье рассматривается как знание матричного формата. Предлагаемый анализ основан, с одной стороны, на предложенном М.М. Бахтиным понятии хронотопа, а с другой – на возможностях авторской интерпретации и представления этого понятия в рамках конкретного произведения. Предлагается рассматривать хронотоп в виде частной когнитивной матрицы ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ как совокупность категорий ВРЕМЯ-ПРОСТРАНСТВО-СОБЫТИЕ, составляющих ядро матрицы. Применительно к

анализируемому роману индивидуально-авторская интерпретация проявляется в авторском осмыслении ВРЕМЕНИ через концепт MEMORY, ПРОСТРАНСТВО - через концепт PATH, СОБЫТИЕ – через концепт JOURNEY. Периферийную зону когнитивной матрицы ПВК романа как контекстов осмысления ядра (совокупности концептов MEMORY, PATH, JOURNEY) образуют конкретные временно-пространственно-событийные концептуально-тематические области (лично-индивидуальная, социально-культурная, мифологическая, философско-историческую). Каждая концептуально-тематическая область представлена набором базовых концептов с определенными характеристиками. Анализ когнитивной матрицы ПВК романа (ядра и концептуально-тематических областей) на концептуальном уровне и на уровне языковой реализации позволяет определить авторский замысел.

Ключевые слова: хронотоп, пространственно-временной континуум, концепт, когнитивная матрица, концептуально-тематическая область

D. KURMANBAYEVA

Kazakh Ablai Khan University of
International Relations and World Languages
Almaty, Kazakhstan

COGNITIVE-MATRIX MODELLING OF THE CHRONOTOPE OF KAZUO ISHIGURO'S "THE BURIED GIANT"

In the article the content of a work of art is considered as knowledge of matrix format. The analysis is based on the idea of chronotope proposed by M.M. Bakhtin and the possibilities of the author's interpretation and presentation of this category within the framework of a particular work. Chronotope is presented as the cognitive matrix SPATIAL-TIME CONTINUUM (STC) as a set of categories TIME-SPACE-EVENT, which make up the core of the matrix. With regard to the given novel, the individual author's interpretation is manifested in the author's understanding TIME through the concept MEMORY, SPACE – through the concept PATH, EVENT – through the concept JOURNEY. The peripheral zone of the cognitive matrix of the STC of the novel as contexts of understanding the core (a set of concepts MEMORY, PATH, JOURNEY) is formed with private-individual, socio-cultural, mythological, philosophical-historical conceptual domains. Each conceptual domain is represented by a set of basic concepts with certain characteristics. The analysis of the cognitive matrix of the novel STC (core and conceptual domains) at the conceptual level and the linguistic level allows determining the author's intention.

Key words: chronotope, space-time continuum, concept, cognitive matrix, conceptual domain

Введение

Анализ современных литературоведческих исследований художественного хронотопа показал, что работы М.М. Бахтина, М.Ю. Лотмана, Н.Н. Топорова, А.Б. Темирболат и др. по данной проблематике являются до сих пор актуальными и составляют методологическую основу многих литературоведческих исследований [Бахтин, 1975; Лотман, 1970; Топоров, 1983; Темирболат, 2009].

Под хронотопом М.М. Бахтин понимает существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе: «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин, 1975, с.234].

В статье предпринята попытка моделирования хронотопа романа Кадзуо Исигуро «The Buried Giant» с точки зрения когнитивного подхода, в частности с использованием когнитивно-матричного анализа, предложенного Н.Н. Болдыревым.

Хронотоп романа «The Buried Giant» Кадзуо Исигуро характеризуется сложностью и многоаспектностью. Действие романа развёртывается в средневековой Англии. Пожилая супружеская пара (Аксел и Беатрис) отправляются в соседнее селение в поисках сына, которого не видели много лет.

Основная часть

Согласно основным положениям когнитивной лингвистики, наши знания могут быть организованы с помощью определенных структур – когнитивных моделей: идеализированных когнитивных моделей (Дж. Лакофф), ментальных пространств (Ж. Фоконье) и др. Такой же когнитивной моделью является и когнитивная матрица, особенность которой заключается в представлении многоаспектного содержания как единицы знания: «использование понятия когнитивная матрица в отношении разных структурных типов многоаспектного формата знания вызвано необходимостью передать такое строение сложного концепта (концептуальной структуры), существенной чертой которого является интегративность и одновременно опциональность его элементов» [Болдырев, 2014, с.64].

Любой роман представляет собой сложное, многоаспектное знание, которое складывается из содержания романа, разноплановости сюжетных линий, пространственных и временных характеристик, представления образов, героев, разных жанровых характеристик, концептуальных и языковых характеристик, конституирующих целостное ментальное пространство художественного произведения.

Применительно к данному исследованию в качестве общей когнитивной матрицы рассматривается все знание о романе как целостном художественном пространстве, которое служит основой (и когнитивным контекстом) для структурирования и осмысления хронотопа автором анализируемого художественного произведения в рамках частной когнитивной матрицы.

Н.Н. Болдырев выделяет два типа когнитивной матрицы: общую и частную. Основное отличие между общей и частной матрицей заключается в том, что структура общей когнитивной матрицы представляет собой систему взаимосвязанных когнитивных контекстов как единицу многоаспектного знания об определенной области (наука, образование, культура и т.д.), а структура частной когнитивной матрицы – систему знаний (взаимосвязанных когнитивных контекстов), необходимых для многоаспектного осмысления конкретного языкового объекта (топонима, прецедентного имени, хронотопа и т.д.), организованной по принципу «ядро (конкретный объект) – периферия (когнитивные контексты – элементы матрицы)» [Болдырев, 2014].

Моделирование хронотопа как единого многоаспектного знания в виде частной когнитивной матрицы и когнитивно-матричный анализ ее составляющих предполагает представление структуры на концептуальном уровне и соотнесение ее со средствами языковой репрезентации.

На концептуальном уровне хронотоп как сложный интегративный концепт может быть представлен в виде частной когнитивной матрицы ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ (ПВК). Понятие «пространственно-временной континуум» уточняет и развивает введенное М.М. Бахтиным понятие «хронотоп».

В своей работе «Бытие и время» М. Хайдеггер, подчеркивая неразрывность бытия и времени, выделяет событие как еще один аспект их сосуществования: «поскольку бытие и время имеют место только в событии, этому последнему принадлежит та особенность, что им человек как тот, кто внимает бытию, выставляя в собственном времени, вынесен в свое собственное существо. Так сбывающийся, человек принадлежит к событию» [Хайдеггер, 1993, с. 405]

Таким образом, в анализ пространственно-временного континуума картины мира необходимо включить и учитывать событийный контекст, как необходимый фактор изменения и динамического развития пространственно-временного континуума. Событие, по М.Хайдеггеру, «то, чем определяются оба, время и бытие, в их собственное существо, т.е. в их взаимопринадлежности» [Хайдеггер, 1993, с. 402].

Ядро когнитивной матрицы ПВК образуют концепты ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО – СОБЫТИЕ, которые будут общими для любого художественного произведения. В каждом художественном произведении ПВК имеет индивидуально-авторскую интерпретацию [Болдырев, 2017]. В романе «The Buried Giant» Кадзуо Исигуро индивидуально-авторская интерпретация ПВК проявляется в авторском осмыслении ВРЕМЕНИ через концепт MEMORY, ПРОСТРАНСТВА – через концепт PATH, СОБЫТИЯ – через концепт JOURNEY. Необходимо помнить, что совокупность ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО – СОБЫТИЕ функционирует как интегративно-единое целое, границы ПВК зыбкие, взаимно переплетающиеся, переходящие друг в друга.

В романе на основе действия когнитивного механизма ретроспективного вектора реализуются следующие характеристики концепта MEMORY: способность отражения прошлого, фрагментарность памяти, страх перед восстановлением памяти, память как ценность.

Характеристика ‘способность отражения прошлого’ реализуется за счет языковых механизмов номинации (например, recall the past, hold some memory); характеристика ‘фрагментарность памяти’ проявляется за счет языковых средств, выражающих частичность, нарушение целостности: fragment, to piece, to grow confused, partially, etc.: ... fragments began to piece themselves together in his mind, of the missing Marta, of the danger, of how not long ago everyone had been searching for her; these recollections were growing confused; his memory seemed partially at least to clear, and many things had come back to him. Характеристика ‘ценность памяти’ реализуется с помощью когнитивного механизма сравнения, когда восстановление памяти сравнивается с историей со счастливым концом: It's like a tale with a happy end, when even a child knows not to fear the twists and turns before. Axl and I would remember our life together, whatever its shape, for it's been a thing dear to us. Данные характеристики концепта MEMORY играют большую роль в аспекте понимания памяти как необходимой способности для каждого человека.

В романе характеристики концепта PATH передаются в романе с помощью когнитивной пространственной схемы ВМЕСТИЛИЩЕ, обозначающего пространство путешествия пожилой пары. На языковом уровне она репрезентируется за счет номинации – обозначения конкретных мест их путешествия: Briton's village, The Great Plain, The Roman Villa, Saxon Village, Monastery, Cottage, mountains, cave, river.

На основе действия когнитивных механизмов вектор, ретроспективный вектор реализуются характеристики концепта JOURNEY: путешествие в прошлое, поиск истины. Языковыми средствами реализации характеристик данного концепта, выражающие движение, путешествие, путь, являются: journey, travel, set off, stop us journeying, to be on the way, seek shelter, etc.

Соотношение концептов PATH и JOURNEY носит взаимосвязанный, неделимый, континуальный характер. Концепт JOURNEY осмысливается как путешествие через географические объекты, репрезентирующие концепт PATH. Важно отметить, что и концепты JOURNEY и MEMORY также взаимосвязаны: во время путешествия Акселло и Беатрис удается восстановить в своей памяти события прошлого.

На языковом уровне характеристики концептов MEMORY, PATH, JOURNEY также реализуются с помощью языковых механизмов синонимии (например, remember, recall); конверсии (например: We boatmen have ferried many there over the years); словообразования (например, travel – traveller, recall – recollection); противопоставление (например, bad memories- good memories) и др.

Периферийную зону когнитивной матрицы ПВК романа как контекстов осмысления ядра (совокупности концептов MEMORY, PATH, JOURNEY) образуют конкретные временно-пространственно-событийные концептуально-тематические области (лично-индивидуальная, социально-культурная, мифологическая, философско-историческая). Обеспечивая реализацию творческой функции сознания, связанной с созданием и описанием возможных или нереальных миров, художественной (прозаической и поэтической) картины мира, т. е. являясь творческой интерпретацией мира [Болдырев, 2017, с. 36], концептуально-тематические области, выделяемые в том или ином романе, представлены набором базовых концептов в их вторичной, индивидуально-авторской интерпретации, которая отражает специфику конструирования мира автором художественного произведения.

Так, в романе «The Buried Giant» когнитивным контекстом осмысления концепта MEMORY является лично-индивидуальная концептуально-тематическая область романа, которая репрезентирована концептами LOVE, SON, DISEASE. Когнитивным контекстом осмысления концепта PATH является социально-культурная концептуально-тематическая область, представленная концептами MONASTERY, SAXON VILLAGE. Когнитивным контекстом осмысления концепта JOURNEY являются мифологическая концептуально-тематическая область, представленная концептами KING ARTHUR, SIR GAWAIN, BOATMAN, THE SHE-DRAGON QUERIG, THE BURIED GIANT, MYSTIC CREATURES; философско-историческая концептуально-тематическая область с набором базовых концептов THE GREAT TREATY, SLAUGHTER, EXPLOIT OF FIVE WARRIORS.

В настоящей статье подробнее рассмотрим некоторые характеристики концепта MONASTERY социально-культурной концептуально-тематической области.

На концептуальном уровне концепт MONASTERY имеет следующие характеристики: монастырь как культурный центр распространения религии и просвещения, монастырь как центр целительства, монастырь как крепость. Внутри характеристики 'монастырь как культурный центр распространения религии' выделяются дополнительные смыслы: принципы христианства, принципы язычества, искупление греха, признаки божьего гнева.

На языковом уровне характеристика концепта 'монастырь как культурный центр распространения религии' репрезентирована религиозной терминологией: god, Christian god, god's mercy, a sign of God's anger, to atone crimes, abbot, brother monks, prayers, constant prayers, sufferings.

Характеристика 'принципы христианства' реализуется с помощью словосочетаний, выражающих милосердие бога: one god (god of mercy), a god with boundless mercy. Милосердие бога проявляется в том, что люди могут искупить грехи с помощью молитв: Your Christian god of mercy gives men licence to pursue their greed, their lust for land and blood, knowing a few prayers and a little penance will bring forgiveness and blessing.

Через словосочетания several gods, gods of my ancestors выражается характеристика язычества, как традиционная религия саксов, до принятия ими христианства.

Характеристика 'искупление греха' реализуется с помощью словосочетаний, описывающих искупление грехов молитвами и физическими наказаниями: monks take turns in that cage exposing their bodies to the wild birds, hoping this way to atone for crimes once committed in this country and long unpunished; They still believe that cage, and our constant prayers, will be enough."

С помощью когнитивного механизма фокусирования и концептуальной метафоры реализуется характеристика 'признаки божьего гнева', которая проявляется в описании проявления божьего гнева: Yet these dark crows and ravens are a sign of God's anger. They never came before. Even last winter, though the wind made the strongest of us weep, the birds were but mischievous children, their beaks bringing only small sufferings. A shake of the chains or a shout was enough to keep them at bay. But now a new breed comes to find us, larger, bolder and with fury in their eyes. They tear at us in calm anger, no matter how we struggle or cry out.

We've lost three dear friends these past months, and many more of us carry deep wounds. These surely are signs". Метафоры the birds were but mischievous children и a sign of God's anger, оксюморон calm anger используются автором для того, чтобы передать гнев Бога на людей за их совершенные деяния.

Использование повтора (god of mercy, a god with boundless mercy) передает щедрость, милосердность христианского бога, а притяжательное местоимение your Christian god – пренебрежительное отношение саксонского воина Вистана-язычника к христианству в целом. Сомнение Вистана в христианской вере передается с помощью риторических вопросов: How can you describe as penance, sir, the drawing of a veil over the foulest deeds? Is your Christian god one to be bribed so easily with self-inflicted pain and a few prayers? Does he care so little for justice left undone?

Характеристика 'монастырь как крепость' реализуется с помощью следующих языковых средств, обозначающих участников битвы, используемые орудия, действия: fort, Saxons, Britons, enemy, fire, retreat, swords, axes, as ants to a honey pot, moat, escape, wall, bridge, moat, firewood, etc. Данная характеристика концепта MONASTERY проявляется в описании Вистаном битвы между бритами и саксами. Ожесточенная битва между этими двумя народами, напряженность передается с помощью кратких предложений и риторических вопросов: They retreat upwards only to draw in the Britons as ants to a honey pot. Our cousins throw the torches down. Down into the moat. The moat's filled with firewood. A strong wind from the east will fan the flames ever higher. And how are the Britons to escape the inferno? A solid wall around them, only a single narrow bridge to freedom, and the moat itself ablaze.

Использование сравнения и противопоставления демонстрируют пренебрежительное отношение саксов к бритами: саксы превосходят бритов, бриты не заслуживают уважения саксов: сравнение as ants to a honey pot, противопоставления Saxons ↔ Britons: Saxons - brave, forefathers, cousins и Britons – invaders, enemy.

Итак, анализ характеристик концепта MONASTERY социально-культурной концептуально-тематической области показывает, что автор романа поднимает проблему моральных ценностей и убеждений язычников и христиан, трудности распространения христианства в средневековой Англии.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что когнитивно-матричный анализ романа К. Исигуро "The Buried Giant" позволяет дать когнитивное осмысление формально-содержательной категории хронотоп в виде когнитивной матрицы ПБК (совокупность ВРЕМЯ – Пространство – СОБЫТИЕ) как организационного центра всей когнитивной структуры романа, что открывает доступ к более глубокому пониманию авторского замысла.

Анализ характеристик когнитивной матрицы ПБК романа (ядерных концептов MEMORY, PATH, JOURNEY и базового концепта MONASTERY социально-культурной концептуально-тематической области) показал, что в романе поднимается широкий круг философских и морально-этических проблем. Мысль о том, что британскому национальному единству пришлось пройти трудный путь трансформации от разрозненных общин к сегодняшней мирной совместной жизни, также проявляется в характеристиках концептов романа.

Литература

- Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

- Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы// Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXVIII. С. 20-81.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Издательство «Искусство», 1970.
- Темирболат А.Б. Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе. Алматы: Ценные бумаги, 2009.
- Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С.227-285.
- Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем . — М.: Республика, 1993 . — 447 с. — (Мыслители XX в.) URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf Дата обращения: 10.04.2019

References

- Bahtin, M. M. (1975) Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznyh let. [Questions of literature and aesthetics. Studies of different years.] М.: Hudozhestvennaya literatura.
- Boldyrev, N.N. (2014) Kognitivnaya semantika. [Cognitive semantics]. Tambov: Izdatel'stvo TGU im. G.R. Derzhavina.
- Boldyrev, N.N. (2017) Antropocentricheskaya teoriya yazyka. Teoretiko-metodologicheskije osnovy// Kognitivnye issledovaniya yazyka. [Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы// Когнитивные исследования языка.]. Вып. XXVIII. P. 20-81.
- Lotman, Yu.M. (1970) Struktura hudozhestvennogo teksta. [The structure of a literary text]. М.: Izdatel'stvo «Iskusstvo».
- Temirbolat, A.B. (2009) Kategorii hronotopa i temporal'nogo ritma v literature. [Categories of chronotope and temporal rhythm in literature.]. Almaty: Cennye bumagi.
- Toporov, V. N. (1983) Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. [Space and text // Text: semantics and structure]. М.: Nauka, 1983. P.227-285.
- Hajdegger, M. (1993) Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya: Per. s nem. [Time and Being: Articles and speeches]. — М.: Respublika, — P. 447 — (Mysliteli XX v.) URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf (Access date: 10.04.2019)

УДК 8; 81-26:347.78.034.

С.Д. Кирпу

Петрозаводский Государственный Университет
Петрозаводск, Российская Федерация

ПЕРЕВОД ВЫСКАЗЫВАНИЙ С РАЗЛИЧНЫМИ КОММУНИКАТИВНЫМИ ИНТЕНЦИЯМИ С УЧЕТОМ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ОБЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В данной статье автор анализирует способы перевода высказываний с различными коммуникативными интенциями в русском и английском языках. Кроме того, автор рассматривает национальные стили коммуникации в английской и русской культурах, которые влияют на способы выражения коммуникативных интенций. Анализ способов перевода высказываний, содержащих различные коммуникативные интенции, важен для различных исследований в области языкознания, теории перевода, методики обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: стратегии общения, коммуникативные интенции, способы перевода, межкультурная коммуникация, обучение переводу.

S. KIRPU
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russian Federation

TRANSLATION OF UTTERANCES WITH DIFFERENT COMMUNICATIVE INTENTIONS CONSIDERING NATIONAL COMMUNICATION STRATEGIES (IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

In this article, the author analyzes the ways of translating utterances with various communicative intentions in the Russian and English languages. In addition, the author examines the national styles of communication in English and Russian cultures, which have an influence on the ways of expressing communicative intentions. The analysis of the ways of translating utterances, containing various communicative intentions, is important for various studies in the field of linguistics, translation theory, teaching foreign languages.

Key words: communication strategies, communicative intentions, methods of translation, intercultural communication, teaching translation.

Многочисленные языки мира представляют собой различные способы духовного освоения действительности. Каждая культура имеет свое мировоззрение, свою систему ценностей. Отражением культуры является язык, литература, созданная на этом языке. Язык содержит в себе определенные культурные коды, которые передают особенности восприятия мира тем или иным народом. Многие исследователи давно пытались изучить то, как язык влияет на менталитет его носителей, как осуществлять перевод различных культурных реалий с одного языка на другой. Например, идеи В. Гумбольдта способствовали созданию герменевтической системы перевода. Гипотеза «лингвистической относительности» Сепира-Уорфа отмечает, что каждая лингвокультура имеет свою картину мира, которая создается языковыми и неязыковыми средствами. Таким образом, способы выражения мыслей, чувств на уровне языка зависят не только от личностного, ситуативного характера, но и от того, к какой лингвокультуре принадлежит говорящий. Поэтому язык «принуждает» индивидуумов использовать определенные способы восприятия действительности. И хотя логические закономерности мышления человека формируют универсальные аспекты в языках, эта универсальность мышления не всегда реализуется в различных языках в аналогичных языковых структурах. [Валеева, 2018, с. 31]. Чтобы лучше понять различия и сходства в отражении действительности между английским и русским языками, проанализируем высказывания с различными коммуникативными интенциями с учетом стратегии коммуникативного поведения в английской и русской культурах.

Рассмотрим понятие коммуникативная интенция. Данное понятие используется многими исследователями [Меньшиков И.И., Рахметова В.Ж., Макарова Е.Н., Perry J.], хотя единство в определении данного термина отсутствует. Обратимся к лингвистическому энциклопедическому словарю, в котором коммуникативная интенция описывается как «намерение говорящего выразить некий коммуникативно-значимый смысл с помощью речевых средств, то есть осуществить речевой акт для решения коммуникативной задачи». Коммуникативные интенции определяют речевое поведение коммуникантов, тип действия, которое производится с помощью иллокутивного акта [Трофимова, 2009, с. 17]. Интенция, являясь стимулом порождения высказывания, выступает неизменным условием дальнейшего речевого взаимодействия, так как только правильно «прочитав» интенцию говорящего, адресат сможет понять высказывание и соответствующим образом на него отреагировать. Только взаимный учет всего комплекса интенций партнеров

общения позволяет построить адекватное и эффективное речевое взаимодействие [Журавлева, 2006, с. 105]. Выделяют различные виды коммуникативных интенций: информативная (ассертивная), директивная, комиссивная, декларативная, экспрессивная. Данная классификация восходит к теории речевых актов Дж. Серля. В каждом языке можно выделить общие, универсальные, коммуникативные интенции. Но как отмечает Гарбовский, «универсальность наиболее общих категорий отражения языками мира наталкивается на весьма существенную вариативность нюансов, заключенных в концептах, сформировавшихся в различных национальных культурах» [Гарбовский, 2004, с. 322]. В следующей части статьи мы приведем различные примеры в английском и русском языках, которые продемонстрируют различия в восприятии мира на уровне языка, а также попытаемся проанализировать выбор тех или иных лексико-грамматических средств при переводе высказываний с различными коммуникативными интенциями с одного языка на другой.

Рассмотрим коммуникативные стратегии в русском языке, которые обусловлены ценностями русской культуры. Основные характеристики общения в русской коммуникации – это естественность, ориентированность на содержание, прямолинейность, эмоциональность, а также приоритет общих целей над личными интересами. Общинность как одна из черт русского менталитета находит отражение в лексической системе языка в виде слов общение, общаться, общительность. При переводе этих слов на английский язык можно увидеть, что не всегда такие английские глаголы как communicate, socialize, associate, contact, mix передают эти значения. Кроме того, в русском языке существует много сложных слов, начинающихся с корня обще- (общегородской, общенациональный, общенародный, общеизвестный, общепринятый и др.). Нелегко подобрать эквиваленты для данных слов в английском языке, например: общепринятый – generally accepted, conventional; общегородской – city; общенародный праздник – general holiday; общеизвестный – well-known [Ларина, 2009]. Коллективистские черты русской культуры проявляются и в грамматике. Например, частота употреблений местоимений «вы» и «мы» в русском языке выше, чем местоимение «я», например: «Мы с другом» – “My friend and I”; “See you!” – «Увидимся!» (примеры автора статьи).

Особой чертой русского коммуникативного поведения является эмоциональность, т.е. непринужденное выражение эмоций, а также коммуникативная естественность [Тер-Минасова 2000; Шмелев 2002, Стернин 2002]. Для английского языка характерна эмоциональная сдержанность, умение контролировать свои эмоции. В то же время англичанам свойственна такая черта, как умение продемонстрировать и сказать то, что приятно собеседнику.

О более сильном проявлении эмоциональности в русском языке говорит присутствие большого количества междометий и обширного класса частиц. Как отмечает А. Минченков, русский язык располагает развитой системой частиц, количественно несопоставимой с аналогичным классом слов в английском языке [Минченков, 2004]. В связи с этим в процессе перевода могут возникать большие сложности с передачей смысла, выражаемого русскими частицами. Необходимо знать, что прагматические значения, передаваемые в русском языке частицами, в английском языке часто выражаются другими средствами, например:

- (1) Как же мне не сердиться? - How shouldn't I get angry;
- (2) Он же меня спросит – He is sure to ask me;
- (3) Да чего же ты от меня хочешь? – What is it you want from me?

Как видно из примеров (1), (2), (3) частицы русского языка делают высказывания более эмоциональными. В английских примерах частицы отсутствуют, а средствами создания эмоциональности служат модальный глагол в вопросительно-отрицательном предложении (1), непредикатное выражение to be sure (2), конструкция с местоименным словом 'what' (3).

Основными ценностями английской культуры являются индивидуализм, независимость, прагматизм, конкурентность, равенство, традиционализм, рационализм, толерантность [Ларина, 2009, с. 67]. Коммуникативные особенности, которые проявляются в поведении, это дистантность, независимость личности, а также равенство между собеседниками. Английское слово *privacy* обозначает автономию личности. Точный эквивалент этого слова отсутствует в русском языке. Русский перевод этого слова в виде «уединение», «уединенность», «частная жизнь» не раскрывает всего значения данного слова.

Еще одной коммуникативной ценностью английской культуры является оптимистический взгляд на жизнь, так называемое *positive thinking* [Виссон, 2003, с.30]. Это проявляется в традиционной улыбке, оптимистическом приветствии, комплиментах, выражении завышенных оценок, например: “You’re absolutely fantastic!”, “Great!”, “Have a nice day!” и др. В речи англичан можно увидеть большое количество экспрессивной лексики с преувеличенным отношением к происходящему: *excellent, perfect, marvelous, wonderful, fantastic, terrific, enjoyable* и др. *You are absolutely fantastic. Your idea was brilliant. I really enjoyed your company.* При переводе данных высказываний с английского языка на русский язык не всегда надо прибегать к их дословному переводу, так как это может придать речи неестественный характер, неискренность. Носители русского языка выбирают более сдержанный стиль, с менее преувеличенными оценками, например: «Ты молодец!» – “You are great”; «Мне очень понравился фильм» – “I enjoyed the film”; «Мы рады сообщить» – “We are delighted to inform” (примеры автора статьи). Таким образом, необходимо учитывать особенности коммуникативного стиля русскоговорящих, и передавать данные высказывания с учетом специфики русского коммуникативного стиля. Для английской лингвокультурной традиции характерно менее прямое выражение коммуникативных интенций. Например,

(3) *Do you think I could have the bill?* – Принесите, пожалуйста, счет / Можно счет? ;

(4) *Well, I wondered if you could perhaps give her a message* – Передайте ей, пожалуйста, что ... / Не могли бы вы передать ей, что ...;

(5) *May I suggest that you write to the department of the English language* – Попробуйте написать на кафедру иностранного языка (примеры автора статьи).

Как показывают примеры (3), (4), (5), выражение побуждения в форме вопросов характерно для английского языка, в то время как в русском языке это будет звучать дистантным и формальным.

Для смягчения побуждения в английской коммуникации используется большое количество различных модальных средств (модальные глаголы, модальные модификаторы, сослагательное наклонение). Русский язык не обладает столь богатой системой средств модальности и использует их менее часто. Русские собеседники, следуя своей коммуникативной традиции, высказываются более прямо и категорично, например:

(6) *Perhaps it would be better if you put it down* – Запишите это, пожалуйста; (7) *Do you think you could possibly do me a favor? / Can you give me a lift? / Could I have a lift, please?* – Не сделаешь мне одолжение? Широкое использование различных средств модальности в английском языке формирует такие его черты, как субъективность, некатегоричность, недоговоренность, недосказанность. С помощью различных модальных средств в английском языке реализуются стратегии дистанцирования, играющие большую роль в английской коммуникативной культуре.

Следующие примеры иллюстрируют сохранение личной неприкосновенности англичан как основную стратегию в общении. В побудительных речевых актах англичане избегают использования императива, так как, употребляя императив, говорящий нарушает равноправный статус собеседника [Ларина, 2009, с. 278]. Запрет в английской культуре выражается более мягко, чем в русской, например, *I’d rather you didn’t smoke.* На русский язык данное высказывание можно перевести: Я попросил бы Вас не курить / Не могли бы Вы не курить, но часто в общении на русском языке используются и более прямые запреты – Курить здесь запрещено.

Использование императива в английском языке ограничено и в ситуациях, когда собеседник испытывает раздражение. В русском языке в таких случаях употребляется категоричный, прямой стиль, например: (8) Why don't you leave me alone – Оставь меня в покое; (9) Would you stop – Прекрати! ; (10) Will you look at the traffic! – Смотри же на движение! Кроме того, такие фразы в русском языке, как Я тебя приглашаю, Я тебе советую, Я тебя поздравлю и т.п., в английском языке воспринимаются как навязчивые. Вместо прямых императивов – I invite you / I advise you / I congratulate you употребляются имплицитные или условные – You are invited / I'd like to invite you / I'd like to congratulate you.

Важную роль в анализе и переводе высказываний играет универсальная категория вежливости. Однако категория вежливости имеет также и национальную специфику, что сказывается на особенностях коммуникативного поведения представителей различных стран. Основой английской вежливости является вежливость дистанцирования. В связи с этим англичане стараются избегать категоричности и прямолинейности в своих высказываниях, особенно, когда речь идет об отказе собеседнику. В английском языке намного чаще применяются слова “please”, “thank you”, “sorry”, чем в русском языке. Например: (11) Could you, please, move up your car? - Не могли бы вы переставить вашу машину? (12) Возьмите ваши работы. - May I give you these papers? (примеры автора статьи). В примере (12) в русском языке вопрос является прямым, а не косвенным, и такое коммуникативное воздействие не является нарушением этикетных норм.

Подведем итог анализу коммуникативных стратегий в английском и русском языках. В основе коммуникативных стратегий в речи носителей английского языка лежат такие правила, как умение держать дистанцию, уважение личной независимости, отсутствие категоричности, но при этом присутствует субъективность при выражении мнения. В британской культуре принято демонстрировать внимание к собеседнику, имплицитно выражать чувства дружелюбия и приветливости, проявлять вежливость. В речи британцев наблюдается косвенный характер выражения коммуникативных интенций, отсутствуют императивы. В речи носителей русского языка можно отметить открытость, естественность, эмоциональность. Кроме того, для русскоговорящих свойственно стремление выражать коммуникативные интенции, сосредотачиваясь на содержании, а не на форме. Также для коммуникативных стратегий русских характерно прямое коммуникативное воздействие на собеседника. В русском языке также наблюдается категоричность в высказываниях, что производит впечатление отсутствия вежливости, за исключением случаев иерархического общения.

Проанализировав различные примеры перевода высказываний с различными коммуникативными интенциями в английском и русском языках, перечислим основные рекомендации при переводе данных высказываний. Прагматические значения, создающиеся в русском языке частицами и междометиями, при переводе на английский язык часто передаются другими лексико-грамматическими средствами создания эмоциональности, такими как модальные глаголы, вопросительно-отрицательные предложения, разделительные вопросы, конструкции с инфинитивами - to be sure и др, конструкции с местоименным словом ‘what’. В речи англичан встречается большое количество экспрессивной лексики с преувеличенным отношением к происходящему, однако перевод такой лексики на русский язык требует более сдержанного стиля, с менее преувеличенными оценками. Кроме того, для английской лингвокультурной традиции характерно менее прямое выражение коммуникативных интенций. Для смягчения побуждения в английской коммуникации используется большое количество различных модальных средств, сослагательное наклонение. Также в английском языке ограничено использование императива.

Итак, чтобы выбрать верное решение при переводе высказываний с различными коммуникативными интенциями с одного языка на другой, необходимо помимо адекватного использования различных переводческих трансформаций, правильно

определить целевую установку высказываний, их прагматику, также важно понимать национальные коммуникативные стратегии и тактики общения в обоих языках, видеть различия в коммуникативных стилях поведения и использовать стратегии, характерные для каждой культуры в зависимости от контекста. Таким образом, учет культурных различий важен для определения коммуникативных намерений носителей языка и выбора соответствующих языковых средств перевода.

Словари

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина и др. - М.: Наука, 1992. - 281с.
- Валеева Н.Г. Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональные аспекты: монография // Н.Г. Валеева. М.: РУДН, 2018. – 244с.
- Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. / Пер. с англ. М.: Р. Валент, 2005. – 192 с.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. - 544 с.
- Журавлева Н.Н. Интенция как важнейший фактор речевого взаимодействия (на материале польского языка) // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. , 2006, №2 .
- Коммуникативное поведение. Вып.17. Вежливость как коммуникативная категория. / Научный ред. И.А.Стернин. Воронеж, изд-во «Истоки», 2003 г. 200 экз.172 с.
- Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Меньшиков И.И. Речевая интенция и коммуникативное задание высказывания. // Научный вестник Международного гуманитарного университета. Сер.: Филология, 2017, №30. Том 1.
- Минченков А.Г. Английские частицы. Функции и перевод. Антология. СПб, 2004.
- Рахметова В.Ж. Коммуникативная интенция как средство выражения. Современные проблемы социально-гуманитарных наук. Научно-образовательный центр «Знание». Казань, 2015. №1.
- Стернин И.А. – Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. Воронеж: Истоки, 2002.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
- Трофимова Н.А. Мозаика смысла: элементы и операторы их порождения. – СПб.: ИВЭСЭП, 2009. – 120 с.
- Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Makarova Elena. N. Translating communicative intention and meaning from English into Russian. // Филологический класс. 2021. №1.С.132-140.
- Perry J (2009) Directing intentions. In: Almog J, Leonardi P (eds) The philosophy of David Kaplan. Oxford University Press, New York, pp 187–201

References

- Arutyunova, N.D. (1992) Chelovecheskij faktor vazyke: Kommunikaciya, modal'nost', dejksis. [The human factor in language: Communication, modality, deixis]/ N.D. Arutyunova, T.V. Bulygina i dr. - M.: Nauka. (in Russian)

- Valeeva, N.G. (2018) Teoriya perevoda: kul'turno-kognitivnyj i kommunikativno-funktional'nye aspekty: monografiya [Translation theory: cultural-cognitive and communicative-functional aspects: monograph] // N.G. Valeeva. M.: RUDN. (in Russian)
- Visson, L. (2005) Russkie problemy v anglijskoj rechi. Slova i frazy v kontekste dvuh kul'tur. [Russian problems in English speech. Words and phrases in the context of two cultures.] / Per. s angl. M.: R. Valent.. (in Russian)
- Garbovskij, N.K. (2007) Teoriya perevoda: Uchebnik. [Translation theory]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. (in Russian)
- Zhuravleva, N.N. (2006) Intenciya kak vazhnejšij faktor rečevogo vzaimodejstviya (na materiale pol'skogo jazyka) [Intention as the most important factor of speech interaction (based on the material of the Polish language)] // Vesn. Belarus. dzyarzh. un-ta. Ser. 4., №2. (in Russian)
- Kommunikativnoe povedenie. (2003) [Communicative behavior] Vyp.17. Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya. / Nauchnyj red. I.A.Sternin. Voronezh, izd-vo «Istoki», (in Russian)
- Larina, T.V. (2009) Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij. [Courtesy category and communication style. Comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions.], M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi. (in Russian)
- Men'shikov, I.I. (2017) Rečevaya intenciya i kommunikativnoe zadanie vyskazyvaniya. [Speech intention and communicative task of utterance] // Nauchnyj vestnik Mezhdunarodnogo gumanitarnogo universiteta. Ser.: Filologiya, №30. V. 1. (in Russian)
- Minchenkov, A.G. (2004) Anglijskie chasticy. Funkcii i perevod. Antologiya. [English particles. Functions and translation. Anthology], SPb. (in Russian)
- Rahmetova, V.Zh. (2015) Kommunikativnaya intenciya kak sredstvo vyraženiya. Sovremennye problemy social'no-gumanitarnyh nauk. [Communicative intention as a means of expression. Modern problems of social and humanitarian sciences.], Nauchno-obrazovatel'nyj centr «Znanie». Kazan', №1. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2002) Russkoe kommunikativnoe soznanie // Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie. [Russian Russian communicative consciousness // Russian and Finnish communicative behavior], Vyp. 3. Voronezh: Istoki. (in Russian)
- Ter-Minasova, S.G. (2000) Jazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya. [Language and intercultural communication], M.: Slovo. (in Russian)
- Trofimova, N.A. (2009) Mozaika smysla: elementy i operatory ih porozhdeniya. [Mosaic of meaning: elements and operators of their generation] – SPb.: IVESEP. (in Russian)
- Shmelev, A.D. (2002) Russkaya yazykovaya model' mira: Materialy k slovarju. [Russian language model of the world: Materials for the dictionary], M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury.
- Makarova, E. N. (2021) Translating communicative intention and meaning from English into Russian. // Filologičeskij klass. №1. pp.132-140.
- Perry, J. (2009) Directing intentions. In: Almog J, Leonardi P (eds) The philosophy of David Kaplan. Oxford University Press, New York, pp 187–201

М.Ю. КОПЫЛОВСКАЯ, К.О. ЯЦЕЧКО
Санкт Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ЯЗЫКОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОБУЧЕНИЯ ОНЛАЙН КОММУНИКАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается становление фундаментальных основ методики обучения онлайн-коммуникации на английском языке в рамках языковых стандартов, представленных в документе «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» (CEFR). Авторы статьи выдвигают гипотезу о том, что онлайн коммуникация стала частью современной жизни, в связи с чем был проанализирован раздел Общеввропейской шкалы языковых компетенций, посвященный устному и письменному речевому общению на английском языке в начальной и последующих версиях Общеввропейской шкалы языковых знаний. Результаты исследования показали, что, поскольку новые характеристики коммуникации с использованием информационно-коммуникационных технологий практически невозможно отразить в традиционных шкалах компетенций, требуется новая методологическая основа и языковые стандарты в этой области обучения английскому языку. Анализ той информации, которая представлена в Дополнительных томах к документу (Companion Volume to CEFR) за 2018 и 2020 годы подтверждает выдвинутую гипотезу. В статье также проанализированы преимущества онлайн коммуникации, которая имеет ряд преимуществ по сравнению с офлайн коммуникацией.

Ключевые слова: языковой стандарт, онлайн коммуникация на английском языке, Общеввропейские компетенции владения иностранным языком (CEFR), языковая личность, виртуальное пространство

М. КОПЫЛОВСКАЯ, К. ЯЦЕЧКО
St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

LANGUAGE STANDARDS FOR TEACHING ONLINE COMMUNICATION IN ENGLISH

This article describes establishing of fundamental basics of the methodology of teaching online communication in the English language within the framework of the language standards presented in the document «The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment» (CEFR). The authors of the article put forward the hypothesis that online communication has become a part of modern life that determined the analysis of the part of CEFR devoted to teaching oral and written production in English considering initial and consequent volumes of the CEFR. The results of the research indicated that since it is almost impossible to reflect the new characteristics of communication using information and communication technologies in traditional competence scales there is a need in new methodology and language standards in this field of teaching English. The analysis of the information presented in the complementing edition to the document (Companion Volume to CEFR) for 2018 and 2020 confirmed this hypothesis. The article also analyses the advantages of online communication when compared to communicating offline.

Key words: language standard, online communication in English, Common European Competences of Foreign Language Proficiency (CEFR), language personality, virtual space

На протяжении последних лет онлайн взаимодействие постепенно вытесняет общение реальное. Более того, онлайн коммуникация стала занимать еще больше места в жизни обучаемых во время пандемии: многие занятия в школе и в вузе, общественная работа и различные мероприятия происходят в виртуальном пространстве. Принимая во внимание вышесказанное, в Дополнительном томе к системообразующему документу «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» (2001) «The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment» - (далее – CEFR) (Companion Volume with New descriptors) [Companion Volume to CEFR, 2018, с.98] в 2018 году в рамках описания дескрипторов в разделе «взаимодействие» был выделен новый раздел – «онлайн коммуникация», а в Дополнительный том 2020 года в данный раздел был внесен ряд изменений.

Изменения в Дополнительных томах к Общеввропейской шкале языковых знаний были связаны с масштабным использованием информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранным языкам, а также тем, что изменения коммуникации, опосредованной информационно-коммуникационными технологиями, было практически невозможно отразить в традиционных шкалах компетенций, принимающих во внимание формы речевого или сопутствующих форм поведения индивида оффлайн, т.е. не только в речи, но и жестах и мимике, при чем особые форма приобретала и письменная коммуникация. Даже различные ресурсы, которые используются в режиме реального времени, не всегда позволяют осуществить коммуникацию в оффлайн форме, т.е. в форме реального общения, с учетом которой составлялись языковые стандарты в 2001 году.

Тем не менее, следует отметить, что онлайн коммуникация обладает рядом преимуществ перед «живым общением» в контексте самого процесса обучения иностранным языкам (См.Табл.1).

Таблица 1. Сравнительный анализ основных характеристик офлайн и онлайн коммуникации

Основные характеристики	Оффлайн коммуникация	Онлайн коммуникация
Использование вспомогательных средств для подготовки	Подготовка проекта и/или консультации с меньшим выбором вспомогательных средств	Подготовка проекта и/или консультации с большим выбором вспомогательных средств
Учет количества собеседников	Требуется учет количества собеседников для организации общения (предоставление слова собеседникам, помещение и т.п.)	Требуется учет количества собеседников. Тем не менее несмотря на то, что в ряде онлайн сервисов количество собеседников может быть ограничено (например, до 100 чел.) в онлайн коммуникации может участвовать большее количество человек

Возможность комментирования	Устное комментирование мнений других участников коммуникации	Возможно, как устного комментирования, так и письменного комментирования сообщений участников в онлайн формате, что развивает навык письменного интернет-общения
Распространение материалов	Возможность физического распространения материалов, составленных самими участниками коммуникации иногда с использованием сторонних источников, как правило в форме копированных печатных текстов. Количество копий ограничено составом участников мероприятия	Возможность электронного распространения материалов, представленных другими лицами, которые зачастую составляют предмет онлайн коммуникации, при чем в различных форматах, включая аудио и видеофайлы. Количество копий не ограничено
Погружение в аутентичную среду	Погружение в аутентичное иноязычное пространство ограничено: печатными текстами на языке, устными докладами, посещением страны изучаемого языка	Возможность большего погружения в аутентичное иноязычное пространство за счет доступности интернет-ресурсов

Онлайн-взаимодействие имеет свои особенности, отличные от оффлайн взаимодействия, которые должны учитываться в обучении. На каждом уровне языковых компетенций имеет место определенный набор навыков и умений, которые учащийся осваивает и использует в онлайн-общении. При продвижении по шкале языковых компетенций происходит добавление различных виртуальных или онлайн ситуаций, которые учащийся должен освоить для перехода на следующий уровень языковой компетенции.

Стоит отметить, что в рамках онлайн-коммуникации имеет место возможность погружения в аутентичное иноязычное пространство, поскольку учащиеся могут использовать информационно-коммуникационные технологии для общения с носителями / не носителями языка в большей степени. Так, например, Т.В. Голикова указывает, что студенты города Йошкар-Ола Республики Мари-Эл в рамках онлайн встреч со студентами Университета штата Миссури, город Колумбия, США расширяли свой словарный запас, совершенствуя навыки спонтанной речи и письма, развивали навыки аудирования, осуществляли знакомство с социальной тематикой на английском языке [Голикова, 2018, с. 176].

Для успешной оффлайн коммуникации требуется соблюдение таких условий как: 1) в письменной речи при отсутствии дискурсивной среды требуется некоторая избыточность сообщений; 2) в устной речи имеет место проверка понимания вашего сообщения; 3) в устной речи также требуется частое переформулированные высказываний как форма

борьбы с недопониманием; 4) умение управлять эмоциями [Companion volume to CEFR, 2018, с.96].

В рамках онлайн взаимодействия в шкале CEFR выделяются такие формы устной коммуникации как онлайн-беседа и онлайн-обсуждение [Там же, с.97]. Обе категории касаются мультимодальной деятельности, типичной для использования в Интернете, включая простую проверку или обмен ответами, разговорное взаимодействие и более длительное общение в режиме реального времени, использование чата (письменного разговорного языка), более длительное ведение блога или письменные материалы для обсуждения и внедрение других средств массовой информации [Там же, с.51].

Обе формы устного речевого общения рассматриваются в контексте онлайн общения, но с учетом традиционной методической трактовки понятий: 1) беседы как разговора, преимущественно с двумя участниками, вида диалогической речи, состоящей из реплик-повествований [Азимов, 2009, с. 29] и 2) дискуссии (диспута), формы, которая характеризуется большим количеством участников, выражающих различные мнения и суждения по одному и тому же вопросу [Там же, с. 64].

Дополнительный том к Европейской шкале, изданный в 2020 году, уточняет контекст онлайн общения и устанавливает ряд ключевых аспектов онлайн-взаимодействия. В документе рассматриваются его следующие формы:

общение в режиме реального времени и последовательное взаимодействие. При чем последнее позволяет выделить время для подготовки проекта и/или консультации с участием вспомогательных средств;

общение при постоянном взаимодействии с одним или несколькими собеседниками;

составление сообщений и материалов для других участников;

комментарии (например, оценочные) к сообщениям и комментариям других участников взаимодействия;

реакция учащихся на применение педагогом мультимедийной языковой компетенции;

возможность включать символы, изображения и другие коды, чтобы сообщение передавало не только тон, ударение и акцент, но также и эмоциональную сторону, иронию и т. д. [The Common European Framework of Reference for Languages, 2020, с. 84]

Новые языковые стандарты, в строгом соответствии с законами дидактики, предполагают продвижение вверх по шкале языковых компетенций и характеризуются переходом от элементарных умений к более сложным или, с учетом, возможностей онлайн коммуникации, к их большому количеству.

Языковые стандарты, описанные в Дополнительном томе к Европейской шкале владения иностранным языком в области онлайн коммуникации (Companion Volume with new descriptors, 2018) устанавливают такие навыки и умения изучающих иностранный язык как: например, навыки публикации простых онлайн-поздравлений, используя базовые шаблонные выражения и смайлики для учащихся уровня pre-A1 или обмен мнениями участников онлайн-коммуникации с учетом предыдущих тем общения, культурных основ коммуникации, с избеганием сложных формулировок для изучающих иностранный язык на уровне B2 и т.п.)

Продвижение по шкале языковых компетенций также можно рассматривать как процесс добавления виртуальных «пространств», в которых пользователь/учащийся может взаимодействовать, таких как «кафе», «классная комната» или «конференц-зал». Представляется, что в процессе такого продвижения у учащегося начинается формироваться «вторичная языковая личность». [Там же, с. 96].

«Вторичная языковая личность» представляет собой не просто языковую личность, имеющую знания лексического и грамматического материала, но и знание норм и реалий другой культуры. Так, И.И. Халеева указывает, что вторичная языковая личность представляет собой совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур [Халеева, 1989, с.59].

Однако с позиций межкультурной коммуникации больший интерес для научного сообщества представляет концепт «поликультурной языковой личности». Л.П. Халяпина (автор данной концепции) отмечает, что в рамках поликультурной языковой личности формируется способность и готовность взаимодействовать с представителями разных стран и культур [Халяпина, 2009, с. 232]. Данная концепция языковой личности имеет особый вес в контексте межкультурной онлайн коммуникации., так как в процессе продвижения по шкале языковых компетенций у учащегося начинает формироваться отличающаяся от его первой языковая личность, которая не только реализуется в рамках общения в глобальной культуре, но и предполагает возможность такого общения онлайн. Продвижение учащегося по шкале языковых компетенций и эффективное участие в онлайн-взаимодействии хорошо прослеживается при анализе характеристик, присущих каждому уровню владения английским языком.

Характеризуя изменения языковых стандартов, фиксируемых в Дополнительных томах к CEFR 2018 и 2020 годах, следует отметить, что изменились описания уровней владения иностранным языком. Так, в документе 2018 года появились промежуточные уровни владения английским языком со знаком +, хотя справедливости ради, следует отметить, что еще в CEFR 2001 года, категория промежуточных уровней уже упоминалась, но не была зафиксирована [The Common European Framework of Reference for Languages, 2001, с. 177].

Несмотря на то, что промежуточные уровни использовались документах от 2001 и 2018 года, уровень A2+ для раздела «онлайн взаимодействие» появился только в версии 2020 года. В рамках документа от 2020 года описание уровня A2 для раздела «онлайн взаимодействие» было упрощено, и часть описания уровня перешла на уровень A2+ [The Common European Framework of Reference for Languages, 2020, с. 85].

В обновленном и расширенном наборе дескрипторов в документе CEFR от 2018 года также был добавлен уровень Pre-A1 [The Common European Framework of Reference for Languages, 2018, с. 36]. В рамках раздела «онлайн взаимодействие» этот уровень включен в дескрипторы.

В 2020 году в документ были внесены и другие незначительные изменения. Так, например, в уровне A1 фраза «учащиеся могут писать очень простые сообщения и личные публикации в Интернете в виде серии очень коротких предложений об увлечениях, симпатиях/антипатиях» была заменена на «учащиеся могут формулировать очень простые сообщения и личные публикации в Интернете в виде серии очень коротких предложений об увлечениях, симпатиях/антипатиях» [Там же с. 86]. С точки зрения теории обучения иностранным языкам, это изменение формулировки свидетельствуют о более внимательном отношении авторов-составителей документа к реализации языковых стандартов, умение написать совсем не означает написать правильно, а вот умение «сформулировать мысль» свидетельствует о более осознанном применении знаний, большей интенсивности когнитивных процессов и сфокусированности не на механике письма, а на владении языковыми средствами экспрессивной речи на иностранном языке. В связи с продвижением учащихся по шкале языковых компетенций, а также сменой виртуальных пространств в процессе такого продвижения, преподавателям английского языка также необходимо владеть информационно-коммуникационными технологиями для осуществления более эффективной онлайн-коммуникации с учащимся. Так, например, С. М. Кашук считает, что «преподаватель иностранных языков должен свободно владеть современными коммуникационными технологиями» и констатирует необходимость подготовки педагогов, обладающих мультимедийной языковой профессиональной компетенцией, позволяющей им организовать процесс обучения иностранному языку с использованием современных постоянно развивающихся цифровых технологий» [Кашук, 2016, с. 159].

Таким образом, онлайн взаимодействие постепенно начинает играть более значимую роль в обучении иностранным языкам, что отражается в изменении языковых стандартов

владения английским языком. Новые языковые стандарты обучения онлайн коммуникации отражают социокультурные аспекты обучения английскому языку, так опосредованный онлайн общением, данный иностранный язык выступает в качестве основного инструмента коммуникации в глобальной культуре. Помимо этого, анализ документов позволяет установить более детальный подход к описанию уровней владения английским языком и более глубокое прочтение существующих дескрипторов с учетом когнитивных процессов речепождения.

Литература

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
- Голикова Т. В. Онлайн межкультурная коммуникация как средство достижения триединства целей обучения английскому языку студентов //Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. ИЯ Яковлева. – 2018. – № 3 (99). – С. 170-178.
- Кашук С.М. Технологии ВЕБ 2.0 и межкультурная коммуникация в обучении иностранным языкам // Преподаватель XXI век. – 2016. - № 3. – С. 153-160.
- Халева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). – М.: Высшая школа, 1989. –227 с.
- Халяпина Л.П. Формирование поликультурной языковой личности как цель обучения иностранным языкам в условиях глобализации общества. – Вестник ТГУ, 2009. С. 230-236.
- Council of Europe. Common European Framework of Reference: Learning, teaching, assessment. (2001) – Cambridge.
- The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment, Companion Volume with new descriptors (2018) – Cambridge.
- The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment, Companion Volume with new descriptors(2020) – Cambridge.

References

- Azimov, E. G. & Schcukin, A. N. (2009) Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [New Dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. – М.: Izdatel'stvo IKAR. (in Russian)
- Golikova, T. V. (2018) Onlajn mezhkul'turnaya kommunikaciya kak sredstvo dostizheniya triedinstva celej obucheniya anglijskomu yazyku studentov [Online intercultural communication as a means of achieving the trinity of goals of teaching English to students] //Vestnik CHuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. IYA YAkovleva. –№. 3 (99). – pp. 170-178. (in Russian)
- Kashchuk, S.M. (2016) Tekhnologii VEB 2.0 i mezhkul'turnaya kommunikaciya v obuchenii inostrannym yazykam // Prepodavatel' XXI vek. [WEB 2.0 technologies and intercultural communication in teaching foreign languages // Teacher of the XXI century] - № 3. – pp. 153-160. (in Russian)
- Haleeva, I.I. (1989) Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoj rechi (podgotovka perevodchikov) [Fundamentals of the theory of teaching understanding of foreign language speech (training of translators)]. – М.: Vysshaya shkola. (in Russian)
- Halyapina, L.P. (2009) Formirovanie polikul'turnoj yazykovoj lichnosti kak cel' obucheniya inostrannym yazykam v usloviyah globalizacii obshchestva [Formation of a multicultural linguistic personality as a goal of teaching foreign languages in the context of globalization of society]. – Vestnik TGU. pp. 230-236. (in Russian)
- Council of Europe. Common European Framework of Reference: Learning, teaching, assessment. (2001) – Cambridge.

The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment, Companion Volume with new descriptors (2018) – Cambridge.
The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment, Companion Volume with new descriptors (2020) – Cambridge.

УДК 811.111-26

А.И. КОРШУНОВА

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕБЕНКА В ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНЫХ ДИСКУРСАХ СОВРЕМЕННЫХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

В данной статье рассматривается проблема дискурсивного конструирования гендерных характеристик ребенка в Великобритании и США. Целью исследования является анализ способов вербализации гендерных различий среди детей представителями британской и американской лингвокультуры на бытовом уровне. В исследовании использовался метод анкетирования. Исследование проводится на основе опроса, проведенного среди представителей описываемых культур, в рамках которого респондентам даются незаконченные утверждения о восприятии детей мужского и женского пола, которые им необходимо закончить, опираясь на свой субъективный опыт. Результаты анализа показывают наличие значимых различий в характеристиках, которыми наделяют мальчиков и девочек британцы и американцы, а также в способах вербализации, используемых представителями вышеупомянутых культур. Полученные результаты свидетельствуют о постепенном исчезновении различий в восприятии мальчиков и девочек американцами и более консервативном представлении о гендере у британцев.

Ключевые слова: гендерные характеристики, ребенок, британская лингвокультура, американская лингвокультура, лингвистическая креативность, метафора

A. KORSHUNOVA

National Research University
Higher School of Economics
St Petersburg, Russian Federation

VERBALIZING CHILDREN'S GENDER CHARACTERISTICS IN DISCOURSES OF MODERN GREAT BRITAIN AND THE US

The article examines the problem of discursive construction of children's gender characteristics in the UK and the USA. The aim of the study is to analyze the ways of verbalizing gender differences among children by representatives of the British and American cultures. The study is conducted on the basis of a survey carried out among representatives of two cultures. Respondents are given unfinished statements about the perception of male and female children, which they need to complete based on their subjective experience. The analysis shows that there are significant differences in the characteristics that British and Americans endow boys and girls

with. The results indicate a gradual disappearance of differences in the perception of boys and girls by Americans and a more conservative idea of gender among the British.

Key words: gender characteristics, child, British culture, American culture, linguistic creativity, metaphor

В современном мире все чаще говорят о значимости периода детства в жизни человека, рассуждения о воспитательных практиках выходят на передний план, а взгляды на то, какими должны быть дети стремительно меняются. Говоря об изменениях во взглядах на воспитание ребенка, важно обратить отдельное внимание на видение гендера. Такие изменения находят свое отражение в языке. Стоит отметить, что в разных культурах этот процесс происходит по-разному. В то время, как американская культура является наиболее прогрессивной во взглядах на то, каким должно быть воспитание мальчиков и девочек, британцы показывают себя более консервативными в рамках данного вопроса.

Для сравнительного анализа лексических средств, при помощи которых британцы и американцы склонны вербализировать свое субъективное восприятие детей мужского и женского пола, был проведен опрос на онлайн-платформе SurveyMonkey¹⁶. Опрос среди американских респондентов был проведен 12 февраля 2020 года, среди британских респондентов – 3 мая 2021 года. В них приняли участие 58 американцев и 50 британцев. В рамках данной работы исследованию подвергаются ответы респондентов на 2 открытых вопроса, каждый из которых представляет собой незаконченное утверждение, которое респонденту, полагаясь на свой субъективный опыт, необходимо закончить любым приемлемым для него способом. Список вопросов приведен ниже:

Q1¹⁷. Being a girl means...

Q2. Being a boy means...

По результатам опроса ответы респондентов были распределены на категории в зависимости от того, к какому семантическому полю принадлежат содержащиеся в них лексические единицы (см. рисунки 1-4¹⁸).

Рисунок 1. Британцы: Быть девочкой означает быть/иметь

Рисунок 2. Американцы: Быть девочкой означает быть/иметь

¹⁶ <https://www.surveymonkey.com/>

¹⁷ Здесь и далее: Q (question) – вопрос. – Прим. авт.

¹⁸ Составлено на основе опроса, проведенного автором на онлайн-платформе *SurveyMonkey*

Рисунок 3. Британцы: быть мальчиком означает быть/иметь

Рисунок 4. Американцы: быть мальчиком означает быть/иметь

При описании полученных результатов, стоит обратить внимание на тенденцию оппозиции в восприятии мальчиков и девочек в ряде ответов американских респондентов, которая была вербализована при помощи контрастирующих между собой атрибутов, с которыми ассоциируют тот или иной пол (см. таблица 1). Например, один из американских респондентов раскрыл контраст между полами при помощи использования существующего стереотипа о том, что девочки играют с куклами, а мальчики – с машинками, в качестве символов двух гендеров: Q1/R36¹⁹²⁰. Dolls; Q2/R36. Trucks [Columbia News Service 2011]. Тактика метонимического переноса была также использована другими американскими респондентами на основе смежности пола ребенка и черт характера, с которыми их принято ассоциировать [UNICEF 2007] Ср.: Q1/R2. More crying and more feeling; Q2/R2. Sports fighting and getting into trouble. При описании девочек акцент был сделан на внешности, в двух ответах были использованы лексемы, составляющие данное семантическое поле: pretty, dresses. Также используются лексемы (зачастую прилагательные), входящие в семантическое поле чувственности и эмоциональности: sensitive, gentle, graceful, nice, feeling. Мальчишеская среда вербализуется при помощи лексики, обозначающей более активные действия или состояния: getting dirty, outgoing, loud, rough and tumble.

Q1. Being a girl means...	Q2. Being a boy means...
Q1/R2. more crying and more feeling	Q2/R2. sports fighting and getting into trouble
Q1/R3. Dresses, pig tails	Q2/R3. Rough and tumble mixed with a little dirt.
Q1/R14. always playing nice	Q2/R14. tough
Q1/R19. being sensitive, learning social rules	Q2/R19. being outgoing, rowdy
Q1/R21. trying harder	Q2/R21. Trying
Q1/R26. less pay	Q2/R26. more pay
Q1/R27. Clean	Q2/R27. Dirty all the time
Q1/R36. Dolls	Q2/R36. Trucks

¹⁹ Здесь и далее: Q (question) – вопрос, R (respondent) – респондент. – Прим. авт.

²⁰ Здесь и далее сохранена орфография респондентов. – Прим. авт.

²¹ Составлено на основе опроса, проведенного автором на онлайн-платформе SurveyMonkey

Q1/R37. having to deal with body stereo types and feeling comfortable in your own skin	Q2/R37. Less drama, more acceptance
Q1/R38. dishes, vacuuming	Q2/R38. outside work
Q1/R54. Feeling pretty	Q2/R54. Getting dirty
Q1/R40. Gentle and graceful	Q2/R40. Rough and loud
Q1/R53. Being considered the lesser sex	Q2/R53. Being expected to be a leader

Британские респонденты в большинстве своем не представили контрастирующие между собой описания девочек и мальчиков в рамках ответов на два представленных вопроса для одного респондента, однако вышеупомянутые семантические поля оказались характерными и для результатов опроса среди британцев. Ответы 13 респондентов можно объединить в группу, отражающую видение детей женского пола через призму вещей, которые традиционно приписывают женскому полу – макияж, розовый цвет, шопинг, укладка, прически (Q1/R2. Make up and reality tv, Q1/R5. Pink, Q1/R9. doing girl's things, Q1/R16. Being girly, Q1/R25,44. Princess, Q1/R27. Fun shopping and picking outfits, Q1/R30. Being feminine, Q1/R36. Make up hair etc., Q1/R37. Make up, Q1/R40. I get great hair styles, Q1/R45. Pink, Q1/R46. Looking nice). Среди британцев такие ответы количественно превышают аналогичный показатель американских респондентов (13 ответов против 4).

При этом всего 5 респондентов в рамках британского опроса использовали аналогичную стратегию при описании мальчиков (Q2/R6, 50. Blue, Q2/R7. Jeans and beer, Q2/R9. playing boys' games, Q2/R15. Paying with cars). Такие ответы не были использованы американскими респондентами.

4 британских респондента писали девочек, делая акцент на их покладистом характере (Q1/R4. Soft heart person, Q1/R13. Acting like angels, Q1/R22. light and merry, Q1/R39. Innocent). Американцы дали 5 аналогичных по содержанию ответов.

7 ответов в рамках британского опроса описывали мальчиков через их сильный характер. Для данной группы ответов характерна вербализация детей мужского пола посредством прилагательных: сильный, уверенный, маскулинный, жесткий, решительный (Q2/R16. Being confident, Q2/R29. Being masculine, Q2/R30. Being bossy, Q2/R33. Rough and ready, Q2/R42. Be strong, Q2/R18. You are thought to be tough, Q2/R39. Built up emotions). Лишь 3 американских респондента продемонстрировали аналогичное видение.

Такими же популярными (по 7 ответов) среди британских респондентов оказались две группы ответов, в которых мальчики воспринимаются через активные действия (Q2/R2. Games movies and chivalry, Q2/R23. Adventuress, Q2/R25. Playing games, Q2/R27. Having fun playing football hanging out with mates, Q2/R36. I like fun, Q2/R37. Football, Q2/R49. Climbing trees) и ответственность (Q2/R3. more responsibilities, Q2/R4. Responsibility, Q2/R12. Responsible person, Q2/R22. making decisions, Q2/R32. You should be strong and protect your sisters, Q2/R34. Responsible, Q2/R17. You have a lot of pressure put in you).

Часть респондентов избрали стратегию контраста между детьми мужского и женского пола, строящегося на противопоставлении более и менее легкой жизни. При этом жизнь девочек описывалась как более тяжелая (см. таблица 2). Американским респондентом была использована сравнительная степень прилагательного «тяжелый»: Q1/R21. Trying harder; Q2/R21. Trying. Британский респондент предложил метафору ранжированных мест, каждое из которых отведено ребенку определенного пола: Q1/R1. second place, Q2/R1. first place always. Два американских респондента посредством использования прилагательных со значением «менее значительный, низший» выразили социальные предрассудки, с которыми приходится сталкиваться девочкам. Оба ответа отражают тенденцию восприятия одного пола через оппозицию с другим, при этом один из них берется за более значимый. Ср.: Q1/R7. Being thought of as inferior to boys; Q1/R53. Being considered the lesser sex. Мнение о том, что девочкам приходится преодолевать стереотипы, навязанные обществом, также было выражено в ответе другого американского респондента: Q9/R17. Having to deal with body stereo types and feeling

comfortable in your own skin. В то же время при описании жизни мальчика респондент использовал детерминанты «меньше» и «больше», для того чтобы подчеркнуть более легкую жизнь мальчика в сравнении с девочкой: Q2/R37. Less drama, more acceptance.

Таблица 2. Группа ответов, характеризующая жизнь девочки как более тяжелую ²²	
Американцы	Британцы
Q1/R4. struggle	Q1/R1. second place
Q1/R7. Being thought of as inferior to boys.	Q1/R6. Harder life
Q1/R25. unwanted burdens	Q1/R14. seeing open horizons but being denied to opportunity to explore them.
Q1/R22. Learning how to fit in	Q1/R15. Watching your back
Q1/R28. hardship	Q1/R17. You have the need to assimilate even more
Q1/R43. being a girl means you play by different rules.	Q1/R19. That you are going to face unfair things with society
Q1/R44. will always have to fight for what you want	Q1/R23. a struggle
Q1/R56. Strict rules	Q1/R29. Controlled
Q1/R57. To work hard to be noticed	Q1/R31. having to worry about evertjing and every man
Q1/R21. trying harder	Q1/R32. You have to be more careful
Q1/R26. less pay	Q1/R34. More vulnerable
Q1/R37. having to deal with body stereo types and feeling comfortable in your own skin	Q1/R35. More stress
Q1/R53. Being considered the lesser sex	Q1/R38. Life can be hard
	Q1/R43. You have to deal with pain
	Q1/R48. Harder

Отдельного комментария заслуживает ряд ответов, в которых респонденты намеренно дали одинаковые ответы при описании полов, подчеркнув отсутствие влияния гендерных различий на отношение к ребенку (см. таблица 3). Такая стратегия построения ответов в основном была избрана американцами (8 ответов) и оказалась не так популярна среди британцев (3 ответа). Один из американских респондентов отметил, что все вышеперечисленные различия между мальчиком и девочкой социально навязаны и единственное, чем они отличаются – это части тела. Ср.: Q1,2/R24. Being a girl means you have to be pretty, quiet, nice. Being a boy means you can be loud, rough, tough and never cries. According to society. Not my opinion. To me a boy or girl is only different by body parts... Такого же мнения придерживаются двое других респондентов, которые в своих ответах иронично свели все возможные различия между девочкой и мальчиком к физическим признакам: Q1/R34, 52. Having a vagina; Q2/R34, 52. Having a penis. Такие ответы отражают современную идею, которая признает, что понятие пола включает в себя лишь физические различия, а гендер, который определяется на индивидуальном уровне, затрагивает психические, социальные и культурные характеристики [Parke, Gauvain 2009, с. 480]. Американский респондент, используя оксюморон «маленький взрослый», говорит о том, что дети должны иметь возможность быть детьми, а не маленькими мужчинами и женщинами: Q1/R45. Being a child who should be allowed to be a child, not a "little man" or "little woman".

²² Составлено на основе опроса, проведенного автором на онлайн-платформе *SurveyMonkey*

Таблица 3. Группа ответов, отражающая отсутствие влияния гендерных различий на отношение к ребенку²³

Американцы	Британцы
Q1,2/R5. Being yourself	Q1,2/R10. Nothing in particular
Q1,2/R12. nothing too different	Q1/R20. Feeling like a girl
Q1,2/R13. you're special.	Q2/R44. The same as girl
Q1,2/R15. Being true to yourself	
Q1,2/R24. Being a girl means you have to be pretty, quiet, nice. Being a boy means you can be loud, rough, tough and never cries. According to society. Not my opinion To me a boy or girl is only different by body parts. They should all be kind and good kids first.	
Q1,2/R30. being strong, independent, and smart.	
Q1,2/R35. Whatever each child is experiencing.	
Q1/R45. Being a child who should be allowed to be a child, not a "little man" or " little woman".	

Такие ответы являются частными примерами набирающей популярность концепции гендерно-нейтрального воспитания (Gender Neutral Parenting), которая предполагает, что родитель не проецирует биологический пол на ребенка, навязывая определенные паттерны поведения, а позволяет изучать себя без ограничений [Endendijk 2016]. В медиа дискурсе такая тенденция вербализируется при помощи различных лингвистических приемов. Например, в статье Нью-Йорк Таймс вопрос о том, заложен ли в нас гендер природой при рождении или же он формируется под влиянием общества, выражен при помощи параномазии: Are gender differences nature or nurture? [Belkin 2011].

Идея гендерно нейтрального воспитания действительно приобрела важное значение в американском обществе и нашла свое отражение в языке в виде нового местоимения для обозначения ребенка, которое позволяет избежать гендерной идентификации. Вместо традиционных he и she предлагается последовать тенденции инклюзивного языка при помощи замены местоимений третьего лица единственного числа на множественное they [Blake 2019, с. 110]. Был предложен неологизм theyby – местоимение, которое строится на основе контаминации местоимения they и существительного baby²⁴. На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. Примерно одинаково небольшой процент ответов среди британских и американских респондентов отражают восприятие девочек через такие черты, как чувственность и покладистый характер.

2. Восприятие девочек посредством традиционно приписываемым женскому полу атрибутам (забота о красоте, куклы) в большей степени свойственно британцам, нежели американцам (13 ответов против 4).

²³ Составлено на основе опроса, проведенного автором на онлайн-платформе *SurveyMonkey*

²⁴ Электронный словарь Macmillan dictionary. – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/theyby> (дата обращения: 15.04.2020).

3. Позиция гендерно-нейтрального отношения к детям характерна для американских респондентов (8 ответов). Среди британских респондентов в рамках проведенного опроса такая позиция оказалась не столь популярна (3 ответа).

5. Для британских респондентов свойственна вербализация мальчиков через силу, уверенность, решительность (7 британских против 3 американских респондентов). Таким образом, опрос подтвердил гипотезу о том, что американское общество движется к тому, чтобы не навязывать ребенку так называемые гендерные стереотипы, а позволять самим детям понять, кем они являются и определить круг своих интересов, в то время, как британцы остаются более консервативными в данном вопросе.

Литература

- Belkin, L. (2011). Gender Neutral Parenting // The New York Times. – Режим доступа: <https://parenting.blogs.nytimes.com/2011/05/09/gender-neutral-parenting/> (дата обращения: 20.04.2020).
- Blake, B. J. (2019). English Vocabulary Today: Into the 21st Century. New York: Routledge.
- Columbia News Service. (2011). Parenting Goes Gender Neutral. // Columbia News Service. – Режим доступа: <https://columbianewsservice.com/2011/04/parenting-goes-gender-neutral/> (дата обращения: 20.08.2021)
- Endendijk, J. (2016). Gender-Differentiated Parenting Revisited: Meta-Analysis Reveals Very Few Differences in Parental Control of Boys and Girls. Plos One. Vol. 11, No. 7.
- Parke, R., Gauvain, M. (2009). Gender Roles and Gender Differences. Child Psychology: A Contemporary Viewpoint. Boston: McGraw Hill.
- UNICEF. (2007). Early Childhood - Early Gender Socialization. – Режим доступа: https://www.unicef.org/earlychildhood/index_40749.html (дата обращения 23.07.2021)

References

- Belkin, L. (2011). Gender Neutral Parenting // The New York Times. – URL: <https://parenting.blogs.nytimes.com/2011/05/09/gender-neutral-parenting/> (retrieved: 20.04.2020).
- Blake, B. J. (2019). English Vocabulary Today: Into the 21st Century. New York: Routledge.
- Columbia News Service. (2011). Parenting Goes Gender Neutral. // Columbia News Service. – URL: <https://columbianewsservice.com/2011/04/parenting-goes-gender-neutral/> (retrieved: 20.08.2021)
- Endendijk, J. (2016). Gender-Differentiated Parenting Revisited: Meta-Analysis Reveals Very Few Differences in Parental Control of Boys and Girls. Plos One. Vol. 11, No. 7.
- Parke, R., Gauvain, M. (2009). Gender Roles and Gender Differences. Child Psychology: A Contemporary Viewpoint. Boston: McGraw Hill.
- UNICEF. (2007). Early Childhood - Early Gender Socialization. – URL: https://www.unicef.org/earlychildhood/index_40749.html (retrieved: 23.07.2021)

И.В. МИХЕЕВА

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Российская Федерация

ОБРАЗ ВЛАДИВОСТОКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Статья посвящена образу Владивостока в творчестве французских писателей XX–XXI вв. В качестве материала исследования используются 16 художественных произведений, написанных во временном охвате в 45 лет. В результате исследования были выявлены, как общие, характерные для большинства писателей, характеристики города, так и частные, более специфические. Были проанализированы наиболее частотные образные доминанты, сопровождающие описания Владивостока: конец света, природа и климат (туман, море, влажность, тайфуны), Азия, многонациональность, преступность (проституция, коррупция, убийства), серость, Север, отдаленность, автомобили.

Ключевые слова: Владивосток, художественный дискурс, образ города, художественный образ, образная доминанта.

I. MIKHEEVA

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation

THE IMAGE OF VLADIVOSTOK IN THE WORKS OF FRENCH WRITERS

The research deals with the image of Vladivostok in the works of French writers of the 20th–21st centuries. As a material research, 16 pieces of fiction written in temporary coverage of 45 years are used. As a result of the study were identified as general, characteristic of most writers, the characteristics of the city and private, more specific. The most frequent metaphoric dominants accompanying the descriptions of Vladivostok were analyzed: the end of the world, nature and climate (fog, sea, humidity, typhoon), Asia, multinational city, crime (prostitution, corruption, murder), greyness, north, distance, cars.

Key words: Vladivostok, fiction discourse, image of the city, imagery, metaphoric dominant.

Целью данной статьи является раскрытие особенностей изображения города Владивостока в произведениях французских писателей.

Новизна исследования заключается в том, что образ города Владивостока не так часто становился объектом исследований [Ломова, 2013; Позняк, 2014; Левина, 2017; Малинина, 2017; Мальцева, 2018]. Образ города изучался ранее историками, лингвистами, был описан на материале произведений местных поэтов, а также на материале двух зарубежных писателей (Дж. Клавелла и Ж. Кесселя) [Мальцева, 2018], но отдельных работ, посвященных образу Владивостока в произведениях французских писателей, мы не встречали.

В качестве материала исследования нами были взяты 16 художественных произведений, написанных во временном охвате в 45 лет (с 1975 по 2020 гг.). Выбор художественного дискурса в качестве материала исследования определяется тем, что ученые доказали тождественность свойств объектов художественного мира свойствам объектов реального мира. Так, С.Н. Плотникова, развивая феноменологический подход к анализу

художественных произведений, пишет, что писатель как автор вымышленного опыта развивает в своих произведениях структуру реального опыта, он «<...> способен расширять реальный мир на основе осмысления и обобщения физических вещей и выводить эти вещи в сферу их невидимых причин, их сущностей. Тем самым профессия писателя сближается с профессией ученого: он начинает восприниматься как феноменолог-исследователь жизни. Писатель понимается теперь как экзистенциальное начало, как создатель, дающий жизнь сущностям. Он постиг эти сущности осознанно или интуитивно и предъявил их для дальнейшего познания и постижения другим людям. В этом постижении сущностей состоит когнитивная функция художественной литературы – функция познания реального мира и возможных путей его развития» (Плотникова 2006: 93).

Таким образом, писатель в художественном дискурсе воссоздает дискурс своего времени, свойственный его современникам, а значит, он может быть использован в качестве материала лингвистических исследований, в том числе для изучения образа города.

Под образом города, вслед за Ю.Р. Гореловой, мы понимаем «<...> систему наиболее ярких и мощных по выразительности знаков, символов, представлений и характеристик, отражающих сущностные черты чего-либо (в частности города)» [Горелова, 2019, с. 19].

Образ города включает в себя как визуальные характеристики (географическое положение, ландшафт, пейзаж, климат, архитектура), так и эмоционально-субъективное восприятие автора и сопровождающие его мифы, символы, стереотипы.

Как пишет Ю.Р. Горелова, «<...> предпосылкой для формирования образа всегда служит некий факт объективной действительности. При этом на восприятие оказывают влияние как прошлый индивидуальный опыт восприятия, так и коллективный социокультурный опыт во всей его совокупности (в том числе стереотипы и каноны восприятия, этические и эстетические идеалы, ценности, нормы и т.п.) [Горелова, 2019, с. 17].

Играет роль также культурно-исторический контекст и то, в какой период времени автор посещал город и посещал ли вообще, какими личностными переживаниями был наполнен этот визит и насколько его ожидания совпали с увиденным. Так, Владивосток Жозефа Кесселя [Kessel, 2001] и Владивосток Седрика Гра [Gras, 2011] предстают как два абсолютно разных города.

В ходе нашего исследования были выявлены, как общие, характерные для большинства писателей, характеристики города, так и частные, более специфические, и по результатам статистического подсчета расположены от наиболее частотных к наименее. К ним относятся следующие образные доминанты: конец света, природа и климат (туман, море, влажность, тайфуны), Азия, многонациональность, преступность (проституция, коррупция, убийства), серость, Север, отдаленность, автомобили. (См. диаграмму).

Диаграмма

Остановимся на каждой из характеристик более подробно и проиллюстрируем сказанное примерами.

Наиболее популярный мотив, который встречается при описании Владивостока – мотив конца света. Владивосток воспринимается зачастую ошибочно как конец света, как если бы Японии не существовало. С одной стороны, это можно объяснить тем фактом, что это конечная точка Транссибирской магистрали, а многие из посетивших город французов добирались до него именно поездом, погружаясь за время пути в атмосферу авантюризма, путешествий и романтики. И конец этого путешествия воспринимается как окончание долгого пути, как конец материковой части России, как конец европейского мира. Отсюда и мотив конца света:

Chic, ce soir nous reprenons le train! En route pour Vladivostok. Le bout du monde [Veyrat, 2007, p. 93].

Le Transsibérien. La ligne mythique. Deux rails en forme de ligne de fuite qui la conduiraient jusqu'au Pacifique. La piste de la liberté qui donnait sur l'océan [Kerangal, 2011, p. 62].

С другой стороны, это конец не только географический, но и психологический. В зависимости от переживаний, испытываемых автором, Владивосток может ассоциироваться с концом иллюзий, с завершением важной личной истории, с переломным моментом в жизни:

Au bout de l'espoir. Au bout du monde [Kessel, 2001, p. 65].

И в противовес мотиву конца света, но уже гораздо реже, присутствует мотив начала, отправной точки для путешествия, начала приключений, надежды на кардинальные изменения в жизни:

A l'angle du café Montmartre, je me demande si je suis au bout du monde... ou au début ? [Dunbar, 2019, p. 245].

В зависимости от угла зрения, одна и та же точка может быть для кого-то началом, а для кого-то концом. Так, для японцев Владивосток – это начало, начало европейского мира. Для москвичей в какой-то степени Владивосток – это тоже начало, т.к. солнце встает на востоке, и пока на европейской части страны ещё ночь, жители Владивостока уже в курсе всех мировых событий:

Vladivostok, c'est le début de la Russie? surtout pour les Japonais ! Le soleil s'y lève sept heures plus tôt qu'à Moscou et on connaît avant la capitale le cours du dollar... Vladivostok pour Moscou, c'est u territoire d'«oultre-terre» [Gras, 2011, p. 51].

В вышеприведенном примере автор сравнивает Владивосток с заморскими территориями Франции. Что же у них может быть общего? Для москвичей Владивосток так же далек, как и заморские территории для парижан, к тому же их роднит близость к морю.

В схожем ключе можно встретить восприятие Владивостока не столько в виде конца света, континента, сколько в виде своеобразной границы между двумя мирами. Там, где заканчивается один мир, начинается другой, другая вселенная. В первую очередь, речь здесь идет о границе между миром европейским и азиатским:

Se n'est pas une «fin» mais des «confins», aux confins de la Russie et de l'Asie [Gras, 2011, p. 52].

При описании образа Владивостока немаловажная роль отводится его географическим особенностям, природе, климату и, в частности, туману. Герои романа нередко прибывают в город в туман и покидают его также под его сопровождением, всё пропитано туманом, его дымкой, город видится не четко, а под вуалью тумана, что придает ему особую таинственность и мистичность. Многочисленные эпитеты способствуют созданию образ туманного города:

<...> une brume marine qui s'allège, transparente, nacrée, odorante... [Sallenave, 2010, p. 347].

D'emblée, je suis frappée par le parfum iodé de la mer, à travers un brouillard noir, dense et humide [Dunbar, 2019, p. 239].

Название города «Владивосток» образовано от слов «владеть» и «Восток», поэтому по отношению к городу нередко используются следующие синонимы:

Seigneur de l'Orient, Seigneur de l'Est, Maître de l'Orient, Souverain du Levant, Possesseur de l'Est.

Все они несут один смысл – «Властелин Востока». Сильви Жермен использует метафору по отношению к Властелину Востока, женив его на «Гумане», а может это вовсе и не жена, а первая наложница, раз речь идет о Востоке. Но принципиально то, в какой неразрывной связке представлен город и туман, как муж и жена, как султан и наложница:

Le brouillard était si dense, ce matin-là, que la visibilité était nulle. Et il en fut ainsi tout le temps du bref séjour dans la ville. Le «Seigneur de l'Orient» a pour épouse, ou plutôt pour première concubine, la brume [Germain, 2011, p. 69-70].

Седрик Гра при создании образа города сознательно не заменяет русизмы соответствующими синонимами из французского языка, а использует их транслитерированные варианты, что подчеркивает особый, неповторимый характер природных явлений, свойственных только Владивостоку, повтор лексемы *touman* подчеркивает монотонность и неотвратимость этого явления.

A Vladivostok, pas de dieu Nieba, mais c'est le paradis du roi Touman. Quand le ciel n'est pas bleu, il y a des oblaka (nuages), et des touchis, les nuées, mais surtout touman, le brouillard, la brume. Touman est partout, sur les rivières, au-dessus des herbes mouillées le matin, sur la mer, les falaises, les collines. Touman sur la baie Tikhaya, «la baie calme», touman tout l'été sur l'île russe, touman sur l'avenue de l'Océan, touman sur les rivages. Il accompagne dozhd, la pluie, ou metel, les viouga, les tempêtes et tourbillons de neige [Gras, 2011, p. 191].

Наравне с туман выделяют ещё одну важную климатическую особенность города – влажность, зачастую доходящую до 100%. Вследствие повышенной влажности трудно дышать, особенно летом, бельё почти не сохнет, а на стенах образуется плесень.

L'humidité croupit dans les vestiaires. Les habits sèchent mal. La mousse verdit sur les joints. Un matin, elle m'a paru belle, avant que je me rappelle qu'il s'agissait de moisissure qui asphyxiait le mur [Dusapin, 2020, p. 130].

Но есть и позитивные характеристики города, связанные с его географическим положением, в частности, море, набережные, бухты, пляжи, острова, лодки, катера, маяки и т.д. Они-то и придают особый шарм Владивостоку:

Le charme de Vladivostok est ailleurs <...> Dans la sonorité éclatante de son nom. Dans l'omniprésence de l'eau et des activités de la mer : partout des quais, des baies, des rades, des plages, des îles, des bateaux, des mâts, des voiles, des bouées, des phares, des tenues blanches,

des cols marins, des cadets de la marine, des officiers avec une ancre accrochée en cabochon sur leur casquette [Fernandez, 2012, p. 282].

A l'aube du quatrième jour, on a fait son sac, on est mal réveillé mais on attend, un peu ému, apparition de la mer du Japon. Et soudain elle est là, à droite, en contrebas de la voie, laiteuse, fondue au ciel par la brume. Sur le quai, une fanfare de marins nous attend [Rolin, 2011, p. 38].

Особым восторгом наполнены описания Тихого океана, увидеть который рассматривается как наивысшая награда после длительного путешествия по Транссибу.

Bientôt, sur ma droite, la récompense suprême : l'Océan Pacifique, une immense baie, puis une plage de sable fin, avec une grande roue, des petits bateaux et un très grand voilier [Pinguet, 2015, p. 202].

L'océan apparaît à l'aube du dernier jour, il reste une quarantaine de kilomètres avant Vladivostok, c'est la fin de la piste. Hélène n'est sûre de rien, mais il y a cette clarté là-bas, cet horizon gazeux, aérien, et le paysage qui se dilate, ralentit, dérobé sous un léger brouillard. Elle plisse les yeux, des surfaces liquides éclatent çà et là, auroles qui bientôt se touchent et alors c'est la mer, là, au sud du rail, l'océan Pacifique – qui n'a rien d'indigo sous cette latitude, rien du cyan polynésien, rien de turquoise ni même de bleu, rien : du zinc [Kerangal, 2011, p. 124].

Владивосток – самый азиатский город из всех европейских и самый европейский из всех азиатских, не случайно туристы из Японии, Китая и Южной Кореи приезжают в него, чтобы увидеть Европу. Французы же, наоборот, видят в городе много азиатских черт. Восточный шарм прослеживается в фауне и в пейзаже:

Tiens, la végétation a changé. Il aura fallu 8000 km pour que le bouleau et le pin soient détrônés par des arbres que nous ne connaissons pas. Ce qui donne un charme asiatique au paysage. Teinté de romantisme. Nous avons presque l'impression d'être en Asie <...> Des îlots partout. Des pitons boisés magnifiques. Pas de doute, nous sommes en Asie [Veyrat, 2007, p. 94-95].

Связь с Востоком прослеживается и на улицах города, в вывесках и рекламах на корейском и китайском языках, ориентированных на туристов из этих стран:

La ville grouille de vie. Je me sens loin de l'Europe, entourée de publicités coréennes pour des appareils de télécommunication [Dunbar, 2019, p. 242].

On y trouvait de tout et à profusion. Les enseignes occidentales fleurissaient à tout bout de champ mais ce que j'aimais, c'étaient les bouis-bouis chinois ... [Bellec, 2008, p. 254].

Следующий мотив, который неизменно сопровождает образ Владивостока, это его многонациональность. С момента своего основания город был многонациональным и продолжает им оставаться до сих пор, хотя уже в меньшей степени. Сам состав населения тоже изменился, если во Времени Жозефа Кесселя во Владивостоке времен Гражданской войны на улице можно было встретить чехов, канадцев, американцев, французов, японцев и представителей других национальностей, то у современных писателей в основном Владивосток ассоциируется с китайцами, в числе которых и туристы и рабочие:

Pour l'instant, des ouvriers asiatiques travaillent sur des échafaudages [Landon, 2007, p. 119].

Dans le grand hall de réception, une invasion de touristes chinois, uniquement des hommes, tous en train de regarder des films sur leur ordinateur portable [Pinguet, 2015, p. 205].

On l'appelait le Quai des Sports. Les ouvriers chinois ne cessaient de mettre les dalles à nu [Bellec, 2008, p.258].

Мотив серости больше характерен для произведений французских писателей, описывающих Владивосток начала XX в., что объясняется самой обстановкой в городе, периодом Интервенции и Гражданской войны. Особенно это четко прослеживается в романах Жозефа Кесселя, который посетил город в 1918-1919 гг. и позже описал свои впечатления в двух романах. Владивосток Кесселя – мрачный, грязный, жалкий провинциальный городок, в котором всюду царит заброшенность и неустроенность, зловоние. Небо, лед, дома, люди – все описывается в серых и мрачных тонах:

Une lumière lugubre ; un port gelé ; des bateaux pris dans la glace ; sur les quais, des coolies chinois en guenilles semblaient des larves humaines. Tout — le ciel, la glace, les maisons, les gens —, tout était gris, triste, sale <... >

Seigneur de l'Orient, ça? Une ville provinciale, perdue, mesquine... La neige malpropre. Les maisons décrépites, sinistres. Pas une avenue, pas une rue décente. Et le long des lugubres façades, d'étranges patrouilles qui se traînaient va comme je te pousse et dont aucun des soldats n'avait la même tenue. Quel démenti à mes rêves ! Quelle chute dans le réel ! [Kessel, 2001, p. 63-64].

В произведениях современных писателей мотив серости присутствует крайне редко, например при описании владивостокских ночей или зданий, построенных ещё в советское время:

Les nuits de Vladivostok sont grises et opaques [Garcin, 2014, p. 343].

Soviétique, la ville l'est restée, dans son apparence, plus que toute autre en Sibérie. Bâtiments publics ternes, immeubles gris, énormes casernes, la rue principale, Svetlanskaïa, étirée interminablement, l'hôtel Azimut, où nous résidons, semblable à un garage [Fernandez, 2012, p. 279].

Продолжая отрицательные характеристики, которыми французские писатели наделяли Владивосток, нельзя не упомянуть такую образную доминанту как преступность. Город предстает как одно из самых опасных мест на планете, где царит коррупция, совершаются убийства, процветает проституция, а городом правит мафия:

Et pourquoi, quand elle s'est renseignée en France au sujet de Vladivostok, de la Russie en général, elle n'a entendu parler que d'assassinats, de prostitution, de corruption, de pollution, sur fond d'images misérabilistes ? [Landon, 2007, p. 96].

Comme il se doit, Vladivostok était donc l'un des endroits les plus mal famés et les plus dangereux de la planète [Bellec, 2008, p. 252].

Mais l'opacité des nuits de Vladivostok peut également convenir, de manière certes plus métaphorique, à la politique locale, puisque la ville et la région du Primorié à laquelle elle appartient passent pour être parmi les plus corrompues de Russie, les plus soumises à l'emprise de la mafia [Garcin, 2014, p. 346].

Следующая выявленная нами образная доминанта – Север. Несмотря на то, что Владивостоком расположен на одной широте с такими городами как Марсель, Ницца, Сан-Ремо, Монте-Карло и Флоренция, если попросить рядового француза показать месторасположения Владивостока на карте, в большинстве случаев он покажет его сильно севернее. Во многом это заблуждение связано с тем, что в XIX в. город входил в состав Восточной Сибири, а Сибирь ассоциируется с чем-то холодным и северным. А учитывая местные особенности климата, у города все же больше общих черт с севером, чем с югом. Vaines chimères... Vladivostok a plus d'affinités avec le Nord qu'avec le Sud [Fernandez, 2012, p.283].

Vous demanderez à n'importe quel passant de Châtelet-les-Halles : Vladivostok ; s'il ose le situer, c'est forcément au nord. Vous répérez l'opération dans les nœuds métropolitains de Londres et de Berlin, puis dans toutes les capitales occidentales : Vladivostok sera toujours perché en haut des cartes [Gras, 2011, p. 31].

Самая известная цитата В.И. Ленина о Владивостоке: «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький» соответствует и образным представлениям французов о городе. Образная доминанта чего-то далекого – далекого от Европы, далекого от Франции, далекого от Монмартра, далекого от всего и от всех – присутствует в произведениях французских писателей. Сибирь в их понимании, а если быть более конкретными, то Приморский край, является синонимом отдаленности, её воплощениям:

Loin de Montmartre, loin de tout – la Sibérie est le pays même du Loin, elle en est un nom. En Sibérie, ce n'est pas que l'on soit loin de tout, en fait, - on est au cœur du Loin. Pure jubilation d'espace [Germain, 2011, p. 78].

Le mystère avec Vladivostok, c'est que c'est loin de tout, ou plutôt loin de tous [Gras 2011, p. 52].

И последняя и наименее редко встречающаяся в произведениях французов образная доминанта – автомобили. Известно, что Владивосток – город победивших

автомобилистов, где в среднем на каждого жителя столицы Приморья приходится по два автомобиля. Рядом с городом расположен крупнейший в регионе автомобильный рынок, где, в основном, продаются японские автомобили, их же чаще всего можно увидеть на улицах города. Эти местные особенности не могли ускользнуть от глаз французов, которые пишут о шокирующем количестве автомобилей, о внедорожниках, о японских автомобилях с правым рулем:

Des milliers de voitures japonaises s'entassent dans les rues tordues qui grimpent les collines et on ne voit ni le continent ni la mer [Gras, 2011, p. 39].

Si les nuits de Vladivostok sont grises et opaques, c'est aussi en raison du nombre d'automobiles, dont on dit qu'il est supérieur à celui des habitants de la ville [Garcin, 2014, p. 29].

Les bagnoles aussi étaient différentes. Des Japonaises et des Coréennes d'occasion, avec le volant à droite. Et puis comme d'habitude, les gros 4x4 qui déchiraient les avenues comme des brises glaces dans la banquise [Bellec, 2008, p. 253].

Таким образом, нами были выявлены и рассмотрены основные наиболее часто встречающиеся в художественном дискурсе о Владивостоке образные доминанты. Не было выявлено четкой корреляции между временем выхода произведения и наличием или отсутствием в нем той или иной доминанты, все они присутствуют в проанализированных работах французских писателей. Благодаря им город предстает как многогранный, с положительными и отрицательными характеристиками, одновременно «своей» и «чужой», западный и восточный, реальный и мифический. Данное исследование может быть продолжено в русле стратегического подхода с анализом стратегий создания образа города Владивостока.

Источники

Bellec Hervé Les sirènes du Transsibérien. Voyage à Vladivostok. – Brest : Editions Géorama, 2008. – 276 p.

Dunbar Géraldine Seule sur le Transsibérien : de Moscou à Vladivostok. – Paris : Editions Transboréal, 2019. – 358 p.

Dusapin Elisa Shua Vladivostok Circus. – Genève: Zoé. – 2020. – 176 p.

Fernandez Dominique Transsibérien. – Paris : Grasset, 2012. – 304 p.

Garcin Christian Les nuits de Vladivostok. - Paris : Stock, 2014. – 368 p.

Germain Sylvie Le monde sans vous. – Paris : Editions Albin Michel. – 2011. – 135 p.

Gras Cédric Vladivostok. Neiges et moussons. – Paris : Phébus, 2011. – 208 p.

Kerangal Maylis de Tangente vers l'est. – Clamecy : Verticales, 2011. – 136 p.

Kessel Joseph Les temps sauvages. – Paris : Gallimard, 2001. – 192 p.

Landon Emmelene Le voyage à Vladivostok. – Clamecy : Léo Scheer, 2007. – 196 p.

Pinguet Gérard La Transsibérienne en solitaire. – Montpellier : Filosphere, 2015. - 461 p.

Rolin Olivier Sibérie. – Paris : Inculte, 2011. – 91 p.

Sallenave Danièle Sibir : Moscou-Vladivostok. – Paris : Gallimard, 2010. – 366 p.

Veyrat Sébastien Transsibérien : un voyage de rêve de Moscou à Vladivostok. – Pologne [б.и.], 2007. – 100 p.

Литература

Горелова Ю.Р. Образ города в восприятии горожан: монография. – М.: Институт наследия, 2019. – 154 с.

Левина Г.Л. Мифопоэтика Владивостока в творчестве русских поэтов // Общество: философия, история, культура. – 2017. - №12. – С. 188-193.

Ломова Т.Е. "Город моей мечты": образ Владивостока в сознании горожан // Россия и АТР. – 2013. - №1 (79). – С. 91-104.

Малинина Н.Л. Противоречия художественного образа города (на примере Владивостока) // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад: материалы XXIII

научной конференции с международным участием, 22-23 ноября 2017 г. – Владивосток: "Издательство Дальнаука", 2017. – С. 22-27.

- Мальцева О.Н. Образ Владивостока в произведениях зарубежных писателей (на материале романов Дж. Клавелла и Ж. Кесселя) // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР: материалы II международного форума, Владивосток, 9-14 октября 2017 г. – Владивосток: Изд-во дальневост. федерал. ун-та, 2018. – С. 74-78.
- Плотникова, С. Н. Человек и персонаж: Феноменологический подход к естественной и художественной коммуникации [Текст] / С. Н. Плотникова // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 89-104.
- Позняк Т.З. Образ Владивостока в представлении современников во второй половине XIX – начале XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2014. - №3 (30). – С. 109-119.

References

- Gorelova, Yu.R. (2019) *Obraz goroda v vospriyatii gorozhan: monografiya.* – M.: Institut naslediya. (in Russian)
- Levina, G.L. (2017) *Mifopoetika Vladivostoka v tvorchestve russkih poetov // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura.* – 2017. - №12. – pp. 188-193. (in Russian)
- Lomova, T.E. (2013) "Gorod moej mechty": obraz Vladivostoka v soznanii gorozhan // *Rossiya i ATR.* – 2013. - №1 (79). – pp. 91-104. (in Russian)
- Malinina, N.L. (2017) *Protivorechiya hudozhestvennogo obraza goroda (na primere Vladivostoka) // Kul'tura Dal'nego Vostoka Rossii i stran ATR: Vostok-Zapad: materialy XXIII nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, 22-23 noyabrya 2017 g. – Vladivostok: "Izdatel'stvo Dal'nauka".* – pp. 22-27. (in Russian)
- Mal'ceva, O.N. (2018) *Obraz Vladivostoka v proizvedeniyah zarubezhnyh pisatelej (na materiale romanov Dzh. Klavella i Zh. Kesselya) // Russkij yazyk, literatura i kul'tura v prostranstve ATR: materialy II mezhdunarodnogo foruma, Vladivostok, 9-14 oktyabrya 2017 g. – Vladivostok: Izd-vo dal'nevost. federal. un-ta.* – pp. 74-78. (in Russian)
- Plotnikova, S. N. (2006) *Chelovek i personazh: Fenomenologicheskij podhod k estestvennoj i hudozhestvennoj kommunikacii [Tekst] / S. N. Plotnikova // Chelovek v kommunikacii: koncept, zhanr, diskurs.* – Volgograd: Paradigma. – pp. 89-104. (in Russian)
- Poznyak, T.Z. (2014) *Obraz Vladivostoka v predstavlenii sovremennikov vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // Ojkuмена. Regionovedcheskie issledovaniya.* - №3 (30). – pp. 109-119. (in Russian)

УДК 372.881.1+81-2

М. Н. НЕЧАЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ЯЗЫК В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОТ ГИПОТЕЗЫ НЕЗНАНИЯ К ИНТЕРКУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются принципы и особенности выбора способа номинации незнакомого объекта на изучаемом языке, а также значение данного процесса в формировании межкультурной коммуникативной компетенции учащегося. Анализ производится на примере контролируемого срез-эксперимента, проведенного среди японских студентов, изучающих русский язык.

Ключевые слова: эксперимент, русский язык, лексические ошибки, безэквивалентная лексика, межкультурная коммуникация

M. NECHAEVA
St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

LANGUAGE IN THE INTERCULTURAL SPACE: FROM THE HYPOTHESIS OF IGNORANCE TO THE INTERCULTURE

The paper deals with principles and specifics of the choice during the denomination of unknown objects by the persons who learn a foreign language. In addition, it discusses the importance of the decision made in the formation of the students' skill for cross-cultural communication. The provided analysis is based on the results of a tests for Japanese students learning Russian language.

Key words: language test, Russian language, lexical errors, nonequivalent vocabulary, cross-cultural communication

Гипотеза незнания в лингвистике предельна проста, но в то же время содержательна. Она была предложена Л. Ньюмарком и Д.А. Рейбелом и касалась, прежде всего, прежде всего, взрослых, изучающих второй и последующие языки [Neumark, Reibl, 1968]. Их объяснение происхождения языковой интерференции состояло в том, что человек, уже полностью овладевший одним языком, может захотеть сказать то, что еще не умеет говорить на изучаемом языке, и, следовательно, использует для этого только средства, которыми он уже владеет.

В последствии Ларри Селинкер также использовал понятие незнания и включил его в когнитивную модель, приняв в качестве предварительного условия изучения языка применение обучающимся некоторой стратегии, когда «...обучающийся осознает, <...> что он не располагает лингвистической компетенцией относительно некоторого аспекта изучаемого языка» [цит по: Джеймс, 1989]. Российские исследователи А.С. Крутобережская и Я.В. Солдатова, рассуждая о механизмах порождения ошибок, называют незнание предварительным условием интерференции, считая, что «...если формальные средства для передачи некоторой функции в языке-1 и языке-2 тождественны, то обучающий попросту успешно перенесет единицу Я1 в Я2. И лишь в том случае, когда средства различны, а обучающийся тем не менее осуществляет перенос единицы Я1, возникает интерференция и вместе с ней ошибка [Крутобережская, Солдатова, 2015, с. 54].

Карл Джеймс, в свою очередь, разделяет гипотезу незнания на два варианта и пишет о возможности существования «незнания-без-интерференции», когда «обучающиеся, имевшие печальный опыт неудачного использования или постоянных трудностей с употреблением некоторой структуры языка-2, не захотят более совершать ошибки и будут избегать употребления данной структуры, используя парафразу или близкие выражения». А также «интерференции-без-незнания»: «Часто бывает, что некоторая конструкция языка-2 разучивается со студентами до тех пор, пока ее употребление не становится безошибочным. <...> [см. подробнее: Джеймс, 1989]

Максимально показательной и, нередко бескомпромиссной в плане выбора языковой единицы, и для преподавателя и для обучающегося является работа с лексикой. Классик перевода Питер Ньюмарк подчеркивал, что в ситуации невозможности нахождения устойчивого межъязыкового лексического эквивалента выбор способа наименования всегда представляет собой некоторый компромисс, зависящий от целого

набора факторов как лингвистического, так и прагматического характера. [Newmark, 1993, с.156].

И это при том, что само наличие межъязыковых синонимов вызывает сомнения, поскольку иногда довольно трудно найти разноязычные слова, которые выражают «одно и то же понятие и не отличаются друг от друга эмоционально-экспрессивной, стилевой или каким-либо другим видом константной знаменательной информации» [Тер-Минасова, 2000, с. 56].

При обучении иностранному языку одним из основных показателей успешности освоения программы является коммуникативная компетенция, которая, в свою очередь, тесно связана с вопросом понимания в широком смысле. Работа с лексикой для иностранного студента заключается в освоении двух этапов: узнавание и называние (номинация). Если оба этапа выполнены верно автором, у реципиента происходит актуализация понятия, связанного с данной лексемой и возникает понимание.

Если оставить в стороне радикальных теоретиков вроде Никласа Лумана [Луман, 2000], который в принципе сомневается в возможности коммуникации даже носителей одного языка, и взять критерий понимания за основу оценки адекватности используемой лексики, то мы легко можем определить совершил студент ошибку или нет. А чтобы оценить эту адекватность, преподаватель должен точно знать, что именно «хотел сказать автор», какую мысль выразить или какой именно объект назвать и характеризовать что становится возможным в условиях контролируемого эксперимента.

При этом педагогический интерес вызывают, прежде всего, принципы номинации лица или предмета, особенно если данная номинация ошибочна, то есть не совпадает с общепринятой.

В данной статье предлагается описание и анализ эксперимента, который проводился среди японских студентов, изучающих русский язык. В основу срез-эксперимента легло письменное продуцирование текста типа «описание». Студентам предлагался электронный вариант картины «Купчиха за чаем» (Б.М.Кустодиев, 1918).

Основная задача текста-описания – перечисление признаков, свойств предмета или явления, их характеристика [Валгина, 2003, с. 54]. При описании картины любого типа повествование приобретает статический характер и в самом простом варианте сводится к номинации видимого объекта. Для выделения объекта из общего фона используются его качественные характеристики. При этом, предлагая испытуемым определенную картину, мы можем отследить описание и предметных, и качественных характеристик, а также сопоставить способы обозначения и описания одних и тех же предметов.

Выбор визуального материала обусловлен тем, что жанр и тематика картины представляют интерес сразу в нескольких направлениях, так как в нем сочетаются портрет, интерьер и пейзаж. На основании того, какие именно детали вычленил обучающийся при ее описании, можно проследить:

- какую область лексики он лучше освоил, а какая вызывает у него затруднения;
- на какие именно моменты он обращает внимание, то есть что является для него актуальным при описании каждого из компонентов картины (черты лица или одежда в портрете, зеленые насаждения или архитектура в пейзаже, предметы интерьера или, например, лексико-семантическая группа «продукты»).

Письменная форма текста позволила максимально проконтролировать ход эксперимента дистанционно, а также максимально наглядно представить контекст возникновения лексической единицы.

Эксперимент был проведен на территориях России и Японии. Для проведения эксперимента были выбраны японские студенты изучающие русский язык в течение нескольких лет в Японии или на протяжении 6-9 месяцев в России.

В национальных университетах Японии русский язык изучают в объеме 6-8 часов в неделю, что при учете 30 учебных недель в год (около 240-250 уч. часов) составляет 700-750 часов за весь период обучения. В России (Санкт-Петербургском государственном

университете) подготовительный курс изучения языка составляет 8-9 месяцев, что при нагрузке в 20 учебных часов в неделю и образует эти же 700-750 часов.

После формальной части, включающей ответы на предварительные вопросы об опыте изучения русского языка («сколько времени Вы изучаете русский язык?», «где именно вы изучали русский язык?») и пояснения ограничений по времени, информантам предъявляется изображение и формулируются задачи.

Задание 1: опишите картину, не используя словари, справочники и пр. как на бумажных, так и на электронных носителях.

Задание 2: опишите эту же картину. При необходимости разрешается пользоваться бумажными и электронными словарями.

Данный способ проведения исследования и формулировки заданий был обусловлен необходимостью разделения случайных ошибок и типичных. Возможность повторно создать текст, то есть, в частности, исправить ошибки, проверить правописание неизвестной лексической единицы или проверить написание слова, в котором студент сомневается, была призвана помочь понять в каком именно сегменте порождения высказывания произошел сбой. Гипотеза состояла в том, что при такой форме эксперимента случайные ошибки будут исправлены самими учащимися, а сохранившиеся в обоих текстах можно считать частотными или типичными.

Среди причин порождения лексической ошибки традиционно выделяются:

- не устраненная контекстом многозначность;
- ошибка в выборе синонима или антонима при противопоставлении;
- неправильный выбор омонимов;
- смешение паронимов;
- нарушение лексической сочетаемости;
- неоправданное употребление заимствованных слов.

[Хавронина, Балыхина, 2008]

Однако в классификации лексических ошибок основополагающим моментом, на наш взгляд, является их коммуникативная значимость (опирающаяся на критерий понимания). В рамках проведенного эксперимента было получено 34 текста, на основании которых была составлена картотека из 113 ошибок, которые можно отнести к категории лексических (цифрой указано количество случаев употребления).

Коммуникативно незначимые ошибки

Общее вместо частного:

(2) в саде природа (= деревья и т.п.) общее вместо частного/гипероним

(2) архитектуры (дома, здания) общее вместо частного/гипероним

она пьет напиток (=чай?) - общее вместо частного/гипероним

Неудачный выбор лексической единицы из семантического поля (стилистические ошибки):

(2) они (женщина и кошка) любят друг друга

несколько людей кушает

небеса ясно (=небо)

золотые волосы

золотая голова

жертые волосы

Нарушение лексической сочетаемости:

картина о... (about) - межязыковая интерференция

сезон [на] картине (англ. season - «время года»)

(2) (на столе) вещи: чашки, хлебы

(на столе) лежат фрукты и чайники

она не еще ест еды - интерференция (англ.)

растет листы (растут деревья и т.п.)

карий кот (коричневый) - слово с ограниченной сочетаемостью

киноварные губы - актуализация смыслового компонента «краска»

Нарушения внутри одной тематической группы:

(2) на картине написана (т.е. «нарисована») (контаминация с «написана картина») сегодня будет здоровое («сегодняшний день»)

(2) кошка видит чашку («смотрит на чашку»)

(2) мускат (= сорт винограда) гиперонимы/гипонимы

(4) женщина одевается («одета в»...)

она наденет («одета в»)

наряжается [в] золотые серьги

(4) могут смотреть («можно увидеть»)

сидит без работы («без дела?»)

(7) женщина носит/несет («одета в»...): одежда + аксессуары (брошка)

(2) женщина пьет что-нибудь («что-то») выбор местоимения

фрукты положатся на столе («лежат»)

ставят на столе («стоят»)

вино в стакане («в бокале»)

несет тарелку в руке («держит»)

скатерть накрывает стол («покрывает стол»/ «стол накрыт скатертью»)

(17) на картине рисуют («нарисовано, изображено»)

на заборе находится кот («перила»)

Неологизмы:

(2) у нее широкоплечи (= широкие плечи)

Коммуникативно значимые ошибки

платью кажется вышшим (дорогим)

черные и золотистые чашки («черно-золотистые»)

(2) синие очки («глаза»)

она умная и большая женщина (знатная, крупная)

(3) ее жизнь «здорово или нездоровое»

потому что завтракать фрукты можно жить здорово по всем дну (= не ясна логическая связь)

сегодня она встала поздно, поэтому ест много (не ясна логическая связь)

(2) у нее (кошки - М.Н.) черная кожа («шерсть»)

она чувствует, что она проведет свободное время («думает?»)

хотя дождь идет (даже в дождь/ даже когда идет дождь?)

налево вскипятит воду (слева то, что вскипятит воду = самовар)

(2) ожедается платью/платье ()

эта женщина дорогая (богатая)

дорогой костюм (платье)

очень хороший небо («ясное»)

пьет чай с чайника (из чайника)

При коммуникативно значимых ошибках даже контекст не снимает трудности (а порой, и невозможности) понимания. Значение употребленного слова настолько прочно закреплено в языке, что практически не оставляет места иной интерпретации.

Представляется возможным выделить еще несколько принципов наименования незнакомой (или забытой) лексики:

Парафазия:

на столе стоит самолет (= самовар)

(2) она носит черное платье и синий шкаф (= шарф)

Интересный пример парафазии наблюдается в употреблении слова «самолет» (= «самовар»). И.Н. Горелов, К.Ф. Седов: «Создавая новое слово, он (говорящий – М.Н.) в

его основу кладет актуальный, важный, значимый, с его точки зрения, признак именуемого предмета или явления» [Горелов, Седов, 2001, с. 28]. Практически о том же пишет Л.А. Сычугова: «Когнитивный подход доказывает, что на уровне системы языка у слова хранится только представление о нем, набор наиболее важных для идентификации признаков, которые и составляют его специфику. Формирование речевого высказывания, по мнению К.А. Архипова, происходит в ходе актуализации вышеупомянутого представления, хранящегося в голове носителя языка, сопровождающейся созданием звукового оформления высказывания» [цитата по: Сычугова, 2014, с. 119]. То есть для учащегося сохранение идентификационного признака «самостоятельность в осуществлении действия» оказалось более весомым, нежели второй функциональный признак «варит».

(3) [употребление слова на иностранном языке]

Одним из учащихся был выбран самый «простой» названия: номинация с помощью известного языка (в нашем случае - английского и японского). Абсолютно точно и уместно было употреблено слово “routine”. Для обозначения глагола “поменялась” (наше предположение) было предложено сразу три лексические единицы: “change”, “turn” и “make”. Также зафиксирована попытка «перевести» соответствующий японский иероглиф русскими словами “бодрый” и “здоровый”. Последний случай как раз доказывает, что для взрослого человека, изучающего иностранный язык, мир уже вербализован, и сложность представляет именно момент «перевода» на другой язык уже существующих в сознании концептов.

Так же можно отметить особую сложность безэквивалентной («непереводимой») лексики, то есть той, план содержания которой невозможно сопоставить с каким-либо иноязычным лексическим понятием» [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 17]. Безэквивалентному слову соответствует безэквивалентный зрительный образ, то есть «такое изображение, которое не имеет никакого соответствия в инокультурной действительности» [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 138]. Безэквивалентный образ обычно ставит наблюдателя в тупик, заставляет его фантазировать, использовать уже знакомые слова, выделяя основные характеризующие понятие признаки.

капюшон (= чалма)

платок (= чалма)

(2) в шарфе (= чалма)

(3) с шапке (= чалма)

сад (= балкон) (- исправлено во втором варианте текста)

Незнание лексической единицы «чалма» привело к разнообразию номинации данного объекта: капюшон, платок, шарф, шапка. При этом наблюдается стремление к конкретизации: ни один человек не употребил общевидовое определение «головной убор». Скорее всего, в данном случае более сложное наименование просто незнакомо учащимся. Хотя нельзя сказать, что обобщенные понятия совсем не употребляются, ведь мы встречаем: напиток (вместо «чай»), архитектура (вместо «дома, здания»), природа (вместо «деревья»).

В рамках проведенного эксперимента оказалось невозможно определить, насколько в употреблении лексики отразилась национально-специфическая картина мира (которая, безусловно, богаче языковой). В описании последовательно соблюдалась тактика неназывания «непонятного» предмета, а в номинации не использовалась особая «японская» лексика.

Коммуникативно-значимыми отклонениями от нормативного употребления слова являются 39 случаев, что подтверждает сложности учащегося при выборе лексической единицы или адекватном ее воспроизведении. Категория коммуникативно-незначимых ошибок (74) обнаружила удивительную однородность. Самым сложным для студента оказался выбор лексической единицы внутри одной тематической группы (50 случаев): видеть/смотреть, носит/несет и т.

При работе с лингвоспецифической лексикой мы можем опереться на подход Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова: «Лингвострановедческий подход к терминированной лексике заключается прежде всего в том, что преподаватель семантизирует не одно лексическое понятие, <...> а главное внимание направляет на раскрытие, изъяснение лексического фона» [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 165], в том числе, при активной помощи обобщающих понятий и, в первую очередь, с опорой на наглядность. Незнание японскими учащимися слова «чалма» и очевидного отсутствия в родном языке соответствующего эквивалента не помешало адекватному (в большей или меньшей степени) воспроизведению картины действительности: всеми была выбрана лексическая единица с определяющей семой «объект, находящийся на голове».

Вторичная картина мира, возникающая при изучении иностранного языка и культуры, это не столько картина, отражаемая языком, сколько картина, создаваемая языком или интеркультура (межкультурная коммуникация или кросскультурная (cross-cultural) коммуникация, транскультурная (transcultural), “третья культура”). По словам С.Г. Тер-Минасовой «В ней одно и то же понятие имеет разные формы языкового выражения, различающиеся «семантической емкостью и объемами понятийного материала» [Тер-Минасова, 2000, с. 54] Разумеется, безэквивалентная лексика представляет для студентов особую сложность, но все же в большинстве языков содержатся межъязыковые понятия, которые содержат примерно одинаковое количество этого самого понятийного материала и отражают «один и тот же кусочек действительности». На выбор лексической единицы при этом влияют и лексико-фразеологическая сочетаемость, социолингвистические коннотации, и даже успешность освоения лексического минимума на уроке.

Для успешной коммуникации (= понимания) участникам нужен «общий или взаимный код (shared code), в нашем случае - взаимное понимание языковых единиц, так как в конечном счете именно семантика и также разные виды коннотаций определяют степень понимания. Поэтому для преподавателя на уроке представляется важным предлагать студенту не только национально специфическую лексику с учетом всех достижений лингвокультурологии, но и, прежде всего, инструмент для межкультурной коммуникации.

Литература

- Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., «Русский язык», 1980.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001.
- Джеймс К. Контрастивный анализ // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25., 1989. С. 205-306.
- Крутобережская А.С., Солдатова Я.В. Интерференция как объект исследования психолингвистики // Инновационная наука, № 7 (2), М., 2015. С. 53-56.
- Луман Н. Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб., 2000.
- Сычугова Л.А. Анализ подходов к проблеме соотношения уровней систем языка и речи // Герценовские чтения. Иностранные языки. Материалы всероссийской межвузовской научной конференции 15-16 мая 2014 года. СПб, 2014. С. 118-120.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
- Хавронина С.А., Балыхина Т.М. Инновационный учебно-методический комплекс Русский язык как иностранный. М.: РУДН, 2008.
- Newmark L., Reibl D.A. // Necessity and sufficiency in language learning // IRAL. - 1968. - V. VI. - No. 2. - P. 153-161.
- Newmark P. Paragraphs on Translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1993.

References

- Valgina, N.S. (2003) Teoriya teksta [Text theory]. M.: Logos, 2003. (in Russian)
- Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1980) Lingvostranovedcheskaya teoriya slova. [Linguistic and cultural theory of the word]. M., «Russkij yazyk». (in Russian)
- Gorelov, I.N. & Sedov K.F. (2001) Osnovy psiholingvistiki. [Fundamentals of psycholinguistics]. M.: Labirint. (in Russian)
- Dzhejms, K. (1989) Kontrastivnyj analiz [Contrastive analysis]//Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 25. pp. 205-306. (in Russian)
- Krutoberezhskaya, A.S. & Soldatova YA.V. (2015) Interferenciya kak ob"ekt issledovaniya psiholingvistiki [Interference as an object of psycholinguistics research] // Innovacionnaya nauka, № 7 (2), M., pp. 53-56. (in Russian)
- Luman, N. (2000) Neveroyatnost' kommunikacii [The improbability of communication]// Problemy teoreticheskoj sociologii. Vyp. 3. SPb. (in Russian)
- Sychugova, L.A. (2014) Analiz podhodov k probleme sootnosheniya urovnej sistem yazyka i rechi [Analysis of approaches to the problem of correlation of levels of language and speech systems]// Gercenovskie chteniya. Inostrannye yazyki. Materialy vserosijskoj mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii 15-16 maya 2014 goda. SPb, pp. 118-120. (in Russian)
- Ter-Minasova S.G. (2000) Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya. [Language and intercultural communication]. M.: Slovo. (in Russian)
- Havronina S.A. & Balyhina T.M. (2008) Innovacionnyj uchebno-metodicheskij kompleks Russkij yazyk kak inostrannyj. [Innovative educational and methodological complex Russian as a foreign language] M.: RUDN. (in Russian)

УДК 82.091

Е.Э. ОВЧАРОВА

Независимый исследователь

ШАРЛЬ БОДЛЕР И МАРИНА ЦВЕТАЕВА О СТРАНЕ ВСЕОБЩЕГО СЧАСТЬЯ

Предметом исследования является вопрос о замене Мариной Цветаевой в своем переводе поэмы Бодлера "Le voyage" наименования страны счастья. У Бодлера она именуется как Икария, у Марины Цветаевой как Эльдorado. Это совершенно разные концепты счастья. В статье рассматриваются как причины, по которым Бодлер мог выбрать Икарию страной счастья, так и предположение о побудительных мотивах для такой замены.

Ключевые слова: Цветаева, Бодлер, Эльдorado, страна счастья, концепт

E. OVCHAROVA

Independent researcher

ON THE QUESTION OF CHANGING THE NAME OF THE COUNTRY OF HAPPINESS IN MARINA TSVETAeva'S TRANSLATION OF BAUDELAIRE'S ПОЕМ

The subject of the research is the question of Marina Tsvetaeva's replacement of the name of the country of happiness in her translation of Baudelaire's poem "Le voyage". Baudelaire refers to it

as Ikaria, Marina Tsvetaeva as Eldorado. These are completely different concepts of happiness. The article examines both the reasons why Baudelaire could have chosen Ikaria as the country of happiness, and the assumption about the reason for replacing this name with the translator of the poem.

Key words: Tsvetaeva, Baudelaire, El Dorado, country of happiness, concept

В поэме Марины Цветаевой «Плавание», являющейся достаточно вольным переводом, который даже можно назвать переложением, поэмы Шарля Бодлера "Le voyage", есть любопытная замена названия той страны счастья, к которой стремятся герои обеих поэм. В оригинале герои стремятся в Икарию, в переводе в Эльдorado. Поскольку это совершенно разные концепты счастья, стоит этот вопрос рассмотреть подробно, как с точки зрения выбора Бодлером страны мечты, так и с точки зрения причины замены её Цветаевой.

Вопрос о том, является ли поэма Цветаевой переводом или переложением подробно рассматривался такими выдающимися специалистами по французской литературе как Вильгельм Вениаминович Левик и Татьяна Викторовна Соколова. Несмотря отмеченные ими отличия двух произведений, оба литературоведа пришли к выводу, что поэму Цветаевой всё-таки можно считать переводом [Соколова, 1998]. В работе автора данной статьи [Косматова, 2000] и её более полной Интернет-версии [Косматова, 2005], исходя из философской парадигмы поэмы Бодлера, подробно обосновывается другая точка зрения, что речь всё же идёт не о переводе, а о переложении оригинала. Показывается, что введённые переводчиком замены приводят к кардинальному изменению смысла произведения Бодлера. Вместо представленной в оригинале принципиальной философской непостижимости бытия для алчущего познания человечества в переводе речь идет о некоем своего рода проклятии, заставляющем род человеческий метаться по миру, где ничего, кроме себя самого, он найти не может. В такой трактовке становится доминантой образ Вечного Жида, а дьявольское искушение познанием, которому преимущественно и посвящена поэма Бодлера, исчезает.

Как было указано выше, в оригинале речь идёт об Икарии. Так называлась страна идеального коммунистического общества, которое описал в своём единственном, некогда популярном романе «Путешествие в Икарию» (1840) известный в середине XIX в., а ныне практически забытый французский политический деятель и литератор Этьен Кабе (Étienne Cabet, 1788 – 1856). Согласно В.П. Волгину, политическая жизнь Кабе началась при Реставрации и долгое время его социальные идеи оставались достаточно неопределёнными, добавим здесь от себя, с точки зрения тех, кто всегда считал насилие, разрыв общественных связей, отмену законов, полное попрание гражданских прав и ниспровержение моральных устоев единственно верным путем к воцарению всеобщей справедливости. Кабе, пишет Волгин, сочувственно относился к положению рабочих, советовал им объединить свои силы и предъявлять хозяевам только «разумные» требования. Он верил в возможность договора между рабочими и предпринимателями, выдвигал идею организации производственных ассоциаций. В 1833 году Кабе начал издавать журнал «Populaire», где провозглашал следующие лозунги: не грабёж богатых, но обогащение бедных; не унижение господствующего класса, а подъем народа; не насилие, но убеждение. Чтобы найти средство против несчастий, осаждающих род человеческий, он обратился к поиску их причины. Размышления привели его к убеждению, что «первоначальная и основная причина всех пороков и всех несчастий всех обществ с начала мира заключается в неравенстве <...> следовательно, лекарством против них является уничтожение неравенства и переустройство общества на базе равенства». В итоге размышлений Кабе пришел к коммунизму, являющимся, согласно его воззрениям, свободной и всеобщей ассоциацией рабочих с предпринимателями. Этот коммунизм можно ввести лишь путем достижения всеобщего согласия. Существующее поколение, по Кабе, не может быть лишено собственности, коренные преобразования будут произведены

следующими поколениями, воспитанными в духе справедливости [Волгин, 1955]. Социальный проект, который Кабе осуществил в США, образование коммунистической общины из увлечённых им туда соотечественников-эмигрантов, как считается, успеха не имел, хотя, возможно, его быстрое завершение связано со смертью организатора, здоровье которого было подорвано многочисленными жизненными испытаниями и титаническими проектами. Роман «Путешествие в Икарию» интересен только тем, что он имеет отношение к деятельности его автора по созданию коммунистической общины и, таким образом, представляет наглядно мировоззрение одного из ведущих утопистов XIX в. Кабе писал, что стремление сделать изложение идей коммунизма более популярным и доступным для всех классов общества привело его к изложению своих идей в форме романа. Характерно, отмечает Волгин, что Кабе, воскрешая рационалистическую социальную философию XVIII в., обращается к столь распространенной в ту эпоху форме утопического романа. Роман повествует о приключениях знатного англичанина, попадающего в некую страну Икарию и рассказывающего о тех необычайных порядках, какие он нашел в этой стране, о том, как эти порядки возникли, о нравах обитающих там людей. Сквозным сюжетом является история любви англичанина к икарийской девушке, различных любовных перипетиях и страданиях, приходящих в итоге к благополучному завершению. Литературной и эстетической ценности произведение не имеет, по сути, это трактат, оживлённый, используя выражения Е.П. Гречаной по поводу романа Юлии Крюденер «Валери», нещадной эксплуатацией стереотипов. Роман полон избитых литературных штампов своего времени. Последнее обстоятельство нисколько не мешало его популярности в середине позапрошлого века, о чём перед нами свидетельствует сам Шарль Бодлер.

В романе Кабе описано довольно-таки страшноватое и несколько нелепое коммунистическое общество. В нём никто не имеет собственности, всё, что люди имеют, им не принадлежит и может быть передано в любой момент другим, если это окажется целесообразным. Так, если другой семье больше чем вам подходит ваш дом, вас тотчас же из него переселят и предоставят другое, более подходящее вам жильё. Это общество с аракеевским распорядком дня, и, что забавно, пением хором во время перерывов в работе, говорящее на языке, где нет исключений – одни только правила. Люди живут по жесткому расписанию, пищу они получают от государства, её развозят собаки специально выведенной породы, денег в государстве нет. Во время рабочих перерывов люди обедают в роскошных ресторанах. Эстетические потребности граждан крайне ограничены, чрезмерное наслаждение искусством не одобряется. Стены жилищ украшают плакаты, поскольку гравюры вешать на стену безнравственно. Но обитатели страны вполне довольны своей жизнью, недовольных найти нельзя, разве что только в сумасшедшем доме, тюрем же в стране нет. Тюрьмы не нужны, поскольку устранена причина для всех преступлений, а именно частная собственность. Эта идеология восходит к малоизвестному, но оказавшему большое влияние на развитие социалистических идей, трактату Этьена Морелли (Etienne-Gabriel Morelly; 1717 или 1718 – после 1778) «Кодекс природы» (1755), где полное отсутствие собственности объявлено условием воспитания нового человека и построения общества на разумных началах. О самом Морелли достоверных сведений не существует, хотя к настоящему времени о нём имеются довольно обширные исследования, основанные на косвенных данных. Существует также достаточно обоснованная версия, что трактат на самом деле написан Дени Дидро; в качестве автора называют также философа и литератора Лорана Ла Бомеля (Laurent Angliviel de la Beaumelle, 1726 – 1773) [Mazauric, 2012].

Трактат Морелли является достаточно оригинальным сочетанием извечного стремления человека навсегда упростить собственное существование и формальной логики, основанной на достижениях математической науки XVII и XVIII вв. Морелли показывает, что преодоление человеческого эгоизма и постоянное наблюдение за этим качеством в членах общества от момента рождения дает возможность создать «чудесный автомат

общества», в котором «все размерено, все взвешено, все предусмотрено...: его колеса, его противовесы, его пружины, его работа. Если и видишь в нем противоположность сил, то это лишь колебание без толчков или равновесие без насилия, все в нем влекомо, все стремится к одной общей цели». [Морелли, 1955, с. 78]

Трактат предполагает не использование некоей чрезвычайной ситуации для преобразования общества, а коренную его трансформацию, тотальную реорганизацию господствующего общественного строя на основе полной перемены моральных и этических его оснований в предположении, что «общность благ должна стать матрицей социальной организации» [Mazaugic, 2012] Обманчиво-ясная логика Морелли, выведившего свои построения из свойств идеальных, а не реальных объектов, его модель, не включающая в себя наиболее существенные общественные взаимосвязи, его недооценка принципиального различия между свойствами модели, построенной на основе реальной системы, и самой системы, несмотря на малую популярность трактата среди широких масс читателей, имела долговременные последствия, поскольку вошел в круг чтения ключевых фигур в революционном движении, таких, например, как Гракх Бабёф и Карл Маркс.

Возникает естественный вопрос, каким образом столь вольный человек, как Бодлер, мог посчитать подобные умозрения основой для счастья? Можно предположить, что причина здесь может состоять в «восхитительной легкости» человеческого бытия, обещанной Морелли и отчасти сохраненной Этьеном Кабе в своем романе. Можно предположить, что Бодлер считал страну Икарию, составленную по рецептам “Code de la nature” страной совершенного счастья в качестве антитезы собственным мучительным душевным метаниям [Косматова, 2004].

Но разгадка, скорее всего, состоит во внимательном чтении строфы Бодлера. Речь идёт не об Икарии Кабе. Икария здесь просто популярное, узнаваемое название страны счастья, скорее, это просто ирония. Речь о личной мечте каждого пловца за счастьем, каждый мечтает о своей Икарии. Цель метафизического путешествия распадается на бесчисленное число целей.

Марина Цветаева создавала свое «Плавание» таким, чтобы оно читалось на одном дыхании. Спустя сто лет после написания романа в Советском Союзе никто просто не знал Кабе и его литературные творения, соответственно, никто не связывал с Икарией понятие о счастье. Да и в советской и российской ментальности, всё-таки более обычно представление о том, что страна счастья - одна на всех. Разночтений не предполагается. Поэтому Цветаева щедро выдает своим пловцам одну страну счастья на всех, понятную всем и вся, а именно Эльдorado. Правда, это всё-таки не коммунистический рай, а страна, где просто всего так много, что всем хватит.

Литература

- Волгин В.П. Коммунистическая теория Морелли // Э. Морелли. Кодекс природы или истинный дух ее законов. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С.5-51.
- Косматова Е.Э. «Le voyage» Ш.Бодлера и «Плавание» М.Цветаевой: сравнительный анализ // Вестник СПбГУ, Сер.2, 2000, вып. 4, С.86-95
- Косматова Е.Э. Диалог эпох: “Le voyage” Бодлера и “Плавание” Цветаевой (Герменевтический анализ одного литературного феномена), 2005. [Электронный ресурс] / URL <https://culturalnet.ru/main/person/1116> (дата обращения 10.11. 2021)
- Косматова Е.Э. Формализация этики или тоска по восхитительной легкости человеческого существования // Фундаментальное и прикладное в этике и эстетике: Материалы всероссийской научной конференции 19-20 ноября 2004 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 39-40.
- Морелли Э. Кодекс природы или истинный дух ее законов/под общей ред. В.П. Волгина. М., 1955.

- Овчарова Е.Э. К вопросу об истории математического моделирования в социальных науках // История и Математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов / Отв. ред. А.В. Коротаев, С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин. М.: КомКнига, 2007, С. 75-81. (Переиздана в 2010)
- Соколова Т.В. Поэма Ш. Бодлера “Le Voyage” и ее перевод М. Цветаевой. // в сб. Литература в контексте культуры / под ред. А.Г. Березиной. СПб,1998. 252 с. – С. 204-217.
- Mazauric, C. (2012) « Étienne-Gabriel MORELLY, Code de la nature, édition critique par Stéphanie ROZA » /Annales historiques de la Révolution française [En ligne], 369 | juillet-septembre 2012, mis en ligne le 28 février 2013, consulté le 22 septembre 2020. URL : <http://journals.openedition.org/ahrf/12656>

References

- Volgin, V.P. (1955) Kommunisticheskaya teoriya Morelli // E. Morelli. Kodeks prirody ili istinnyj duh ee zakonov. x Morelli's Communist theory // E. Morelli. [The code of nature or the true spirit of its laws]. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (in Russian)
- Kosmatova, E.E. (2000) «Le voyage» Sh. Bodlera i «Plavanie» M. Cvetaevoj: sravnitel'nyj analiz ["Le voyage" by S. Baudelaire and "Swimming" by M.Tsvetaeva: comparative analysis]// Vestnik SPBGU, Ser.2, vyp. 4, pp.86-95. (in Russian)
- Kosmatova, E.E. (2005) Dialog epoch: “Le voyage” Bodlera i “Plavanie” Cvetaevoj (Germenevticheskij analiz odnogo literaturnogo fenomena). [Dialogue of Epochs: Baudelaire's Le voyage and The Voyage Tsvetaeva (Hermeneutical analysis of a literary phenomenon)]/ URL <https://culturalnet.ru/main/person/1116> (access date: 11. 2021). (in Russian)
- Kosmatova, E.E. (2004) Formalizaciya etiki ili toska po voskhitel'noj legkosti chelovecheskogo sushchestvovaniya [Formalization of ethics or longing for the delightful lightness of human existence] // Fundamental'noe i prikladnoe v etike i estetike: Materialy vsrossijskoj nauchnoj konferencii 19-20 noyabrya 2004. – SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. pp. 39-40. (in Russian)
- Morelli, E. (1955) Kodeks prirody ili istinnyj duh ee zakonov [The code of nature or the true spirit of its laws]/pod obshchej red. V.P. Volgina. M. (in Russian)
- Ovcharova, E.E. (2007) K voprosu ob istorii matematicheskogo modelirovaniya v social'nyh naukah [On the history of mathematical modeling in the social sciences] // Istoriya i Matematika: Analiz i modelirovanie social'no-istoricheskikh processov / Otv. red. A.V. Korotaev, S.YU. Malkov, L.E. Grinin. M.: KomKniga, pp. 75-81.
- Sokolova, T.V. (1998) Poema Sh. Bodlera “Le Voyage” i ee perevod M. Cvetaevoj. // в сб. Литература в контексте культуры [The poem of Sh. Baudelaire's "Le Voyage" and its translation by M. Tsvetaeva. // in the collection of Literature in the context of culture]/ pod red. A.G. Berезиной. SPb. – pp. 204-217.
- Mazauric, C. (2012) « Étienne-Gabriel MORELLY, Code de la nature, édition critique par Stéphanie ROZA » /Annales historiques de la Révolution française [En ligne], 369 | juillet-septembre 2012, mis en ligne le 28 février 2013, consulté le 22 septembre 2020. URL: <http://journals.openedition.org/ahrf/12656>

С.А. РЕЗЦОВА

Государственный социально-гуманитарный университет
Коломна, Российская Федерация

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТФИЛЬМАХ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Одной из проблем качественного перевода мультфильмов остаётся передача комического, которое не только эмоционально воздействует на зрителя, но также в определённой степени участвует в раскрытии характеров и образов персонажей. В создании комизма участвуют все уровни системы языка: орфография, пунктуация, графика, морфология, словообразование, лексика, синтаксис. В статье рассматриваются способы передачи при переводе фонетических средств выразительности, которые используются в мультфильмах для создания комического эффекта, на примере американского анимационного телевизионного сериала «Gravity Falls». На фонетическом уровне авторы часто используют особенности произношения героев, такие как заикание, неправильное произношение слов, неверная постановка ударения, а также стилистические приемы - языковую игру, в том числе спунеризм и метатезу, фонетический повтор, аллитерацию, звукоподражание. Анализ текстов оригинала мультфильма и его официального перевода показал, что комический эффект, основанный на использовании фонетических языковых средств, не всегда может быть сохранен.

Ключевые слова: мультипликационный фильм, комическое, фонетические выразительные средства языка, перевод, переводческие трансформации

S. REZTSOVA

State University of Humanities and Social Studies
Kolomna, Russian federation

PHONETIC EXPRESSIVE MEANS CREATING COMIC EFFECTS IN ENGLISH CARTOONS: HOW TO TRANSLATE INTO RUSSIA

One of the challenges for cartoon translators is to render humour which is important for creating an emotional effect on the audience as well as for understanding characters. Cartoon producers employ all language levels to achieve a comic effect: orthography, punctuation, morphology, word building, vocabulary and syntax. The paper is devoted to techniques and strategies used in translation of phonetic expressive means, which are used in cartoons to create a comic effect, using the example of an American animated television series 'Gravity Falls'. At the phonetic level cartoon producers exploit pronunciation peculiarities of the cartoon characters – stutter, mispronunciation, wrong stresses, as well as such stylistic devices as wordplay, including spoonerism and metathesis, repetition of words, alliteration, onomatopoeia. The analysis of the texts of the original cartoon and its official translation shows that the comic effect based on the use of phonetic language means cannot always be preserved.

Key words: cartoons, comic effects, phonetic expressive means, translation, translation techniques

Интерес к изучению юмора и комического имеет давнюю историю. Исследованием данного феномена занимались и продолжают заниматься ученые многих наук, таких как философия, культурология, психология, литературоведение, лингвистика. Несомненно, обязательной составляющей комизма и юмора является смех. Однако, сама природа смеха достаточно сложна: не все, что вызывает улыбку или радость, является смешным. Человек может смеяться от щекотки, смеется младенец, полностью не осознающий мир. Смех возникает при радостном, восторженном настроении, под действием горячащих напитков. Но в таких случаях элемент смешного отсутствует. Комическое и юмор же — это социально значимый смех, обличающих недостатки и пороки, отрицающий какие-либо явления и утверждающий другие. Юмор — особый вид комического, переживание противоречивости явлений, соединяющее серьезное и смешное и характеризующееся преобладанием позитивного момента в смешном. Комическое подразделяется на несколько обширных составляющих – форм – которые обладают своими особенностями и характерными чертами: юмор, ирония, сатира и сарказм. Юмор, ирония, сатира и сарказм в тексте проявляются посредством различных приёмов (противоречия, алогизмы, каламбуры, языковые игры и др.); при этом каждая из этих составляющих комизма может иметь некоторую группу наиболее часто встречающихся в её пределах приёмов, хотя строго ими не ограничена [1].

Мультипликационные фильмы, как и кинофильмы, характеризуются наличием визуального ряда и музыкального сопровождения, которые играют важную роль в его восприятии и в создании комического эффекта. Однако комическое реализуется и через совокупность языковых средств, которые используются для передачи задуманного автором эффекта. В создании комизма участвуют все уровни системы языка: орфография, пунктуация, графика, морфология, словообразование, лексика, синтаксис, фонетические средства выразительности [2]. Последние вызывают наибольшую трудность при переводе. В американском анимационном телевизионном сериале «Gravity Falls», который был создан Алексом Хиршем и компанией Disney, для создания комического эффекта используются особенности произношения героев, которые могут выполнять юмористическую функцию (например, заикание, неправильное произношение слов, неверная постановка ударения и т.д.). Один из героев мультфильма – старик Макгакет, местный бездомный сумасшедший, для речи которого характерен акцент и употребление множества выдуманых слов: No, sir, I got to work straight on the robot! I made lots of robots in my day! // Save your sympathy! I've been having a great time withoutcha! Makin' friends, talkin' to my reflection – I had a run-in with the lake police. // Honey fogelin', saltlickin' skullduggery. // You'll never believe me! Now I was doin' my hourly hootnanny- Deedly doo ding dang!

Если особенности высоты и тембра голоса персонажей можно передать соответствующим озвучиванием, то акцент адаптировать гораздо сложнее. Поэтому в русской версии особенности речи Макгакета выражаются преимущественно его уникальными окказионализмами. Например, фраза «honey fogelin', saltlickin' skullduggery» переведена так: «Ёлки-иголки, рыбы головешки, коровьи олады!».

В «Gravity Falls» авторы используют аллитерацию, чтобы подчеркнуть комичность названий и заголовков:

Dipper: Is it just me or does Gravity Falls TV only have the worst movies?

TV voice: You're watching the Gravity Falls Bargain Movie Showcase. Coming up next, The Widdlest Wampire, The Planet People of Planet Planet!, Help! My Mummy's a Werewolf!, Attack of the Exclamation Points!!!!!!!, The Man with no Taste, Ghost Turtle, Help! My Mummy's a Werewolf! 2: This Again!

Стоит отметить, что по сравнению с английским в русском языке аллитерация используется реже. Комический эффект в некоторых случаях возможно передать при помощи других средств, более свойственных для РЯ, либо нейтрализовать и компенсировать его в другом участке текста. В официальном переводе вышеприведённые

названия фильмов переданы как «Самый аленький вампир» и «Инопланетяне с планеты Планета». Однако, как нам кажется, зритель может не понять, почему вампира называют «аленьким», поэтому вариант альтернативного фанатского перевода, выполненного видеоблоггером Сьендуком нам показался более уместным: «Ох уж этот вампирёныш», «Планетарные люди с планеты Планет». В первом названии образность усиливается при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса -ёныш, второе название, как и оригинальное, сохраняет фонетический повтор, который усиливает комизм. Таким образом комический эффект сохраняется в более полном объёме.

Комические ситуации могут возникать при помощи паронимов – слов, имеющих сходное звучание, но разное значение:

Stan: Yeah! Let's go... save Woggles!

Mabel: Waddles.

Stan: Him too.

В примере обыгрывается схожесть звучания слов woggle и waddle и неправильное произношение клички. Русский вариант перевода:

Стэн: Да! Мы пойдём и найдём Пыхлю!

Мэйбл: Пухлю.

Стэн: И его тоже

Немаловажное значение в формировании комического эффекта играет и фонетический повтор:

Soos: Okay, okay, so it turns out that the second Stan, the Stan that we know, was actually Stanley but the first Stan was Stanford, but we didn't know until that Stanford came out of the portal, which was built by Stanford, but then Stanley pretended to be Stanford, he did the portal, cause he's Stan, but he's not Stan.

Wendy: Soos, it's three in the morning.

Soos: Okay, okay, I understand. Anyway, act two: Stan started...

На РЯ фонетический повтор удалось сохранить без потери смысла и комизма:

Зус: Ну вот, короче. И оказалось, что второй Стэн – тот Стэн, которого мы знали – на самом деле был Стэнли, а первый Стэн был Стэнфордом, но мы его не знали, пока этот Стэнфорд не вышел из портала, который этот Стэнфорд и построил когда-то, но этот Стэнли, который выдавал себя за Стэнфорда, починил портал, потому что он и есть Стэн, но он не Стэн.

Венди: Зус, слышь, сейчас три часа ночи...

Зус: Ладно, ладно, я понял, я быстро. Часть вторая: Стэн начал рассказывать историю о том...

Для создания юмористической ситуации в мультфильме используется рифма, например:

Blubs: What up, fools. It's Blubs and Durls.

Durland: Making all that money and gettin' them girls!

В официальном дубляже рифма и эффект сохранены:

Блабс: Что за расклад, это Блаббс и Дурлэнд

Дурланд: Зашибаем деньжонки, идём с нами, девчонки!

Еще одним фонетическим средством выразительности, которое может создавать комический эффект, является онomatopoeia:

Soos: I'm a pig! Oink oink, right?

Зус: Я свинья! Хрю хрю, верно?

Согласно сюжету Зус меняется телами с поросёнком и пытается подражать поведению свиней – «хрюкая» и валяясь в грязи – сохраняя при этом человеческий разум. На РЯ звукоподражание передаётся соответствующим эквивалентом, образность не нарушена.

В сериале мы можем найти примеры спунеризма:

Powers: Stanford Pines, you stand accused of theft of government waste, conspiracy, and possession of illegal weapons. How do you plead to these charges?

Stan: Uh, guilti-cent! I mean, inno-guilty! Um, can I have my phone call?

Спунеризм основан на противопоставлении единиц guilty-innocent (виновный-невиновный). В РЯ прямая передача спунеризма на основе эквивалентных единиц виновный-невиновный невозможна. Официальный перевод предлагает следующий вариант: Ээ, непригоден! То есть, привиновен! Такой вариант позволяет создать спунеризм, однако частично меняет образность единиц (образ пригодности к чему-л. в оригинале отсутствует). В варианте перевода Сьендука образ сохранён при помощи несколько других стилистических средств: Ээ, виненовен! То есть, невинонен!

К фонетическим средствам выражения комизма также относится такое метатеза. Если спунеризм представляет собой перестановку звуков между несколькими словами, то метатеза – это взаимная перестановка звуков или слогов в пределах слова:

Mabel: Nah! YOU'RE over Wendy?! Allow me to put on my "skepticals."

В данном примере игра слов основанна на сходстве единиц spectacles-skeptical. Приведём вариант официального перевода: Ха-ха, Венди для него в прошлом. Позволь-ка мне надеть мои скептические очки. Как мы видим, стилистический приём был опущен, а образ передан прилагательным, что нейтрализует комичность.

К фонетическим средствам комизма можно отнести и фонетические омонимы, или омофоны:

Unnamed scout lady: Oh, I'm sorry. I was looking for the mailman.

Dipper: Oh what? Are you saying I'm not a "male man?" Is that what you're trying to say? I'm not male? I'm not a man? Is that-is that what you're getting at?

О, извини, малыш, а где магазин женской одежды?

По-вашему я должен это знать? Почему вы решили? Потому что я не мужик? Потому что недостаточно силён? На это намекаете?

В официальном переводе была заменена ключевая для шутки образность mailman – male man на противопоставление образов женственности-мужественности: «магазин женской одежды» – «мужик». Поэтому комический эффект в данной ситуации с учётом контекста и предыдущих сюжетных комических ситуаций удаётся сохранить.

Необходимо отметить, что перевод игры слов, построенной на фонетическом сходстве – довольно трудная задача, ведь комизм основан на звучании слов именно языка оригинала, поэтому сохранить образность и юмор удаётся не всегда. В таких случаях помогает замена образности; если же заменить образ не представляется возможным, то шутка опускается, а комический эффект частично или полностью нейтрализуется.

Литература

Ильичев Л.Ф. Философский энциклопедический словарь / ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: СБ, 1983. – 840 с.

Резцова С.А. Средства создания комического эффекта в англоязычных мультфильмах: проблемы перевода. – Казанская наука, № 7. – 2020 г. – Казань : Издательство Рашин Сайнс, 2020. – СС. 57-59

References

Il'ichev, L.F. (1983) Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary] / red. L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. – M.: SB. (in Russian)

Rezcova, S.A. (2020) Sredstva sozdaniya komicheskogo efekta v angloyazychnyh mul'tfil'mah: problemy perevoda. [Means of creating a comic effect in English-language cartoons: translation problems]. - Kazanskaya nauka, № 7. – 2020 g. – Kazan' : Izdatel'stvo Rashin Sajns. – pp. 57-59. (in Russian)

Т.С. РОСЯНОВА

Русская Христианская Гуманитарная академия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ЭСТЕТИЗМ В МАРКЕТИНГОВЫХ НОМЕНАХ КОСМЕТИКИ

В статье рассматриваются номенклатурные наименования, которым с последнее время уделяется недостаточное внимание в отечественном терминоведении. Анализируются возможные причины подобной ситуации. В статье подчеркивается лингвистический аспект брендинга в маркетинге и особенности эстетизма англоязычных колоративных номенов для ассортимента декоративной косметики. Показывается, что среди четырех измерений брендинга, постулируемых теоретиками маркетинга, на примере номенов действительно отчетливо прослеживаются ментальная и духовная составляющие.

Ключевые слова: термин, номен, терминология, номенклатура, терминосистемы.

T. ROSYANOVA

Russian Christian Humanitarian Academy,
Saint Petersburg, Russian Federation

AESTHETICISM IN THE MARKETING NOMENCLATURE OF COSMETICS

The article considers the nomenclature names, which have recently received insufficient attention among Russian terminology scientists. The possible reasons for this situation are analyzed. The article emphasizes the linguistic aspect of branding in marketing and the peculiarities of the aestheticism of English-language colorative nomens for the range of decorative cosmetics. It is shown that among the four dimensions of branding postulated by marketing theorists, the mental and spiritual components are clearly traced on the example of nomenclature.

Key words: term, nomen, terminology, nomenclature, term systems.

Современный этап развития терминоведения характеризуется значительным повышением интереса к дискуссионным вопросам терминологии, получившим ранее недостаточное освещение. Так, в частности, за пределами крупных исследовательских работ по-прежнему остаются номены, обладающие как сходными, так и отличными от терминов свойствами.

Целью настоящей работы является характеристика номенклатурных наименований маркетинга с терминоведческих позиций и демонстрация уникальности и своеобразия подходов англоязычных маркетологов к номенации массовой продукции декоративной косметики.

Поскольку изучению номенов, функционирующих в различных областях науки и техники, традиционно уделяется меньше внимание, чем терминам, рассмотрим предварительно возможные причины данного состояния дел.

Во-первых, номены выпадают из поля зрения терминографии и редко включаются в толковые терминологические словари. Это означает, что научное терминоведческое изучение номенов следует проводить не в сфере фиксации (словарях), а в сфере функционирования (текстах). В подобных исследованиях сложно ограничить выборку номенклатурных единиц, которая проводится в значительной степени на интуитивных

началах авторов и требует от них эрудиции, знакомства с обширным текстовым материалом в изучаемой области и понимания ее основ.

Во-вторых, номенклатурные классификации в технике соотносимы с физическими объектами, требующими учитывать их технические спецификации, характеристики, конструкционные особенности. Для лингвистов подобные технические подробности зачастую оказываются неподъемными и требующими значительных умственных затрат, которые не всегда оправдываются в дальнейшем.

В-третьих, номенклатура, по сравнению с терминологией, значительно более новая категория. Так, например, номенклатура описательной ботаники была систематизирована К. Линнеем к 1751 г. на основе биномиального метода построения. Для фауны применение единых принципов систематического описания началось в 1758 г., а объекты исследования химии были систематизированы ко второй половине XIX в.

Таким образом, лингвистическая история систематизированных номенов насчитывает около трех сотен лет, что не идет ни в какое сравнение с этимологией терминов, которую в отдельных науках можно отследить на тысячелетия.

В-четвертых, часть номенклатурных наименований использует латинский язык (фармацевтика, например), что также выводит ее за рамки интересов массовых современных исследований.

Тем не менее, современными учеными отмечается потребность внесения номенклатуры в терминологические базы данных, поскольку их приходится переводить и локализовать для зарубежных рынков (матрас Dreamland Soft, подушка Delux Beauty Relax, лампа Ecomoods Fabia) [Кудашев, 2010, с. 207]. Таким образом, продукты электронной лексикографии и терминографии создают возможность для систематизации и каталогизации номенклатуры товаров. Кроме того, электронная коммерция получает значительное развитие, предоставляя для изучения разнообразный номенклатурный материал.

Обращая внимание на лингвистические свойства номенов, отметим, что, по мнению С.В. Гринева-Гриневича, номен является не выражением, а названием, ярлычком какого-то конкретного предмета, его содержательная сторона игнорируется, и в этом проявляется его абстрактность. Таким образом, разница между термином и номеном – это разница между отражением понятия и этикетированием отдельного конкретного предмета [Гринева-Гриневич, 2008, с. 38].

Важно обратить внимание и еще на одну особенность номенов по сравнению с терминами. Для терминов науки и техники характерно наличие дефиниций, которые чаще всего содержат указания на ближайший род и отличительные видовые признаки. Номенам науки или искусства дефиниции, как правило, не нужны [Гринева-Гриневич, 2008, с. 41].

Технический термин устанавливает связь с объектами реального мира через понятие и окружен системой технических номенов, обычно обозначающих типы и классы машин и механизмов. В силу условности и привязанности к термину, технический номен имеет ослабленную связь с понятием [Суперанская, Подольская, 2003, с. 35]. Более того, номенклатурные единицы могут иметь специфическую форму, например, включать цифры и другие знаки, создавать особые способы словообразования, нетипичные для естественных языков [Лейчик, 2006, с. 78].

Принимая во внимание основные особенности номенов в сфере науки и техники, перейдем непосредственно к обсуждению лингвистических характеристик номенклатуры в области маркетинга (брендов). В отдельных случаях маркетинговый бренд совпадает с номеном, но в основном конкретный бренд становится гиперонимом по отношению к низлежащему семантическому уровню номенов-согипонимов, которые являются частными товарными наименованиями.

Маркетологи признают значительное влияние брендов на поведение покупателей, работают над созданием образа продуктов и поддерживают их на протяжении всего производственного цикла. Теоретики маркетинга подчеркивают следующие особенности в

отношении брендинга и брендов: «Branding is the process of creating that identity. A brand is a name, term, sign, symbol, design, or some combination that identifies the products of one firm while differentiating these products from competitors' offerings» [Kurtz, 2008, с. 378].

В соответствии с маркетинговой концепцией 4D (от англ. dimension – измерение), бренд имеет четыре измерения – функциональное, ментальное, социальное и духовное [Розова, 2005, с. 125]. Исходя из данного постулата, правомерно сделать вывод о ментализме и когнитивной составляющей бренда в современном понимании. Таким образом, помимо прагматических целей и задач современные маркетологи пытаются привнести в свою область деятельности оттенки и коннотации, вызывающие к более возвышенным чувствам и эмоциям населения, а не просто манипулировать их страхами, комплексами и мечтаниями.

Особенность номенклатуры с терминоведческих позиций заключается в том, что ее классы формируются на основе более или менее протяженного списка необходимых признаков, которые не являются достаточными для четкого выделения класса, особенно если учитывать диахронический аспект. Отечественные терминоведы отмечают, что номены являются обозначением примитивных классов и для номенов невозможно составить классическое родовидовое определение [Кудашев, 2010, с. 207].

Брендинговая политика в отдельных случаях использует название самой компании (например, шоколадки Cadbury, автомобили Ford, сухие завтраки Kelloggs) или каждый продукт обладает самостоятельным наименованием.

В эпоху Интернета, когда создаются обширные каталоги продукции для компаний, предлагающих товары исключительно через Интернет-платформы, востребована точность номенклатурных наименований, включая, например, цветовую гамму. Декоративная косметика именуется богатую палитру оттенков цвета, которая не остается неизменной, а изменяется вместе с модой, диктуя определенные каноны и стандарты качества. Сезонность моды, ее переменчивость приучает маркетологов номинировать тонкие колоративные оттенки быстро, ярко и броско.

Так, например, маркетологи придумывают названия оттенков помады («shades that are rich, warm, and ultra-flattering»), не довольствуясь банальными однословными оттенками (red, pink, rose, plum, peach, cherry, strawberry, dark brown) или относительно прозаическими двухкомпонентными описаниями (Deep Rose-Beige, Perfect Red, Toned Red), потому что подобными наименованиями искушенных современников не поразить и не привлечь. Одним из способов выделить продукцию из общей массы является эстетизация номенклатурных наименований.

В сайтах, рекламирующих ассортимент декоративной косметики, в качестве номенклатуры появляются:

Розовые тона: pink sand, pink wink, pink flare, pink score, pink thrill;

Сливовые оттенки: plum rule, plum paradise, plum perfect;

Ягодные фантазии: berry go, blissful berry, currant news;

Размышления на тему о красном: red revolution, red revival, empire red;

Экзотические ассоциации: african nights, desert rose;

Метафорические истории: crimson race, wine rush, hot chase, sunset spark, truffle tease; а также призывы к действию: keep it red [amazon.com].

Подобные маркетинговые изыски в цветовой палитре пробивают рутину повседневности, стандартизацию урбанистической среды, суету деловой жизни. Взывая к эмоциональной сфере современниц, к их эстетическому чувству, номены косметики актуализируют грезы ассоциаций и развивают воображение. Колоративные номены косметики выполняют функцию повседневного антистресса и антидепрессанта.

Справедливости ради необходимо отметить, что колоративные номены встречаются не только в словообразовании номенклатуры косметики, но и в описаниях одежды и обуви, предлагая неординарные с точки зрения эстетики номинативные творческие решения.

Например:

For those weird-weather days where it's somehow both hot and cold at the same time, opt for this lightweight ribbed knit. It comes in 21 other prints and colorways and features a sleek fitted design [amazon.com].

То есть при составлении каталога существует необходимость 21 цветового наименования для модели одного фасона. Абрикосовый, арбузный, горчичный, карамельный (apricot, watermelon, mustard, caramel) соседствуют в каталоге с пыльноголубым и полынным (dustyblue, sage) [amazon.com].

Колоративные номены разнообразят гамму эмоций и чувств современного человека, предлагая ему погрузиться в ряды ассоциаций и улыбнуться лишний раз.

Например:

The runways were flooded with rainbow-bright boots. Consider trading in your classic brown stompers for a bright idea, in the form of eye-catching hues.

These sky-blue boots are perfect for someone trying to add a touch of color to their fall wardrobe.

Stop traffic with red boots from by far [elle.com].

Таким образом, колоративные номенклатурные номены, функционирующие в индустрии косметики и моды, представляют собой продукт фантазии маркетологов, сочетая в себе ментальное и духовное измерения. В отличие от технических номенов, нумерации и индексации моделей бытовой техники, они гибко отражают переменчивость образов современной женщины, ее капризы и притязания.

Литература

Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М., 2008. – 304 с.

Кудашев И.С. Об объекте терминологического описания в терминологическом банке данных // Терминология и знание. Материалы II Международного симпозиума. – М., 2010. С. 203-213.

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – М., 2006. – 256 с.:

Розова Н.К. Маркетинг. – СПб, 2005. – 224 с.

Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории.- М., 2003. – 248 с.

Kurtz, D. (2008) Contemporary Marketing. 13 ed, South-Western College Pub.

References

Grinev-Grinevich, S.V. (2008) Terminovedenie. [Terminology] M. (in Russian)

Kudashev, I.S. (2010) Ob ob"ekte terminologicheskogo opisaniya v terminologicheskom banke dannyh [About the object of the terminological description in the terminological data bank]// Terminologiya i znanie. Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma. – M. pp. 203-213. (in Russian)

Lejchik, V.M. (2006) Terminovedenie: Predmet, metody, struktura. [Terminology: Subject, methods, structure] – M. (in Russian)

Rozova, N.K. (2005) Marketing. [Marketing] – SPb. (in Russian)

Superanskaya, A.V. et al7 (2003) Obschaya terminologiya. Voprosy teorii. [General terminology. Questions of theory] – M. (in Russian)

Kurtz, D. (2008) Contemporary Marketing. 13 ed, South-Western College Pub.

К. В. СВЕТЛОВ, Н. И. ЛЕГОСТАЕВА

Санкт Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНТЕНТА ОНЛАЙН СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ

Активное развитие и внедрение цифровых технологий породило массовые дискуссии как в узкопрофессиональных кругах, так и в повседневной жизни. Обсуждение процессов цифровой трансформации проходит в телевизионном формате и на онлайн платформах (YouTube, Facebook, Instagram и др.). Цель данного исследования заключалась в анализе тематических направлений онлайн сообществ в социальной сети ВКонтакте, участники которых обсуждают тему цифровизации в Российской Федерации. В результате использования методов тематического моделирования были сформированы тематические направления кластеров онлайн сообществ, участники которых обсуждают процессы цифровизации. Впервые был проведен углубленный анализ одного из доминирующих тематических направлений с использованием модели doc2vec, который позволил выявить основную тематику онлайн сообществ, выступающих против цифровизации, а также описать функции онлайн коммуникации в данных сообществах.

Ключевые слова: цифровизация, онлайн сообщества, тематическое моделирование, цифровая экономика, противники цифровизации.

K. SVETLOV, N. LEGOSTAEVA
St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

DIGITALIZATION: THEMATIC MODELING OF THE CONTENT OF ONLINE COMMUNITIES IN THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE

The active development and implementation of digital technologies has given rise to massive discussions both in narrow professional circles and in everyday life. Digital transformation processes are discussed on television and online platforms (YouTube, Facebook, Instagram, etc.). The purpose of this study was to analyze the thematic areas of online communities in the social network VKontakte, whose participants discuss the topic of digitalization in the Russian Federation. As a result of the use of thematic modeling methods, thematic areas of online community clusters were formed, the participants of which discuss digitalization processes. For the first time, an in-depth analysis of one of the dominant thematic areas was conducted using the doc2vec model, which allowed us to identify the main themes of online communities that oppose digitalization, as well as to describe the functions of online communication in these communities.

Key words: digitalization, online communities, thematic modeling, digital economy, opponents of digitalization.

Введение

Современным подходом для автоматизированного решения задачи определения тематик, встречающихся в корпусе текстов, является применение методов вероятностного тематического моделирования (topic modelling). Суть данного подхода состоит в том, что отдельный текст представляется в виде дискретного распределения вероятностей возможных тем, а темы, в свою очередь, описываются в виде дискретного распределения вероятностей токенов. Под токенами могут пониматься как отдельные слова, так и словосочетания (n-граммы). Таким образом тематическая модель корпуса текстов определяет, к каким темам относится каждый документ, и какие слова формируют каждую тему. Отчасти похожую задачу решают модели векторных представлений слов (word embedding) [Le Q., Mikolov T., 2014] и документов (document embedding).

Тематические модели используются в процессе выявления трендов в новостных потоках, патентных базах, архивах публикаций [Vulić I., De Smet W., Tang J., Moens M.F., 2015; De Smet W., Moens M.F., 2009; Daud A. et al., 2010; Boyd-Graber J.L. et al., 2017], поиск тематических сообществ в социальных сетях, публикациях. Социологи при анализе общественного мнения и исследовании СМИ в качестве подобного метода активно используют алгоритм латентного распределения Дирихле (LDA) [Radim R., Sojka P., 2010] и алгоритм вероятностного латентно-семантического анализа (PLSA) [Hofmann T., 2013]. Развитием данных алгоритмов является подход Additive Regularization of Topic Models [Vorontsov K., Potapenko A., 2015], с помощью которого мы анализируем тематический ландшафт в отечественной социальной сети ВКонтакте.

Методология исследования

Исследование проводилось в период с 15 по 24 июля 2021 г. Для получения списка онлайн-сообществ, участники которых обсуждают процесс цифровизации (GROUP_LIST1), был использован API социальной сети ВКонтакте, позволяющий по заданным поисковым запросам получить релевантный набор групп, а также информацию о них (краткое описание и количество участников данной группы). Набор QUERY1 состоял из следующих поисковых запросов: «цифровизация», «цифровая трансформация», «цифровое развитие», «цифровой бизнес», «цифровая экономика», «кадры цифровой экономики», «риски цифровизации», «проблемы цифровизации», «опасность цифровизации» и др. Полученный перечень групп (GROUP_LIST1) включал 8769 сообществ. Из данного списка были исключены сообщества, представляющие различные компании, занимающиеся ремонтом цифровой техники, предоставляющие услуги цифровой печати и т.д., а также сообщества, информация в которых носит закрытый характер и доступна только их участникам. Отфильтрованный список (GROUP_LIST2) включал 2194 групп. Для каждого сообщества из перечня GROUP_LIST2 с помощью VK API были получены 100 (или менее, если их общее число мене 100) сообщений. Полученная база сообщений (DB1) включала 139642 сообщений. Сообщения из базы DB1 были подвергнуты обработке, включающей нормализацию слов при помощи библиотеки rumporphy2 [Korobov M., 2015], в результате которой была получена база DB2.

Выявление тематической направленности онлайн сообществ основывается на применении распределенных представлений слов - word embeddings. В данных моделях каждому слову соответствует элемент евклидова пространства \mathbb{R}^d для некоторого натурального d (как правило, параметр d выбирается равным нескольким сотням). В настоящее время имеется большое число моделей, позволяющих получать указанное представление для отдельных слов: word2vec [Mikolov T., Chen K., Corrado G., Dean J., 2013], FastText [Bojanowski P., Grave E., Joulin A., Mikolov T., 2017], GloVe [Pennington J., Socher R., Manning C.D., 2014]. Данные модели основываются на предположении, которое в лингвистике носит название дистрибутивной гипотезы (distributional hypothesis) [Rubenstein H., Goodenough J.B., 1965], состоящей в том, что слова с похожим смыслом встречаются в схожих контекстах.

Логическим развитием модели *wor2vec* является модель *doc2vec*, позволяющая получать эмбединги не только для отдельных слов, но и для целых документов.

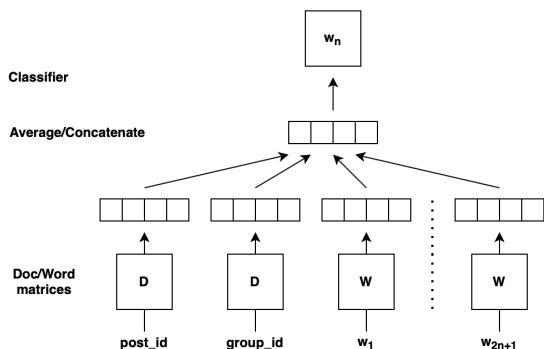

Рис 1. Архитектура модели *doc2vec*

В модели *doc2vec* (Рис. 1) документ представляет аналог еще одного слова, позволяющего улучшить предсказание по заданному локальному контексту за счет попытки учета тематики всего документа. Мы будем использовать версию модели *doc2vec*, реализованную в библиотеке Gensim [Radim R., Sojka P., 2010]. Указанная реализация позволяет добавить в документ дополнительные тэги, отражающие различные его аспекты, за счет использования класса `TaggedDocument`. При этом, кроме эмбедингов слов и документов, такая реализация модели позволяет получать эмбединги и для указанных тэгов. Соответственно, вектор контекста формируется путем усреднения эмбедингов как слов, находящихся в окне вокруг заданного слова, так и эмбедингов поста (`post_id`) и группы из социальной сети (`group_id`), в которой данное сообщение было размещено. Таким образом, мы органично получаем векторные представления рассматриваемых групп из социальной сети, без необходимости усреднять эмбединги размещенных ими постов.

Следующим шагом в анализе стало построение неориентированного графа № 1 онлайн сообществ (полученных на отфильтрованном массиве `GROUP_LIST2`) при помощи библиотеки `networkx` [A. Hagberg, P. Swart, S. Chult D., 2008]. Вершинами в нем являются отдельные сообщества, а ребра соединяют те пары сообществ, в которых значение косинусной метрики больше определённого порогового значения (в данном случае пороговое значение выбрано как 0.62). Граф № 1 был экспортирован в формат `gexf` и проанализирован в приложении Gephi. При помощи алгоритма максимизации модулярности разбиения графа № 1, реализованного в приложении Gephi (параметр `Resolution` выбран равным 1.0) [Bastian M., Neumann S., Jacomy M., 2009], онлайн сообщества были разделены на 368 кластеров (Рис. 2). В последующем анализе тематических направлений онлайн сообществ будут рассмотрены кластеры, содержащие строго более 10 онлайн сообществ.

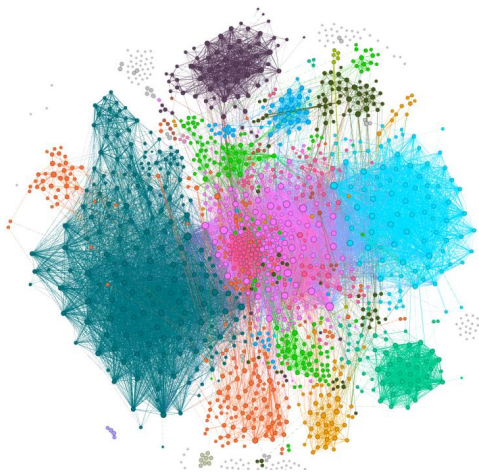

Рис. 2. Граф № 1 онлайн сообществ социальной сети ВКонтакте, посвященных цифровизации.

Далее с помощью методов вероятностного тематического моделирования были сформированы темы рассматриваемого корпуса текстов. Для построения тематической модели все сообщения прошли дополнительную обработку: 1) из сообщений были удалены слова, наиболее часто встречающиеся в корпусе, 2) из сообщений были удалены слова, присутствующие менее чем в 30 документах. Таким образом, были отфильтрованы слова, не влияющие на смысл сообщения, например, союзы, а также слова с ошибками и опечатками.

При помощи библиотеки BigARTM, реализующей современный подход Additive Regularization of Topic Models [Vorontsov K., Potapenko A., 2015], мы построили тематическую модель для рассматриваемого корпуса текстов. Задача тематического моделирования [Janina A., Golitsyn L., Vorontsov K., 2017] состоит в том, чтобы по заданной матрице P восстановить матрицы Φ и Θ . Решение этой задачи осуществляется как решение оптимизационной задачи по максимизации логарифма функции правдоподобия плюс различные регуляризаторы $R_r(\Phi, \Theta)$ (регуляризатор разреживания, регуляризатор декоррелирования тем и т.д.). Указанный подход без применения регуляризаторов $R_r(\Phi, \Theta)$ в литературе именуется как латентный семантический анализ [Hofmann T., 2013] (PLSA — probabilistic latent semantic analysis).

Тема, имеющая в сообщении наибольшую долю, была выбрана в качестве доминирующей. На базе доминирующих тем сообщений, размещаемых в онлайн сообществах кластера, был составлен список популярных тем каждого кластера и сформулирована основная тематика кластера.

Результаты

В результате применения данной методики был сформирован топ-10 кластеров онлайн сообществ, с общим числом групп в кластере >10 , участники которых обсуждают вопросы цифровизации (Таб. 1).

Таблица 1. Тематика кластеров онлайн сообществ графа № 1

№ кластера	Тематика кластера	Число групп	Число участников
1	Цифровая экономика	387	348 824
2	Цифровизация школьного образования	290	116 977
3	Криптовалюта	266	1 829 363
4	IT компании	171	710 186
5	Университетские бизнес-инкубаторы	143	262 557
6	Государственные проекты и структуры, связанные с цифровизацией	135	163 342
7	Бизнес-инкубаторы малого предпринимательства	119	83 942
8	Цифровизация высшего образования	108	141 202
9	Тренинги по цифровизации бизнеса	80	341 216
10	Противники цифровизации	42	27 537

Кластер 1 «Цифровая экономика». В кластере обсуждается цифровизация малого и среднего предпринимательства, стартапы для IT-предпринимателей, цифровой маркетинг, обучение финансовой грамотности.

Кластер 2 «Цифровизация школьного образования». В кластере обсуждается обучение детей и подростков программированию и созданию цифровых проектов.

Кластер 3 «Криптовалюта». Участники групп кластера обсуждают крипто-активы, обменники для покупки и продажи криптовалют, крипто-ломбарды.

Кластер 4 «IT компании». Темы кластера: моделирование сложных технических систем, машинное обучение, анализ больших данных, искусственный интеллект.

Кластер 5 «Университетские бизнес-инкубаторы». Участники кластера обсуждают развитие инновационного предпринимательства, обучение менеджеров инноваций.

Кластер 6 «Государственные проекты и структуры, связанные с цифровизацией». В кластере обсуждают развитие программ международного взаимодействия в сфере информационных технологий, экспорт российских инновационных продуктов.

Кластер 7 «Бизнес-инкубаторы малого бизнеса». Участники групп, входящих в кластер, обсуждают льготную аренду, бесплатные консультативные услуги, тренинги, семинары для действующих и будущих предпринимателей.

Кластер 8 «Цифровизация высшего образования». Темы кластера: развитие цифровизации и внедрение цифровых новаций в жизнь вузов, открытие программ магистратуры и аспирантуры по управлению инновациями и цифровыми трансформациями.

Кластер 9 «Тренинги по цифровизации бизнеса». Участники групп кластера обсуждают образовательные программы для развития бизнеса, поиска инвесторов.

Кластер 10 «Противники цифровизации». Участники групп кластера выступают против электронных паспортов, цифрового правительства, внедрения информационных технологий в образование.

В результате тематической фильтрации графа № 1 был сформирован граф № 2 «Противники цифровизации», состоящий из 27 групп с общим числом пользователей 14 135 (Рис. 3).

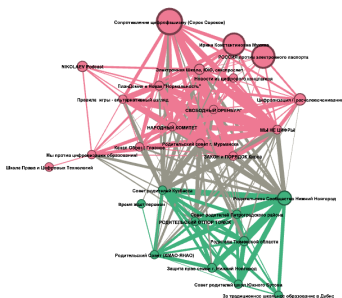

Рис 3. Граф № 2 онлайн сообществ в социальной сети ВКонтакте, участники которых выступают против цифровизации.

В данном графе были выделены 2 крупных кластера: 1) онлайн-сообщества, выступающие против цифровизации общества (розовый кластер, 17 групп); 2) онлайн-сообщества, связанные с родительскими сообществами, выступающими против цифровизации в сфере образования (зеленый кластер, 10 групп). Кластер № 1 графа № 2 состоит из следующих групп: «Сопrotивление цифрофашизму (Сорок Сороков)», «РОССИЯ против электронного паспорта», «Цифровизация/расчеловечивание», «ПланДемия и Новая "Нормальность"», «МЫ НЕ ЦИФРЫ!» и др. Кластер № 2 графа № 2 состоит из следующих групп: «Родительское Сообщество Нижний Новгород», «Родители Тюменской области», «Родительский совет г. Мурманска», «РОДИТЕЛЬСКИЙ ОТПОР ТОМСК», «За традиционное школьное образование в Дубне» и др.

При анализе контента публикаций, размещаемых на стенах групп было выделено 3 основных направления протеста: 1) протест против цифровизации общества; 2) протест против цифровизации образования; 3) протест против вакцинации от COVID-19, которая связана с чипизацией. Несмотря на то, что группы кластера № 1 графа № 2 выступают против цифровизации во всех сферах общественных отношений, а группы кластера № 2 графа № 2 нацелены против цифровизации образования, данные кластеры объединяет направление протеста против вакцинации от COVID-19. Вторым связующим звеном между этими кластерами выступают функции онлайн-коммуникации, идентифицируемые через контент публикаций:

функция информирования: «ОПАСНОСТЬ 5G - 10 ФАКТОВ О СОТОВОЙ СВЯЗИ ПЯТОГО ПОКОЛЕНИЯ» (23.07.2021, «Цифровизация/расчеловечивание»), «Цифровые технологии оказывают необратимое воздействие на мозг детей и подростков, не мыслящих жизнь без гаджетов» (27.08.2021, «Родительское Сообщество Нижний Новгород»);

мобилизация аудитории на активные действия в офлайн и онлайн-форматах: «Призываем руководителей наклеивать желтые круглые знаки солидарности при входе в ваши учреждения! ДА!!! – АНТИКОВИДНОЙ РЕКЛАМЕ!» (17.07.2021, «Сопrotивление цифрофашизму (Сорок Сороков)»), «Инструкции и шаблоны обращений ПРОТИВ принудительной вакцинации и сегрегации общества Для большего охвата и эффективности вы можете разместить данный текст на своих страницах от своего лица!» (16.08.2021, «МЫ НЕ ЦИФРЫ!»), «Все Бланки отказов от укола по ссылке!! <https://osvr.site/kak-otkazatsya-ot-vaktsinatsii/>» (29.06.2021, «Родительский совет г. Мурманска»).

Выводы и обсуждения

В результате использования методов вероятностного тематического моделирования были сформированы тематические направления онлайн сообществ в социальной сети

ВКонтакте, участники которых обсуждают тему цифровизации. Данные тематические направления представлены в виде списка доминирующих тем кластеров онлайн сообществ.

По результатам анализа одной из доминирующих тем кластера, посвященной противникам цифровизации, были выявлены два крупных кластера онлайн-сообществ, участники которых выступают против внедрения современных цифровых технологий как в широком понимании данного процесса (цифровизация экономики, общества), так и в узком (цифровизация образования). При едином объекте протеста (цифровая трансформация) и разных предметах (общество vs образование), эти кластеры объединяет борьба с вакцинацией от COVID-19 и функции их онлайн сообществ (мобилизации к действиям в офлайн и онлайн-форматах, информирование аудитории о событиях, относящихся к теме онлайн-сообщества).

Авторы данной работы признают, что она имеет ряд весомых ограничений, наличие которых позволяет нам говорить только о пилотажном характере исследования. К таким ограничениям относятся следующие: 1) отсутствие лингвистической экспертизы на этапе формирования поисковых запросов (списка ключей), 2) ограниченный период скачивания массива данных, 3) минимальные пороговые значения для списка GROUP_LIST2 - последние по времени публикации 100 сообщений для каждого сообщества, 4) минимальные пороговые значения для числа групп в кластере - > 10.

Полученные результаты исследования могут быть полезными как для лингвистов в процессе формирования и анализа определенных тематических направлений на основе анализа больших корпусов текстов, так и для социологов в процессе изучения новых структур и процессов, возникающих и протекающих в онлайн среде.

Литература

- Bastian, M. et al.(2009) Gephi: an open source software for exploring and manipulating networks. In Third international AAAI conference on weblogs and social media, March.
- Bojanowski, P. et al. (2017) Enriching word vectors with subword information. Transactions of the Association for Computational Linguistics. pp. 135-146.
- Boyd-Graber, J.L. et al. (2017) Applications of topic models. Now Publishers Incorporated.
- Daud, A. et al. Knowledge discovery through directed probabilistic topic models: a survey. Frontiers of computer science in China. 2010. 4(2). pp. 280-301.
- De Smet, W. & Moens, M.F. (2009) Cross-language linking of news stories on the web using interlingual topic modelling. Proceedings of the 2nd ACM workshop on Social web search and mining. pp. 57-64.
- Hagberg, A. et al. (2008) Exploring network structure, dynamics, and function using NetworkX, Los Alamos, NM (United States).
- Hofmann, T. (2013) Probabilistic latent semantic analysis. arXiv preprint arXiv:1301.6705
- Ianina, A. (2017) Multi-objective topic modeling for exploratory search in tech news. In Conference on Artificial Intelligence and Natural Language Springer, Cham, September, pp. 181-193.
- Korobov, M. (2015) Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages. In International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts, Springer, Cham, April, pp. 320-332.
- Le, Q. & Mikolov, T. (2014) Distributed representations of sentences and documents. International conference on machine learning. PMLR. pp. 1188-1196.
- Mikolov, T. et al. (2013) Efficient estimation of word representations in vector space. arXiv preprint arXiv:1301.3781
- Pennington, J. et al. (2014) Glove: Global vectors for word representation. In Proceedings of the 2014 conference on empirical methods in natural language processing (EMNLP), October, 2014, pp. 1532-1543.

- Radim, R. & Sojka, P. (2010) Software framework for topic modelling with large corpora. In Proceedings of the LREC 2010 workshop on new challenges for NLP frameworks.
- Rubenstein, H. & Goodenough, J.B. (1965) Contextual correlates of synonymy. Communications of the ACM, 8(10), pp. 627-633.
- Vorontsov, K. & Potapenko, A. (2015) Additive regularization of topic models. Machine Learning 101.1. pp. 303-323.
- Vulić, I. et al. (2015) Probabilistic topic modeling in multilingual settings: An overview of its methodology and applications. Information Processing & Management. 51(1). pp. 111-147.

References

- Bastian, M. et al.(2009) Gephi: an open source software for exploring and manipulating networks. In Third international AAAI conference on weblogs and social media, March.
- Bojanowski, P. et al. (2017) Enriching word vectors with subword information. Transactions of the Association for Computational Linguistics. pp. 135-146.
- Boyd-Graber, J.L. et al. (2017) Applications of topic models. Now Publishers Incorporated.
- Daud, A. et al. Knowledge discovery through directed probabilistic topic models: a survey. Frontiers of computer science in China. 2010. 4(2). pp. 280-301.
- De Smet, W. & Moens, M.F. (2009) Cross-language linking of news stories on the web using interlingual topic modelling. Proceedings of the 2nd ACM workshop on Social web search and mining. pp. 57-64.
- Hagberg, A. et al. (2008) Exploring network structure, dynamics, and function using NetworkX, Los Alamos, NM (United States).
- Hofmann, T. (2013) Probabilistic latent semantic analysis. arXiv preprint arXiv:1301.6705
- Ianina, A. (2017) Multi-objective topic modeling for exploratory search in tech news. In Conference on Artificial Intelligence and Natural Language Springer, Cham, September, pp. 181-193.
- Korobov, M. (2015) Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages. In International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts, Springer, Cham, April, pp. 320-332.
- Le, Q. & Mikolov, T. (2014) Distributed representations of sentences and documents. International conference on machine learning. PMLR. pp. 1188-1196.
- Mikolov, T. et al. (2013) Efficient estimation of word representations in vector space. arXiv preprint arXiv:1301.3781
- Pennington, J. et al. (2014) Glove: Global vectors for word representation. In Proceedings of the 2014 conference on empirical methods in natural language processing (EMNLP), October, 2014, pp. 1532-1543.
- Radim, R. & Sojka, P. (2010) Software framework for topic modelling with large corpora. In Proceedings of the LREC 2010 workshop on new challenges for NLP frameworks.
- Rubenstein, H. & Goodenough, J.B. (1965) Contextual correlates of synonymy. Communications of the ACM, 8(10), pp. 627-633.
- Vorontsov, K. & Potapenko, A. (2015) Additive regularization of topic models. Machine Learning 101.1. pp. 303-323.
- Vulić, I. et al. (2015) Probabilistic topic modeling in multilingual settings: An overview of its methodology and applications. Information Processing & Management. 51(1). pp. 111-147.

Ю. Г. СЕДЁЛКИНА

Санкт Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье кратко описывается экспериментальное междисциплинарное исследование звукоизобразительной лексики двух типологически различных языков (английского и русского). Звукоизобразительная лексика, которую отличает сходство формы и значения в слове, составляет неотъемлемую часть лексикона любого языка. С течением времени фонетические и смысловые трансформации ослабляют это сходство. Процесс утраты иконичности получил название де-иконизации и делится на четыре стадии с постепенным снижением степени иконичности слова на каждой последующей стадии. Данное исследование проведено на носителях английского и русского языков (50 и 106 респондентов соответственно) с использованием классической методики “принятия лексического решения”. Впервые целью исследования стало выявление особенностей визуального восприятия звукоизобразительных слов (32 стимула) на разных стадиях де-иконизации. Результаты обнаружили специфические для каждого языка различия во времени и точности реакции на стимулы в зависимости от их типа. Русские испытуемые продемонстрировали явную тенденцию к снижению реакции на менее де-иконизированные слова – наибольшие трудности вызвали слова на первой стадии де-иконизации, часто включающие «новые» междометия, не всегда зафиксированные в словарях. Среди английских стимулов труднее всего опознавались слова на второй стадии де-иконизации, уже ассимилированные языком, но еще не утратившие явной связи между исходным значением и формой. В целом, исследование показало, что, несмотря на универсальную природу звукоизобразительности, когнитивная обработка такой лексики во многом специфична для разных языков. Тем не менее, выявленные различия в восприятии разных типов звукоизобразительных слов экспериментально доказывают разнородность этой лексической группы в обоих языках, что следует учитывать как при переводе, так и в обучении.

Ключевые слова: де-иконизация, звукоизобразительность, Лексическое решение, визуальное восприятие, русский/английский

S. GEORGIEVNA

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

COMPARATIVE STUDY OF VISUAL PERCEPTION OF ICONICITY BY RUSSIAN AND ENGLISH NATIVE SPEAKERS

The article gives an outline of an experimental interdisciplinary study of iconic vocabulary recognition in typologically different languages (English and Russian). Iconic words, exhibiting form-meaning resemblance, constitute an integral part of the lexicon of a language. In the course of time, phonetic and semantic transformations “weaken” the degree of this resemblance. This iconicity loss process, called de-iconization, is divided into four stages, with a gradual reduction

of iconicity in a word at each consecutive stage. The current experimental study is the first to compare and contrast how English and Russian subjects (50 and 106 participants respectively) recognize visually presented native iconic words (32 stimuli) using the method of Lexical Decision task. The English and Russian participants performed differently on the experimental stimuli in terms of accuracy and reaction time. These measurements were dependent on the type of the stimuli for both groups. The Russian subjects tended to respond slower and less accurately to the words higher in iconicity - the words at the first stage of de-iconization, “new” interjections not always recorded in dictionaries, caused the greatest difficulties. The English participants performed worst on the words at the second stage of de-iconization, already assimilated by the language system but still exhibiting clear form-meaning iconic resemblance. Overall, the results showed that despite the universal nature of iconicity, the cognitive processing of such vocabulary is language specific. The identified differences in the perception of iconic words with a different degree of iconicity provide an experimental evidence for heterogeneity of this lexical group in both languages. This finding has important implications for both translation and teaching of these languages.

Key words: de-iconization, iconicity, Lexical Decision task, visual perception, English/Russian

Лексикон каждого языка включает определенную долю звукоизобразительных (далее ЗИ) слов, форма которых естественным образом связана со значением [Юо, 2020]. Эта связь воспринимается как аудиально, так и визуально, поскольку основана на таких нейрофизиологических явлениях, как синестезия и кросс-модальные соответствия [Ramachandran, Hubbard, 2001, Sidhu, Pexman, 2018]. Этим объясняется универсальная природа ЗИ, интерес к исследованию которой в последние годы резко возрос [Nielsen, Dingemans, 2021].

Поскольку ЗИ слова, как правило, считаются частью разговорного языка, а не письменного, большинство исследований сфокусированы на изучении именно устного восприятия такой лексики. Тем не менее, ЗИ не просто встречается в письменной речи, а является ее неотъемлемой частью, что особенно касается художественной и поэтической речи [Johansen, 1993]. В данном исследовании впервые поднимается вопрос о восприимчивости носителей двух типологически различных языков, аналитического (английского) и синтетического (русского), к ЗИ, представленной в письменном виде.

Предмет исследования – процесс постепенной утраты первичной иконической связи между фонетическим обликом ЗИ слова и его денотатом, получивший название де-иконизация [Флакман, 2015, с. 100]. Де-иконизация является результатом языковой эволюции и происходит под воздействием регулярных фонетических и семантических трансформаций, приводящих к изменению фонетического облика ЗИ слов и/или к утрате изначального, связанного со звуком, значения. В результате, на синхронном срезе языка одновременно сосуществуют слова четырёх стадий деиконизации (СД). На первой стадии, СД-1, находится явная ЗИ, представленная часто «новыми» междометиями, имеющими ряд внесистемных черт и не всегда зафиксированными в словарях. Например, англ. *grr!* – выражение злости и раздражения, рус. *ша!* – категорическое требование прекратить что-либо. На последней стадии, СД-4, находится «стёртая» ЗИ, природу которой можно установить только методом этимологического анализа. Например, англ. *graze* – от позн.англ. в значении ‘ломаться, трескаться’, рус. *клок* – от цслав. *клькъ* *крѣкъ*, *ськльчити* в значении ‘завить’, изначально звуко-символизм [Колева-Златева, 2008].

Поступательный исторический переход от одной стадии к другой происходит медленно, так что на любом синхронном срезе сосуществуют ЗИ слова с разной степенью «близости» формы и значения. Градация по СД позволяет проследить четкую картину восприятия ЗИ слов носителями типологически различных языков. «Новые» ЗИ междометия (СД-1) иногда могут быть перепутаны с не-словами, а полностью ассимилированные «стертые» ЗИ слова (СД-4), утратившие свою первоначальную форму и значение, вероятно, могут быть неотличимы от не-ЗИ слов.

Цель данного исследования двоякая - изучение визуального восприятия градации СД носителями английского и русского языков и выявление специфичных для конкретного языка черт и возможных факторов, обуславливающих эту специфичность. В эксперименте приняли участие 50 носителей английского языка, из которых 28 мужчин и 22 женщины, средний возраст 30,65 лет, а также 106 носителей русского языка, из которых 35 мужчин и 71 женщина, средний возраст 23,75 лет.

Русские и английские целевые стимулы были отобраны согласно заранее сформулированным критериям:

1) гомоморфность - все целевые стимулы были выровнены по длине (односложные) и частотности (редкие).

2) равномерное распределение в корпусе типов стимулов – равное количество слов и квазислов (по 64), ЗИ и не-ЗИ слов (по 32), а также равное количество ЗИ слов на каждой из четырех СД (по 8) [Флакман и др., 2020].

Экспериментальные стимулы включают только слова, помеченные в словарях как «иконичные», «имитативные», «звукоподражательные» или «звукоизобразительные».

Английские экспериментальные стимулы:

СД-1: bom, fie, heck, hem, ouch, phut, pooh, twee

СД-2: bleep, buzz, chock, frizz, hiss, hoot, puff, thud

СД-3: bib, claque, clock, fluff, gag, miff, hock, swarm

СД-4: craze, funk, mot, rook, rut, sow, stun, touch

Русские экспериментальные стимулы:

СД-1: бах, цыц трах, тьфу, фу, хлоп, чмок, ша

СД-2: вой, гул, лязг, писк, тик, храп, чих, щёлк

СД-3: жук, зуд, клёст, мопс, пух, хряк, чиж, шмель

СД-4: ланч, гусь, дрозд, клок, хрыч, поп, пугч, пуф

Группы не-ЗИ и квази-слов использовались в качестве контрольных стимулов.

Английские не-ЗИ стимулы: balm, box, fir, frost, glen, heel, helm, hilt, hood, hoof, lad, lamb, leash, lid, morph, palm, pear, pen, perch, pike, pons, pore, reel, shah, shrine, shy, silt, sock, stab, steak, twig, wig

Русские не-ЗИ стимулы: бег, вар, воск, галл, гад, гроздь, даль, дерн, дубль, кал, жар, жезл, лом, лоск, люд, месть, мол, паз, рань, рать, рейд, рябь, сан, свод, сень, сук, сыпь, таз, трость, фавн, шест, шах

Квазислова были сконструированы по законам фонотактики каждого языка с целью максимально исключить неточности опознания [Styles, Gawne, 2017]. Кроме того, каждое квазислово повторяет сегментную композицию соответствующего слова, например, англ: bom (СД-1) – benn (квазислово), frizz (СД-2) – threzz (квазислово), frost (не-ЗИ) – shrast (квазислово); русс: бах (СД-1) – геш (квазислово), жук (СД-3) – зап (квазислово), бег (не-ЗИ) – дег (квазислово).

Английские квазислова: benn, vea, sutt, shen, audge, fepp, tir, quow, blait, dozz, jott, threzz, thoss, saipe, cuth, seb, dibb, plark, clat, freff, gubb, nith, thop, thwane, preeze, shunck, nair, lart, lupp, shoy, stamm, kidge, baine, gecks, fow, shrast, drem, hile, selm, thult, shud, shoof, rabb, lenn, reesh, lub, norph, parn, kuy, kem, toudge, pite, kinze, cair, lile, thar, shrewn, fuy, shilk, thop, speb, steat, twed, wib.

Русские квазислова: геш, чич, пруш, пфо, сы, флек, цнук, шу, жей, дыл, ласп, кифт, пеб, фрат, чоф, шелт, зап, вут, тлиск, накс, пус, шрет, цуф, смуль, лонц, дась, граст, клут, фруч, кып, катч, каф, дег, зур, зеск, гил, дюб, друск, гыль, гирм, габль, тил, зер, вазл, лум, лёфт, лупь, нусть, нел, тав, румь, ропп, райп, рить, шун, свеп, шинь, шуп, хапь, пыс, присть, хивн, шуск, сыв

Методика психосемантического эксперимента, использующего классическую схему принятия лексического решения, была опробована в нашем предыдущем исследовании [Tkacheva et al., 2019]. От испытуемых требовалось нажатием соответствующих клавиш на клавиатуре определить, является ли предъявленный на экране стимул словом или не-

словом. Ответы собирались программой «Longitude» (Software Longitude, Version 19, производство LLC “Longitude”, Санкт-Петербург, Россия). Полученные результаты обрабатывались программой IBM SPSS Statistics 25 (IBM Corp. Released 2017, IBM SPSS Statistics for Windows, Version 25.0. Armonk, NY, USA). Статистические вычисления проводились при помощи метода Простых контрастов, критерия t-Стьюдента для зависимых выборок, и 1-факторного дисперсного анализа с повторными измерениями ANOVA. В ходе эксперимента проверялось влияние типа стимула (его СД) на время и точность его опознания.

Результаты показали, что различия во времени реакции на стимулы специфичны для каждого языка и статистически достоверно зависят от типа стимула. Для английского языка Частная Эта в квадрате (показывающая степень влияния и силу эффекта независимой переменной на зависимую) $\eta^2=0,202$, что объясняет 20,2% дисперсии времени реакции, а для русского - $\eta^2=0,290$, что объясняет 29% дисперсии времени реакции. При этом группа слов на СД-2 требовала наибольшего времени опознания от англоязычных испытуемых (среднее время = 650 мс, что статистически достоверно дольше среднего времени опознания всех остальных типов стимулов, включая не-ЗИ и квази-слова). Русские же испытуемые продемонстрировали явную тенденцию к замедлению реакции на менее де-иконизированные слова – группа слов на СД-1 вызвала наибольшие затруднения (среднее время = 673 мс, что статистически достоверно дольше среднего времени опознания всех остальных целевых стимулов). Что касается реакции на квази-слова, то результаты демонстрируют тенденцию, общую для обоих языков. Как в русском, так и в английском языках среднее время реакции на квази-слова статистически достоверно больше, чем на целевые стимулы с той лишь разницей, что в английском языке не наблюдалось статистически значимых различий во времени реакции на группы квази-слов, СД-2 и СД-4.

По параметру точность результаты показали, что в обоих языках не наблюдается статистически значимой разницы в точности опознания совокупных групп ЗИ и не-ЗИ слов (англ: $\chi^2=0.144^{25}$; $df=2^{26}$; $p=0.931$, русс: $\chi^2=3.539$; $df=2$; $p=0.170$). Тем не менее, статистически значимая разница наблюдалась в точности опознания английских квази-слов и совокупной группы ЗИ слов – квази-слова опознавались точнее ($\chi^2=36.190$; $df=2$; $p<0.001$); особенно эта разница была заметна для слов на СД-2 ($\chi^2=104.280$; $df=2$; $p<0.001$). В русском языке эта разница особенно заметна для слов на СД-1 ($\chi^2=26.001$; $df=2$; $p<0.001$).

Проведённое исследование вносит свой вклад в решение вопроса об особенностях визуального восприятия ЗИ в типологически различных языках. Несмотря на универсальную природу ЗИ, когнитивная обработка такой лексики во многом специфична для разных языков. Недавние исследования выявили стимулирующую роль ЗИ - авторы утверждают, что чем очевиднее связь между формой и значением слова, тем быстрее его опознание [Sidhu et al., 2020; Agyani et al., 2019]. Это, возможно, объясняет результаты ответов англоязычных испытуемых – несмотря на то, что слова на СД-1 трудно отнести к какой-либо части речи, они опознаются с той же скоростью, что и слова на СД-3 и СД-4. Наибольшие трудности при идентификации в качестве «слов или не-слов» вызвала подгруппа СД-2, содержащая слова, не утратившие явной связи между исходным значением и формой, но уже интегрированные в языковую систему и выполняющие свою

²⁵ χ^2 – критерий согласия Пирсона (Хи-квадрат) близок к нулю, что говорит о незначительных отклонениях.

²⁶ df - число степеней свободы (degrees of freedom), показывающее число наблюдений или градаций фактора, функционально не связанных друг с другом

синтаксическую функцию. Встает вопрос, почему русскоязычные респонденты демонстрируют иную тенденцию. Возможно, ответ кроется в некоей грамматической неоднозначности английских ЗИ слов – buzz может выступать и как междометие, и как существительное или глагол. В русском же языке такой неоднозначности не наблюдается – междометие (цыц, тьфу) никогда не может функционировать, как существительное или глагол. Поэтому, для носителей русского языка ЗИ выступает, скорее, тормозящим фактором (чем более явная ЗИ в слове, тем медленнее и менее точно оно опознается). Тем не менее, различия в восприятии ЗИ разных СД экспериментально доказывают разнородность групп ЗИ слов в обоих языках, что следует учитывать как при переводе, так и при обучении этим языкам. Исследованию конкретных свойств ЗИ лексики, маркирующих её как отличную в ходе эксперимента, будут посвящены наша дальнейшая работа.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00575 «Психофизиологические индикаторы восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка».

Литература

- Флакман М. А. Звукоизобразительная лексика английского языка в синхронии и диахронии. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015.
- Флакман М.А., Лавицкая Ю.В., Седёлкина Ю.Г., Ткачева Л.О. Критерии отбора стимульного материала для исследования визуального восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка методом «лексическое решение». Дискурс. 2020; 6(5). С. 97-112
- Колева-Златева Ж. Славянская лексика звуко-символического происхождения: проблемы этимологизации. *Studia Slavica Hungarica*. Budapest. 2008. 53/2. P. 381–395.
- Aryani, A., Hsu, C. and Jacobs, A. (2019) Affective iconic words benefit from additional sound–meaning integration in the left amygdala. *Human Brain Mapping*. 40(18). pp. 5289–5300.
- Johansen, J. D. (1993) *Dialogic semiosis: An essay on signs and meaning*. Indiana University Press.
- Joo, I. (2020) Phonosemantic biases found in Leipzig-Jakarta lists of 66 languages. *Linguistic Typology*. 24(1). pp. 1-12.
- Nielsen, A. K. & Dingemanse, M. (2021) Iconicity in word learning and beyond: A critical review. *Language and Speech*. 64(1). pp. 52-72.
- Ramachandran, V. S. & Hubbard, E. M. (2001) Synaesthesia: a window into perception, thought and language. *Journal of Consciousness Studies*. 8(12). pp. 3–34.
- Sidhu, D. M. & Pexman, P. M. (2018) Five mechanisms of sound symbolic association. *Psychonomic bulletin and review*. 25(5). pp. 1619-1643.
- Sidhu, D., Vigliocco, G. & Pexman, P. (2020) Effects of iconicity in lexical decision. *Language and cognition*. 12 (1). pp. 164-181.
- Styles, S. J. & Gawne, L. (2017) When does Maluma/Takete fail? Two key failures and a meta-analysis suggest that phonology and phonotactics matter. *i-Perception* 2017. 8(4): 2041669517724807.
- Tkacheva, L.O., Sedelkina, Y.G., & Nasledov, A.D. (2019) Possible Cognitive Mechanisms for Identifying Visually-presented Sound-Symbolic Words. *Psychology in Russia: State of the Art*; 12(1). pp. 188-200

References

- Flaksman, M. (2015). *Diachronic Development of English Iconic Vocabulary*. Cand. diss., University of St Petersburg. (in Russian)

- Flaksman, M.A. et al. (2020) Stimuli Selection Criteria for the Experiment “Visual Perception of Imitative Words in Native and Non-Native Language by the Method Lexical Decision”. *Discourse* 6(5): 97-112. . (in Russian)
- Koleva-Zlateva, Zh. (2008) Slavonic words of phonoiconic origin. *Studia Slavica Hungarica*53(2): 381-395. . (in Russian)
- Aryani, A., Hsu, C. and Jacobs, A. (2019) Affective iconic words benefit from additional sound-meaning integration in the left amygdala. *Human Brain Mapping*. 40(18). pp. 5289-5300.
- Johansen, J. D. (1993) *Dialogic semiosis: An essay on signs and meaning*. Indiana University Press.
- Joo, I. (2020) Phonosemantic biases found in Leipzig-Jakarta lists of 66 languages. *Linguistic Typology*. 24(1). pp. 1-12.
- Nielsen, A. K. & Dingemanse, M. (2021) Iconicity in word learning and beyond: A critical review. *Language and Speech*. 64(1). pp. 52-72.
- Ramachandran, V. S. & Hubbard, E. M. (2001) Synaesthesia: a window into perception, thought and language. *Journal of Consciousness Studies*. 8(12). pp. 3–34.
- Sidhu, D. M. & Pexman, P. M. (2018) Five mechanisms of sound symbolic association. *Psychonomic bulletin and review*. 25(5). pp. 1619-1643.
- Sidhu, D., Vigliocco, G. & Pexman, P. (2020) Effects of iconicity in lexical decision. *Language and cognition*. 12 (1). pp. 164-181.
- Styles, S. J. & Gawne, L. (2017) When does Maluma/Takete fail? Two key failures and a meta-analysis suggest that phonology and phonotactics matter. *i-Perception* 2017. 8(4): 2041669517724807.
- Tkacheva, L.O., Sedelkina, Y.G., & Nasledov, A.D. (2019) Possible Cognitive Mechanisms for Identifying Visually-presented Sound-Symbolic Words. *Psychology in Russia: State of the Art*; 12(1). pp. 188-200.

УДК 81-23

С. В. СЕМОЧКО

Воронежский государственный университет
Воронеж, Российская Федерация

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АББРЕВИАТУР В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ

В данной работе предпринимается попытка установить связь между образованием медицинских аббревиатур и их и их функционированием в медицинских текстах на немецком и русском языках.

Проведенное исследование показало, что немецкие и русские сокращения в сфере медицины обнаруживают общие тенденции относительно способов образования изучаемых явлений и их функционирования в медицинских текстах. Однако при этом были обнаружены различия в функционировании аббревиатур в русских и немецких медицинских текстах. Кроме того, немецкие медицинские сокращения не всегда имеют эквиваленты в русском медицинском дискурсе, что продиктовано особенностями использования такого рода терминов медицинскими работниками в России и немецкоязычных странах. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что в процессе концептуализации и категоризации одного и того же фрагмента неязыковой действительности представители разных лингвокультур используют разные механизмы вербализации одних и тех же сведений о внеязыковой действительности, что следует

учитывать, как при изучении иностранных языков, так и при обучении переводу, в том числе, специальных текстов.

Ключевые слова: сокращения, аббревиация, медицинские тексты, способы образования сокращений, медицинские сокращения, функционирование сокращений.

S. SEMOCHKO

Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation

FUNCTIONING OF ABBREVIATIONS IN GERMAN AND RUSSIAN MEDICAL TEXTS

This paper attempts to establish a connection between the formation of medical abbreviations and their functioning in German and Russian medical texts.

The research has shown that German and Russian medical abbreviations are similar in their means of formation and functioning in medical texts. However, some differences have also been found. This mostly concerns the way the abbreviations function in German and Russian medical texts. Moreover, German medical contractions do not always have their equivalents in Russian medical discourse, which is connected with how they are used by medical workers in Russia and German-speaking countries. This testifies to the fact that while conceptualising and categorising one and the same fragment of extralinguistic reality the representatives of different linguistic cultures use different mechanisms for verbalising the same data about extralinguistic reality, which is to be taken into account both in learning foreign languages and in teaching translation of special texts.

Key words: abbreviation, medical texts, ways of forming abbreviations, medical abbreviations, functioning of abbreviations.

В словообразовании многих европейских языков довольно распространено явление аббревиации, которое достаточно широко используется в разных областях [Криворот 2012; Новикова 2013]. Как замечает В.В. Криворот, «представляя собой результат вторичной номинации, аббревиация выполняет идентифицирующую и классифицирующую роль, служит средством заполнения лексических или словообразовательных лакун в узальной или окказиональной лексике» [Криворот 2012: 42].

Вопросы аббревиации изучали и изучают до сих пор многие отечественные и зарубежные лингвисты. Так, в свое время В.В. Борисов следующим образом характеризовал образование сокращений: это – процесс без промежуточных ступеней, в результате чего образуется новая лексическая единица, созданная из знаменательного слова или номинативного словосочетания (которое является эквивалентом соответствующей лексемы или словосочетания и даже предложения). При этом опускаются определенные элементы, несущие минимальную информационную нагрузку. В итоге получается единица, которая отличается от исходной, однако сохраняет с ней определенную семантическую связь. Чтобы полученная новая единица воспринималась как аббревиатура, необходимо, чтобы и первичная, и вторичная единица вместе существовали в языке на определенном этапе его развития [Борисов 1972].

Другой российский лингвист, Е.С. Кубрякова, предложила считать аббревиацию процессом «создания единиц вторичной номинации со статусом слова, который состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит в результате к появлению такого слова, которое в своей форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходной единицы» [Кубрякова 1981: 71].

Несмотря на достаточную высокую степень разработанности явления аббревиации, многие лингвисты в настоящее время также обращаются к исследованиям данных номинативных единиц, поскольку различные рода сокращения постоянно пополняют словарный состав языка и отражают тем самым динамичное развитие практически всех сфер жизнедеятельности человека. Появление и использование аббревиатур передает связанное с этим «стремление передать новое понятие, выраженное сложными словами и словосочетаниями, более компактно» [Беляева 1987: 110], что отражается практически во всех областях нашей жизни и деятельности.

В своей работе мы обратились к изучению способов образования аббревиатур и их функционированию в медицинских текстах на немецком и русском языках.

Сфера медицины активно пополняется новыми терминами, в том числе, сокращениями, которые медицинские работники используют для экономии времени и сил на письме и в устной речи. Особенно характерны данные тенденции для конца 20 - начала 21 вв. Именно в это время происходит наиболее интенсивное развитие науки и техники, новых технологий, которые все более активно повсеместно используются в медицине. Сказанное означает, что динамичное развитие медицины в последние десятилетия конца 20 - начала 21 вв. поставило медиков и ученых перед необходимостью ввести новые обозначения для номинации разных процессов и явлений, с которыми сталкиваются сегодня многие сотрудники медицинской сферы. Скорее всего, именно по этой причине Е.М. Какзанова предлагает считать аббревиацию одним из наиболее характерных и распространенных способов пополнения медицинской терминологии, как в различных европейских, так и в русском языках [Какзанова 2014].

Эмпирический материал для написания данной статьи был получен на основе сплошной выборки исследуемых единиц с официального сайта немецких медицинских сокращений [<https://medizinsche-abkuerzungen.de>] и из серии учебников с неадаптированными специальными текстами для медицинских работников на немецком языке [Tipps zur Prüfungsvorbereitung telc Deutsch B2-C1 Medizin" 2014], а также из анамнезов, медицинских заключений и прочих материалов медицинского содержания на немецком и русском языках из частной переводческой практики. Для исследования русских сокращений использовался официальный сайт с русскими сокращениями [<https://dic.academic.ru/>], Большая медицинская энциклопедия [<https://бмэ.орг/>], а также информационные бюллетени с сайта ВОЗ [<http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets>].

В результате проведенного анализа было установлено, что при образовании немецких медицинских аббревиатур в выбранном для исследования практическом материале доминирует буквенно-графический способ, при котором происходит сокращение термина по начальным буквам составляющих его лексем. Их количество составило 42, 1%. Среди русских сокращений из сферы медицины наблюдается похожая тенденция. Количество сокращений, образованных буквенно-графическим способом, составило 35, 6%.

Например, нем. FVK = forcierte Vitalkapazität

ср.: рус. Вегетососудистая дистония = ВСД

Вторая по частотности группа сокращений была получена на основе звукового способа образования аббревиатур. Это – медицинские акронимы, которые получают при объединении в слове начальных букв, однако при этом лексема будет цельной. По данным проведенного практического исследования количество таких немецких аббревиатур составляет 26, 3%, а русских – 31, 5%.

Например, нем. Totalendoprothese = ТЕР

ср.: рус. Кислотно-основное состояние = КОС

Следующая группа сокращений была получена путем заимствования и сокращения исходных терминов из латинского языка. Всем известно, что в разных языках основой для развития медицинской терминологии послужил латинский язык, поэтому большое количество медицинских терминов в различных языках являются заимствованиями из латыни. Среди немецких медицинских сокращений доля таких терминов-аббревиатур в

нашем эмпирическом материале составила 19, 2%, а среди русских – 15%. Некоторые из выявленных сокращений являются общепринятыми и используются в аналогичных контекстах и ситуациях, как в русском, так и немецком языках.

Например, при выписывании рецептов и указании, когда следует принимать препарат: лат. *hora somni* = нем. *vor dem Schlaf* (нем.)

ср.: рус. перед сном (рус.) = h. s.

Наименее репрезентативная группа медицинских аббревиатур в проанализированном практическом материале представлена сокращениями с усеченными основами исходных полнзначных терминов. Таких сокращений среди исследованных немецких примеров оказалось 12, 2 % от общего числа. Например, *Cholestirin* = Chol; *Defibrillator* = Defi.

При исследовании аналогичных сокращений в русских медицинских текстах было установлено, что данный способ образования аббревиатур используется в русских медицинских текстах в еще меньшей степени (6,8% среди проанализированных сокращений). При этом преобладает гибридный способ образования таких терминов. Например, происходит усечение основы прилагательного, которое входит в состав исходной терминологической группы и к нему добавляется буквенно-графическое сокращение от существительного или словосочетания. Например,

Изолированный мочевого синдром = ИзМС

Оксисленные липопротеины низкой плотности = окЛПНП

Что касается обычного усечения основы медицинских терминов, то в нашем материале таким образом была сокращена только лексема таблетка –таб., например, в рецептах и рекомендациях врачей по применению препаратов.

На следующем этапе настоящего практического исследования изучались особенности функционирования аббревиатур в немецких и русских медицинских текстах.

Больше всего аббревиатур нам встретилось среди номинаций разного рода процедур и методов анализа, что объясняется особенностями соответствующих типов медицинских текстов, которые характеризуются большой степенью информативности и лаконичностью. Среди всех проанализированных нами немецких сокращений в выбранном для анализа материале их количество в указанной группе составило 25, 8%. Для многих немецких аббревиатур данной группы можно подобрать эквиваленты среди аналогичных русских терминов-аббревиатур, количество которых в данной группе составляет 25, 3% от общего числа проанализированных терминов. Данное обстоятельство объясняется тем, что в России и немецкоязычных странах проводятся аналогичные медицинские исследования и применяются аналогичные методики.

Например, нем. *Ösophago-Gastro-Duodenoskopie* = ÖGD

ср.: рус. Эзофагогастро-дуоденоскопия = ЭГДС

нем. *Magnetokardiographie* = MKG

ср.: рус. Магнитокардиография = МКГ

При этом проведенное исследование показало также, что сокращения чаще используются для обозначения различных процедур и методов анализа в русских медицинских текстах (см. выше).

Интерес представляет тот факт, что некоторые понятия из указанной медицинской сферы сокращаются по иной модели, нежели немецкие аналоги. Например, в русском языке существует термин сонография для обозначения процедуры ультразвукового исследования. Однако врачи и пациенты предпочитают использовать другое сокращение-акроним – УЗИ (ультразвуковое исследование), в то время как в немецком медицинском языке у лексемы *Sonografie* наблюдается усечение основы, в результате чего получается просто Sono.

Второй по частотности среди используемых немецких медицинских терминов-аббревиатур оказалась группа рецептов. Здесь как в немецком, так и русском языках используется по 20, 6% от всех изученных нами сокращений в выбранном для анализа материале. Большинство из них имеет латинское происхождение, например, e.o.

(extraoral), i.m. (intramascular), i.v. (intravenous). Как было раньше упомянуто, латинские сокращения являются общепринятыми и понятными для врачей разных стран. Прежде всего, это касается именно процесса назначения медикаментов. Однако выбранный для анализа материал показал, что в России при выписывании рецептов иногда предпочитают использовать русские аналогичные сокращения, например, в/в (внутривенно), в/м (внутримышечно). Некоторые такие аббревиатуры вообще опускаются при описании приема препарата, например, обозначение e.o. (extraoral), поскольку, вероятно, считается, что по инструкции и описанию препарата все понятно и без дополнительных пояснений. Иногда в русских текстах рецептов и/или назначений врача используется экспликация смысла и перевод данного термина на русский язык – для наружного применения. Известно, что латинский язык изучают в основном только будущие врачи и студенты факультетов иностранных языков, в то время как в немецкоязычных странах латинский до сих пор достаточно активно изучается в гимназиях, поэтому немецкие врачи, видимо, пользуются латинскими сокращениями, а русские медицинские работники пишут свои рекомендации по-русски, чтобы пациент точно понял назначения.

Следующую по частотности использования составила группа сокращений, которые применяются для написания анамнезов. Их количество составило 18,9% немецких и соответственно 4,7% русских аббревиатур от общего числа проанализированных единиц. Как видно по количественным данным, при оформлении медицинских заключений, справок и пр. документов в России сокращения данной группы используются еще реже, чем в немецких медицинских текстах.

Например:

Исходный термин	Сокращение	Русский эквивалент
Allgemeinzustand	AZ	-
Hämatokrit	Hk	-
Gravidität	Grav.	-

Сравните:

Исходный термин	Сокращение	Немецкий эквивалент
Артериальное давление	АД	-
Дыхательный объем	ДО	-
Кислотно-основное состояние	КОС	-

В медицинских текстах, представляющих различные показатели анализов и других исследований, количество используемых там немецких сокращений составляет 17,2% от общего числа проанализированных терминов-аббревиатур. В русском языке это также довольно большая группа – 22, 2%. Например, для обозначения одного из показателей при расшифровке анализа крови используют:

нем. C-reaktive-Protein = CRP

ср.: рус. с-Реактивный белок = СРБ

Сравнительно небольшое количество (13,7%) всех изученных нами немецких сокращений используется для обозначения болезней. В русском языке такие сокращения используются более активно (22, 2%). Некоторые из немецких терминов в сокращенном виде используются как английские аббревиатуры. Например, термин Zwangsstörung представлен в сокращенном виде аббревиатурой по английскому названию данного заболевания – OCD (Obsessive-compulsive disorder).

Однако некоторые немецкие сокращения для номинации определенных заболеваний имеют аналогичные русские соответствия, что связано с общим источником происхождения такого рода наименований заболеваний.

Например, нем. Guillain-Barré Syndrom = GBS

ср.: рус. Синдром Гийена-Барре = СГБ

Самую малочисленную группу среди проанализированных немецких сокращений представляют аббревиатуры, которые используются для обозначения медицинских приборов. Так, это всего лишь 3, 4% немецких сокращений от общего числа проанализированных единиц. В русском языке прослеживается тенденция называть медицинские приборы в соответствии с обозначением медицинской процедуры, для которой они используются. Например, аппарат МРТ или аппарат УЗИ. Такие приборы типа дефибрилятора или кардиостимулятора в профессиональном языке русских врачей вообще не принято сокращать, хотя немецкие медицинские работники пользуются в этом случае аббревиатурами.

Например, Defibrillator = Defi; Herzschrittmacher = HSM

Самую малочисленную группу среди русских медицинских сокращений в нашем практическом материале исследования составили наименования органов и систем человеческого организма (4,7%), которые используются при составлении анамнезов, записей в медицинских картах и т.д.

Например, большой круг кровообращения = БКК.

При этом многие из них имеют аналогичные обозначения в немецком языке. Это касается универсальных обозначений человеческих органов в опоре на латинскую терминологию.

Например, нем. zentrales Nervensystem = ZNS

ср.: рус. центральная нервная система = ЦНС

Однако и в данной группе были выявлены некоторые особенности использования медицинских аббревиатур в немецких и русских медицинских текстах. Так, рус. желудочно-кишечный тракт = ЖКТ имеет несколько соответствий в немецком языке. Ср.: Gastrointestinaltrakt = GIT и Magen-Darm-Trakt = MD-Trakt.

Таким образом, проведенный практический анализ выбранных для исследования единиц показал, что немецкие и русские аббревиатуры из сферы медицины часто обнаруживают общие черты в образовании изучаемых явлений и частотности их использования в медицинских текстах на русском и немецком языке. Тем не менее, были обнаружены некоторые различия в их функционировании в разных типах медицинских текстов. При этом немецкие медицинские сокращения не всегда позволяют обнаружить соответствующие эквиваленты в русском медицинском дискурсе, что продиктовано особенностями употребления такого рода единиц медицинскими работниками в Российской Федерации и немецкоязычных странах. Сделанное наблюдение свидетельствует в пользу того, что в процессе концептуализации и категоризации одного и того же фрагмента неязыковой действительности представители разных лингвокультур задействуют разные механизмы вербализации одних и тех же сведений о мире, что необходимо учитывать, как при изучении иностранных языков, так и при обучении переводу в том числе, в сфере медицины.

Литература

- Беляева С.А. Модели языковой компрессии в английской терминологии / С.А. Беляева // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. – С. 110 – 118.
- Каканова Е. М. Сокращения в медицинских текстах и особенности их перевода / Е.М. Каканова // Вестник Московского университета. – 2014. – Вып. 3. – с. 80-88.
- Криворот В.В. Особенности аббревиации в русском, английском и французском языках / В.В. Криворот // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: Сборник научных трудов; отв. ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 42 – 50.

- Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания / Е.С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
- Новикова Л. А. Аббревиация как феномен межкультурной коммуникации в сети Интернет / Л.А. Новикова // Вестник удмуртского университета. — 2013. — Вып. 2. — с. 126-133. URL: <http://www.medizinische-abkuerzungen.de> (дата последнего обращения 23.06.2021).

References

- Belyaeva, S.A. (1987) Modeli yazykovoj kompressii v anglijskoj terminologii [Models of language compression in English terminology] / S.A. Belyaeva // Terminovedenie i terminografiya v indoevropskikh yazykah. — Vladivostok: DVO AN SSSR. — pp. 110 – 118.
- Kakzanova, E. M. (2014) Sokrashcheniya v medicinskih tekstah i osobennosti ih perevoda / E.M. Kakzanova// Vestnik Moskovskogo universiteta. — Вып. 3. — pp. 80-88.
- Krivorot, V.V. (2012) Osobennosti abbreviatsii v russkom, anglijskom i francuzskom yazykah / V.V. Krivorot // Yazyk, rech', obshchenie v kontekste dialoga yazykov i kul'tur: Sbornik nauchnyh trudov; otv. red. O.I. Ulanovich. — Minsk: Izd. centr BGU. — pp. 42 – 50.
- Kubryakova, E.S. (2004) Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znanij o yazyke: CHasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira /Ros. akademiya nauk. In-t yazykoznanija / E.S. Kubryakova. — М.: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Novikova, L. A. (2013) Abbreviatsiya kak fenomen mezhkul'turnoj kommunikatsii v seti Internet / L.A. Novikova // Vestnik udmurtskogo universiteta. — Вып. 2. — с. 126-133. URL: <http://www.medizinische-abkuerzungen.de> (access date 23.06.2021).

УДК 81-23

Е.М. СМЕРНОВА

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования
«Европейский университет в Санкт-Петербурге»,
Санкт-Петербург, Российская федерация

ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ “ОПЫТ” И “ЭКСПЕРИМЕНТ” В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Почему долгое время во многих европейских языках, таких как итальянский, французский и русский, не существовало лингвистических средств для разграничения понятий «опыт» и «эксперимент»? Является ли это следствием влияния на русский язык французской культуры? Данная работа рассматривает эти вопросы. Наиболее важным результатом исследования является то, что до второй половины XVIII века в русской литературе не существовало идеи личного опыта, а слово «опыт» было заимствовано из научной лексики для выражения этого значения. Это противоположно тому, что произошло в других европейских языках, например, во французском. Это говорит о том, что понятие эксперимент является более базовым в русском менталитете. Опыт вырастает из эксперимента, но не наоборот. Все эти аспекты семантической истории слов «опыт» и «эксперимент» проиллюстрированы обширными текстовыми цитатами, найденными методами корпусной лингвистики с использованием Национального корпуса русского языка и электронной библиотеки Института русской литературы.

Ключевые слова: научный эксперимент, жизненный опыт, экспертиза, межкультурное взаимодействие, история понятий.

A HISTORY OF THE CONCEPTS EXPERIENCE AND EXPERIMENT IN RUSSIAN CULTURE

Why, for a long time, was there no linguistic means to distinguish between the concepts experience and experiment in many European languages, such as Italian, French, and Russian? Was the Russian case influenced by French culture? This paper addresses these issues. The most important finding of the study is that no idea of personal experience existed in Russian literature before second half of 18th century, and the word *opyt* was later borrowed from the scientific lexicon for expressing the meaning of experience. This is the opposite of what happened in other European languages like French. This suggests that the concept of experiment is more basic in the Russian mentality. Experience grows from experiment but not vice versa. All these aspects of the semantic history of experiment and experience are illustrated with extensive textual citations found by the corpus linguistic techniques with the use of the Russian National Corpus and the electronic library of Institute of Russian Literature.

Key words: personal experience, experimental science, semantic history, history of concepts, intercultural influence

Понятия *experience* (опыт) и *experiment* (эксперимент) лежат в основе нашей познавательной деятельности. Они тесно связаны, но принципиально различны. Опыт – понятие более фундаментальное. Опытом мы называем всю совокупность знаний, усвоенных человеком или обществом. А эксперимент, понимаемый как специально задуманное исследование чего-либо, является лишь одним из источников накопления и верификации опыта. Опыт – понятие с длинной историей. Ещё древние греки различали два источника знания (*epistēmē*) – умозрительные рассуждения (*logismos*) и чувственный опыт (*empeiria*). Представление об эксперименте как об исследовательской процедуре появилось лишь на рубеже XVI-XVII веков. Ввиду фундаментальных различий между этими понятиями кажется естественным, что для их обозначения должны использоваться разные слова. Действительно, в английском языке они обозначаются словами *experience* и *experiment*, которые произошли от латинских слов *experientia* и *experimentum*. Иначе обстоит дело в романских языках. Во французском языке оба понятия обозначают одним словом – *l'expérience*, а в итальянском – *esperienza*. И в русском языке вплоть до середины XX века также использовали одно слово – опыт.

Зачем античные авторы использовали два слова *experientia* и *experimentum*? Когда возникло смысловое различие между опытом и экспериментом? Какие средства использовались для выражения этого различия? Почему франко-, итало- и русскоязычные ученые-естествоведы в XVIII-XIX веках избегали использовать термин «эксперимент»? Был ли русский сценарий следствием влияния французской культуры? В данной статье рассматриваются все эти вопросы.

История понятий «опыт» и «эксперимент» в западноевропейской культуре была предметом нескольких исследований. Достаточно назвать работы Стивена Памфри и Чарльза Б. Шмитта [Pumfrey et al., 2012, Schmitt, 1969], в которых исследовался процесс формирования понятий *experience* и *experiment* в период Раннего Нового времени. Изучая процесс формирования понятия опыт в русской литературе XVII века, я опиралась на работы Дмитрия Лихачева [Лихачев, 1998], Людмилы Кутиной [Кутина, 1966] и Сергея Коткова «Сказки о русском слове» [Котков, 1967].

Экскурс в историю понятий опыт и эксперимент в западноевропейской культуре
Слова *experientia* и *experimentum* можно встретить в текстах античных авторов, писавших о самых разных вопросах. Множество таких примеров можно найти у Цельса (медицина), у Плиния (естественная история), у Тацита (история). В целом, античные авторы использовали слово *experientia* для обозначения знаний, полученных эмпирическим путем, а слово *experimentum* - для обозначения примера или случая, иллюстрирующего какое-либо утверждение. Однако, семантическое различие между этими словами не было строго фиксированным. В Средние века это различие полностью исчезло и слова *experimentum* и *experientia* использовались как взаимозаменяемые. Например, медицинский словарь XVI века переводит греческое слово *peira* на латынь следующим образом: «*Experimentum sive experientia. Vocabulum est empiricorum proprium*» (что в переводе на русский означает «Эксперимент или опыт. Правильный выбор между терминами осуществляется эмпирически») [Gottaeus, 1578].

Такая путаница привела к тому, что в национальных языках, которые начали формироваться к концу Средневековья, утвердился только один латинский термин: *esperienza* в итальянском, *l'expérience* во французском и *experience* в английском. Мы находим эти слова в текстах Данте и Боккаччо, Рабле и Монтеня, Томаса Мора и Шекспира. Неудивительно, что ученые-естественники, которые в конце XVI - начале XVII веков начали излагать результаты своих исследований на национальных языках, также использовали только один этот термин. В то же время католические монахи, которые писали свои трактаты на латыни и, очевидно, были знакомы с текстами древних авторов, продолжали использовать оба латинских слова *experimentum* и *experientia*, причем так же, как это делали Цельс и Плиний.

Поддерживаемая учеными монахами традиция классической латыни различать смысловые оттенки слов *experientia* и *experimentum* сыграла свою роль в начале XVII века при институализации экспериментальных наук. У этого события было свое главное действующее лицо. Человеком, оказавшим наибольшее влияние на формирование идеологии экспериментального естествознания, был английский политик и писатель Фрэнсис Бэкон. Он не был монахом, но хорошо знал классическую латынь и поздние научные трактаты [Peltonen, 1996]. Будучи человеком широко образованным и свободным от средневековых предрассудков, он остро чувствовал необходимость перемен в отношении человека и природы. В 1620 году он опубликовал свой главный труд «*Novum Organum*», в котором провозгласил приоритет экспериментальных фактов над логическими рассуждениями. «*Novum Organum*» был написан на латинском языке. Поэтому неудивительно, что Бэкон четко различал понятия *experientia* и *experimentum*. *Novum Organum* оказал большое влияние на ученых середины XVII века. Сформулированный Бэконом метод эмпирической индукции был принят членами основанного в те годы Лондонского Королевского общества. Цель общества состояла в «поощрении философских исследований, которые путем реальных экспериментов пытаются сформулировать новую философию» [First Charter, 1662]. Хартия была опубликована на латинском и английском языках. Причем в английском тексте латинский термин *experimentum* был переведен как *experiment*. Сформулированный Бэконом принцип эмпирической индукции быстро распространился по всему миру. И вместе с ним термин «эксперимент» вошел во многие языки, тем самым утвердив семантическое различие между понятиями «опыт» и «эксперимент».

История понятий опыт и эксперимент в русской культуре

Как и в романских языках, в русском языке вплоть до середины XX века оба понятия – опыт и эксперимент – выражали одним и тем же словом опыт. Но причины этого явления разные. Как было показано выше, при формировании романских языков сначала в обиход вошли слова, происходящие от латинского слова *experientia*. Позже, при возникновении экспериментальной науки, те же слова стали использовать и для выражения значения «эксперимент». В России аналогичный процесс был невозможен просто потому, что в

русской мысли до XVIII века отсутствовало представление об опыте в смысле *experientia*. Мы пришли к этому выводу, проведя анализ лексики древнерусского языка. Словарь древнерусского языка содержит множество употреблений слова опыт и его производных с различными значениями: испытание, проба, испытанный образец, дознание, вопрос, любопытство [Словарь русского языка, 1975]. Однако примеров, соответствующих по смыслу выражениям «опыт учит» или «опыт доказывает», там не найти. Все наши попытки найти в русских текстах, написанных до XVIII века, какие-либо упоминания о «личном опыте» или «жизненном опыте» не увенчались успехом. Можно предположить, что это есть следствие эсхатологического характера мышления наших предков [Панченко, 2000, с. 79]. Идея предопределенности человеческой судьбы проходит через всю древнерусскую литературу. Дмитрий Лихачев, известный русский медиевист, писал: «Концепция родовой судьбы предположительно учитывалась в русской литературе предыдущих веков. Судьба владела всем родом героя, а идея личной судьбы еще не была развита» [Лихачев, 1998, с. 139]. Очень яркий тому пример дает автобиография протопопа Аввакума [Житие, 2021]. Анализ показывает, что даже в той части текста, где подробно описываются злоключения автора, автор впадает в самоуничтожение и настойчиво повторяет: «А я ничто ж есмь, аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарям и грешникам и всякому человеку лицемерен окаянной. Простите же и молитесь о мне» [Житие, 2021, с. 117].

Пытаясь найти какие-либо примеры выражения понятия «опыт-experience» в русских текстах, написанных до XVIII века, мы применили метод корпусной лингвистики, используя Национальный корпус русского языка и Электронную библиотеку Института русской литературы. Поиск по этим базам данных не обнаружил ни одного примера употребления существительного опыт в текстах, написанных до второй половины XVI века. Удалось найти лишь несколько употреблений глагола опытати, в которых этот глагол был использован для выражения интереса к событию или явлению, не связанному с какой-либо конкретной личностью. Например, в Судебнике Ивана III (1497) глагол опытати использовался для обозначения процедуры, промежуточной между опросом и пыткой. Все найденные нами примеры указали на то, что основное значение глагола опытати - исследовать, выяснять вопрос. Это объясняет, почему позднее, в момент возникновения торгово-промышленных отношений, именно это слово было выбрано для обозначения процедуры проверки качества товара. Приведем отрывок из послания русского царя Ивана IV шведскому королю Юхану III (1573 год).

Коли при отце при твоём, при Густаве, приезжали наши торговые люди с салом и с воском, и отец твой сам, в рукавицы нарядясь, сала и воску за простого человека место опытом пытал [Русская историческая библиотека, 1908, с. 42].

Тут мы встречаем употребление существительного опыт для обозначения процедуры проверки качества товара. В первой половине XVII века слова опыт и опытати укрепились в лексиконе торгово-промышленной сферы со значением «экспертиза». Значение экспертизы резко возросло во второй половине XVII века в связи с реформами Петра I. Экспертиза стала незаменимой при производстве вооружения. «А принимать бы всякое ружье с опыту и за верным свидетельством», - пишет царский советник Иван Посошков в докладной записке «О воинском поведении» (1701 год). Таким образом, можно сделать вывод, что к концу XVII века термин опыт приобрел значение экспертизы любого товара или продукта, а сама процедура постепенно приобрела достаточно строгие рамки.

Однако на этом история слова опыт не заканчивается. В Петровскую эпоху в России возникли инженерные науки. Были созданы новые школы, в том числе и Академия наук. Поначалу преподавателями в них были иностранцы, приглашенные Петром I из Западной Европы. Они не говорили по-русски, писали свои трактаты и читали лекции в основном на латыни. Большинство научных терминов было заимствовано из латинского языка. Прежде всего, это были слова, которые не имели аналога в русском языке, такие, как атом, молекула, энергия, электричество и т.д. Так было поначалу и с термином эксперимент.

Это слово неоднократно использовал Петр I в 1724 году при собственноручном редактировании «Устава об основании Академии наук и художеств» [Проект, 1724].

Этот документ обязывал членов Академии «производить эксперименты и утверждать их в присутствии всех прочих членов». Слово эксперимент широко использовалось и первыми русскими академиками, в большинстве своем носителями немецкого языка. В тот момент могло показаться, что слово эксперимент окончательно укоренилось в русском языке. Но это не так.

Усвоение иностранной терминологии было драматичным процессом, болезненным для большинства жителей России. Иностранные слова, вошедшие в русский язык при Петре I, были слишком многочисленны; историки оценивают их количество более чем в 3000. Русский язык сопротивлялся такой массивной интервенции и старался избегать иностранных терминов, для которых можно было найти подходящий русский аналог. Переводчики учебных пособий искали русские эквиваленты различным научным терминам. В результате «некоторые старые русские слова претерпели значительные семантические сдвиги, связавшие их старое значение с новой мыслительной интенцией» [Итутина 2020, с. 149].

В качестве эквивалента термину эксперимент были предложены два русских слова: искус и опыт [Кутина, 1966]. «Соперничество» между ними отразило глубокие изменения в русском менталитете. Существительное искус является отглагольной формой искусити. Это древнее славянское слово, которое можно найти уже в первом славянском переводе Библии 1056 года. Оно выражало все виды расследования: моральное, юридическое и эмпирическое. В начале XVIII века это слово использовалось в качестве эквивалента слову эксперимент русскими авторами, писавшими в старославянской традиции, которые публиковались преимущественно в журнале «Комментарии к Ведомостям». Иногда, чтобы пояснить новое значение старого слова, авторы использовали искус в качестве глоссы к слову 'эксперимент': «Ради изследования естества полотна онаго надлежащий эксперимент (искус) делать» [Кутина, 1966]. Слово опыт в значении «эксперимент» перешло в научную сферу из лексики деловой практики. Это русское слово было знакомо иностранцам, проживавшим в Санкт-Петербурге в начале XVIII века, поскольку большинство из них так или иначе было связано с торговлей. Когда иностранные ученые стали учиться писать по-русски, они предпочли использовать слово опыт, а не искус, просто потому что оно им было уже знакомо. Одним из таких ученых был немецкий физик Георг Крафт, который использовал слово опыт при чтении лекций русским студентам. Одним из его студентов был Михаил Ломоносов. Позже Ломоносов сам начал читать на русском языке публичные лекции по физике, в которых называл эксперименты опытами. Такая терминология была закреплена и в учебнике, описывающем эти лекции [Ломоносов, 1760]. Названия всех глав этого учебника начинались словами «Об опытах над...». Эта книга стала основным учебником для многих поколений российских студентов, а термин опыт окончательно закрепился в качестве перевода слова эксперимент. Таким образом, в течение примерно 50 лет слово опыт, использовавшееся ранее для обозначения куска сала, взятого для экспертизы, превратилось в научный термин, обозначающий фундаментальную методологическую идею экспериментальной науки.

Михаил Ломоносов, убежденный в абсолютном приоритете эмпирического знания, начал использовать слово опыт не только в научном контексте, но и в переносном смысле в административных документах и в литературных произведениях. Эти примеры встречаются в письмах, адресованных Ломоносовым президенту и директору Академии и даже непосредственно императрице Елизавете и Екатерине II. Благодаря высокой экспрессивности утверждения «опытом доказано, что...», оно получило широкое распространение в эпистолярных письмах и устных сообщениях.

Другим фактором, способствующим процессу расширения семантического поля слова опыт, стало использование этого слова для обозначения произведения искусства,

стихотворения или картины, для обозначения которых в английском языке используется *essay*. Пример такого употребления можно найти в предисловии к «Сатирам», опубликованным Антиохом Кантемиром (1729 г): «Сатира сия, первый опыт стихотворца в сем роде стихов» [Кантемир, 1762]. Первый русский перевод «Essais» Монтеня, сделанный Сергеем Волчковым, также был озаглавлен «Опыты». Более того, к концу XVIII века жанр эссе стал в России очень популярным. Об этом свидетельствует Николай Карамзин, который в 1802 году написал: «Нынешний век можно назвать веком откровенности ... в физическом и нравственном смысле... Сверх того, сколько выходит книг под титулом: «Мои опыты!»» [Карамзин, 1984].

В течение всего XIX века российское научное сообщество постепенно избавлялось от иностранного языкового влияния, и терминология, предложенная Михаилом Ломоносовым, стала доминирующей. В текстах известных русских ученых XIX века, таких как Дмитрий Менделеев, Илья Мечников, Иван Сеченов и Иван Павлов, мы не найдем существительного эксперимент, только опыт. Лишь в XX веке в условиях активизации международного сотрудничества российские ученые стали вновь использовать слово эксперимент. Можно определить исторический момент этого перехода. Два российских нобелевских лауреата по физике XX века, Петр Капица и Жорес Алферов, читали свои нобелевские лекции на английском языке с авторским переводом текста этих лекций на русский. Оба автора использовали слово *experiment* в своих выступлениях на английском языке. Но в русскоязычных версиях они переводили этот термин по-разному: Капица в 1978 году переводил слово *experiment* исключительно как опыт, в то время как Алферов в 2000 году использовал слово эксперимент. Между этими событиями прошло всего 22 года. Но за этот период в российской науке, как и культуре в целом, произошли фундаментальные изменения, вызванные массовым вовлечением российских ученых в международное научное сотрудничество.

Заключение

Изучая историю слов, можно лучше понять историю идей. В процессе формирования лексики, используемой для выражения понятий «личный опыт» и «научный эксперимент», было несколько драматических моментов, отражающих особенности развития национальных культур и их взаимодействия. Поиск ответа на вопрос о причинах использования одного слова (*l'expérience, esperienza*, опыт) для выражения этих двух понятий в разных языках высветил ряд исторических моментов и персонажей, сыгравших решающую роль в формировании современных представлений об опыте и эксперименте.

Источники

Национальный корпус русского языка (2003-2021). <https://ruscorpora.ru>
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) <http://www.lib.pushkinskijdom.ru>

Литература

- Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. I. М.: «Мысль» (Философское наследие), 1971.
Вольфианская Экспериментальная физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов. Императорской Академии наук член и химии профессор. СПб, 1760.
Житие проропа Аввакума, им самим написанное. М.: «Эксмо», 2021.
Итутина А. Л. «Особенности формирования языка русской науки в XVIII – начале XIX века». Международный научно-исследовательский журнал, No 10 (2020). Сс. 149–151.
Карамзин Н. М. Моя исповедь. Собрание сочинений, Т. 1. Ленинград, 1984.
Котков С. И. Сказки о русском слове. Москва, Наука 1967.
Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России: первая треть XVIII века. Москва, Наука 1966.
Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X-XVII вв. Санкт-Петербург: Наука, 1998.

- Михаила Монтаниевы опыты. Перевод Сергея Волчкова. СПб, 1762.
- Панченко А. М. О русской истории и культуре. Санкт-Петербург: «Азбука», 2000.
- Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 год URL: <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/institut/ran/?id=3018>.
- Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни. СПб, 1762.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М: Наука 1975.
- «Список с грамот царя Ивана Васильевича к шведскому королю». Русская историческая библиотека, No. XXII, СПб, 1908.
- Bacon Francis, *Novum Organum* URL: <http://mlat.uzh.ch/?c=4&w=Baco.NOrg>
- Gorraeus Joannes, *Definitionum medicarum libri XXIV literis Graecis distincti* . . . Frankfurt-am-Main, 1578.
- First Charter, granted to the President Council, and Fellows of the Royal Society of London, by King Charles the Second (1662). URL: https://royalsociety.org/~media/Royal_Society_Content/about-us/history/Charter1_Latin.pdf
- Pumfrey Stephen, Rayson Paul, Mariani John. (2012) Experiments in 17th century English: Manual versus automatic conceptual history in Literary and Linguistic Computing, no 27. pp. 395-408.
- Schmitt B. Charles, (1969) Experience and Experiment: A Comparison of Zabarella's View with Galileo's in *De Motu*, *Studies in the Renaissance*, no. 16. pp. 80-138.

References

- Bekon, F. (1971) *Sochineniya*. [Essays]. V 2-h tomah. T. I. M.: «Mysl'» (Filosofskoe nasledie). (in Russian)
- Vol'fianskaya Eksperimental'naya fizika s nemeckogo podlinnika na latinskom yazyke sokrashchennaya, s kotorogo na rossijskij yazyk perevel Mihajlo Lomonosov. Imp. Akademii nauk chlen i himii professor. [Wolfian Experimental Physics from the original German in Latin is abbreviated, from which Mikhail Lomonosov translated into Russian.] SPb, 1760. (in Russian)
- Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe. [The life of Archpriest Avvakum, written by himself]. (2021) M.: «Eksmo». (in Russian)
- Itutina, A. L. (2020) Osobennosti formirovaniya yazyka russkoj nauki v XVIII – nachale XIX veka. [Features of the formation of the language of Russian science in the XVIII - early XIX century] *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, No 10. pp. 149–151. (in Russian)
- Karamzin, N. M. (1984) *Moya ispoved'*. [My confession]. *Sobranie sochinenij*, T. 1. Leningrad. (in Russian)
- Kotkov, S. I. (1967) *Skazki o russkom slove*. [Fairy tales about the Russian word]. Moskva, Nauka. (in Russian)
- Kutina, L. L. (1966) *Formirovanie terminologii fiziki v Rossii: pervaya tret' XVIII veka*. [Formation of physics terminology in Russia: the first third of the XVIII century.] Moskva, Nauka. (in Russian)
- Lihachev, D. S. (1998) *Razvitie russkoj literatury H-XVII vv.* [The development of Russian literature of the X-XVII centuries]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russian)
- Mihaila Montanievy опыты. Перевод Сергея Волчкова. [Mikhail Montaniev's experiments. Translated by Sergey Volchkov]. SPb, 1762. (in Russian)
- Panchenko, A. M. (2000) *O russkoj istorii i kul'ture*. [About Russian history and culture]. Sankt-Peterburg: «Азбука». (in Russian)
- Proekt polozheniya ob uchrezhdenii Akademii nauk i hudozhestv [Draft regulations on the establishment of the Academy of Sciences and Arts], 1724. (in Russian) URL: <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/institut/ran/?id=3018>.

- Satiry i drugie stihovorcheskie sochineniya knyazya Antioha Kantemira, s istoricheskimi primechaniyami i s kratkim opisaniem ego zhizni. [Satires and other poetic works of Prince Antiochus Cantemir, with historical notes and a brief description of his life]. (1762) SPb. (in Russian)
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI-XVII centuries] (1975) M: Nauka. (in Russian)
- «Spisok s gramot carya Ivana Vasil'evicha k shvedskomu korolyu». Russkaya istoricheskaya biblioteka, No. XXII, (1908) SPb. (in Russian)
- Bacon Francis, Novum Organum URL: <http://mlat.uzh.ch/?c=4&w=Baco.NOrg>
- Gorraeus, J. (1578), Definitionum medicarum libri XXIV literis Graecis distincti. Frankfurt-am-Main.
- First Charter, granted to the President Council, and Fellows of the Royal Society of London, by King Charles the Second (1662). URL: https://royalsociety.org/~media/Royal_Content/about-us/history/Charter1_Latin.pdf
- Pumfrey Stephen, Rayson Paul, Mariani John. (2012) Experiments in 17th century English: Manual versus automatic conceptual history in Literary and Linguistic Computing, no 27. pp. 395-408.
- Schmitt B. Charles, (1969) Experience and Experiment: A Comparison of Zabarella's View with Galileo's in De Motu, Studies in the Renaissance, no. 16. pp. 80-138.

УДК 81-23

Д.Д. ШКАРУБА

Санкт Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

КОНСТРУКЦИЯ «РАБОТА РАБОТОЙ» И ЕЁ ЭКВИВАЛЕНТЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена тавтологическим конструкциям, образованным по схеме «X Хом», и их функционально-эквивалентным фрагментам в англоязычных текстах. Исследование проводилось с целью выявления устойчивых моделей перевода конструкции «X Хом» на английский язык и анализа факторов, которые влияют на выбор конструкции при переводе оригинальных англоязычных текстов. Тавтологии были размечены по параметрам 'Meaning' (значение), 'Semantic Class' (семантический класс) и 'Referent' (референт). В результате анализа примеров художественной литературы из Национального корпуса русского языка выявлено четыре основных стратегии передачи тавтологий: использование в переводе точного повтора, использование модификаторов, использование сравнений и использование устойчивых выражений. Обработка результатов анализа позволила установить наличие связи между семантическими параметрами тавтологий и стратегиями их перевода.

Ключевые слова: модели перевода, тавтологические конструкции, семантика, прагматика, русский язык, английский язык.

RUSSIAN CONSTRUCTION 'RABOTA RABOTOI' AND ITS EQUIVALENTS IN THE ENGLISH LANGUAGE

The paper explores Russian tautologies exemplified by the expressions such as 'rabota rabotoi' (work-nom.sg work-ins.sg) and their equivalents in the English language. Drawing on the dataset from the Russian National Corpus, we analyze the strategies regularly employed to express the meaning of Russian nom-ins tautologies and look at the key factors contributing to the choice of a particular English construction as an equivalent. The dataset was manually annotated according to the following parameters: 'Meaning', 'Sematic Class' and 'Referent'. The results show that there are four common ways of communicating the nom-ins tautologies in the English language as follows: using modifiers, using the exact nominal repetition, using comparisons or using idioms. The findings illustrate statistical dependence between the semantic properties of tautologies and their strategies of translation.

Key words: tautologies, semantics, pragmatics, Russian language, translation strategies.

1. Введение

В настоящей работе рассматриваются конструкции с повторами типа «работа работой» в русском языке и их эквиваленты в английском языке, см. (1), (2).

(1) Шутки шутками, а за такое можно и схлопотать. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине 1971].

A joke's a joke, but it can get me into a lot of trouble. [перевод А. В. Буис].

(2) Долговязый стоит дурак дураком. [И. Э. Бабель. В щелочку 1915].

The lanky man stood there like a total idiot. [перевод П. Константина].

Рассматриваемая конструкция представляет собой сочетание двух словоформ одной и той же леммы (чаще всего, существительного, однако в качестве элементов возможны также прилагательные и местоимения), где первая словоформа стоит в именительном падеже, а вторая в творительном падеже. Конструкция используется для передачи значения предельности качества существительного, соответствия существительного дескриптивной норме и противопоставления. В соответствии с терминологией, введенной В.Ю. Апресян в [Апресян, 2014], для обозначения данной конструкции далее будет использоваться термин «X Хом».

Данные конструкции активно изучаются с общетеоретической и типологической точек зрения, см. [Апресян 2018; Баранов, Добровольский 2019; Janda et al. 2020]. Тем не менее, рассматриваемый подкласс конструкций с повторами пока не становился объектом отдельного исследования в аспекте их межязыковых соответствий. В этом исследовании предпринимается попытка описать тенденции в выборе стратегий перевода данных конструкций на английский язык и тенденции в использовании конструкции в качестве перевода функционально-эквивалентных фрагментов с английского языка.

В качестве материала для анализа были взяты примеры художественной литературы из параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), включая примеры, в которых конструкция «X Хом» находится в оригинальном русскоязычном контексте, снабженном англоязычным переводом, и примеры, где конструкция является результатом перевода оригинального англоязычного фрагмента на русский язык.

2. Тавтологическая конструкция «X Хом» в предшествующих исследованиях

Как отмечалось выше, конструкция типа «работа работой» не становилась предметом отдельного исследования в аспекте межъязыковых соответствий, однако её структурные и семантические свойства активно изучались. Так, первые попытки определить и проанализировать конструкцию «X Хом» были предприняты в работах Н. Ю. Шведовой и Д. Н. Шмелёва в 1960 году. Шведова пишет о том, что эта конструкция нечленима и принадлежит разговорной речи, используя для выражения уступки, согласия и принятия обстоятельств [Шведова, 1960, с. 358]. Шмелёв определяет конструкцию как «существительное в именительном падеже + то же существительное в творительном падеже + но (а и т. д.)» и рассматривает её структуру наряду с такими конструкциями, как «инфинитив + личная форма того же глагола + частица -то», относя её к «именным» [Шмелёв, 1960, с. 53]. Как и Шведова, Шмелёв рассматривает конструкцию только в противительном значении, отмечая возможность её симметричного построения, см. (3), и сравнивая её форму с конструкцией «препозитивный инфинитив + спрягаемая форма того же глагола» (ср. прочитать прочитал, но не запомнил).

(3) «— ... Наконец что же? Ведь риск риском, а благодарность все-таки благодарностью». [А. И. Куприн. Олеся 1898].

Вслед за Д. Н. Шмелёвым возможность параллельного построения конструкции «X Хом» с противительным союзом признают Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв и закрепляют за ней значение разграничения двух противопоставляемых конструкций. В работе также отмечается, что постпозитивная часть противопоставления несет большую экспрессию, см. (4); исключение делается для лирического текста, см. (5) [Булыгина, Шмелёв, 1997, 314].

(4) Геройство геройством, а танки танками. [В. Некрасов].

(5) Правда правдой остается, а молва себе молвой! [А. Твардовский].

В [Стеклова, Гришина, 2010] выделяется пять основных значений конструкции «X Хом»: (а) сравнение; (б) интенсивность признака, качества или свойства; (в) согласие; (г) противительное значение при полипропозитивном высказывании; (д) отдельно рассматривается конструкция «клин клином», которая не является нечленимой и наполнение которой задается валентностью глагола [Стеклова, Гришина, 2010, с. 183]. Примечательно, что Н. М. Стеклова и Т. И. Гришина вслед за Булыгиной и Шмелёвым отмечают большую категоричность второй части полипропозитивного высказывания с противительным союзом [ibid].

Некоторые комментарии о переводах конструкции на английский и немецкий языки дают В. Ю. Апресян и Д. О. Добровольский. В [Апресян, 2014] «X Хом» рассматривается как уступительная конструкция, с помощью которой выражается равнозначность или независимость сопоставляемых элементов. Анализируя конструкцию на материале НКРЯ и Корпуса современного американского английского (СОСА), Апресян говорит о сложности перевода конструкции на английский язык, обусловленной отсутствием прямых функциональных фразеологических эквивалентов. Автор также выделяет «излюбленный» вариант наполнения конструкции существительным «дружба», который образует идиоматичное выражение [Апресян, 2014, с. 218]. К корпусным данным также обращается Д. О. Добровольский [Добровольский, 2019] с целью выяснить, соответствует ли немецкая конструкция ‘X hin, X her’ (букв. ‘X там, X здесь’), интуитивно воспринимаемая как эквивалент русскоязычной конструкции «X Хом», этой конструкции в реальном употреблении.

Наконец, наибольший интерес для нас представляет работа Л. Янды, М. Копотева и Т. Нессета (2020), где авторы анализируют значение конструкции «X Хом» на материале большого массива корпусных данных из НКРЯ в количестве 3088 примеров. Согласно [Janda et al., 2020], конструкция имеет три основных значения: (а) ‘Extreme’ – значение предельности качества существительного, см. (6); (б) ‘Paragon’ – значение соответствия существительного дескриптивной норме, см. (7); (в) ‘Discourse Change’ –

противопоставление, вводимое, чтобы согласиться с собеседником и перейти к обсуждению другой темы, см. (8). Авторы также отмечают наличие трудности при разграничении значений 'Extreme' и 'Paragon' и предлагают ориентироваться на контекст употребления конструкций. Так, значение 'Paragon', в отличие от значения 'Extreme', характерно для реферирования к непримечательным личностям, см. (7).

(6) Быть того не может! Тот был богатырь богатырём, а этот... Нет, не он!

(7) Не так, мол, и дурна, не так, мол, и глупа, ну недотёпа, ну без женских доспехов – доска доской.

(8) Соль солью, и всё же без деталей не обойтись.

3. Сбор и обработка материала

3.1. Характеристика собранных данных

Материал для анализа собран в параллельном русско-английском подкорпусе НКРЯ. На сегодняшний день корпус насчитывает около 288 миллионов слов.

Были собраны примеры из художественной литературы XIX-XXI вв. Далее мы опирались на методологию из [Janda et al., 2020]. В первую очередь внимание уделялось примерам перевода оригинального русскоязычного текста на английский язык; также привлекался и материал, в котором конструкция «X Хом» является переводом фрагмента из оригинального англоязычного литературного произведения (см. Приложение 2). Общее число примеров, содержащих целевую конструкцию и рассматриваемых в этой работе, составило 99 штук. 60 из этих примеров содержат перевод конструкции с русского языка на английский, а 39 примеров – перевод англоязычного текста на русский язык с использованием целевой конструкции.

Поиск по корпусу был выполнен с использованием следующего запроса:

```
a* S,nom,sg, distance: 1 from a* S,ins,sg lexred
```

Из выборки были исключены схожие по структуре конструкции, которые не относятся к конструкции «X Хом» семантически, например, реципрокальное местоимение «друг другом».

3.2. Параметры разметки данных

Собранный материал был внесен в таблицу в сжатом ('source context (short)') и расширенном контексте ('source context (full)'). Для анализа значения собранных конструкций примеры были размечены по следующим параметрам: 'Semantic Class' («семантический класс»), 'Meaning' («значение») и 'Source-Target Correspondence' («соответствие целевому контексту»).

Параметр 'Semantic Class' (семантический класс повторяющегося элемента) имеет три возможных значения: 'Creature' (указывает на одушевленность исходного существительного), 'Object' (указывает на неодушевленность исходного существительного) и 'Notion' (указывает на абстрактность значения исходного существительного). Отдельно был выделен параметр 'Referent' (референт), который имеет аналогичные значения и указывает на конкретный объект, обозначаемый конструкцией в данном контексте. Значения двух параметров могут различаться: например, при метафорическом переносе качеств неодушевленного объекта на живое существо (см. пример 11 ниже) денотат и референт принадлежат к разным классам.

Параметр 'Meaning' оформляется с опорой на классификацию из [Janda et al., 2020], поскольку это единственное исследование, в котором при рассмотрении конструкции применяется обширный массив корпусных данных. В этой работе используются основные значения параметра: 'Extreme', 'Paragon' и 'Discourse Change' (см. расшифровку и примеры выше).

Параметр 'Source-Target Correspondence' отражает степень соответствия оригинального контекста переводу. Мы используем тег 'COMPL' для маркировки случаев полного структурного и семантического соответствия оригинала и перевода, то есть в тех случаях, когда в переводе сохраняется исходный повтор, см. (9). Тег 'PART1' используется для

обозначения переводов с сохранением семантического соответствия, но с частичной потерей структурного соответствия, см. (10). Тег 'PART2' обозначает наличие структурного соответствия с частичной потерей семантического соответствия. Примеров с таким типом соответствия на материале нашего исследования не встретилось. Тег 'PART3' используется для маркировки примеров, которые имеют частичное структурное и/или частичное семантическое соответствие оригиналу, см. (11). Тег 'NO' указывает на то, что переводчик опустил соответствующий конструкции фрагмент, см. (12).

(9) Игнат, приглаживая широкой ладонью кудрявые волосы на голове, деловито и спокойно сказал: — Страх — страхом, а дело — делом! [Максим Горький. Мать 1906].

This curly-haired, robust fellow put her into a good humor by his sincerity, which sounded in his every word, and shone from his round, determined face. "Fear is fear, and business is business!" he answered with a grin. [Перевод Д. Хогарта].

(10) Трудно представить, как они там договаривались, но факт фактом: Казаков поддался на Колины речи. [Д. Н. Медведев, М. Белахова. Это было под Ровно 1948].

It is hard to imagine how they came to an agreement, but the fact remains that Kazakov yielded to Kolya's persuasions. [Перевод Д. Скривски].

(11) Лошади, вишь, отменные, кучер по форме, коляска под лаком и седок гора горой, жиром заплыл, еле ворочается... [П. П. Бажов. Хрупкая веточка 1940].

The horses were sleek, the coachman had a livery, the carriage was shining and the man in it was all puffed up, so fat he could hardly move... [Перевод Е. Мэннинг].

(12) Стыд стыдом, а дожить тоже надо. Пусть лучше ему будет стыдно. [Василий Шукшин. Как помирал старик 1967].

If he has no sense of shame, you'll have no choice but to do it. [Перевод Х. Смит].

4. Результаты

4.1. Конструкция X Хом и ее модели перевода

4.1.1. Основные стратегии перевода конструкции на английский язык

Опираясь на результаты анализа примеров, можно говорить о наличии четырех основных стратегий перевода конструкции «X Хом» на английский язык (Диаграмма 1).

Во-первых, перевод может содержать тавтологию ('Taut'); в этом случае оригинальный и переводной фрагменты имеют формальную эквивалентность. Тавтологии могут устанавливать тождество или содержать дизъюнкцию, см. (13) и (14).

(13) Дружба дружбой, как говорится, а казначейский табачок — врозь. [Владимир Сорокин. День опричника 2006].

Friendship is friendship, as they say, but Treasury tobacco is something else altogether. [Перевод Дж. Гамбрелла].

(14) - Ошибка ошибкой, — проговорил заведующий магнитной лабораторией, — но ведь за ошибку человека не делают академиком. [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 2 1960].

'Mistake or no mistake,' said Svechin, 'they don't make someone an Academician for nothing.' [Перевод Р. Чандлера].

Во-вторых, в качестве функционально-эквивалентного фрагмента в английском языке может использоваться конструкция с модификатором ('Modif'), который указывает либо на соответствие исходного существительного дескриптивной норме, см. (15), либо на предельную степень проявления признака, см. (16).

(15) — Муж-то глухой, глупый, — продолжал Яков, не слушая Костыля, — так, дурак-дураком, всё равно, что гусь. [А. П. Чехов. В овраге 1899].

'Her husband's deaf and stupid,' Yakov went on, not hearing Crutch, 'a regular fool, just like a goose.' [Перевод К. Гарнетт].

(16) Пока не придумал — смотреть на него жалко, дурак дураком. [И. Э. Бабель. В шелочку 1915].

Until he had come up with a name, he was too pathetic to look at — a real idiot. [Перевод П. Константина].

В-третьих, в качестве функционально-эквивалентного фрагмента для тавтологической конструкции «X Хом» может использоваться сравнительный оборот ('Comp'), вводимый словами 'as', 'like' и т.д., см. (17).

(17) Я отдала ему деньги, показала ему свою болезнь, словом, была дура душой. [А. И. Куприн. Яма 1870].

I gave him his money back, showed him my disease in a word, I acted like a fool among fools. [Перевод Б. Г. Берни].

В-четвертых, конструкция «X Хом» в переводе может соответствовать идиоматичному выражению ('Idiom'), см. (18).

(18) Представились, ну, одним словом, все честь честью. [В. В. Набоков. Подлец 1927].

They introduced themselves, and, well, to put it in a nutshell, everything is in order. [Перевод Д. и В. Набоковых].

Было обнаружено также два примера перевода, которые мы обозначали как 'Paraphrase' (перифраза) и при подсчете результатов не учитывали, см. (19) и (20).

(19) — Сначала-то он честь честью сел и водки потребовал, — говорила Мануйлиха, — а потом и пошел и пошел. [А. И. Куприн. Олеся 1898].

'At first he sat down nicely and asked for some vodka,' said Manuilikha, 'and then he let go'. [Перевод С. Апресяна].

(20) Как-то боярин прискакал на стену туча тучей. [Василий Ян. Батый 1875].

One day the boyar galloped up to the wall, gloomy and sad. [Перевод Л. Э. Бриттона].

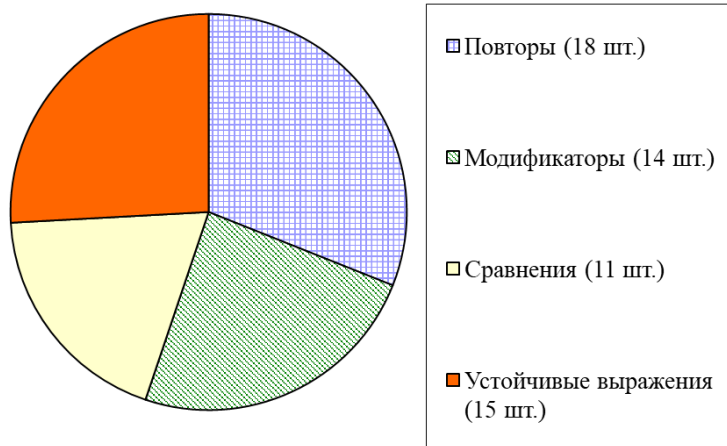

Диаграмма 1. Общее соотношение стратегий для подкорпуса русский-английский

4.1.2. Типы значений конструкции «X Хом» и стратегии перевода

Результаты анализа показали зависимость стратегии перевода конструкции на английский язык в зависимости от ее значения, см. таблицу 1. Наблюдаемая зависимость статистически значима ($p < 0.01$).

Тавтологические конструкции, употребленные в значении 'Discourse Change', обычно переводятся конструкциями с повтором (15 из 25), см. (21). Конструкции в этом значении также могут переводиться с помощью устойчивого сочетания 'all very well' (4 из 25). Конструкции в значении 'Extreme' переводятся с помощью модификаторов (9 из 20), см. (22). Конструкции в значении 'Paragon' могут переводиться как с помощью модификаторов (5 из 13), так и с помощью сравнений (4 из 13) см. (23) и (24) соответственно.

Следует отметить, что конструкции, в которых слоты заполнены тождественными языковыми единицами, как правило, принадлежат к одному типу значения. Например, конструкция «честь честью» в 10 случаях из 11 относится к типу значения ‘Extreme’, а также все употребление конструкции «дружба дружбой» относятся к типу значения ‘Discourse Change’.

(21) – Ну, Вешнянка, война войной, а тесто ставить надо! [Василий Ян. Батый 1875].

‘Well, Veshnyanka, war or no war — must make the dough!’ [Перевод Л. Е. Бриттона].

(22) ...глаза как лукошко, скелет скелетом, сюртук на нем с чужого плеча, желт как пулавка — и она его жена, она его любит... да это сон какой-то... [И. С. Тургенев. Накануне 1859].

...eyes like saucers, a perfect skeleton; his coat hanging loose on his shoulders, his face as yellow as a guinea, and she's his wife — she loves him — it must be a bad dream. [Перевод К. Гарнетт].

(23) — Муж-то глухой, глупый, — продолжал Яков, не слушая Костыля, — так, дурак-дураком, всё равно, что гусь. [А. П. Чехов. В овчаре 1899].

‘Her husband's deaf and stupid,’ Yakov went on, not hearing Crutch, ‘a regular fool, just like a goose.’ [Перевод К. Гарнетт].

(24) — Вот язык у тебя крапивной, а сам ты балда балдоу, и уши у тебя холодные. [Н. А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) 1930-1934].

‘Take you, you've got a tongue like a stinging nettle but you're no better than a donkey, and your ears are cold.’ [Перевод Р. Прокофьевой].

Таблица 1. Типы значений и стратегии перевода

	Стратегия 1 (повтор)	Стратегия 2 (модификатор)	Стратегия 3 (сравнительная конструкция)	Стратегия 4 (устойчивое выражение)	Сумма
DCH	15	0	0	10	25
Extreme	1	9	7	3	20
Paragon	2	5	4	2	13
Всего	17	17	10	19	58

4.3. Семантика исходного существительного в конструкции «X Хом» и стратегии перевода

Принадлежность существительного к тому или иному семантическому полю также отражается на выборе стратегии перевода, см. Таблицу 2. Связь между семантикой существительного в конструкции и стратегиями перевода статистически значима ($p < 0.01$). Так, переводчики склонны переводить существительные, обозначающие живых существ, с помощью сравнений (7 из 16), ср. (17). Понятия, обозначающие нематериальные сущности, часто переводятся с помощью повторов (12 из 27) и устойчивых выражений (10 из 27), см. (25) и (26) соответственно. Среди существительных, обозначающих неодушевленные предметы, встречаются все стратегии перевода практически в одинаковой мере.

(25) Шутки шутками, а за такое можно и схлопотать. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине 1971].

A joke's a joke, but it can get me into a lot of trouble. [Перевод А. Буис].

(26) Трудно представить, как они там договаривались, но факт фактом: Казаков поддался на Колины речи. [Д. Н. Медведев, М. Белыхова. Это было под Ровно 1948].

It is hard to imagine how they came to an agreement, but the fact remains that Kazakov yielded to Kolya's persuasions. [Перевод Д. Сквирски].

Таблица 2. Семантика существительного и стратегии перевода

	Стратегия 1 (повтор)	Стратегия 2 (модификатор)	Стратегия 3 (сравнительная конструкция)	Стратегия 4 (устойчивое выражение)	Сумма
Creature	2	6	7	1	16
Object	4	4	3	4	15
Notion	12	4	1	10	27
Всего	18	12	11	15	58

4.2. Оригинальные англоязычные фрагменты и типы значения конструкции «X Хом» в переводе

Англоязычные оригинальные эквивалентные фрагменты, которые переводятся на русский язык конструкцией «X Хом» в значении ‘Discourse Change’, могут так же, как и переводные фрагменты, содержать лексический повтор (2 из 11), см. (27), однако это нельзя назвать закономерностью. Ряд оригинальных англоязычных фрагментов, переводимых конструкцией со значением ‘Discourse Change’, не поддаются классификации, предложенной для стратегий перевода конструкции: они не содержат повтора, модификаторов, сравнений или устойчивых выражений, см. (28).

Оригинальные англоязычные конструкции, которые представлены в переводе конструкцией «X Хом» в значении ‘Paragon’ содержат модификаторы – 3 из 14, и сравнения – 4 из 14). Также представлены англоязычные эквивалентные фрагменты в значении ‘Paragon’, которые не содержат модификатора (4 из 14), см. (29).

(27) Suddenly he saw, too, that there were spiders huge and horrible sitting in the branches above him, and ring or no ring he trembled with fear lest they should discover him. [J. R. R. Tolkien. The Hobbit 1937].

Бильбо задрожал: кольцо кольцом, а вдруг они его почуют? [Перевод Н. Рахмановой].

(28) Now for every one there should be someone to whom one can speak frankly, for all the valor that one could have one becomes very alone. [Ernest Hemingway. For Whom The Bell Tolls 1940].

А теперь надо, чтобы у каждого был кто-нибудь, с кем можно поговорить по душам, потому что отвага отвагой, а одиночество свое все-таки чувствуешь. [Перевод Н. Волжиной и Е. Калашниковой].

(29) ...the duke he looks at him stupid and leatherheaded a while; then all of a sudden he seems to catch his meaning, and jumps for the king... [Mark Twain. The Adventures of Huckleberry Finn 1884].

...герцог сначала смотрит на него дурак дураком, а потом вдруг бросается к королю... [Перевод Н. Дарузес].

Заключение

Полученные данные позволяют говорить о некоторых тенденциях в выборе стратегий перевода тавтологических конструкций типа «X Хом» в зависимости от их характеристик. Так, для русскоязычных конструкций в значении ‘Discourse Change’ характерен перевод с помощью тавтологий, устанавливающих тождество, или дизъюнктивных тавтологий; конструкции в значении ‘Extreme’ часто переводятся модификаторами; для перевода конструкций в значении ‘Paragon’ переводчики склонны выбирать модификаторы или сравнительные конструкции. Русскоязычные тавтологические конструкции с абстрактными существительными ‘Notion’, переводятся помощью повтора; существительные, обозначающие объекты и живых существ (‘Creature’ и ‘Object’) переводятся сравнительными конструкциями.

Англоязычные оригинальные функциональные фрагменты, которые соответствуют русскоязычным тавтологическим конструкциям в переводе, имеют следующие характеристики. Конструкция со значением ‘Discourse Change’ в переводе используется

для англоязычных конструкций с повторами. Конструкция «X Хом» со значением 'Extreme' используется для перевода английских фрагментов, содержащих модификаторы. Русскоязычные переводы конструкций со значением 'Paragon' используется для перевода оригинальных англоязычных конструкций с модификатором или без него. Русскоязычные переводные фрагменты с конструкцией «X Хом», где существительное принадлежит к семантическому классу 'Creature', нередко в оригинале соответствуют фрагментам с модификаторами или сравнительными конструкциями. Для оригинальных англоязычных соответствий конструкциям с существительными классов 'Notion' и 'Object' закономерностей установить не удалось. Данный вопрос требует уточнения данных и дальнейшего изучения.

Приложение 1. Таблица. Значения конструкции и стратегии перевода

№	Source context	Target context	Meaning	Semantic class / referent	Source-Target Correspondence	Strategy
1	Игнат, приглаживая широкой ладонью кудрявые волосы на голове, деловито и спокойно сказал: — Страх — страхом, а дело — делом! Максим Горький. Мать (1906)	This curly-haired, robust fellow put her into a good humor by his sincerity, which sounded in his every word, and shone from his round, determined face. 'Fear is fear, and business is business!', he answered with a grin. Пер. D.J. Hogarth (1921)	Discourse Change	Notion	COMPL	Taut
2	Стыд стыдом, а дожить тоже надо. Пусть лучше ему будет стыдно. Василий Шукшин. Как помирал старик (1967)	If he has no sense of shame, you'll have no choice but to do it. Пер. Holly Smith (1980)	Discourse Change	Notion	PART3	Idiom

3	<p>Но Шуре уж точно не надо было вырывать глаз — они и так были полны слез, и она готова была провалиться сквозь землю, но стояла в растерянности пень пнем.</p> <p>Людмила Улицкая. Зеленый шатер (2011)</p>	<p>But there was no need to tear out Shura's eyes — they were already filled with tears, and she wanted to die of shame. She stood rooted to the spot.</p> <p>Пер. Bela Shayevich (2014)</p>	Extreme	Object / Creature	PART3	Idiom
4	<p>Тронул он "галошу". Лицо у него спокойное и ясное сделалось: видно, все понял. Они ведь все, очкарики, такие. Им главное название придумать. Пока не придумал — смотреть на него жалко, дурак дураком. Ну а как придумал какой-нибудь гравиконцентрат тут ему словно все понятно становится, и сразу ему жить легче.</p> <p>А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)</p>	<p>He started the boot. His face was calm and clear. Obviously he understood. They're all like that, the eggheads, the most important thing for them is to find a name for things. Until he had come up with a name, he was too pathetic to look at — a real idiot. But now that he had some label like graviconcentrate, he thought that he understood everything and life was a breeze.</p> <p>Пер. Antonina W. Bouis (1977)</p>	Extreme	Creature	PART1	Modif

5	<p>Вскоре надзиратель рудничный подошел. Посмеяться ладил, а видит — у Степана поверх урока наворочено, и малахит отбор, сорт сортом.</p> <p>П. П. Бажов. Медной горы хозяйка (1936)</p>	<p>Soon after that the overseer came along to jeer at him, but stopped and stared — for Stepan had done much more than the task set, all fine malachite, you couldn't find better anywhere.</p> <p>Пер. Eve Manning (1945)</p>	Extreme	Object	PART3	Comp
6	<p>Лет двадцать назад, помню, тут и гуси были, и журавли, и утки, и тетерева — туча тучей!</p> <p>А. П. Чехов. Свирель (1887)</p>	<p>I remember twenty years ago there used to be geese here, and cranes and ducks and grouse — clouds and clouds of them!</p> <p>Пер. Constance Garnett (1900-1930)</p>	Extreme	Object	COMPL	Taut
7	<p>На голову выше, старая красавица склонилась, а он был перед ней гном гномом, но от нее исходил страх, а от него угроза.</p> <p>Людмила Улицкая. Зеленый шатер (2011)</p>	<p>A head taller than he, the older beauty had to bend down to communicate with this gnomish creature; still, she exuded fear, and he menace.</p> <p>Пер. Bela Shayevich (2014)</p>	Paragon	Creature	PART1	Modif
8	<p>Я перед соседями зверь зверем получился, а Неудобнов, оказывается, людей бережет.</p> <p>В. С. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 2 (1960)</p>	<p>Now they all think of me as a brute and Nyeudobnov as someone who looks after his men.</p> <p>Пер. Robert Chandler (1985)</p>	Paragon	Creature	PART1	Comp

9	- Служба, что ли, тяжёлая? - Служба службой... Конечно, не гулянье, да и начальство, надо сказать, строгое, а только все же не с этого...	'Do you find the service so hard to bear?' 'Service is service — it's no picnic, to be sure. And we're driven pretty hard by our superiors. But it's not that....' Пер. Suzanne Rozenberg (1978)	Paragon	Notion	COMPL	Taut
---	--	--	---------	--------	-------	------

Приложение 2. Источники англоязычных функционально-эквивалентных фрагментов для конструкции «X Хом»

- A. N. Afanasiev. If You Don't Like It, Don't Listen (Norbert Guterman, 1976)
A. N. Afanasiev. The Footless Champion and the Handless Champion (Norbert Guterman, 1976)
Aleksandr Kuprin. Moloch (Stepan Apresyan, 1982)
Aleksandr Kuprin. Olesya (Stepan Apresyan, 1982)
Aleksandr Kuprin. Yama (Bernard Guilbert Guerny, 1929)
Anatoli Rybakov. Children of the Arbat (Harold Shukman, 1988)
Anatoly Kuznetsov. Babi Yar (David Floyd, 1970)
Anton Chekhov. In the Coach-House (Constance Garnett, 1900-1930)
Anton Chekhov. In the Ravine (Constance Garnett, 1900-1930)
Anton Chekhov. The Pipe (Constance Garnett, 1900-1930)
Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. Roadside Picnic (Antonina W. Bouis, 1977)
Dmitry Medvedev. Stout hearts (David Skvirsky, 1961)
Evgeny Petrov, Ilya If. The Twelve Chairs (John Richardson, 1961)
Fazil Iskander. The Thirteenth labour of Hercules (Robert Daglish and K.M. Cook-Horujy, 1972-1989)
Fedor Dostoevsky. The Possessed, or The Devils (Constance Garnett, 1913)
Isaac Babel. The Bathroom window (Peter Constantine, 2002)
Ivan Turgenev. Lebedyan (Constance Garnett, 1895)
Ivan Turgenev. Old Portraits (Constance Garnett, 1899)
Ivan Turgenev. On the Eve (Constance Garnett, 1895)
Ivan Turgenev. Smoke (Constance Garnett, 1896)
Ivan Turgenev. The Brigadier (Constance Garnett, 1899)
Konstantin Stanyukovich. The Nurse (Bernard Isaacs, 1969)
Leo Tolstoy. The Awakening (parts 2-3) (William E. Smith, 1900)
Liudmila Ulitskaia. The Big Green Tent (Bela Shayevich, 2014)
Maxime Gorky. Mother (D.J. Hogarth, 1921)
Nikolai Ostrovsky. How the Steel was Tempered (pt 1) (R. Prokofieva, 1952)
Nikolay Gogol. Dead Souls (D.J. Hogarth, 1931)
Pavel Bazhov. A Fragile twig (Eve Manning, 1945)
Pavel Bazhov. That spark of life (Eve Manning, 1945)
Pavel Bazhov. The malachite gasket (Eve Manning, 1945)
Pavel Bazhov. The Mistress of the copper mountain (Eve Manning, 1945)
Theodore Dreiser. The Financier (1912)
Vasili Shukshin. How the Old Man Died (Holly Smith, 1980)
Vasili Yan. Batu-Khan (Lionel Erskine Britton, 1945)
Vasily Grossman. Life and fate. Part 2 (Robert Chandler, 1985)
Vladimir Korolenko. The River plays (Suzanne Rozenberg, 1978)

Vladimir Korolenko. The Strange one (Suzanne Rozenberg, 1978)
Vladimir Nabokov. An affair of honor (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov, 1966)
Vladimir Nabokov. Laughter in the dark (Vladimir Nabokov, 1938-1960)
Vladimir Nabokov. Perfection (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov, 1975)
Vladimir Nabokov. The Event (Dmitri Nabokov, 1984)
Vladimir Savchenko. Success algorithm (Helen Salts Jacobson, 1979)
Vladimir Sorokin. Day of the Oprichnik (Jamey Gambrell, 2011)
Vsevolod Garshin. The Meeting (Bernard Isaacs, 1959)
Charles Dickens. The Tale of two Cities (1859)
Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. The Silver Chair (1953)
Ernest Hemingway. For Whom The Bell Tolls (1940)
Ernest Hemingway. The Sun Also Rises (1926)
George Orwell. Animal Farm (1945)
Herman Melville. Moby-Dick (1851)
Isaac Asimov. The Gods Themselves (1972)
J. D. Salinger. The Catcher in the Rye (1951)
J. R. R. Tolkien. The Hobbit (1937)
Jack London. Martin Eden (1909)
Jack London. The Burning Daylight (1910)
Jane Austen. Persuasion (1816)
Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat (To Say Nothing Of The Dog) (1889)
John Steinbeck. Of Mice and Men (1937)
John Steinbeck. The Grapes of Wrath (1939)
Kenneth Grahame. The Wind in the Willows (1908)
Lemony Snicket. The Carnivorous Carnival (2002)
Margaret Mitchell. Gone with the Wind, Part 1 (1936)
Margaret Mitchell. Gone with the Wind, Part 2 (1936)
Mark Twain. The Adventures of Huckleberry Finn (1884)
Robert Louis Stevenson. Kidnapped (1886)
Theodore Dreiser. The «Genius», book III (1915)
Theodore Dreiser. The Financier (1912)
Thomas Hardy. Far from the Madding Crowd (1874)
Vladimir Nabokov. Ada, or Ardor (1968)
Vladimir Nabokov. Look at the harlequins! (1974)
William Golding. Lord of the Flies (1954)

Литература

Апресян В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке: Дисс. ... докт. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. 637 с.
Апресян В. Ю. Русские конструкции с синтаксической редупликацией цветообозначений: корпусное исследование // Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22, №3. С. 653–674.
Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Идиоматичность дублетных форм // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 51–67.
Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
Стексова Т. И., Гришина Н. М. Русские тавтологические конструкции и практика их перевода // Сибирский филологический журнал. 2010. № 3. С. 178–185.
Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Учебник. М.: Академия наук, 1960. 378 с.

Шмелёв Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.

Janda, L. A., Kopotev, M. & Nessel, T. (2020) Constructions, their families and their neighborhoods: the case of durak durakom 'a fool times two'. // Russ Linguist. No. 44. pp. 109–127.

References

Apresyan, V. Yu. (2014) Mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodejstviya slozhnyh znachenij v yazyke [Mechanisms of formation and interaction of complex meanings in the language]: Diss. ... dokt. filol. nauk. M.: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. (in Russian)

Apresyan, V. Yu. (2018) Russkie konstrukcii s sintaksicheskoj reduplikaciej cvetooboznachenij: korpusnoe issledovanie [Russian constructions with syntactic reduplication of color meanings: a case study] // Russian Journal of Linguistics. V. 22, №3. pp. 653–674. (in Russian)

Baranov, A. N. & Dobrovol'skij D. O. (2019) Idiomaticnost' dubletnyh form [Idiomaticity of doublet forms] // Voprosy yazykoznanija. № 6. pp. 51–67. (in Russian)

Bulygina, T. V. & Shmelyov A. D. (1997) Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki). [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». (in Russian)

Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. [National Corpus of the Russian language] URL: <http://ruscorpora.ru> (in Russian)

Steksova, T. I. & Grishina N. M. (2010) Russkie tautologicheskie konstrukcii i praktika ih perevoda [Russian tautological constructions and the practice of their translation] // Sibirskij filologicheskij zhurnal. № 3. pp. 178–185. (in Russian)

Shahmatov, A. A. (2001) Sintaksis russkogo yazyka. [Syntax of the Russian language]. M.: Editorial URSS. (in Russian)

Shvedova, N. Yu. (1960) Oчерki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi. Uchebnik. M.: Akademiya nauk. (in Russian)

Shmelyov, D. N. (1960) О «svyazannyh» sintaksicheskikh konstrukciyah v russkom yazyke [About "related" syntactic constructions in the Russian language] // Voprosy yazykoznanija. № 5. pp. 47–60. (in Russian)

Janda, L. A., Kopotev, M. & Nessel, T. (2020) Constructions, their families and their neighborhoods: the case of durak durakom 'a fool times two'. // Russ Linguist. No. 44. pp. 109–127.

УДК 81-23

Е.С. ТАРАСОВА

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской Академии Наук
Москва, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КАК ИНСТРУМЕНТА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В НОВУЮ ЭПОХУ (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНСКО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА)

В данной работе с учетом практического опыта автора в области японско-русского синхронного и последовательного перевода рассматриваются основные особенности коммуникативных, когнитивных и прагматических аспектов деятельности переводчика,

обусловленные переходом в онлайн-формат и изменением форм межъязыковой коммуникации вследствие пандемии коронавируса. Проводится анализ новых профессиональных компетенций переводчика-синхрониста, обусловленных созданием рабочего места удаленного переводчика и использованием RSI-платформ. Указываются положительные аспекты перехода на удаленную работу, а также факторы, влияющие на усиление психофизиологической нагрузки переводчика. Анализируются перспективы дальнейшего развития данных форм перевода, указываются проблемные моменты, на которые следует обратить внимание.

Ключевые слова: межъязыковая коммуникация, перевод, синхронный перевод, последовательный перевод, шушутаж, висперинг, письменный перевод, русско-японский перевод, японско-русский перевод, RSI-платформы, рабочее место удаленного переводчика, удаленная работа

E. TARASOVA
Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

INTERPRETATION AS AN INSTRUMENT OF INTERLINGUAL COMMUNICATION IN NEW ERA (JAPANESE-RUSSIAN INTERPRETATION TAKEN BY THE EXAMPLE)

The main focus of this paper are the communicative, cognitive and pragmatic aspects of the interpreter activity, caused by the transition to the online format and the change in the forms of interlingual communication due to the COVID-19 pandemic. The research is based on the author's practical experience in the field of Japanese-Russian simultaneous and consecutive interpretation. New professional competencies of a simultaneous interpreter due to the creation of a remote translator's workplace and the use of RSI platforms are the subjects of analysis. The positive aspects of the transition to remote work, as well as factors affecting the increase in interpreter's psychophysiological load, are indicated. The prospects for the further development of these forms of translation are the subject of analysis.

Key words: interlingual communication, interpretation, simultaneous interpretation, consecutive interpretation, translation, whispering, Japanese-Russian interpretation, Russian-Japanese interpretation, RSI-platforms, remote interpreter working place, remote work

В данной работе, исходя из понятия перевода как инструмента межъязыковой коммуникации [Швейцер, 1988, с.75], опираясь на личный практический опыт автора в области японско-русского синхронного и последовательного перевода, мы рассмотрим основные происходящие изменения с точки зрения коммуникативных, когнитивных и прагматических аспектов деятельности переводчика в наши дни.

Пандемия COVID-19 внесла свои коррективы во все аспекты деятельности человека, и перевод как инструмент межъязыковой коммуникации также не стал исключением. Из-за сложностей, связанных с пересечением границ государств, новых условий выезда в другие страны, сокращения авиаперевозок, введения карантинных, а также психологических ограничений, сдерживающих межгосударственные и прочие контакты, значительно сократилось число международных визитов, конференций, симпозиумов, а те из них, что сохранили свое существование, перешли в удаленный (онлайн) формат. Практически отменилось сотрудничество в области промышленности и других отраслей экономики. Прекратились туристические и гуманитарные контакты. Всё это не могло не сказаться на ситуации с переводом.

В подавляющем большинстве случаев перевод стал осуществляться онлайн, с использованием различных платформ, что внесло изменения как в техническое оснащение, так и в коммуникативные, когнитивные и прагматические аспекты перевода и межъязыковой коммуникации.

Наибольшие перемены затронули синхронный перевод, в области последовательного перевода и работы гидов-переводчиков также появилось немало нового. Не будет преувеличением сказать, что мы находимся в процессе выработки новых форм и правил межъязыковой коммуникации в целом и перевода в частности. Единственная отрасль, которая осталась прежней, - письменный перевод: он и ранее существовал в удаленном формате, происходящие в этой отрасли изменения не являются существенными и затрагивают только объемы и тематику переводов.

Синхронный перевод (СП)

Синхронный перевод - один из самых молодых видов перевода, ему нет еще и ста лет [Ширяев, 1979, с.3], [Чернов, 1978, с.5]. Основные правила работы переводчиков и принципиальные технологические аспекты были разработаны в середине прошлого века и практически не менялись за последние пятьдесят лет, за исключением совершенствования стандартного оборудования для СП и сокращения количества переводчиков в кабине с трех до двух человек. Но за последние полтора года вследствие пандемии коронавируса, которая оказала влияние на все сферы жизни, в СП также произошли значительные изменения.

Основная причина всех изменений - переход на удаленную работу. В современной повестке произошла смена форм межъязыковой коммуникации, что оказало влияние и на перевод. Теперь необязательно физическое присутствие выступающих в одном зале. Они могут находиться в абсолютно разных точках Земного шара. Так же и переводчики могут не сидеть вдвоем в одной кабине, в зале заседаний или по близости от него. В связи с этим практически потеряла свою актуальность такая разновидность СП, как шшутаж или висперинг.

В связи с развитием пропускных способностей Интернет-связи, а также совершенствованием программного обеспечения и оборудования, незадолго до начала пандемии компании, предоставляющие услуги синхронного конференц-перевода, стали внедрять RSI-платформы (программные приложения удаленного СП). Данные системы позволяли работодателю значительно сократить расходы на аренду кабин и оборудования, на перелет, проживание и питание переводчиков, не вызывая их на место проведения мероприятия, а пользуясь их услугами в удаленном режиме. В таких случаях обычно предполагалось, что переводчики работают из кабины или студии, которую предоставляет компания и которая географически не находится в том месте, где выступают докладчики.

Сначала подобные платформы казались диковинкой, которая вызывала настороженность заказчиков и беспокойство переводчиков о собственном будущем, но массовый переход перевода в онлайн-формат привел к увеличению количества таких платформ и совершенствованию их функционала. В качестве примеров мы можем назвать RSI-платформы: KUDO, Interprefy, VOICEBOXER, Interactio, SPEAKUS и VERSPEAK, а также разработанная недавно переводчиками-синхронистами во главе с А. Клеванским AUDIX. Некоторые из них не только предоставляют техническое оснащение перевода, позволяя переводчику работать удаленно со своего рабочего места, но и становятся event-площадками, организующими всё онлайн-мероприятие в целом. Многие из платформ удобны с точки зрения наглядности для пользователей, но обладают сложным функционалом и предполагают так называемый “онбординг” - предварительное обучение переводчика. Подробный обзор особенностей RSI-платформ и сравнительный анализ сделаны переводчиком-синхронистом Н.Федоренковой [Федоренкова, 2020].

Сложность функционала, наличие довольно дорогостоящих платных услуг и недостаток информированности заказчика приводит к тому, что в большинстве случаев используется платная версия Zoom, со встроенной функцией СП (реже аналогичные системы Microsoft

Teams, Webex или Skype), а при наличии разнообразных каналов для выступающих предпочитают “по старинке” вызывать переводчика на объект.

Мы остановимся на особенностях RSI на платформе Zoom, так как нас будут интересовать не столько технические особенности тех или иных платформ, сколько те изменения в работе и коммуникативном поведении переводчиков-синхронистов, которые они вызывают.

Прежде всего, значительным образом изменилось рабочее место переводчика. Изменилось настолько, что определение СП, как “профессионального вида устного перевода конференций, который осуществляется одновременно с восприятием сообщения на языке оригинала с помощью технических средств в специально оборудованной кабине и в процессе которого — в условиях дефицита времени — на единицу текста перерабатывается информация ограниченного объема” [Чернов, 1978, с.13], утратило свою актуальность. Теперь переводчик-синхронист сам заботится об оснащении своего рабочего места и зачастую сам выполняет функции техника. Стандартный набор рабочего места удаленного синхронного переводчика состоит из: персональный компьютер, гарнитура или высококачественные наушники и микрофон на стойке или пантографе, иногда микшерный пульт, лимитер, ограничивающий искажения и перегрузки входящего звукового сигнала, дополнительный монитор для вывода презентаций и прочих материалов на экран, высокоскоростной проводной Интернет, желательно две линии с возможностью переключения, а также WiFi, UPC - устройство бесперебойного питания на случай аварийных ситуаций. При работе с платформами, где нет возможности прослушивания двух каналов: выступающего и перевода, необходимо наличие второго устройства: смартфона или планшета для дополнительного подключения, позволяющего слышать напарника.

Отсутствие кабины и удаленность работы внесли свои изменения и в дресс-код переводчика. Стал достаточен официальный, хорошо смотрящийся на экране “верх” при абсолютно неформальном “ниже”. Переводчик получил большую свободу в перерывах между сменами: он может общаться с близкими и питомцами, принимать пищу и т.д. На своем рабочем месте он чувствует себя более комфортно, чем в тесной и душной кабине. Ему не нужно тратить время на дорогу до объекта и обратно. При этом ослабевают чувства, вызываемые эффектом присутствия, исчезают те преимущества СП, о которых говорил А.Д. Швейцер: “синхрон - это не только нелегкий труд, но и приносящее удовлетворение состязание в мастерстве, и, что самое главное, это “праздник, который всегда с тобой”, переносящий тебя из атмосферы будничной повседневности в совершенно другой мир. Это мир сопричастности важным, часто историческим событиям, которые происходят на ваших глазах, это мир путешествий, контактов с интересными людьми, познания нового”. [Швейцер, 1988, с.50].

Что касается профессиональных компетенций синхрониста, то к ним добавились новые умения: установка и эксплуатация оборудования на рабочем месте переводчика, работа в RSI-платформах. По существу, переводчик стал выполнять задачи техников, обеспечивающих слаженную работу. Если раньше при наличии хороших технических специалистов ему не приходилось обращать повышенное внимание на правильность переключения языков, включения/выключения микрофона, то теперь во многих случаях эта ответственность лежит исключительно на нем самом, что затрачивает его ресурс внимания и увеличивает психофизиологическую нагрузку.

Добавилась еще одна компетенция, которая не вызывала никаких сложностей, если оба переводчика находились в одной кабине, - это смена переводчиков или handover. По

правилам ГОСТ, утвержденным в 2014 г., переводчики сменяют друг друга каждые 15 - 20 минут²⁷. В кабине смена не требует дополнительных усилий, так как переводчики видят друг друга и могут общаться вербально, как устно, так и письменно, или же невербально. При удаленном переводе переводчики должны строго следить за временем переключения, разработать собственную коммуникативную знаковую систему, например, используя личные сообщения в чате Zoom, а также обращать внимание на то, чтобы не происходило наложения голосов. Иногда, но далеко не всегда, это отслеживают технические специалисты со стороны организатора. В других случаях организаторы допускают, чтобы переводчик был виден на экране, что нарушает основной принцип невидимости и анонимности переводчика [Виссон, 1999, с.169], но значительно облегчает смену переводчиков с помощью невербальной коммуникации. Но подобные ситуации редки, они не применяются на официальных мероприятиях, пресс-конференциях и проч., и психофизиологическая нагрузка на переводчика растет.

При идеальной схеме работы в кабине находятся три переводчика: один переводит, второй фиксирует прецизионные данные (числа, даты, ономастика и топонимика), ищет сложные термины в источниках и проч., третий - отдыхает. [Мирам, 199, с.100]. В настоящее время в России эта схема почти никогда не реализуется, работают два переводчика, но при удаленном переводе помощь коллеги сведена к минимуму, что вызывает дополнительные сложности.

Увеличивают психофизиологическую нагрузку на переводчика и возможные проблемы со связью: как у докладчика, так и у самого переводчика или его напарника. Подобная ситуация требует высокой реактивности переводчика: он должен находиться в постоянной "боевой готовности" подхватить коллегу в случае сбоя. Наличие помех и сбоев в работе связи вызывает дополнительное напряжение внимания, что требует большего ресурса и в результате может сказаться на качестве перевода. Иногда в целях избежания подобных проблем практикуется промежуточный вариант, при котором оба переводчика находятся в одном месте, при этом удаленно от заказчика и выступающих.

Считается, что "визуальный контакт с оратором очень важен... Кинесика хорошего оратора призвана нести дополнительную информацию, не выраженную вербально. В частности, из жестов и мимики оратора можно узнать о смысловых акцентах в речи, об отношении говорящего к теме выступления и к слушающим, о его общем эмоциональном и психологическом состоянии". [Матюшин, 2017, с.60].

Однако в условиях пандемии, помимо помех и сбоев, возможных в Интернет-соединениях, добавляются следующие сложности: докладчик может выступать с отключенным видеоизображением, или же (довольно часто, например, для японских докладчиков) в маске, что сводит визуальный контакт к минимуму и исключает вспомогательный источник восприятия речи, основанный на распознавании артикуляции говорящего.

Помимо этого, несмотря на разработанный этикет онлайн-встреч, участники часто не выключают свои микрофоны, завершив выступление, что вносит дополнительные аудиопомехи в речь докладчика. При этом возрастает роль технического ответственного за встречу, но в большинстве случаев он отсутствует, что опять-таки увеличивает нагрузку на переводчика.

Часты случаи, когда ранее проводимые под ПП лекции переходят в формат СП. Организаторы заблаговременно предоставляют тексты докладов, и японские лекторы

²⁷ ПР 50.1.027-2014 ПРАВИЛА ОКАЗАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ И ОСОБЫХ ВИДОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ. М., Стандартинформ. 2014. 6.3.2.e
https://www.gostinfo.ru/Content/img/services/PR_50.1.027-2014.pdf

обычно не отклоняются от текстов: тогда имеет место синхронное чтение заранее переведенного текста. Однако если докладчик переходит к импровизации, то от переводчика требуется тройное или четверное распределение внимания, так как происходит переход от одних когнитивных функций к другим: одновременное слушание, чтение, переключение и говорение, что усложняет задачу перевода. Одновременное восприятие зрительных и слуховых сигналов сильно затрудняет процесс. Здесь включаются практически те же механизмы, что и при переводе «с листа», который «отличается смешанной модальностью восприятия, т.е. восприятие на слух дополняется зрительным восприятием текста» [Чернов, 1987, с. 8].

Что касается традиций предоставления материалов, то она остается прежней: японские докладчики предоставляют материалы для переводчика в максимальном объеме, российские (за редким исключением) - в минимальном.

Кроме того, возникают и общие вопросы, связанные с поддержанием уровня перевода. Хотя СП и в отдельных случаях ПП называют "переводом конференций" или "конференц-переводом", в условиях пандемии само количество проводимых мероприятий, а именно: международных конференций, конгрессов, научных симпозиумов и семинаров, русско-японских дипломатических и межправительственных встреч, переговоров и заседаний, публичных выступлений и лекций, опросов фокус-групп, пресс-конференций и проч., значительно сократилось, что приводит к отсутствию практики и ставит переводчика перед проблемой: как сохранить свою подготовку на должном уровне, не потеряв требуемой от него высокой профессиональной квалификации.

2. Последовательный перевод (ПП)

У ПП в нынешней ситуации существуют как общие черты с СП, так и отличия. Первая основная общая черта - это переход работы в удаленный режим.

Удаленный ПП как разновидность конференц-перевода также требует от переводчика оснащения его рабочего места. При этом подключения со второго устройства не нужно, требования к аудиоаппаратуре могут быть не столь высокими. Также не возникает проблема переключения с коллегой, так как перевод выполняет один человек. В большинстве случаев участники встречи видят лицо переводчика. Однако возникают и дополнительные сложности.

Отсутствие прямого контакта и обратной связи, иногда даже невозможность видеть выступающего, сложность распознавания его речи, связанная с техническими проблемами соединения становятся существенными помехами при переводе. Отсутствие обратной связи приводит к тому, что переводчик не может повлиять на темп и длительность речи докладчика, и если скорость ее высока, это также становится препятствием. Переводчик не имеет возможности уточнить правильность понимания того, что говорит выступающий, не всегда может удостовериться в понимании со стороны участников встречи. Часто это затрудняется еще и тем фактором, что переводчик, переводя онлайн встречу на территории заказчика, вынужден носить маску, что делает невидимой его артикуляцию, заставляет артикулировать с избыточной четкостью, говорить громче, а также может вызывать проблемы с дыханием и проч.

ПП на промышленных предприятиях претерпел значительные изменения. Распространенный формат консультирования и аудита производственных площадок японскими специалистами ранее требовал их прямого присутствия на объекте совместно с переводчиком. В последнее время стала внедряться сложная схема удаленного консультирования. На заводе в России находится съемочная группа с переводчиком. Коммуникация с японскими специалистами происходит в удаленном режиме. С помощью видеокамеры и смартфона моделируется ситуация присутствия специалистов на объекте. Лекции по особенностям японской производственной системы проводятся в Zoom-формате, когда переводчик находится вместе с лектором в одной студии, а аудитория по другую сторону экрана. Подобный удаленный формат аналогично вышеуказанным

формам онлайн-работы снижает уровень эмоционального контакта переводчика с говорящим/слушателями, что может увеличивать когнитивную нагрузку.

3. Работа гидов-переводчиков

Отсутствие туристических контактов значительно сократило объем работы гидов-переводчиков, что так же, как и в других видах перевода, ставит актуальным вопрос поддержания профессионального уровня и сохранения специалистов в профессии в целом. Стал практиковаться формат онлайн-туров, которые чаще проводятся в записи, что снижает уровень эмоционального контакта, а также не является работой переводчика в строгом смысле слова, так как предполагает порождение текста на иностранном языке в свободной или заранее подготовленной форме.

4. Перспективы

Вполне вероятно, что новые формы осуществления онлайн перевода продолжают свое развитие вне зависимости от ситуации с коронавирусом. Удаленная работа - экономически выгодный процесс для организаторов и участников конференций, позволяющий сократить командировочные расходы и расходы на оборудование. Также данный формат во многом удобен и для переводчика, так как отменяет полеты за тысячи километров в неудобном самолете, жилье и питание в спартанских условиях, что в конечном итоге отрицательно сказывается на его психофизиологическом состоянии и качестве его работы. С другой стороны, удаленная работа требует от переводчика новых компетенций и коммуникативных навыков, а отсутствие ощущений напряженности момента и эффекта присутствия могут отрицательно сказаться на мобилизации его сил в необходимый момент. Но это новая повестка, к которой профессионалам необходимо адаптироваться.

5. Выводы

Внедрение удаленной работы, изменение форм межязыковой коммуникации как следствие перемен, вызванных во всем мире пандемией коронавируса, оказали значительное влияние на систему осуществления перевода в целом.

Наибольшие изменения коснулись синхронного и последовательного перевода, письменный перевод практически не подвергся изменениям, на грани исчезновения оказались такие формы, как шутутаж, и работа гидов-переводчиков.

В СП произошел отказ от традиционного места работы переводчика: кабины, стало внедряться рабочее место удаленного переводчика, применяться RSI-платформы. Наибольшее распространение получил СП в приложении Zoom.

Расширились профессиональные компетенции переводчиков-синхронистов, как то: установка и эксплуатация оборудования на рабочем месте переводчика, работа в RSI-платформах, четкое проведение смены переводчиков, а также выполнение других технических функций. Вырабатываются новые коммуникативные знаковые системы при общении с коллегой.

Работа из дома сделала более комфортными рабочие условия, но при этом повысилась психофизиологическая нагрузка, так как помехи связи, слабый визуальный контакт с выступающим, отсутствие прямого контакта с коллегой требуют повышенной внимательности и сосредоточенности и усиливают ощущение собственной изолированности переводчика.

Отсутствие эмоционального контакта с участниками встреч и заседаний вносит дополнительные коммуникативные сложности при ПП.

Сокращение числа проводимых мероприятий, требующих перевода, ставит переводчика перед проблемой: как сохранить свою подготовку на должном уровне, не потеряв высокой профессиональной квалификации.

Предсказать дальнейшее развитие ситуации, обусловленной пандемией КОВИД-19, вряд ли представляется возможным, но вполне вероятно, что вне зависимости от пандемии при

осуществлении перевода продолжают работу принципиально новые схемы, опирающиеся на онлайн-формат, которые требуют от переводчиков дальнейшей адаптации.

Литература

- Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. – М.: Р. Валент, 1999. – 274 с.
- Матюшин И. М. Устный перевод как интерактивный процесс. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. (Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 10 (783). Сер. Языкознание.)
- Мирам Г.Э. Профессия переводчик. – К.: Ника-Центр, 1999. – 160 с.
- Федоренкова Н. 6 платформ для удаленного синхронного перевода (RSI) и Zoom. URL: <https://translationrating.ru/remote-interpreting-platforms-2020/>
- Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. - М. : Международные отношения, 1978. - 208 с.
- Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. – 215 с.
- Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.

References

- Visson, L. (1999) *Sinhronnyj perevod s russkogo na anglijskij*. [Simultaneous translation from Russian to English] – М.: R. Valent. (in Russian)
- Matyushin, I. M. (2017) *Ustnyj perevod kak interaktivnyj process*. [Interpretation as an interactive process]., М.: FGBOU VO MGLU. (Vestnik Mosk. gos. lingvist. un-ta; vyp. 10 (783). Ser. Yazykoznanie.) (in Russian)
- Miram, G.E. (1999) *Professiya perevodchik*. [Profession translator]. – К.: Nika-Centr. (in Russian)
- Fedorenkova N. 6 platform dlya udalennogo sinhronnogo perevoda (RSI) i Zoom. [6 platforms for Remote Simultaneous Translation (RSI) and Zoom] URL: <https://translationrating.ru/remote-interpreting-platforms-2020/> (in Russian)
- Chernov, G. V. (1978) *Teoriya i praktika sinhronnogo perevoda*. [Theory and practice of simultaneous translation] - М.: Mezhdunarodnye otnosheniya. (in Russian)
- Shvejcer, A. D. (1988) *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty*. [Translation theory: Status, problems, aspects]. М.: Nauka. v
- Shiryayev, A.F. (1979) *Sinhronnyj perevod. Deyatel'nost' sinhronnogo perevodchika i metodika prepodvaniya sinhronnogo perevoda*. [Simultaneous translation. The activity of a simultaneous interpreter and the methodology of teaching simultaneous translation]. М.: Voениzdat. (in Russian)

УДК 81-11

В.М. ТОПОРОВА, Е.В. КОРНЕВА

Воронежский государственный университет
Воронеж, Российская федерация

ЭМОТИКОН КАК ФОРМА СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ МЕТАКОГНИТИВНОЙ РЕФЛЕКСИИ

В работе рассматриваются особенности презентации элементов метакогнитивной рефлексии на уровне взаимодействия вербальных и невербальных компонентов интернет-коммуникации; описываются прагматические функции эмодиконов в акте коммуникации (диалогического высказывания в формате интернет-переписки) и в контексте языка

комментария. Также анализируются когнитивные аспекты семиотического форматирования эмоциональной сферы; отмечаются возможные негативные последствия автоматизации метакогнитивных навыков, связанные с развитием эффекта «роботизации», чрезмерной рационализации и схематизации чувственного опыта.

Ключевые слова: эмотикон, метакогнитивная рефлексия, коммуникация, взаимодействие, прагматическая функция, восприятие, презентация, графический образ, интерпретация.

V. TOPOROVA, E. KORNEVA
Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation

EMOTICON AS A FORM OF SYMBOLIC PRESENTATION OF METACOGNITIVE REFLECTION ELEMENTS

The paper examines the features of the presentation of elements of metacognitive reflection at the level of interaction between verbal and non-verbal components of Internet communication; describes the pragmatic functions of emoticons in the act of communication (dialogical utterance in the format of Internet correspondence) and in the context of the language of the commentary. The cognitive aspects of semiotic formatting of the emotional sphere are also considered; analyzes the consequences of the automation of metacognitive skills associated with the development of the effect of "robotization", excessive rationalization, and schematization of sensory experience.

Key words: emoticon, metacognitive reflection, communication, interaction, pragmatic function, perception, presentation, graphic image, interpretation.

Актуальность обращения к рассмотрению эмотиконов как форм символической презентации элементов метакогнитивной рефлексии проявляется в контексте исследования общих тенденций современного развития общества, формирующих концептуальную картину мира. Внедрение технологических элементов в сферу передачи и обработки человеком информации оказывает несомненное влияние не только на формы общения современных людей, но и на сам процесс форматирования речемыслительной деятельности.

Особую методологическую значимость в рамках когнитивного подхода получила разработка проблемы взаимосвязи категорий «когниция - коммуникация» [Клушина 2018]. Новое звучание и актуальность приобрело исследование соотношения когнитивной и коммуникативной функций языка в аспекте описания когнитивной значимости визуализации знания и взаимодействия вербальных и невербальных компонентов речемыслительной деятельности человека. Особый интерес в аспекте рассмотрения особенностей реализации коммуникативной функции языка представляет метакогниция, которую в современной науке принято определять, вслед за Флэйвеллом [Flavell 1979], как «вторичное» знание, знание о познании, осознание человеком особенностей собственной когнитивной сферы и ее функционирования. Семантико – когнитивные исследования свидетельствуют о многообразии способов и уровней языковой репрезентации элементов вторичного знания в различных видах дискурса. Метакогниция составляет важнейший компонент мышления человека. Соответственно, языковая репрезентация того или иного ментального состояния на основе анализа заключенного в нем знания всегда несет следы метакогнитивной рефлексии, заложенной в самом основании осознаваемого акта речи, коммуникативно-мыслительного процесса, осуществляемого в единстве эмоционально-чувственных и логических его аспектов [Топорова 2015].

На уровне повседневного социально-бытового общения к прагматически значимым когнитивным контекстам вербальной коммуникации можно отнести метакогнитивные навыки адекватного оценивания ситуации общения и владение коммуникативными речевыми клише. При этом, очевидно, можно говорить о формировании особых когнитивных матриц коммуникативного поведения, включающих важную невербальную составляющую. Методологически важным в этом отношении представляется выявляемая в семантических исследованиях когнитивная значимость стандартизированных оценочных образов, задающих определенные стандарты восприятия и параметры концептуально-образного обобщения объектов ментальной разработки, к которым можно отнести и эмодиконы.

Исследовательская установка на человека как субъекта языковой деятельности выявляет различные когнитивные типы вербальной коммуникации, характеризующиеся определенными языковыми (лексико-грамматическими) и семиотическими (невербальными) маркерами, средствами внешней репрезентации (кинемы лица, жесты, просодика), сканируемыми партнёрами по коммуникации и свидетельствующими о коммуникативных намерениях говорящих и их эмоционально-психологическом состоянии. [Болдырев 2015]. Эти аспекты представлены во многих современных публикациях, посвященных рассмотрению широкого круга проблем, затрагивающих сферу психологии восприятия, нейролингвистики, лингвоконцептологии, теории речевой деятельности, теории текста, семиотики [Залевская 2014, Кравченко 2004, Пиле 2017]. Одной из важных тем современных лингвокогнитивных исследований является описание функционально-семантического потенциала и когнитивной значимости графических средств, используемых в различных видах дискурса [Топорова, Корнева 2018]. Особую актуальность в контексте обозначенных нами проблем приобретает описание структурных особенностей интернет-коммуникации в разнообразных формах её проявления.

В задачу нашего исследования входит рассмотрение невербальных средств, используемых в интернет-коммуникации – эмодиконов с точки зрения выполняемых ими прагматических функций, а также характера взаимодействия с вербальными компонентами в процессе выражения языковой оценки. Следует отметить, что такие важные аспекты исследования эмодиконов, как их метакогнитивная значимость, а также степень соотнесенности (когнитивной связанности) с элементами реальной эмоциональной сферы человека не получали до сих пор должного внимания. Более всего в научной лингвистической литературе подвергались рассмотрению лишь особенности вербальной презентации следов метакогнитивной рефлексии. В целом же тема метакогнитивности и метакогнитивной рефлексии разрабатывалась в рамках психологической науки, в психологическом аспекте в связи с рассмотрением проблем интеллектуального развития ребенка и значимости развития метакогнитивных навыков адекватного оценивания элементов коммуникативной ситуации для процесса социализации личности. Эмодикон определяется в нашей работе как стандартный эмоционально-оценочный графический образ, результат метакогнитивной рефлексии, выражающий определенную оценку объекта на основе соответствующих знаний, как символ эмоциональной реакции на знание об этом объекте осмысления, как знаковый способ визуальной презентации определенной оценки. В данной работе эмодиконы рассматриваются в контексте описания двусторонней метакогнитивной рефлексии, осуществляемой в процессе коммуникации: в виде визуального сканирования (считывания) признаков эмоционально-психологического состояния партнера по коммуникации, как когнитивного отклика на вербальные компоненты, несущие определенную информацию в виде авторского самоанализа собственного когнитивного состояния, которое может получать в зависимости от актуализируемых коммуникативно-прагматических целей вербальное выражение в виде стандартизированной языковой оценки и невербальное, выполняющее функцию условного конвенционального знака (например, как проявление

вежливости, сочувствия и не всегда соотносенной при этом с реальной эмоциональной сферой говорящего).

Эмотиконы анализируются в аспекте реализации их прагматической функции в акте коммуникации (диалогического высказывания в формате интернет-переписки) и в контексте языка комментария как презентации результатов самоанализа собственного восприятия какого-либо содержания. Эмотиконы предлагается рассмотреть также в аспекте анализа их соотношенности с эмоциональной сферой коммуникантов.

Материалом исследования послужили комментарии пользователей хостинга Youtube, оставленные ими после просмотра влогов. Комментарий выделяют как отдельный жанр интернет-коммуникации и обозначают как сетевой комментарий, в отличие, например, от газетного комментария. Сетевой комментарий, как отмечают исследователи, обладает определенной спецификой: интерактивность, нелинейность, незавершенность, мультимедийность (задействованность разных каналов восприятия). «Наложение письменных норм на имитацию устной речи в интернет-общении приводит не только к экспрессивизации общения (что является авторской интенцией), но и к созданию нового типа языкового кода...» [Клушина 2018, с.50]. Выделяются различные типы сетевого комментария: аналитический, предполагающий размышления над текстом и вопросы автору; комментарий-эмоциональный отклик, включающий оценку без логического обоснования, комментарий-сотворчество, понимаемый как попытка ответить автору, нередко в художественной форме [там же]. По интенции, по типу коммуникативного поведения автора сетевого комментария их можно подразделить на троллинг-комментарий, элфинг-комментарий. (провоцирование конфликта и, наоборот, активная похвала жертве, что тоже может являться троллингом), гноминг-комментарий (насаждение своей точки зрения) и др. [Карабань, Дикарева 2018]

Нами отбирались комментарии-эмоциональные отклики, которые содержали как вербальные, так и невербальные компоненты в виде эмодзи, в частности, эмотиконов (смайлов). Эмодзи появились в Японии, само название включает два иероглифа «картинка» и «знак, символ», к эмодзи относят как смайлы (желтые лица, животные), так и пиктограммы, изображающие дома, машины, бытовые предметы). Различные эмодзи могут образовывать комбинации, которые позволяют передавать более сложные смыслы, нередко они используются маркетологами. Реклама бренда McDonalds, например, рассказывает целую историю, которая заканчивается покупкой гамбургера, который поднимает настроение (рис.1) [Emoji Marketing]

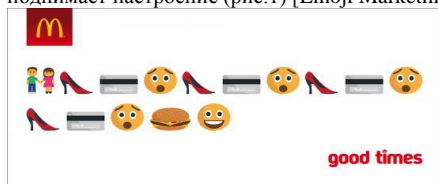

Рис.1 Эмодзи в рекламе McDonalds

В наши примеры были включены эмодзи-лица, эмодзи-животные, а также некоторые пиктограммы, часто сопровождающие эмодзи-лица и усиливающие экспрессивность комментария и добавляющие новые смыслы: согнутый бицепс, звезда, сердечко и т.д.

Опишем типы взаимодействия вербальных и невербальных компонентов, прагматику употребляемых эмодзи. Соотношение вербальных и невербальных компонентов в поликодовых текстах являлось предметом рассмотрения в целом ряде работ [Dresner, Herring 2010; Li Li, Yue Yang 2018], где подчеркивалось, что эмотиконы обладают иллюкативной силой, как и вербальное сообщение; а функции изображений описываются как репетиционные, аудитивные (изображение вносит дополнительную информацию), выделительные, оппозитивные, интегративные, изобразительноцентрические [Пойманова 1997].

В выбранных нами комментариях эмодзи не столько выражают эмоции пишущего, сколько являются элементами рефлексии над собственными словами, прогнозируется реакция читающего и соответствующим образом корректируется. Способы такой коррекции могут быть различными.

1. Сегментация синтаксической структуры комментария (не случайно отсутствуют запяты, их функцию выполняют эмодзи) и создание непринужденной, дружеской атмосферы.

Благодарю за прекрасные, а главное очень полезные видео пойду пробовать, такая организация своих задач - это просто мечта моя теперь главное начать

Последний эмодзи «обезьянка «ничего не вижу» содержит дополнительную информацию, показывая, что пишущий боится применять описанные во влоге методы организации задач на практике. Эмодзи использован строго говоря неверно: в японских эмодзи три обезьянки воплощают принцип недеяния зла – одна не видит зло, другая не слышит, а третья не говорит о зле. И, таким образом, по мнению жителей Восточной Азии можно уберечься от зла. Значение эмодзи в комментарии трансформируется в выражение опасения, что более соответствует европейскому пониманию жеста обезьянки «не видеть того, чего боишься».

2. Эмодзи «повторяет» текст комментария, который выделен нами курсивом. Эмодзи «лицо с глазами-сердечками» выражает любовь и симпатию, а также показывает, что контент очень нравится (красное сердце как знак влюбленности). В третьем комментарии использован эмодзи «широко улыбающееся лицо с открытым ртом», передающий восторг, удовольствие и излучающий позитив»

Обожаю Ваши видео Спасибо за полезный контент♥□

.....это прекрасно, как раз то , что мне нужно ♥□

Have fun на этом новом пути

В то же время указанные эмодзи «лицо с сердечками» и «красное сердце» могут быть использованы для выражения сарказма. В следующем саркастическом комментарии речь шла об довольно дорогом адвент-календаре фирмы «Шанель», в котором было немного косметической и парфюмерной продукции, зато в изобилии были представлены наклейки и блокноты с картинками, на которых изображены флаконы духов:

Дааа, человеку который тратит такие огромные суммы и явно является довольно значимой личностью в обществе очень пригодится книжка-блокнот в которой картинки пропадают

3. Эмодзи выделяет, подчеркивает какой-либо аспект вербальной информации и следует непосредственно за этими словами:

Спасибо Настя! Всегда пишу одним текстом и после ничего не понимаю Теперь буду писать таким способом

«Сильно плачущее лицо», эмодзи относится к части фразы: «и после ничего не понимаю»

Спасибо за видео, Анастасия! Как всегда очень полезно! В некоторых моментах очень сильно перебивает музыка, обратите внимание на это ещё раз спасибо.

«Подмигивающее лицо» разряжает обстановку, призывает воспринимать замечание «в некоторых моментах очень сильно перебивает музыка, обратите внимание» без обиды.

4. Эмодзи передает реакцию, в том числе эмоциональную, на вербальную часть сообщения и дополняет его:

Все мы немного психопаты

Этот мир больной на всю голову - всегда доставляла эта фраза, ведь так и есть. После просмотра видео я понял почему »

Эмодзи «перевернутое лицо», «слегка улыбающееся лицо» сигнализирует об иронии пишущего, «я же не всерьез»

5. Эмодзи противоречит вербальной части сообщения и для ее интерпретации эмодзи играет ведущую роль.

Парень, да ты просто псих!!! Ты удерживал мое внимание 32 минуты!!! »

Два или три года назад заказала первые свои часы Daniel Wellington по промокоду от Насти. В прошлом году заказала еще одни Daniel Wellington. Пришло время заказать третьи часы что ли? »

Эмотикон «Потная улыбка» – признак нервного состояния, усилен повтором и воспринимается адресатом как ирония. Эмотикон снимает неоднозначность вербальной части, которая может иметь положительную коннотацию.

6. Эмотикон интегрирован в вербальную часть сообщения, обе части можно считать равноправными, т.е. одинаково важными для его интерпретации. Эмотикон «Широко улыбающееся лицо» может означать, что кому-то понравилась шутка; в нашем комментарии автору понравилось видео, которое он называет «манипуляцией», он отлично повеселился и предлагает блогеру продолжать снимать, остальные эмодзи «огонь» и «бицепс» усиливают эту положительную оценку.

«Неплохая манипуляция!» »

Таким образом, можно выделить различные функционально-семантические типы используемых в интернет-коммуникации эмотиконов:

- выступающие в функции замещения синтаксического знака;
- как средство реализации резюмирующей семантики (в функции замещения метаязыкового комментария);
- в том числе связанного с функцией дополнения и разъяснения смысла высказывания;
- с функцией прагматического воздействия на партнера по коммуникации;
- с функцией выражения поддержки, одобрения, согласия, положительного отношения;
- с функцией выражения неодобрения, несогласия;
- с функцией выражения иронии, сарказма, отрицательного отношения к объекту языковой оценки;
- с функцией фиксации и выражения собственного эмоционально-психологического состояния при проявлении эффекта отчуждения, выноса вовне, объективации физиологически проявляемого элемента эмоциональной (эмоционально-оценочной) рефлексии.

Метакогнитивная рефлексия выступает как элемент оценочной деятельности сознания, имеющий план выражения, овнешнения в определенном эмотиконе, облакающем метакогнитивную рефлексию в различные формы образности (идеографичности) – наглядно-предметной либо схематической. Эмотиконы можно рассматривать как результат метакогнитивного конструирования смысла. Расшифровка метакогнитивных формул, закодированных в них, выявляет взаимосвязь логических и идеографических элементов метакогнитивной рефлексии человека. Вместе с тем с когнитивной точки зрения сам процесс использования эмотиконов предполагает возможность его неоднозначной оценки. С одной стороны, мы имеем дело с фактом презентации метакогнитивных навыков оценивания коммуникативной ситуации, способности к аналитическому анализу содержания и вербальной формы высказывания. С другой стороны, просматривается перспектива разбалансирования естественного соотношения и взаимодействия чувственной и рационально-логической сферы человека:

Вот вчера сообщение от знакомой: «Привет! *зеркало Венеры* *голова девушки просто* *девушка поднимает руку* Как ты считаешь *голова девушки* *девушка поднимает руку* *голова кошки*, какой системный блок лучше? *кучка гуано* *три обезьяны* *зеркало Венеры* *голова девушки*»

При этом смысла этих эмодзи я в упор не понимаю. И это периодически так и не только от «знакомых девушек», но и от мужчин, в том числе, в рабочем чате.

Это просто издевательство, я считаю. Это трата моего времени на восприятие и расшифровку этих пиктограмм, которые НИЧЕГО не добавляют к сообщению...

(из комментария на веб-сайте habr.com)

Представляется также необходимым отметить, что в интернет-коммуникации мы нередко имеем дело с эффектом «отчуждения», нивелирующего степень проявления собственно чувственной эмоциональности, замещаемой эмотивным значением визуального знака, аналогично эмотивности знака словесного. В связи с широким внедрением эмотиконов в процесс интернет-коммуникации можно предположить определённые последствия для эмоциональной сферы человека, проявляющиеся в чрезмерной рационализации и схематизации чувственного восприятия (роботизации). Автоматизация метакогнитивных навыков порождает эффект дезактивации эмоциональной сферы при перемещении отчужденных эмоциональных корней процесса восприятия в сферу условных образов.

Источники

- Это позор люкса!!! (АД)вент календарь CHANEL за 63 800 рублей! | Как это дарить? / URL https://youtu.be/BHD_SB04izE, дата обращения 10.10.21
- Как вести записи на работе и в учебе, чтоб не впусую! / URL https://youtu.be/_RFpIu89LGs, дата обращения 1.10.21
- Кто такие НА САМОМ ДЕЛЕ успешные люди и чему у них можно научиться. / URL <https://youtu.be/HER9qg6cZuA>, дата обращения 1.10.21
- Мозг. Как не глупеть и правильно использовать эмоции. Ася Казанцева / URL <https://youtu.be/4Qww-evht4o>, дата обращения 3.11.21
- Как и почему эмодзи портят отлайн-переписку. Комментарий. / URL <https://habr.com/ru/company/vdsina/blog/550858>, датат обращения 1.10.21

Литература

- Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах, категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5 – 12.
- Залевская А.А. Что там – за словом?: Вопросы интерфейсной теории значения слова. – М. – Берлин. – Изд-во Директ-Медиа, 2014. – 328 с.
- Карабань Н.А., Дикарева А.В. — Речевая агрессия в интернет-общении // Филология: научные исследования. – 2018. – № 2. – С. 1 - 8.
- Клушина Н.И. Сетевые жанры: новость и комментарий в пространстве Интернета / Н. И. Клушина, Н. В. Смирнова Л. Т. Касперова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. - С.50-54
- Когнитивные исследования языка. Вып. XXIX «Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях». Москва – Тамбов, 2017.
- Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. - Иркутск: Изд. Иркут. гос. ун-та, 2004 (2-е исправл. издание). – 206 с.
- Пиле И. А. Текст как поликодовое явление // Дизайн СМИ: тренды XXI века. 2017. № 3. С. 67-76.
- Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста. Автореф. дис. канд. филол. наук. - М., 1997. – 24 с.
- Топорова В.М. Метакогнитивная рефлексия: аспекты языковой репрезентации // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. – Сб. науч. трудов. – Москва- Тамбов, 2015. С 743 – 752.
- Топорова В.М., Корнева Е.В. Когнитивно-метафорический потенциал графических образов // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIII «Когнитивные исследования в гуманитарных науках». Москва-Тамбов 2018. С.152-156.
- Emoji Marketing: 8 лучших компаний и чему вы можете у них научиться / URL <https://www.affde.com/ru/emoji-marketing-8-best-emoji-campaigns-what-you-can-learn-from-them.html>, (дата обращения 15.10.2021)
- Dresner E. & Herring S.C. (2010) Functions of the Nonverbal in CMC: Emoticons and Illocutionary Force / E. Dresner, S.C. Herring // Communication Theory.- 20. pp. 249-268

- Flavell, J.H. (1979) Metacognition and cognitive monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry / J.H. Flavell // *American Psychologist*. - № 34/10. - pp. 906-911.
- Li, Li & Yue, Yang (2018) Pragmatic functions of emoji in internetbased communication a corpus-based study / Li Li, Yue Yang // *Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education*. – 3:6. pp. 1-12

References

- Boldyrev, N.N. (2015) Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, edunitsakh, kategoriyakh [The anthropocentric essence of language in its functions, units, categories] // *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. № 1. pp. 5 – 12. (in Russian)
- Zalevskaya, A.A. (2014) Chto tam – za slovom? : Voprosy interfeisnoi teorii znacheniya slova. [What's behind the word?: Questions of the interface theory of word meaning] – M. – Berlin. – Izd-vo Direkt-Media. (in Russian)
- Karaban', N.A. & Dikareva, A.V. (2018) — Rechevaya agressiya v internet-obshchenii [Речевая агрессия в интернет-общении] // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. – № 2. – pp. 1 - 8. (in Russian)
- Klushina, N.I. (2018) Setevye zhanry: novost' i kommentarii v prostranstve Interneta [Network genres: news and commentary in the Internet space] / N. I. Klushina, N. V. Smirnova L. T. Kasperova // *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. – № 3. - pp.50-54. (in Russian)
- Kognitivnye issledovaniya yazyka. [Cognitive language studies]. (2017) Vyp. XXIX «Kognitsiya i kommunikatsiya v lingvisticheskikh issledovaniyakh». Moskva – Tambov. (in Russian)
- Kravchenko, A.V. (2004) Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoï kategorizatsii. [Language and perception: Cognitive aspects of language categorization] – Irkutsk: Izd. Irkut. gos. un-ta, (2-e ispravl. izdanie). (in Russian)
- Pile, I. A. (2017) Tekst kak polikodovoe yavlenie [Text as a polycode phenomenon] // *Dizain SMI: trendy XXI veka*. № 3. pp. 67-76. (in Russian)
- Poimanova, O. V. (1997) Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta. [Semantic space of the video verbal text]. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. – M. (in Russian)
- Toporova, V.M. (2015) Metakognitivnaya refleksiya : aspekty yazykovoï reprezentatsii // *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Vyp. XXIII. Lingvisticheskie tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh. – Sb. nauch. trudov. – Moskva–Tambov, pp 743 – 752. (in Russian)
- Toporova, V.M. & Korneva, E.V. (2018) Kognitivno-metaforicheskii potentsial graficheskikh obrazov [Metacognitive reflection: aspects of language representation] // *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Vyp.XXXIII «Kognitivnye issledovaniya v gumanitarnykh naukakh». Moskva–Tambov. pp.152-156. (in Russian)
- Emoji Marketing: 8 luchshih kampanij i chemu vy mozhete u nih nauchit'sya [Emoji Marketing: 8 best companies and what you can learn from them] / URL <https://www.affde.com/ru/emoji-marketing-8-best-emoji-campaigns-what-you-can-learn-from-them.html>, (access date: 15.10.2021)
- Dresner E. & Herring S.C. (2010) Functions of the Nonverbal in CMC: Emoticons and Illocutionary Force / E. Dresner, S.C. Herring // *Communication Theory*. – 20. pp. 249-268.
- Flavell, J.H. (1979) Metacognition and cognitive monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry / J.H. Flavell // *American Psychologist*. – № 34/10. – pp. 906-911.
- Li, Li & Yue, Yang (2018) Pragmatic functions of emoji in internetbased communication a corpus-based study / Li Li, Yue Yang // *Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education*. – 3:6. pp. 1-12.

С.С. ШИМБЕРГ

Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОНЛАЙН-ПРОЕКТ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ В ВУЗЕ

Статья содержит анализ опыта организации российско-китайского переводческого онлайн-проекта, который стал эффективным методом обучения аудиовизуальному переводу в вузе. Рассматриваются особенности проектного обучения в целом, а также специфика обучения аудиовизуальному переводу. Подробно описываются этапы проекта (подготовительный, основной (переводческий), этап промежуточного подведения итогов и этап создания субтитров), виды деятельности обучающихся и полученные образовательные результаты. Иллюстрируются преимущества работы переводчиков «спина к спине». Представленный проект отвечает следующим методическим требованиям к проектному обучению: способствует решению актуальной проблемы (нехватка квалифицированных кадров в отрасли аудиовизуального перевода); обладает оригинальностью решения (международный онлайн-формат), новизной порождаемого продукта (русские субтитры к семи сериям ранее не переведившегося китайского мультсериала); характеризуется самостоятельностью команды в принятии решений и в самоменеджменте, ограниченностью временных ресурсов, включенностью в профессиональное сообщество и имеет образовательные результаты, которые были отдельно выделены, осмыслены и обсуждены участниками.

Ключевые слова: проектное обучение переводчиков, международный онлайн-проект, обучение аудиовизуальному переводу.

S. SHIMBERG

Pushkin Leningrad State University
St Petersburg, Russian Federation

INTERNATIONAL ONLINE PROJECT AS A METHOD OF TEACHING AUDIOVISUAL TRANSLATION IN A UNIVERSITY

The article presents the analysis of a Russian-Chinese online translation project that proved to be an effective method of teaching audiovisual translation in a university. The author focuses on the principles of project-based learning in general and on the specific features of audiovisual translation teaching. The article describes the main stages of the project (preparation, translation, summing up of the midway results, creation of subtitles), the types of work the students did and the final results obtained. The advantages of the translators' "back-to-back" work are illustrated. The project meets the following methodological requirements to project-based learning: contribution to the solution of a burning issue (the lack of qualified specialists in the field of audiovisual translation); ingenuity of the solution (international online format); novelty of the created product (Russian subtitles for a not translated previously Chinese animation series); the team acted independently and conducted self-management; time resources were limited; expert community was involved; the project's educational results were identified, given meaning to and discussed by the participants.

Key words: project-based teaching of translators, international online project, audiovisual translation teaching.

Вынужденный переход университетов на дистанционные формы обучения в связи с пандемией 2020 года вызвал много сложностей, но и открыл новые горизонты, прежде всего в мышлении преподавателей. Убедившись, что онлайн-коммуникация достаточно эффективна в учебном процессе, особенно в группах с мотивированными студентами, автор статьи в сентябре 2020 года решила организовать международный онлайн-проект, в котором студенты из российской и китайского вузов могли бы совместно работать над решением одной практической задачи.

Проектное обучение является сегодня актуальнейшим методом подготовки профессионалов в любой сфере. Проектное обучение определяется специалистами Института образования НИУ ВШЭ как «вид отдельной, специально организованной деятельности студентов, ограниченной во времени, нацеленной на решение определенной проблемы и имеющей в качестве результата конечный продукт деятельности» [Проектное обучение..., с. 16].

Проектная деятельность студентов ориентирована на следующие образовательные результаты: 1) приобретение, закрепление или развитие практически значимых знаний и умений (компетенций), необходимых в выбранной профессиональной деятельности; 2) личностные компетенции, опыт самоорганизации [Там же, с. 31].

Студенты, вне зависимости от тематики проектов, получают компетенции, которым невозможно научить по инструкции (учебнику). Главным образом это навыки делегирования полномочий и совместной работы, навыки ведения переговоров и принятия решений. «Нетворкинг», или работа в команде, по мнению многих ученых и представителей бизнеса, является определяющей компетенцией в карьерной траектории современного специалиста [Метод проектного обучения в высших учебных заведениях].

За последние годы накоплен определенный опыт в использовании проектного метода обучения письменному переводу (например: Юдина, Сигарева, 2014; Нечаева, Степанова, 2017). В сфере обучения аудиовизуальному переводу самым успешным и известным образовательным проектом является Школа аудиовизуального перевода, основанная А.В. Козуляевым, генеральным директором переводческой компании «РуФилмс».

По словам представителей отрасли, спрос на компетентные кадры в области аудиовизуального перевода (АВП) сегодня огромен, но «он не может быть удовлетворен без создания дидактической системы формирования компетенций и переводческой картины мира аудиовизуальных переводчиков» [Козуляев 2017, с. 56]. Обучение аудиовизуальному переводу должно быть основано на понимании его специфики, заключающейся в мультимодальности аудиовизуального произведения и технической «ограниченности» этого вида перевода. Мультимодальность (поликодовость) означает, что в случае аудиовизуального перевода переводчик работает с как минимум четырьмя параллельными значимыми потоками данных, а именно: 1) визуальным невербальным образным рядом; 2) невербальным шумомузыкальным аудиорядом; 3) вербальным аудиорядом (диалоги героев); 4) вербальным видеорядом (надписи на экране, субтитры). Под «ограниченностью» АВП имеется в виду наличие экстралингвистических ограничений его осуществления, таких как, например, жесткие требования к форме и длительности субтитра или синхронизация речи и мимики при дубляже [Козуляев 2019]. В связи с этим необходима специально разработанная методика обучения такому виду перевода, которая строится на практико-ориентированном подходе к обучению, что и предполагает проектную деятельность.

Автор статьи, являясь практикующим аудиовизуальным переводчиком и вузовским преподавателем, в октябре 2020 – апреле 2021 года реализовала образовательный проект, в ходе которого студенты Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург), обучающиеся по направлению «Лингвистика» (профиль –

перевод и переводоведение) и изучающие китайский язык в качестве второго иностранного, и их сверстники, студенты направления «Русский язык и литература» Чанчуньского политехнического университета (г. Чанчунь, КНР), вместе работали над переводом под субтитры семи серий детского мультсериала «Туту Большие Уши» (大耳朵图图) с китайского на русский язык.

Куратором проекта с китайской стороны стал преподаватель русского языка как иностранного в Чанчуньском политехническом университете Дмитрий Владимирович Бадархаев. Важным было то, что студенты работали в смешанных мини-группах, в состав которых входили как российские, так и китайские студенты. Среди задач проекта были не только усовершенствование языковых и коммуникативных навыков участников, углубление знаний о культуре страны изучаемого языка, формирование навыков перевода и редактирования, но и установление личных контактов представителей двух стран.

Реализация проекта включала в себя несколько этапов.

Подготовительный этап.

На начальном этапе кураторам проекта было необходимо составить общий план работы, установить дедлайны и сформировать группы участников. С обеих сторон удалось привлечь третьекурсников, т.е. студентов с уже сформировавшимся начальным уровнем владения иностранным языком, к тому же сверстников, у которых оказалось много общих интересов. В начале октября на платформе Zoom была организована общая видеоконференция для знакомства, на которой каждому из 30 студентов была дана возможность представиться и кратко рассказать о себе на изучаемом языке. По итогам встречи-знакомства студенты самостоятельно разделились на семь мини-групп, которые включали по два-три человека из каждой страны.

Важной составляющей подготовительного этапа была организация каналов коммуникации. Во-первых, была создана закрытая группа в социальной сети «ВКонтакте», куда были приглашены все участники и где сразу были четко изложены цель, задачи и этапы проекта со сроками. Организация каналов связи для обмена мгновенными сообщениями между участниками оказалась не таким простым делом, т.к., во-первых, существует шестичасовая разница во времени между Санкт-Петербургом и Чанчунем, а во-вторых, не все мессенджеры и социальные сети представлены в обеих странах. Российская сеть «ВКонтакте» работает в Китае с перебоями, а для регистрации в китайском мессенджере WeChat необходима рекомендация гражданина КНР. Но участники успешно справились с этими препятствиями и наладили продуктивную коммуникацию. Общение шло на китайском, русском и английском языках.

Другой задачей первого этапа был выбор материала для будущего перевода. Выбор фильма занял довольно много времени. Сначала обе стороны предложили свой список из примерно десяти фильмов и сериалов в разных жанрах; российские студенты сделали подборку русских фильмов («Последний богатырь», «Вий», «Брат», «Стиляги» и др.), а китайские – китайских. Нужно было найти аудиовизуальное произведение, которое находится в свободном доступе, с одной стороны, и не переводилось ранее ни профессиональными студиями, ни любителями – с другой. Выбор пал на популярный в Китае детский мультипликационный сериал «Туту Большие Уши», т.к., во-первых, он отвечал вышеуказанным требованиям, во-вторых, формат позволял каждой группе работать над завершённым эпизодом небольшого хронометража (серии по 10-12 минут), в-третьих, тематика и языковое наполнение не должны были вызвать больших затруднений. Руководители проекта сами распределили первые семь серий пятого сезона мультсериала по мини-группам, выступив в роли заказчиков перевода.

Основной этап. Работа над переводом.

После распределения серий мини-группы ознакомились с ними, составили скрипты (этим занимались китайские студенты), провели предпереводческий анализ, определив целевую аудиторию и жанр оригинала, и приступили к переводу. В процессе они списывались или

созванивались в видеоконференциях для того, чтобы обсудить трудные для понимания слова, фразы, ситуации из фильма. В этом и состояла основная идея всего проекта – работа «спина к спине» (идея и формулировка А.В. Козуляева), когда над переводом одного фильма работают как представители исходной культуры, так и носители языка перевода. В нашем случае китайские студенты выступали в качестве знатоков своей родной культуры, которые разъясняли российским коллегам сложные для понимания места оригинала – имена, пословицы и афоризмы, культурные реалии и аллюзии, а российские студенты работали как профессиональные переводчики и редакторы русского текста.

Вот один из примеров такой совместной работы. В одной из серий речь идет о том, что отец главного героя должен привезти ему из командировки гостиницу. В китайском скрипте употребляются иероглифы 外地, что буквально означает «иные края», и студенты из России подумали, что отец героя ездил в другую страну, однако китайские коллеги объяснили им, что имеется в виду другая провинция Китая. Самые большие сложности для понимания у российских участников вызвали: имена собственные (например, отца героя зовут Ин Цзюнь, что одновременно может быть понято как простое словосочетание «красивый мужчина»), прецедентные имена (Царь Обезьян – популярный персонаж классического китайского романа «Путешествие на Запад», знакомый всем детям), культурные реалии (свадебные конфеты, игра го, день пропаганды отношений родителей и детей в детском саду), пословицы и идиомы. На этом этапе – этапе понимания – неопределимую роль сыграло живое общение с представителями китайской культуры, которые разъясняли, иллюстрировали, давали культурный контекст. Нужно сказать, что и китайские студенты извлекли для себя много полезного, узнавая о тонкостях русского языка и речи – оттенках значения синонимов и паронимов («тронуться», «тронутый» и «трогательный»), об уместных и естественных для разговорной речи формах, меньшей значимости порядка слов в русском предложении по сравнению с китайским и т.д.

Следовавший за пониманием процесс перевода также вызвал ряд затруднений, начиная со специфики транскрипции китайских имен собственных, передачи форм обращения и заканчивая игрой слов. Студенты часто прибегали к заменам и адаптации под целевую аудиторию (русскоязычные дети).

Подведение промежуточных итогов.

Как справедливо отмечают Н.В. Нечаева и М.М. Степанова, «по завершении проекта следует провести его «защиту». Оптимальным вариантом [...] должна стать «защита» в реальных условиях: презентация результатов проекта конечным пользователям, представление результатов на совещании с сотрудниками компании-заказчика проекта, доклад на научной или научно-практической конференции и т.п. По окончании проекта необходимо провести всестороннюю оценку его результатов, что обязательно должно включать и самооценку студентов, и оценивание результатов проекта как преподавателями, так и представителями компании-работодателя» [Нечаева, Степанова, 2017, с. 100]. В нашем случае была организована общая итоговая видеоконференция, на которой каждая мини-группа представила отчет о своей работе в виде презентации и рассказала о самом сложном и интересном из того, с чем столкнулась. Нужно сказать, что качество презентаций студентов и глубина самоанализа были на самом высоком уровне. Это отметили и присутствовавшие на конференции эксперты – коллеги, преподающие РКИ из Российского нового университета (Москва), а также генеральный директор переводческой компании «РуФилмс» А.В. Козуляев.

Создание субтитров и редактирование.

Во втором семестре российские студенты продолжили работу самостоятельно – им предстояло создать из своих переводов субтитры, отвечающие всем профессиональным требованиям и выполненные в специальном ПО. Эта работа потребовала от студентов тщательного изучения стайлгайда по переводу и оформлению субтитров от компании

«Нетфликс», который является одним из общепризнанных стандартов. Требования предполагают учет множества факторов: субтитры могут занимать не больше двух строк с максимальным количеством символов в строке – 39 и нахождением субтитра на экране от 1 до 7 секунд с учетом скорости чтения детей – 13 символов в секунду. Это означало значительную компрессию текста. Студенты отмечали, что при адаптации письменного перевода китайского скрипта под русские субтитры текст приходилось сокращать в два-три раза. Именно нарушение требований по скорости чтения стало самой частотной ошибкой в субтитрах обучающихся, что полностью коррелирует с данными, полученными португальскими преподавателями АВП К. Мартинс и К. Феррейра, исследовавшими ошибки своих студентов, работающих над проектом в этой сфере [Martins, Ferreira, 2019, p. 152].

Другим вызовом стали правила русского языка – орфография и особенно пунктуация, ошибки в которой допустили все без исключения переводчики. Что касается специальной субтитровочной программы, которую нужно было освоить, то, по признанию студентов, это не составило для них большого труда.

Самым последним этапом проекта стало финальное редактирование переводов, языковая и техническая проверка качества и прожиг субтитров. Студентка, работавшая на этом этапе, столкнулась с последствиями главного упущения, допущенного в ходе реализации всего проекта, а именно с отсутствием единого глоссария (КНР), который обязательно должен вестись и соблюдаться всеми переводчиками, работающими над сериальной продукцией.

Подводя итоги, необходимо отметить, что, на наш взгляд, предложенный проект соответствовал основным требованиям к проектному методу обучения, выдвигаемым методистами [Проектное обучение..., с. 20-22]:

- проблема, которую решает проект, соответствует существующим вызовам (нехватка квалифицированных кадров в отрасли АВП);
- реализация полного жизненного цикла проекта (студенты участвовали на всех стадиях – от формирования рабочих групп, организации коммуникации, установления дедлайнов до финального редактирования и вывода готового продукта);
- оригинальность решения и новизна порождаемого продукта (новым является международный формат проекта, необходимость задействовать иностранные языки для его реализации, овладение новыми информационными технологиями, а также получение продукта, которого раньше не существовало (перевод ранее не переведившегося фильма));
- включенность в профессиональное сообщество (профессиональное сообщество привлекалось в лице генерального директора переводческой компании «РуФилмс» А.В. Козуляева);
- самостоятельность команды в принятии решений и самоорганизация (распределение ролей, выявление преград и путей их преодоления);
- ограниченность временных ресурсов;
- наличие образовательного результата, который был отдельно выделен, осмыслен и обсужден участниками (письменные отчеты, презентации, обсуждение на итоговой конференции).

К образовательному результату можно отнести развитие у студентов следующих профессиональных компетенций: умение создавать на родном и иностранном языке тексты с учетом целевой аудитории и в конкретном стилистическом регистре; осуществление переводческого анализа аудиовизуального произведения; навыки создания и редактирования субтитров; овладение специализированным ПО; «мягкие навыки» осуществления коммуникации с коллегами, редактором и заказчиком; навыки самоменеджмента. По признанию участников, данный проект создал у них сильную мотивацию к дальнейшему обучению.

Литература

- Козуляев А.В. Основы инновационной методики формирования профессиональных компетенций аудиовизуального переводчика // Инновационные проекты и программы в образовании, 2017, № 6. – С. 55-62.
- Козуляев А.В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): Дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Российский ун-т дружбы народов. – М., 2019. 234 с.
- Метод проектного обучения в высших учебных заведениях // ЛаЛаЛань (проект ЭБС Лань): блог. URL: <https://lala.lanbook.com/metod-proektnogo-obucheniya-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah> (дата обращения: 12.08.2021).
- Нечаева Н.В., Степанова М.М. Студенческие проекты в вузе: ключ к практико-ориентированной подготовке переводчиков // Педагогический журнал Башкортостана, 2017, №5(72). – С. 96-101.
- Проектное обучение. Практики внедрения в университетах. Под ред. Л.А. Евстратовой, Н.В. Исаевой, О.В. Лешукова. Открытый университет «Сколково», М., 2018. 154 с.
- Юдина Т.В., Сигарева Н.В. Проектная деятельность студентов в подготовке переводчиков // Проблемы теории, практики и методики перевода: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Выпуск 18. Том 2. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2014. – С. 143-151.
- Martins, C. & Ferreira, C. (2019) Project-Based Learning in Audiovisual Translation: A Case Study in Error Analysis. *Journal of Audiovisual Translation*, 2(1), 152–185.

References

- Kozulyaev, A.V. (2017) *Osnovy innovacionnoj metodiki formirovaniya professional'nyh kompetencij audiovizual'nogo perevodchika* [Fundamentals of innovative methodology for the formation of professional competencies of an audiovisual translator] // *Innovacionnyye proekty i programmy v obrazovanii*, № 6. – pp. 55-62. (in Russian)
- Kozulyaev, A.V. (2019) *Integrativnaya model' obucheniya audiovizual'nomu perevodu (anglijskij yazyk)* [Integrative model of teaching audiovisual translation (English)]: Diss. ... kand. ped. nauk: 13.00.02 / Rossijskij un-t druzhby narodov. – M. (in Russian)
- Metod proektnogo obucheniya v vysshih uchebnyh zavedeniyah [The method of project-based learning in higher education institutions] // *LaLaLan' (proekt EBS Lan'): блог*. URL: <https://lala.lanbook.com/metod-proektnogo-obucheniya-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah> (access date: 12.08.2021).
- Nechaeva, N.V. & Stepanova, M.M. (2017). *Studencheskie proekty v vuze: klyuch k praktiko-orientirovannoj podgotovke perevodchikov* [Student projects at the university: the key to practice-oriented training of translators] // *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana*, №5(72). – pp. 96-101. (in Russian)
- Proektnoe obuchenie. Praktiki vnedreniya v universitetah. [Project training. Implementation practices at universities] (2018) Pod red. L.A. Evstratovoj, N.V. Isaevoj, O.V. Leshukova. *Otkrytyj universitet «Skolkovo»*, M. (in Russian)
- Yudina, T.V. & Sigareva, N.V. (2014) *Proektnaya deyatel'nost' studentov v podgotovke perevodchikov* [Project activity of students in the training of translators] // *Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda: Sbornik nauchnyh trudov. Seriya «Yazyk. Kultura. Kommunikaciya»*. Vypusk 18. Tom 2. – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet im. N.A. Dobrolyubova. – pp. 143-151. (in Russian)
- Martins, C. & Ferreira, C. (2019) Project-Based Learning in Audiovisual Translation: A Case Study in Error Analysis. *Journal of Audiovisual Translation*, 2(1), 152–185.

Ю. Г. ШТЫХ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ ПУТЕШЕСТВЕННИКА В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ДЖАЛАЛ АЛЕ АХМАДА

Литература путешествий давно и плодотворно изучается в России и за рубежом, однако в вопросе духовной трансформации путешественника как важной характеристики жанра путешествия еще существует немало лакун. Статья посвящена рассмотрению духовного опыта иранского писателя Джалал Але Ахмада, в основе которого лежит понятие переживания (Erlebnis), разработанное Гадамером. В статье описываются этапы духовного пути писателя: от опыта преодоления своего субъективного начала, как следствие одного из ритуалов хаджа, описанного им в путевых заметках о паломничестве в Мекку, к опыту понимания и опереживания другой культуре, описанному в путевых заметках автора о путешествии в Советскую Россию. Такая важная характеристика переживаний как их длительность позволяет объединить опыт, пережитый автором в разных странах, в единое смысловое целое. Исползованные в статье методы – биографический, описательный и культурно-исторический – позволяют дать наиболее всестороннее описание этого процесса. Результаты позволяют сделать следующие выводы: важную часть духовного опыта путешественника составляет процесс преодоления своей субъективности, что дает путешественнику возможность приблизиться к пониманию другой культуры и опереживать ей.

Ключевые слова: литература путешествий, духовный опыт (трансформация) путешественника, переживание, преодоление субъективности, понимание, сочувствие

I. SHTYKH

St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

THE TRAVELER'S SPIRITUAL TRANSFORMATION IN JALAL ALE AHMAD'S TRAVEL DIARIES

Travel literature studies has a long and fruitful history both in Russia and abroad, but there are still many gaps concerning the problem of the traveler's spiritual transformation which is considered to be an important characteristic of the genre. The present article is devoted to the Iranian writer Jalal Ale Ahmad's spiritual transformation, based on the concept of experience (Erlebnis), elaborated by Gadamer. The article follows the stages of the writer's spiritual path leading him from the experience of overcoming his self as a result of one of the Hajj rituals, described in his travel account about pilgrimage to Mecca, toward the experience of understanding and feeling empathy for the other culture, described in the travel account about his journey to Soviet Russia. Such important characteristic of experience as its longevity brings together events related to different countries and turns them into a single semantic unity. The methods used in the article – biographical, descriptive and cultural-historical – are helpful to give the most comprehensive description of this process. The results of the research suggest that an important part of the traveler's spiritual transformation includes overcoming his self in order to

set focus on the Other: getting closer to the other culture gives way to understand it and to feel empathy for it.

Key words: travel literature, traveler's spiritual transformation, experience, overcoming of the self, understanding, empathy

Изучение литературы путешествий, являющееся одной из актуальных проблем современного литературоведения, представляет интерес с точки зрения различных аспектов, в том числе, и с точки зрения духовной трансформации самого путешественника. Так, К.Блантон, отмечая, что перемещение главного героя в пространстве, как правило, связано с путешествием психологическим или символическим, подчеркивает тем самым тесную связь путешествия с духовной эволюцией путешественника [Blanton, 2004, с.2-3]. И.Ф. Головченко идет еще дальше, утверждая, что переживания душевной трансформации наряду с сюжетом передвижения в пространстве создают смысловое единство, объединяющее литературные произведения, основанные на путешествии, в единый жанр [Головченко, 2017, с.32].

В центре внимания данной статьи – духовный опыт иранского писателя Джалал Але Ахмада (1923-1969гг.), связанный с преодолением своего субъективного начала и стремлением к пониманию Другого (культуры другой страны). В основе этих процессов лежит понятие переживания, понимаемого в герменевтическом направлении как «теоретико-познавательная основа для всякого познания объективного» [Гадамер, 1988, с.109]. Материалом для исследования послужили путевые заметки автора о паломничестве в Мекку (перс. «Khasi dar Miqat») и путешествии в Россию (перс. «Safar-e Roos») [Al-e Ahmad, 2003; Al-e Ahmad, 1998].

В марте 1964г. Джалал Але Ахмад совершает паломничество к мусульманским святыням (хадж). Стоит отметить, что это паломничество было продиктовано «поворотом» в мировоззрении писателя, стремившимся после частичного разочарования в своих прежних убеждениях обрести опору в традиционных ценностях иранского общества, главным из которых был ислам. Летом того же года Джалал Але Ахмад посещает с визитом Москву, где принимает участие в VII Международном этнографическом конгрессе. Оба этих путешествия оказываются соединенными в сознании писателя не только временными (они практически последовали друг за другом), но также ассоциативными и смысловыми связями, удивительным образом соединившими две так не похожие друг на друга страны. Во время паломничества в Мекку на Джалала большое впечатление производит один из ритуалов хаджа – ритуальный бег (араб. са'й) между холмами Ал-Сафа и Ал-Марва: «До какой же степени этот бег выводит человека из состояния равновесия! Ты как будто переносишься на тысячу четыреста лет назад!» – восклицает Але Ахмад. Ритуал, совершаемый паломниками в память о матери Исмала Агарь, по легенде семь раз пробежавшей между холмами в поисках воды для своего сына, предстает перед иранским писателем с новой, неожиданной стороны: «Ты бежишь и возвращаешься, туда и обратно, в таком же отчаянии, как и Агарь. У тебя нет цели. Но самое по-настоящему мучительное то, что ты постоянно вынужден встречаться с глазами других паломников. До сегодняшнего дня я думал, что нельзя смотреть только на солнце. Но сегодня я понял, что на это море глаз тоже смотреть невозможно... Я убежал, пробежав туда и обратно всего два раза» [Al-e Ahmad, 2003, с.85]. Пережитый опыт писатель описывает как сильное эмоциональное потрясение: «Легко можно увидеть, как в этой толпе из нуля рождается бесконечность. Ты осознаешь, насколько ты меньше нуля – ты как песчинка в море, людском море. Сказать по правде, я почувствовал, что схожу с ума. Мне хотелось разбить голову о первую цементную колонну» [Al-e Ahmad, 2003, с.85].

Сильные переживания, охватившие иранского писателя, говорят о внезапном озарении, открывшем ему истинный смысл религиозного ритуала: «Во время бега между холмами наше «я», оказавшись лицом к лицу с миром невидимым, забывает себя и свои горести, ощущая себя слитым воедино с божественной реальностью. Это то, о чем говорил

Бистами, индийские йоги и другие мистики» [Al-e Ahmad, 2003, с.86]. Переживания, описанные Але Ахмадом, практически полностью совпадают с переживаниями известного средневекового мистика Байазиды Бистами (ум. 875г.), который Е.Э. Бертельс характеризует следующим образом: «При погружении в медитацию о божественном единстве собственное существование полностью исчезает и наступает блаженство самозабвения. Это состояние, получившее название фана', с конца IX века становится термином суфизма и начинает признаваться конечной целью тариката (суфийского пути)» [Бертельс, 1965, с.32].

Важность преодоления своего субъективного начала как необходимое условие познания и духовного совершенствования получила обоснование и в работах современных исследователей, рассматривающих вопросы гносеологии и духовности. Например, австрийский психолог В.Франкл пишет об этом так: «Лишь в той степени, в какой я сам отступаю на задний план, предаю забвению мое собственное существование, я приобретаю возможность увидеть нечто большее, чем я сам. Такое самоотречение является ценой, которую я должен заплатить за познание мира» [Франкл, 1990, с.73]. Опыт, пережитый Джалалом в Мекке, становится знаковым – в той или иной форме он не раз еще повторится в его жизни, в другое время и при других обстоятельствах.

Гадамер отмечает, что одной из главных существенных характеристик переживания является его длительность и способность к возобновлению: «То, что может быть названо переживанием, конституируется в памяти; мы имеем в виду значимое содержание, которым обладает опыт того, кто нечто пережил и которое для него постоянно... Бытийный тип переживания состоит именно в том, что оно обладает свойством никогда не кончатся» [Гадамер, 1988, с.110]. Благодаря своей длительности, переживания способны связывать воедино объективно разные, но основанные на сходном эмоциональном субстрате события [Kuiken and Miall, 2004, p.176-177]. Воспоминания о пережитом в Мекке уникальном опыте вновь пробуждаются в памяти иранского писателя во время его путешествия в советскую Россию, но уже в иной ипостаси: теперь они сопровождают переживания писателя, направленные на понимание новой для него культуры.

Сильное душевное волнение, пережитое писателем во время ритуального бега (са'й), неожиданно возвращается к нему в Коломенском, бывшей царской резиденции, куда иностранные гости прибывают на экскурсию. Здесь иранский писатель, получив возможность своими глазами увидеть «настоящую Россию Толстого и Тургенева», попадает под очарование провинциальной России, о которой так много читал: «По обе стороны дороги тянулись ряды небольших красивых деревянных домов в традиционном русском стиле, описаниями которых изобилует русская литература. Это так называемые дачи» [Al-e Ahmad, 1998, с.68]. Дома с верандами и резными ставнями, сидящие на завалинке и мирно беседующие старики – все это вызывает его восхищение: «Я впервые видел перед собой исконную Россию. Россию, овеянную для нас, иностранцев, ореолом романтики. Я был в восторге. Ивы, ели, тополя, мимо которых мы шли к церкви, даже щебет воробьев – все это было исконно русское» [Al-e Ahmad, 1998, с.68].

Однако сильнее всего поражает воображение иранского писателя церковь, полная народа в воскресный день, представшая перед ним как символ былой России. Как и в Мекке, воображение переносит Джалала в прошлое: «У входа в церковь толпились люди: мужчины и женщины, старики и молодежь. Я как будто перенесся на сто лет назад – в мир книг Толстого и Достоевского. Никогда бы не подумал, что это возможно» [Al-e Ahmad, 1998, с.69]. Удивление, охватившее Джалала, заставляет его задуматься о роли веры в жизни русского народа и о том, насколько правомерной и успешной была попытка коммунистической партии искоренить ее. Он понимает, что несмотря на провозглашенный советской властью атеизм, вера по-прежнему играет важную роль в жизни простых людей, и для него, лишь недавно пересмотревшего свое отношение к религии, это открытие сродни озарению, испытанному во время ритуального бега са'й: «И вновь это чувство охватило меня – как тогда между холмами Ал-Сафа и Ал-Марва.

Сожаление, печаль, досада, раздражение, гнев и любовь – все одновременно. Печальнее же всего в этой истории то, что этот мир, явившийся мне в воскресный день, хотели запретить, и к тому же, силой. Но чего ради? Ради почитания Сталина? Оставившего кровавую страницу в истории?» [Al-e Ahmad, 1998, с.69]. Цепочка риторических вопросов говорит о сильно душевном смятении, царившем в душе иранского писателя.

Опыт, пережитый Але Ахмадом в Коломенском, позволил ему приблизиться к пониманию сущности русского народа и почувствовать духовную общность с ним. Это чувство общности достигает своей наивысшей точки – сопереживания, эмпатии – во время экскурсии на Пискаревское кладбище в Ленинграде. Свои душевные переживания, сопоставимые по силе с переживаниями в Мекке, писатель описывает так: «Братское захоронение погибших во время войны привело меня в такое волнение, что я не смог сдержать слез. Около 600 тысяч ленинградцев, погибших во время блокады города 1942-43 гг. от голода и бомбежек, были захоронены в одном месте. Не было отдельных могил с табличками с указанием имени и даты рождения. В каждой братской могиле захоронены пять тысяч человек. Ее размеры составляют приблизительно двадцать метров на сто. В изголовье каждой братской могилы – гранитная плита со звездой (если это воинское захоронение) или с серпом и молотом (если гражданское). Указан только один месяц из двух лет блокады и больше ничего. Тихая музыка, наполняющая пространство. И памятник – женская фигура с цветами в руках. И у каждой братской могилы – цветы. Я прослезился. Отошел в сторону. И снова то же чувство – Ал-Сафа и Ал-Марва. Позже, вернувшись к остальным, я спросил у экскурсовода, отчего нас не предупредили заранее, я обязательно принес бы цветы» [Al-e Ahmad, 1998, с.139].

Сопереживание чужому страданию, описанное Але Ахмадом, несет на себе отпечаток уникального нового опыта, которому М.М. Бахтин дает такое определение: «Сопереживаемое мною страдание другого принципиально иное, чем его страдание для него самого, и мое собственное во мне... Сопереживаемое страдание другого есть совершенно новое бытийное образование, только мною внутренне вне другого осуществляемое. Сочувственное понимание не отображение, а принципиально новая оценка, использование своего архитектурного положения в бытии вне внутренней жизни другого» [Бахтин, 1986, с.97]. Сопереживая жертвам ленинградской блокады, иранский писатель приобщается к культурному коду русского народа, испытывает чувство единения с ним. Здесь находит свое логическое завершение опыт преодоления своего «я», полученный в Мекке.

И, наконец, именно в Ленинграде Джалал Але Ахмад снова испытывает удивительное чувство растворения границ своей индивидуальности. Исторические места, посещаемые большим количеством людей и хранящие память о прошлых событиях, производят на Джалала большое впечатление – в такие моменты границы времени и пространства размываются, давая ему возможность ощутить связь времен. Вот как описывает Джалал свою экскурсию по Ленинграду: «Мы осмотрели площадь перед Зимним дворцом, посетили много других достопримечательностей. Такие исторические места для меня нечто вроде стартовой площадки. Предназначенной для того, чтобы покинуть свои пределы – и ощутить себя частью универсума» [SR, 1998, с.140]. Опыт, описанный иранским писателем, практически полностью повторяет опыт, пережитый им в Мекке. Возвращаясь в исходную точку, но уже на новой ступени осознанности, круг духовного опыта, начавшись в Аравии, замыкается в Ленинграде.

Таким образом, сильные, почти мистические переживания, испытанные Джалалом во время ритуального бега между холмами Ал-Сафа и Ал-Марва, открыли ему важность преодоления своей субъективности как необходимого условия познания и духовной эволюции. Позднее эти переживания актуализировались в сознании писателя в прежней своей полноте во время его путешествия по Советской России. Душевное потрясение, испытанное Джалалом сначала в Коломенском при виде церкви, полной народа, а затем в Ленинграде, при посещении Пискаревского кладбища и Дворцовой площади, обогатило

его опыт, дав ему возможность пересмотреть свои взгляды на Россию и лучше понять сущность русского народа: его прочную связь с верой, выдержавшей испытание идеологией атеизма, а также силу духа, проявленную в годы Великой отечественной войны.

Новый опыт, закрепленный сильными переживаниями, ведет человека к духовному совершенствованию, возможность сознательного преодоления субъективного начала ведет к умению понимать и сопереживать Другому. Так, В.Франкл, утверждая, что быть человеком означает выходить за пределы себя [Франкл, 1990, с.51], в то же время подчеркивает, что духовность человека выражается в его способности «соприсутствовать» иному существу [Франкл, 1990, с.93]. Опыт, пережитый иранским писателем во время паломничества в Мекку, а затем и в Советской России, подтверждает истинность этих слов. И в этом состоит его ценность.

Литература

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: «Искусство», 1986.
Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. Москва: «Наука», 1965.
Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Москва: издательство «Прогресс», 1988.
Головченко И.Ф. Литературное путешествие: проблема жанра // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. №1. С.32-38.
Франкл В. Человек в поисках смысла. Москва: издательство «Прогресс», 1990.
Al-e Ahmad, Jalal (2003) Khasi dar Miqat. Tehran: «Majid», 1382/2003.
Al-e Ahmad, Jalal (1998) Safar-e Roos. Tehran: «Firdaws», 1377/1998
Blanton, Casey (2002) Travel Writing. The Self and the World. New York: Routledge.
Kuiken, Don, & Miall, David S. (2004) Forms of Self-Implication in Literary Reading // Poetics Today, 25 (2): 171-203.

References

- Bahtin, M.M. (1986) Estetika slovesnogo tvorcestva. [Aesthetics of verbal creativity]. Moskva: «Iskusstvo». (in Russian)
Bertel's, E.E. (1965) Sufizm i sufijskaya literatura. [Sufism and Sufi literature]. Moskva: «Nauka», 1965. (in Russian)
Gadamer, H.-G. Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenevтики. [Truth and method. Fundamentals of philosophical Hermeneutics]. Moskva: izdatel'stvo «Progress». (in Russian)
Golovchenko, I.F. (1988) Literaturnoe puteshestvie: problema zhanra [Literary journey: the problem of genre] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2017. №1. pp.32-38.
Frankl, V. (1990) Chelovek v poiskah smysla. [A man in search of meaning]. Moskva: izdatel'stvo «Progress». (in Russian)
Al-e Ahmad, Jalal. (2003) Khasi dar Miqat. Tehran: «Majid», 1382/2003.
Al-e Ahmad, Jalal. (1998) Safar-e Roos. Tehran: «Firdaws», 1377/1998
Blanton, Casey (2002) Travel Writing. The Self and the World. New York: Routledge.
Kuiken, Don, & Miall, David S. (2004) Forms of Self-Implication in Literary Reading // Poetics Today, 25 (2): 171-203.

А.А. ЯДРОНОВА

Институт иностранных языков
Российского университета дружбы народов
Москва, Российская Федерация

ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКОВ ВО ВРЕМЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ВЕДУЩИМИ КАНАЛАМИ ВОСПРИЯТИЯ

В свете перехода мирового образования на дистанционный формат и в связи с повсеместным использованием цифровых технологий, перед нами встала проблема адаптации прежних форм образовательной системы к новой онлайн-реальности. Психологическая наука уже давно открыла миру знания о различных ведущих каналах восприятия и разделения людей на визуалов, аудиалов и кинестетиков. В данном исследовании мы поднимаем проблему психолого-педагогической работы во время обучения иностранному языку с учётом доминирующей перцептивной модальности. Была проанализирована специфика передачи знаний студентам с различными типами восприятия и определено, каким образом возможно улучшить степень концентрации и качество восприятия информации студентами-визуалами, аудиалами и кинестетиками. В ходе исследования возникло предположение, что от массового перехода на дистанционный формат обучения больше всего пострадали студенты-кинестетики, так как использование электронных носителей лишило их возможности пользоваться основным каналом восприятия. Исследование было проведено с участием студентов 3–4 курсов Института иностранных языков Российского университета дружбы народов, которые в течение обучения лингвистическим дисциплинам испытали как очный формат обучения, так и дистанционный, что позволило оценить изменения в системе образования и сделать выводы, коррелирующие с актуальной ситуацией.

Ключевые слова: дистанционное обучение, ведущий канал восприятия, доминирующая перцептивная модальность, методика преподавания, иностранные языки, канал получения информации.

A. YADRONOVA

Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University)
Moscow, Russian Federation

LANGUAGE TEACHING DURING DISTANCE LEARNING FOR STUDENTS WITH DIFFERENT LEADING CHANNELS OF PERCEPTION

The massive conversion of world education to a distance format and the widespread use of digital technologies caused an omnipresent problem related to the adaptation of the previous forms of the educational system to the new online reality. A long time ago, psychological science opened to the world the knowledge about various ways of perceiving information and about the division of people into visuals, audials, and kinesthetics. In this study, we raise the problem of psychological and pedagogical work with students while teaching a foreign language, taking into account the leading perceptual modality. We have considered the matter of transmitting information to students with different types of perception and have determined possible ways of

improving the degree of concentration and the quality of perception of information by students with different leading perceptive modality. It was supposed that students-kinesthetics suffered most from the transition to distance learning since the electronic format of learning deprived them of the opportunity to use the main channel of perception. The study was carried out with the participation of 3–4-year students of the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia. During their studies in Linguistics, they experienced both offline and online learning, which made it possible to analyze changes in the educational system and draw conclusions correlating with the current situation.

Key words: distance learning, leading channel of perception, the leading perceptual modality, teaching method, foreign languages.

Введение

В 2020 году мир образования впервые столкнулся с глобальными переменами – по всему миру учебные заведения были вынуждены перейти на дистанционный формат обучения, что повлекло за собой невозможность использовать прежние формы: очные лекции, практические занятия в маленьких аудиториях, совместные просмотры видео и фильмов и другие. Возникла необходимость адаптации прежних форм образовательной системы к новой онлайн-реальности.

В современных научных исследованиях часто поднимается вопрос об индивидуальном подходе к образованию и преподаванию различных предметов, в частности, иностранных языков, для студентов с различной доминантной перцептивной модальностью. Изучив научные исследования ученых, работающих в данной проблемой, можно, прежде всего прийти к выводу, что взгляды ученых на проблему индивидуального подхода к перцептивной модальности студентов очень различны. Можно встретить как мнения о том, что учебная программа, в том числе, материалы, предлагаемые студентам для изучения, должны быть в обязательном порядке адаптированы под их модальность восприятия, так и мысли о том, что, в целом, студенты адаптируются к любому типу материалов, и недостатки в одном виде восприятия информации компенсируются полным пониманием в другом.

Так, например, исследование, проведенное Темяниковой Э. Б. и Валяевой Е. Ф., представлявшее собой экспериментальное тестирование 55 студентов Научного Исследовательского Университета Высшая Школа Экономики, обучающихся на третьем курсе Факультета мировой экономики и мировой политики, показало, что студенты с ведущей аудиальной модальностью не имеют особых преимуществ перед другими в работе, касающейся понимания текста на слух. [4, с. 125] При этом не утверждается, что связи между этими феноменами нет вообще, но и не дается никаких гарантий.

При этом в работе Потаповой И. Н., Фатеевой И. А. утверждается, что, в зависимости от ведущего типа перцептивной модальности можно ввести в процесс обучения различные виды мотивационных факторов, которые будут наиболее предпочтительны для разных типов студентов. [3, с. 113] Таким образом, знание о типе восприятия студентов может помочь привлечь косвенные факторы, делающие обучение гораздо более эффективным.

Также интересными являются факторы, не касающиеся напрямую изучения иностранных языков, но косвенно затрагивающие данную тему. Так, например, Уланова, Т. В., Зиняков Д. А., Русейкин Н. С. исследовали зависимость уровня краткосрочной и долговременной памяти от доминирующей перцептивной модальности. [5, с. 81] Ученые пришли к выводу, что эта зависимость имеется, и проявляется у студентов с разными типами восприятия на различном уровне.

Итак, нам удалось выяснить, что тема влияния доминирующей перцептивной модальности является актуальной, многие исследователи сегодня пытаются найти взаимосвязь между различными типами восприятия и успеваемостью студентов.

В данном исследовании поднимается проблема психолого-педагогической работы во время обучения иностранному языку с учётом доминирующей перцептивной модальности.

Гипотеза исследования

Было предположено, что анализ специфики передачи знаний студентам с различными типами восприятия поможет определить, каким образом возможно улучшить качество обучения языку, а также выяснить, какая группа студентов больше всего пострадала от перехода на дистанционный формат обучения.

Методология

В качестве метода проведения исследования был выбран онлайн-опрос, который позволил проанализировать полученные данные и подвергнуть их статистическому анализу. В качестве респондентов выступили 50 студентов 3 и 4 курсов Института иностранных языков Российского университета дружбы народов, изучающие английский как основной иностранный язык, а также французский, немецкий, испанский, китайский и японский языки в качестве вторых языков. Был сделан выбор в пользу именно этой группы респондентов, так как данные студенты испытали во время обучения в ВУЗе обе системы: полноценную очную и дистанционную, с применением цифровых технологий.

Вначале им было предложено пройти тест на определение ведущей модальности по методике С. Ефремцева, а затем ответить на вопросы, касающиеся сложностей обучения в дистанционном формате. Полученные данные были собраны и подвергнуты статистическому анализу.

Результаты

В результате определения ведущей перцептивной модальности у студентов лингвистического направления было выявлено следующее количество представителей различных групп: аудиалы – 28%, кинестетики – 34%, визуалы – 38%, что примерно соотносится с результатами других исследований. [5, с. 80]

Отвечая на вопрос о трудности перехода на дистанционный формат, подавляющее количество визуалов отметили, что им не было сложно перейти на дистанционную форму обучения. При этом кинестетикам, а также аудиалам (еще в большей степени) этот переход дался трудно. Следовательно, канал восприятия визуалов, а именно, информация, получаемая посредством зрения, был затронут в меньшей степени, тогда как аудиалы отметили худшее качество звука и технические сбои, которых не было во время очного обучения, а на кинестетиков оказала наиболее отрицательное влияние невозможность личного присутствия на занятиях. Однако здесь стоит учитывать, что переход на дистанционное обучение произошел в марте 2020 года, то есть достаточно давно, и многие студенты, отвечая на данный вопрос, могли также неосознанно опираться на свои сегодняшние ощущения, на то, как они уже успели приспособиться к ситуации. Что опять же подтверждает то, что визуалы смогли приспособиться достаточно легко, в отличие от аудиалов и кинестетиков.

Важным пунктом в изучении влияния дистанционного обучения на студентов оказалось их ощущение дефицита личного общения с преподавателем. Аудиалы больше всего пострадали от данной проблемы, на втором месте – кинестетики, а почти половина визуалов отметила, что дефицит личного общения с преподавателем они не ощутили вовсе. Это может быть связано с тем, что в эпоху интернет-обучения практически все общение свелось к перепискам в мессенджерах и электронной почте. Аудиалам важно слышать голос собеседника, чтобы понимать его эмоции, интонацию – чего они оказались лишены.

Сложнее всего концентрироваться и сохранять концентрацию во время продолжительного занятия перед экраном компьютера оказалось кинестетикам. Примерно такие же ответы, с показателями совсем немногим ниже, дали аудиалы. А вот ситуация с визуалами удивительным образом противоположная. Ухудшение концентрации отметили меньше

половины из них, а 15% респондентов даже утверждают, что степень их концентрации увеличилась. Возможно, на это повлиял фактор постоянного нахождения перед компьютером – визуалам проще и привычнее поглощать информацию глазами на протяжении долгого времени.

Предположение о том, что ведение конспектов значительно улучшает восприятие информации, оказалось неверным. Все группы испытуемых отметили, что это либо не имеет положительного эффекта, либо наоборот, мешает усваивать информацию. Включение камеры преподавателем также не является ключевым фактором, который помогает студентам усваивать информацию. Однако можно заметить, что значительное количество кинестетиков, в отличие от двух других групп респондентов, отмечают, что использование камеры преподавателем все же важно. А вот презентация, сопровождающая лекцию, оказалась существенно важной для всех групп респондентов. В наименьшей степени это относится к аудиалам, что прямо соотносится с их ведущим каналом информации, визуалы расположились на втором месте, но самым интересным оказалось то, что абсолютное большинство, (100%) респондентов-кинестетиков указали, что презентация, сопровождающая текст лекции, делает восприятие и усвоение информации значительно более легким. Это можно объяснить тем, что кинестетики взаимодействуют непосредственно с информацией, написанной на слайде, записывая ее на бумажный или электронный носитель. Информация, представленная на слайде, обычно дается более сжато и кратко, в сравнении с тем, что произносит преподаватель. Поэтому, даже если студент-кинестетик не улавливает смысл лекции на слух, то он все равно усвоит информацию со слайда, так как будет находиться в состоянии активной деятельности.

Мы можем наблюдать общую тенденцию: видеоматериал, демонстрируемый через экран преподавателем, не является удобным способом передачи информации ни для одной группы студентов с различными ведущими каналами восприятия. Лишь 26% от общей суммы респондентов высоко или достаточно высоко оценили этот способ обучения. При этом среди аудиалов наивысшую оценку обучению через трансляцию видеоматериала не дал никто. Практически половина всех респондентов оценила этот способ как «неудовлетворительный» и «совершенно неудовлетворительный». В итоге, мы можем сказать, что эта форма неудобна по разным причинам. Аудиалам может мешать плохое качество звука, эхо, идущее из динамиков, перебои в трансляции. Визуалам мешает плохое качество изображения, обрезанный формат, невозможность развернуть видео или фильм на полный экран, что для них привычно. Кинестетики оказываются в ситуации бездействия, обращение к видеоматериалу, обычно достаточно длинному по времени воспроизведения, никак не затрагивает их ведущий канал восприятия, и при этом не побуждает делать что-то, что привело бы к лучшему усвоению материала, как это может быть при диалоге с преподавателем, выполнении заданий из учебника или методических материалов.

Как и предполагалось, проблема потери концентрации из-за нехватки физических действий наиболее сильно затрагивает студентов-кинестетиков, однако мы видим, что данная проблема также оказалась существенной и для аудиалов и визуалов. Можно посоветовать студентам использовать время, данное на перерыв, для выполнения любой физической активности, а также для смены обстановки, перемещения в другую комнату или изменения освещения.

Выводы

Данное исследование помогло понять, что в наибольшей степени от перехода на дистанционный формат обучения пострадали студенты-аудиалы. Им важен четкий звук во время лекций и занятий, но технические способности современных компьютеров не всегда позволяют пользоваться идеальными динамиками.

Студенты-кинестетики больше страдают от отсутствия невербального общения и активной деятельности. Оказавшись запертыми в четырех стенах перед экраном

компьютера, они чаще теряют концентрацию и меньше заинтересованы в процессе обучения.

Студенты-визуалы в меньшей степени оказались затронуты проблемами, связанными с переходом на дистанционный формат обучения, но и им не подходят некоторые методики, которые эффективно применялись во время очных занятий.

Итак, в результате мы выяснили, что дистанционный формат обучения языкам вызывает определенные трудности у студентов с различными ведущими каналами восприятия, так как старые формы, успешно показывавшие себя в очном формате, пока не адаптированы под цифровую реальность.

Литература

- Антонова З.В. Возможности использования результатов психологического тестирования студентов при обучении иностранному языку/Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Череповецкие научные чтения. 2016 С. 9-11.
- Ивашкевич И.Н. К проблеме учета особенностей восприятия в обучении иностранным языкам// Материалы конференции РИВШ. 2005. С.247-250.
- Потапова И. Н., Фатеева И. А. К вопросу о теории обучения, основанной на ведущем канале восприятия, переработки и хранения информации // Проблемы современного педагогического образования. 2019. №65-3.
- Темяникова Э. Б., Валяева Е. Ф. Влияние модальности восприятия на выбор методов обучения аудированию на продвинутом этапе изучения иностранного языка // БГЖ. 2020. №1 (30).
- Уланова Т. В., Зиняков Д. А., Русейкин Н. С. Влияние доминирующей перцептивной модальности личности на уровень кратковременной и долговременной памяти // Известия вузов. Поволжский регион. Медицинские науки. 2018. №3 (47).

References

- Antonova, Z.V. (2016) *Vozmozhnosti ispol'zovaniya rezul'tatov psihologicheskogo testirovaniya studentov pri obuchenii inostrannomu yazyku* [Possibilities of using the results of psychological testing of students in teaching a foreign language] /*Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Cherepoveckie nauchnye chteniya.* - pp. 9-11. (in Russian)
- Ivashkevich, I.N. (2005) *K probleme ucheta osobennostej vospriyatiya v obuchenii inostrannym yazykam* [On the problem of taking into account the peculiarities of perception in teaching foreign languages] // *Materialy konferencii RIVSH.* pp.247-250. (in Russian)
- Potapova, I. N. & Fateeva, I. A. (2019) *K voprosu o teorii obucheniya, osnovannoj na vedushchem kanale vospriyatiya, pererabotki i hraneniya informacii* [On the question of the theory of learning based on the leading channel of perception, processing and storage of information] // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya.* №65-3. (in Russian)
- Temyanikova, E. B. & Valyaeva, E. F. (2020) *Vliyanie modal'nosti vospriyatiya na vybor metodov obucheniya audirovaniyu na prodvinutom etape izucheniya inostrannogo yazyka* [The influence of the perception modality on the choice of methods of teaching listening at the advanced stage of learning a foreign language] // *BGZH.* №1 (30). (in Russian)
- Ulanova, T. V. et al. (2018) *Vliyanie dominiruyushchej perceptivnoj modal'nosti lichnosti na uroven' kratkovremennoj i dolgovremennoj pamyati* [The influence of the dominant perceptual modality of personality on the level of short-term and long-term memory] // *Izvestiya vuzov. Povolzhskij region. Medicinskie nauki.* №3 (47). (in Russian)

E. ALEKSEEVA

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russian Federation

LINGUOSTYLISTIC PERSPECTIVE OF ANGELA MERKEL'S PUBLIC SPEECH

We use the method of textual perspectivation (field, angle and focus of vision) to describe the linguostylistic features of Angela Merkel's public speech dedicated to the 500th anniversary of the Reformation. The main functions of the three stages of perspectivation are distinguished – thematization, aspectualization and accentualization. The textual perspective of the following objects of vision is considered: Reformation (die Reformation), Tolerance (die Toleranz), Freedom (die Freiheit), Education (die Bildung). At the stage of the field of vision, text objects expressing national and cultural values (tolerance, freedom, faith, religion, education, society, state, history, church) are thematized by repeating lexical units and their composites related to the socio-political and cultural-historical sphere. At the stage of the angle of vision, the aspectualization of textual objects is carried out by the use of metaphors, enumeration, lexico-syntactical parallelism, metaphorical juxtaposition, similes, lexico-contextual synonyms, time spatial lexical units, parenthesis, and inversion. At the stage of the focus of vision, the accentualization of the objects is realized by lexico-syntactical parallelism, epiphora and anaphora, personification, the use of phraseological turns, synonyms and antonyms. The scientific novelty of this work is in the need to analyze the linguostylistic perspective on the material of the public political speech of a modern political leader. Previously, Angela Merkel's public speeches were not considered on the method of textual perspectivation in domestic Germanistics. The complex of the considered objects of vision creates a textual perspective of the political leader of Germany Mrs. Merkel, in which national-historical, religious and socio-moral values are reflected, and the linguostylistic perspective is characterized by emotionality and expressiveness.

Key words: linguostylistic features, field of vision, angle of vision, focus of vision, public speech, Angela Merkel

Е.М. АЛЕРСЕЕВА

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Российская Федерация

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ

На основе метода текстового перспективирования (поле, угол и фокус видения), описываются лингвостилистические тенденции публичной речи Ангелы Меркель, посвящённой 500-летию Реформации. Выделяются основные функции трех этапов перспективирования – тематизация, аспектуализация и акцентуализация. Рассматривается текстовая перспектива следующих объектов видения: Реформация (die Reformation), Толерантность (die Toleranz), Свобода (die Freiheit), Образование (die Bildung). На этапе поля видения текстовые объекты, выражающие национально-культурные ценности (терпимость, свобода, вера, религия, образование, общество, государство, история, церковь), тематизируются посредством повтора лексических единиц и их композитов,

относящихся к социально-политической и культурно-исторической сфере. На этапе угла видения аспектуализация текстовых объектов осуществляется через употребление приемов перечисления, лексико-синтаксического параллелизма, метафорического сопоставления, сравнения, лексико-контекстуальных синонимов, пространственно-темпоральных маркеров, парантезы, инверсии. На этапе фокуса видения акцентуализация рассматриваемых объектов реализуется посредством лексико-синтаксического параллелизма с использованием эпитеты и анафоры, олицетворения, употребление фразеологических оборотов, синонимов и антонимов. Научная новизна данной работы заключается в необходимости анализа лингвостилистической перспективы на материале публичной политической речи современного государственного деятеля. Ранее публичные речи Ангелы Меркель не рассматривались на основе метода текстового перспективирования в отечественной германистике. Совокупность рассматриваемых объектов видения создает текстовую картину видения политического лидера Германии, в которой отражаются национально-исторические, религиозные и социально-нравственные ценности, а лингвостилистическая перспектива характеризуется эмоциональностью и экспрессивностью.

Ключевые слова: лингвостилистические особенности, поле видения, угол видения, фокус видения, публичная речь, Ангела Меркель

Introduction

The article deals with a public speech by German politician and Federal Chancellor Angela Merkel dedicated to the 500th anniversary of the Reformation. K.A. Kiyanova points out, that public political speech is a monologue. The basis of speech of any politician is linguistic means [Kiyanova, 2019, p. 67]. The subject of our research is the “linguostylistic perspective of the text” as a system of verbal means of expression at different linguistic levels in Angela Merkel’s public speech.

Perspective is a concept borrowed in the twentieth century by linguistics and literary studies from the Fine Arts. Various aspects of this phenomenon are considered, for example, by Panovsky 1964; Boehm 1969; Perspective in Literature and Fine Arts 1999; Berg 1999; Marova 1989 and 2006; Perspective and Perspectivation in Discourse 2002; Luppova 2003; Shabaeva 2004, Korneeva 2005, Ivanova 2009 etc.

Methods

The methodological basis for this research is the theory of textual perspective [Marova, 1989], in which perspective or viewpoint is widely understood as a universal law of perception of cognitive and linguistic human activity and acts as a text-forming, style-forming and interpreting category of text. The individual way of perceiving the world is determined, each person is a carrier of an individual, specific point of view inherent only to him. The interaction of the point of view and the observed reality with its transformation into a vision picture, according to the theory of textual perspective, called perspectivation. The category of perspective in its formation reveals three stages.

The first stage of the perspectivation process is the definition of the field of vision – all objects observed from this point of view. This stage allows us to identify the boundaries of vision, and fix the picture of the world as a topic; therefore, this process is called thematization.

The second stage of the perspectivation is the determination of the angle of vision, expressing the orientation of the viewpoint to the objects of vision. As the result, certain features of these objects are highlighted. The particularities of the considered objects are determined; therefore, this stage of perspectivation is called aspectualization.

The third stage of perspectivation is the identification of the focus of vision. The center and the periphery of vision are formed in the text. According to the theory, the carrier of a viewpoint places accents in the textual picture of the world. The most important objects of vision and their

features are brought to the forefront. The identification of the focus of vision performs the function of accentualization of textual reality [Marova, 2006, pp. 43-43].

To achieve the goal in identifying linguostylistic perspective in public speech, we will conduct contextual analysis using the method of stylistic analysis, and componential analysis.

Discussion

Perspective – “in the theory of literature, the designation of the point of view (Standort) from which the event is presented. It characterizes the form of presentation (Darbietungsform) primarily in narrative prose, as well as in lyrics” [Metzler-Literatur-Lexikon, 1990, p. 348]. There are two important aspects in this definition of perspective that reflect the typical approach to the problem in many literary and theoretical concepts: 1) “perspective” = “point of view” (synonyms: der Standpunkt, der Sehe-Punkt, der Blickpunkt, der Augpunkt, der Betrachtungspunkt); 2) it is primarily about narrative prose (Erzählperspektive / narrative perspective, Erzählpunkt / narrative point of view).

The concept of a point of view was initially equated with the concept of perspective in literature. K. Friedemann was one of the first to draw attention to the role of the narrator in the epic [Friedemann, 1910].

The concept of the observer’s point of view (Standpunkt, Beobachtungsstandpunkt) we can find in V. Kayser’s research about perspective [Kayser, 1951].

Based on the concept of point of view, F.K. Stanzel distinguishes three types of novel: personal, authorial and first-person [Stanzel, 1972].

The works of Russian researchers M.M. Bakhtin 2000; V.V. Vinogradov 1959; G.A. Gukovsky 1959 are devoted to the study of the problem of “point of view” in fiction.

This phenomenon is considered as a style-forming category – M.P. Brandes 1970; E.G. Rizel and E.I. Shendels 1975, as an interactive category – E.A. Goncharova and I.P. Shishkina 2005.

Yu.M. Lotman understands the point of view as the point “relative to which the artistic space of the text is oriented” [Lotman, 1968, pp. 5-50].

B. Uspensky pays special attention to the problem of the point of view as the central problem of the composition of a work of art and examines it in terms of ideology, in terms of phraseology, in terms of time spatial characteristics and in terms of psychology [Uspensky, 2000, pp. 9-279].

Results

Let us consider in more detail the particularity of the expression of the linguostylistic perspective of Mrs. Merkel’s public speech.

The first stage of the perspectivation

The field of vision is formed by lexemes related to the socio-political and cultural-historical sphere: die Reformation (Reformation), die Freiheit (freedom), die Verantwortung (responsibility), die Bildung (education), die Toleranz (tolerance), die Demokratie (democracy), das Staat (state), das Grundgesetz (Basic Law), die Politik (politics), die Kultur (culture), die Gesellschaft (society), die Geschichte (history).

Sacred-religious and ecclesiastical vocabulary is the object of the first stage of perspectivation: der Gott (God), die Gnade (grace, mercy), die Gnade Gottes (God’s mercy), der Glaube (faith), die Kirche (church), der Versöhnungsgottesdienst (service of reconciliation), die Ökumene (ecumenism), der Katholik (Catholic), der Protestant (Protestant), das Kreuz (cross), der Christ (Christian), die Christin (Christian), die Religion (religion), die Heilige Schrift (Holy Scripture), die Bibel (the Bible), das Priestertum (priesthood).

The thematization is created by the lexical repetition of the above-mentioned lexemes and their composites. Here are some examples: die Freiheit (freedom) – das Freiheitsverständnis (the notion of freedom), die Religionsfreiheit (the freedom of religion), die Meinungsfreiheit (the freedom of opinion), die Glaubensfreiheit (the freedom of religion), der Freiheitswert (liberal values), das Freiheitsrecht (liberty), die Bekenntnisfreiheit (the freedom of faith), die Freiheitsgeschichte (era of freedom), die Freiheitsschrift (tract On the Freedom of the Christian) freimachen (to dispense), befreien (to free), befreiend (liberating); der Glaube (faith) – die

Glaubensrichtung (faiths), die Glaubensfrage (question of faith), die Glaubensvorstellung (notion of faith), der Glaubende (who believe), der Gläubige (believer), der Andersglaubende (who believed differently), die Glaubensüberzeugung (religious conviction), das Glaubensleben (spiritual lives), die Glaubensvermittlung (judgement about faith); die Religion (religion) – die Religionsgemeinschaft (religious community), die Religionsgrenze (religious border), die Religionsausübung (to practise religion), der Religionsunterricht (religious instruction), religiös (religious), interreligiös (interfaith); die Bildung (education) – das Bildungsprojekt (educational project), die Hochschulausbildung (tertiary education), die Fortbildung (further training), die Weiterbildung (advanced training), der Bildungsaufbruch (educational awakening), die Bildungsverantwortung (responsibility for education); die Reformation (Reformation) – der Reformator (Reformer), das Reformationsjubiläum (Reformation anniversary), das Reformationsgedenken (commemoration of the Reformation), das Reformationsjahr (Reformation year), reformatorisch (in the Reformation); die Gesellschaft (society) – die Zivilgesellschaft (civil society), gesellschaftlich (social), zivilgesellschaftlich (civil society); die Kirche (church) – die Schlosskirche (All Saints' Church), der Kirchentag (Kirchentag), kirchlich (church); die Geschichte (history) – die Lerngeschichte (learning process), die Friedensgeschichte (era of peace), die Konfliktgeschichte (a long story of conflict), historisch (history); das Staat (state, country) – das Verfassungsstaat (constitutional state), das Staatverständnis (concept of the state), staatlich (state).

Thus, at the stage of the field of vision, text objects expressing national and cultural values (tolerance, freedom, faith, religion, education, society, state, history, church) are thematized by repeating lexical units and their composites related to the socio-political and cultural-historical sphere. Verbal repetition is one of the widely used syntactic stylistic devices at the first stage. The repetition of words and word combinations, the use of sacred-religious and ecclesiastical vocabulary demonstrate emotively exciting speech of Angela Merkel.

Next, we will consider which linguostylistic devices facilitate to the actualization of the textual objects die Reformation (the Reformation), die Toleranz (tolerance), die Freiheit (freedom), die Bildung (education).

The second stage of perspectivation

The aspectualization of the text object die Reformation (the Reformation) is created by an indication of:

the historical time of the appearance of the Reformation as a religious movement, time spatial lexemes are used – vor 500 Jahre (500 years ago), 31. Oktober 1517 (on 31 Oktober 1517);

initiator of the Reformation using contextual synonyms – der Augustinermönch (Augustinian monk) – Martin Luther – der Reformator (the Reformer);

distribution boundaries, a compositional metaphor is used – eine „Weltbürgerin“ (“citizen of the world”), the effect of the Reformation throughout the world is emphasized.

Let us present the following examples from Dr. Merkel's speech:

(1) Ob Politik und Recht, ob Sprache und Soziales, ob Kunst und Kultur – kaum ein Lebensbereich blieb von der von Martin Luther ausgelösten Reformation unberührt, und zwar weit über Deutschland und Europa hinaus (Whether politics and law, language and social affairs, art and culture, hardly any area of life was spared the Reformation triggered by Martin Luther – and far beyond the borders of Germany and Europe) <...>

(2) Dennoch war die Reformation primär zunächst eine religiöse Erneuerungsbewegung, die auf eine grundlegende Neubestimmung der Beziehung des Menschen zu Gott, zu sich selbst und zu den Mitmenschen zielte (However, the Reformation was, at first, primarily a movement of religious renewal that aimed to achieve a fundamental reordering of the humankind's relationship with God, with itself and with our fellow human beings) <...>

(3) Daher gilt es, ihr geistesgeschichtliches, kulturelles und religiöses Erbe wachzuhalten – zumal die Reformation auch im 21. Jahrhundert aus dem Glauben heraus wichtige Anstöße für die Gestaltung des gesellschaftlichen Miteinanders bietet (It is therefore important to keep its

intellectual, cultural and religious heritage alive – not least because the Reformation, taking faith as its starting point, offers important impetus for shaping social coexistence in the 21st century).

As we can see from the above-mentioned utterances, the enumeration as a stylistic device is used in public speech to emphasize that the Reformation affected all spheres of human life (1): Ob Politik und Recht, ob Sprache und Soziales, ob Kunst und Kultur (Whether politics and law, language and social affairs, art and culture); attributive enumeration of evaluative characteristics of the Reformation, which presented as a transmitted heritage from the past (3): geistesgeschichtlich (intellectual), kulturell (cultural), religiös (religious).

To compare the nature of the Reformation in the 16th and the 21st centuries, verbs in the form of the Past and Present Simple Tense are used (2): war (was), zielte (aimed); (3): gilt (is), bietet (offers); time spatial lexical units are used (1): zwar weit über Deutschland und Europa hinaus (far beyond the borders of Germany and Europe); (3): im 21. Jahrhundert (in the 21st century).

The specification of the object vision die Reformation (the Reformation) is realized in the inverse word order (2): Dennoch war die Reformation primär zunächst eine religiöse Erneuerungsbewegung (However, the Reformation was, at first, primarily a movement of religious renewal). Inversion is a kind of stylistic marker of brightness and semantic expressiveness. The inverted word order in public speech is used for emotionalization of linguostylistic perspective. The explication of the emphatic sense is supported by the joint use of the adjective primär (primarily) and the adverb of circumstance zunächst (at first). This reinforces the semantics of the primordial religious character of the Reformation in the 16th century. The use of lexical synonyms also enhances the specification of the vision of the text object in the aspect of its renovation (2): die Erneuerungsbewegung (renewal) – die Neubestimmung (reordering). The use of enumeration indicates the aspect of personal renewal of a person in the process of Reformation (2): der Gott (God) – sich selbst (itself) – der Mitmensch (fellow human being).

Let us present the following example: erwies sich die Reformation mit dem ihr zugrunde liegenden Freiheitsverständnis als treibende Kraft im fortwährenden Prozess gesellschaftlicher und politischer Erneuerung (the Reformation and the notion of freedom on which it is based proved to be a driving force in the ongoing process of social and political renewal). The use of the modal verb sich erweisen and the idiomatic simile als treibende Kraft (a driving force) facilitate to the aspectualization of the object die Reformation (the Reformation) and we reveal the semantics of the authenticity. The semantics of duration and incompleteness of a text object Reformation, which expressed by attributive participles I treibend (driving), fortwährend (ongoing) is underlined.

The tendency of metaphorical juxtaposition with the enumeration for the aspectualization of the textual vision object die Toleranz (Tolerance) is used. Tolerance as the historical experience of our continent is recognized:

die historische Erfahrung unseres Kontinents (That is what our continent's historical experience teaches us) – predicative metaphor;

the foundation for a peaceful existence in Europe: die Grundlage für ein friedliches Zusammenleben in Europa (The fact that tolerance is the basis for peaceful coexistence in Europe) – predicative metaphor;

the soul of Europe: die Seele Europas – genitive metaphor; the basic principle of every open society: das Grundprinzip jeder offenen Gesellschaft – predicative-genitive metaphor. The semantics of the temporality of the text object die Toleranz (tolerance), expressed by the intransitive verb enden (to reach its limits), and is stressed: Toleranz endet dort (tolerance reaches its limits). It should be noted that in our work we rely on six main types of metaphorical models proposed by V.I. Shuvalov [Shuvalov 2021].

The aspectualization of the text object die Freiheit (freedom) is created by the lexical repetition of synonyms with the general semantics 'freedom of religion': die Religionsfreiheit, die Glaubensfreiheit, die Bekenntnisfreiheit (the freedom of faith); synonyms with the semantics 'freedom of speech, expression of opinions', 'freedom in responsibility': die Meinungsfreiheit

(the freedom of opinion). A metaphorical juxtaposition is used – freedom in responsibility is recognized as an integral guideline of actions – *Das ist Freiheit in Verantwortung. Sie ist ein unverzichtbarer Maßstab unseres Handelns* (That is freedom in responsibility. It is an indispensable standard for our actions); freedom in responsibility is recognized as the foundation of social justice – *Freiheit in Verantwortung ist Grundlage dafür, dass es in unserer Gesellschaft gerecht zugeht* (Freedom in responsibility is the basis for ensuring that our society is fair). These predicative-genitive metaphors are intended to give a positive characteristic for the object *die Freiheit* (freedom).

The use of spatial lexical units – an outdated adverb with an emphatic connotation *hierzulande* (here in Germany) and the adverbial adjective *weltweit* (around the world) – demonstrates the semantics of the spread of religious freedom both within the country and around the world: *Ich halte den Einsatz für Religionsfreiheit – hierzulande wie auch weltweit – für eine gemeinsame Aufgabe von Politik und Kirchen* (I consider the cause of religious freedom – both here in Germany and around the world – to be a common task facing politicians and churches). The use of the dash introduces additional information, conveys an emotional pause, places accents and enhances the emotionality of linguostylistic perspective.

The text object *die Bildung* (education), considered from a spiritual point of view, is expressed by an attributive metaphor in the stylistic function of the epithet *religiös* (religious): *Religiöse Bildung* (religious education). The epithet, the most emotive lexico-syntactical trail, performs a determination function for the aspectualization.

Let us present the following example: (1) *Religiöse Bildung – sei es in der Familie, im Religionsunterricht oder im Theologiestudium – ist eine Gemeinschaftsaufgabe.* (2) *Sie stellt sich Kirchen und Religionsgemeinschaften, Regierungen und Bildungseinrichtungen sowie Medien und der Zivilgesellschaft.* (3) *Religiöse Bildung – sie war auch ein Grundanliegen der Reformation* (Religious education – be it in the family, religious instruction or in theology studies – is a common task. It is one faced by churches and religious communities, governments and educational institutions, as well as by the media and civil society. Religious education was also one of the fundamental aims of the Reformation).

Aspectualization is created by an indication of the spread boundaries of religious education and is expressed through enumeration device (1): *in der Familie, im Religionsunterricht, im Theologiestudium* (in the family, religious instruction or in theology studies); (2): *Kirchen und Religionsgemeinschaften, Regierungen und Bildungseinrichtungen sowie Medien und der Zivilgesellschaft* (it is one faced by churches and religious communities, governments and educational institutions, as well as by the media and civil society).

It should be noted that enumeration as a stylistic device enhances intensification of the linguostylistic perspective. We can see that the aspectualization of the text object is created by metaphorical juxtaposition, where spiritual education is recognized as a social task (3): *Religiöse Bildung ist eine Gemeinschaftsaufgabe* (Religious education is a common task); by the comparison of the Present and Past Simple Tense *ist* (is), *war* (was), supported by lexico-syntactical parallelism with anaphora and parenthesis. The utterance *Religiöse Bildung* (religious education) is used at the beginning of some neighboring sentences (1), (3) – it is a kind of anaphora. As for the punctuation of the first sentence (1), attention should be paid to the aesthetic function of the dash. Graphic means are aimed at conveying an emotional color [Arnold, 1981, p. 250].

In another example, through the simile device religious education gets the semantics ‘basis for all spheres of life’: *Bildung wurde über theologische Fragen hinaus als wichtige Grundlage für alle Lebensbereiche* (Education was recognised as an important basis for all areas of life above and beyond theological issues).

Thus, at the stage of the vision angle the aspectualization of the textual objects *die Reformation* (Reformation), *die Toleranz* (tolerance), *die Freiheit* (freedom), *die Bildung* (education) is carried out by the use of time spatial lexemes, enumeration, lexico-syntactical parallelism (epiphora, anaphora), metaphorical juxtaposition, metaphors, similes, lexico-contextual

synonyms, parenthesis, inversion. It should be noted that the use of these linguistic means detects and highlights certain semantic features of textual objects and creates the linguostylistic perspective characterized by emotionality, intensification and expressiveness.

The third stage of the perspectivation

At the stage of the focus of vision, the accentualization of textual objects of vision die Toleranz (tolerance) and Freiheit in Verantwortung (freedom in responsibility) is carried out by lexico-syntactical parallelism with epiphora // anaphora.

Let us present some examples: Es ist unverzichtbar, sich diese jahrhundertelange Lerngeschichte zu vergegenwärtigen, wenn wir heute in unseren offenen Gesellschaften, in einer globalisierten Welt über die Notwendigkeit von Toleranz sprechen (It is vital to call to mind this centuries-old learning process when talking today about the importance of tolerance in our open societies, in our globalised world). Wer Vielfalt bejaht, muss Toleranz üben (Those who preach diversity must practice tolerance). // Freiheit in Verantwortung lässt uns nicht blindlings darauf vertrauen, dass sich schon andere finden werden, die sich um das Gemeinwohl kümmern (Freedom in responsibility does not make us trust blindly that others will step up to the plate and tend to the public good). Freiheit in Verantwortung fordert uns heraus, selbst Ideen, Kreativität und Kraft einzubringen (Freedom in responsibility challenges us to contribute our own ideas, creativity and energy). Freiheit in Verantwortung ist Grundlage dafür, dass es in unserer Gesellschaft gerecht zugeht (Freedom in responsibility is the basis for ensuring that our society is fair).

In above-mentioned statements personification is used – freedom in responsibility does not make us trust (lässt uns nicht blindlings darauf vertrauen) and challenges us (fordert uns heraus).

The accentualization of textual objects die Glaubensfreiheit (the freedom of religion) and die Meinungsfreiheit (the freedom of opinion) is created by metaphorical juxtaposition with the highest good: Rechtsstaatlichkeit, Glaubensfreiheit, Meinungsfreiheit – das sind hohe Güter, die uns tragen (The rule of law, the freedom of religion and the freedom of opinion are precious and give us strength).

The accentualization of text objects die Toleranz (tolerance), die Bildung (education), Freiheit in Verantwortung (freedom in responsibility) is presented by lexical repetition of the noun die Grundlage (basis) and we reveal the general semantics ‘basis, foundation’ for peaceful coexistence in Europe: Mühevoll wurde gelernt, dass die Grundlage für ein friedliches Zusammenleben in Europa die Toleranz ist (The fact that tolerance is the basis for peaceful coexistence in Europe was learned the hard way); for all areas of life: Bildung wurde über theologische Fragen hinaus als wichtige Grundlage für alle Lebensbereiche erkannt (Education was recognised as an important basis for all areas of life above and beyond theological issues); for a fair basis of society: Freiheit in Verantwortung ist Grundlage dafür, dass es in unserer Gesellschaft gerecht zugeht (Freedom in responsibility is the basis for ensuring that our society is fair). As we can see, verbal repetition is one of the widely used syntactic stylistic devices at the stage of focus of vision.

Thus, the following linguistic and stylistic tendencies form the center of vision of the considered textual objects at the third stage of perspectivation: metaphorical juxtaposition, personification, lexico-syntactical parallelism (epiphora, anaphora), lexical repetition.

The periphery of the textual focus of the vision is formed by phraseological turns that intensify the semantics of the considered text objects and enhance the feedback effect with the public. The use of phraseological units gives the linguostylistic perspective such features as liveliness, imagery and effectiveness.

Let us demonstrate the phraseological units in Angela Merkel’s public speech: zur Diskussion stellen (to publish), einen Stein ins Rollen bringen (to set a ball rolling), zum Anlass nehmen (to seize), sich auf dem Boden bewegen (to act on the basis), mit Füßen treten (to trample underfoot), ins Gewissen reden (to appeal to the conscience), zum Ausdruck bringen / kommen (to express), Ausdruck geben (to give expression), den Blick schärfen (to sharpen the focus), im ersten Augenblick (at first sight), Tun und Lassen (all that they do), Tag für Tag (day by day).

The periphery of the textual focus of the vision is characterized by using modal verb in the Indicative Mood müssen (must). It expresses the viewpoint of categoricalness regarding freedom of religion and freedom of speech, which should be present in everyday life: Sie müssen Tag für Tag mit Leben gefüllt werden (They must be filled with life day by day).

Various groups of synonyms and antonyms form the periphery of the perspective at the third stage. Synonyms with the common seme 'diversity': die Vielfalt (great number, range) – die Vielzahl (diversity) – die Pluralität (plurality) – die Heterogenität (difference) – unzählige (countless) – unterschiedlich (different) – verschieden (a wide range, various, different) – unendlich (infinite).

Synonyms with the common seme 'disregard, dislike': die Geringschätzung (effort to play down) – die Diskriminierung (discrimination) – das Ressentiment (resentment) – das Vorurteil (prejudice); missachten (to disregard) – mit Füßen treten (to trample underfoot). Synonyms with the common seme 'power': die Obrigkeit (paternalism) – die Regierung (government) – die Bevormundung (authority).

Synonyms with the general seme 'religious view of the world': Glaubensrichtungen und Weltanschauungen (faiths and ideologies) – Konfessionen (faiths).

Synonyms with the common seme 'protection': schützen (to protect) – bewahren (to preserve).

Antonyms expressing the following oppositions: der Mitmensch (fellow human being) – der Andersdenkende, der Andersglaubende (who think and believe differently); kirchlich (church) – weltlich, säkular (secular); achten (to respect) / schützen (to protect) – missachten (to disregard) / mit Füßen treten (to trample underfoot); persönlich (personal) – gesellschaftlich (social); innerhalb eines Landes (within a country), hierzulande (here in Germany) – zwischen Nationen (between nations) / weltweit (around the world).

Conclusion

The analysis of the material showed that the linguostylistic perspective of Angela Merkel's public speech is implemented in three main stages. At the first stage – the definition of the field of vision – we found textual objects expressing national and cultural values (tolerance, freedom, faith, religion, education, society, state, history, church), which are thematized by repeating lexical units and their composites related to the socio-political and cultural-historical sphere.

At the second stage – the determination of the perspective angle for the textual objects die Reformation (Reformation), die Toleranz (tolerance), die Freiheit (freedom), die Bildung (education) – we detected linguostylistic tendencies (time spatial lexemes, enumeration, lexico-syntactical parallelism (epiphora, anaphora), metaphorical juxtaposition, metaphors, similes, lexico-contextual synonyms, parenthesis, inversion) highlighting certain semantic features of the above-mentioned textual objects. It should be noted that the use of these linguistic means at this stage creates the linguostylistic viewpoint characterized by emotionality.

At the third stage – we defined the most important textual objects of vision for Mrs. Merkel – die Toleranz (tolerance), Freiheit in Verantwortung (freedom in responsibility), die Glaubensfreiheit (the freedom of religion), die Meinungsfreiheit (the freedom of opinion), die Bildung (education). We revealed linguostylistic features that form the center of the focalization (metaphors, metaphorical juxtaposition, personification, lexico-syntactical parallelism, lexical repetition) and its periphery (phraseological turns, synonyms, and antonyms). The complex of the considered textual objects creates a viewpoint of the German political leader, in which national-historical, religious and socio-moral values are expressed.

All this allows us to conclude that the above-mentioned lexico-stylistical features facilitate to the formation of a linguostylistic perspective of the public speech of German politician and Chancellor. The linguostylistic perspective of Angela Merkel, which implemented in a political public speech and dedicated to the anniversary of the celebration of the Reformation in Germany, is characterized by intensification, expressiveness, and emotionality.

Sources

Speech given by Federal Chancellor Dr Angela Merkel in Lutherstadt Wittenberg on 31 October 2017 on the occasion of the 500th anniversary of the Reformation: Rede von Bundeskanzlerin Merkel im Rahmen des 500. Jahrestages der Reformation am 31. Oktober 2017 in der Lutherstadt Wittenberg. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-im-rahmen-des-500-jahrestages-der-reformation-am-31-oktober-2017-in-der-lutherstadt-wittenberg-466600>. English version: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/search/speech-given-by-federal-chancellor-dr-angela-merkel-in-lutherstadt-wittenberg-on-31-october-2017-on-the-occasion-of-the-500th-anniversary-of-the-reformation-798224> (accessed: 30.10.2021).

References

- Arnold, I.V. (1981) Stylistics of modern English: decoding stylistics: Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka: stilistika dekodirovaniya. Leningrad: Prosveshchenie Publ.. (in Russian)
- Friedemann, K. Die (1951) Rolle des Erzählers in der Epik. Leipzig: Haessel, 1910. (in German)
- Kayser W. Das sprachliche Kunstwerk: eine Einführung in die Literaturwissenschaft. Bern: Franke. (In German)
- Kiyanova, K. A. (2019) The communicative-speech structure of public political speech (based on the material of Angela Merkel's speeches): Kommunikativno-rechevaya struktura publichnoj politicheskoy rechi (na materiale vystuplenij Angely Merkel'). Moscow. (in Russian)
- Lotman, Yu.M. (1968) The problem of artistic space in Gogol's Prose // Works on Russian and Slavic philology: Problema hudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya // Trudy po russkoy i slavyanskoj filologii. XI. / Uchen. zap. Tarturskogo gos. un-ta. Vol. 209. (in Russian)
- Marova, N.D. (1989) Dialogues about the perspective of the text (based on the material of German-language literary texts): Dialogi o perspektive teksta (na materiale nemeckoyazychnyh hudozhestvennyh tekstov: ucheb. posobie / Kazah. gos. un-t im. S. M. Kirova. Alma-Ata: KazGU. (in Russian)
- Marova, N.D. (2006) Paradigms of text interpretation in 2 pt. Pt. 1.: Paradigmy interpretatsii teksta in 2 ch. Ch. 1. Ekaterinburg. (in Russian)
- Metzler-Literatur-Lexikon: Begriffe und Definitionen. Hrsg. Günther u. Ingrid Schweikle. 2. überarb. Aufl. Stuttgart: Metzler, 1990. (in German)
- Shuvalov, V.I. (2021) Metaphor in the lexical system of the modern German language. 2nd ed. sterotyp.: Metafora v leksicheskoy sisteme sovremennogo nemeckogo yazyka. 2-e izd., ster. Moscow: Flinta. (in Russian)
- Stanzel, F.K. (1972) Typische Formen des Romans. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. (in German)
- Uspensky, B.A. (2000) Poetics of composition: Poetika kompozicii. St. Petersburg: Azbuka. (in Russian)

Y. ARSENTYEVAKazan Federal University,
Kazan, Russian Federation**RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL
EUPHEMISMS DENOTING MATERIAL WORLD**

The paper is devoted to the study of Russian and English phraseological euphemisms denoting phenomena and concepts of the material world, which have not found their euphemistic reflection in the phraseological fund of another language. The aim of the study is to identify the linguocultural features of the euphemistic nomination of such phenomena in a comparative aspect. The results of the study have revealed that the allomorphic characteristics of Russian euphemistic expressions include the non-specific designation of any object, phenomenon or concept, socially condemned or forbidden to be pronounced, as well as the qualitative designation of some objects or phenomena of the material world around us. An allomorphic feature of English phraseological euphemisms is the denomination of phenomena or events occurring in other, non-English-speaking countries.

Key words: phraseological euphemisms, euphemistic nomination, phraseological meaning, pejorative evaluation, prototype

Ю.С. АРСЕНТЬЕВАКазанский государственный университет
Казань, Российская федерация**РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ЭВФЕМИЗМЫ,
ОБОЗНАЧАЮЩИЕ МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР**

Статья посвящена изучению русских и английских фразеологизмов-эвфемизмов, обозначающих явления и понятия материального мира, не нашедших своего эвфемистического отражения во фразеологическом фонде другого языка. Целью исследования является выявление лингвокультурологических особенностей эвфемистической номинации подобных явлений в сопоставительном аспекте. В результате проведенного исследования было выявлено, что к алломорфным характеристикам русских эвфемистических выражений относится неконкретное обозначение какого-либо предмета, явления или понятия, социально порицаемого или запретного к произнесению, а также качественное обозначения каких-либо предметов или явлений окружающего нас материального мира. Алломорфной особенностью английских фразеологизмов-эвфемизмов является номинация явлений или событий, происходящих в других, не англоязычных странах.

Ключевые слова: фразеологизмы-эвфемизмы, эвфемистическая номинация, фразеологическое значение, пейоративная оценка, прототип

Introduction

Interest in the study of the national and cultural specifics of phraseological units in linguistic research has significantly increased over the past two to three decades, since phraseological units accumulate and transmit “the cultural potential of the people from generation to generation. They reveal the peculiarities of any national language, ... the spirit and originality of the nation is expressed in a unique way” [Zainullina, 2005, p. 157].

V.A. Maslova, when considering the linguoculturological features of phraseological units, indicates their close connection with the background knowledge of the people who speak this language, with the cultural and historical traditions of native speakers. If we consider the relationship of phraseological units with the worldview, we see that the scientist points out that these units not only ascribe features associated with a certain picture of the world to objects, but also show their attitude towards them by evaluating them [Maslova, 2001]. It is quite understandable that such an assessment is closely related to the national and cultural characteristics of the people - native speakers, their attitude and worldview.

The study of the thematic and ideographic organization of the phraseological fund of a language from the point of view of its national and cultural specifics is aimed at revealing the features of the reflection of reality, which is largely universal in nature, by phraseological units of a particular language. Scientists offer different ways to systematize the phraseological stock of the language, including using ideographic fields (R.Kh. Khairullina) or cultural concepts (thematic principles) (R.R. Zamaletdinov, D.F. Sanlyer) [Sopostavitel'naia lingvokul'turologiia, 2015; Zamaletdinov, 2004; Sanlyer, 2009]. The comparative linguoculturological study of phraseological units makes it possible to determine the national peculiarity of the way of cognition and thinking of people within the framework of their society and nation.

A phraseological euphemism is understood as a stable combination of lexemes that meets the basic principle of euphemization — softening, replacing something rude, obscene, taboo or unacceptable in society for some reasons. The distinctive features of phraseological euphemisms are: transference of meaning, separability, stability (lexical and grammatical), imagery and high significance of connotational components in the structure of phraseological meaning. The main purpose of the euphemistic nomination is to soften and veil taboo or socially and morally condemned real denotations. [Arsentyeva, 2012].

On the one hand, the study of phraseological euphemisms related to the designation of the material world of a person makes it possible to identify certain thematic areas, which are "covered" by these linguistic units in one of the languages: Russian or English without euphemistic designation in another one, on the other hand, it shows the specificity of the figurative vision of the world by the native speakers of these two languages.

Discussion

The result of the comparative analysis convincingly proves the fact that Russian and English phraseological euphemisms denote a wide range of phenomena and concepts of the material world in each of the languages that have not found their euphemistic reflection in the phraseological fund of another language. For example, the designation of vodka, which is often perceived as a national symbol of Russia along with the samovar, balalaika, matryoshka and caviar, is represented in Russian in the form of two phraseological euphemisms: "живая вода" (literally: living water) and "жидкая валюта" (literally: liquid currency). The image underlying the first euphemism has a pronounced meliorative assessment. The designation of vodka as a liquid currency also indicates a positive perception of this alcoholic beverage by native speakers of the Russian language by equating it with an unchanged solid payment unit.

In English, the euphemistic designation is received for alcoholic beverages, common among English speakers, and the quality of the alcoholic beverage can also be indicated: "white satin" – "gin", "white eye" – "low quality whiskey". Also, phraseological euphemisms designate other alcoholic beverages, including those with an unusual composition for Russian speakers: "tiger sweat" – "an inferior intoxicant – bad beer and spirits", "prairie oyster" – "a pungent alcoholic drink with raw egg in it".

It is interesting to note that the lexeme "material" is part of a number of Russian phraseological euphemisms of the phraseo-semantic group under study. At the same time, only one of its lexico-semantic variants, namely, denoting the attitude to earnings, money, income, standard of living, is embodied in the formation of phraseological meaning: "материальные вопросы (проблемы)" (literally: material issues (problems)) – "problems caused by the lack of money", "материальное стимулирование" (literally: material incentives) – "bribe". In English, the

euphemistic unit with the same component "material part" – "penis" does not refer to the designation of the material world.

We observe money-related and veiled denomination of phenomena or events that cause a pejorative evaluation of the majority of speakers of both languages in the following examples: "коммерческие цены" (literally: commercial prices) – "market prices, profit-oriented prices", "конвертные зарплаты" (literally: envelope salaries) – "part of wages hidden from the tax authorities", "либерализация (освобождение, регулирование, упорядочивание) цен" (literally: liberalization (release, regulation, ordering) of prices) – "price increase", "redistribution of wealth" – "punitive taxation", "transfer pricing" – "false understatement of prices in order to avoid tax", "price crowding" – "a price increase not authorized by the proprietor", "public sector borrowing requirement" – "government overspending". It is quite clear that such phraseological euphemisms are associated with the actions of the government or another category of citizens, practiced in the countries of native speakers as socio-economic measures. For example, the appearance of the Russian phraseological euphemisms, given above, dates back to the last quarter of the twentieth century and is associated with the ongoing perestroika in the country. In the "Dictionary of Euphemisms of the Russian language" by E.P. Senichkina, truthful words of L.P. Krysin are quoted: "The consequences of the reform are revealed in the form of hyperinflation initiated from above, and an unprecedented hike in prices for food and industrial goods, for some reason, fondly called here by the euphonious name of "liberalization"" [quoted from: Senichkina, 2008, p. 176].

In both Russian and English, the group under study includes phraseological euphemisms denoting public institutions, the stay in which does not bring joy to their inhabitants. Thus, in the Russian language, instead of the direct name of public institutions that are unpleasant to pronounce, such as a lunatic asylum, a hospital, etc., the euphemistic expression "богоугодное заведение" (literally: a godly institution) was used, the expression is now obsolete. And the use of the component "богоугодный" (literally: God-pleasing) with the ameliorative emotional seme results in the ameliorative image of the prototype, which contributes to the main function of the euphemistic nomination of this phraseological euphemism.

A number of other phraseological euphemisms also belong to similar units. Medical dispensaries as medical and preventive institutions of a sanatorium type, in which treatment is provided to workers and students without interruption from work, study or while on vacation, enjoy well-deserved respect in Russia. The use of such a lexeme of meliorative assessment in the euphemistic unit "лечебно-трудовой профилакторий" (literally: medical and labor dispensary), denoting an institution of compulsory treatment and closed labor, in which compulsory treatment and labor re-education of alcoholic patients is carried out, is quite understandable. In English, the euphemistic expression "twilight home" is used to refer to a special old age home for unwanted old people. The difference between such an institution and well-equipped, comfortable and pleasant old-age homes in Great Britain and the USA, first of all, lies in the amount of money that can be allocated to support such old and "unwanted" people by their relatives and the state. In such an example we observe the material object with the pejorative evaluation which is expressed with the help of meliorative image of its prototype. The spy hideout is covertly called "safe house", its synonym in the so-called spy jargon is the expression "secure house" with the same literal translation into Russian. The colony for juvenile delinquents receives a softened designation "youth <guidance> center" in English.

In both languages the phraseo-semantic group under study also includes euphemistic designations of a variety of objects and phenomena of the material world around us. Thus, in Russian the following transferred expressions arose as a result of the euphemistic nomination: "косметический ремонт" (literally: cosmetic repairs) – "non-capital repairs associated with maintaining the cleanliness of the room or apartment (whitewashing the ceiling, pasting with new wallpaper or painting the walls, etc.)", "коровья лепешка" (literally: cow cake) – "cow feces", "комбинация из трех пальцев" (literally: a combination of three fingers) – "fig", "есть просит (просят)" (literally: something ask(s) to eat) – "(shoes or clothes) are torn, needs to be

repaired", the historical expression "недоброе место" (literally: unkind place) – "a place with notoriety (where they rob, kill, where evil spirits supposedly live, etc.)", "красный петух" (literally: red rooster) – "arson, fire", archaic euphemisms "доходное место" (literally: profitable place) – "place of illegal enrichment.. About some occupations or services in which such profits as bribes, extortions may be made" and "желтенькая бумажка" (literally: yellow paper) – "ruble" and others.

In English, such euphemistic phraseologisms include: "reverse engineering" – "unauthorized copying", "Roman candle" – "a failure of a parachute", "scalp dolly" – "a wig", "something on you" – "a damaging piece of knowledge about you", "the ten commandments" – "scratches by a women's fingernails", "vanity publishing" – "a publication of a book at the author's expense", "wooden hill" – "the staircase", "white tail" – "a completed but unsold civil aircraft" Of interest is also the phraseological euphemism "women's things", which denotes not some specific object of the human material world, but any taboo object or thing that belongs exclusively to women.

As the above examples show, a wide variety of manifestations of a person's external world can be subject to euphemistic nomination. As a rule, such euphemistic expressions do not have phraseological counterparts in another language, and the reasons that prompted the speakers of the Russian or English languages to choose exactly these objects or phenomena as the object of a veiled nomination is not always clear. At the same time, some of them characterize the peculiarities of everyday life of native speakers, for example, the euphemistic unit "косметический ремонт" is a fairly common expression in Russia, since the low standard of living of most Russians forces them to make repairs of this type.

The now obsolete designation of the Soviet ruble "желтенькая бумажка" is associated with the yellow color of this type of banknote in the USSR. Phraseological euphemism "красный петух" is formed by deleting parts of the phraseological unit "пустить (пустить, сажать, посадить <на крышу>) красного петуха" with the meaning "set something on fire, start a fire". In the dictionary "Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary" as many as eight variants of the etymology of this expression are given, four of which testify to the proper Russian origin of the phraseological unit. Connections can also be traced in the languages of the Slavic and Scandinavian peoples and in German (but not in English), where the rooster was a symbol of the god of fire, to who it was sacrificed [Birikh, 2007, p. 529-530].

Russian and English phraseological euphemisms denoting phenomena and objects of the material world characteristic of Russia and English-speaking countries are also of interest in our research. For example, a number of euphemistic expressions, as a rule, with partially transferred meaning have appeared in the Russian language over the past quarter - half century. Such expressions include the euphemistic unit "демонтаж памятника" (literally: dismantling a monument), which has been recorded in Russian since the last quarter of the twentieth century and has the meaning "destruction, liquidation of a monument". The emergence of this euphemistic expression is associated with the increasing practice of liquidating monuments, erected in memory of the soldiers – liberators during the Great Patriotic War in a number of former Soviet Republics of the USSR and former socialist countries.

Phraseological euphemism "коммерческий туризм" (literally: commercial tourism) also owes its origin to the events occurring during perestroika, when a part of the country's population was forced to engage in shuttle business, i.e. trips to purchase scarce goods for their further sale with maximum profit. One more euphemistic expression "деструктивный культ" (literally: destructive cult) with the meaning of "totalitarian sect" has been recorded in Russian since the end of the twentieth century. Its appearance is associated with the danger of involving people who have lost hope and purpose in life in this kind of sect, which is clearly shown in the following example of usage of this euphemistic unit:

В том случае, если в результате анализа получены данных выяснилось, что пациент в той или иной степени зависим от организации, практикующий **деструктивный культ**, психологу следует предложить родственникам пострадавшего обратиться к компетентным

специалистам, занятым в сфере коррекции культовых травм и реабилитации членов НРД (И.П.Пронин. Работа психолога с членами новых религиозных движений) [НКРЯ].

In the event that, as a result of the analysis, the data revealed that the patient is more or less dependent on the organization practicing a **destructive cult**, the psychologist should invite the victim's relatives to contact competent specialists involved in the correction of cult injuries and rehabilitation of members of the NRM (I. P. Pronin. Work of a psychologist with members of new religious movements) [NKRI].

In English, the unspoken rule at present to raise grades for students with dark skin is reflected in the phraseological euphemism "score adjustment". Americanism "three-point play" with the meaning of "the recruitment of a black woman" reflects typical hiring practices in the United States today, according to which the employer gets a point for taking on another worker, so reducing unemployment; a second point if the worker is female, to show that he is not prejudiced about employing women; and a third point when he contributes to his quota of non-whites, especially if a recruit has American Indian ancestry [Holder, 1995, p. 372].

A number of English phraseological euphemisms of the phraseo-semantic group under study reflects the widespread use of drugs and pornography, especially in the United States. For example, heroin is attractively labeled as "a white lady", a licensed place where drugs are sold – as "a watering hole", and a pornographic book or picture is named with the help of the Americanism "Tijuana bible". The last euphemistic expression is related to the fact that Tijuana is a small town on the border of the United States with Mexico in which visitors can find erotica openly displayed [Holder, 1995, p. 373].

The denomination of phenomena or events occurring in other, non-English-speaking countries, is another allomorphic characteristic feature of English phraseological euphemisms. For example, the euphemistic expression "three letters" denotes the SPA (state political administration), which worked in our country from 1922 to 1923 under the leadership of F.E. Dzerzhinsky, its definition in English is "the Russian internal apparatus of repression" The designation was used until the Second World War. The euphemistic expression "ten years's turmoil" denotes a period of anarchy in China during the reign of Mao Zedong, the phraseological euphemism "resources control" is associated with the practice of destroying crops in Vietnam while the Americans were fighting there. The designation of illegal drugs, or drugs used by athletes in the former East Germany has received the euphemistic name "sports medicine".

Phraseological euphemisms, used instead of the direct denomination of something that is unacceptable for pronunciation and are of a non-specific nature are considered to be allomorphic for the Russian language only. Such linguistic units include, for example, such euphemisms as "известная причина" (literally: a known reason) instead of the name of a reason forbidden to utter, "изменилась ситуация" (literally: the situation has changed) instead of a direct designation of a situation that is blamed or forbidden to be named, "кое-какие дела (делишки)" (literally: some deeds) instead of a direct name of the cases, which are blamed or forbidden to be pronounced. Some euphemistic expressions serve to qualitatively designate any objects or phenomena of the material world around us. As a rule, they act in the function of an attribute: "достоин лучшего применения" (literally: worthy of better use) – "something is not being used for its intended purpose; is used poorly; is mercilessly exploited", "не первой молодости" (literally: not the first youth times) – "old. About objects, things, etc.", "не блещет новизной" (literally: does not shine with novelty), – "old, hackneyed. About some ideas, thoughts, compositions, work, etc", "не первой свежести" (literally: not of the first freshness) – "spoiled, which has lost its freshness".

Conclusion

To sum it up, the results of the comparative linguoculturological research of phraseological euphemisms denoting material world have revealed that different objects of reality are reflected in their phraseological meaning. Some of them may be considered to be the reflection of typical objects of reality which in one language are nominated with the help of phraseological euphemisms, but in another language – with the help of lexical units. There is also one more

group of phraseological euphemisms which denote objects of material world typical only of the way of life of native speakers either of Russian or English. Such euphemistic units represent nomination of some historical facts, traditions, important events or things in the history of Russia and English-speaking countries. Euphemistic units, which are used mainly in the American variant were found in the English language. Their prototypes, as a rule, reflect phenomena that are typical only of American material world. Still, the typical feature of phraseological euphemisms of this group lies in the pejorative objective evaluation of the objects of material world softened with the help of neutrally or positively evaluated prototypes and imagery of euphemistic units under study.

Sources

- Birikh, A.K. (2007) Russian Phraseology. Historical and etymological dictionary. /A.K.Birikh, V.M.Mokienko, L.I.Stepanova. M.: Astrel: AST: Khranitel. (in Russian)
- Holder, R.W. (2007) A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. New York: Oxford Univ. Press.
- Senichkina, E.P. (2008) Dictionary of euphemisms of the Russian language. M.: Flinta: Nauka. (in Russian)
- NKRI – National corpus of the Russian language. [Electronic resource] – Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 03.09.2021) (in Russian)

References

- Arsentyeva, Yu.S. (2012) Phraseological euphemisms in the English and Russian languages: Cand. Sci. Thesis. Kazan. (in Russian)
- Maslova, V.A. (2010) Cultural linguistic studies: textbook for students of higher educational institutions. M.: Academy. (in Russian)
- Sanlyer, D.F. (2009) Cultural and national worldview through the units of phraseological level (based on the material of Tatar, Turkish and English linguocultures). Dr. Sci.Thesis. Cheboksary. (in Russian).
- Comparative cultural linguistic studies: monograph. /V.V.Vorobyov, L.G.Sayakhova. R.Kh.Khairullina. Ufa: RITZ BashSU, 2015. (in Russian)
- Zainullina, L.M. (2003) Linguistic and cognitive study of adjectival lexical units (on the material of the English, Russian, Bashkir, French and German languages. Ufa: RIO BashSU. (in Russian)
- Zamaletdinov, R.R. (2004) National-linguistic picture of Tatar world. Kazan. (in Russian)

UDC 811.111

N. BOCHEGOVA, V. BOLOGOVA

Kurgan State University,
Kurgan, Russian Federation

COGNITIVE METAPHOR IN THE ENGLISH-LANGUAGE EDUCATIONAL DISCOURSE

The article discusses functioning of the cognitive metaphor in the English-language educational discourse. As a result of the analysis various metaphorical models that characterize modern English-language educational discourse are identified. Such cognitive metaphors as *education is movement, construction, play, food, struggle* are analyzed. The material of the research is the speeches of famous educators at the annual international conference "TED Talks." The relevance

of the research topic is due to the emergence of new source domains of metaphorization of the concept *education*.

Key words: cognitive linguistics, cognitive metaphor, metaphorical models, educational discourse, «TED Talks» conference.

Н.Н. БОЧЕГОВА, В.А. БОЛОГОВА
Курганский государственный университет,
Курган, Российская Федерация

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается функционирование когнитивной метафоры в англоязычном педагогическом дискурсе. В результате анализа выявлены различные метафорические модели, характеризующие современный англоязычный педагогический дискурс. Проанализированы когнитивные метафоры: *образование – это движение, строительство, игра, пища, борьба*. Материалом исследования послужили выступления известных деятелей образования на ежегодной международной конференции «TED Talks». Актуальность темы исследования обусловлена появлением новых сфер – источников метафоризации концепта *образование*.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная метафора, метафорические модели, педагогический дискурс, конференция «TED Talks».

Introduction

There are two main approaches to studying metaphor. The traditional approach originates in the writings of Aristotle. It views metaphor as transferring a name from one object to another. The use of a metaphor enriches the arsenal of naming units, decorates the speech and contributes to the impact on the addressee. I.V. Arnold defines metaphor as "a hidden comparison that is made by applying the name of one object to the other one and reveals some important feature of the latter" [Arnold, 2002, p.99].

The cognitive approach considers metaphor as a category of thought. G. Lakoff and M. Johnson emphasize that metaphor as a phenomenon of language and speech is the consequence of the existence of metaphor in thinking, since human thought itself is metaphorical in nature.

Thus, G. Lakoff defines metaphor as "cognitive mapping", understanding one kind of thing in terms of another. He calls a statement based on such an arrangement "metaphorical concept" [Lakoff, 2003, p.7]. Metaphorization is based on the interaction of two cognitive structures – the "source" and the "target". "Each metaphor has a source domain, a target domain, and a source-to-target mapping" [Lakoff, 1987, p.276]. The source domain is a more specific knowledge obtained by a person in the process of direct experience of interaction with reality. The scope of the target domain is less specific knowledge. The persistent correspondence between the source domain and the target domain, fixed in the linguistic and cultural tradition of this society, is defined as "conceptual metaphor". Lakoff and Johnson argue that the most fundamental values in a culture are coherent with the metaphorical structure of the most fundamental concepts of that culture. After analyzing some statements deeply embedded in the American culture, they come to the important conclusion: "it seems that our values are not independent but must form a coherent system with the metaphorical concepts we live by" [Lakoff, 2003, p. 23].

According to N.D. Arutyunova, cognitive metaphor is one of the forms of conceptualization, a cognitive process that expresses and forms new concepts and without which it is impossible to obtain new knowledge. By its source "cognitive metaphor corresponds to man's ability to capture and create similarities between different individuals and classes of objects" [Arutyunova, 1990, p.15]. A.P. Chudinov believes that man not only expresses his thoughts using metaphors, but he

also thinks with metaphors, and cognizes the world he lives in with the help of metaphors [Chudinov, 2013, p. 4].

Methods and material

The methodology of the present study is mainly based on discourse analysis complemented by the componential and stylistic analysis. The reliability of the scientific results is supported by the convincing analysis of the collected linguistic material – 574 metaphors selected from the texts of speeches of famous educators at the annual international conference «TED Talks» dated 2005-2019. The method of continuous sampling was used to collect the material.

Discussion

The metaphorical model in the cognitive theory of metaphor is interpreted as a pair of entities, a correspondence between source elements and target elements. The collection of metaphorical models used in a discourse forms the "metaphorics" of that discourse. In the process of metaphorization, various aspects of the concept may be highlighted and hidden. "In allowing us to focus on one aspect of a concept (e.g., the battling aspects of arguing), a metaphorical concept can keep us from focusing on other aspects of the concept that are inconsistent with that metaphor" [Lakoff, 2003, p. 13].

According to E. Budayev and A. Chudinov, "within the field of the cognitive-semantic research of pedagogical metaphor, considerable attention is being paid to the study of how the participants of the pedagogical process conceptualize the educational activity and its participants" [Budayev, Chudinov, 2007, p. 70].

Discourse is a process of communication and academic reasoning. According to Borbot'ko discourse is "a complex unit consisting of a sequence of sentences that are in a semantic relationship. The form and meaning of discourse depend on the social and individual way of thinking. Each area of human activity has its own discourse characteristic of it, in which man's ability to reflect and communicate is implemented" [Borbot'ko, 2011, p. 5].

V.I. Karasik considers the analysis of discourse as a process of identifying and analyzing hidden meanings in the framework of a certain communicative situation. The communicative situation, in his opinion, is a component of culture, and therefore, the analysis of discourse inevitably goes to culturally marked circumstances and formulaic patterns of behaviour that have social-group or ethnocultural significance [Karasik, 2015, p. 147]. Approaches to identifying the types of discourse can be reduced to the following main types: the object type (what it is about), the subject one (who the participants of the communication act are) and the instrumental type (what methods of communication are used). The subject approach to understanding and explaining discourse is very diverse. The starting point of the analysis in such cases should be the communicative situation with such components as its participants, systemically important goal, chronotope, values, communicative strategies, genres and discursive formulas. Within this approach the most important semantic opposition that allows to differentiate the main types of discourse is the opposition between a personality-oriented and status-oriented discourse. "In the first case, the communication participants are individuals, i.e. people in their metafunctional manifestation, in the fullest possible range of their characteristics, in the second case – representatives of certain social groups" [Karasik, 2015, p. 74].

Another dimension of this problem is elucidated by V. Chernyavskaya who defines discourse as a complex relationship of many texts (text types) functioning within the same communicative sphere. Accordingly, "particular socio-historically established spheres of human cognition and communication are proposed to be considered as special discourses, or, in other terminology, types of discourse" [Chernyavskaya, 2006, p. 76]. One of the types of discourse is the educational (pedagogical) one which is in the focus of our attention.

Results

We analyzed the metaphors selected from the speeches of prominent educators (Ken Robinson, Sydney Chaffee, Rita Pierson, Joshua Katz, Carol Dweck, Linda Cliatt-Wayman) at the annual international conference «TED Talks» dated 2005-2019 and identified the metaphorical models

characteristic of the English educational discourse. We have categorized the cognitive metaphors into the following semantic groups:

1. *Education is movement.*

The metaphors that describe education in terms of movement were united in this group. Words describing movement in everyday language are used metaphorically to structure our understanding of the educational process.

We don't just talk about education in terms of movement, we see it as a process of movement, as a path to be taken, as a road to the future. We metaphorically refer to the problems to be solved in education as "a very long way to go". When teaching, the teacher is "paving the way" for his student. The metaphor "education is movement" structures our idea of what the essence of education is. In this case, it is the intellectual and spiritual changes in a person that are compared to movement:

- (1) "I'm *nowhere*."
- (2) You understand that you're *on a learning curve*.
- (3) It gives you *a path into the future*.
- (4) Eliminating excuses *at every turn* became my primary responsibility.
- (5) We have a very long *way to go*.
- (6) And it indicates the whole structure of education *is shifting* beneath our feet.
- (7) They need to continue *their path*, but we need them to be more successful and more

innovative.

- (8) And in study after study, they *have run* from difficulty. They *run* from the error".

The metaphorical model in question highlights such qualities of education as the presence of unexpected obstacles (turns), duration, length of the path (education), the need for a guide (a teacher who knows the road well), the desire to move (to develop), thirst for new experiences (knowledge).

The basis (grounding) for the metaphorical interpretation of education in terms of movement is dynamism, unpredictability, active participation in the process.

2. *Education is construction.*

Another source domain used for the metaphorical interpretation of education is construction.

For efficient education we need to build a bridge, that is, we need understanding, communication between the participants of the educational process. Just like a bridge that connects two banks of a river, the bridge in education connects a teacher and a student, an administrator and a teacher. In the process of education, we lay the foundation, form the skills, build the content of education, and reconstruct our ideas:

(9) "Some people think that you can either have it in you *to build* a relationship, or you don't".

- (10) "So what can we do? How can we *build that bridge* to yet"?

(11) OK, here's a secret: many of the skills that people need to orchestrate the kinds of change that will lead to justice are already *built into* the work of schools.

(12) I'd LOVE to see any education company that has a business model that *is built upon* success.

(13) If we want to change something in education, we talk about the need for reconstruction. Here reconstruction metaphorically denotes change. We reconstruct our ideas like we reconstruct a building.

(14) "I believe our only hope for the future is to adopt a new conception of human ecology, one in which we start to *reconstitute* our conception of the richness of human capacity".

(15) Also our abilities and intelligence can be reconstructed through education.

(16) At the heart of the challenge is to *reconstitute* our sense of ability and of intelligence.

(17) When we talk about the content of education, we are talking about what is "built into" it.

(18) And research shows us that working for justice doesn't just follow from *building* all those skills I talked about earlier – it actually goes the other way, too.

(19) We help students to *build* certain skills.

(20) So working for justice, engaging in activism, helps students *build* skills like leadership and critical thinking.

Thus, this metaphorical model highlights such features of education as thoroughness, reliability, fundamental nature, duration of the process of education and construction. A building cannot be built in one day, just as it is impossible to quickly acquire skills and knowledge. Here, the basis for the metaphorical interpretation of education in terms of construction is such features as creativity, strength, durability.

3. *Education is play (acting, performance).*

This metaphor uses art and sports as a source domain, structuring our notions of education as an exciting and even gambling game where the teacher's task is to enthrall, inspire, and transform education into an exciting, interesting, and even magical process. Teachers and students turn into actors and actresses, they play on stage, act within the script, earn points, score goals:

(21) Teachers become *great actors and great actresses*. We help them see themselves as potential *players* within a living history.

(22) No idea how this may *play out*.

(23) We have to avert some of the *scenarios* that we've talked about.

(24) It's a *scene* of wasted potential.

(25) They were totally unaware of *their role* in the destruction of the school's culture.

The basis for comparing education with playing is such common features as the teacher's artistry, creativity, spontaneity, and improvisation.

4. *Education is food.*

This metaphor allows us to consider our need for education, that is, spiritual and intellectual hunger, in terms of physical hunger. When talking about education, we often use culinary terms.

We can absorb misinformation, feel information hunger, build the educational system according to the fast food model, and refuse to receive education because it does not feed our spirit, energy, or passion.

When we stated that education was conceptualized in terms of construction and movement, we marked highlighting through metaphors such of its qualities as thoroughness and continuance over time. Fast food is a kind of food that can be bought and eaten quickly, but such food does not benefit the body and can seriously ruin our health in the long run. Therefore, the metaphor of the "fast food education model" structures our understanding of easy and fast education as education obtained during a short period of time and without effort, but at the same time it's shallow and of poor quality. This kind of education is not real and cannot be for the benefit of our spiritual health:

(26) We *eat up* misinformation provided by companies.

(27) We have sold ourselves into a *fast-food model* of education, and it's impoverishing our spirit and our energies as much as fast food is depleting our physical bodies.

(28) And the reason so many people are opting out of education is because it doesn't *feed their spirit*, it doesn't *feed their energy* or their passion.

(29) There is a *hunger* for videos of me.

(30) There is a lot of abuse of social welfare, and the parents know how to *milk* the system for all it's worth.

(31) The only way to *feed* the business model in our Toxic Culture is to perpetuate the picture of failure.

(32) The basis for comparing education and fast food are similar characteristics such as the ease of obtaining them, their questionable benefits, low quality, and lack of prestige.

5. *Education is struggle.*

This metaphor allows us to conceptualize the process of education as a constant struggle. It is a fight against problems that arise on the path of the student and teacher, with a system that is toxic and can kill our children. When we feel the need for change, we say that we need a revolution in education:

(33) We are the only ones *protecting* them from this Toxic Culture of Education.

(34) We must *fight* our Toxic Culture!

(35) Teachers should not be *social justice warriors*, because the purpose of education is to educate.

(36) Students *grapple* with complex, hard issues.

(37) These technologies, combined with the extraordinary talents of teachers, provide an opportunity to *revolutionize* education.

(38) Our education system *has mined* our minds.

(39) Teachers are not *the enemy*.

The basis for comparison in this metaphorical model is such features as innovation, courage, determination, and the ability to overcome difficulties.

Conclusion

Having investigated cognitive metaphor in the educational discourse, we have identified the following metaphorical models that characterize this type of discourse: education is construction, movement, play, food, struggle. These models are actively used in the metaphorical comprehension of the educational process. Each of them highlights a particular aspect of this concept.

Thus, cognitive metaphor allows us to structure our ideas about education by referring to various source domains. Each metaphorical model specifies a certain feature of the educational process by referring to a more understandable and a better studied sphere of human life. These metaphors are manifest not only in language, but also in the way we think and interact within the process of educational activities.

Sources

<https://www.ted.com/topics/education> (accessed 07.09.2021)

<https://www.ted.com/search?q=Ken+Robinson> (accessed 07.09.2021)

References

- Arnold, I. V. (2002) Stylistics. Modern English. Moscow: Flinta; Nauka. (in Russian)
- Arutyunova, N. D. (1990) Metaphor and Discourse // The Theory of Metaphor / comp by N. D. Arutyunova. Moscow: Progress. pp. 5 - 32. (in Russian)
- Borbot'ko, V. G. (2011) Principles of discourse formation: from psycholinguistics to linguosynergetics. Moscow: Librocom. (in Russian)
- Budayev, E.V. & Chudinov, A.P. (2007) Metaphor in discourse of Pedagogics and Education: Modern Study Abroad // Political linguistics. Issue 1 (21). pp. 69-75. (in Russian)
- Chernyavskaya, V.E. (2006) The Discourse of Power and the Power of Discourse. The Problems of speech influence. Moscow: Flinta; Nauka. (in Russian)
- Chudinov, A.P. (2013) Essays on modern political metaphorology. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural State. Pedagogical University. (in Russian)

- Lakoff, G. & Johnson, M. (2003) *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press, Ltd., London.
- Lakoff, G. (1987) *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. The University of Chicago Press, Chicago and London.

UDC (378.4+81-23)

E. BORZOVA, M. SHEMANAEVA

Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russian Federation

SOFT SKILLS AND INTERCULTURAL COMPETENCE INTEGRATED DEVELOPMENT IN UNIVERSITY FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

One of the trends of the 21st century university education is its focus on soft skills development. This centeredness on general, or universal, skills which are required practically in any human activity, lays the foundation for the graduate efficient functioning in his or her educational and professional domains. The assumption of our study is that, due to the nature of intercultural communication which requires of its agents a whole bunch of social, cognitive, information processing, language competences and skills as well as personality traits, it makes sense to enhance the target competence development through especially designed tasks which promote the integrated growth of the related soft skills, the foreign language communicative competence, and the intercultural competence as well. Analyzing the literature on this issue, we discovered that a lot of researchers have also pointed out a close connection of these abilities. The aim of the article was to highlight their interconnectedness and to find out if university foreign language teachers are aware of the possibility to apply tasks based on this assumption. To this end, we conducted a questionnaire and presented the outcomes of the first stage of the study in the article.

Key words: foreign language communicative competence, intercultural competence, soft skills

Е.В. БОРЗОВА, М.А. ШЕМАНАЕВА

Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Российская Федерация

ВЗАИМОСВЯЗАННОЕ РАЗВИТИЕ МЯГКИХ НАВЫКОВ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ИНОЯЗЫЧНОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Одной из тенденций высшего образования 21 века является акцент на развитие мягких навыков и универсальных компетенций 21 века. Эти компетенции лежат в основе эффективной деятельности выпускников университетов, а межкультурная компетенция является одной из них. Исследователи предположили для развития межкультурной компетенции, которая по своей природе включает целый набор социальных, когнитивных, языковых компетенций и навыков, а также личностных качеств, требуются специальные задания. Эти задания должны быть нацелены на взаимосвязанное развитие универсальных компетенций (мягких навыков), иноязычной коммуникативной компетенции и непосредственно межкультурной компетенции. Анализ литературы показал, что многие исследователи также подчеркивают взаимосвязь этих компетенций. Цель статьи

подчеркнуть эту взаимосвязь и выяснить мнение преподавателей иностранного языка университета о необходимости взаимосвязанного развития этих компетенций с помощью специальных заданий. Авторами был разработан опросник и проведен опрос преподавателей иностранного языка университета, результаты которого представлены в статье.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетенция, межкультурная компетенция, универсальные/ ключевые компетенции

Introduction

The mission of the 21st century education is to promote students` effective functioning in changing, diverse environments [Future Competences and the Future of Curriculum/ M. Marope, UNESCO.2018; Luksha, et al 2015; General Competencies and New Literacy: from Slogans to Reality, 2020]. It suggests that university graduates will be able to interact with diverse cultures getting adjusted to varying multicultural contexts and acting efficiently. Living in the world which undergoes constant changes requires changes in the way teachers prepare students for the future, particularly in their professional domain. The shift of the educators` focus from hard to soft skills has resulted in the development of such a concept as 4Cs (communication, collaboration, critical thinking, creativity) [Partnership for 21st Century Skills, 2010]. This concept outlines the most called-for competences which are in heavy demand in any job or sphere of everyday life and therefore they have been introduced in the curricula of many countries. Moreover, today we witness a deeper academic immersion in the development of these competences. Life competencies [Cambridge Framework of Life Competencies, 2018] and global competencies [Global Skills, 2018] reiterate the value of core skills such as agency, self-reflection, self-study, and multiple intelligences [Gardner, 1983]. Along with such intelligences as linguo-verbal and interpersonal, education and training experts highlight a crosscultural, or intercultural, intelligence which implies a special focus on dealing with people of different languages and cultural backgrounds. They agree on the priority of such key skills as collaboration, emphasizing the need for multicultural collaboration (online and offline) [Future Skills for the 2020s, 2020]. Nowadays, intercultural competence is viewed from both a broad perspective as «the capacity to examine local, global and intercultural issues, to understand and appreciate the perspectives and world views of others, to engage in open, appropriate and effective interactions with people from different cultures, and to act for collective well-being and sustainable development» [OECD,2018] and from a personal perspective, moving «towards greater understanding of otherness and, simultaneously, deepening self-understanding» [Methodology for Development of Intercultural Competence Project, 2016, p.22]. That is why it is widely acknowledged that intercultural competence will help learners deal with current states of diversity and globalization [Methodology for Development of Intercultural Competence Project, 2016] as well as provide a deeper insight into their own culture and themselves [Lustig, et al, 2018], becoming all together interculturally competent.

The achievement of these outcomes implies, among other things, the student active involvement in completing especially designed intercultural communicative tasks when they learn and develop through interacting with diverse cultures and subcultures in a foreign language.

Therefore, the key idea of our study is that in foreign language university education the interconnected development of intercultural competence and soft skills may work as a necessary prerequisite for the achievement of the integrated goals defined in the FGOS 3++ []. The aim of the article is to find out if Russian university foreign language teachers are aware of the possibility to interconnectedly develop student intercultural competence and soft skills (universal competences) using special didactic materials and tools (tasks) to enhance all and each of them.

Literature Review

The core concepts around which our research unwinds are intercultural competence, soft skills (universal or key competences – all these terms are used interchangeably), and related tasks in university foreign language education.

Intercultural competence is viewed as “the ability to develop targeted knowledge, skills and attitudes that lead to visible behaviour and communication that are both effective and appropriate in intercultural interactions” [Deardorff, 2006]. This definition is in line with the general researchers’ approach to understanding competences which integrate knowledge, skills, and attitudes revealing themselves through action. In case of intercultural competence all its components are commonly related to those that culture consists of: “material (physical artefacts), social (the language, religion, laws, rules of social conduct, folklore, cultural icons, etc.), and subjective (beliefs, norms, collective memories, attitudes, values, discourses and practices) which group members use as a frame of reference for thinking about, making sense of and relating to the world” [Huber, J. & Reynolds, Ch. (Eds) *Developing intercultural competence through education*, 2014, 13-14].

Intercultural competence enables one to interact with others who are linguistically and culturally different from oneself [Fantini, 2009, p. 458; Portera, 2014]. Therefore, if we look into the descriptions of the intercultural competence suggested by different researchers [Onorati, M.G. & F. Bednarz, F. (Eds) *Building Intercultural Competences. A Handbook for professionals in education, social work and health care*, 2010; *Developing intercultural competence through education*, 2014; Kwok Leun, 2014], we can come up with a wide list of actions that an intercultural competent agent is able to perform: comprehension of other cultures and people from different cultural backgrounds, construction and negotiation of meanings, interpretations of the world, regulation and tuning one’s own behavior in accordance with the context, communication and cooperation in intercultural encounters despite any differences in the way of life or beliefs or practices, and the application of the common language that makes interaction possible and meaningful, etc.

Researchers also emphasize that cultural attributes are personalized, being grounded on values and personality qualities of the individual (open-mindedness, tolerance, respect, etc.) [Herbig, 1998; Hofstede, 2001; Johnson et al, 2006; Gritsenko, et al, 2020].

It is evident that intercultural competence manifests itself in a variety of ways, affecting the quality of both intercultural communication and personal development in general [Gritsenko, et al, 2020]. It allows to see the world from different perspectives and to get a better understanding of one’s own culture as well deepening self-awareness [Methodology for Development of Intercultural Competence Project, 2016]. What is more, it promotes interaction of both people from different countries and also of people sharing the same national / ethnographic culture, but simultaneously belonging to a variety of sub-cultural groups [*Developing intercultural competence through education*, 2014].

Keeping in mind the goal of our study, it makes sense to point out that some researchers regard intercultural (or cross-cultural) competence as one of the soft skills which, along with multilingual (or plurilingual) skills, contribute to the making of a competent professional [Luksha et al, 2015; Deming, 2017; Council Recommendation, 2018]. Actually, intercultural competence is inseparably related to all soft skills which, acting together, determine the quality of intercultural communication. Communication, collaboration, and team work as social soft skills underlie intercultural communication. Digital, information search, and information exchange as well as literacy and multilingual skills determine ways and means of cultural information processing. In the domain of intercultural communication, understanding cultural content, negotiation of meaning, interpretation, decision making and problem solving heavily rely on cognitive soft skills [Milrud, et al, 2018; Council Recommendation, 2018; and others] such as systems, critical, divergent, analytical, and creative thinking. Acting together, soft skills contribute to the formation of a comprehensive and versatile picture of the world based on culturally diverse content. In intercultural contexts soft skills are adjusted to the culturally

relevant content (adaptability and flexibility as soft skills) [Developing intercultural competence through education, 2014], considering differences as well as common grounds, simultaneously manifesting individual's attitudes and traits which are regarded as soft skills too (openness, respect for others and their opinions, tolerance, etc.) [Byram 1997; Council Recommendation, 2018].

Based on the literature review, we come to the conclusion that the effective functioning of intercultural competence is affected by and interrelated with soft skills. As soft skills are abilities that maintain any human activity [Griffi P.& Care E. (Eds.) Assessment and Teaching of 21st Century Skills, 2015] including intercultural communication and competence development (learning) as well, the positive impact of the consolidated development of varied soft and subject-specific competences in foreign language education is obvious which has been grounded by a range of researchers [Coulson, 2005; Schulz, 2008; Tevdovska, 2015; Tikhonova et al. 2018; Kic-Drgas, 2018; Scarino & Liddicoat, 2009; Li, 2017; Sun, 2018; Parupalli, 2019; Borzova & Shemanaeva, 2019; Shemanaeva, 2017; CEFR, 2020].

In university education, the general idea of expanding students' personal experiences of intercultural communication, both real and "imagined" [Barrett et al,2013; Methodology for Development of Intercultural Competence Project, 2016; Busse, Krause, 2016], is based on the requirement to engage learners in "the dialogue of cultures" (V. Bibler, M. Bahtin) while performing different activities in relation to culturally significant content. Researchers also describe a variety of ways and tools aimed at the intercultural competence development [Developing intercultural competence through education, 2014; Methodology for Development of Intercultural Competence Project, 2016; Council Recommendation, 2018 etc.].

Rationale for the Study

As university foreign language courses are aimed at developing intercultural competence which is widely acknowledged to be an indispensable component of the foreign language communicative competence, we assume that this goal can be achieved in especially designed tasks provided that simultaneously with language and communication skills learners enhance their interaction, collaboration, and thinking skills (universal, or soft, skills). Thus, foreign language learning, along with subject specific communicative competence, can potentially contribute to the whole personality growth in different aspects, fostering significant personality traits as well.

In sum, while Interacting with diverse cultures (intercultural competence) in well structured tasks, students are supposed to master their foreign language communicative competence (subject specific skills) and key communicative competence (one of the soft skills);

social soft skills: interaction, cooperation, and collaboration;

cognitive soft skills (information processing skills; critical, divergent, logical, and creative thinking; problem solving);

self-development and independent learning skills (study skills);

metacognitive skills (goal-setting, planning, self-regulation, monitoring, and reflection);

personality traits (respect for others and their points of view, tolerance, and persistence, etc.).

Study

The study was aimed to find out the university teachers opinion

(a) about the need for specific tasks aimed at intercultural competence development

(b) teachers satisfaction with the number of tasks designed for intercultural competence development in the coursebooks they use

Research Materials

At the first stage of the study we conducted a questionnaire offered to university foreign language teachers (42 respondents) to reveal their opinions on the need for specific tasks aimed at both intercultural competence and soft skills development. We also wanted to find out if teachers are satisfied with the number of such tasks in the coursebooks they use. It should be underlined that the respondents apply a variety of coursebooks available in our country.

The questionnaire included the following questions.

1. To what extent do you agree that intercultural competence should be developed through specific tasks aimed at its development? (agree/ doubt/ disagree)

2. To what extent do you agree that intercultural competence should be developed through specific tasks aimed only at its development? (agree/ doubt/ disagree)

3. To what extent do you agree that intercultural competence can be developed through the use of tasks aimed at the development of such soft skills (general / key competences) as critical thinking, creativity, analytical and systems thinking, communication? (agree/ doubt/ disagree)

4. Do the coursebooks that you use offer the tasks aimed at the development of intercultural competence (1- Not at all, 2- just occasional tasks, 3 -some tasks but not enough, 4 - enough tasks, 5 - a lot)

5. Do you add any tasks aimed at the development of soft skills (general / key competences) / intercultural competence?

(1- never, 2- rarely, 3- occasionally, 4- often, 5- always)

Results

Teachers' answers were analysed and the results are presented in Table 1.

Table 1. Teachers' answers to the questionnaire statistics

		Disagree		Doubt		Agree	
1	intercultural competence development requires specific tasks	9.5%		4.8%		85.7%	
2	intercultural competence requires specific tasks aimed only at its development	38.1%		33.3%		28.6%	
3	intercultural competence can be developed through the use of tasks aimed at the development of such soft skills / general competences as critical thinking, creativity, analytical and systems thinking	0		14.3%		85.7%	
		Not at all	Occasional tasks	Some but not enough	Enough	A lot	
4	Do the coursebooks that you use offer the tasks aimed at the development of intercultural competence	5,3%	15,8%	36,8%	26,3%	15,8%	
		never	rarely	occasionally	often	always	

5	Do you add any tasks aimed at the development of soft skills / general competences/ intercultural competence?	0	4,8%	19%	23,8%	52,4%
---	---	---	------	-----	-------	-------

The answers to the questions 1-3 are presented visually in Figure 1.

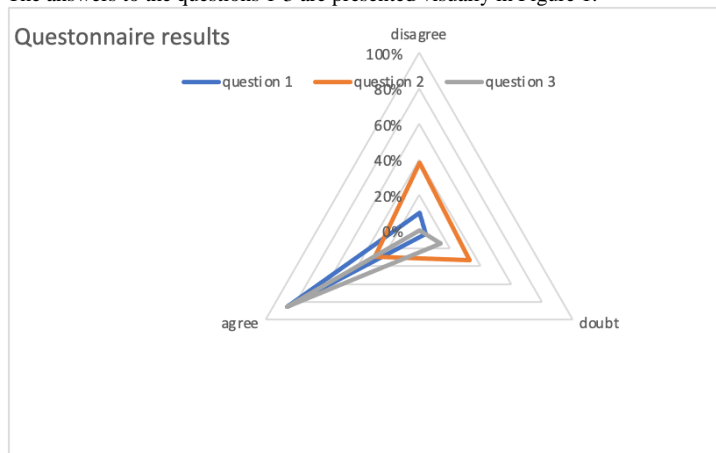

Figure 1. Teachers' answers to Q1-Q3 results.

The answers to questions 4 and 5 can be seen in Figures 2 and 3.

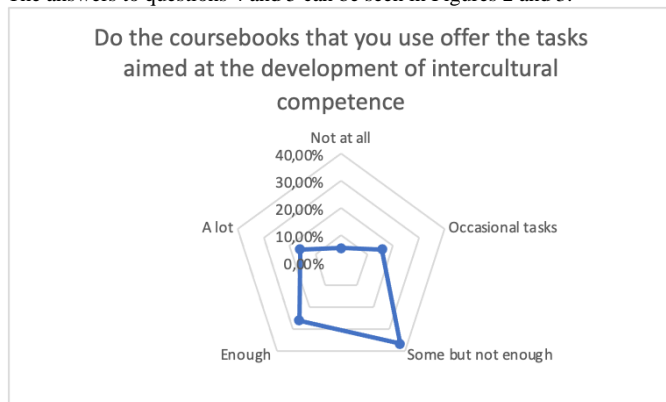

Figure 2. Teachers' answers to Q4.

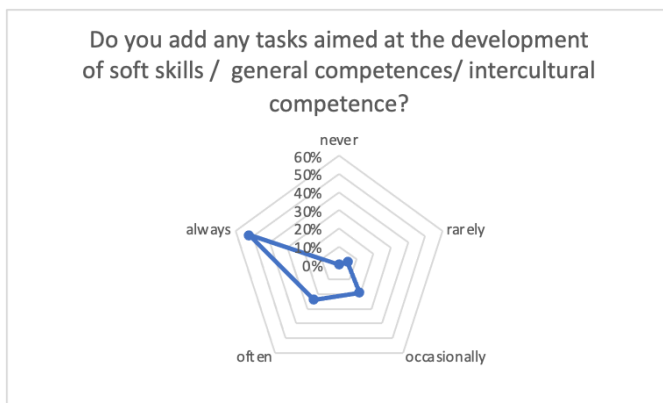

Figure 3. Teachers' answers to Q5.

Discussion

Looking at the university teachers' answers that we received in the questionnaire, we see that the vast majority (86,7%) of the respondents agree about the necessity to develop intercultural competence through the use of specific tasks. 38,1% of the respondents claim these tasks should be exceptionally focused on the target competence. The majority of the teachers either doubt (33,3%) or are confident that the teaching potential of these tasks might be much higher (28,6%). Answering a more definite question about the possibility of interrelated intercultural and soft skills development, the correlation changes: 85,7% consider this option quite possible and only 14,3% find it doubtful. We can conclude that, in the teachers' view, the simultaneous enhancement of intercultural competence and soft skills / general competences seems to be a realistic perspective in university foreign language education,

As the respondents are university foreign language teachers who work with students from different departments and institutes, they use a great variety of coursebooks. It results in a variety of answers concerning the amount of tasks and materials that the books contain. However, the majority of university foreign language teachers (57,9%) believe that the coursebooks they use do not offer enough tasks and materials to boost intercultural competence development. 26,3% and 15,8% of teachers think that they have enough or a lot of such tasks and materials respectively. Finally, the majority of the teachers are not fully satisfied with the number of the materials and tasks to foster intercultural competence and soft skills / general competences development. Therefore, the largest part of the respondents (52,4%) always add some tasks to this end, though 19% do it occasionally, while only 4,8% rarely use extra tasks. The analysis of the university foreign language teachers' answers reveals that they are aware of the need to develop intercultural competence and agree that it can be achieved through the simultaneous use of tasks aimed at soft skills / general competences development in regard to culturally relevant content.

Conclusion

Being only the first stage of a more detailed study, the outcomes presented in the article need further research and analysis. However, the preliminary results show that university foreign language teachers recognize the need for offering students tasks aimed at achieving intercultural competence development simultaneously with a focus on student soft skills. Meanwhile, the number and sometimes the quality of such tasks are not satisfactory.

The limitations of the study are related to the focus of the research on considering only subjective university foreign language teachers' opinions. While culture-related materials are the

starting point, giving impetus to learning, it is specially designed tasks activating student soft skills / general competences that make a major contribution to the development of intercultural competence. In our view, this assumption holds true in any educational context, regardless of the students` foreign language proficiency level. It is evident that a more profound research is needed to analyze culture-related materials and tasks that university foreign language coursebooks and online courses contain.

References

- Barrett, M., Byram, M., Lázár, I., Mompoin-Gaillard, P., Philipou, S. (2013). *Developing Intercultural Competence Through Education*. Strasbourg: Council of Europe.
- Borzova, E.V., Shemanaeva, M.A. (2019) Rationalization of Foreign Language Teaching and Learning in Regional Universities of Russian Federation *Language and Culture*. 47, 154-178. Retrieved from DOI: 10.17223/19996195/47/9
- Busse, V., Krause, U.-M. (2016). Instructional methods and languages in class: A comparison of two teaching approaches and two teaching languages in the field of intercultural learning. *Learning and Instruction*, 42, 83–94. Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2016.01.006>.
- Byram, M. (1997) *Teaching and assessing intercultural communicative competence*. Clevedon: Multilingual Matters
- Cambridge Framework of Life Competencies. (2018) *Introductory Guide for teachers and Educational Managers*. Cambridge: Cambridge University Press. <http://languageresearch.cambridge.org/cflc>
- Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment Companion Volume with New Descriptors. (2018) Council of Europe . Retrieved from www.coe.int/lang-cefr (accessed on 04.04.2021).
- Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors (2020) *Language Policy Programme Council of Europe 2020*. Retrieved from URL www.coe.int/lang-cefr
- Coulson, D. (2005) Collaborative Tasks for Cross-cultural Communication In *Teachers Exploring Tasks in English Language Teaching* In Willis & Edwards (Eds.), Palgrave Mcmillan 127-138
- Council Recommendation of 22 May 2018 on key competences for lifelong learning (Text with EEA relevance). (2018) THE COUNCIL OF THE EUROPEAN UNION. Official Journal of the European Union, 2018/C 189/01. Retrieved from [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018H0604\(01\)&rid=7](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018H0604(01)&rid=7)
- Deardorff, D. K. (2006) The Identification and Assessment of Intercultural Competence as a Student Outcome of Internationalization at Institutions of Higher Education in the United States, *Journal of Studies in International Education* 10, 241-266
- Deming, D. J. (2017) The Value of Soft Skills in the Labor Market NBER Reporter, 4 Retrieved from <https://www.nber.org/reporter/2017number4/deming.html>
- Dobriakova, M.S.& Frumin, I.D. (Eds.) (2020) *General Competencies and New Literacy: from Slogans to Reality*. Higher School of Economics, Moscow.
- Fantini, A. (2009). *Assessing Intercultural Competence: Issues and Tools*. In D. Deardorff (Ed.), *The SAGE Handbook of Intercultural Competence* 456–476. Thousand Oaks: Sage.
- Future Skills for the 2020s. (2020) *A New Hope*. Executive Summary, Report by Global education Future and WorldSkills Russia. Retrieved from <https://futureskills2020s.com/>
- Gardner, H. (1983) *Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences*. NY: Basic Books.
- Global Skills. (2018) Executive summary. Oxford University press. Retrieved from <https://elt.oup.com/feature/global/expert/global-skills>
- Griffi P.& Care E. (Eds.) (2015) *Assessment and Teaching of 21st Century Skills*. Springer. Retrieved from

https://www.cisco.com/c/dam/en_us/about/citizenship/socioeconomic/docs/ATC21S_Exec_Summary.pdf

- Gritsenko, V.V., Khukhlaev, O.E., Pavlova, O.S., Tkachenko, N.V., Usybyan, Sh.A., Shorohova, V.A. (2020) Analysis of foreign empirical models of intercultural competence. *Journal of Modern Foreign Psychology* 9 (1), 103—113. Retrieved from DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090111>
- Herbig, P. (1998) *Handbook of Cross-Cultural Marketing*, New York: The Haworth Press
- Hofstede, G. (2001) *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*, London: Sage
- Huber, J. & Reynolds, Ch. (Eds) (2014) *Developing intercultural competence through education*. Council of Europe Pestalozzi Series, 3. Retrieved from <https://rm.coe.int/developing-intercultural-enfr/16808ce258>
- Johnson, J.P., Lenartowicz, T., Apud, S. (2006) Cross-cultural competence in international business: Toward a definition and a model *Journal of International Business Studies*. 37 (4), 525—543. Retrieved from URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/palgrave.jibs.8400205.pdf>
- Kic-Drgas, J. (2018) Development of soft skills as a part of an LSP course. *E-mentor*. 2(74). Retrieved from <http://www.e-mentor.edu.pl/mobi/artukul/index/numer/74/id/1349>
- Kwok Leung, Soon Ang, & Mei Ling Tan (2014) *Intercultural Competence Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior* 1, 489-519. Retrieved from <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-031413-091229>
- Li, L., Larkin, S. (2017) *The Role of Metacognition in the success of reading and writing tasks across cultures*. *ELT Research Papers* University of Exeter. British Council, London
- Luksha, P., Luksha, K., Varlamova, D. (2015) *Atlas of new professions*. Moscow school of management Skolkovo. Retrieved from <https://edu2035.org/pdf/GEF.Atlas-ru.pdf>
- Lustig, M.W., Koester, J., Halualani R. (2018). *Intercultural Competence: Interpersonal Communication Across Cultures*. 8th edition. New York: Pearson. 395 p.
- Methodology for Development of Intercultural Competence (2016) Project coordinator Ivaras Giniotis. Retrieved from http://farinterculturala.ch/wp-content/uploads/2016/07/1_METHODODOLOGY-FOR-DEVELOPMENT-OF-INTERCULTURAL-COMPETENCE.pdf
- Milrud, R. & Maksimova, I. (2018) *Cognitive Skills in Education: Typology and Development*. *Language and Culture*, 42, 137-151.
- OECD (2018). *OECD PISA Global Competence Framework*. Paris: OECD. 39 <https://www.oecd.org/education/Global-competency-for-an-inclusive-world.pdf>
- OECD (2019). *OECD Future of Education and Skills 2030. Conceptual Learning Framework*. Concept Note: OECD Learning Compass 2030. http://www.oecd.org/education/2030-project/teaching-andlearning/learning/learning-compass-2030/OECD_Learning_Compass_2030_concept_note.pdf
- Onorati, M.G. & F. Bednarz, F. (Eds) (2010) *Building Intercultural Competences. A Handbook for Professionals in Education, Social Work and Health Care*. Acco Leuven / Den Haag.
- Parupalli, S. R. (2019) *The Need to Develop Soft Skills Among The English language Learners in the 21st Century Research Journal Of English (RJOE)* 4(2), 286-292
- Portera, A. (2014). *Intercultural Competence in Education, Counseling, and Psychotherapy*. *Intercultural Education*, 25(2), 157—174.
- Scarino, A., Liddicoat, A.J. (2009) *Teaching and Learning Languages: A Guide Australia: Curriculum Corporation* Retrieved from URL: www.tllg.unisa.edu.au
- Schulz, B. (2008). *The Importance of Soft Skills: Education beyond academic knowledge*. *Journal of Language and Communication*, 1(2), 146-154.
- Shemanaeva, M. (2017) *Individual learning path as synergy of synchronous and asynchronous learning*. *Language and Culture*. 39. Retrieved from DOI: 10.17223/19996195/39/20

- Sun, B.H., Zhang, X.Y. (2018). Critical Thinking Teaching Model and Its Reference and Enlightenment to Foreign Language Teaching Reform. *Journal of Shanxi Youth Vocational College*. 31, 110-112
- Tevdovska, E. (2015). Integrating Soft Skills in Higher Education and the EFL Classroom: knowledge beyond language learning. *SEEU Review (South East European University)*, 11(2), 97-108. Retrieved from <https://doi.org/10.1515/seeur-2015-0031>
- Tikhonova, E., Raitskaya, L., Solovova, E. (2018) Developing Soft Skills in English for Special Purposes Courses: The Case of Russian Universities 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM-2018. 18, 223–232. Retrieved from <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2018/3.4/s13.028>.
- UNESCO (2018) Future Competences and the Future of Curriculum Retrieved from http://www.ibe.unesco.org/sites/default/files/resources/02_future_competences_and_the_future_of_curriculum_30oct.v2.pdf

UDC 81-13

E. BUZALSKAIA

St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

MODERN METHODOLOGY OF SPEECH GENRE ANALYSIS: CORRELATION OF EUROPEAN AND RUSSIAN METHODS OF ANALYSIS

The purpose of the article is to identify the nomenclature of the most common methods and techniques used in modern research on the study of speech genres, as well as to establish the correlation between classical methods of text and discourse analysis and methods developed in Russian research. The author analyses the variants of the four most common methods of analyzing complex speech objects in the European tradition; identifies methods and techniques in different areas of Russian genre studies; compares the two traditions. As a result, the author of the article comes to the conclusion that, despite the existence of various scientific schools in Russia, as well as the variability of research goals, the content analysis method can be considered as the basic one for works in syntactic-stylistic approach, conceptual analysis – in linguo-cognitive one, conversational analysis – in pragma-linguistic one, and discourse analysis – in linguo-culturological speech genres studies.

Key words: speech genre, methodology, cognitive-discursive paradigm, method

Е. В. БУЗАЛЬСКАЯ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ: СООТНОШЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ И РОССИЙСКИХ МЕТОДОВ АНАЛИЗА

Цель статьи – определить номенклатуру наиболее распространенных методов и приемов, используемых в современных исследованиях по изучению речевых жанров, а также установить соотношение между классическими методами анализа текста и дискурса и методами, разработанными в российских исследованиях. Автор анализирует варианты четырех наиболее распространенных методов анализа сложных речевых объектов в

европейской традиции; определяет методы и приемы в различных областях российских жанроведческих исследований; сравнивает две традиции. В результате автор статьи приходит к выводу, что, несмотря на существование различных научных школ в России, а также вариативность целей исследования, метод контент-анализа можно рассматривать как базовый для работ в синтаксико-стилистическом подходе, концептуальный анализ – в лингвокогнитивном, разговорный анализ – в прагма-лингвистическом, а анализ дискурса – в лингвокультурологических исследованиях речевых жанров.

Ключевые слова: речевой жанр, методология, когнитивно-дискурсивная парадигма, метод

1. Introduction

As Genre studies is a relatively new direction in linguistics, different approaches to the description of the speech genre currently coexist within it, complicating and enriching the theory, expanding the scope of the search for results based on different ways and methods of analysing the object. Historically, Genre studies is connected in Russia with works of M. M. Bakhtin and the ideas of Russian formalism, but this synthesis of structuralism and phenomenology, laid down in the early XX century in the works of P.A. Florensky, S.N. Bulgakov, A.F. Losev and G.G. Shpet, turned out to be postponed for several decades. Notwithstanding this, the trajectory of the linguophilosophical idea, according to which the word structures Being and represents its essence, was not lost and "returned" to Russian science at the end of the XX century. Nowadays, most researchers agree with the thesis that in modern science "a linguistic phenomenon can be considered adequately described and explained only if it is considered as the intersection of cognition and communication" [Kubryakova, 2004]. Speech genres are complex objects of linguistic research, the results of which tend to be interpreted as "a means of typological understanding of the culture of speech" [Dementiev, 2020, p.179]. In that situation it is crucial to analyse the methodological differences between the central methods of the European tradition and Russian.

2. Central (basic) methods of speech genre analysis

In the European tradition, four main methods of studying complex linguistic speech objects are used as integral methodological units: content analysis, conceptual analysis, conversational analysis, and discourse analysis. Each of them arose on the basis of different directions in linguistics.

2.1. Content analysis is one of the most formal and objective methods. On the one hand, it is based on a search of a range of language units in a text (a multifactorial content analysis), applicable to the analysis of text realizations of speech genres. Some variants of content analysis, such as, for example, qualitative content analysis, are "focused on describing the content of communication" [Berelson, 1952] and, therefore, they aim to identify the impact of the content of the message on the audience [Titscher, Meyer, Wodak, Vetter, 2000]. In this variant of the method, the structure of interaction is encoded using categories such as topic, norms, means, participants, source, place, conflict, time, result, formal (grammatical) indicators, methods and rhetorical techniques [Holsti, 1968: 598]. The heterogeneity of these structures is obvious - some of them relate to the form, some to the means of achieving communication goals. The third variant of the method is content analysis is similar to a direct one at the initial stages, but the last stage of this analysis is to reveal the correlation and the interdependence of components.

Thus, the three main varieties of this method are methods aimed at 1) textual (stylistic characteristics of a linear object); 2) discursive (strategic features of an interaction), 3) genre (identification of repetitive components of the speech genre model; the method has derived from the methods and techniques of Narrative semiotics). In its third variant it is most closely related to the analysis of speech genres in Russia. The specificity of this method includes usage of the equations while gathering the results and the refusal to include extralinguistic and non-verbal signs accompanying the language object in the study.

2.2. The method of conceptual analysis is widespread in two variants: it exists as a method of concept analysis and as a method of text analysis based on the concepts that form it. The last one is distinguished by the lack of analysis of the inner-linguistic parameters of the text formation (lexical, morphological, syntactic). The results of the analysis lead researchers into the field of cultural stereotypes and cognitive patterns of speech behavior [Schiffrin, 1994]. When using this method, it is necessary to interpret a large amount of material collected without restrictions and pre-installations. In order to achieve objectivity, triangulation methods are used with the constant comparison of results obtained using various procedures [Fetterman, 1989, p. 89; Titscher, Meyer, Wodak, Vetter 2000]. The unit of this analysis is a speech act, within which significant concepts are distinguished and their functional load, representativeness (referential), directivity (influencing function), structurality, expressiveness are determined [Hymes, 1962, p. 25]. This method has a long history of its use in various fields of science and, as a result, it is often considered as the broadest, that covers different linguistic objects of research.

2.3. The method of conversational analysis is also focused on the study of speech objects. Unlike other methods, the context is understood here not as a general background, but as a chain of fragments, each of which forms a new context for the next one. Unlike the method of the conceptual analysis, which recreates a fragment of the world picture of a native speaker, the method of conversational analysis reveals only a set of objects that are most frequent and important for everyday communication of representatives of a certain social group. The found phenomena are considered not from the position of axiological value, but from their pragmatic significance for communicants [Schiffrin 1994: 12-14]. The method is also used as a tool for identifying implicatures, since it allows to determine the step-by-step causal tactical connection of components and answer the question about the predictability of the strategies of interlocutors [Gruber, 1996]. Thus, this method traces back to the Functional pragmatics.

2.4. The method of discourse analysis (or critical discourse analysis) reveals the connection between communication and the social standards (models) of its implementation [Wodak, 1996]. The method incorporates the ideas of M. Bakhtin, R. Barth, Y. Kristeva and N. Fairclough related to the idea of structural intertextuality (parallelism in the construction of texts) and the Objective hermeneutics [Bohnsack, 1991].

The four initial methods relate as follows (Fig. 1).

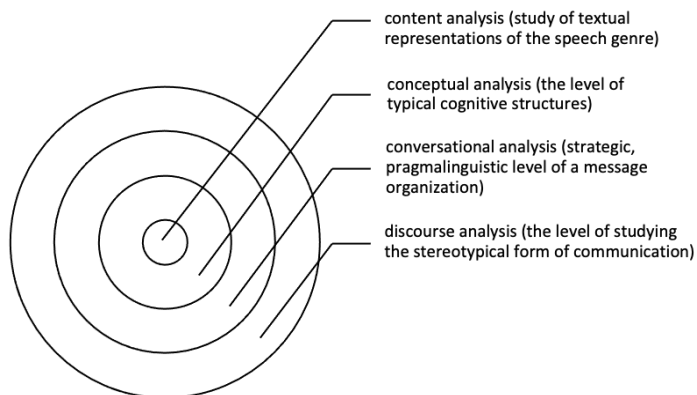

Fig.1 Levels of the speech genre analyses

Such a placement of methods in a level structure is respond to to Karl Popper's philosophy: created by man texts repeat the inherent triplcity: the physical level, the psycho-emotional level and the ideal sphere of meanings. In the first area (content analysis) it is extremely difficult to find objective patterns, since this is not a common causality, but an individual author's choice of

units. Even in the situation of the absence of the author of the text (according to R. Barth), it is necessary to recognize that the decentered matter of the text, permeated with intertextual connections, forms objects united by some complex meaning, since the category of a native speaker acts as the creator of the texts. It combines the individual and the socio-group traits. Conceptual analysis is opposed to conversational and discourse analysis in the same way as cognitive and discursive psychology are opposed: the first is based on Louis Festinger's idea of a person's desire for a comfortable balance in communication (constituency), while the mechanisms of regulation of the discursive sphere, according to L. Phillips, are focused on the psychology of social groups [Phillips, 2000].

3. Methods of describing the speech genre in Russia

The complexity of the description of the speech genre (the presence of different types and forms of genres, as well as the processes of external and internal genre interference) is the reason for the presence of many research angles, and, accordingly, various author's techniques. The use of the most effective of them led to the formation of scientific schools [Dementiev 2010]. Now it is possible to group research into approaches based on the goals and the set of methods and techniques, and compare them with four basic options for analyzing speech objects.

There are several goals for analyzing the speech genre.

1. Identification of communicative and rhetorical patterns of the organization of a speech genre. This goal is realized within the framework of the pragmalinguistic approach, most productively applied in the Saratov School of Genre Studies: the study of rhetorical genres [Sirotnina 1999], everyday rhetorics [Yarmarkina 2001] genres of indirect communication [Dementiev 2010], the study of genres as typical speech events [Goldin 1999], [Dubrovskaya 2007], [Sedov 2007, 2011], speech strategy as the basis of the speech genre [Parshina 2004], [Parsamova 2005] etc. Close to this school are traditions of describing speech genres in the Yekaterinburg school [Matveeva 1995], [Borisova 2002].

2. Identification of the characteristics of the behavior of communicants as representatives of a certain linguistic culture. A discursive-linguoculturological approach to the description of the speech genre. The most significant results have been achieved in Volgograd genre studies [Karasik 2008, 2019], [Shmeleva 2012], [Sheigal 2005], [Slyshkin 2005], [Bobyreva 2007], [Goroshko, Polyakova, Ponomarenko 2013].

3. Syntactic-stylistic (structural-linguistic) approach. Representatives of this direction work in Perm and other scientific schools: [Salimovsky 2002], [Balashova 2017], [Kozhina 1999], [Duskaeva 2012].

4. The cognitive approach supported by researchers from different scientific schools is the most multicomponent. It is important to divide into studies of cognitive genistics (the study of speech acts genetically related to the pragmalinguistic approach, for example, [Gobacheva 2007], [Tarasova 2018], [Rabenko 2017, 2020] and cognitive genre studies [Buzalskaya 2019]. In the last decade, researchers have increasingly used mixed analysis techniques (for example: [Yanson, 2019; Shchurina, 2020; Matyashchevskaya, 2019], which are based on the statement of the philosophy of poststructuralism that language creates constructs that reflect social reality.

Summarizing the data obtained from the analysis of Russian dissertations and scientific articles, it is possible to characterize the connection between methods and techniques typically used by researchers and to identify methods that are common to several approaches (they form the core of the methodology of analysis) (Table 1).

Tabl.1 Typical elements of the analysis methodology

Approach	Particular scientific methods and techniques	
	General	Specific
Syntactic-stylistic	Typologization, modeling, contextual analysis,	Relational-situational method of computer modeling of content elements; construction of semantic networks; morphological analysis; functional-stylistic analysis, content analysis
Pragma-linguistic	component	"Passport of the speech genre" by T.V.

	analysis, term system analysis,	Shmeleva, distributive analysis, etymological analysis, methods of conversational analysis
Discursive linguistic-culturological		interpretation of communicative attitudes; presupposition analysis; semiotic modeling of discourse; qualitative discourse analysis
Cognitive-linguistic		the method of constructing a field, constructing an analytical macrostructure, the method of conceptual analysis analysis of text categories, techniques for analyzing framing and genre reframing

4. Conclusions

The four directions of Russian research generally correlate with the four basic methods of analyzing complex speech objects as follows (Fig. 2).

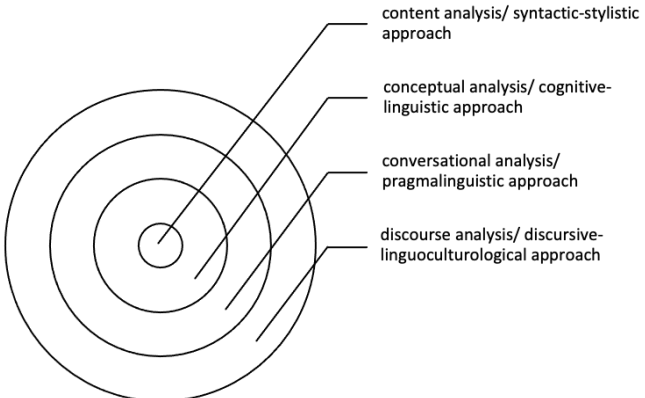

Fig.2 Correlation between basic methods and the modern Narrative semiotics, Functional pragmatics and Objective hermeneutics are three initial platforms that provide their own categories for describing the speech genre. The Russian tradition approaches the analysis and description of speech genres more broadly, which is due to the orientation of research not so much on sociolinguistic methodological tools, but on the methods of other sciences of the humanities cycle. The main vector of the study of speech genres in Russia has the former linguophilosophical orientation, traditional for Russian science and aims to identify patterns of the individual values in the forms accepted in culture.

References

Balashova, L.V. (2017) Rechevye zhanry v russkoj idiomatike (semanticheskij i konceptual'nyj aspekty)// Zhanry rechi. №1 (15) pp. 6-29 (in Russian)
 Bahtin, M.M. (1986) Problema rechevyh zhanrov // Estetika slovesnogo tvorcestva. – 2-e izd. - M.: Iskusstvo. pp. 250-296. (in Russian)
 Bobyreva, V.E. (2007) Vtorichnye zhanry religioznogo diskursa: propoved' i ispoved'// ZHanyri i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse. Vyp. 5 Orel. pp. 29-47. (in Russian)
 Borisova, I.N. (2002) Narrativ kak dialogicheskij zhanr// ZHanyri rechi. Vyp. 3. Saratov. pp. 245-262. (in Russian)
 Buzal'skaya, E.V. (2019) Giperzhanr «Dnevnik»: varianty modeli// ZHanyri rechi. № 2 (23). pp. 183-192. (in Russian)

- Buzal'skaya, E.V. (2015) Nauchnaya stat'ya: tendencii izmeneniya modeli// ZHanyri rechi. № 2 (30). pp. 90-100. (in Russian)
- Gol'din, V.E. (1999) Problemy zhanrovedeniya// ZHanyri rechi. V. 2. Saratov. pp.4-6. (in Russian)
- Gorbacheva, E.N. (2016) Rechevoj zhanr «diplomatičeskij kommentarij» s pozicij diskursivnoj performativnosti// Kommunikativnye issledovaniya, №2 (8), pp. 7 – 16. (in Russian)
- Gorbacheva, E.N. (2007) Diskursivnaya realizacija komunikativnyh konceptov. - Volgograd. (in Russian)
- Goroshko, E. I. & Polyakova, T. L. (2015) K postroeniju tipologii zhanrov social'nyh medij // ZHanyri rechi. № 2 (12). pp. 119–127. (in Russian)
- Dement'ev, V.V. (2010) Teoriya rečevykh zhanrov. – M.: Znak. (in Russian)
- Dement'ev, V.V. (2020) Obščhie problemy teorii rečevykh zhanrov // ZHanyri rechi. №3 (27). pp. – 172-194. (in Russian)
- Dubrovskaya, O.N. (2007) Rečevye zhanry, rečevye sobyitiya i novye sredstva kommunikacii// ZHanyri rechi Saratov, V. 5 pp. 360-370. (in Russian)
- Duskaeva, L. R. (2012) Dialogičeskaya priroda gazetnyh rečevykh zhanrov/ pod red M. N. Kozhinoj. 2-e izd. SPB.: Filological faculty SPBGU. (in Russian)
- Karasik, V.I. (2008) Rutinnoe i kreativnoe obščhenie: funkcii, tipy, sposoby// YAzyk. Kul'tura. Obščhenie: Sb. nauch. Tr. V chest' yubileya zaslužennogo professora MGU im. Lomonosova S.G. Ter-Minasovoj. M.: Gnozis, pp. 112-118. (in Russian)
- Kozhina, M.N. (1999) Rečevoj zhanr i rečevoj akt (nekotorye aspekty problemy) // ZHanyri rechi: Sbornik nauchnyh statej. – Saratov: Izd-vo GosUnc «Kolledzh». V.2. pp. 52-61. (in Russian)
- Matveeva, T.N. (1995) K lingvističeskoj teorii zhanra// Collegium. №1-2. Kiev, pp. 65-71. (in Russian)
- Matyashčevskaya, A. I. (2019) Zhanr lekcii i ego sovremennyye raznovidnosti // ZHanyri rechi. 2019. № 4 (24). S. 246–253. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-246-253> (in Russian)
- Parsamova, V.Ya. (2005) Zhanr eshčho ne rodilsya (k voprosu o zhanrovom samosoznanii YU.M. Lotmana)// Zhanry rechi. V. 2. Saratov. pp. 41-50. (in Russian)
- Parshina, O. N. (2004) Strategii i taktiki rečevogo povedeniya sovremennoj političeskoj elity Rossii. – Astrahan': Izd. AGTU. (in Russian)
- Ponomarenko, E.A. (2013) Klassifikacija rečevykh zhanrov institucional'nogo (medicinskogo) diskursa (na materiale proizvedenij russkih pisatelej-vračej) / E.A. Ponomarenko // ZHanyri rechi. – №2(10) / otv. red. V.V. Dement'ev. – Saratov: Izdatel'skij centr «Nauka». – pp. 65-75. (in Russian)
- Prozorov, V. V. (2017) O tipologii rečevykh zhanrov v svete teorii literaturnykh rodov // Zhanry rechi. 2017. № 2 (16). S. 142–150. <https://doi.org/10.18500/2311-07402017-2-16-142-150>
- Rabenko, T. G. (2017) Problema rečezhanrovoj pervičnosti i vtoričnosti v kontekste sovremennoj lingvistiki / T. G. Rabenko // Sibirskij filologičeskij žurnal. — No 2. — pp. 235—248. (in Russian)
- Rabenko, T.G. (2020) Invariantnye i variantnye priznaki zhanrov estestvennoj pis'mennoj rechi (na materiale zhanrov «lichnyj dnevnik», «Lichnoe pis'mo», «lichnaya zapiska»)// ZHanyri rechi. №1 (25). pp. 6-14. (in Russian)
- Salimovskij, V.A. (2002) Zhanry rechi v funkcional'no-stilističeskom osvещchenii. Perm'. (in Russian)
- Sedov, K.F. (2007) Psiholingvističeskij aspekt izučeniya rečevykh zhanrov// Antologiya rečevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikacija. M. pp. 124-136. (in Russian)
- Sedov, K. F. (2011) Rečezhanrovaya identičnost' kak komponent komunikativnoj kompetencii lichnosti // ZHanyri rechi : sb. nauch. st. Saratov : IC «Nauka». V. 7. pp. 25–47. (in Russian)

- Sirotnina, O.B. (1999) Nekotorye razmyshleniya po povodu terminov «rechevoj zhanr» i « ritoricheskij zhanr»// Zhanry rechi. V. 2 Saratov. pp.26-31. (in Russian)
- Slyshkin, G.G. (2005) rechevoj zhanr: perspektivy konceptologicheskogo analiza// Zhanry rechi. V. 4 Saratov. (in Russian)
- Tarasova, I.A. (2018) Zhanr v kognitivnoj perspektive // Zhanry rechi. №2 (18). pp. 88-95. (in Russian)
- Shejgal, E.I. (2006) Koncepty i kategorii diskursa// CHelovek v kommunikacii: koncept, zhanr, diskurs. Volgograd. pp.24-39. (in Russian)
- Shmeleva, T. V. (2012) Zhanr v sovremennoj mediasfere // Zhanry rechi : sb. nauch. st. Saratov: IC «Nauka». V. 8. pp. 26–37. (in Russian)
- Shchurina, Yu.V. (2020) Rechevye zhanry russkoyazychnogo segmenta social'noj seti Instagram// Zhanry rechi №2 (26) p. 155-165. (in Russian)
- Yanson, T. A. (2019) Edinicy strukturirovaniya ustnogo turisticheskogo diskursa (terminologicheskij aspekt) // Vestn. Tver. gos. un-ta. № 4 (62). Ser. Filologiya. pp. 251–256. (in Russian)
- Yarmarkina, G.M. (2002) Zhanr pros'by v neoficial'nom obshchenii: ritoricheskij aspekt// Zhanry rechi. V. 3 Saratov. pp. 262-268. (in Russian)

UDC (930.85+81.282.8)

S.A. CHERKASHINA
St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

RUSSIAN-CHINESE CULTURAL CONTACTS IN NORTHEAST CHINA IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the main directions of Russian-Chinese cultural contacts in the territory of Northeast China in the first half of the twentieth century, its content includes the results of the author's field research. In the chosen chronological period, two worlds of cultures - Chinese and Russian - actively interacted with the special characteristics of world perception, types of thinking, and mental features inherent in each of them. Contacts in the region had peculiarities: the short duration did not lead to cultural synthesis as a result of the interaction process. In the Chinese cultural space, Russian culture was a local entity specific to a large geographical area - Manchuria. The author consistently examines the components of society's culture: economic, political and cultural elements proper. When one culture invades another, the penetrating power of each of the elements is directly opposite to its social value; the economic element is perceived by an alien culture with the greatest readiness, followed by politics, the cultural element comes last. The consideration of the directions of the ethnocultural interaction of the Russian and Chinese peoples revealed the diffusion of individual elements and complexes of cultures. The Russian stay in the Northeast of China had a significant impact on the industrial, production, financial and economic spheres of life. The culture of everyday life of the Russian population has left a rather deep mark on the culture of the local population, and it can be argued that the customs and habits that have developed in Harbin are not similar to other regions of China.

Key words: history of China, history of individual peoples on the territory of China, history of Russians in China, Russian emigration, Chinese-Eastern Rail Road (KVZhD), cultural contacts, cultural interactions.

РУССКО-КИТАЙСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Статья посвящена основным направлениям русско-китайских культурных контактов на территории Северо-Востока Китая в первой половине XX в., в её содержание включены результаты полевых исследований автора. В выбранный хронологический период активно взаимодействовали два мира культур - китайской и русской - с присущими каждому из них особыми характеристиками мировосприятия, типами мышления, ментальными особенностями. Контакты в регионе имели особенности: кратковременность не привела к культурному синтезу как итогу процесса взаимодействия. В китайском культурном пространстве русская культура являлась локальным образованием, специфичным для крупного географического ареала - Маньчжурии. Автор последовательно рассматривает компоненты культуры общества: экономические, политические и собственно культурные элементы. Когда одна культура вторгается в другую, проникающая сила каждого из элементов прямо противоположна его социальной ценности; экономический элемент воспринимается чуждой культурой с наибольшей готовностью, за ним следуют политика, на последнем месте оказывается культурный элемент. Рассмотрение направлений этнокультурного взаимодействия русского и китайского народов обнаружило диффузию отдельных элементов и комплексов культур. Русское пребывание на Северо-Востоке Китая оказало значительное влияние на промышленно-производственную и финансово-экономическую сферы жизнедеятельности. Культура повседневности русского населения оставила довольно глубокий след в культуре местного населения, и можно утверждать, что обычаи и привычки, сложившиеся в Харбине, не похожи на другие регионы Китая.

Ключевые слова: история Китая, история отдельных народов на территории Китая, история русских в Китае, русская эмиграция, КВЖД, культурные контакты, культурные взаимодействия.

Introduction

In the first half of the XX century two cultural worlds (Chinese and European) with special characteristics of understanding of world, types of thinking and mental peculiarities were interacting in the territory of the North-East of China. Being an informational open systems cultures of various societies constantly interact with each other everywhere, where direct or indirect contact between representatives of society – bearers of these cultures – takes place [Arutynov, 1989, p.154]. Based on the binary opposition East/West Russian culture is allocated to European cultures. In this work the evidence of successful cultural contacts is the presence of ethnically characterized new information. "...ethnos is limited in space clusters of cultural information and intercultural contacts are the exchange of such information" [Arutynov, 1972, p. 22].

The fact that cultures influence each other is traditionally acknowledged, but it seems more reasonable to speak of interaction between them. Mutual influences are provided for by commercial intercourse, religious propagation, wars and conquests. Interaction of various cultures in history may be of inadequate character: equal and unequal, conflict and conflict-free. Depending on the manner of interaction the recipient culture activates various mechanisms performing functions of selecting filters in the course of cultural interaction in respect of the donating culture [Arutynov, 1989, p.156].

The diffusion processes within a culture are one of the most natural forms of its spatiotemporal existence. In this research the diffusion process is understood as a process of "constant

spreading of any culture or, which is more often, its separate forms, samples, and subsystems from the point (region) of its emergence in the directions where these cultural elements are demanded and adopted by a society previously not possessing such forms" [Flier, 2000, p.275].

One of the common forms of cultural diffusion is its forcible introduction by some strong party (conqueror, colonizer) to the cultural practice of the weak party (conquered or colonized nation). The colonization procedure is the result of the target of colonization and Russian colonial policy in China was not aimed at uprooting of national traditions, changing the Chinese lifestyle and way of thinking.

Being in China Russians understood the genius loci (genius of thought). "... There is a "special imprint" here in the East. We, who gather in Harbin and crowd in Shanghai, live in specific conditions. Here width, eastern style of life and society come forward..." [Bagulnik Magazine, 1931, p. 2]. The famous emigrant writer V.N. Ivanov wrote that "on coming to China for the first time in 1920, to Harbin, not even getting to the "Real China" within the Great Wall, even in this provincial lifestyle I sensed calm breathing of the huge ancient culture so different from that of Russian and European cultures" [Ivanov, 1924, p. 12].

The society's culture consists of economical, political, and cultural elements themselves. When one culture intrudes into another culture the penetrating force of each of these elements is directly opposing its social value. Thus the economic element is more readily absorbed by a foreign culture, followed by politics, and the last one is the cultural element [Toinby, 1996, 443-444]. Further on the cultural contacts will be analyzed in this sequence.

Methods and material

Historical-cultural, historical-comparative, system-functional approaches to the study of the cultural process are used, in which the consideration of culture as a functioning system becomes a priority. To achieve the purpose of the study, the following methods were used: theoretical and comparative historical analysis; biographical and problem-thematic, hermeneutic study of documents, direct observation. The source base of the article consists of published and unpublished sources stored in archival, museum and personal funds. The author used materials collected during a personal expedition to Harbin (2000): inspection of monuments of material culture of the first half of the XXth century, interviewing and interviewing Russian emigrants living in Harbin and the local Chinese population.

Discussion

The territory of Heilongjiang province was more seriously influenced by Russian cultural tradition than any other territory of China. Influence is not a form of destruction, but a common characteristic of normal cultural process. Before the political shocks of the first quarter of XX century Russia had a developed capitalistic industrial network. Among Russians there were quite a few representatives of industrial and commercial community, people familiar with knowledge and technologies progressive at the time, which provided for progressive elements of capitalistic production methods penetrating the colonial-feudal China, under the influence of which the national economy of China was born and began its development.

Russian-Chinese relations in the end of XIX – beginning of XX centuries were characterized with growth of forms of economic contacts. This was mainly caused by the construction of KVZhD, which led to emergence of Russian enterprises in Manchuria and an increase of navigation on the Amur, Usury and Sungari rivers.

Construction and operation of the rail road greatly influences the social-and-economic development of the region it is located in. The Chinese-Eastern Rail Road (KVZhD) was first of all providing for the establishing of capitalistic industrial network in the North-East of China. E.H. Nilus notes in the "Historical Overview of KVZhD": "This road in 1898-1900 running through a previously deserted country, like Suez or Panama Canal mingling the waters of the separated oceans, has brought two different cultures of East and West face to face, creating a new possibility for its peaceful and fruitful syntheses" [Nylus, 1923, p.1].

Changing of manner and growth of forms of economic relations took place due to the prevailing of export of Russian capitals over the export of goods. Russian enterprises, and KVZhD first of all, straightly encouraged the economic development of Manchuria, established the industrial works in this region of China, and capitalization of farming industry.

"Russian Transportation" society has constructed motor roads leading to the most far away parts of Manchuria and Mongolia, and members of Russian ship-owners' community have compiled navigational directions for Sungari, Ponnii, and Usury. On construction of KVZhD the navigation on the Sungari River was established [Kovalevsky, 1923, p. 98].

Construction of KVZhD in some ten to twenty years has turned Harbin into an „international level city”, an „economic center of the Northern Manchuria” [The story of Russian emigrants in Harbin, 1998, p.595]. This is actually not a single case in China, which became apparent in thorough studying of history of Chinese cities. Shanghai and Harbin were developing according to similar formal rules: development of the city was based on commerce; the modern city was growing with the minimum influence of traditional lifestyle [The story of Russian emigrants in Harbin, 1998, p.595]. Western influence is seen in technological and spiritual, behavioral and language aspects of functioning of both cities. They preserved a rather calm atmosphere despite the cataclysms taking place in the country and continued development in the periods of stagnation in the other territories of China.

Harbin was developing as a road city, a city of commerce. In the traditional Chinese society with rural mentality prevailing, commerce, although developing, was always very lowly valued opposed to agriculture, and its development was slow and difficult, and it was impossible to overcome this barrier. The general line of city's development was industrialization and growth of commerce, which lead to appearance of evident differences in functioning of the city and in the manner the processes were conducted. Progressive technologies and capitalism data base brought by Russians have created favorable conditions for capital investments. In 1905, an agreement of committee regulating the affairs of three provinces, in which it was announce that Harbin was an international commercial center, was approved.

Chinese historians have different opinions in respect of the described period of interaction. Firstly, despite the obvious positive influence where the primary initiator was the government and orders "from above" the researchers note the negative sides of Russians' presence in Manchuria reflected in to some part rejection of traditional development direction of this region. A traditional Chinese city was normally developing by the rules of „power”. Harbin was developing in an unconventional manner. There were no administrative, commercial and industrial, or military targets of its establishing. The city was constructed based solely on transportation and communication needs.

Advanced tools appeared in agriculture: plough, horse seeders, haymowers, later – field engines, grain binders, and threshing mills. New agricultural plants were introduced, such as buckwheat, oats, barley, lint, feeder and sugar beet, Bavarian hop, and Turkish and American tobacco. Hop was mostly consumed by beer brewing mills. Growing of these plants is the basis of modern wellbeing of this region [Melihov, 1991, p. 268-269]. Russian gardeners have established major industrial gardens and berry plantations with over 120 sorts of fruit trees [Melihov, 1991, p. 270-271]. A major part in popularizing the agricultural knowledge was played by the Manchurian Agricultural Society the task of which was to spread the agricultural knowledge and to conduct works on enhancement of local cultures. In 1908 the Veterinarians' Society was established in Harbin and City Veterinary Service was established under the jurisdiction of the City Council, which supported the spreading of animal breeding.

An important factor can be considered the presence of a large Russian colony on the territory of Manchuria. It is with the construction of the CER that the emergence of a large Russian diaspora in this region is connected. The settlement of Russian emigrants in Harbin, of course, had a profound impact on all spheres of life: from technological to spiritual, from behavior to the value system, from culture and education to language norms. In modern life, one can encounter many echoes of the existence of Russian culture here.

Harbin became the first modern city along the KVZhD with European orientation in respect of town planning and functional architectural solutions. That is why the evident influence is seen in the planning of the city, its construction pattern and architecture, names of the streets and other spheres.

До строительства КВЖД Харбин по количественным показателям не выходил за рамки средней деревни, а большинство населения было рассредоточено по районам современных пригородов. Before KVZhD was constructed Harbin in respect of quantitative characteristics did not exceed an average village, and most of its population was staying in the territory of modern suburbs. После того, как в 1898 году Харбин становится центральным узлом КВЖД, начинается и разработка градостроительного устава и плана застройки. After 1898, when Harbin became the main exchange point of the KVZhD, the development of town-planning regulations and layout plan was started. Удачно используя изначальную застройку и возведённые позднее кварталы, учитывая особенности территориального деления, планировщики разработали генеральный градостроительный план Харбина. Making use of the initial constructions and neighborhoods constructed later, and considering the specific mahal the planners developed the general town-planning solution plan of Harbin. Streets were constructed with consideration of natural terrain with rivers Singuri to the North from the city and Modjagou to the South.

The district division was based on the favorable use made of the three rail road lines going through the city. In designing the project the planners paid special attention to the location of city and district administrative buildings. Considering the fact that the New Town district is the highest point of the terrain the architects constructed the Nicolsky Cathedral in its center, from which six straight streets go to different directions, and around it the administrative buildings, residential, commercial, and public constructions are placed, thus turning it into an administrative district with the center in the KVZhD management. The Bund District was designed as a place of gathering of all commercial constructions; almost all spaces were taken for construction of commercial complexes in the European classicism style. On the Sun Island visible in the bed on the Sungari River quite a few villas were constructed, thus turning it into a resort district.

Russian emigrants' influence on architecture in Harbin was expressed not only in town planning, but also in private constructions, and if you compare Harbin to other Chinese cities, you will see that its architectural style differs significantly. In the 20-30-s it was called "Eastern Moscow", "Little Eastern Paris" [Harbin Architecture, 1990, 41], and these words were primarily attributed to its architectural peculiarities.

Harbin's architecture is closely connected with its location, material and technical capabilities, and its historical past. Harbin is located in the cold belt, which is why all constructions should be characterized with high-level heat insulation. In the period between 1908 and 1922 Russian emigrants constructed 2322 buildings in Harbin, of which 551 were one-storey, 542 – two-storey, and 78 buildings – three-storey and higher, and 1151 other constructions [The story of Russian emigrants in Harbin, 1998, p. 41].

The construction process was based on European architectural styles, which on the whole formed the unique look of Harbin different from all other Chinese cities. Such details as pinnacles, corner roofs, sail vaults, hanging gutters, sculptures and bas-reliefs were used in architecture. At first the buildings in Harbin were made of wood, and later, starting from the 1900-s - of brick. The architecture of Harbin today is still a mixture of European styles of XIX – beginning of XX centuries. Modern Harbin construction process uses European hardscaping which gives the city a specific look and makes it stand out among other Chinese cities.

City's toponymy is also its special language preserving the memory of its past and present: this includes economic activities of city's population and memory about people of the city. Traditional location of streets in a Chinese city is subject to the district principal, many streets crossing each other form a specific regular grade of the residential dwellings with four-sided figures inside. But in modern Harbin the streets along KVZhD are shaped as arrows pointing to

four or eight directions with a square in the center or having the center in the central part of the district. Such directioning of streets roots in the times of Ancient Greece and Rome, when architects were placing a cathedral or an administrative building in the center and the streets were going away from it in all directions, thus stressing the significance of the cathedral or the building.

In Harbin a part of early street building was also influenced with this tradition, so you can still see streets designed in such style. For example, the center, which is the landside area, gives the beginning of streets Zheleznodorozhnaya, Tamozhennay, Krasnoy armii and other. In the end of the Krastoy Armii street, where the Nicolsky Cathedral was standing, a new bunch of arrow streets has already been constructed. The names of Harbin streets come from the town-planning charter 1990, in development of which Russian emigrants applied the ways of creating toponyms they had been used to, and in KVZhD district in the suburbs of Harbin there are streets with names that sound Russian.

After the establishment of the Special Eastern District in the 20-s the names of the streets were changed. In the following decades the toponymy of Harbin and its suburbs was constantly changing, but still following the sense or phonetic characteristics it is possible to identify the streets that initially had Russian names and even perform an approximate reconstruction of these names.

In later construction in Harbin Chinese gave names to major buildings under the influence of Russian toponymy. Such, for example, is the Stalin Park located on the south bank of the Sunguri River (former Bund District, presently Daoli District), construction of which began in 1957.

Religion was playing a specific role in the cultural distance existing between Russian and Chinese population. Christianity sustained the idea of Eschatological history. And Chinese tradition is based on other values and beliefs. Chinese culture has a specific world view, system of views of the society, and human nature, comprised in traditional classification schemes: „Yin” and „Yang”, "four times of the year", "five natural elements". However Chinese people have accepted elements of Christian religion.

One of the forms of cultural interaction were the activities of the Russian Religious Mission (RRM) in China. On September 7, 1930, the Orthodox Chinese Missionary Community of St. Innokenty was established in Tianjin. Under the jurisdiction of the Community the prayer house, Chinese choir, courses of English, Chinese and Russian languages, accounting, and free religious courses were established. The Community included 169 people [Record Office of the Russian Federation (RORF) f.9145 op.1 c.234 p.23]. Spreading of Orthodoxy among the Chinese population was slow. Chinese people were mainly receiving baptism through studying in Russian Mission's schools or through marriages with Orthodox Christians.

The first step on developing the Chinese clergy was the catechist school under the jurisdiction of Russian Mission in Beijing headed by archimandrite Vasily (Shuan). The catechist school included apart from candidates for the priest positions all priests and deacons of the Mission. Due to lack of teachers the main works in school were done in the field of self-education and self-perfection. At the same time with catechist school the mission school of applicable knowledge for women was established and a translators' committee which included six Chinese clergymen and two layman copyists was set up. The committee was supposed to do translations of religious literature into modern Chinese language.

Russian clergy coming with the flow of refugees did not perform any targeted missionary activities in respect of Chinese population considering Orthodox emigrants to be their congregation. The missionary activities successfully developing until 1918 became almost impossible, firstly due to financial difficulties the Mission in Beijing was facing, and secondly – the congregation of the church in Harbin and everywhere on the North-East, in Sindjan, mostly consisted of Russian emigrants. For this category of population the most important issues were the surviving and preserving the Orthodox tradition in the environment of a different culture. It may be said that the missionary activities were performed through charity: none of the

congregation members were refused help whether they were Orthodox or belonged to another religion.

Modern Harbin newspapers emerged in the city with the construction of KVZhD approximately half a century later than in other regions of China. When in 1901 the works at KVZhD were partially completed and transportation was started the first newspaper in Russian „The Harbin daily newspaper of statements and notices” was established. The next one also connected with KVZhD was „The Harbin Public Newspaper”. In 1906 under the jurisdiction of KVZhD management the „Far East Newspaper” was launched – the first newspaper in Chinese language. Chinese historians note that at the time Tsilin and Heilundjan population did not have their own periodicals. By 1932 in Harbin there were already 94 Chinese periodicals of administrative, social, commercial-and-industrial content. Chinese researchers call Chinese newspapers taking after "The Far East Newspaper" the KVZhD newspapers, and Russian researches call them „semi-Russian pattern newspapers" [The story of Russian emigrants in Harbin, 1998, p.579-580]. Although "The Far East Newspaper" was published by Russians its chief editors were only Chinese. After the reform of the edition "The Far East Newspaper" turned into the universal source of information in respect of all spheres and issues.

Thanks to periodicals that were publishing studies on technical issues local intellectuals gained new knowledge in the fields of philosophy, physics, chemistry, astronomy, geography, medicine and other fields, finding out that there are other theories apart from the ideological and social Main-ji principals. The significance of this new knowledge for Harbin intellectuals cannot be overestimated. Russian oriental researchers by applying Western methodology in studying Chinese politics, economy, geography, philosophy, literature, religious activities, and arts were stimulating the development of this territory. Their activities helped in establishing Russian-Chinese relations, deepening mutual understanding and mutual penetration of cultures.

The enlightening activities of Russian emigrants influenced the traditional approaches and ideas of Chinese pedagogics. Establishing of new type schools on the basic secondary level was significant for this region. They were spreading Western social and natural science, music, theatre, and pictorial art.

Before the construction of KVZhD education was dominated by military studies, all students were attributed to one of eight flags, and Chinese literature was not studied. In 1905 new type schools are being constructed here, in 1906 elementary schools for the nobility were established, in 1907 – common elementary schools, in 1908 – industrial colleges of all levels and other official educational institutions [The story of Russian emigrants in Harbin, 1998, p.586]. By that time the engineering management of KVZhD had already constructed several secondary and elementary schools in Harbin, and Russians began to familiarize local population with the new educational model different from the traditional one.

It is notable that in schools Russian and Chinese children had equal rights and conditions. For example, it was then, that male and female gymnasiums and commercial and industrial colleges started accepting Chinese students. In 1930 in Russian higher and secondary educational institutions of Harbin and KVZhD line there were 241 Chinese students [Record Office of Habarovsk Region (ROHR): f.1128 op.1 c.78 p.112].

In Shanghai a Russian-Chinese school existed preparing Chinese managers with the knowledge of Russian language. These people receiving European education in Russian emigrant schools very soon turned into the most progressive part of local intellectuals. This can be evidenced by the fact that modern teachers of Harbin Polytechnic Institute (HPI) are for 90% the graduates of this higher education institution for most part being in command of Russian language.

Famous architect P.S. Sviridov was teaching in HPI, where he raised a number of Chinese architects. Some of his students are presently teaching in Harbin. It is notable that Harbin Polytechnic Institute, established by Russians in 1920, is presently functioning as a Chinese higher education institution and provides specialists for local economy.

The Law School was giving a chance for young Chinese people to receive education. One of the tasks of this faculty was formulated the following way: „to satisfy the need in legal and

economic education of growing generations of Russian and Chinese young people. The faculty is a guide to European, and in particular Russian culture in Manchuria". This suggestion was brought forward by the presence of those wanting to receive European education without going abroad, to get acquainted with European and Russian Cultures. For achieving this task the preparation classes for Chinese youngsters were established [RORF: f.9145 op.1 c.236 p.1].

Russian military college in China existed in Shandun in 1927-1928 as a part of Chinese army. The teaching staff consisted of Russian officers-emigrants that fought in the Eastern frontline. Both Chinese students and Russian emigrants (the latter being sent to Russian military forces in China) were accepted to college. At first the course of studies lasted for half a year, then a year, and finally was extended to 2 years. In different times over 300 people were studying in the college (first graduation in 1927 consisted of 43 people, the second one in 1928 – 17) [RORF: f.9145 op.1 c.234 p.57].

B.S. Zakharov and other Russian musicians and teachers were working in Chinese National Conservatory for many years. The Conservatory became the main center of training professionals for Chinese musical culture. Here Chinese young people that later became outstanding representatives of national culture were receiving musical education.

The most significant cultural differences can be seen in languages that have been in contact with each other: Russian and Chinese. However it is safe to say that there is also interaction in this sphere. It is proved by materials we have gathered in Harbin about Russian words entering Harbin dialect: Bread (hleb), roll (saika), madam, cooker (plita), sheepskin coat (tulup), good (horosho), old man (starik). As old-timers state they steadily existed in everyday language communication in the first half of XX century. Echoes of these ethno-linguistic contracts are still present in Harbin dialect, which is evidences by the existence of such words as bread (hleb), bucket (vedro), and roll (saika) [AM].

One of directions of cultural politics of the Russian Empire in the roadway of KVZhD was spreading of knowledge of Russian language among local population. This direction was realized mainly through the system of Russian-Chinese schools. „Our activities in the field of teaching Russian language to Chinese people seem to be especially important in Manchuria” [Records of foreign affairs of Russian Empire, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (RFARE MFARF) 1907: f.304 op.756 c.55 p.3]. Reportedly the system of Russian-Chinese schools was functioning until the railroad was transferred to Soviet-Chinese management. Thus spreading the knowledge of Russian language among Chinese population was targeted. Its securing was supported by constant interethnic interaction at the everyday life level.

Another side of ethno-linguistic Russian-Chinese contacts is the emergence of new words in the result of mixing the forms of Russian and Chinese languages: balashi (rus. barge – barzha), dibo (rus. depo), suputan (rus. sup, meaning liquid food), litos (rus. Latvian sausage), shibko and shango (rus. good – horosho). There are complete expressions, such as ti so mnoy igraesh mashinka (meaning: you are not being honest with me) [AM]. There were also streets and districts the names of which were pronounced in Chinese, but were the transcriptions of Russian words, such as, for example, the name of the Sinbatsa Street based on Russian word bazar (market) (there was a market in this street), or the word Dibaotou (modern Dimjan) and Dibaerdo (modern Ditse) originating from the word depo. In linguistics the process of phonologic and grammatical adopting of lexical borrowings is an evidence of deep penetration of the foreign culture component in the linguistic consciousness of the native speaker. The number of deformed morphologic and phonetic words, in the period Russians were present in China, amounts to a large number of units. In memories of Russians living in China in this period it is noted that „Chinese people were speaking the broken Russian-English language” [Kugusheva, p. 37]. Example of this „hybrid” language can also be seen in literature.

For interethnic communication in the territory of compact settlement of Russian population in China a pidginized form of language based on Russian but with deformed morphological and phonetic structure was used.

One of the desirable conditions for familiarization with Eastern culture is knowledge of the language or at least the desire to master it. The memoirs of Russian emigrants in China contain contradictory information about the level of proficiency in Oriental languages in the Russian-speaking environment. This issue was discussed in our other article [Cherkashina, 2011, p.79-88].

Changes in economic structures were also accompanied by changes in the lifestyle of local population. In the long period of multiform communications, when emigrants were living in Harbin, Russian culture of eating, clothing and habitat was to some point introduced to local culture, which lead to appearance of a specific set of unified traditions and created the very „local peculiarity” of Harbin.

With the coming of Russians some changes in the traditional culture of eating took place. First Russians in Manchuria were facing some difficulties in eating as there were no products used for their traditional cuisine. Before Russians came Chinese people here had not been growing potato, cabbage, tomatoes, and had not raised milk cattle – there were no beef and dairy products. Old-timers of Harbin wrote of sufferings „due to the absence of rye-bread and buckwheat porridge. There was plenty of poultry – pheasants, goatlings, Manchurian deers – but it became annoying, and it was almost impossible to find ordinary beef as it was imported. Potatoes and cabbage were rare at the time Harbin was constructed. It was brought from Siberia just as butter was... Peasants were offering a chicken for an empty bottle and for a hundred eggs wanted a quarter (25 kopecks), and 20 kopecks for a couple of pheasants! At the same time, the cost of shaving at a barber’s shop was 2 rubles in gold” [The City of Harbin, 1995, p. 3-4].

The appearance of Russian and European cuisine in this region took place in the beginning of XX century. After the opening of KVZhD club restaurant in 1905 the numerous vaudeville houses, cookeries, coffee houses, snack bars, bars and other shops where European cuisine dishes were served were opened in Harbin with the support of Russians. In the best period its number exceeded hundred, and only the central street of the city counted 30 shops.

Development of European catering business enriched the ratio of Harbin population. In accordance with the overall statistics of restaurant menus stated in the „Harbin drinking magazine” on the average all shops were serving 50 types of appetizers, 50 types of poultry, 41 types of dishes made of birds, 19 types of farinaceous dishes and 18 types of drinks [The story of Russian emigrants in Harbin, 1998, p.580]. This variety of European cuisine together with Chinese cuisine has significantly increased the choice of Harbin food products, and has made the taste of all dishes very sophisticated.

The import of beer to Harbin and development of beer brewing should be noted separately. In 1900 merchant Urublevsky established a beer brewery in Harbin to satisfy the needs of Russian population, which was the first enterprise of the kind in China. At first the local population did not accept the strange drink, but it gained popularity with time. The local language culture has a saying „he drinks beer as though waters the field” used to describe the habit of Harbin people to drink beer. The dairy products were used by local population only as infant food due to its expensiveness. Presently cheese, butter and other dairy products, together with smoked fish are permanently present in the diet of Harbin population and are stably being sold. Private sale of dairy products provides money for existence of elderly Russian emigrants staying in the city [AM].

Another specific characteristic is the fact that Chinese people use bread which is not common for their national food culture. Bread in Harbin is made in accordance with old Russian recipes in stoves with the use of firewood, and is delivered for sale to major supermarkets of the city early in the morning and is being sold out somewhere before 11 o’clock in the morning [AM].

In modern Harbin Russian cuisine restaurants remaining from the old times though rather worn out are located in the Junjandaza Street (Daoli District). Foreign tourists do not come here very often, but among Harbin population Russian cuisine is popular. For a very moderate charge here it is possible to get a good borsch, meat in a pot, locally pickled red caviar, and wheat bread [AM].

Results

Intercultural contacts in this region had its peculiarities. A specific characteristic of active Russian-Chinese contacts was its fugacity. A "piece" of time a half of century long in the total "thread" of history could not have lead to cultural synthesis as the outcome of the interaction process [Artanovsky, 1994, p.51]. The next characteristic is locality. Within the limits of Chinese culture Russian culture was a local formation specifically characteristic of a large geographic area – Manchuria. Russian colony in China was actually an enclave formation.

The culture of Russian lifestyle has left a deep trace in the culture of local population, and it is safe to say that a lot of habits and traditions existing in Harbin are different from those common in other regions of China.

The industrial and economic activities, started by Russians coming to Harbin, were the first experience of capitalistic European economic activities in this region, and it was of great significance for further development of Manchuria. As capitalistic system is more progressive than feudalism that was reigning here, the functioning of KVZhD provided for the supplying of more progressive technologies and production tools to Harbin, which lead to significant changes in the social sphere. In ten to twenty years commerce was quickly developing, industry, education, healthcare, and the very lifestyle of people reached a higher level and underwent significant changes.

The Russian stay in the Northeast of China has had a significant impact on the industrial, production, financial and economic spheres of life. Construction of KVZhD gave Harbin a modern city look and was the leading factor in developing the new society and new culture, but it would be too simple to reduce the results of cultural interaction to a command denominator. Due to Russian reign in this region every step was made for the satisfaction of interest of Russia. Russian domination in this region forced each new step in its development to subordinate to the interests of Russia. This is what comprises the dual character of Russian presence in the Northeast of China in the first half of the XX century.

Sources

Author's materials (AM) gathered in Harbin and Beijing in 2000.

Bagulnik Magazine. Harbin, 1931. (In Russian)

Record Office of the Russian Federation (RORF), f.9145: Collection of selected documents of various emigrants' organizations.

Record Office of Habarovsk Region (ROHR): f.1128: Harbin committee on supporting Russian refugees, 1923-1942.

Records of foreign affairs of Russian Empire, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (RFARE MFARF), f.304: Consulate in Qiqihar.

Kugusheva, B.G. Selected part of a Diary. Saga. My life, August 1923. Manuscript, kept in the „Russkoye Zarubezhye“ („Russia Abroad“) library (Moscow).

References

Artanovsky, S.N. (1994) At the Crossing of Ideas and Civilizations St. Petersburg, St. Petersburg State Academy of Culture and Arts. (in Russian)

Arutynov, S.A. (1992) Transfer of Information as a Mechanism of Existence of Ethno-social and Biological groups of people. Races and Nations Issue 2, Moscow, pp. 8-30. (in Russian)

Arutynov, S.A. (1989) Nations and Culture: Development and Interaction Moscow, Nauka publishings. (in Russian)

Cherkashina, S.A. (2011) Chinese culture and Russian emigration: some aspects of interaction // The world of childhood in the Russian abroad. III Cultural readings "Russian emigration of the XX century" Moscow: Marina Tsvetaeva House Museum. - pp.79-88. (in Russian)

Flier, A. (2000) Culturology for Culturologists Moscow, Academic Project. (in Russian)

- Harbin Architecture: Album- Harbin: Heilongjiang. nar. publishing house, 1990. (in Russian, in Chinese)
- The City of Harbin: Reference Book. (1995) Vladivostok, Dalnauka publishing. (in Russian)
- Ivanov, V.N. (1924) Harbin-KVZhD Harbin, Bamboo grove. (in Russian)
- The story of Russian emigrants in Harbin. (1998) Harbin, Heylundzyan public publishing, (in Chinese).
- Toinby, A.J. (1996) Understanding the Truth Moscow, Progress publishing. (in Russian)
- Melihov, G.V. (1991) Far Away and Close Manchuria Moscow, Nauka publishing. (in Russian)
- Nylus, E.H. (1923) Historic Overview of KVZhD (1896-1923) Volume 1, Harbin, KVZhD and "OZO" partnership publishing. (in Russian)
- Kovalevsky, P.E. (1973) Foreign Russia: Additional Edition Paris, Librairie des Sinq Continents.Flier, A. (2000) Culturology for Culturologists Moscow, Academic Project. (in Russian)

УДК 811.111:[81'373.45 + 811.161.1]

I. CHERNYSHEVA

Higher Foreign Languages Courses of
the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

METAPHORICAL USE OF THE WORD CZAR DEPENDING ON THE CONTEXT OF THE COMMUNICATIVE SITUATION

The research is devoted to the study of functioning of one loan word from the Russian language, czar, in modern English-speaking cultures within the framework of the theory of five-phase assimilation of borrowings. The word under study has an unusual formal feature: three graphic forms of writing with two phonetic forms. The czar variant with the meaning 'head of an area appointed by government' is dominating nowadays in media discourse. A semantic analysis of the word czar for presenting ideas and developing topics not related to Russian culture in media discourse in the 2020s was carried out. The sphere of activity of the person in charge is given in an excessively generalized way (such as food czar); the word is neutralized by the gender category or, rarely, the analytical form is used (female land-use czar). Connotative meanings bring both negative and positive evaluation to the word.

Key words: borrowing, media communication, assimilation, Russian language, English metaphor, linguoculturology

И.Б. ЧЕРНЫШЕВА

Высшие курсы иностранных языков
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Москва, Российская федерация

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА CZAR В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КОНТЕКСТА КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Исследование посвящено изучению функционирования одного заимствованного слова из русского языка – czar – в современных англоязычных культурах в рамках теории

пятифазной ассимиляции заимствований. Исследуемое слово имеет необычную формальную особенность: три графические формы написания при двух фонетических. В настоящее время в медиа дискурсе доминирует вариант *czar* со значением 'руководитель, назначаемый правительством'. Был проведен семантический анализ слова *czar* для представления идей и развития тем, не связанных с русской культурой, в медиа дискурсе 2020-х годов. Сфера деятельности ответственного лица дается в чрезмерно обобщенном виде (например, *food czar*), слово нейтрализуется по категории рода или, реже, используется аналитическая форма (*female land-use czar*). Коннотативные значения привносят в слово как негативную, так и позитивную оценку.

Ключевые слова: заимствование, медиакоммуникация, ассимиляция, русский язык, английская метафора, лингвокультурология

Introduction

The theoretical basis of this study is the position that the relationship of the content and form of the sign is not a stable rigid system [Bybee, 2015]. We assume that a new meaning becomes quickly conventionalized nowadays because of the mediatization of the modern society [Buralkin and Chernenkaya, 2019]. The components of the linguistic sign receive an impetus for development and a subsequent semantic extending which is determined both by changes in event referents and by the evolution of the system of referential representations [Terekhova, 2020] of the generalized native speaker.

The relevance of this study is determined by the modern situation associated with the creation of the global information space, when the mechanisms of broadening of meaning raise several questions once the word has been integrated in the English as the recipient language giving more importance to context.

The approach for understanding of a new semantic change demands to be based on the central role played by context in the modern English, particularly in the mass media usage.

The purpose of the research is to identify new trends in the development of loan words semantics in modern English-speaking cultures through a one-word study.

The realization of the goal required the solution of a number of specific tasks:

- To identify the way and the phases of assimilation of one borrowing from Russian, *czar*;
- To make a semantic analysis of the word *czar* for presenting ideas and developing topics not related to Russian culture in media discourse in the 2020s.
- To study this cultural meaning dependance on the context of the situation in English-speaking cultures.

The material of the research is the 2020s media discourse.

Methodologically the research is based on the ideas outlined in the works of M. Avdonina and N. Zhabo on the problems of intercultural communication [Avdonina and Zhabo, 2019a]. The present work continues to use our proposed method ([Chernysheva 2021]) of one-word survey, through which current trends in semantic change are revealed. Research methods also include functional and pragmatic analysis of the concept of text (after [Carston, 2010; Lemmens, 2017]); formal variance [Winter-Froemel, 2014]; transliteration of Russianisms and lexico-semantic analysis (after [Kabakchi and Proshina 2021]), linguocultural analysis (after [Terekhova S., Medin, 2020]), and statistical methods.

Results

We identified the phases of assimilation of *czar* as a particular borrowing according to the criteria proposed in the works of M. Avdonina and N. Zhabo [Avdonina and Zhabo, 2019b] who distinguished five stages of the process: the stage of xenism, the stage of relating the concept of foreign culture to the concept of the receiver culture, the stage of appropriation of form (phonics, graphic, grammar), the stage of entering the word into explanatory dictionaries and, finally, the stage of complete assimilation of the word.

In the case of the word under study, derived from the Latin word *caesar*, dictionaries point to its early appearance in English historical sources (mid-16th century) and to an unusual formal feature: three variants of the script (*tsar*, *czar*, *tzar*) included in all modern dictionaries with two phonetic forms ([zɑ:(r)], [(t)ʃɑ:(r)]). The form *tsar* is always the first in entries as it is the form denoting the primary sense of a 'Russian ruler'. But since 1930s the form *czar* is leading. Still, in 2021 we find blogs discussing the following questions: What is the correct spelling? "Tzar", "Tsar", "Czar", or "Csar"? Why does Tsar/Czar/Tzar have so many different spellings? Why is Tsar more common than Czar as an English spelling? Should I spell Tzar with a T or a C? Why is the word "czar" spelled with a "cz" and pronounced "zar", when the original Russian word is pronounced tsar'? When did people stop spelling it "czar" and start spelling "tsar"? (<https://www.quora.com/What-is-the-correct-spelling-Tzar-Tsar-Czar-or-Csar>)

First, the word can certainly be considered fully assimilated according to the quantitative criterion (19 400 000 Internet use cases of *czar* in June 2021).

Second, the word *czar* has a second meaning: 'a person appointed by government to advise on or coordinate policy in a particular area' (Oxford Dictionary of English, 2010, p.1909).

Third, it has derivatives, and if related to Russia, these are the forms with initial *ts-* such as *tsardom*, *tsarism*, *tsarist*, *tsarevich* (also *czarevich*, *tzarevich*), *tsarina* (together with *czarina* and *tzarina*). In media discourse on various topics not related to the Russian context, we find mostly the *czar* form:

1. UK :

Ex-UK education czar LONDON (AP) — Britain risks failing hundreds of thousands of young people with its "half-hearted" effort to bolster schools after the COVID-19 pandemic, according to the former education recovery chief who resigned over the government's funding announcement.

Let's note that in the UK, one can find a parallel spelling of the word with *ts-* in media discourse: Education recovery tsar Sir Kevan Collins resigns

<https://apnews.com/de16e700d2f24ff898c189b6c69443af>

2. USA:

Biden 'border czar' Roberta Jacobson stepping down amid migrant crisis (April 9, 2021); New tourism czar hits the ground running (24.06.2021, www.lowellsun.com/); Traffic returning to 2019 levels says state's road czar; West Virginia COVID-19 Czar Dr. Clay Marsh (24.06.2021, <https://wtov9.com/>); BREAKING|Jun 17, 2021,08:55pm EDT|1 175 views

3. Other countries:

Virus czar: Not yet certain Israel 'in control of this outbreak' (www.timesofisrael.com/).

Despite the increased interest in gender issues in recent years, the word is neutralized by the gender category:

'Border czar' VP Kamala Harris finally going to the border (Immigration blor, 24.06.2021, <https://cis.org/>).

If the need to express femininity does occur, then journalists use the analytical form:

Sylvia Deutsch, NYC's first female land-use czar, dies at 96. As head of City Planning, Deutsch promoted affordable housing, renewed Times Square. New York. (therealdeal.com/2021/06/24/).

Fourth, the word has a connotative meaning. A semantic analysis of the word *czar* for presenting ideas and developing topics not related to Russian culture in media discourse in the 2020s has been carried out to study this linguoculture meaning dependence on the context of the situation in English-speaking cultures.

The first connotative meaning, namely 'authoritarian rule', seems to bring a negative evaluation to the word.

But there are other meanings as well. For example, the word *czar* is used in the environment of colloquial words, then its evaluative meaning takes on an ironic component:

Venezuela Oil Czar Says Output to Skyrocket, Sanctions Be Damned (www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-21/);

Philly's Ex-Litter Czar on Why the Hell the City Can't Pick Up Trash on Time. Do you feel any sense of relief that you were relieved of your duties as trash czar? (www.phillymag.com/news/2021/06/22/philadelphia-trash-pickup-delays-nic-esposito/)

Note the joking play on words: sense of relief – to be relieved of duties. As we see, the semantic connection of the expressions is also played out here.

The word czar, as the 150 examples we collected show, is considered attractive in journalistic circles. We came to this conclusion because it is often used in headlines, while the text itself gives the official name of the position, for example:

First White House 'Cyber Czar' Is Confirmed By Senate.

The Senate unanimously confirmed Chris Inglis on Thursday to head a new office that will coordinate cybersecurity efforts across government agencies (www.forbes.com/2021/06/17/1b3963876c4d).

The context emphasizes the positive evaluation contained in the word. To reinforce the new connotation, the text contains additional evaluation words with a plus sign, e.g. unanimously.

The designation of the sphere of activity of the person in charge is usually given in an excessively generalized way; the reader must think for himself, as to what the position is called:

Boris Johnson's food czar says Brits may have to pay taxes on meat in future even if it sparks RIOTS (<https://www.dailymail.co.uk/9724865/>);

Biden's Asia Czar Says Era of Engagement With China Is Over (<https://www.bloomberg.com/2021-05-26/>).

Conclusion

This paper focuses on the semantic evolution of one Russian loanword adopted into English – czar.

The analysis of the contexts in which the Russian loanword czar is used in contemporary media discourse allows us to speak confidently about the highest degree of assimilation of this loanword.

Our methodology allows us to observe Russian loanwords and their patterns of evolution from a semantic point of view towards the expansion of meaning. We are proposing the method of one-word survey, revealing current trends in semantic change which could be challenging to tackle in other theoretical frameworks.

We can say that the positive connotative meaning has become an element of this word in the generalized cognitive system of native speakers, which has not yet been recorded in the dictionaries of the English language.

References

- Avdonina, M.Yu. & Zhabo, N.I. (2019a). Formal and Semantic Modifications of Russian Borrowings as Material for Forming Complex Linguistic Competence. *Functional Aspects of Intercultural Communication, Translation and Interpreting Issues*. Moscow: RUDN University. pp.688–698.
- Avdonina, M.Yu. & Zhabo, N.I. (2019b) Russian lexical units outside the context of Russian culture in modern French. IV Firsov Readings. *Language in modern discursive practices*. Moscow: RUDN. pp.375–380.
- Buralkin, M.Yu. & Chernenkaya S.V. (2015) The problem of the scientific status theory of mediatization. 11th International Scientific and Theoretical Conference – Communicative Strategies of Information Society. Editors: O.D. Shipunova, and all., 2019. P.272–280.
- Bybee, J. (2010) *Language Change*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139096768.
- Carston, R. (2010) Lexical Pragmatics, Ad Hoc Concepts and Metaphor: A Relevance Theory Perspective. //Italian Journal of Linguistics, vol. 22, no. 1. pp.153–180.

- Chernysheva, I.B. (2021) Evolution of the value of Russian borrowing “apparatchik”: problems of returning translation. In the collection: “Problems of the collapse and legacy of the USSR in modern public space”. Moscow: Knigodel. pp. 258-265. (In Russian)
- Kabakchi V.V. & Proshina Z.G. (2021). Lexico-semantic relativity and versatility in translation and intercultural communication. *Russian Journal of Linguistics*. Moscow: RUDN, 25 (1). 165–193. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193
- Lemmens, M. (2017) A Cognitive, Usage-Based View on Lexical Pragmatics. In: *Semantics and Pragmatics: Drawing a Line*, edited by Ilse Depraetere and Salkie Raphaël, Springer International Publishing, pp. 101–114.
- Oxford English Dictionary: Home – URL: <https://www.oed.com>
- Terekhova, S.I. (2020) Allomorphic and isomorphic features of representations of orientation reference to a person in Ukrainian, Russian and English languages (polyparadigmatic approach)]. In: *Die Welt der Slaven*. Wiesbaden. pp.306–312.
- Terekhova, S. & Medin L. (2020) Terms migration, migration rout and their semantic extending in Ukrainian, Russian and English (based on Chernobyl migration sources). In: *Research and Innovation*, New York, USA: Yunona Publishing. pp. 201–206.
- Winter-Froemel, E. (2014) Formal Variance and Semantic Changes in Borrowing: Integrating Semasiology and Onomasiology. In: *New Perspectives on Lexical Borrowing: Onomasiological, Methodological and Phraseological Innovations*, edited by Eline Zenner and Gitte Kristiansen, Mouton de Gruyter, pp. 65–100.

UDC 821.111

E. CHUKSINA

Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russian Federation

**THE REPRESENTATION OF THE FEAR CONCEPT IN THE ENGLISH
GOTHIC NOVELS OF THE XVIII CENTURY AND IN THE STORIES
BY EDGAR POE**

The article is devoted to the study of the "fear" concept content in the English Gothic novels "The Castle of Otranto" by Horace Walpole, "The Old English Baron" by Clara Reeve, "The Italian" by Anna Radcliffe and in the stories "Berenice", "Morella", "Ligeia" written by an American author Edgar Poe in order to identify the differences in the characters' traits and in the mentality of the authors as the carriers of the English and American picture of the world. In order to achieve the aim, we use the following methods: conceptual analysis, the method of cognitive modeling and comparative analysis. The methodology for conducting the study involves 1. the analysis of the implicit and explicit means of representation of the "fear" concept and, thus, the definition of the main components of the concept and their features; 2. conduction of a comparative analysis of the defined characteristics of the components and identification of the main differences in the mentality of the authors. The research results manifest themselves in the detection of the "fear" concept components such as the subject of emotion, the object of emotion, the cause of emotion, the intensity of emotion experience. The comparative analysis of the these components in gothic novels and stories written by Edgar Poe reveals the following features of the characters and, thus, of their authors respectively: self-confidence/lack of confidence; optimism/pessimism; activity/passivity; rationalism/idealism; collectivism/individualism. It is pointed out that the verbal representation of the "fear" concept and the underlying properties of mentality are determined by the amount and nature of collective experience of the writers. The

relevance of the work lies in the insufficient, in our opinion, attention paid to the study of the interpretative potential of implicit and explicit representation of the emotional concepts in the literary works. The novelty of the work is due to the attempt to use conceptual analysis and the method of cognitive modeling in the course of literary analysis.

Key words: Edgar Poe, the "fear" concept, English Gothic novels, conceptual analysis, cognitive modeling

Е.А. ЧУКСИНА

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
Тамбов, Российская федерация

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ 'СТРАХ' В АНГЛИЙСКИХ ГОТИЧЕСКИХ РОМАНАХ XVIII ВЕКА И В РАССКАЗАХ ЭДГАРА ПО

Статья посвящена исследованию содержания концепта "страх" в английских готических романах "Замок Отранто" Горация Уолпола, "Старый английский барон" Клары Рив, "Итальянка" Анны Рэдклифф и в рассказах "Береника", "Морелла", "Лигейя" написана американским автором Эдгаром По с целью выявления различий в чертах характера персонажей и в менталитете авторов как носителей английской и американской картины мира. Для достижения поставленной цели мы используем следующие методы: концептуальный анализ, метод когнитивного моделирования и сравнительный анализ. Методология проведения исследования предполагает 1. анализ имплицитных и эксплицитных средств представления концепта "страх" и, таким образом, определение основных компонентов концепта и их особенностей; 2. проведение сравнительного анализа определенных характеристик компонентов и выявление основных различия в менталитете авторов. Результаты исследования проявляются в выявлении таких компонентов понятия "страх", как субъект эмоции, объект эмоции, причина эмоции, интенсивность переживания эмоции. Сравнительный анализ этих компонентов в готических романах и рассказах Эдгара По выявляет следующие черты персонажей и, следовательно, их авторов соответственно: уверенность в себе/неуверенность; оптимизм/пессимизм; активность/пассивность; рационализм/идеализм; коллективизм/индивидуализм. Отмечается, что вербальное представление понятия "страх" и лежащие в его основе свойства менталитета определяются объемом и характером коллективного опыта авторов. Актуальность работы заключается в недостаточном, на наш взгляд, внимании, уделяемом изучению интерпретационного потенциала имплицитной и эксплицитной репрезентации эмоциональных концептов в литературных произведениях. Новизна работы обусловлена попыткой использования концептуального анализа и метода когнитивного моделирования в ходе литературного анализа.

Ключевые слова: Эдгар По, концепт "страх", английские готические романы, концептуальный анализ, когнитивное моделирование

Introduction

Concepts of abstract phenomena such as the emotional concepts are considered to be one of the most complex and important objects of study in cognitive linguistics. The features of the emotional concepts content are able to reflect the properties of a certain picture of the world. The analysis of the ways emotional concepts represented in the text of literary works can help identify some plot-forming features as well as determine the characteristics of the mentality of the authors.

The aim of this work is to define what differences in the traits of the main characters in the English Gothic novels "The Castle of Otranto" by Horatio Walpole, "The Old English Baron" by Clara Reeve, "The Italian" by Anna Radcliffe and in the American novels "Berenice", "Morella",

"Ligeia" by Edgar Poe and, thus, what differences in the mentality of the authors are reflected in the linguistic means of objectification of the "fear" concept components in the literary works. The relevance of the work is due to the interest in analyzing the interpretative potential of implicit and explicit means of representation of the emotional concept in a literary work. The novelty of the work lies in the use of conceptual analysis in order to identify the features of characters in the literary works and, as a consequence, the distinctive traits of their authors.

Literature review

The verbal representation of emotional concepts is often studied in the literary work of a writer or in the works of a group of writers of the same time period, in which a particular emotional concept plays an important role. For example, the representation of the individual author's concept of FEAR in the novel "Fear" written by Stefan Zweig is reviewed in the scientific article by Krasavskiy (2015). The "joy" concept is analyzed as a key concept of C.S. Lewis' works in the scientific article written by Kosinskaya (2019). There are scientific works devoted to the analysis of the "fear" concept representation in wartime literature. This topic is dealt by Matantseva (2020), Mikhaleva (2020), Banokina (2015) in their scientific works (Chuksina, 2021). Another genre in which the representation of the "fear" concept reflects the key details of the plot is gothic literature. A lot of scientific works have made a great contribution to the study of this genre.

Several views have been formed regarding the time frame of the existence and sources of appearance of this genre and also its role in relation to previous and subsequent genres.

A lot of scientists interpret the emergence of Gothic novels as an oppositional reaction to the established order of bourgeois society when there were a lot of political and religious fears. This opinion is expressed by the following scientists in their research works: H.A. Beers "A History of English Romanticism in the Eighteenth Century"; E. Birkhead "The Tale of Terror. A Study of Gothic Romance"; D.P. Varma "The Gothic Flame. Being a History of the Gothic Novel in England (Napcok, 2016).

It is commonly considered that the tradition of Gothic literature begins in 1764 with the appearance of Horatio Walpole's novel "The Castle of Otranto", but there is no single point of view regarding the end of the Gothic literature period.

Critics Montague Summers, Edith Birkhead, Robert Mayo and Devendra Varma believe that Gothic as a genre ended in 1820. Other researchers, such as David Panter, Franz J. Potter, Catherine Spooner express the opinion that Gothic continues to exist in subsequent genres of fiction (Napcok, 2016).

There are some differences distinguished in the eighteenth century Gothic and in the nineteenth century Gothic. The former makes emphasis on "the mystery and its elucidation", while in the latter "the inner condition of the protagonist", "the psyche and its depth" are described (Rata, 2014).

The first author of Gothic literature who paid a lot of attention to the inner world of the character was Ann Radcliffe in her literary work "The Italian". This tradition was developed into the literary works written by William Godwin, Mary Shelley, Lord Byron, Edgar Allan Poe (Rata, 2014).

In this paper we consider the role of the "fear" concept in the Gothic literature of the 18th century and in the Gothic stories by Edgar Poe. In this regard, it is important to know what the Gothic literature that survived the dawn in the 18th century and Poe's stories relied on. According to B.R. Napcok, Gothic literature is based on some elements of the poem "Beowulf" and Shakespeare's plays, therefore, in this genre in English literary works, in our opinion, there is little original beginning. That is, the concept of "fear" in English Gothic literature contains more collective layers formed in the Middle Ages than individual ones. Unlike English writers who had something to rely on in the past and in the present, Edgar Poe felt lonely in his country: he was skeptical of technological progress and believed that the country lacked a "well-born aristocracy" (Bologov). In the works of Edgar Poe, there is a distance from the relatively recently formed principles of American literature and some influence of English authors of Gothic

literature (pre-Romanticism) and writers of the Romantic era Coleridge, Byron and the French writer Chateaubriand is noted (Zverev). The "fear" concept in the work of Edgar Poe is mainly of an individual nature.

Methodology

In order to define the features of the characters in the literary works and of their authors and the way they are reflected in the representation of the "fear" concept in the novels written by Horace Walpole, Clara Reeve, Anna Radcliffe and in the American stories written by Edgar Poe we used conceptual analysis, the method of cognitive modeling and comparative analysis.

First of all we detected methods of objectification of such components of the "fear" concept in the considered works of Gothic literature and in the stories of Edgar Poe as the subject of emotion, the object of emotion, the cause of emotion, the intensity of emotion experience and then the features of these components. Next, by conducting the comparative analysis we revealed some differences in the characters' and their author's mentality in the English and American literary works regarded.

Results

First, we are to give some information about the "fear" concept components. By the subject of emotion we imply a character experiencing the emotion of fear. The object of emotion is an object or phenomenon that causes certain associations, provoking the appearance of the emotion of fear. The latter (associations) are attributed to the cause of the emotion. The intensity of the experience includes the nature of physiological changes and manifestations of nonverbal expression during the experience of the emotion of fear.

First, we reviewed the representation of the "fear" concept subject. It has been defined that in the English Gothic novels the subjects of the emotion of fear are all the characters, especially the main ones – lovers, to whom a large number of trials fall. They feel fear for each other and overcome difficulties together. In Poe's stories, the emotion of fear is often experienced by the narrator, or the main character, who is lonely, isolated from everyone physically and mentally.

Thus, we detect the following differences in mentality: collectivism (English Gothic novels – individualism (stories by Edgar Poe).

The objects and connected with them causes of the emotion appearance are represented implicitly, since in this case the fear of the characters is not directly described. These objects of emotion in the English and American literary works under consideration include A PERSON, A ROOM, and THE PAST.

A PERSON

In English Gothic novels, hidden images of strangers are created by describing people masked under clothes, in the darkness, in special lighting, in the shadows, behind the door; a large role is played by the description of unknown steps, voices, unintelligible sounds or silence: "...the evening gloomy and overcast"; "...accompanied by a clap of thunder, it ascended solemnly towards heaven, where the clouds parting asunder, the form of St. Nicholas was seen, and receiving Alfonso's shade, they were soon wrapt from mortal eyes in a blaze of glory..." (Walpole, 2017); "dismal groans from beneath" (Reeve); "shadowy objects in the chamber" (Radcliffe); "the hollow sounds" (Radcliffe); "No sounds stole on the stillness of the night" (Radcliffe); "The wind only, was heard moaning among the inner buildings of the prison..." (Radcliffe).

The PART – WHOLE metonymy is defined. It is objectified by the names of the action, features or parts of the body of the people instead of the people themselves: "...he stole towards the tomb of Alfonso, to which he was directed by indistinct whispers of the persons he sought" (Walpole, 2017); "Oswald followed with his rosary in his hand, and Joseph last with trembling steps"; "the trumpet sounded, and a voice called out still louder" (Reeve).

Indirect naming of characters and objects is used: the object, some person, unknown person, the figure, the vision, this mysterious stranger, something extraordinary, mysterious being,

mysterious affair, awful visitor, mysterious conduct, some strange mystery, unlike any human voice, suspicion ("The Italian" A. Radcliffe).

The causes induced by this object are uncertainty, the danger of being killed or losing loved ones.

In the stories by Edgar Poe, the main character experiences the emotion of fear mainly because of a woman who becomes the main object of emotion.

In the stories "Ligeia", "Morella" and "Berenice", this object of emotion receives a detailed description. The "woman" concept is objectified by linguistic means that convey the contrast between the blackness of hair jetty hair (Poe, Berenice), "raven-black" (Poe, Ligeia), "blacker than the raven wings" (Poe, Berenice) and paleness of skin and whiteness of teeth; between the coldness and paleness of skin "excessively white", "with the pale lips", "wan", "cold" (Poe, Berenice) and a huge amount of energy "overflowing with energy"[Poe, URL]; "the fierce energy" (Poe, Berenice); "The hues of life flushed up with unwonted energy..." (Poe, Ligeia); between the irregularity of facial features and dishevelled hair "huge masses of long and dishevelled hair" (Poe, Ligeia); "the ringlets of the silken hair" (Poe, Morella) and the melody-like voice "the music of her voice" (Poe, Morella). The author attaches great importance to the eyes, which are described as large, unusual, black, lifeless, wild, meaningful; to natural abilities – extraordinary; behavior – strange: "The eyes were lifeless, and lustreless, and seemingly pupil-less..." (Poe, Berenice). "...these are the full, and the black, and the wild eyes" (Poe, Ligeia). "...the lustre of her melancholy eyes" [Poe, URL]. "...I met the glance of her meaning eyes..." (Poe, Morella). "I have spoken of the learning of Ligeia: it was immense — such as I have never known in woman" (Poe, Ligeia). "Morella place her cold hand upon my own, and rake up from the ashes of a dead philosophy some low, singular words, whose strange meaning burned themselves in upon my memory" (Poe, Morella).

In the stories "Ligeia", "Morella" and "Berenice", female characters are not static. The author shows mainly their physical "withering" and a directly proportional spiritual uplift, which allows the heroines to be in confrontation with illness and death.

The "woman" concept in the stories is closely connected with the "disease" and "change" concepts. The "disease" concept is conveyed in the language with the nouns disease, agony, the numerous train of maladies, anomalies of the science of mind, malady, destroyer, disorder, distortion, fever; adjectives fatal, distressing, obstinate, unhappy; metaphor DISEASE - ENEMY, which is objectified by the verbs to attack, to seize. The disease in the stories is inexplicable and almost always incurable. The representation of the "change" concept reflects a woman's struggle with death in ways that the narrator cannot understand. "Why shall I pause to relate how, time after time, until near the period of the gray dawn, this hideous drama of revivication was repeated; how each terrific relapse was only into a sterner and apparently more irredeemable death; how each agony wore the aspect of a struggle with some invisible foe; and how each struggle was succeeded by I know not what of wild change in the personal appearance of the corpse?" (Poe, Ligeia).

The contrast conveyed in the description of their appearance and character, as well as the secret spiritual power attributed to a women, create the following causes for the appearance of fear: the inability to understand the object of emotion, control the events associated with it and, as a result, loss of faith in themselves and in the rationality of what is happening.

Having analyzed THE PAST as an object of the fear concept we have detected that the rationalism is characteristic to the characters of English Gothic novels, while idealism is to characters in the stories by Edgar Poe.

THE PAST

In English novels, the past is represented by describing medieval attributes that appear in the present: helmet, plumes sword, ghost, altar, monk, monastery; "a complete suit of armour stained with blood" (Reeve).

The causes of the emotions appearance are a guilty conscience and unwillingness to receive retribution for the sins of the past.

In the stories by Edgar Poe, the past is manifested through the representation of the "memory" concept. This concept is objectified with the help of a first-person narrative. The main character analyzes not only the events of the past, but also his own emotions he experienced during these events. Memories of the fear of the past cause fears in the present.

The main object of memory in these works is the image of a woman and also the objects and events associated with her, the details of which, due to their unusual nature, are difficult to remember, but which are constantly in the head of the main characters.

The cause is the inability to get rid of memories. The verbal representation of this object makes it possible to define activity and passivity as the distinctive features of English and American novels respectively.

ROOM

In the English novels, an uninhabited isolated from people castles, doors to dark empty places, as well as ancient corridors that lead into the unknown are described: "...she approached the door that had been opened; but a sudden gust of wind that met her at the door extinguished her lamp, and left her in total darkness" (Walpole, 2017). "Gliding softly between the aisles, and guided by an imperfect gleam of moonshine that shone faintly through the illuminated windows, he stole towards the tomb of Alfonso, to which he was directed by indistinct whispers of the persons he sought" (Walpole, 2017).

The cause is the danger lurking in this room. The characters are often travelling around the building trying to find safety or output.

In the stories written by Edgar Poe, the description of the rooms in which the characters voluntarily spend most of their time is given, a lot of attention is paid to detailing what is in the room. The authors give the information about the special lighting of the room, shadows, interior elements that may conceal something dangerous and mysterious (carpet, tapestry, draperies): "I had felt that some palpable although invisible object had passed lightly by my person; and I saw that there lay upon the golden carpet, in the very middle of the rich lustre thrown from the censer, a shadow—a faint, indefinite shadow of angelic aspect — such as might be fancied for the shadow of a shade" (Poe, Ligeia). To muse for long unwearied hours with my attention riveted to some frivolous device on the margin, or in the topography of a book; to become absorbed for the better part of a summer's day, in a quaint shadow falling aslant upon the tapestry, or upon the door; to lose myself for an entire night in watching the steady flame of a lamp, or the embers of a fire" (Poe, Berenice). "Was it my own excited imagination – or the misty influence of the atmosphere – or the uncertain twilight of the chamber – or the gray draperies which fell around her figure – that caused in it so vacillating and indistinct an outline? I could not tell" (Poe, Berenice).

The influence of the room atmosphere on its inhabitants is noted: "...and in her perturbed state of half-slumber, she spoke of sounds, and of motions, in and about the chamber of the turret, which I concluded had no origin save in the distemper of her fancy, or perhaps in the phantasmagoric influences of the chamber itself" (Poe, Ligeia).

The causes are room dependence, helplessness and loneliness.

According to the way of the representation of THE ROOM as an object of "fear" concept we have revealed two opposite traits of the characters in the English and American literary works: optimism and pessimism respectively.

The intensity of the emotion experience is manifested in the features of the explicit representation of the concept.

In English novels, the nominative density of the "fear" concept is higher and the means of metaphorical representation of the "fear" concept are more frequent and diverse than in the stories by Edgar Poe. The difference in nominative density indicates at the level of importance that the emotion of fear is intended to have in fulfilling the pragmatic function of the works.

In English novels, the emotion of fear is objectified by the following lexemes: fear(s), to fear, fearful, fearfully, dread, to dread, dreadful, terror(s), terrified, to terrify, terrible, terribly, terrific, horror(s), horrid, horrible, horrific, anxiety, anxieties, anxious, anxiously, apprehension(s),

apprehended, apprehensive of, fright, to frighten, affright, frightened, affrighted, frightful, alarm, alarmed, alarming, agitated, agitation(s), awe, awed, to be afraid, to startle, startled, consternation, petrified, aghast.

In English Gothic novels, the following metaphors have been identified, which are expressed by the linguistic means representing the "fear" concept: FEAR – THING, FEAR – PERSON, FEAR – CONTAINER, FEAR – ENEMY, FEAR – DISEASE.

In Poe's stories, the emotion of fear is conveyed by the following linguistic units: fear, to fear, fearful, to dread, terror, terrible, horror(s), terrible, anxiety, agitated, awe, aghast. The "fear" concept, like the characters, is not static. The gradation of the emotion of fear, its transition from one stage to another are described: "with feelings half of anxiety" (Poe, *Ligeia*); "...its memory was replete with horror - horror more terrible from being vague, and terror more terrible from ambiguity" (Poe, *Berenice*). In these works we have defined the metaphors FEAR – THING, FEAR – DISEASE, FEAR – CONTAINER, FEAR – LIQUID.

The graph of the experience of fear throughout the English Gothic novel is zigzagged: the most intense experience occurs at the moments of the highest danger, which may be in different places in the works: fear may completely pass, or it may reach the highest point of its manifestation throughout the work. The greatest intensity of emotion is experienced by the main characters at the moment when danger threatens their beloved. At the end of the work, the emotion of fear, as a rule, does not manifest itself. Thus, such characteristics as optimism, collectivism and confidence have been identified. In American stories, the emotion of fear is permanent; the intensity of experiencing the emotion of fear by the main characters gradually increases and reaches its highest point of development by the end of the work. Here such features as pessimism, individualism and passivity have been defined.

Discussion

The analysis of the implicit and explicit representation of the "fear" concept has shown that the differences in the concept components such as the subject of emotion, the object of emotion, the cause of emotion, the intensity of emotion experience in the English and American works regarded reflect the main differences of the characters' traits and the authors' mentality:

Self-confidence (English Gothic novels) – Lack of Confidence (stories by Edgar Poe)

Optimism (English Gothic novels) – Pessimism (stories by Edgar Poe)

Activity (English Gothic novels) – Passivity (stories by Edgar Poe).

Rationalism (English Gothic novels) – Idealism (stories by Edgar Poe)

Collectivism (English Gothic novels – Individualism (stories by Edgar Poe).

The characteristics "Collectivism – Individualism" have been detected through the representation of the subject of the emotion. In the English novels characters have a common enemy against whom they are united, here the collectivism is defined. In the stories by Edgar Poe characters are alone in facing all the dangers and in coping with fears they have. The individualism is expressed.

In the next component of the "fear" concept which is the object called A PERSON such features as "Rationalism – Idealism" have been reflected. In the English novels, the cause of emotion refers to the enemy, with whom characters are to struggle, while the danger in the stories of Edgar Poe is mostly fictional and is the result of thinking processes of the character and idealization of the world. There is nobody to fight with but himself.

The representation of the object of the emotion which is defined as THE PAST expresses such features as "Activity – Passivity". In the English Gothic novel, elements of the past appear in the present with a specific purpose: to change the current course of events. That is why the character actively interacts with the past. In Poe's stories, the past often exists in the form of memory and reflects the passivity of the main character. As he cannot change anything that exist only in his mind.

THE ROOM which is another object of the "fear" concept reflects "Optimism – Pessimism". In the English works characters travel around the building and try to go out of it, they aren't

dependent on the room as much as characters of Poe's stories who deliberately isolate themselves in it and being badly influenced by it made no attempts to quit it.

Then on the basis of two objects mentioned above we identify "Self-confidence – Lack of confidence". In the English novels characters are usually supported by each other and mostly by religious belief and that is why they feel confidence in confronting the enemies. In the Poe's stories the main characters have nobody to rely on and, thus, feel insecure and unable to struggle with fears.

Having considered the objects of the emotion of fear, we conclude that in English novels, the characters, as a rule, have little information about the object, but they are united against it and often start to plan the struggle with it before an immediate life-threatening encounter with it. At the end of the work, the main characters overcome all negative emotions. The characters of Edgar Poe's stories are well acquainted with the object of fear, they live next to it (a woman), with it in their head (memory) and in it (room) isolated but still it is difficult for them to identify the reasons of the emotion. The impossibility and lack of desire to change anything, to get rid of the object of fear and the emotion itself have been traced.

Such features as "Self-confidence (English Gothic novels) – Lack of Confidence (stories by Edgar Poe)", "Optimism (English Gothic novels) – Pessimism (stories by Edgar Poe)" and "Collectivism (English Gothic novels) – Individualism (stories by Edgar Poe)" have been defined by the analysis of the graph of the emotion experience in the literary works regarded. This graph shows that the characters of the English Gothic novels in spite of experiencing fear more intensively than the characters of the Poe's stories believe in the best and are able to overcome their fears together. The emotion of fear in the stories by Edgar Poe is of more even and permanent character. It gradually increases as the characters who are influenced by fear mentally degrade without any attempt to fight the emotion.

The context in which English and American authors wrote their works coincides with the context in which characters dealt with their fears. The authors of Gothic novels of the XVIII century aimed at reviving images of the Middle Ages in their novels; in this relation they did not feel alone, as they shared a common goal. Thus, fears they represented in the novels had a lot of collective features. Unlike English writers Edgar Poe had personal motives for writing Gothic novels. Having very little collective fears he was concentrated on a large number of his own, which he could hardly share with anybody and that was why he expressed and, thus, fixed them, like in memory, in his works.

Conclusion

Thus, the verbal representation of the "fear" concept in the reviewed works reflects some differences in characters' traits and in the mentality of their authors as carriers of the English and American pictures of the world. The revealed features are largely due to the volume and nature of the collective and individual experience of the authors of the works.

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Science Foundation grant (project No. 20-18-00372).

Sources

Poe, E.A. Berenice. URL: <https://www.rulit.me/books/berenice-read-489746-1.html> (accessed: 16.08.2021).

Poe, E.A. Ligeia. URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Works_of_the_Late_Edgar_Allan_Poe/Volume_1/Ligeia (accessed: 18.08.2021).

Poe, E.A. Morella. URL: <https://www.eapoe.org/works/tales/mrllah.htm> (accessed: 21.08.2021).
Radcliffe, A. The Italian. URL.: <https://freeditorial.com/en/books/the-italian> (accessed: 30.06.2021).

Reeve, C. The Old English Baron. URL: <https://www.gutenberg.org/files/5182/5182-h/5182-> (accessed: 29.11.2020).

Walpole, H. (2017) *The Castle of Otranto*. M.: T8RUGRAM.

References

- Antonov, S.F. (2012) U istokov goticheskoy prozy [At The Origins of Gothic Prose]. *Staryj anglijskij baron*. P. 163-217.
- Banokina, K.O. & Temkina, V.L. (2015) Kontsept «FEAR» («STRAKH») v anglijskoypoeziivremenpervoy mirovoy voyny [Concept «FEAR» ("Fear") in English Poetry of the First World War]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-fear-strah-v-anglijskoj-poezii-vremen-pervoy-mirovoj-voyny> (accessed: 02.02.2021).
- Beers, H.A. A History of English Romanticism in the Eighteenth Century. URL: <https://ru.scribd.com/document/241574096/Beers-a-History-of-English-Romanticism-in-the-Eighteenth-Century> (accessed: 08.11.2021).
- Bologov, P. Edgar Po i Vsevolod Garshin: odna bolezn', odna sud'ba [Edgar Poe and Vsevolod Garshin: One Disease, One Fate] URL: <http://ncpz.ru/stat/130> (accessed: 07.11.2021).
- Chuksina, E. A., & Babina, L. V. (2021). Verbal Representation of the Individual Author's Emotional Concept JOY. *Proceedings of CBU in Social Sciences*, 2, 81-87. URL: <https://ojs.cbuic.cz/index.php/pss/article/view/205> (accessed: 05.11.2021).
- Kosinskaya, A. S. (2019) Kontsept «radost'» v avtobiografii K.S.L'yuisa [The Concept of "joy" in the Autobiography of K.S. Lewis]. URL: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/b45/9> (accessed: 05.02.2021).
- Krasavskiy, N.A. (2015) Metafora kak sposob rechevogo voploshcheniya kontsepta «strakh» v povesti Stefana Tsveyga «strakh» [Metaphor as a Method of Speech Embodiments the Concept "fear" in The Story Stephen Zweig "fear"]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-kak-sposob-rechevogo-voploshcheniya-kontsepta-strah-v-povesti-stefana-tsveyga-strah> (accessed: 01.02.2021).
- Mikhaleva, Ye.S. (2020) Kontsept «strakh» v rasskazakh A. Birsa [The concept of "fear" in the Stories of A. Bierce]. URL: <https://www.dissercat.com/content/kontsept-strakh-v-rasskazakh-a-birsa> (accessed: 07.02.2021).
- Napcok, B.R. (2016) Tradicija literaturnoj "gotiki": genezis, jestetika, zhanrovaja tipologija i poetika: na materiale anglijskoj literatury [The Tradition of Literary "Gothic": Genesis, Aesthetics, Genre Typology and Poetics: Based on The Material of English Literature]. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Krasnodar. URL: <file:///F:/Диссертация/Готическая%20литература/avtoref-traditsiya-literaturnoi-gotiki-genezis-estetika-zhanrova-ya-tipologiya-i-poetika-na-materiale.pdf> (accessed: 10.11.2021).
- Rata, I. (2014) An Overview of Gothic Fiction. URL: https://www.researchgate.net/publication/339018083_An_Overview_of_Gothic_Fiction (accessed: 04.11.2021).
- Varma, D.P. (1966) The Gothic flame: being a history of the Gothic novel in England, its origins, efflorescence, disintegration, and residuary influences. URL: <https://archive.org/details/gothicflamebeing0000varm> (accessed: 08.11.2021).
- Zverev, L.M. Edgar Allan Poe [Edgar Allan Poe]. *Istoriya literatury SShA*. T.3 URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literatury-ssha-3/zverev-edgar-allan-po.htm> (accessed: 12.08.2021).

K. DANILOVA, D. VASILEVA

St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

SOCIAL NETWORKS` LANGUAGE AS AN INDICATIVE FACTOR OF AGGRESSIVE BEHAVIOR IN DIGITAL COMMUNICATION

In this article, the authors consider examples of aggression in social networks, studying its structure, the comments` content, the communicative language and the actors` portrait who take part in communication. These issues are relevant because digital communication is a significant platform for transmitting information in the modern world, where different opinions often meet and clash.

Key words: digital communication, social networks, cyber aggression, trolling, flaming, anonymity, deviant behavior, social networks` language, mass culture.

К.М. ДАНИЛОВА, Д.И. ВАСИЛЬЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

ЯЗЫК СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ФАКТОР ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данной статье авторы рассматривают примеры проявления агрессии в социальных сетях, изучая структуру конфликта, содержание комментариев, коммуникативный язык и портрет акторов. Данные вопросы являются актуальными, поскольку цифровая коммуникация является значимой платформой передачи информации в современном мире, где зачастую происходят столкновения различных мнений.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, социальные сети, киберагрессия, троллинг, флейминг, анонимность, девиантное поведение, язык социальных сетей, массовая культура.

Introduction

The digital space is a special kind of environment where people interact with each other on a day-to-day basis and thereby form their identity as users. In the Internet Russian language has transformed and deviated from the literary norms of speech and written language culture. These changes have modified it to a new form and therefore it may be called the "social networks` language".

The Internet is an open space which has its own rules, including language ones [Kochnova, 2014]. The style that is typical for comments in the public space of social networks is a synthesis between speech and writing, which includes the following subtleties: ignoring the syntactic and spelling rules of the Russian language; borrowing words from the English language - abbreviations, spelling English words in Russian letters; short forms of Russian words; borrowing vocabulary from gaming jargon, etc.

In addition to all violations mentioned above, there is also an issue with ethical norms in public spaces of social networks. This is about "trolling" and "flaming": trolling is an aggressive user behavior, and flaming is a consequence of provocations, successfully achieved by the aggressor in the dialogue [Vorontsova, 2016]. In other words, these two phenomena inherent in digital

communication are conceptualized in the position of a person who “argues for the sake of arguing”, which often turns into interpersonal debates and gradually distacts the actors from the core idea of their initial disagreements, which initially prompted two or more the parties contact with each other.

Various types of destructive behavior in online communities have been called “cyber aggression”. This term is a deviant behavior’s form in the Internet environment, which includes “insults, humiliation, bullying, exposure, manipulation, aggressive attacks, persecution through communication technologies” [Fetisova, 2018, p. 186]. Trolling and flaming are types of cyber aggression.

The way digital users behave can be represented as a set of characteristics that describe their activity in the digital environment as a holistic system including actions associated with the features of the communicative (psychological pressure, bullying, etc.), cognitive (deception, unreliability of information, etc.), motivational (encouraging addictions and destructive behavior, calls for suicide, involvement in crime, etc.) and emotional (depressive behavior, aggression, etc.) person’s characteristics [Pogozhina, Podolsky, Idobaeva, Podolskaya, 2020]. The emotional sphere is directly dependent on digital behavior in social networks` public spaces and certain linguistic structures in communication usage.

Social communication, including digital, at example of any collective behavior performs an important function by creating sustainable forms of social hierarchy and solidarity. Conflicts and aggressive behavior in social networks, which are public arenas, arise in certain time by a communicative act. Their participants are classified according to their actions and social positions they hold: direct eyewitness (a person who describe what they saw); expert (a person who explains what actually happened); the globalizer (a person who addresses the issue at higher, global level) and the practitioner (a person who gives out instructions for action) [Hilgarter, 1988].

Methods and material

The Internet allows people to keep anonymity, which encourages users to show aggression and it makes them sure that their identity will not be revealed. The possibility to create fake accounts change communication and lead to conflicts for a number of reasons: lack of physical interaction with the interlocutor; non-linearity chronology of the conversation; account depersonification [Orlov, 2019].

Taking into consideration all the above mentioned theoretical foundations, there was made a research program to study the social networks` language as an indicative factor of aggressive behavior in digital communication. This study is relevant because the “social networks` language” and digital behavior including emotional aspects will give an opportunity to track the transformations taking place in the digital space in the process of communication between Internet users and will help to identify new trends in the linguistic culture. The study examines several cases of aggressive behavior in the digital environment using the example of comments from VKontakte social network “Rifmy i Panchi” users, where mass youth culture is discussed. The analysis results of the obtained empirical data is aggressive communication behavior in the digital space classification at used language variations examples.

Results

Empirical data in the form of user comments with aggression were categorized and interpreted. Three categories were identified: the content of the commentary, the communicative language and a brief portrait of the actors.

In the first category, the following subcategories were identified: the conflict outcome, the presence of arguments and the transition to personal insults; in the second category - the communication duration, completeness of language constructions and sentences, the use of capital letters, the obscene language, the emoji font use; in the third - the number of actors, their demographic characteristics, presence and account privacy.

Regarding the comments content, the following interpretations were revealed: exactly half of the cases (50%) had an unresolved conflict stage when the analysis of the comments was made, but in this case it is necessary to note that communication can potentially be continued, since the community is open and there is a constant content updating with a high frequency degree. In 20% of the cases the conflict was resolved in the process of communicative interaction supported by the actors. A similar part of the cases (20%) had an uncertain outcome, since the actors moved on to other topics that do not relate to the original subject of the dispute and aggressive behavior. The remaining 10% were characterized by an active parallel discussion of several topics at once, which led to the fact that the actors were able to resolve the raised issues only partly and come to a general consensus.

Almost two-thirds of the cases (60%) include user arguments in the comments, such as the following: detailed messages; screenshots confirming person's scope arguments and position; "memes" and quoting part of the opponent's message. One fifth (20%) is an exceptional aggressive communication act, during which users contacted each other for the goal of insults and continued "arguing for arguing". In 10% of cases, the argumentation was rather weak and had insufficient grounds to provide evidence from the comment author, and the remaining 10% were a special argumentation type in which the user did not use text arguments, but sent digital images - "memes".

In the digital communication process, the vast majority of users turn to insults. In 90% of cases, special language constructions were used, their aims were manifestation aggression communication and suppression of the opponent's will, in the form of insults dedicated to some subculture, opponent's relatives, nation and other things.

The second category is related to the communicative language. To assess the communication duration, a special scale for evaluating the communication duration was developed: short-term (8-30 comments), medium-term (31-60 comments), long-term (61 or more comments). This separation was chosen due to the fact that the authors of this work considered it inappropriate to include cases containing less than 10 comments in the analysis, since in the communicative act with several actors, this comments branch is highly likely not to contain aggressive behavior with detailed material for solving the research problem and for analyzing and interpreting the collected empirical data. In 70%, the communication duration was short-term, in 20% - medium-term, in 10% - long-term.

In half of the cases (50%), the actors sought to continue communication with other users using interrogative language constructions, and in 30% - the sentences were brief and meaningful. 10% of the cases had a lot of exclamation marks, which made it possible to strengthen the importance of their communication position; in 10%, actors used direct questions to other users.

The subcategory of using capital letters is associated with an increased communication role - 60% used them to emphasize their rightness, pay attention to the full message or to individual language constructions, as well as highlight in some cases insults, obscene language and emotional reaction to comments from others (laughter).

Obscene language was used in all branches of disputes (100%), and there were cases when actors created completely new language constructions from this type of language.

The emoji font was used in 7 cases. This category has a connection with the previous one, since users sometimes replaced the letters in obscene language with emojis. In the remaining cases, the emoji font was ignored by users, which gave the discussion a more neutral emotional background.

During the actors interaction, a large number of people could participate in the dispute, therefore, to assess the number of actors, the authors developed a scale characterizing the volume of parties involved: a small group (5-10 people), a middle group (11-20 people), a large group (more than 20 people). This separation is also due to the fact that the authors considered it inappropriate to include cases involving less than 5 actors in the analysis, since in the communication process such a comment thread is highly likely not to contain aggressive behavior with detailed material for solving the research problem and for analyzing and interpreting the collected empirical data.

Analyzing all the selected cases, the following results were obtained: 50% - small groups, 40% - middle groups, 10% - large groups.

Actors' demographic characteristics include gender and age. In the communicative acts in the selected cases, the overwhelming number of actors are only male (60%). Two-fifths (40%) of communication acts had an absolute majority of men and, what is the most interesting aspect, one female actor. Regarding the age, it is difficult to provide certain information, since many accounts are difficult to identify, but the authors assume, based on the analysis of publicly available information about the user's page, that these are young people aged 16 to 30 years.

In connection with the previous subcategory, another category appears - account privacy. In almost 90% of cases, fake accounts participated in aggressive communication acts, from these cases, sometimes a fake started a communication act, provoking users to respond. It should be noted that sometimes users themselves classified some opponents as fakes, urging others not to waste their time and not to enter into a discussion with this person so that the dispute would stop.

Conclusion

Thus, based on all of the above, the following characteristics of aggression in social networks can be made. Most case-based communication acts do not come to a conflict resolution, while having a clear argumentation supporting position held by disputing parties using the technique of switching to personal insults. The vast majority of communication acts had a short-term dispute duration, the actors were aimed at continuing communication and used various methods for this. Other characteristics for describing communication language are the use of capital letters, obscene language and emoji font. Most of the groups involved in aggressive communication are small ones, including 5-10 people. In the actors' portrait, the following aspects were established: the dominant number were young men, whose age is quite difficult to determine with accuracy due to the accounts privacy and the provision incomplete or inaccurate information about themselves. Fake accounts participated in each dispute, provoking aggressive communication and seeking a similar aggressive reaction from other actors. Hiding their true identity, they had no fear being revealed and that untied the actors' hands and allowed them to behave in any way they would like and freely use obscene language constructions.

References

- Vorontsova, T.A. (2016) Trolling i flejming: rechevaya agresiya v internet-kommunikatsii [Trolling and flaming: speech aggression in Internet communications] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology]. Vol. 26. 2. (in Russian)
- Kochnova, K.A. (2014) Rechevaya kul'tura internet-sredy [Speech culture of the Internet environment] // Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku, kul'ture rechi i distsiplinam spetsializatsii [Actual problems of teaching the Russian language, the culture of speech and disciplines of specialization]. (in Russian)
- Orlov, M.O. (2019) Konfliktogennyj potentsial sotsial'noj kommunikatsii v tsifrovuyu ehpokhu [Conflict potential of social communication in the digital era] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya [Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and Conflictology]. Vol. 35. Iss. 3. (in Russian)
- Pogozhina, I. N., et al. (2020) Tsifrovoe povedenie i osobennosti motivatsionnoj sfery internet-pol'zovatelej: logiko-kategorial'nyj analiz [Digital behavior and features of the motivational sphere of Internet users: logical-categorical analysis] // Voprosy obrazovaniya [Educational Studies Moscow]. No. 3. (in Russian)
- Fetisova, T.A. (2018) Agressivnoe povedenie v internet-kommunikatsii. Obzor [Aggressive behavior in Internet communication. Review] // Vestnik kul'turologii [Bulletin of cultural studies]. Issue. 4. (in Russian)

Hilgartner, S. & Bosk, Ch. L. (1988) "The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model" // American Journal of Sociology. Vol. 94 (No. 1). P. 53–78. The University of Chicago. (in Russian)

УДК 81'42+81'25

A. DEDIUKHINA, D. LANSKIKH

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation

STRATEGIES OF TRANSMITTING COMPONENTS OF MEANING AND CATEGORIES OF VALUE IN THE TRANSLATION OF POLITICAL NEOLOGISMS

The article reviews ways of transmitting the components of meaning and value when translating English-language political neologisms from media resources into Russian. By comparing English neoinformations and the existing translations thereof into Russian, such strategies of translation as lean translation, transliteration, descriptive translation and transcription have been revealed. Benefits of componential analysis and indicating the frequency of connotation usage to determine the most efficient way of transmitting the meaning components have been demonstrated. The aim of the present article is to demonstrate the transmission patterns for categories of value when translating. In accordance with the set aim, the following research tasks were identified: determining the impact of a particular translation technique on the transmission of a meaning; establishing the patterns of idea transmission in the neologism generation and defining mechanisms for creating an image in the original language and in the translation; conducting a comparative analysis. Such methods as comparative analysis; pragmatic method; distributive analysis; component analysis and content analysis were used. Practical significance of the research is expressed in the possibility of facilitating the work of translators and making it more efficient. Relevance of the study is evidenced by the key role of political discourse and a high demand for translation thereof.

Key words: translation, neologisation, pragmatics, category of value, components of lexical meaning, political discourse

А.С. ДЕДЮХИНА, Д.Ю. ЛАНСКИХ

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
Екатеринбург, Российская федерация

СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ КОМПОНЕНТОВ ЗНАЧЕНИЯ И КАТЕГОРИЙ ОЦЕНОЧНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

В статье рассматриваются способы передачи компонентов лексического значения и категории оценочности при переводе англоязычных политических неологизмов из медийных источников на русский язык. Путём сравнения англоязычных новообразований и их существующих вариантов перевода на русский язык были выявлены такие стратегии перевода, как калькирование, транслитерация, описательный перевод и транскрипция. В статье продемонстрированы преимущества использования компонентного анализа и проверки частотности употребления коннотаций для определения наиболее эффективного

способа передачи компонентов лексического значения. Целью данной статьи является демонстрация стратегий передачи категорий оценочности при переводе. В соответствии с заданной целью, были поставлены следующие задачи: определить влияние конкретной техники перевода на смыслопередачу; установить закономерности передачи значения в ходе неологизации и определить механизмы создания образности в языках оригинала и перевода; провести сравнительный анализ. Использовались такие методы, как сравнительный анализ, прагматический метод, дистрибутивный анализ, компонентный анализ и контент-анализ. Практическая значимость исследования выражается в вероятном облегчении и повышении производительности труда переводчиков. О значимости работы свидетельствует важность политического дискурса и востребованность его перевода.

Ключевые слова: перевод, неологизация, прагматика, категория оценочности, компоненты лексического значения, политический дискурс

The most urgent problem of modern translation studies is the equivalent and adequate translation of neologisms. The mechanisms for neologization require detailed study.

The object of the study are texts of political content as the most stable source of neologisms at the beginning of the XXI century. The subject of the research are techniques for translating neologisms found in modern English-language political texts. The aim of the present article is to demonstrate the patterns for transmitting the categories of value and the components of meaning when translating English political neologisms into Russian. *Translation*, according to P. Newmark [Newmark, 1981], E. Nida [Nida, 1964, pp. 1-2, 82] and Ch. Taber [Nida, Taber, 1969], is "reproducing the closest equivalent of the original message in the receptor language from the prospect of meaning and style" [15]. Equivalence opposed to formal identity is implied. In accordance with the set aim, the following research tasks were identified:

- 1) determining the impact of a particular translation technique on the transmission of a particular meaning;
- 2) establishing the patterns of idea transmission in the generation of neologism and the definition of mechanisms for creating an image in the original language and in the translation;
- 3) conducting a comparative analysis of English-language and Russian-language publications containing expressive neologisms in order to determine the most advantageous strategy for translating English political neologisms saving the lexical meaning and expressiveness.

The following methods were used in the course of the study:

1. Comparative analysis method (analyzing similarities and differences in the texts of popular publications and news resources of the English and Russian-speaking Internet);
2. Pragmatic method (semantic adaptation of neologisms in English-language texts in order to improve their understanding by the target audience);
3. Distributive analysis method (The possibility of further application of the results obtained in the course of this work for further developing of the theoretical base in the field of English-Russian political translation)
4. Component analysis method (decomposition of linguistic meaning into minimal units in order to study the meaning of words) Due to the high objectivity and prospects [Bolotnova 2009:453] of component analysis as a method of study, we use it to analyze and build a hierarchy of senses in our chosen example, guided by the principles outlined by V.G. Gak [Гак, 1988; Алефиренко 2009-6].
5. Content analysis method (quantitative analysis of books, essays, interviews, discussions, articles, publications, documents, texts and text arrays in order to identify and further interpret the identified patterns)

To analyze neologisms, English-language articles from various publications have been reviewed. Neologisms with different connotations and levels of expressiveness were selected and adapted; different in their origin, purpose and time of appearance. We understand *neologism* as a new word, be it recently formed or borrowed from other languages, or a word previously known in

the language, yet used little outside the literary norm; or a word which has temporarily left active circulation to obtain mass exploitability later. [Krygina, 1998].

The relevance of the study is evidenced by the key role of the media as opinion leaders, the pervasiveness and decisive role of politics in the life of society, the demand for translation of foreign-language texts of political subjects.

Political text is an object of many approaches. Most linguists unanimously agree upon taking into account the objectives, personal beliefs and qualities of communicants; the conditions of perception of the text, intertextuality and other factors when studying the political text. In other words, today political text is studied as a discourse acting as an instrument of manipulating the public opinion. Authorship of political text; targeting of political text; strategy and tactics in political communication; directly political narrative are listed among the most important characteristics of political discourse by A.P. Chudinov and E.V. Budaev [Budaev, Chudinov, 2010]. Due to the increasing role of media in the modern world, the manipulative possibilities of political discourse are constantly increasing [Schwartzberg, 1992]. *Discourse*, according to T. Van Dijk [Van Dijk, 1989, pp.163-183] and E. Buyessence [Buyessence, 1943, pp.99], is a communicative event that occurs between a speaker and a perceiver in the process of context-based communication. It may possess both verbal and nonverbal components. Political language as a subsystem of language is a sphere of increased speech responsibility.

Neologization is an integral property inherent in modern political discourse. Following T.G. Dobrosklonskaya [Dobrosklonskaya, 2008], A.D. Mikhelson [Mikhelson, 1865] and A.N. Chudinov [Chudinov, 1901], we define *neologization* as the process of neologism generation and introduction thereof into usage serving as a factor of timely replenishment of political vocabulary with fresh neoformations which reflect the constantly changing realia. Any neologisms inevitably possess an evaluative nature, which, in the case of political neoformations, is especially clear. We understand *neologism* as a new word, be it recently formed or borrowed from other languages, or a word previously known in the language, yet used little outside the literary norm; or a word which has temporarily left active circulation to obtain mass exploitability later. Political neology is a powerful means of expressivity allowing neologizers to use expressive vocabulary predominantly for manipulations, allowing us to conclude that the importance of the expressive-evaluative function prevails over the nominative one in socio-political discourse. Evaluation in this case is determined by pragmatics: not only does an expressive neoformations perform the function of transmitting information about reality, but also conveys the author's subjective attitude to it, acting as a means of secondary nomination. *Category of value* is a set of multi-level linguistic units expressing a positive or negative attitude of the author to the content of speech united by evaluation semantics. *Components of lexical meaning* are the distinguished part of the lexical meaning, smaller than the entire value.

Following Charles Morris [Morris, 1938], we define *pragmatics* as a section of linguistics that studies the conditions for the use of language signs by speakers and examines the relationship between sign systems and the users thereof; the study of contextual meaning. Solganik draws attention to the expressive-evaluative nature of word-forming neologisms in the media, highlighting the obligatory evaluativeness of some expressive units that "contain marked components of expressiveness" [Solganik, 2007].

Not only do neologisms thematically reflect all the changes occurring in various spheres of modern life, but also, as S.V. Ilyasova notes, "contribute to the interpretation of the phenomena of reality and understanding the specifics of perception thereof in a certain linguistic and cultural community. The features of the new nominations, as well as the words fixed in the language, are linked to the uniqueness of the national culture, because their usage reflects the national and cultural worldview" [Ilyasova, 1999, pp.134]. It is the realia that seem to be the most important information for a translator, simultaneously acting as a compromising factor. Precision in the transmission of realia is sometimes compromised by the lack of equivalence or them being unknown to the recipient due to objective differences in the political climate in different states. For example, pejorative nicknames used in the Western environment will not have a proper

pejorative effect in East Asia due to cultural and linguistic differences, as well as a different political climate, entailing different patterns of neologization. The factors of imagery and the generation of expressive neologisms being different for each culture ruin their effectiveness in an alien language environment. This fact indicates the non-perlocutive nature of most political neologisms, which is important to take into account when translating.

In some cases, value is implicated due to the semantics of the forming words, indicating the negative nature of the described realia. If the realia are socially reprehensible, then the denotational neologism acquires a negative meaning [Smirnova, 2013].

In order to illustrate the above theoretical positions, let us consider *rat-licker*, a neologism encountered by us throughout the study. It was remarkably popular in the English-language political discourse in 2020. The expression stands for a militant COVID-dissident. No well-established translated versions of the neologism have been discovered by us due to its obscurity in the translated political media. The category of value in the neologism is clearly pejorative in its nature. Having performed the componential analysis, we have determined the frequency of lexical meaning usage as presented lower (definition taken from the WordSense online dictionary):

Rat-licker

Noun

derogatory

A person who refuses to wear a mask during a disease outbreak [<https://www.wordsense.eu/rat-licker/>]

Examples of usage:

Sept 9, 2020, Editorial: Rat-lickers and Covidiot defies Covid 19 coronavirus caution, New Zealand Herald"(see title)" [<https://www.nzherald.co.nz/nz/editorial-rat-lickers-and-covidiot-defies-covid-19-coronavirus-caution/DHWXITEDN6CLL27NT2V5MBK5ME/>]

Dec. 25, 2020, The Luv Doc: An Established Tradition: It's really hard to stab someone to death with an icicle,

The Austin Chronicle:"I think the solution to your dilemma is obvious. You need to go swap some hot, dank, virus-heavy air with an overly clingy group of *rat lickers*."

Jan 20, 2021, R. Starnes, A lack of face coverings contributes to county's COVID death rate, The Daily Courier:

"I would have used all caps and said something like, " The *RAT LICKERS* in this country refuse to follow science, following closely the right wing freedom rhetoric that they hear and blindly accept.""

Rat + licker = rat-licker (compound noun)

Rat				
Dictionaries	Meaning 1. A rodent	Meaning 2. A contemptible person	Meaning 3. A women's hairpad	Meaning 4. A person spending much time in a specific place
Merriam-Webster	1	2	3	4
The Oxford Learner's Dictionary	1	2	x	x
The Cambridge Dictionary	1	2	x	x
Collins English Dictionary	1	2	x	x
AVERAGE	1	2	0,75	1

CLM – an animal

DS1 – a small rodent larger than a mouse considered to be harmful

PS1 – a contemptible person

PS2 – a women’s hairpad

PS3 – a person spending much time in a specific place

The denotational-significative macrocomponent of the lexical meaning of the word is “a rodent”, the connotational one is “a contemptible person”, empiric ones are “a women’s hairpad” and “a person spending much time in a specific place”

Lick					
Dictionaries	Meaning 1. To move tongue over something	Meaning 2. To touch fast, lightly, like with a tongue, to flicker	Meaning 3. To defeat easily	Meaning 4. To eat or drink with one’s tongue.	Meaning 5. To dart with one’s tongue.
Merriam-Webster	1	1	2	3	4
The Oxford Learner’s Dictionary	1	3	4	2	x
The Cambridge Dictionary	1	2	3	x	x
Collins English Dictionary	1	3	2	x	x
AVERAGE	1	2,25	2,75	1,25	1

Component of lexical meaning – to move one’s tongue

DS1 – to move one’s tongue over something

DS2 – to dart with one’s tongue

DS3 – to eat or drink with one’s tongue

PS1 – to touch fast, lightly, like with a tongue, to flicker

PS2 – to defeat easily

The denotational-significative macrocomponent of the lexical meaning of the word is “to move one’s tongue over something”, the connotational ones are “to defeat easily”, empiric ones are “to flicker” and “to dart one’s tongue”

In the course of the work, we have created our own version of the translation of this neologism: "**чумносец**" (“the plague-bearer”). The meaning is conveyed using an approximate translation by analogy with the Russian word **знаменосец** (“the standard-bearer”). Militant COVID deniers are prone to conspiracy, proudly considering their own delusions common sense. Due to the willingness of this part of the population to defend socially dangerous misconceptions on part with their pride for them in a defiant manner, we have drawn an expressive parallel with the banner and another disease massively associated with the pandemic.

Nevertheless, despite the predominance of evaluative neologisms encountered by us, it would be a mistake to believe that they are an exclusive component of political discourse. Nominative neologisms which objectively reflect the essence of new political realities seem to us no less important. The COVID-19 pandemic has given an incentive to nominative neologization. To illustrate an example of a nominative political neologism in usage and demonstrate the frequency rate of semes thereof, we have carried out the componential analysis of the political term "Vaccine nationalism" (definition taken from Collins Dictionary) as presented lower:

Vaccine nationalism

Word combination

the situation where a country tries to buy supplies of a vaccine before or instead of other, usually poorer, countries [<https://www.aljazeera.com/features/2021/2/7/what-is-vaccine-nationalism-and-why-is-it-so-harmful>][<https://www.collinsdictionary.com/submission/23326/vaccine+nationalism>]

Examples of usage:

This “vaccine nationalism,” in which countries prioritize their domestic needs at the expense of others, may have helped accelerate efforts to develop such drugs, but it is already showing its limits. [<https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/12/vaccine-nationalism-doomed-fail/617323/>]

Vaccine nationalism is killing us. We need an internationalist approach. [<https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jun/17/covid-vaccine-nationalism-internationalist-approach>]

This article offers a review of the emergent literature on ‘vaccine nationalism’ - the act of gaining preferential access to newly developed vaccines by individual countries - in the context of COVID-19, paying close attention to the complex relationships between the global public health crisis and globalization. [Zhou, 2021]

Vaccine + nationalism = vaccine nationalism (word combination, term)

Vaccine		
Dictionaries	Meaning 1 a substance that is put into the blood and that protects the body from a disease	Meaning 2 a preparation or immunotherapy that is used to stimulate the body's immune response against noninfectious substances, agents, or diseases
Merriam-Webster	1	2
The Oxford Learner's Dictionary	1	x
The Cambridge Dictionary	1	1
Collins English Dictionary	x	1
Average	0,75	1

CLM - a preparation or substance that is used to stimulate the body's protection against disease

DS1 - a substance that is put into the blood and that protects the body from a disease

DS2 - a preparation or immunotherapy that is used to stimulate the body's immune response against noninfectious substances, agents, or diseases

PS - 0

Nationalism		
Dictionaries	Meaning 1: The belief that a particular area/country should be separate and independent	Meaning 2: Love and pride for one's country coupled with sense of national superiority
Merriam-Webster	2	1

The Oxford Learner's Dictionary	1	2
The Cambridge Dictionary	2	1
Collins English Dictionary	1	2
Average	1,5	1,5

CLM– National pride

DS1 – Love and pride for one's country coupled with sense of national superiority

DS2- The belief that a particular area/country should be separate and independent

PS – 0

The denotational-significative macrocomponent of the lexical meaning of the word combination is “a preparation or substance used to stimulate the body's defenses against disease” and “National pride”. The connotational ones are “*a substance that is put into the blood and that protects the body from a disease*”; “*a preparation or immunotherapy that is used to stimulate the body's immune response against noninfectious substances, agents, or diseases*”; “*Love and pride for one's country coupled with sense of national superiority*” and “*The belief that a particular area/country should be separate and independent*”. No empiric macrocomponents were discovered during the research.

In Russian-language materials one may find the «вакцинный национализм» variant of translation, performed via lean translation method, as found in <https://tass.ru/obschestvo/9293471>. We express our agreement with the extant variant of translation due to its being full, equivalent and adequate to the original and preserving the expressivity, hence ridding translators from inventing own equivalents

Another example of a nominative neologism serving as a denotation of fresh political realia rather than means of expressivity is the neologism “Euroseptic”, found predominantly in British media and used as a reference to British politicians and voters opposing the United Kingdom's membership in the European Union and closer relations with its member countries per se. The componential analysis of this neologism carried out by us during the study is presented as below:

Euroseptic

Noun

a person, especially a politician, who opposes closer connections between Britain and the European Union [<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/euroseptic>]

Examples of usage:

1) *But despite criticism at home and abroad, the euroseptic PiS enjoys steady support among many Poles eager to hear its message of higher welfare, more Catholic values in public life and less dependence on foreign capital.* [<https://www.reuters.com/article/uk-poland-politics-idUKKBN1460BN>]

2) *EU leaders are relieved at the prospect of a victory for Macron, a pro-European centrist, in a run-off on May 7 against euroseptic far-right leader Le Pen.* [<https://apnews.com/article/marine-le-pen-ap-top-news-elections-france-paris-d53b11720137407ca1c8b7f665e5602c>]

Europe			
Dictionaries	Meaning 1: a continent/a part of the world lying to the west of Asia and to the north of Africa	Meaning 2: the European Union	Meaning 3: Continental Europe apart from the United Kingdom
Merriam-Webster	1	x	2
The Oxford Learner's Dictionary	1	2	3
The Cambridge Dictionary	1	2	3
Collins Dictionary	1	2	3
Average	1	1,5	2,75

CLM – Part of the world

DS1 – A part of the world to the west of Asia and to the north of Africa

DS2 – The EU

DS3 – Continental Europe apart from the United Kingdom

PS - 0

Skeptic		
Dictionaries	Meaning 1: a person doubting the truth of a belief or statement, an adherent of skepticism	Meaning 2: a person prone to skepticism towards religion
Merriam-Webster	2	1
The Oxford Learner's Dictionary	1	x
The Cambridge Dictionary	1	x
Collins Dictionary	1	x
Average	1,25	1

CLM – a doubting person, a disbeliever

DS1 – an adherent of skepticism, a person doubting the truth of a statement or a belief

DS2 – a person prone to skepticism towards religion

PS – 0

The denotational-significative macrocomponent of the lexical meaning of the word combination is *“The European Union”* and *“and adherent of skepticism”*. The connotational ones are *“a continent/a part of the world lying to the west of Asia and to the north of Africa”*, *“Continental Europe apart from the United Kingdom”*; *“a person prone to skepticism towards religion”*. No empiric macrocomponents were discovered during the research.

Based on our sample of neologisms of political discourse presented on the websites of English-language media, selected by us during the study, we can judge the predominance of pejorative

evaluation over reclamation in political neologisms, which allows us to conclude that they are predominantly critical in relation to hostile political realities. We also encountered neologisms-nominatives, the function of which is to state reality. Reclamation neologisms bearing a positive connotation and serving to positively characterize a phenomenon were not encountered by us during the study. When translating, special attention should be paid to the context of the use of the neologism, but do not place much hope on electronic dictionaries, since many new formations are simply absent in them, and then the non-alternative vocabulary will have to be translated by inventing an analogue on its own using its word-formative means, or explain it using descriptive translation.

Dictionaries

“Spravochnyj slovar' orfograficheskij, ehtimologicheskij i tolkovyj russkogo literaturnogo yazyka” / Sost. A. N. Chudinov, dir. Pernov. gimnazii. Vyp. 1—2. — SPb. : t-vo «KnigoveD». — 2 t.; 24. (Sankt-Peterburg, 1901);

<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/euroseptic>

<https://merriam-webster.com>

<https://oxfordlearnersdictionaries.com>

<https://www.collinsdictionary.com/submission/23326/vaccine+nationalism>

<https://www.wordsense.eu/rat-licker/>

Tolkovij slovar' inostrannykh slov L. P. Kryšina.- M: Russkij yazyk, 1998

Sources

<https://apnews.com/article/marine-le-pen-ap-top-news-elections-france-paris-d53b11720137407ca1c8b7f665e5602c>

<https://tass.ru/obschestvo/9293471>

<https://www.aljazeera.com/features/2021/2/7/what-is-vaccine-nationalism-and-why-is-it-so-harmful>

<https://www.nzherald.co.nz/nz/editorial-rat-lickers-and-covidiot-defy-covid-19-coronavirus-caution/DHWXITEDN6CLL27NT2V5MBK5ME/>

<https://www.reuters.com/article/uk-poland-politics-idUKKBN1460BN>

<https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/12/vaccine-nationalism-doomed-fail/617323/>

<https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jun/17/covid-vaccine-nationalism-internationalist-approach>

References

Budaev, E. V. & Chudinov, A. P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika (Modern political linguistics) [electron. resource]. - Access mode: <http://philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.html> (date of application: 12.10.2010).

Buysens, E. (1943) Les langages et le discours. — Bruxelles. <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf21>.

<https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-otsenocnosti-i-adresovannosti-v-anglijskih-gazetnyh-statyah/viewer>

Il'jasova, S. V. (1999) Novy`e realii obshhestvenno-politicheskoy zhizni i ixotobrazhenie v innovaciyax (na materiale innovacij koncza XX v.) / S. V. Il'jasova // Filologiya i kul`tura : materialy` mezhdunar. konf. / red. N. N. Boldy`rev. — Tambov. (in Russia)

Morris, C. W. (1938). Foundations of the theory of signs. In O. Neurath, R. Carnap, & C. W. Morris (Eds.), International encyclopedia of unified science (pp. 77–138). Chicago, IL: University of Chicago Press.

- Newmark, Peter. (1981). *Approaches to Translation*. Oxford: Pergamon Press. - Nida, Eugene A. 1964. *Toward a Science of Translating*. Leiden. E.J. Brill, pp. 1-2, 82. - Nida, E and Taber, C. 1969. *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: E.J. Brill.
- Ob`yasnenie 25 000 inostranny`x slov, voshedshix v upotreblenie v russkij yazyk`s oznacheniem ix kornej» — Mixel'son A.D., 2, 718 s.. Izdano: (1865)
- Schwartzberg, R-G. (1992) *Political sociology: In 3 parts / Trans. from Fr. - M.* (in Russia)
- Smirnova, L.G. (2013) *Leksika russkogo yazyka s ocenochnym komponentom znacheniya: sistemnyj i funkcional'nyj aspekty. Avtoreferat dis. ... dokt. filol. nauk. Smolensk: Smolenskij gosudarstvennyj universitet.* (in Russia)
- Solganik, G.Ya. (2007) *The language of modern journalism / G.Ya. Solganik. - M.: Nauka.* (in Russia).
- Van Dijk, T. *Critical Discourse Analysis [electron. resource]. - Access mode: <https://www.discourses.org/> - (Accessed: 26.07.2010).*
- Van Dijk, T.A. (1989a) '*Social Cognition and Discourse*', in H. Giles and R.P. Robinson (eds) *Handbook of Social Psychology and Language*, pp. 163-183. Chichester: Wiley.
- Yanqiu Rachel Zhou (2021): *Vaccine nationalism: contested relationships between COVID-19 and globalization*, *Globalizations*, DOI: 10.1080/14747731.2021.1963202 To link to this article: <https://doi.org/10.1080/14747731.2021.1963202>

UDC 37.022

A. DELVA

North-West Institute of Management
branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
St Petersburg, Russian Federation

ONLINE TECHNOLOGIES USED FOR TRAINING TRANSLATORS IN THE CENTRE FOR INNOVATIVE EDUCATIONAL PROJECTS AT ST PETERSBURG STIEGLITZ STATE ACADEMY OF ART AND DESIGN

Since 2017 the Centre for Innovative Educational Projects at St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design has been training students at the program 'Translator in the field of professional communication'. Students mastering artistic professions are given a unique opportunity to study translation in the field of the History of Arts. Going online in March 2020 the program attracted students from other art universities. Teachers working at the Centre have mastered remote platforms for lecturing and teaching, began to actively use materials from the Internet: the electronic antique magazine *Antiques Info*, the English-language news resource *Artnet*, the website of the Metropolitan Museum of Art (MOMA), electronic catalogs of exhibitions and expositions. Presenting final translations online proved to be an interesting experience. In 2021 specialists were presented with the translation of the book by H.C. Bainbridge 'Faberge. Goldsmith and Jeweller to the Russian Imperial Court' never translated into Russian before. The online format of the final translation presentation made it possible to acquaint a wide range of art historians with the work done by the students of the Centre and revealed their huge interest to foreign literature in the field of art history.

Key words: professional communication, English for special purposes, History of Arts, Art Academy, written and oral translation

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ЦЕНТРЕ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ СПГХПА ИМ.А.Л.ШТИГЛИЦА

Центр инновационных образовательных проектов Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица с 2017 года проводит обучение по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Студентам академии предоставляется уникальная возможность освоить новый вид профессиональной деятельности: письменный и устный перевод в области искусствоведения. С переходом в марте 2020 года в дистанционный формат программа приобрела новых студентов за счет привлечения слушателей из других художественных вузов. Преподаватели, работающие в ЦИОП, освоили дистанционные площадки ведения лекционных и практических занятий, стали активно использовать материалы из сети Интернет: электронный антикварный журнал Antiques Info, англоязычный новостной ресурс Artnet, сайт музея Метрополитен (МОМА), электронные каталоги выставок и экспозиций. Интересным опытом стала защита дипломных переводов в онлайн формате. В 2021 году в качестве коллективной дипломной работы слушателей программы ДПО был представлен перевод книги Г.Бейнбриджа «Фаберже - ювелир русского императорского двора», ранее не переведившейся на русский язык. Дистанционный формат защиты перевода позволил познакомить широкий круг искусствоведов с проделанной слушателями работой и выявил огромную заинтересованность специалистов в переводе иностранной литературы в области искусствоведения.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, английский язык для специальных целей, История искусств, Академия искусств, письменный и устный перевод

In May 2017, the first All-Russian Scientific and Practical conference ‘Common Educational Environment in the Field of Art and Design as a Factor in the Formation and Upbringing of Creative Personality’ was held at Stroganov Moscow State Academy of Art and Design. It outlined the main trends for the development of art education in Russia. Stieglitz Academy in St. Petersburg, along with Stroganov Academy in Moscow, sets a high level in the field of training art specialists. New trends are being implemented in art history education so that it focuses ‘on interdisciplinary research, including not only classical art studies, but also material science, archaeology, cultural anthropology, art criticism, knowledge of foreign languages’ [Palaguta, 2017].

Since 2017, the Center for Innovative Educational Projects of St. Petersburg State Stieglitz Academy of Arts and Design has been conducting training under the program ‘Translator in the field of professional communication’, where students receive communication and critical thinking skills in a foreign language, learn to solve professional problems in the field of translation and interpretation. Specialists in the field of art and culture are given a unique opportunity to master a new type of professional activity: translation and interpretation in the field of art history and art criticism. Various disciplines of the program enable the students to accumulate extensive linguistic experience, enrich vocabulary in the professional field and develop translation skills.

Going online in March 2020 the program continued to exist moreover it acquired new students by attracting external participants from other art universities. Teachers working in the Center

have mastered distant platforms for conducting lectures and practice classes, began to actively use Internet resources.

The basis of the translators' training program is traditionally formed of disciplines related to the study of translation and interpretation: theory of translation, practical course of written translation, fundamentals of oral interpretation. The textbook on the translation of texts on art criticism 'Interpreting Art' published by the teachers of the Center for Innovative Educational Programs is based on authentic texts that do not have published translations. The structure of the manual makes it possible to use it both in class while studying translation and working on your own.

The students of the program found it convenient to master oral interpretation online and it was decided to leave this format as the main one. Using English-language podcasts about art, resources of the world's largest museums (virtual tours, talks on art history topics), lectures in the TED talks and TED-ed format, teachers have created a library of authentic video and audio materials that are in demand both with future translators and with undergraduates taking the Art Business program.

Along with the disciplines connected with translation students of the program 'Translator in the field of professional communication' study the subject called 'Foreign language in international art business', within which the English terminology of modern art criticism is mastered.

Researches made by both domestic and foreign scientists indicate an increasing need to teach a 'professionally-oriented' foreign language, or a 'foreign language of the profession' [Polyakov, Ilyina, Petrova, 2019]. However, unlike Sciences some fields of Humanities do not have their own terminological apparatus. Art criticism, for example, has borrowed terms from history, philosophy, disciplines of the art cycle, material science, restoration, etc. The sublanguage of art criticism is considered to be artspeak, the language of art criticism, which is an important, but rather narrow field of activity. Modern creative industries are developing so rapidly that the 'foreign language of the profession' in art criticism changes every year. If we consider a modern art critic as a specialist in the field of art business, a marketer and a curator, it is very difficult to limit the range of terms that may be needed in his future work. Teachers of the Center actively use the British electronic antique magazine Antiques Info, the English-language news resource Artnet, the Metropolitan Museum of Art (MOMA) website, electronic catalogues of exhibitions and expositions.

Students of the program master the lexical and grammatical features of artspeak using examples of various texts on art criticism. The main attention is paid to the basic vocabulary that is used to describe a work of art, grammar structures characteristic of an art criticism text (passive constructions, verbal forms) are also studied. It is not uncommon to come across quotations, both widely known and not translated into Russian. Using of different variants of translation students draw conclusions about the peculiarities of translating quotations and the use of citations in translated texts.

With the help of the MOMA (Museum of Modern Art, New York) through the educational resource Art Speaks, the educational and entertainment functions of the museum, the role of digital technologies in modern museum practice are examined. Along with the development of listening skills, students learn to select and summarize the necessary information for further use in their own translation work.

The presentation of translation practice has been held online since 2020. The main task of the students is to make and present a virtual tour of St. Petersburg in English. In 2021 the topic was 'Petersburg by Faberge'. Specialists of the Committee for Tourism, art guides working in the leading museums in St Petersburg were invited to online presentation.

Online presentation of final translations proved to be an interesting experience. Traditionally, a monograph in English in the field of art history, which has not been translated into Russian before and is of particular interest to art historians, is chosen for the final translation. In 2019 Camilla Gray's book 'The Russian Experiment in Art' was collectively translated, and in 2020 it was Robert Williams' book 'Russian Art and American Money'. The texts translated by students

are used for mastering the skills of professionally-oriented translation, editing and reviewing of texts. The students learn to work with Russian proper names, geographical names and idioms that have been reinterpreted by English-speaking art historians, and create parallel texts used in the Art Business program.

In 2021 the translation of the book by H.C. Bainbridge 'Peter Carl Faberge. Goldsmith and Jeweller to the Russian Imperial Court' was presented as a collective work of the students. Presenting it online made it possible to acquaint a wide range of art historians with the translation and revealed the great interest of specialists to the translation of foreign literature in the field of art criticism.

The translators' training program held by the Center for Innovative Educational Programs of the Stieglitz Academy offers a unique set of disciplines many of which are taught using online technologies. A practice-oriented approach introduced into the learning process through the acquisition of knowledge necessary for future work is the main component of creative thinking and a determining factor in the process of forming a creative personality. Learning foreign languages within the framework of a practice-oriented approach will help specialists of any art trade in obtaining a competitive profession.

Sources

Camilla Gray *The Russian Experiment in Art (1863-1922)*. London: Thames & Hudson Ltd, 1986.

Robert C. Williams *Russian Art and American Money (1900-1940)*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1980.

Henry Charles Bainbridge *Peter Carl Faberge. Goldsmith and Jeweller to the Russian Imperial Court*. London: The Hamlyn Publishing Group Ltd, 1966.

References

Palaguta, I. V. (2017) *Art as the Basic Element of National Identity and Problems of Development of Art Education in Modern Russia// Common Educational Environment in the Field of Art and Design as a Factor in the Formation and Upbringing of Creative Personality: Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference*, Moscow: Stroganov Moscow State Academy of Art and Design Publ. pp. 75-80 (in Russian).

Polyakov, O. G., Ilyina, O. K. & Petrova, A. A. (2019) *Competence-Based approach to Teaching Professional Foreign Language to Master Degree Seekers //Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. Tambov: Gramota Publ, Vol. 12, no 5. pp. 403-408 (in Russian).

UDC 372.881.161.1

E. DENISENKO

The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry
Moscow, Russian Federation

TYPOLOGY OF RELEVANT READING EXERCISES IN AN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE COURSE IN MODERN

The article is devoted to an overview of reading exercises developed at the present stage and regularly repeated in the manuals published in the last decade by the publishing house Russian language. Courses for learners of Russian as a foreign language. On the basis of an integrated approach using descriptive, comparative and interpretive methods, the types of tasks are systematized based on the criteria of relevance, and traditional and innovative exercises are

highlighted. It is noted that the tasks in the manuals correspond to the psychological mechanisms of text interpretation - forecasting and understanding the information received in the text, analysis or elements of analysis of the language design and structure of the text, means of communication. The article identifies pre-text, pre-text and post-text exercises and, in their composition, introductory, training and search tasks. Particular attention is paid to the analysis of exercises that improve the quality of speech, which form various aspects of communicative language competencies. The tasks of the lexical and grammatical content are determined as the most common ones. Based on the provision that students must have competent oral and written speech and perceive information in a complex, analyzing the connections between different texts, the article proposes a system of reading tasks when teaching all levels of proficiency in Russian as a foreign language develop the text understanding mechanism and critical thinking.

Key words: educational literature, exercise, reading, text, Russian as a foreign language.

Е. Н. ДЕНИСЕНКО

Дипломатическая академия МИД РФ
Москва, Российская федерация

ТИПОЛОГИЯ АКТУАЛЬНЫХ УПРАЖНЕНИЙ ПО ЧТЕНИЮ В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ

Статья посвящена обзору упражнений по чтению, которые сложились на современном этапе и регулярно повторяются в пособиях, опубликованных в последнее десятилетие издательством "Русский язык". Курсы для изучающих русский язык как иностранный. На основе комплексного подхода с использованием описательных, сравнительных и интерпретационных методов типы заданий систематизированы на основе критериев актуальности, а также выделены традиционные и инновационные упражнения. Отмечается, что задания в пособиях соответствуют психологическим механизмам интерпретации текста - прогнозированию и пониманию информации, полученной в тексте, анализу или элементам анализа языкового оформления и структуры текста, средствам коммуникации. В статье выделяются предтекстовые, предтекстовые и послетекстовые упражнения и, в их составе, вводные, обучающие и поисковые задания. Особое внимание уделяется анализу упражнений, повышающих качество речи, которые формируют различные аспекты коммуникативных языковых компетенций. Задачи лексического и грамматического содержания определены как наиболее распространенные. Исходя из положения о том, что учащиеся должны владеть грамотной устной и письменной речью и воспринимать информацию в комплексе, анализируя связи между различными текстами, в статье предлагается система заданий на чтение при обучении всем уровням владения русским языком как иностранным для усиления действия механизма понимания текста и развития критического мышления.

Ключевые слова: учебная литература, упражнение, чтение, текст, русский язык как иностранный.

Introduction

Reading in the system of teaching Russian as a foreign language occupies a significant place, first of all, because it does not imitate, but reproduces one of the forms of real communication, being a technology of intellectual development and a means of solving pressing problems. The role of reading to identify, actively process and realize semantic information is also acquiring special significance in the course of teaching RFL. When studying a foreign language, reading makes it possible not only to indirectly communicate with the author, to receive aesthetic pleasure, etc., but also to activate the existing vocabulary [Nation, 2006], to decode the

information contained in the text, to develop speech, to understand and perceive foreign culture, and, therefore, successfully master a foreign language [Brown, 1977].

In modern educational literature for teaching Russian as a foreign language, a system of relevant and effective reading exercises has developed, which includes elements of both traditional and author's innovative orientation. The issue of the relevance of exercises in teaching a foreign language, including Russian as a foreign language, is considered in many works, among which the works by V.V. Dobrovolskoy [Dobrovolskaya, 2017], T.L. Revyakina, V.V. Schura and N.V. Fedotova [Revyakina, Shchur, Fedotova, 2013], A.N. Shchukin [Shchukin, 2020], other authors [Williams, 1983; Weninger, 2018, etc.]. To determine the need to introduce reading exercises in a foreign (Russian) language into the educational process along with traditional requirements (the presence of text analysis, including questions on understanding the content, main idea, means of imagery, assessment of actions, character of characters, expression of one's own opinion, etc.) Based on the recommendations of the Common European Framework of Reference for Languages [North, Piccardo, Goodier, 2018], additional criteria for their relevance were identified:

- the basis of any reading exercise is a text, which is almost the main informational foreign language material, therefore an important indicator of the relevance of educational exercises is the text - its informativeness, socio-cultural content - content and cognition, authenticity, accessibility, adequacy of linguistic means corresponding to the time, goals, objectives of teaching at a certain stage of language learning;

- an indicator of the relevance of the exercise should be considered the possibility of its use in distance learning, individualization of training, in dialogue, group study of a foreign language;

- as the researchers write, reading is inseparable from literacy, which is understood as "a person's ability to read, understand and write a text; it is a set of ideas and beliefs regarding the use of oral and written speech, which are established in the course of a person's socialization in a particular cultural society " [Dainbner, 2018, p. 104]. Thus, the relevance of the exercise is directly related to the formation of the so-called. general literacy;

- reliance on the native language and culture is one of the indicators of the relevance of an exercise aimed at applying the knowledge of the student of RFL to text information to activate the student's text comprehension skills;

- the relevance of the exercise is reflected in the ability to develop other types of speech activity in the student, to improve the skills of speaking and understand the content and values of another culture;

- the relevance of the exercise lies in the psychological attitude to the process of comprehension of reading by students, to understanding the text;

- recommendations of the "Common European Framework of Reference for Languages", studies on the study of a foreign language give reason to consider the focus of exercises on the formation of fluent reading as relevant [North, Piccardo, Goodier, 2018; Anderson, 2008]

At the present stage, it is important that future specialists not only be fluent in oral and written Russian, but also be able to perceive information in a complex, analyze the connections between various texts.

In the methodological literature on teaching Russian as a foreign language, the types of reading exercises are highlighted [Shchukin, 2018; Khavronina, Balykhina, 2008.]. In our opinion, one of the complete classifications is presented in the textbook "Uchimsya učit" by A.A. Akishina and O.E. Kagan [Akishina, Kagan, 2014. P.108-117], in which the relevant types of exercises are highlighted, their relevance and necessity for the formation of communicative speech competencies are proved. The innovativeness of reading exercises is usually associated with the use of new technologies, among the most in demand at the present stage are those that correspond to the challenges of today: online technologies, methods of distance and e-learning, Internet opportunities [Laposhina, 2020; Akishina, Tryapelnikov, 2015; Bloom, Ryazantseva, 2018. ; Vokhmina, Kuvava, 2019, etc.].

Despite numerous studies in the field of teaching reading in the course of Russian as a foreign language, modern approaches, techniques and tools for the formation of communicative language competence in students, reflected in the tasks of modern reading aids, have not been sufficiently considered. The relevance of the study also lies in the fact that existing reading aids, often using traditional forms and content of exercises, are aimed at reproducing standard tasks. Selecting and designing relevant and effective exercises is often a challenge for manual authors. The aim of this work is the classification and systematization of reading exercises in modern textbooks on Russian as a foreign language.

The objectives of this article are to identify the most typical and repetitive sets of exercises that are found in modern educational literature, as well as to determine the types of exercises that are less frequent at the present stage, but no less relevant.

Methods

The article uses a comprehensive method for studying reading exercises. The analysis of the exercise system is carried out using descriptive and comparative methods of linguistic research. The data interpretation method allows for a reasoned classification of reading assignments. The basis for the typology of exercises is competence-based, communicative, sociocultural approaches. As the research material, we used materials from some of the materials published in the last 10 years by the publishing house Russian language. Courses of modern textbooks, teaching aids and teaching materials on Russian as a foreign language: Baryshnikova N.N., Zavyalova O.S. Chitaem Chekhova – govorem po-russki: uchebnoe posobie po chteniyu dlya inostrancev, izuchayushchih russkiy yazyk, 2013. 136 s.; Belyakova M.N., Varlamova N.V. Krugovorot: rasskazy sovremennyh russkih pisatelej: posobie po chteniyu dlya inostrancev, 2021. 184 s.; Brainina T.D. Chitaem o Rossii: posobie po chteniyu dlya inostrannyh uchashchihsya, 2021. 112 p.; Elistratov V.S., Ruzhitskiy I.V. Neobychnye rasskazy o neobychnyh muzeyah. Russkaya kul'turnaya pamyat': uchebnoe posobie dlya inostrannyh uchashchihsya, 2020. 240 p.; Eremina N.A. i dr. Seriya «Klass!noe chtenie, 2014-2020; Kuz'minova E.A., Ruzhickij I.V. Russkaya proza – XXI vek: hrestomatiya dlya izuchayushchih russkiy yazyk kak inostrannyj, 2021. 200 p.; Novikova N.S., Ponyatkina T.P. Vy ne poverite! 2016. 136 p.; Pareckaya M. E., SHestak O. V. Russkie etyudy: posobie po chteniyu s zadaniyami i kommentariyami, 2017. 160 p.; Potapurchenko Z. N. i dr. Seriya «Puteshestviem po Rossii», 2012-2013; Ruzhickij I. V., Evthieva A. G. Sovremennaya russkaya proza – XXI vek (vyp. I): hrestomatiya., 2009. 376 p.; CHubarova O. I. i dr. SHkatulka. Kniga dlya chteniya, 2013. 144 p.; 2014. 224 p.; YUshmanova S. I., Abdalyan I. P. CHitaem A. S. Pushkina. Pikovaya dama, 2016. 112 p.

The choice of educational and methodological literature is due to several reasons:

- materials from textbooks, teaching aids and teaching materials are used at 4 stages of training to achieve certain levels of proficiency in Russian as a foreign language - the level of survival (A1 - Series " Klass!noe chtenie "), pre-threshold level (A2 - Series " Klass!noe chtenie " , " SHkatulka", "SHkatulochka"), the threshold level (B1 - "Russkie etyudy", Seriya "Puteshestviem po Rossii", "CHitaem o Rossii "), the threshold advanced level (B2 - " CHitaem CHekhova – govorem po-russki", "Krugovorot: rasskazy sovremennyh russkih pisatelej", "Neobychnye rasskazy o neobychnyh muzeyah", "Russkaya proza – XXI vek", "Vy ne poverite! ", "CHitaem A. S. Pushkina "). Therefore, the exercises are aimed both at teaching speech technique and are an integral part of teaching oral and written Russian speech, including listening comprehension, visual awareness, through associative connections, based on the dialogue of cultures;
- educational materials involved for analysis are based on the transmission of Russian-language culture in cognitive, developmental and educational aspects;
- all the materials used set themselves, directly or indirectly, one goal - the development of communicative competencies based on the formation of linguistic, educational, cognitive, socio-cultural skills;

- materials of textbooks, teaching aids and teaching materials are a priori oriented to work using modern technical means - audio, video, multimedia;
- the presented textbooks, manuals comply with the principles of accessibility, consistency, increasing difficulty in learning to read [Eason, 2012], and are based on activity and personality-oriented approaches;
- textbooks involved for consideration perform the main tasks of a foreign language text: enrichment and expansion of students' knowledge, study of lexical and grammatical material, development of oral speech, development of understanding of a foreign language.

This paper does not analyze reading exercises offered in electronic textbooks and manuals. This is due, first of all, to the fact that in the vast majority in the domestic educational practice so far, PDF-formats of printed publications are offered as an electronic textbook, often with the addition of video materials and formal test tasks. Textbooks on Russian as a foreign language created in Russia and the United States require separate consideration [Mangus, 2019; Kudyma, Frank, Miller, Kagan, 2015; Rifkin, Kagan, Yatsenko, Borisov, 2007; Lubensky, Odintsova, Paperno, 2011; Kagan, Akishina, Robin, 2002]. The materials presented on the Internet sites and online resources that simulate the language environment are actively used by users, but they are constantly updated and transformed, as the search for the most optimal forms and means of teaching is underway. Researchers note the absence of a unified and generally accepted system for assessing the effectiveness of their use so far [Azimov, 2020, p. 41].

Discussion

The Russian-language text in most textbooks and manuals is studied in the traditional way: at the pre-text stage, language and semantic difficulties for students are analyzed, an introduction to the problem is carried out and a communicative task is declared; in the text period, direct reading of the text takes place and in its process reading training; the post-text stage includes control of comprehension, discussion of the text and training in the transformation of information received in the text. Such reading work contributes to the development / improvement of the skills of oral and written speech, the interchange of the studied and studied material, the consolidation and correction of speech skills.

Exercises, thus, are classified into pre-text, text or text-based and post-text tasks. Pre-text exercises activate the student's thinking apparatus and direct him towards the future understanding of the text, identify possible difficulties of perception and explain the educational intention or task when reading the text [Assessing the Cognitive Demands, 2015; Liebfreund, 2015].

In all the textbooks and manuals under consideration, in the pre-textual exercises, identical tasks are noted in different interpretations: "guess what the text is about by the title", "read the title and say what will be discussed in the text", "read the title and determine about what will be the subject of the text".

In the analyzed textbooks, the pre-text tasks are monolingual according to the method of execution, aimed at the formation of lexical skills. Before reading the text, students are invited to complete tasks of the following nature:

1. Find the same root words. Make sentences with these words.
2. Find words and expressions that are close in meaning [Chubarova, 2013, Chubarova, 2014], [Elistratov, Ruzhitsky 2020].
3. Choose the antonyms for the words [Belyakova, Varlamova, 2021].

Bilingual pre-text tasks aimed at developing lexical skills are contained in a limited number of reading aids designed to form aspect lexical skills in Russian as a foreign language [Yushmanova, Abdalyan, 2014, 2016].

A set of pre-text exercises in the manuals by S. I. Yushmanova and I. P. Abdalyan is aimed at developing grammatical, phonetic and lexical skills. "CHitaem A. S. Pushkina. Kapitanskaya dochka" i "CHitaem A. S. Pushkina. Pikovaya dama" [Yushmanova, Abdalyan, 2014, 2016] on reading adapted fiction texts of Russian classics by authors:

1. Write a word formation.

2. Memorize and translate prefixed movement verbs.

3. Find the same root words.

All tasks are aimed at ensuring that students can avoid lexical and grammatical difficulties and correctly understand the content of the work. Pre-text tasks aimed at practicing phonetic skills are rare, especially in textbooks designed for a level of language proficiency above B1. Students are often encouraged to complete exercises that introduce them to new vocabulary.

In isolated cases, if students speak Russian at level B1 and above, it is proposed to answer questions based on students' credit knowledge [Yushmanova, Abdalyan, 2016] in order to tune students to the correct interpretation of the text.

Before reading the text, also in isolated cases, work is underway on the formation of grammatical aspect skills [Yushmanova, Abdalyan, 2014].

No reading aid is complete without pre-text assignments, formulated as follows:

1. Select / find synonyms.

2. Select / find antonyms.

3. Explain the phraseological unit / replace the phrase with synonymous.

In all the textbooks, the text stage of teaching Russian reading in the RFL course is marked by the presence of exercises aimed at the subsequent understanding of the text, checking the formation of language competence, based on credit knowledge and skills, the possibility of its improvement. Obtaining information and transforming the text is carried out using typical exercises: a) for folding the text (for example, "shorten sentences by excluding words, phrases, sentences, fragments of text with unimportant or secondary information"); b) reconstruction of the text (for example, "create a shortened version of the text"); c) on the interpretation of the text (for example, "replace the marked words with synonyms / antonyms and indicate what has changed in the text"), etc. Text exercises in the materials under consideration can be both before and after the text.

Testing the understanding of the text, monitoring the level of formation of reading skills takes place in the post-text period. Post-text exercises are a set of tasks aimed at the formation of lexical and grammatical aspect skills of students. Tasks are needed both for the learners to understand the content of the read text, and for the teacher to control the understanding of the content of the text by the learners. To control the reading, it is proposed to answer questions to check the general understanding of the content of the text and the ability to find explicit information, expressed verbally, but located in one or several sentences in different places in the text. Also, tests with a closed choice of answers are used for control. A similar set of exercises has been actively used since 2010. and has not lost its relevance to this day [Potapurchenko, 2012-2013, Baryshnikova, Zavyalova, 2013, Belyakov, Varlamova, 2021].

In all the textbooks and manuals under consideration, similar tasks are recorded:

- select a heading for each of the paragraphs of the text;
- divide the text into parts and choose a heading for each;
- how many parts can be highlighted in the text;
- highlight in each part sentences or phrases that convey the main content;
- from all headings, choose the one that best reflects the main idea of the text;
- make a plan for the text and under.

The most common post-text exercises are transformational and substitutional tasks [Eremina, 2014-2020, Brainina, 2021, Paretskaya, Shestak, 2017]. Lexico-grammatical exercises are related to grammatical topics included in the level of Russian language proficiency for which the manual is intended. For example, in the series "Klass!noe chtenie" [Eremina, 2014-2020], the complex of post-text tasks is related to topics traditionally studied at levels A1-A2. These are topics such as "Cases of nouns and pronouns", "Types of verbs", "Verbs of motion", "Complex sentences". The tasks are formulated as follows:

1. Choose the correct case form.

2. Select the perfect or imperfective verb, cross out the incorrect option.

3. Choose the correct use of prefixed verbs of motion.

4. Choose the correct way to use reflexive verbs.

There are single tasks aimed at the ability to distinguish between facts and fiction, facts and opinions, and tasks that contribute to the development of the ability to extract implicit information, i.e. subtext information [Chubarova, 2014].

Lexico-stylistic exercises are present in reading anthologies on modern Russian literature [Ruzhitsky, Evtikhieva, 2009; Kuzminova, Ruzhitsky, 2021].

In the manuals for foreign students, published in 2020-2021, designed for the level of language proficiency B2 and above, there are linguistic and cultural commentaries, interpretations of cultural and national realities [Elistratov, Ruzhitsky, 2020; Kuzminova, Ruzhitsky, 2021]. Despite the fact that stylistic comments are in the reading manuals, tasks related to the analysis of the means of expressiveness of the text are not recorded in the reading manuals for general knowledge of Russian as a foreign language at the present stage.

Post-text exercises are mainly orienting and controlling in nature, in terms of content, filling the material they are language tasks, in terms of types of educational activities - introductory, training and search. This is due to the fact that repeated repetition of new vocabulary allows you to expand the vocabulary of students, and the contextual conditioning of the use of grammatical structures makes the performance of these tasks more effective. In this regard, at the present stage, there is a tendency to "equip" reading aids with the maximum set of exercises [Brainina, 2021; Belyakova, Varlamova, 2021], in contrast to the publications of previous years [Novikova, Ponyatkina, 2016].

Speech exercises, which form communicative qualities, aimed at the practical assimilation of the material, at the development of students' dialogic speech skills, are transitional from preparatory to creative:

1. Replace direct speech with indirect.
2. Convey the content of the dialogue in your own words.
3. Make up similar dialogues.
4. Restore the dialogue.

One of the final tasks, which allows to develop skills and abilities in dialogic and monologue speech of students of Russian as a foreign language, are personality-oriented tasks-questions that contribute to the formation of doctrines to critically interpret the text:

1. What do you like?
2. How do you feel about ...?

In the benefits 2020 - 2021. [Belyakova, Varlamova, 2021] creative tasks appeared:

1. Role out the dialogue.
2. Create / complete the story.
3. Tell us about an incident from your life.

Tasks related to checking the ability to name the type of book, where the text is taken from, its type, genre, are rare [Belyakova, Varlamova, 2021].

Reading exercises in manuals directly or indirectly contribute to the development of fluent reading skills that contribute to the development of communicative competence [North, Piccardo, Goodier, 2018; Veenendaal, 2015].

It should be noted that in the reading manuals for general knowledge of Russian as a foreign language:

- no exercises were identified that focused on the ability to name the subject area and related topics for discussion in a broad context;
- no tasks were identified, aimed at testing the ability to name the type of book, where the text was taken from, its type, genre;
- tasks for the formation of the ability to name a subject area and topics related to the text for discussing the text in a wide context were not recorded.

Results

The tasks most frequently encountered in the considered reading materials in Russian as a foreign language can be divided into four groups:

1. The first group of tasks is focused on:

- to check the general understanding of the content of the text;
- on the ability to name the time or place of action, heroes and other characters mentioned in the text;
- the ability to find information given in an explicit form, located in one or more sentences in different places in the text;
- the ability to restore information gaps.

Such tasks are most often recorded in reading manuals.

2. The second group of tasks, aimed at the ability to formulate their impressions and explain them, to confirm judgments with examples from the text and personal experience, is traditionally present as final, final exercises in textbooks on Russian as a foreign language.

3. The third group of tasks - conceptual questions that test the ability to determine the topic, the main idea of the text, idea and problem, as well as the sequence of thoughts and details. These exercises define general and specific understanding of the text and take the form of open and closed choice tests.

4. The fourth group of tasks, aimed at the ability to distinguish between facts and fiction, facts and opinions, is less frequent, but is regularly present in reading aids in the form of tasks "Mark sentences where the truth is written and where it is not true."

Tab. 1

1. Exercises for general and specific understanding of the content of the text	2. Exercises to form and test the ability to formulate your impressions and explain them, confirm judgments with examples from the text and personal experience	3. Conceptual questions defining general and specific understanding of the text (tests)	4. Exercises to form and test the ability to distinguish between facts and fiction, facts and opinions
Chubarova, 2013			
Chubarova, 2014			Chubarova, 2014
Elistratov, Ruzhitsky, 2020	Elistratov, Ruzhitsky, 2020		Elistratov, Ruzhitsky, 2020
Belyakova, Varlamova, 2021	Belyakova, Varlamova, 2021	Belyakova, Varlamova, 2021	Belyakova, Varlamova, 2021
Yushmanova, Abdalyan, 2014	Yushmanova, Abdalyan 2016		
Yushmanova, Abdalyan, 2016	Yushmanova, Abdalyan, 2016		
Baryshnikova, Zavyalova, 2013		Baryshnikova, Zavyalova, 2013	Baryshnikova, Zavyalova, 2013
Potapurchenko, 2012-2013		Potapurchenko, 2012-2013	
Eremina, 2014-2020			
Brainina, 2021	Brainina, 2021		Brainina, 2021
Paretskaya, Shestak, 2017			
Ruzhitsky, Evtikhieva, 2009	Ruzhitsky, Evtikhieva, 2009		Ruzhitsky, Evtikhieva, 2009
Kuzminova, Ruzhitsky, 2021	Kuzminova, Ruzhitsky, 2021		Kuzminova, Ruzhitsky, 2021
Novikova, Ponyatkina, 2016			

If the tasks of the first group are recorded in all the textbooks under consideration, then the exercises of the second and fourth groups are mainly inherent in those books that form the level of Russian language proficiency B2. Noteworthy is the fact that the test check, despite its widespread use, is not actively represented in the system of reading exercises. The tasks of all groups are to one degree or another based on newly acquired or credit knowledge of the lexical and grammatical system of the Russian language.

It should be stated that all the materials under consideration, when designing exercises, take into account the psychological foundations of understanding, perception and transformation of the text. The authors of the manuals, deeply aware of the process of teaching reading, the stage of understanding begins with a forecasting mechanism and, in accordance with modern trends, practically do not use tasks that practice translation into their native language. The pre-text exercises activate those students' credit knowledge, which are necessary in the preparation of each level of language proficiency, which is reflected in the tasks of almost all the textbooks under consideration. The same applies to working with text headings. All textbooks fully present lexical and grammatical exercises in pursuance of the leading position of the methodology for teaching foreign languages - teaching vocabulary and morphology on a syntactic basis. Students are also offered to work with dictionaries. Post-text exercises include, in written and oral form, both tasks for semantic comprehension of the text, and linguistic, and in the process of learning at the B2 level, elements of the philological analysis of the text. In addition to the controlling function, the exercises in all the manuals are also aimed at expanding the knowledge of students by obtaining additional information in the development of communication skills based on the proposed methodological techniques for interpreting the text (work in pairs, group, mini-discussion, mini-project, etc.).

Less often, in the materials under consideration, there are tasks for the formation of skills in expressing personal opinions about events, phenomena, characters, language features, and other text. Controlling conceptual questions with a choice from a variety of options, tasks for transformation, restoration, transformation of the text, creative tasks are insufficiently presented in the manuals.

Conclusion

In the list of sources offered for studying Russian as a foreign language, reading materials occupy a large place. Consideration of the materials proved that, despite the declared innovativeness, the tasks are formed on a traditional basis. They meet the criteria of relevance and efficiency, can be used when learning conditions change (for example, when switching to distance learning), rely on indicators of the modern Russian language (vocabulary, grammar, ethnolinguistic markers, etc.), take into account the psychological mechanisms of reading (including "from simple to complex", forecasting, comprehension, transformation of information, etc.). Despite the fact that the materials of textbooks, teaching aids and teaching materials are used to form different levels of language proficiency (from A1 to B2), the formulation of tasks with a difference in the complexity of the lexical and grammatical components is built in the same way. In the system of exercises in all manuals, tasks are recorded for the formation and improvement of such communicative qualities of speech as richness and expressiveness - exercises of a lexical and stylistic nature. The use of exercises in a complex will ensure the improvement of students' communicative qualities of speech, primarily the correctness, accuracy, consistency and purity of Russian speech [Levacheva, 2018, p. 103-106]. It is at the development of these qualities that lexical and grammatical tasks are directed, questions for complete and private understanding of the text.

The inclusion of tasks in the set of reading exercises aimed at the ability to discuss and find topics related to the text makes it possible to develop and improve students' skills in synthesizing and analyzing information. The exercises under consideration are a resource that the teacher not only uses, but also improves and complements. So, in our opinion, it would be advisable to include exercises in the system of pre-text tasks when teaching all levels of language proficiency

in order to enhance the action of the text understanding mechanism and develop critical thinking: a) dividing the semantic and linguistic elements of the text into fields, groups, and other categories; b) to supplement unfinished phrases, sentences; c) to correct the proposed constructions, etc. The post-text exercises presented in the materials under consideration could be supplemented with tasks: a) to correct the obviously incorrect text passages; b) for the restoration of the text (filling in missing words, clichés); c) to transform the text (for example, from printed form in gesture, video sequence, etc.); d) for the construction of semantic graphic cards; e) for direct and reverse translation (work on recognizing the linguistic and cultural characteristics of Russian and other native languages), overcoming the difficulties of interference, etc. Reading classes in the RFL course require teachers to have a long training, but the implementation of the tasks offered to the student allows to form and improve communicative language competence. The methodology for teaching Russian as a foreign language describes a sufficient number of techniques and tools for using teaching materials for teaching based on an integrated approach and following the chosen reading strategies. We believe that today teaching a foreign language, including Russian, requires teaching students to perceive the material not in the form of an algorithm “a single text - the problem of this text - tasks to consolidate the new vocabulary of a single text”, but to teach them to perceive information. In our opinion, texts, including educational and adapted ones, are also susceptible to the phenomenon of interdiscursiveness, and it is necessary to use an effective set of reading exercises in the framework of teaching Russian as a foreign language, aimed at the ability to identify topics related to a particular text to discuss the problem broadly its context.

References

- Akishina, A.A. & Kagan, O.E. (2014) *Uchimsya učit'. Dlya prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo. Metody, priemy, rezul'taty*. M.: Russkij yazyk. Kursy. (in Russian)
- Akishina, A.A. & Tryapel'nikov, A.V. (2015) *Kibertekst kak novyj vid uchebnogo teksta // Russkij yazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury: materialy XIII Kongressa MAPRYAL*. V. 13. pp. 5-8. (in Russian)
- Anderson, N.J. (2008) *Practical English language teaching: Reading*. New York: The McGraw-Hill Companies.
- Assessing the Cognitive Demands of a Century of Reading Curricula: An Analysis of Reading Text and Comprehension Tasks from 1910 to 2000 (2015) / R.J. Stevens [et al.] // *American Educational Research Journal*. Vol. 20. № 10. pp. 1–36.
- Azimov, E.G. (2020) *Elektronnye uchebniki po russkomu yazyku kak inostrannomu: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Rusistika*. V. 18. № 1. pp. 39-53. (in Russian)
- Blum, T.D. & Ryazanceva, T.I. (2018) *Elektronnaya platforma «Russkij yazyk delovogo obshcheniya» V1 (Fit Für Wirtschaftsrussisch B1): principy postroeniya i otbora materiala // Russkij yazyk za rubezhom*. № 4 (269). S. 22-29. (in Russian)
- Brown, A.L. (1977) *Knowing When, Where, and How to Remember: A Problem of Metacognition // National Inst. of Education (DHEW)*. Washington. Vol. 1, pp. 77–165
- Day, R. (1998) *Extensive Reading in the Second Language Classroom // R. Day, J. Bamford*. Cambridge University Press.
- Dejbnr, D.A. (2018) *Obuchenie chteniyu i razvitie navykov chteniya na inostrannom yazyke // Pedagogika i psihologiya obrazovaniya, M.*: № 1. pp. 103-107. (in Russian)
- Dobrovol'skaya, V. V. (2017) *Analiziruem uchebnoe posobie po RKI // STEPHANOS*, №5 (25). pp. 129-133. (in Russian)
- Eason, S.H. (2012) *Reader–text interactions: How differential text and question types influence cognitive skills needed for reading comprehension // Journal of Educational Psychology*. Vol. 104. № 3. pp. 515–528.

- Havronina, S.A. & Balyhina T.M. (2008) Innovacionnyj uchebno-metodicheskij kompleks «Russkij yazyk kak inostrannyj»: ucheb. posobie. M.: RUDN. (in Russian)
- Kagan, O., Akishina, T. & Robin, R. (2002) Russian for Russians". Slavica Publishers.
- Kudyma, A., et al. (2015) O. Beginner's Russian with interactive online workbook: a basic Russian course. New York: Hippocrene Books.
- Laposhina, A.N. (2020) Korpus tekstov uchebnikov RKI kak instrument analiza uchebnyh materialov //Russkij yazyk za rubezhom, № 6 (283). pp. 22-28. (in Russian)
- Levacheva, N.V. (2018) Kommunikativnye kachestva rechi i ih sistemnye svyazi. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. № 2(80). CH. 1. pp. 103-106. (in Russian)
- Liebfreund, M.D. (2015) Success with Informational Text Comprehension: An Examination of Underlying Factors // Reading Research Quarterly. Vol. 50. № 4. pp. 387–392.
- Lubensky, S., Odintsova, I. & Paperno, S. (2011) Advanced Russian: From Reading to Speaking. Interactive multimedia DVD. An interactive multimedia language course. Slavica Publishers.
- Mangus, I. (2019) Davaj! Russkij yazyk kak inostrannyj dlya shkol'nikov: uchebnik russkogo yazyka kak inostrannogo dlya osnovnoj shkoly (s 6-go klassa) i gimnazii (s digital'noj uchebnoj sredoj). SPb.: Zlatoust. (in Russian)
- Nation, P. (2006) How large a vocabulary is needed for reading and listening? // Canadian Modern Language Review. No 63. pp. 59-81.
- North, B., Piccardo, E. & Goodier, T. (2018) Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors. - Strasbourg: Council of Europe Publishing.
- Revyakina, T.L., Shchur, V.V. & Fedotova, N.V. (2013) CHtenie kak aspekt obucheniya na zanyatiyah po RKI // Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gos. arhitekturno-stroitel'nogo un-ta., № 11. – pp. 53-59. (in Russian)
- Rifkin, B. et al. (2007) Advanced Russian through history. Dela davno minuvshih dnei. CD included. New Haven - London: Yale University Press.
- Shchukin, A.N. (2018) Russkij yazyk kak inostrannyj: osnovy uchebnikovedeniya: posobie dlya prepodavatelej i studentov-filologov. M.: Izd-vo IKAR. (in Russian)
- Shchukin, A.N. (2020) Prakticheskaya metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu: uchebnoe posobie. M.: Flinta. (in Russian)
- Veenendaal, N.J. (2015) What oral text reading fluency can reveal about reading comprehension // Journal of Research in Reading. Vol. 38. № 3. pp. 213–225.
- Vohmina, L. L. & Kuvaeva, A. S. (2018) Sovremennoe tekhnologicheskoe obespechenie sistemy uprazhnenij po obucheniyu RKI // Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: materialy XIV Kongressa MAPRYAL. pp. 962-966. (in Russian)
- Weninger, C. (2018) Textbook analysis. // In Chapelle, C.A. (Ed.), The Encyclopedia of Applied Linguistics. Hoboken, NJ. pp. 1-8.
- Williams, D. (1983) Developing criteria for textbook evaluation. English Language Teaching Journal, 37, 3, pp. 251-55.

M. DMITRIEVA

St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

**GOSPEL HARMONY AS A TYPE OF TEXT: A COMPARATIVE
ANALYSIS OF THE LINGUISTIC FEATURES OF THE OLD SAXON
POEM «HELIAND»**

The purpose of the paper is to identify the linguistic features of the Old Saxon biblical epic by comparative analysis of the texts of the gospel harmonies of the Early Middle Ages. The problems of distinguishing the "gospel harmony" as a historical type of text, criteria for harmonization and fundamental comparability of these texts are discussed. Based on the material of denotatively similar statements with signs of interrogativity obtained by the method of continuous sampling from the texts of three harmonies, the manifestations of the features of the textotype depending on the form of organization of the text, particular pragmatic tasks, the dialectal affiliation of the monument, etc. are discussed.

Key words: biblical epic, Old Saxon, Old High German, history of language, interrogativity, diachronic pragmalinguistics.

М. Н. ДМИТРИЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

**ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ГАРМОНИЯ КАК ТИП ТЕКСТА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДРЕВНЕСАКСОНСКОЙ ПОЭМЫ
«HELIAND»**

Цель статьи – выявить языковые особенности древнесаксонского библейского эпоса путем сопоставительного анализа текстов евангельских гармоний Раннего Средневековья. Обсуждаются проблемы выделения «евангельской гармонии» как исторического типа текста, критериев гармонизации и принципиальной сопоставимости данных текстов. На материале денотативно сходных высказываний с признаками интеррогативности, полученных методом сплошной выборки из текстов трех гармоний, обсуждаются проявления особенностей текстотипа в зависимости от формы организации текста, частных прагматических задач, диалектальной принадлежности памятника и т.д.

Ключевые слова: библейский эпос, древнесаксонский, древневерхненемецкий, история языка, интеррогативность, диахроническая прагмалингвистика.

Introduction

The emergence of the genre of gospel harmony is associated with the era of the canonization of the New Testament and the attempts of the Christian world to resist numerous false teachings in the first centuries A.D. Heretics disputed the possibility of the fourfold nature of the Gospel; in this they found one of the contradictions of Christian teaching. By creating a single set of Gospels, the defenders of the Church, who were called apologists (from the ancient Greek *ἀπολογία* – defensive speech), they sought to demonstrate the unity of the gospel stories, thereby defending the unity of the Church.

Despite the long tradition of evangelical harmony and the widespread use of this text in the Middle Ages, the content of the term has no unambiguous interpretation in linguistics and literary studies. Cf. the following synonymous terminological designations adopted in Germanistics: Evangelienharmonie, Bibelauslegung, -übersetzung, -dichtung [Sonderegger 2003: 97].

In the aspect of considering this type of text as a field of interaction and interaction of various dialects, this material provides rich opportunities for research in the field of diachronic pragmalinguistics. In recent decades, attempts have been made to create a so-called "textual history of language" [Young, Gloning, 2004], which further confirms the relevance of this area of research.

The gospel harmony in a broad sense includes the old Saxon poem "Heliand", the poetic composition "Liber Evangeliorum" by Otfrid and the translated prose text of the "Gospel Harmony" by Tatiana. These three harmonies are the focus of research attention in this paper.

It is obvious that it is not enough to classify the text as gospel harmony only on the basis of the fact that it tells about the earthly life and the teachings of Christ according to the gospel stories. Below, an attempt is made to identify the general textual and typological characteristics of the gospel harmony and to show how they are "refracted" in each text using linguistic material.

Methods and material

As the main research method, a complex method of interpretative analysis is used, including: 1) linguistic observation and intentional-communicative identification; 2) contextual analysis; 3) communicative-pragmatic analysis; 4) elements of the comparative-historical method. The linguistic material of the study is the texts of three gospel harmonies, namely:

«Heliand» (Old Saxon dialect; circa 830);

«Liber evangeliorum» by Otfrid (East Franco dialect; circa 875);

«Diatessaron» by Tatian (South Frankish dialect; II half of the IX century).

As you can see, they were all created at about the same time in closely related dialects, reflecting the early stages of the development of English, German and other Germanic languages. In addition, all three texts are extensive, relatively complete speech works, the language material of which makes it possible to obtain a systematic understanding of the morphology, syntax and lexical composition of Germanic languages in a given time range.

Discussion

When describing the linguistic material of "deep diachrony" in a comparative aspect, among other things, the problem of the fundamental comparability of ancient texts requires discussion. It seems that the very existence of various kinds of experiences of such comparisons gives an affirmative answer to this question. The works performed using comparison techniques contain, along with the description of the results of specific observations of language material, also theoretical generalizations.

In particular, the German researcher M. Krause focuses on the dual interpretation of the concept of "compare" ("vergleichen"). We can talk here about any objects at all. First, "compare" means to establish a relationship between two dissimilar things and recognize their potential comparability. And, secondly, comparison "implies the co-measurement of two quantities accepted as fundamentally similar or being such. Paradoxically, the goal is to identify possible differences" («[es] bedeutet, zwei als prinzipiell ähnlich akzeptierte bzw. geltende Größen zu vermessen, wobei es paradoxerweise das Ziel ist, mögliche Unterschiede herauszufinden») [Krause, 2005, p. 303]. The author transfers these principles to the comparison of the linguistic material of the gospel harmonies.

"Comparability in content" makes it possible to build a special comparative series based on denotatively similar issues. At the level of subject-denotative (propositive, material) content, such statements refer to the same situation of reality, and at the level of expression of this general content, they allow variability in the lexical content and grammatical design of the constituent components. This is due to the fact that the authors, especially of poetic works,

present the gospel events in a free form. According to their content and place in the general fabric of the gospel narrative, scenes with direct speech of characters and denotatively similar questions in it are descriptions of the main, most significant gospel events: the prophecy of the birth of Johann, the healing of the blind, Christ and the Samaritan woman, the betrayal of Judas, the crucifixion of Christ, the myrrh-bearing wives at the Holy sepulchre and some others.

A more accurate understanding of the term "gospel harmony" can be facilitated by analyzing the principles of text construction and highlighting the criteria for harmonization, that is, an organic and consistent combination of the plots of the four Gospels. An attempt to identify such criteria ("Harmonisierungsprinzipien") is made, for example, in the work of P. Hörner [Hörner, 2000], devoted to the analysis of traditions, starting from the second half of the VIII century to the Late Middle Ages. The author suggests three principles of harmonization: 1) Exclusion, 2) Contamination and 3) Separation [Hörner, 2000, p. 42-53].

When arranging the chapters within the text of harmony, they sought, on the one hand, to preserve the logic of the narrative about the life of Christ, but at the same time to adapt the content of harmony to the dates of the church calendar. In the introduction to one of the medieval manuscripts of harmony (manuscript M, 1367), it is explained that harmony follows the plots of the four evangelists (hence the second name: 'Diatessaron') and describes "from the beginning, how He [Christ] came into this world, and one after another before He ascended to heaven" ("von dem begynnen daz er kome in dise werlt · ye eines nach dem andern · bis er zv himele fure"; cit. according to the article of Fr. Simmler [Simmler, 2002, p. 291]).

Let us dwell in more detail on the Old Saxon poem "Heliand", adopted as the source text in the comparative series. The poem can be attributed to "gospel harmonies" in the broad sense of the term [Hörner 2000: 24-25]. The poem was created by an unknown author / authors, presumably a representative of the Fulda clerical school. The motive for its writing was the order of Louis the Pious, the son of Charlemagne, to set forth in verse the life and teachings of Jesus Christ in the native dialect of the Saxons for the purposes of missionary activity [Haferland, 2002, p. 20-22; Moskalskaja, 2003, p. 144; Heliand. Foreword, 1933, p. XXIII].

In addition to this well-established point of view on the history of the poem's origin, some Germanists express other hypotheses up to the question of whether the author of "Heliand" was able to read and write; see the article by H. Haferland, which is so named «War der Dichter des 'Heliand' illiterat?» ("Was the poet of the 'Heliand' illiterate?") [Haferland, 2002, p. 20-48]. E. Windisch, with reference to the research of I. Schmeller, suggests that the poem was composed at the end of the XVIII century on the initiative of Ludger, the first bishop of the city of Münster, by an Anglo-Saxon by origin Edelfried. Bishop Haterich, a monk from Saxony who later moved to the monastery of Reichenau, is also considered as the author of "Heliand" [Windisch, 1868, p. 2].

The sources for the plot of "Heliand" were Tatiana's "Gospel Harmony", as well as some Latin commentaries on the Gospels. The connection of the poetic text with "Harmony" can be traced primarily in the fact that, in general, the poem repeats the order of the biblical plots adopted by Tatiana. The analysis of deviations given by E. Windisch in the second part of his book, and the list of harmony chapters used in the poem, shows that the author-compiler has released about half of the entire material of the corpus of the Gospels. E. Windisch also discusses the reasons for missing chapters and comes to the conclusion that the author of the poem, an "a fine artist" ("ein feiner Künstler"), builds his narrative on the basis of vivid contrasts, and does not aim to present the gospel stories in full [Windisch, 1868, p. 25, 31, 33-34].

In genre-typological terms, the poem refers to epic works, or rather to the biblical epic. These features are also reflected in the transmission of the dialogues of the actors: direct speech is designed to help the author to present the gospel events "with live participation, in the form of a variety of visual pictures" («mit lebhafter Anteilnahme, in vielfach recht anschaulichen Bildern») [Heliand. Foreword, 1933, p. XXVI]. On closer examination, the text of "Heliand" shows more features that bring it closer to the work of Otrifid than to the "Gospel Harmony" of Tatian.

Let us turn further to the analysis of the empirical material of the poem. The background of the comparison is denotatively similar interrogative sentences from Otfrid's poem and from Tatian's "Gospel Harmony".

Results

Limiting ourselves to the scope of this article, we will consider the mechanisms for the implementation of genre-typological characteristics of gospel harmonies only by examples of denotatively similar utterances of one communicative-pragmatic type - utterances with signs of interrogativeness. The presentation of the gospel stories in the texts under consideration shows considerable variability. This is explained by many external and internal linguistic factors: the peculiarities of the dialect, the way the text is organized (poetry / prose), the general purpose of creating texts, the personal preferences of the authors-compilers, as well as, possibly, the approach to the compilation of evangelical texts adopted in a particular scriptorium.

The examples discussed below, identified using the comparative method, are taken mainly from the most important and significant parts of the text: the beginning and the final part. It is here that the addressees most accurately follow the gospel narrative, which determines the presence of denotatively similar statements. The examples below are considered in the same sequence in which they are located in the harmony texts. As can be seen from the collected material, the meanings of interrogativeness are formed using the same linguistic means: putting verbum finitum in the first place in the structure, using interrogative words and connectors of alternative semantics.

The first couple of examples are taken from the description of the scene of the Angel's prophecy to Bishop Zachariah – one of the first episodes of the gospel narrative:

(1) “Zacharias thō gimahalda /endi uuið selban sprac // drohtines engil, /endi im thero dâdeo bigan, // uundron thero uuordo: / ‘huuo mag that giuuerðan sô’, quað he, // ‘aftar an alde?’” [Hel., II, 139-142, 8=L. 1. 18] (“Zacharias then said, and the angel of God himself said, and thinking about this [event], he marveled: "How can this happen like this," he said, // because of old age?»)”. Here and further, all subscript translations into English are made by the author of the article.

(2) “2. 8. Inti quad Zachariâs zi themo engile: uuanân uueiz ih thaz? ih bim alt, inti mîn quenâ fram ist gigangan in irâ tagun” [T., 69=L. 1.18] (“Zacharias then said, and the angel of God himself said, and thinking about this [event], he marveled: "How can this happen like this," he said, // because of old age?»)”.

From the comparison of examples (1) and (2), it is clear that the syntactic structures of the questions in Heliand (Example 1) are more branched compared to the text of Tatiana (Example 2). The construction of the introduction of direct speech, in particular, includes the designation of a speech action and characterizes the internal state of the speaker in more detail ("said and marveled"). Perhaps such a characterization is necessary in order to more deeply emphasize the sacred nature of what is happening and to show the inner state of awe and piety. One of the common features of both examples is the separation of the second part of the utterance of direct speech, which explains the reason for the bishop's deepest surprise.

Examples of the following block (3, 4, 5) are taken from the description of the scene of the baptism of the Jewish people by John the Baptist on the Jordan River.

(3) “Bihuui thu hêr dôpisl / fremis undar thesumu folke, / ef thu tharo forasagono // ênhuuilic ni bist?” [Hel., XI, 927-929, 34] (“For why are you baptizing // this people here, if you are not one of the prophets?”).

(4) “Ziu fêristu inti dôufist, / nu thu ther hêilant ni bist, // noh thêro manno ouh thânnë, / in thero âmbaht iz gigange?” [O., I, 27, 45-46: 52] (“Why do you go and baptize, if you are not a Savior, and not even one of those people whose duties it is?”).

(5) “13. 22. Thô frâgêtun siê inan inti quâdun: uuaz toufist thû, oba thû Christ ni bist noh Helias noh uuizago?” [T., 89= J. 1.25] (“Then they asked him and said, "What are you baptizing if you are neither Christ, nor Elijah, nor a prophet?”).

In example (3), apparently, in order to place a logical emphasis on the personal pronoun of the second person "you" and for the sake of the rhythmic pattern, a deviation from the tendency of the conjugated verb position in the second place in the syntactic structure is allowed. The denotatively similar question (4), which includes the contaminated form of the conjugated verb and the personal pronoun, has a "correct" structure with the verb in the second position. Example 5 is built on the same principle. The difference in the choice of interrogative words also attracts attention. In examples (3) and (4), interrogative adverbs of causative semantics "why" are used, in example (5) - the broad-valued interrogative word *uaz* "what".

One of the key scenes of the Gospel is the conversation of Jesus with Pontius Pilate. The events take place just before the Saviour's death on the cross, and, in fact, Pilate at this point in the narrative remains the only person on whose will the fate of Christ depends.

(6) "Uuëst thu that it all an minon duome stêd // umbi thînes lîbes gilagu? [Hel., LXIII, 5343-5344, 184] ("Do you know that it all depends on my actions in relation to your life?").

(7) "ni wéistu waz ih sâgen thir // thaz stéit thaz thînaz énti / in mînes selbes hénti; // Joh bîn ih ouh giwéltig/ ubar éllu thînu thîng, // in lîb joh tód hiutu,/ so wédar so ih gibîutu?" [O., IV, 23, 36-38: 199] ("You don't know what I'm going to tell You, that You're going to end up in my own hands. // And I also have power over all these things, // over life and over death now! And [it will be] as I command?").

(8) "197. 8. ni uueist thaz ih habên giuualt thîz zi erhâhanne inti giuualt zi forlâzzanne? [T., 317=J. 19. 10] ("Don't you know that I have the power to crucify You and the power to have mercy on you?").

In the text of *Otfrid* (Example 7), the syntactic structure is expanded and occupies several lines. In addition, in examples (7) and (8), the question is asked "from the opposite"; both structures contain the negative particle *ni* in combination with the cognitive verb; unlike example (6), in which the cognitive verb is used without negation. Also, examples of meaningfully similar interrogatives were found in the description of the scene of the appearance of Jesus Christ to two wanderers, located almost at the very end of the gospel narrative:

(9) "endi frâgoda umbi huilica sia saca sprâkin: // 'huî gangat gi sô gornondia?' quathie" [Hel., LXXI, 5964-5965, 206] ("And he asked them about it, saying: // "About whom did you go so grieving?»)").

(10) "224. 4: Inti quad her zi in: uaz sint thisiu uuort thiudir bringet untar zûuisgên gangenti, inti birut gitruobit? [T., 333=L. 24. 17] ("And He said to them: "What [mean] these words that you say to each other along the way, and [why are you] sad?").

As in the case of examples (1) and (2), here it is possible to establish only textual correspondences from two monuments: the poem "Heliand" and the harmony of Tatiana. In examples (9) and (10), attention is drawn to the variation of the verbs of speaking: in the text of the poem, a special lexeme with the semantics of the interrogative "to ask" is used, and in the harmony of Tatiana, a neutral verb with the general meaning of speaking "to speak, to tell" is used. As can be seen from the sketch review of empirical linguistic material, the syntactic structures of the text of the Old Saxon poem are often complicated by subordinate clauses (conditional, additional, determinative, comparative), syntactic parallelisms, additional motivations of the listener to the answer with the inclusion of imperative forms from the verbs of speaking and appeals. Interrogative sentences often combine the features of not only direct and indirect speech (the use of subjunctive and indicative forms of the being verb "sin"), but also general and particular questions (the interrogative pronoun "huuat" and putting the conjugated verb in the first place). One of such examples with "blurred" signs of questioning is found in the description of the already mentioned conversation of the Pharisees with Johann:

(11) "Saga ûs huuat thu manno sis! // Bist thu ênig thero / the hêr êr uuâri // uuîsaro uuârsaguno?" [Hel., XI, 922-924, 34] ("Tell us, what kind of husband are you? Are you one of those who used to be here from the wise prophets?").

The sounds that make up an alliterative rhyme with the interrogative pronoun *huuat* "what" are highlighted in bold. Due to this, the communicative importance of these words in the general

context of the utterance is additionally emphasized. In example (11), the pronoun “huuat” serves to request information about the identification of a person. One of the alternatives given by the pronoun is further deciphered as a general question.

Conclusion

The peculiarities of the use of interrogative structures in the form of the Old Saxon poem "Heliand" are explained by the genre-typological specifics and stylistic-pragmatic potential of this ancient monument. The biblical epic does not imply the allocation of the author's position and assessments of what is happening. A large number of Bible plots are released by the author-compiler. As a result, the proportion of dialogic speech and text fragments reproducing it decreases. In addition, similarities with Otfrid's poem are found in the specifics of the syntactic organization of questions in "Heliand". The questions have the form of branched structures with syntactic and partially lexical repetitions containing motivations, explanations, causal justifications, alleged consequences, etc. A characteristic feature of the "Heliand" text is the blurring of the signs of direct questions and questions of indirect speech. The multi-course analysis of the linguistic material of diachrony from the standpoint of form, meaning and function and taking into account the peculiarities of the text type contributes to the reconstruction of live communication in remote epochs and once again refutes the assumption of the primitiveness of communication between the Anglo-Saxons and ancient Germans.

Sources

- T. – Tatian. Lateinisch und Althochdeutsch/ Hrsg. von E. Sievers. Paderborn, 1872.
O. – Otfrids Evangelienbuch: 6. Aufl. / Hrsg. von Oskar Erdmann. Tübingen, 1973.
Hel. – Heliand und Genesis / Hrsg. von O. Behaghel. 4. Aufl. Halle (Saale), 1933.

References

- Haferland, H. (2002) War der Dichter des ‘Heliand’ illiterat? // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. Bd. 131. pp. 20-48. (in German)
- Hörner, P. (2000) Zweisträngige Tradition der Evangelienharmonie. Hildesheim, Zürich, New York. (in German)
- Krause, M. (2005) Die Heilung des Blinden. Versuch eines Vergleichs. // Syntax. Althochdeutsch – Mittelhochdeutsch. Eine Gegenüberstellung von Metrik und Prosa. Akten zum Internationalen Kongress an der Universität Berlin 26. bis 29. Mai 2004. Berliner Sprachwissenschaftliche Studien. Bd. 7. pp. 303-350. (in German)
- Moskalskaja, O. I. (2003) Deutsche Sprachgeschichte. M. (in German)
- Simmler, Fr. (2005) Gesamtsatzstrukturen in der Tatianbilingue und in Otfrids “Evangelienbuch // Syntax. Althochdeutsch – Mittelhochdeutsch. Eine Gegenüberstellung von Metrik und Prosa. Akten zum Internationalen Kongress an der Universität Berlin 26. bis 29. Mai 2004. Berliner Sprachwissenschaftliche Studien. Bd. 7. pp. 91-122. (in German)
- Sonderegger, St. (2003) Althochdeutsche Sprache und Literatur. Eine Einführung in das älteste Deutsch. Darstellung und Grammatik. Walter de Gruyter, Berlin, New York. (in German)
- Windisch, E. (1868) Der Heliand und seine Quellen. Leipzig. (in German)
- Young, Chr. & Gloning, Th. (2004) A History of the German Language through Texts. London, New York. (in German)

T. DOBROVA, I. GRIGORIEV
St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

MULTICULTURALISM AS SOFT POWER THROUGH ESP FOR INTERNATIONAL RELATION STUDENTS: CASE STUDY

The modern society is that of numerous ethnic cultures, so it is multicultural in its nature. It is not surprising that today specialists in the sphere of International Relation (IR) are supposed to possess multicultural competence to be successful in their careers. Teaching foreign languages especially ESP plays a pivotal role in this process. The article presents the result of the experience in teaching ESP in a multicultural group of IR students. The author shares the ideas of using multiculturalism of the group to make the developing multicultural competence more effective offering the scheme that can be used and is likely to be effective not only in multicultural groups.

Key words: multiculturalism, multicultural competence, soft power, ESP, international relations students.

Т. Е. ДОБРОВА, И.В. ГРИГОРЬЕВ
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК МЯГКАЯ СИЛА ЧЕРЕЗ ESP ДЛЯ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Современное общество состоит из множества этнических культур, поэтому оно мультикультурно по своей природе. Неудивительно, что сегодня специалисты в сфере международных отношений должны обладать сформированной на высоком уровне мультикультурной компетенцией, чтобы быть успешными в своей карьере. Преподавание иностранных языков, особенно ESP, играет ключевую роль в этом процессе. В статье представлен результат опыта преподавания ESP в мультикультурной группе студентов-международников. Автор делится идеями использования мультикультурализма группы для повышения эффективности формирования мультикультурной компетенции, предлагая схему, которая может быть использована и, вероятно, будет эффективной не только в мультикультурных группах.

Ключевые слова: мультикультурализм, мультикультурная компетентность, мягкая сила, ESP, студенты-международники.

Globalization processes as well as increasing international contacts both on the state and regional levels are increasingly demanding more and more highly qualified specialists in the sphere of international relations. Today such specialist are not only customs and immigration officers and employees of the Ministry of Foreign Affairs, as it used to be, but also businessmen, journalists, and lawyers who in their activities contact closely with international partners, namely numerous employees of national and international companies, the media, financiers, environmentalists, and travel agents. So the structure of international relations is becoming increasingly complex, having a direct impact on the formation of professional discourse. Professional discourse is a professional, legal, linguistic and social field in which specialists carry out their professional

activities, exchanging information with other communicants. International relations specialists' professional discourse lies in the sphere of international communication, political and economic issues, as well as public problems and events. The role and quality of international communication have changed in the modern world. At present specialists in the sphere of international relations deal with economic and political problems both at the federal and regional levels. The success of foreign policy decisions, economic and socio-cultural tasks, depends largely on their professionalism and competence, so future IR specialists training to work in an international environment is a pressing public issue.

One of the main areas of training of IR specialists is the developing competences related to work in the international environment. The Federal State Educational Standard of Higher Professional Education in the field of "international relations" stipulates that international relation specialists must possess a politically correct corporate culture of international communication and methods of business communication in the international environment, be able to adapt to the conditions of work in multi-ethnic and international groups, as well as to use the features of local business culture. The professional competences of an international relation specialist include the knowledge of foreign languages deep enough to solve professional problems, readiness and ability to conduct a dialogue or negotiations in a foreign language within the framework of the level of tasks, knowledge of techniques for establishing professional contacts and developing professional communication in foreign languages. These involve knowledge of socio-cultural norms and traditions of other nations, teaching foreign languages taking into account the socio-cultural norms of other societies, the development of tolerance, i.e., ultimately, preparing specialists capable to work in a multicultural environment. Developed multicultural competence is to increase not only the readiness of a specialist to adapt to changing socio-economic environment, but also self-education motivation of IR students, as well as the general motivation to master their profession.

The term "soft power" was coined by the famous American political scientist, the developer of a number of areas within the neoliberalism Joseph Nye, who headed the Harvard Institute of Public Administration named after John F. Kennedy. Nye first used the term "soft power" in 1990 in his book "Bound to Lead: Changing Nature of American Power", in which he defined "soft power" as the ability to achieve the desired through voluntary participation, sympathy and attraction, rather than through coercion. In autumn 1990 Joseph Nye in the magazine "Foreign Policy" published an article entitled "Soft power", in which he clarified the content of this term and proposed his approach to modern trends in global development. According to Nye, soft power is the power of attraction, the influence of example – as opposed to the influence and power derived from military force, economic sanctions and even economic aid. 'Soft power is the ability to get what you want by attracting and persuading others to adopt your goals. It differs from hard power, the ability to use the carrots and sticks of economic and military might to make others follow your will. Both hard and soft power are important in the war on terrorism, but attraction is much cheaper than coercion, and an asset that needs to be nourished'. If the traditional "hard power" of the state is based on military and economic power, the resources of "soft power" are the culture of the country, its political values, ideology and the implemented foreign policy. To reach the goal any flexible government uses intangible resources that make the country attractive, first of all, its culture including famous people of culture, cultural values, and institutions.

The technological and digital advances of recent decades have made the world more complex, multidimensional and interdependent. The modern world of scientific and technological progress needs soft power tools. In the context of electronic revolution and the blurring of lines between the domestic and foreign policy, public diplomacy is becoming a common tool in diplomatic activity as an integral part of soft power. Both professional diplomats and non-governmental organizations are actors in public diplomacy. Public diplomacy can be carried out through official channels such as public speeches of officials, as well as informal channels, for example

NGOs, universities, etc. Here education and especially language education come to the fore for future specialists in the sphere of international relations.

The term "multiculturalism" emerged in Canada in the 60-s of the XX century to refer to the state of ethno-cultural, racial, religious diversity of the population. It was officially recognized in 1971, being a kind of the act of recognition by the state institutions ineffectiveness of assimilation policy aimed at homogenization of the culturally diverse population of the country. Although the concepts of "the multicultural society" and "multiculturalism" arose in the XX century, the phenomenon they denote has been known since ancient times. Multiculturalism is a complex of various processes of development, during which many cultures are revealed as opposed to a single national culture. The concept of "multiculturalism" is used, as a rule, in two main meanings. In the first sense, multiculturalism is a phenomenon of ethno-cultural fragmentation of society; in another and more precise way it can be defined as "multiculturalism", ultimately directed against culture as a national phenomenon. Thus, it is not a question of cultural autonomy within a cultural community, but of its fragmentation. In the second sense, multiculturalism acts as an ideology and policy, which are largely based on liberal concepts of "cultural diversity", preaching ethnic, racial and subcultural preferences in the economic, political and cultural spheres of the public life. The goal is to eliminate discrimination and to achieve "equality" of various minorities with the national majority.

In terms of international relations multiculturalism is a philosophical concept built on the ideals of freedom, justice, equality, equity, and human dignity as acknowledged in the Universal Declaration of Human Rights adopted by the United Nations. IR specialists cannot be successful in their professional sphere without developing multicultural competence. Multicultural competence is the ability to appreciate value, interact with, and benefit from the presence of many different cultures and their individual members.

For us multiculturalism in education implies respect for cultural values embodied in the language, ability to perceive and take into account cultural peculiarities of other people as well as a universal approach to teaching ESP. So multiculturalism in education can be implemented in the form of multicultural competence, i.e. the ability to develop national identity along with tolerance to other cultures.

The development of multicultural competence of future IR specialists is provided in the course of their professional training being an integrative process of personal qualities development and mastering of specialized professional literacy, indispensable for professional activity in a multicultural society. Developing of multicultural competence of future IR specialists implies interpenetration, interrelation and interaction of knowledge, abilities and qualities which are shown in the process of application of practical abilities and skills in the main spheres of their professional activities. We can offer the following structure of multicultural competence. Three levels can be distinguished: a low level (multicultural ignorance), medium level (multicultural information) and high level (multicultural competence). The low level (multicultural ignorance) indicates low sensitivity to multicultural norms, violation of their hierarchy, lack of knowledge and skills of their application in professional activity, not readiness for implementation in real activity. The medium level (multicultural information) indicates some interest in the knowledge of the features of a certain cultural and linguistic situation, unstable and incomplete knowledge of ethnic and world culture, fragile skills and abilities of multicultural activities. The high level (multicultural competence) indicates the awareness of the value and importance of multicultural qualities of the individual for the society and for professional activities, as well as stability and strength of multicultural knowledge, skills and abilities. Developing of multicultural competence through teaching ESP traditionally is based on the dialogue of cultures, which implies analyses of authentic or partly authentic English texts depending on the level of the language. It is aimed at developing intercultural mentality, empathy and tolerance, the ability and willingness to communicate in a multicultural environment.

Having gained a solid experience of teaching ESP for international relations students working for more than fifteen years for the School of International Relation of Saint Petersburg State

University, in this paper the author provides the results of solving the task of developing multicultural competence through teaching ESP in a multicultural group of IR students.

First of all, we would like to draw attention to multicultural groups as the most interesting example in terms of developing multicultural competence. The School of International Relations of Saint Petersburg State University offers a Bachelor's programme "International Relations" for international students. Following the modern trends languages play an important role in its curriculum. The English language is the second foreign one for international students, with Russian being the first one. The experiment was carried out in the group of fourth year international students. There were just boys in the group and they were from five different countries: China, Afghanistan, South Korea and Hungary. The curriculum of the seventh term focuses on Political Systems, General Elections, Judicial Systems. Traditionally language competence is developed through mastering the materials concerning the countries with English being the state language such as the UK and the USA. The language teachers have created two textbooks with some exercises for this purpose: "Political and Judicial Systems of the UK" and "Political and Judicial Systems of the USA". The textbooks consist of eight units with the same structure. Each unit includes the following parts: pre-reading activities, a text for reading, vocabulary exercises, some discussion points for speaking activities, and essays (as a home task). These two textbooks are compulsory for students as they ensure the efficient result in terms of vocabulary. The idea of the case study was to take advantage of the multiculturalism of the group to make the development of multicultural competence more effective. So together with the UK and USA we had six countries characterized with six different types of their political structures. The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland is a unitary parliamentary constitutional monarchy, the United States of America is a federal presidential constitutional republic, the Islamic Republic of Afghanistan is a unitary presidential Islamic republic, Hungary is unitary parliamentary constitutional republic, the Republic of Korea is a unitary presidential constitutional republic, People's Republic of China is a unitary one-party socialist republic. Students started with the UK, then came to the USA, with the focus on the specific political terms and realities of these countries. Having mastered the vocabulary, they were asked to prepare 15-minute PowerPoint Presentation devoted to their own countries comparing its political structure with that of any country of the Commonwealth using professional vocabulary. So all members of the group got acquainted with the political systems not only the UK and the USA as the curriculum prescribes, but also with some other countries of the Commonwealth and the native countries of their classmates. Besides, one more important task was solved. The problem is that the UK and USA have different set of political terms, such as the names for the chambers, the titles of the political and governmental units, so to start speaking about their own countries the students has to decide what terms to use. To do it they had to analyze the political discourse concerning their countries while preparing their PPPs. The final task of each unit is writing a "for and against" essay related to the topic of the unit. The students were asked to write an essay about any, but their own country. It is worth mentioning that all students were quite enthusiastic about preparing and presenting PP Presentations, although for some of them it was not easy to do it in English. During the Presentations the students were active, putting and answering questions, which made the classes discussions very interesting and informative. At the end of the term the students were offered a test which contained questions concerning some specific details of the political structures of the countries. To estimate the level of their multicultural competence some questions concerning the most vital cultural aspects of the countries in question were included. Here are some of them: "What country do the following terms refer to: House of Commons, Senate, General Secretary?", "Which country has the smallest territory: China, Hungary, UK, USA, South Korea?". It should be mentioned that producing one fixed questionnaire seems ineffective as there is a need to follow the process of multicultural competence development in the course mastering curriculum. That is why we produce a sine-qua-non questionnaire when there is a need to measure the level of multicultural competence, with its content depending on the group language level. The results were quite

impressive, with the average result higher than 78 %, besides in the open questions students almost did few factual as well as vocabulary mistakes. Besides the atmosphere in the group got much friendlier. Although the students had been together for already three years before the classes, they were not very interested in each other, preferring to be individuals rather than members of a team. The interest of the classmates to their own countries and the common discussions changed the situation.

To conclude, teaching ESP may contribute a lot into developing multicultural competence, especially in a multicultural group of IR student. While analyzing authentic texts on various issues of the UK and USA students are ready to speak about other countries' political, economic and cultural issues mastering the learnt vocabulary. The offered scheme can be used not only for multicultural groups where it has turned out quite effective due to close contact with the representatives of other cultures, but also in other groups. IR students are supposed to be interested in any information concerning other countries, so we can recommend to divide the group into several teams with each team responsible for a certain region of the world. It is likely to be quite interesting for the students and quite effective in terms of developing their multicultural competence.

References

- Childs, K. "Integrating multiculturalism in education for the 2020 classroom: Moving beyond the "melting pot" of festivals and recognition months" <https://www.emeraldinsight.com/doi/full/10.1108/JME-06-2016-0041?fullSc=1> (accessed 15.03.2021)
- Nye, J. (1990) "Bound to Lead: The Changing Nature of American Power" New York: Basic Books
- Nye, J. (2004) "Soft Power: The Means to Success in World" https://www.academia.edu/30939110/Joseph_S._Nye_Jr._Soft_Power_The_Means_To_Success_In_World_Politics_PublicAffairs_2005_ (accessed 15.03.2021)
- Wilson, K. "Multicultural Education" <http://www.edchange.org/multicultural/papers/keith.html> (accessed 15.03.2021)
- Wojciuk, Anna & Michałek, Maciej. "Education as a source and tool of soft power in international relations" https://www.researchgate.net/publication/281511687_Education_as_a_source_and_tool_of_soft_power_in_international_relations (accessed 15.03.2021)

UDC 82-31

S. GORBOVSKAYA
St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

THE CONCEPT "DEPTH" IN MODERNISM AND METAMODERNISM FROM THE "HARDENED LAVA" OF MARCEL PRUST TO THE "PLASTER" OF ALI SMITH

The article raises the question of studying the depth in the literature of the «new sincerity». What is new in this article is the comparison of two ways of demonstrating depth – in M. Proust (in the literature of modernism) and in A. Smith (in the literature of metamodernism). Authors exploring the depth of the «new sincerity» literature do not refer to examples from Proust's work, which, in

our opinion, is a serious omission in the analysis of the reasons for the «disappearance of affect» and «erosion of depth» in the literature of postmodernism.

Key words: modernism, metamodernism, depth, affect, new sincerity, Proust, Ali Smith, Acker, Vermeulen

С.Г. ГОРБОВСКАЯ

Санкт Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

ПОНЯТИЕ "ГЛУБИНА" В МОДЕРНИЗМЕ И МЕТАМОДЕРНИЗМЕ. ОТ "ЗАСТЫВШЕЙ ЛАВЫ" МАРСЕЛЯ ПРУСТА ДО "ШТУКАТУРКИ" АЛИ СМИТА

В статье поднимается вопрос изучения глубины в литературе «новой искренности». Новым в данной статье является сравнение двух способов демонстрации глубины – у М. Пруста (в литературе модернизма) и у А. Смит (в литературе метамоде́рнизма). Авторы, исследующие глубину в литературе «новой искренности», не обращаются к примерам из творчества Пруста, что является, на наш взгляд, серьезным упущением при анализе причин «исчезновения аффекта» и «стертости глубины» в литературе постмодернизма.

Ключевые слова: модернизм, метамоде́рнизм, глубина, аффект, новая искренность, Пруст, Али Смит, Аккер, Вермеулен

In the monograph «Metamodernism: historicity, affect, and depth after postmodernism» (2017) [Acker, 2017] R. van der Acker and T. Vermeulen identify three concepts on which, in their opinion, the literature of «new sincerity» or neo-romanticism is built, as well as in general, the late culture of the fourth stage of capitalism. The affect is historicity and depth. This article will focus on depth.

T. Vermeulen compares modernism with depth, and postmodernism with a surface that has dragged on and hid the depth underneath. Metamodernism, in this case, for Vermeulen takes a position «in between». Here, according to the authors of the monograph, the meaning of the prefix «meta-» works exactly as «between», and not as «after» or «instead of» [Acker, Vermeulen, 2019, p. 60 – 65]. We do not quite agree with this. It will be specified below why exactly. So, for Vermeulen, «between» is a state of trying to penetrate the surface, break through the surface and get into the depths. This is precisely the state of trying – vibrations from surface to depth. Or attempts to «extend the depth to the surface» using some technique (as an auxiliary tool). Due to this state of vibrations between the surface and the depth, Vermeulen calls this phenomenon not depth, but «depth-like», the desire to get into the depth and then try to pull this deep to the surface. This is not depth in itself, but its sensation, «reconstruction of depth», its premonition.

First of all, it is the desire to look back at the «depth» of the 19th century literature. But just look back. Write in a completely new way, but using the main criteria and concepts of 19th century literature: take into account historicity, sensuality, emotions (affect) and make every detail, every symbol, every word uttered in dialogue not «superficial», but deep (that is, concluding there are many meanings hidden at first glance). T. Vermeulen notes in this connection the great importance that authors attach to symbols and details in the literature of metamodernism. We would call this a particular metamodern or extreme intertextual symbolism.

Ali Smith's novel «How to be Both» (2014) [Smith, 2014] is chosen as the subject of the analysis of «depth-like» in the monograph by T. Vermeulen and R. van den Acker. This analysis is carried out by I. Guber and V. Funk [Acker, 2019, p. 356 – 386]. Thanks to this study, the main

parameters of «depth» in the literature of metamodernism are highlighted, which should be guided in the future when studying other texts.

In the novel, the idea of depth is laid down as the main one, it sounds already in the name itself – we are talking about the fact that someone is two, that is, someone else is hiding behind one. Ali Smith builds on the concept of depth his entire plot, more precisely, two plots overlapping each other, behind which are hidden whole enfilades of other, smaller plots. This is similar to the palimpsest method (writing one text on an erased other).

One big plot is connected with the distant history of the 15th century, with Italy. The second – with our time, with Britain. The novel features two heroines with male names: an artist who hides that he is a woman, Francesco del Cossa, and a girl named George, who looks like one of the French singers of the 1960s. Sylvia Vartan and Françoise Hardy, overlaid on other murals in George's room. The novel contains two narratives merging into one. More precisely, one – the upper, the later – as if layered on the other – earlier. Ali Smith obviously resorts to the method of superhybridity inherent in the fine art of metamodernism, she applies this method in literature (in literature, superhybridity is manifested in the fusion of different styles and genres, different texts written as if by different people, in supporting the theme of globalism or mondialism, the theme of protosynthesis, biggender themes, etc.) Through all these connections that seem to be unconnected, she shows that under each of the described phenomena or characters there is something else, invisible: under a man – a woman, under a layer of plaster and paint – Renaissance frescoes, under France – Italy, under a French woman – an Englishwoman, under the painful infatuation of George's mother with the frescoes of Francesca del Cossa hides a real illness from which she eventually dies, etc.

The theme of gender uncertainty is of great importance in A. Smith's novel. It also fits into the superhybrid concept. In Renaissance Italy, we are talking about the position of a woman from the common people (Francesco's father is a bricklayer) as something non-existent (non-subject). In those days there were exceptions (for example, Christina of Pisa), but this only applied to women from the highest social circles, aristocrats, children of courtiers. To become an artist, a talented girl from a simple family needs to pretend to be a man (it is her mason father who gives her this advice).

In Europe (England, Italy) today, the opposite is true. George is trying to figure out his gender. She looks like a boy, although she realizes that she is a girl. She tries to figure out who she is. For her there is no social problem – who to be (a woman or a man), for her there is a psychological problem – who to accept herself.

On the example of this work, A. Smith shows how the idea of depth combines the concepts of historicity and affect. As noted above, symbolic details are of great importance to the literature of metamodernism. In this case, plaster and paint layers become a similar detail. They are associated with postmodernism – a kind of outer layer that hides depth. A. Smith shows how old frescoes appear from under the plaster and painted figures on top of later images, and with them – a distant history, hiding, for example, the life and work of the beautiful forgotten artist / artist Francesca del Cossa. I. Guber and V. Funk call it «the bottomless depth of the past on the surface of the walls of the present» [Acker, 2019, p. 384] or «bottomless abyss of form» [Op.cit., p. 377]. At the same time, the meaning or content within this form is invariably in the process of creation. A historical discovery (the fate and drawings of the Renaissance artist forgotten by all), drawn to the surface, entails a lot of feelings, emotions, experiences, scandals, even the death of George's mother, which is already an inevitable (after the discovery of depth) manifestation and influence of affect.

Here, as we see it, in this very moment, a contradiction arises associated with the interpretation of the prefix in the word «metamodernism». There is a moment with which we disagree. «Meta» is not only «between» here, but also «after». This is the whole point of the prefix. It is a «rolling» category. It is unique in that it demonstrates the phenomenon of oscillations (oscillations) by the very term. Pulling out everything that was hidden on the surface, the author analyzes what he managed to pull out, these intangible «artifacts» of depth. The author also

allows the reader to interpret what he managed to reveal. Here the most important essence of metamodernism is manifested – contact, relativity (N. Timmer writes about it in the monographs of R. van den Acker and T. Vermeulen). The author, demonstrating the empathy of the two heroines for each other, encourages the reader to empathize with them, awakens in the reader an interest in the depth hidden under the surface.

Plaster and frescoes, in our opinion, have something in common with A. Smith with another surface that was layered to the depth and other frescoes, much earlier. We are talking about the frescoes of Pompeii, with which M. Proust in the novel «In Search of Lost Time» compares his desire to find distant fragments of his childhood experiences in the depths of memory (these frescoes were discovered just at the moment when Proust was growing up, and then and wrote his great work). This comparison is pointed out by J.-I. Tatier in *The Unknown Lake: Between Proust and Freud* (2012) [Tatier, 2012]. He compares the psychoanalytic method of Freud and the method of remembering, which M. Proust describes in «In Search of Lost Time». This «method» is very reminiscent of immersion in the unconscious, the gradual extraction of long-lost experiences from oblivion. Although S. Freud and M. Proust did not know each other, there is no reliable information that M. Proust knew about S. Freud, the ideas of psychoanalysis were already spreading, and M. Proust, communicating, for example, with J.M. Charcot (one of Freud's teachers and a friend of Adrien Proust), could well have been aware of the latest research in this area. «Proust and Freud did not meet, did not talk, did not read each other (concludes J.-I. Tatier), but followed the same technique: «It is better to understand the future, plunging into the sources of the past in order to illuminate them in a certain sense clear them» [Tatier, 2012, p.175]. Most of all references to the motive of the eruption of Vesuvius (compared to Charles with the war and bombing of Paris) can be found in «Time Regained» [Proust, 1927]. Also in the very title of the novel «Sodom and Gomorrah» (1921-1922) [Proust, 1924] there is a clear hint of M. Proust about the buried city, implying the old world as a whole, as well as human memory, which is covered with a layer of ash, i.e. oblivion, in particular. Sleep and oblivion separate a person from some long-forgotten events in stages resembling layers. The memory opens gradually, like the frescoes found and appearing to the world day after day in Pompeii, once covered in ash from a volcanic eruption. For M. Proust, the layer that hides information is ash, resembling layers of plaster.

For M. Proust, the criterion of naturalness, which has a beneficial effect on the unconscious, is of great importance. Memory comes to life thanks to the contact of a person with something living, non-artificial. For example, in «Sodom and Gomorrah» he talks about the detrimental effect of sleeping pills on memory (that is, an artificial way to fall asleep). After using a sleeping pill, very important details disappear from memory. He cites as an example the words of A. Bergson, addressed to the philosopher Burt, about a professor who taught a course on the history of Ancient Greece. The professor forgets quotes in Greek after taking sleeping pills before bed. Using sleeping pills, he gradually loses touch with the ancient history of mankind, which symbolizes the loss of eternal memory, the threat of losing something global under the influence of the artificial. The artificial method of falling asleep gradually destroys the brain. «I notice that every change in the state of the brain corresponds to a partial death» [Proust, 1924, p. 275]. In the same paragraph, Proust mentions C. Baudelaire, implying, apparently, his «artificial paradise», sleep under the influence of drugs and an appeal to the work of the Englishman Thomas de Quincey.

Marcel himself (as the hero of his work) often drinks red wine to fall asleep. It also saves him (allegedly) from asthma. Wine is thus a natural medicine for improving sleep. The same A. Bergson in «Sodom and Gomorrah» notes that natural sleep does not affect memory in any way, does not destroy it. Apparently natural sleep (according to Bergson in the interpretation of Proust) helps a person to connect not only with his repressed childhood memory, but with the memory before life, the memory of the soul, the memory of the global, universal [Proust, 1924, p. 275].

As for the lava of Vesuvius, he compares with it the German regiments approaching France. Gas attacks, bombing, he compares with the impact of gas and ash escaping from the awakened volcano. Hordes of soldiers will come and fill the cities, erasing the memory of the past, changing people's lives, changing the foundations. They remind him of lava flows («la lave de quelque Vésuve allemande») [Proust, 1927, p. 113]. Such a comparison is doubly alive – the lava of Vesuvius is a natural, elemental layer that covers the earth, destroying everything in its path. Soldiers – there is also a homogeneous mass – regiments – of living people. Both lava and shelves destroy the land where they flock, but they are as natural, alive as everything that comes in contact with them. The living destroys the living. There is, albeit a cruel, but natural contact: emotions boil, pain rages, screams and crying are heard.

Ali Smith is talking about a brick wall, plaster, paints, under which memory lives. The memory is walled up, painted over. It's as if it's not there, since it's been erased (as George's mother says): «But what appeared first? ... The image below or ... on the surface? The first to appear is the image below ... But the first thing we see ... is the image on the surface. And if so, then this may mean that it appeared first of all? And doesn't this mean that another image, if we don't even know anything about it, may not exist at all?» [Smith, 2014, p. 289] A. Smith speaks of the existence of this world, which may not exist under plaster or a wall, this world resembles a fish that has been hooked and we hardly pull it out: «... if, of course, the fish can be caught through a brick wall six feet thick ...» [Smith, 2014, p. 3] This brick wall - according to researchers of metamodernism – symbolizes the solipsism of postmodernism and postmodernism, closeness, the desire to replace all living things with artificial, allegedly, is associated with the tyrants of the past, with violence, with the loss of freedom. But A. Smith and her character George want to break through this brick wall, they want to break through the plaster and paint. She does not see in the past only the power of tyrants and the threat of losing freedom again. She just wants to bring back «living life». A small and, at the same time, a huge life of an individual person – a personality unjustly forgotten by people. Moreover, she gives many examples of how exactly a modern, supposedly free person has completely lost his freedom. He is dependent on everything that surrounds him: from governments, from laws, from the rule of the crowd, from all kinds of absurd institutions of modern life. He does not belong to himself. A. Smith wants to pull that forgotten, erased life, like a fisherman a fish, – to the surface. Free her from prison. She and her characters want to feel life, want to plunge into a living, genuine ocean of being.

Both Proust and Smith, thus, strive for the same thing – to avoid or overcome the artificial, to a life full of feelings, emotions, passions and a bottomless, endless depth of meaning. Proust, moving away from everything artificial, indirectly warned about the possibility of postmodernism, Smith calls for fleeing postmodernism, overcoming it with all his might in order to remain a living person. At the same time, the living is not at all material, objective, but it is animate, spiritualized, it is about pulling the human soul out from under the plaster, and in Proust it is about the desire to protect the soul, from the encroachments of everything supermaterial, dead, replacing all living things with inanimate.

The difference between M. Proust's lava / ash and A. Smith's plaster is in the artificiality of the plaster and the natural origin of the ash. Memory has a natural tendency to be pushed aside (as if in layers) – day after day. The plaster reminds of the artificial desire of postmodern writers to erase history, to forget of their own free will, to declare everything historical inanimate, non-existent, not real. H.L. Borges, for example, speaking of time as a «garden of diverging paths», insisted that every version of a person in its endless repetition is inanimate, practically textual. Each repetition is a reflection. And reflection is immaterial. His ghosts are not alive. A. Smith, on the other hand, speaks through the image of frescoes opening from under a layer of plaster and paint – precisely about life, about the long-forgotten fate of a living person who suffers, overcoming obstacles on the way to realizing a dream. It is necessary to be remembered. Because he's alive. He didn't die at all. There is no death if we are talking about the life of the soul, which has overcome everything physical and bodily, so to speak, as Socrates said before

his death in the dialogue «On The Soul» of Plato, «did not nailed to the body» [Platon, 2018, p.51].

So, the main criteria of depth in a metamodern text are: 1) signs of the surface (under which something infinite is hidden, the «abyss of form»); 2) metareference – the duality of the hero or the phenomenon in question (under the false one (single) something else (multiple) can be hidden); 3) the extreme complexity of the text, which is created not so that the text remains unreadable and hidden, but on the contrary, in order to self-decipher, to reconstruct its own original meaning (content or form); 4) a state of hesitation - either when describing what is happening, or through the figure of the narrator, or through the characters; 5) application of the superhybrid method; 6) departure in search of depth from the subjective to the objective, all-embracing.

References

- Acker, R. van der & Vermeulen, T. (2017) *Metamodernism: historicity, affect, and depth after postmodernism*. Rowman & Littlefield, London: New-York.
- Akker, van den R., Vermyulen T. & Gibbons E. (2019) *Metamodernizm. Istorichnost', affekt i glubina posle postmodernizma/* Perevod V.M. Lipki. Moskva: Ripol-Klassik.
- Jameson, F. (1991) *The Cultural Logic of Late Capitalism*. In *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. London & Brooklyn: Verso, 1991 [1984]. pp. 1-54.
- Platon (2018) *Fedon, ili O dushe/Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome*. Moskva: Al'fa-kniga. (in Russian)
- Proust, M. (1927) *Le Temps retrouvé. À la recherche du temps perdu*. Paris: Gallimard.
- Proust, M. (1924) *Sodome et Gomorrhe. À la recherche du temps perdu*. Paris: Gallimard.
- Smith, A. (2014) *How be Both*. London: Hamish Hamilton.
- Tadié, J.-Y. (2012) *Le lac inconnu. Entre Proust et Freud*. Paris: Gallimard.

UDC 811.112'25

L. GRIGORYEVA

St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

SCREEN ADAPTATION IN THE ASPECT OF TRANSLATION (ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN-LANGUAGE FILM «DIE WAND»)

This article is dedicated to the German-Austrian film “Die Wand”, which is a screen version of a novel of the same name by Marlene Haushofer. It represents the notes of a woman who survived a disaster of some kind, which left her behind a glass wall in absolute isolation. Her authorial monologue speech, carefully transferred to the screen, consists of a mixture of three main classical compositional speech forms (“Themenentfaltungen” in German) - description, narration and argumentation. This article compares the proportional relationship of these forms in the novel and in the film text, analyzes the means of compensating for the fragments of the text eliminated during the adaptation, and studies methods of their transmission into Russian during translation (in comparison with the text of the German original and its translation into Russian). The tasks of the research are: 1) to clarify the concept of film adaptation; 2) to assess the conjugation of the concept of film adaptation with other linguistic concepts: intertextuality, intermedia system, polycode system; 3) to identify the fragments of the German film text, which represent different compositional and speech forms; 4) to identify which of these forms are

subject to omission in the adaptation; 5) to compare the adequacy of film translation with the translation of the original novel.

Key words: screen adaptation, polycode system, film translation, film text, novel “Die Wand” of Marlene Haushofer, film “Die Wand”.

Л. Н. ГРИГОРЬЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

ЭКРАНИЗАЦИЯ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА(НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ФИЛЬМА «СТЕНА»)

Настоящая статья посвящена немецко-австрийскому фильму «Стена», являющемуся экранизацией одноименного романа Марлен Хаусхофер. Он представляет собой записки женщины, переживший некую катастрофу, после которой она остается за стеклянной стеной в абсолютной изоляции. Ее авторская монологическая речь, перенесенная на экран, состоит из смешения трех основных классических композиционно-речевых форм – дескриптива, нарратива и аргументатива. В статье сопоставляется пропорциональное соотношение этих форм в романе и кинотексте, анализируются средства компенсации элиминированных при экранизации фрагментов текста и изучаются способы их передачи на русский язык. Задачами исследования выступают: 1) уточнение понятия экранизация; 2) изучение сопряженности понятие экранизация с такими лингвистическими понятиями как интертекстуальность, интермедийность, поликодовость; 3) выделение вербальных фрагментов немецкого кинотекста, представляющих собой разные композиционно-речевые формы; 4) определение, какие из них по сравнению с соответствующими формами в тексте романа подверглись в процессе экранизации опущению; 5) анализ адекватности перевода фильма на русский язык в сравнении с литературным переводом романа.

Ключевые слова: экранизация, поликодовость, киноперевод, кинотекст, роман «Die Wand» Marlen Haushofer, фильм «Die Wand»

1. Introduction

Film adaptations are usually considered a subject for cinematographic or literary criticism, but seldom undergo linguistic analysis, and very rarely are reviewed as something special in translation studies. It means that the verbal component of films based on literary works remains insufficiently studied. And the problem of translating foreign film adaptations is generally neglected by linguists and translators. Therefore, study of this problem seems relevant and promising. In this regard, this article sets following tasks: defining the concept of film adaptation and its features; establishing correlation between the verbal content of the film text and the original novel; analyzing compensation for omitted text fragments using codes from other non-linguistic systems; determining the specifics of translating film adaptations into another language. The film adaptation of the novel «Die Wand» by the Austrian writer Marlen Haushofer is used as an illustration and a direct object of study.

2. Screen and film adaptation

Film adaptation is understood as a cinematic or television rendition of a literary work (see about this: Eliseeva). As a rule, on the basis of the original source, a script is written, which lays a foundation for producing a film or a television series. At the same time, the degree of adaptation can vary from literal adherence to the original to relatively free handling. The phenomenon opposite to film adaptation is novelization, a process reciprocal to writing a film script, when a book novel is created on the basis of a film (see about this: Trishin, Allison). Novelization has

now grown into a new kind of literary genre, which is yet to become a subject of deep philological study. An interesting fact is that during novelization, the text of the script, i.e. film text, expands three times on average. Therefore, it is natural to ask how much text and what fragments of it are omitted when creating a script and film text based on a literary work. Interesting for research may also be the inverse phenomenon - which elements are added in the process of novelization. In case of omission of text fragments in the screening process, two ways are possible: either ignoring them, i.e. omitting, or compensating using other codes, which turns films into polycode works of art [Kozulyaev 2013, p. 375]. Regarding the degree of study of the film adaptation verbal components in the linguistic aspect, such concepts as polycode system, intertextuality, intermedia system, multimodality can help interpreting this concept, but it is advisable to consider the film text in its interaction with other components of the film adaptation. This combination of codes is called film text, where, along with the linguistic code, acoustic, structural, iconographic, photographic codes are also distinguished, all of which are closely linked. This was originally emphasized in the work of Y.M. Lotman - one of the first researchers of cinema problems. He wrote: "cinema by its nature is a story, a narrative". Such a story is a "dynamic narrative text", which, when realized by pictorial means, visible iconic signs, "constitutes the essence of cinema". Lotman believes that cinematic text can be considered as discrete, i.e. composed of signs, and at the same time as non-discrete, where the text itself plays an important role [Lotman, 2016, p. 37-67]. Therefore, in the term "cinematic text" that appeared later, such interrelated and interacting systems are distinguished as linguistic, represented by signs-symbols, and non-linguistic, which includes iconic and index signs [Slyshkin, Efremova, 2004, p. 22-23].

The linguistic system has two components: written (credits and inscriptions that are part of the world of things in the film) and oral (vocal speech of actors, voiceover, etc.) The non-linguistic system includes the sound part (natural and technical noises, music) and visuals (images of characters, movements of characters, landscape, interior, etc.).

H. Gottlieb identifies four main channels, which transmit information in an audiovisual product:

- verbal audio channel, which includes actors' speech, voiceover, songs, etc.;
- non-verbal audio channel, including music and various noises;
- verbal and visual channels, namely the text that appears on the screen;
- non-verbal visual channel: motion of film characters, special effects [Gottlieb, 1998, pp. 244-248].

When discussing the screen adaptation problems of literary works, the concepts of intertextuality and intermediality are also often used [for the separation of these concepts, see Rajewsky, 2002 p. 59-70]. The idea of intertextuality is already embedded in the very concept of cinematic text, because it is a special sign type of polycode text, where the elements of the literary work text act as secondary intertexts. Therefore, it can be argued that intertextuality as a text category is inherent in cinematic text as a whole [on the relationship of the concepts text, polycode, intertextuality, see Chernyavskaya, 2009], however, it is inherent in other text categories as well [about this: Wildfeuer, 2013, p. 32-57].

Actively used in modern linguistics and semiotics, the concept of intermediality, which is understood as a complex of all means of communication and methods of artistic expression, is also used in the interpretation of the concept of cinematic text. So, the film adaptation can be interpreted as an intermediate transfer [Eliseeva, 2014: 14]. The intermedial character of the adaptations is derived from the fact that they involve other types of art, for example, music or images of visual art objects.

3. The novel and film "Die Wand"

The novel «Die Wand» was written by Marlen Haushofer (1920-1970). Throughout her short and difficult life, the work of a female writer with an unfinished Germanic education remained practically unnoticed and underestimated. Interest in her works began to rise in the early 80s, when the so-called "women's literature" became the focus of attention of literary critics. It was during these years that her books were reprinted and widely discussed. However, in 2020 the

double anniversary of Marlen Haushofer - 100 years from the date of birth and 50 years from the date of death - also passed unnoticed.

«Die Wand» (1963) is the most famous novel by Marlen Haushofer. The main character, whose name is unknown - we only know her age and the fact that she has children - goes on holiday to the mountains to spend time with a married couple in a cabin. Waking up the next morning, she finds herself cut off by a glass wall from the rest of the world after a mysterious disaster. The novel is comprised of her notes from the first-person perspective ("Ich-Form" in German), i.e. monologue without a single inclusion of dialogical speech. This is how her robinsonade begins - accompanied by a dog, a cow and a cat in isolation from the whole world and civilization (while it is unclear what happened, you can only see that the people who remained outside the wall seem to have turned to stone). Her difficult daily struggle for survival seems to not have an end. Her notes, made during long winter evenings, suddenly break off when she runs out of paper to write further on. Therefore, the end of the story remains open, allowing readers to think out the future fate of the heroine by themselves. This novel allows for various interpretations. It can be viewed as a dystopia, robinsonade, an educational novel, a protest against patriarchy, as a study of harmonious coexistence of man and nature, or as a symbol of inevitable loneliness destined for all of us. The style of the novel is rather dry, materialistic and substantive, which leads to the dominance of such forms as description and narrative. The female protagonist describes the world of nature and things around her and tells in detail about her actions. Much less space in the novel is occupied by her reflections and thoughts. Thus, the author's monologue speech consists of a mixture of three main classical functional semantic types: description / descriptive, narration / narrative and reasoning / argumentation.

The similarly-named film «Die Wand», a German-Austrian co-production, was directed by Julian Pölsler in 2012 and was nominated for an Academy Award for Best Foreign Language Film in Austria, but didn't make the final short list of nine films. This picture however has won several other awards, including the prize for best direction. The main and only role was played by German actress Martina Gedeck. According to the director, he wanted to film «Die Wand» back in the 1980s after reading the novel, because of a strong impression it made on him. But due to copyright problems, he was able to realize his dream only 30 years later. In Russia, this film was shown in 2013 during the Austrian Film Festival in Moscow.

4. The text of "Die Wand" and its translation: an analysis attempt

The text of the novel, as mentioned above, is a continuous monologue speech in the form of diary entries of the main character. Therefore, the verbal text of the film "Die Wand", unlike most other films, does not consist of dialogical speech, but of an internal monologue. Although small elements of dialogue have been introduced into the film. This refers to the lines exchanged at the beginning of the film by the heroine's friends who brought her to the mountains. Several remarks also appear when the heroine turns to the dog, who has become her faithful companion in her lonely life behind a glass wall. These elements are included in the film text for a reason. The era of silent cinema is long gone, and it is difficult for the viewer to imagine a film without sound. Therefore, in order to avoid monotony, the film, along with the heroine's monologue, presents her remarks addressed to the dog, sounds of the surrounding nature (cawing of crows for example), the ringing sound of a glass wall and, of course, music. At the beginning of the film, cheerful pop music is playing in the car when the heroine is traveling with her friends, later, before going to bed, she turns on the radio and listens to a program of some kind. This soundtrack emphasizes the normalcy of life before the wall appeared. After its appearance, the viewer hears only the sound made by the wall, the sounds of nature and the musical score represented by sonatas and partitas for solo violin by Johann Sebastian Bach. These pieces of music are the pinnacle of Baroque violin music. According to experts, they are the musical embodiment of the Gospel.

It should be noted that the director, Julian Pölsler, who is also the screenwriter, treated the text of the novel with great care and transferred it to the script virtually unchanged. The author's monologue speech is presented as a mixture of three main classical compositional speech forms:

descriptive, narrative and argumentative [see. about this: Valgina, 2003, p. 50-63]. Furthermore, their quantitative ratio in the novel and the film is not the same. If the book is dominated by descriptive and narrative forms, then in the film these are often eliminated in favor of the argumentative form, where the reflections of the heroine come to the fore. This is followed by the narrative when she, in the process of writing her diary, tells about the events that happened in her life. Fragments of texts containing descriptive forms have undergone the greatest omission. This phenomenon can be explained by the fact that it is easier to compensate for the narrative and descriptive forms by other means at the disposal of cinematography: showing the actions of the heroine on screen, displaying the landscape, interior, etc.

Let's compare, for instance, the beginning of the novel and the first 12 minutes of the film (in this example, the omitted text fragments are marked):

Dieser Mangel haftet wohl allen Berichten an. Ich schreibe nicht aus Freude am Schreiben; es hat sich eben so für mich ergeben, daß ich schreiben muß, wenn ich nicht den Verstand verlieren will. Es ist ja keiner da, der für mich denken und sorgen könnte. Ich bin ganz allein, und ich muß versuchen, die langen dunklen Wintermonate zu überstehen. Ich rechne nicht damit, daß diese Aufzeichnungen jemals gefunden werden. Im Augenblick weiß ich nicht einmal, ob ich es wünsche. Vielleicht werde ich es wissen, wenn ich den Bericht zu Ende geschrieben habe. Ich habe diese Aufgabe auf mich genommen, weil sie mich davor bewahren soll, in die Dämmerung zu starren und mich zu fürchten. Denn ich fürchte mich. Von allen Seiten kriecht die Angst auf mich zu, und ich will nicht warten, bis sie mich erreicht und überwältigt. Ich werde schreiben, bis es dunkel wird, und diese neue, ungewohnte Arbeit soll meinen Kopf müde machen, leer und schläfrig. Den Morgen fürchte ich nicht, nur die langen, dämmrigen Nachmittage.

Ich weiß nicht genau, wie spät es ist. Wahrscheinlich gegen drei Uhr nachmittags. Meine Uhr ist verlorengegangen; aber sie war mir schon vorher keine große Hilfe. Eine winzige, goldene Armbanduhr, eigentlich nur ein teures Spielzeug, das die Zeit nie richtig anzeigen wollte. Ich besitze einen Kugelschreiber und drei Bleistifte. Der Kugelschreiber ist fast ausgetrocknet, und mit Bleistift schreibe ich sehr ungern. Das Geschriebene hebt sich deutlich vom Papier ab. Die zarten grauen Striche verschwimmen auf dem gelblichen Grund. Aber ich habe ja keine Wahl. Ich schreibe auf der Rückseite alter Kalender und auf vergilbtem Geschäftspapier. Das Briefpapier stammt von Hugo Rüttlinger, einem großen Sammler und Hypochonder. Mit Hugo sollte eigentlich dieser Bericht anfangen, denn wäre seine Sammelwut und Hypochondrie nicht gewesen, säße ich heute nicht hier; wahrscheinlich wäre ich überhaupt nicht mehr am Leben. Hugo war der Mann meiner Kusine Luise und ein ziemlich vermögender Mensch. Sein Reichtum stammte aus einer Kesselfabrik. Es waren ganz besondere Kessel, die nur Hugo erzeugte. Leider habe ich, obgleich ich es mir oft genug erklären lassen mußte, vergessen, worin die Einmaligkeit dieser Kessel lag. Es tut auch gar nichts zur Sache. Jedenfalls war Hugo so vermögend, daß er sich irgendetwas Besonderes leisten mußte. Er leistete sich also eine Jagd. Ebenso gut hätte er Rennpferde oder eine Jacht kaufen können. Aber Hugo fürchtete Pferde, und es wurde ihm übel, sobald er ein Schiff betrat.

As for translation, as you know, in classical translation studies, there are three main ways of audiovisual translation of verbal film text: subtitling, dubbing (lip-sync) and translation for voice-over. This classification is presented by Giuseppe Palumbo in his book *Key Terms in Translation Studies* [Palumbo, 2009]. S. A. Kuzmichev identifies four forms of translation of audiovisual texts: 1) voice-over, 2) dubbing, 3) simultaneous translation, 4) subtitling [Kuzmichev, 2012, p. 142-143; Gorshkova, 2006].

The choice of the translation method is determined by several factors, such as the size of the national market, budget and economic feasibility, language family, etc. Our subject - the translation of "Die Wand" into Russian is presented in two versions in the form of voice-over. As an example, we will give one small original fragment from the German text and three translation options: the Russian rendering of the novel by Elena Krepak and two versions of film translation:

Table 1.

The original in German	Translation of Elena Krepak	Version of film translation (1)	Version of film translation (2)
Ich schreibe nicht aus Freude am Schreiben; es hat sich eben so für mich ergeben, daß ich schreiben muß, wenn ich nicht den Verstand verlieren will. Es ist ja keiner da, der für mich denken und sorgen könnte. Ich bin ganz allein, und ich muß versuchen, die langen dunklen Wintermonate zu überstehen.	Я пишу не потому, что мне доставляет удовольствие писать; просто случилось так, что я должна писать, если не хочу лишиться рассудка. Здесь ведь нет никого, кто бы мог подумать и позаботиться обо мне. Я совсем одна и должна как-то пережить долгую тёмную зиму.	Я пишу это не потому, что мне нравится вести дневник. Так получилось, что я должна писать, чтобы окончательно не потерять рассудок. Здесь нет никого, кто бы мог думать обо мне и заботиться. Я здесь совсем одна, и я должна попытаться сделать всё, чтобы пережить эти темные и длинные зимние месяцы.	Но я пишу его не от чувства радости и не от возможности писать. Просто так уж получилось, что мне нужно писать. Ибо если я не буду делать это, то я просто сойду с ума. Здесь нет никакого, кто мог думать обо мне или заботиться обо мне. Я совершенно одна, и я должна попытаться пройти через эти длинные зимние месяцы.

A comparison of translations demonstrates the superiority of the literary translation of the novel over the two types of film translation. At the same time, the second version suffers from obvious stylistic errors, although here we are not talking about simultaneous translation. The fact that the translators who prepared the film translation did not use the already existing translation of the novel can, of course, be explained by copyright issues. But it's still a pity that Marlen Haushofer's language has lost its simplicity and transparency. It seems that in the process of film translation it would be advisable to use successful translations of the novels being adapted for the screen.

5. Conclusions and perspectives

The tasks for further research may be: 1) continued analysis of fragments of the German film text, which represent different “Themenentfaltungen” – compositional speech forms 2) highlighting characteristic language markers; 3) comparison of these mediums with their translation into Russian (as well as with their literary translation); 4) determination of the main methods of translation; 5) identification of possible errors and inaccuracies with their subsequent classification.

Sources

- Marlen Khauskhofer. Stena. SPb: Fantakt, 1994. – 288 s. <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/437271-marlen-haushofer-stena.html> (accessed 21.10.2021).
 Marlen Haushofer. Die Wand. Ullstein Taschenbuch Verlag, 2012. – 288 S. <https://www.kostenlosonlinelesen.net/kostenlose-die-wand> (accessed 21.10.2021)
<http://bot.filmhd1080.one/9757-stena-2011-smotret.html> (accessed 23.11.2021).

References

- Allison, D. (2007) "Film/Print: Novelisations and Capricorn One." M/C Journal 10.2. echo date ('d M. Y'); ?> <http://journal.media-culture.org.au/0705/07-allison.php> (accessed 21.11.2021).
 Cherniavskaia, V.E. (2009) Lingvistika teksta Polikodovost. Intertekstualnost. Interdiskursivnost: ucheb.posobie / V. E. Cherniavskaia. – M.: URSS. (in Russian)

- Gottlieb, H. (1998) Subtitling / ed. by M. Baker, M. // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London and New York: Routledge, – pp. 244–248.
- Eliseeva, A.V. (2014) Tipy intertekstualnykh svyazei pri ekranizatsii literaturnykh proizvedenii (na materiale filmov R. B. Fasbinder) // Izvestiia gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. – pp. 13-12. . <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-intertekstualnykh-svyazey-pri-ekranizatsii-literaturnykh-proizvedeniy-na-materiale-filmov-r-v-fasbinder/viewer> (accessed 29.10.2021) (in Russian)
- Gorshkova, V.E. (2006) *Perevod v kino Tekst.* / V.E. Gorshkova. Irkutsk: MIGLU. (in Russian)
- Kozuljaev, A.V. (2015) Obuchenie dinamicheski ekvivalentnomu perevodu audiovizualnykh proizvedenii: opyt raboty i osvoeniia innovatsionnykh metodik v ramkakh shkoly audiovizualnogo perevoda // Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy iazykoznanii i pedagogiki. № 3(13). – pp. 3-34. (in Russian)
- Kuzmichev, S.A. (2012) *Perevod kinofilmov kak otdelnyi vid perevoda.* – Vestnik MGLU, №9.– pp. 140-149. (in Russian)
- Lotman, Iu.M. (2016) *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* / L.L. Neliubin. Tallinn: Eesti Raamat.
- Palumbo, Giuseppe. *Key Terms in Translation Studies.* London SE1 7NX, 2009 – 212 p. <https://literariness.org/wp-content/uploads/2021/02/Literariness.org-Giuseppe-Palumbo-Key-Terms-in-Translation-Studies-2009-Continuum.pdf> (accessed 20.11.2021). (in Russian)
- Rajewsky, I.O. (2002) *Intermedialität.* Tübingen, Basel: A. Francke Verlag.
- Slyshkin, G. G. & Efremova, M. A. (2004) *Kinotekst (opyt lingvokulturologicheskogo analiza).* M.: Vodolei Publishers.
- Trishin, V. N. (2012) *Bolshoi slovar-spravochnik sinonimov russkogo iazyka sistemy ASIS, versiiia 8.0, 3 iiulia 2012.* (in Russian)
- Valgina, N.S. (2003) *Teoriia teksta.* M.: Logos, 2003. (in Russian)
- Wildfeuer, J. (2013) *Der Film als Text? Ein Definitionsversuch aus linguistischer Sicht.* In: *Film-Text-Kultur. Beiträge zur Textualität des Films.* Hg. Kepser/Bateman/Kuhn. Marburg. pp. 32-57.

UDC 81.42

A. KASHCHEYEVA

Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russian Federation

ACADEMIC TEXT IN COGNITIVE-DISCURSIVE PARADIGM: RESEARCH PERSPECTIVES

The article aims to identify the main prospects for studying the cognitive potential of the English-language academic text in different subject areas. It summarizes the existing research directions and clarifies the understanding of the academic text within the cognitive-discursive approach. The main method is the analysis of theoretical sources on the problem. The author notes the relevance of studying the academic text as a multilevel concept that implements the orienting function of the language. The novelty and perspective of the research lies in the systematic study of the academic text as a multidimensional concept. The author claims that it is necessary to reveal and summarize the characteristics of the academic text that can become systemically important for determining and enhancing its cognitive potential in the learning process. These characteristics include goals, the subject area, and the category of style.

Key words: academic text, cognitive-discursive approach, orienting language function, goal, subject area, discourse style.

А.В. КАЩЕЕВА
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Тамбов, Российская федерация

УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью статьи является определение основных перспектив исследования когнитивного потенциала англоязычного учебного текста в разных предметных областях. Обобщены направления исследований учебного текста, развивающие когнитивно-дискурсивный подход. Уточнено понимание учебного текста в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. Основным методом является анализ теоретических источников по проблеме. Автор отмечает актуальность изучения учебного текста как многоуровневой структуры, реализующей ориентирующую функцию языка. Новизна и перспектива исследования заключается в системном исследовании учебного текста как многоаспектного концепта. Подчеркивается необходимость выявления характеристик учебного текста, способных стать системообразующими для определения и увеличения его когнитивного потенциала в процессе обучения. К таким характеристикам относятся предметная область, цель, дискурсивный стиль.

Ключевые слова: учебный текст, когнитивно-дискурсивный подход, ориентирующая функция языка, цель, предметная область, дискурсивный стиль.

Introduction

To date, the cognitive-discursive paradigm of language studies is the new research direction for text analysis [Demyankov, 2005; Kubryakova, 2004; Chernyavskaya, 2017]. In 2004, E.S. Kubryakova claimed that cognitive linguists should answer the question of "... what can be extracted from the texts, in addition to the data on how this or that particular text is constructed, and why those but no other linguistic forms and constructions are used in it" [Kubryakova, 2004, p. 506]. This thesis reflects that cognitive linguistics understands a text as a source of linguistic and extra linguistic knowledge. The cognitive aspect of text studies stems from the "special cognitive ability" of the language [Boldyrev, 2021, p. 31]. The ability manifests itself in human mental activity that results in composing texts [Kubryakova, 2004, p. 505].

So far, quite few linguistic studies have clarified the connection between human mental activity and its textual results. It still remain unknown what linguistic features make a text effective for gaining knowledge in the academy, or, in other words, are basic for the cognitive potential of an academic text.

We claim that the academic text plays a significant role in the cognitive process and possesses a cognitive potential. In this study we define the academic text as the one we create or/and use as a teaching tool. The aim of the study is to look at directions that analyze the academic text within the framework of the cognitive-discursive approach. We will determine some systemic characteristics of the academic text that constitute its cognitive potential. We further aim to identify: the conceptions of the academic text within the cognitive-discursive paradigm, and systemic characteristics of the academic text that constitute its cognitive potential.

Methods and Materials

In this paper, we analyzed basic cognitive linguistic studies on the problem of text and discourse for the past fifteen years. Also, we looked at more recent studies on cognitive and linguistic features of academic texts. We managed to identify the main concepts of the academic text as a

specific language unit. Further, we aim to specify more features of academic texts to develop a paradigm of its cognitive potential.

Results

Cognitive-discursive principle has proved to be highly beneficial for text study. It expands linguistic analysis to the “general philological and cultural analysis” [Kubryakova, 2004, p. 507]. The expanded analysis lies in the area of discourse. In practice, we require to clarify such contextual characteristics of the text as targeting, pragmatic features, and cultural conditions [Kubryakova, 2004]. As we consider academic texts in the cognitive-discursive paradigm, we accept the idea that a text is a concept in itself. E.S. Kubryakova emphasizes that it is important to create the concept of “text” in the mind of the researcher, to define the precise role of the text in cognition, and clarify the characteristics that determine its cognitive role Kubryakova, 2004, p. 512].

A concept is a complex mental entity that can be described as a model. Thus, it is possible to model the concept of the academic text with some systemic properties that make it independent and holistic. Some linguists share this idea. They believe that a cognitive text model is multidimensional by nature. They assume that it includes psycholinguistic, semantic, conceptual and discursive levels of components, namely “... attraction of knowledge about mental processes; attention to the conceptual structure of the text; distinguishing between semantic and conceptual analysis; taking into account the phenomena of intertextuality, hyper textuality, and discursiveness” [Romanova, 2013, p. 180].

We agree with this text model but we doubt if it is systemic enough. Instead, we believe that a multilevel text model is necessary but lacks internal links and hierarchy. We hypothesize that only due to systemic properties academic texts implement their cognitive potential most efficiently. In particular, systemic principle in text description can be most productive because systemic factors activate the whole cognitive model. The specificity of the academic text would become evident if we reveal the links and hierarchy of properties at different levels that contribute to the effective transfer and successful comprehension of knowledge. We will further select the text properties that we find basic and systematic for the “academic text” concept.

Firstly, the subject area of the text. Text analysis depends on a specific context for a text type. Linguists claim that due to the variety of subject areas there are no universal text features. It is impossible to summarize general properties and features of the texts that belong to different functional language systems [Aleksandrova, 2007, p. 39]. However, some linguists have used discourse analysis to conclude that texts from one subject area have some similar properties, which are deliberate and specific. The sets of texts with such properties form “text fields” [Chernyavskaya, 2017, p. 138]. Therefore, the notion of the “text field” narrows the one of “a text” in relation to the subject area. We claim that academic texts lie in and depend on two or more subject areas: the scientific area(s) a text explains, and the educational area. We suppose that educational area is in itself a specific form to organize human cognitive activity.

Secondly, the text goal. Among many communicative functions of texts (e.g. persuade, encourage, inform) academic texts mainly implement educational function. It, in turn, correlates with the orienting language function, which “... serves to establish a fairly stable correlative connection between what is perceived, seen and understood by a person in the world as it is and what is named, designated and included in description” [Kubryakova, 2009, p. 10]. The thesis actually proves that the goals of the author and the recipient of the text correlate intensively. To orient a reader in the subject area it is best to focus his attention on the subject [Kubryakova, 2009]. We suppose that the integrated view of the general educational goal, the individual goals of the author and those of the reader would make the study of the text cognitive potential in the educational area complete.

Thirdly, discourse style. Contextual properties of the academic text relate to the sphere of discourse analysis, namely academic discourse. The term “discourse style” accumulates all contextual properties. Cognitive-discursive approach to text studies views discourse style as a knowledge format that influences text type. It states that discourse style is “... the essence of the

cognitive program for the formation of texts" [Belyaevskaya, 2010, p. 25]. In other words, if the author is aware of the discourse style, he knows text genres and types and is able to compose one. A researcher can describe a text type in the form of a multilevel conceptual model that includes the categories of the communicative sphere, the author and the recipient, text functions, the ways to express the main idea, and the category of reference. From linguistic perspective, text style influences the choice of linguistic and organizational features of the text. [Belyaevskaya, 2010]. In cognitive linguistics contextual knowledge refers to the area of collective knowledge. Thus, a text is a means to categorize collective knowledge [Dubrovskaya, 2012].

We also reviewed some linguistic studies on academic texts. It shows that most researchers study particular aspects of the text or their relationship in one way or another. Most of the findings have educational value. For example, the relationship between "linguistic cognitive structures and phenomenological cognitive structures" [Gilovaya, 2020, p. 51] reflects the interaction between text production ability and knowledge of the subject area. The author emphasizes some conceptual and psycholinguistic aspects of text analysis.

The next paper focuses on the conceptual, content and discursive aspects of academic texts. It finds out correlation between the subject matter, the composition and text style [Gvishiani, 2015].

Another study notes the importance of some content and organizational structure of academic texts: the density of information distribution, the use of terminology and illustrative material, and the abstract or concrete presentation [Konovalova, 2020, p. 170].

The following paper traces the correlation of the conceptual and content aspects in academic texts [Lysakova, Zheleznyakova, 2018]. It concludes that in terms on concepts, most academic texts primarily include the ones that relate to professional knowledge. Such concepts must be deep, unambiguous and easy to interpret correctly. In terms of contents, it formally correlates with text organization and organizational mechanisms, in particular, perspective [Lysakova, Zheleznyakova, 2018; Rubas et al., 2021].

A great number of studies cover the use of academic texts in Russian. They analyze linguistic, organizational, and discursive aspects of the academic text. They also emphasize that pragmatic potential of the academic text fosters the communicative competence of the readers. [Gilovaya, 2020; Lysakova, Zheleznyakova, 2018].

Several studies aim to view linguistics properties of academic texts in foreign languages used in Russian education. For example, the authors specify pragmatic characteristics of English academic texts [Turlova, 2017]; or the spatiality in the contents of academic texts [Cheremisina, 2011]. Unlike the present studies, we aim to analyze the correlation of multiple aspects of academic texts from different subject areas.

Discussion

We found that the studies of academic texts within the cognitive-discursive paradigm should include the general subject area (technical, humanitarian, natural scientific or linguistic) and a narrower thematic area. This systemic format of total data about the text can help to determine the cognitive potential of the academic text as a linguistic unit used in the process of cognition.

The analysis proves that the key systemic factors that drive the academic text are the subject area, and the text style. The subject area contains a limited number of topics discussed in academic texts, so it narrows the contents and the structure of academic texts to the target most comprehensive format.

Also, the subject area of the educational process defines the main goal of the authors and recipients of academic texts. The goal of academic texts is mainly educational in terms of the sphere and explanatory in terms of the language itself. Academic texts transfer knowledge and orient students in the subject area and the topic by focusing the language units and, thus, the students' attention on the most significant parts of the text. Therefore, the goal of the academic text can be viewed as an integrated aspect.

On the other hand, the categories of the author and the recipient are basic for the educational context because they implement individual functions, which is the style domain. Apart from the main educational goal, a recipient may pursue other individual goals why he gains information from an academic text. For example, he may want to prove his inferences about the topic under study. In this case the academic text plays both informative and persuasive functions. As the text type depends on the discourse style, we further need to specify the other important aspects of the educational context.

Conclusion

To summarize, the systemic studies of the academic text properties is a new prospect of linguistic research within the cognitive-discursive paradigm. This principle will help to reveal the cognitive potential of the academic text in the process of education and cognition. We consider that the properties of the subject area, the goal, and the text type are systemic for the study. We further aim to reveal and generalize additional categories which help to explain the research problem.

References

- Aleksandrova, O.V. (2007) Diversity of speech and its discursive characteristics // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No.4. P. 36-39. (In Russian)
- Belyaevskaya, E.G. (2010) Cognitive Parameters of Style // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No.1. P. 22-29. (in Russian)
- Boldyrev, N.N. (2021) *Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics*. Tambov. (in Russian)
- Gvishiani, N.B. (2015) Registers, genres and disciplines in subject discourse // *Vestnik SamGU*. No.4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/registry-zhanry-i-distipliny-v-sostave-predmetnogo-diskursa> (accessed: 24.05.2021). (In Russian)
- Gilovaya, E.A. (2020) Formation of linguistic and subject competencies among foreign students based on linguistic and phenomenological cognitive structures (based on texts in mathematics) // *Baltiyskij gumanitarny`j zhurnal*. Vol.9. No. 2(31). P. 49-52. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-yazykovoy-i-predmetnoy-kompetentsiy-u-inostrannyh-studentov-na-osnove-lingvisticheskikh-i-fenomenologicheskikh> (In Russian)
- Demyankov, V.Z. (2005) Cognition and Text Understanding // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No. 3. P. 5-10. (in Russian)
- Dubrovskaya, O.G. (2012) Discursive style as a format of knowledge // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No.1. P. 29-39. (in Russian)
- Kononova, N.I. (2020) Modern educational text on the Russian language: mechanisms of perception and design principles // *Filologicheskij klass*. No.1. P. 164-172. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-uchebnyy-tekst-po-russkomu-yazyku-mehanizmy-vospriyatiya-i-printsipy-konstruirovaniya> (accessed: 30.06.2021). (In Russian)
- Kubryakova, E.S. (2009) In search of the essence of language // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No.1. pp. 5-12. (in Russian)
- Kubryakova, E.S. (2004) *Language and Knowledge: On the path of acquiring knowledge of language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Moscow. (In Russian)
- Ly`sakova, I.P. & Zheleznyakova, E.A. (2018) *Linguo-cognitive features of educational text // Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazy koznanie*. No.3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokognitivnye-osobennosti-uchebnogo-teksta> (accessed: 30.06.2021). (in Russian)
- Romanova, T.V. (2013) Cognitive analysis of the text: work on methodological mistakes // *Teoreticheskie i prikladny`e aspekty` izucheniya rechevoj deyatel`nosti*. Nizhnij Novgorod. pp. 170–181. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_19106919_16156136.pdf (accessed: 28.06.2021). (in Russian)

- Rubas, E.A., Shcherbak, A.S. & Agmanova, A.E. (2021) Mechanism "PERSPECTIVATION" in understanding the educational text // Neofilologiya. No.26. pp. 241-247. (in Russian)
- Turlova, E.V. (2017) Linguopragmatic parameters of the functioning of the modern English-language educational discourse // Vestnik OGU. No.1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragmaticheskie-parametry-funktsionirovaniya-sovremennogo-angloyazychnogo-uchebnogo-diskursa> (accessed: 20.06.2021). (in Russian)
- Cheremisina, S.B. (2011) The special nature of the educational and scientific text: formulating the problem // Filologiya i chelovek. No.3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spatsialnost-uchebno-nauchnogo-teksta-k-postanovke-problemy> (accessed: 30.06.2021). (in Russian)
- Chernyavskaya, V.E. (2017) Methodological possibilities of discourse analysis in corpus linguistics // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. 2017. No.50. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-vozmozhnosti-diskursivnogo-analiza-v-korpusnoy-lingvistike> (accessed: 08.06.2021). (in Russian)

UDC 81-23

O. KHARITONOVA

Chuvash State University,
Cheboksary, Russian Federation

N. TROFIMOVA

St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

THE DYNAMIC MODEL OF SENSE IN APPLICATION TO SYMPATHIC SPEECH ACTS

The present article is an attempt to apply the model of sense to sympathetic speech acts making up a group of expressives. The model of sense is a universal dynamic structure consisting of several components that can be referred to as elementary senses. Prior research in this field showed how this sense model is realized in other selected expressive speech acts. The undertaken analysis of numerous examples of sympathics in the German language clearly states that all elementary senses may be found in them as well. The article dwells upon the place the elementary senses occupy in the general sense of utterance structure and the peculiarities of their realization.

Key words: sympathetic speech acts, sense of utterance, dynamic model of sense, condolence, sympathy, regret.

О.Е. ХАРИТОНОВА

Чувашский государственный университет
Чебоксары, Российская федерация

Н.А. ТРОФИМОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СМЫСЛА В ПРИЛОЖЕНИИ К СИМПАТИВНЫМ РЕЧЕВЫМ АКТАМ

В данной статье сделана попытка применить концепцию динамического смыслопорождения к симпативным речевым актам, составляющим подгруппу класса экспрессивов. Авторы опираются на понятие модели смысла - универсальной динамической структуры, состоящей из нескольких универсальных компонентов (элементарных смыслов). Предыдущие исследования в этой области показали, как эта модель смысла реализуется в других экспрессивных речевых актах. Проведенный анализ многочисленных примеров высказываний симпативов (соболезнования, сочувствия, сожаления) в немецком языке показывает, что в их смысловой структуре представлены все элементарные смыслы. В статье определяется их место в общей конфигурации смысла высказывания и особенности их реализации.

Ключевые слова: сочувственные речевые акты, смысл высказывания, динамическая модель смысла, соболезнование, сочувствие, сожаление.

Introduction

Researching the sense of utterance and the ways of its appearance, compilation, modification and interpretation by the addressee is being topical in today's linguistics as wrong interpretation of the sense of the utterance may lead to a communicative failure or a language conflict (Karasik 2006, 316). The results of a research presented hereby dwell upon the sense of the utterances realizing in the German lingual culture such speech acts as condolence, regret and sympathy. The results also show the general sense configuration in these speech acts and the language means actualizing separate elementary senses in the general sense unity.

The classical theory of speech acts and linguistic pragmatics, as well as the concept of dynamic meaning generation (Trofimova 2009) were chosen as the research methodology. The material of the research includes real-life examples from oral and everyday conversational speech, collected by the authors during their research work in Germany, which make it possible to fix the same type of utterances as in the case of written corpora. The written corpus used for the search of the examples and their analysis is the COSMAS II project by IDS Mannheim. Additionally, a special survey based on modeled situations and eliciting speech reactions from the native speakers of German of various ages contributed greatly to the empiric material of the study. The speech acts of sympathy, regret and condolence have been chosen as the object of the study due to their insufficient coverage in modern linguistic research which can possibly be accounted for by the general delicacy and sensitivity of the situations where they are pronounced. This certainly makes the selection of necessary empiric research material more difficult than in the case of other speech acts. The choice of sympathics is also justified by the absence of their full comprehensive description on the material of the German language. The study uses a comprehensive linguistic analysis of speech acts, comprising structural, semantic and functional analyzes.

The rest of the paper is organized as follows. Section 2 discusses scientific approaches to the study of sympathics and defines the novelty of the present study. Section 3 introduces the class of sympathetic speech acts as a subclass of expressives. Section 4 briefly describes a universal dynamic sense model. Section 5 - the empirical part of the paper - shows the representation of

the universal components of sense in the surface structure of a sympathetic utterance. The conclusion summarizes the overall outcome of the study.

Research background

Sympathetic speech actions do not often become the object of research, perhaps because of the intimacy of the situation in which they are performed, what was mentioned above. But there are a number of works devoted to one or another aspect of the speech acts under consideration: sympathy as a key element of the Russian linguistic picture of the world (Zaliznyak, 2005), a comparative analysis of empathy in English and Russian (Kazachkova 2006), the communicative and pragmatic potential of German lexemes expressing sympathy (Ladosha 2020), linguistic means of sympathy in Internet communication (Popova 2021), means of linguistic realization of consolation (Rabenko 2012), condolence as an act of etiquette communication (Mitina 2012, Resenchuk 2017, Trofimova 2008), condolence strategies in social networks (Al-Shboul 2013, Moghaddam 2012); expression of compassion (Goetz, Keltner, Simon-Thomas 2010) and some other works. The lack of a comprehensive examination of sympathies on the material of the German language determines the novelty of the research undertaken. Another element of novelty is the consideration of sympathetic speech acts from the standpoint of the concept of sense formation, which allows the researcher to penetrate into the deep structure of the utterance and determine the dominant elements of its semantic structure.

Sympathetic speech acts

Speech acts of condolence, sympathy and regret being typical representatives of the expressive speech acts class are combined for the sake of the current analysis into a separate group of so-called sympathetic speech acts (Kharitonova 2019, 103) within the subclass of sociatives. Such uniting is possible on the basis of their similar semantics, pragmatics and functioning in speech. The distinguished subclass of sociative speech acts within the expressive speech acts means that the speaker accepts the hearer as the member of the same social group and that acceptance is being expressed in certain standard situations (Trofimova 2008, 23). Truly, condolence, regret and sympathy, even if considered as typical, standardized manifestation of courtesy and politeness, as etiquette clichés, are only pronounced in a situation where the speaker accepts the hearer as an equal in status, when the former is interested in building and developing a kind relationship or means to escape a confrontation in the future. All these speech acts aim at observing social norms and rituals and may be referred to regulated speech behavior (Kharitonova 2019, 103). In addition to that, condolence, regret and sympathy pursue a similar illocutionary purpose, or have a similar illocutionary point. They are realized in order to support the addressee, to comfort them or cheer them up, to express indifference, to show that the hearer is not alone with their problem or suffering. The effect of such utterances on the hearer may be defined as stabilizing. Besides, all these speech acts contain in their proposition, or semantic content, a common trait. This is a certain state of things existing in reality which is considered by both communicants – the speaker and the listener – as negative and unfavorable and the speaker bears negative emotions in relation to that state of things.

Social relationships between the addressee and the speaker do not play a significant role in the expression of sympathies. All participants in a communicative act become equal, social differences are leveled, only sympathy remains, which does not know age or status boundaries. It is quite natural that condolence or sympathy is expressed not only to a loved one, but also to a complete stranger. In both cases, it can be both emotional and sincere, and ritual, serving as a tool for maintaining relationships. It all depends on the situation and on the psychological characteristics of the person, as well as on his/her emotional state. Some researchers (S. Marten-Cleef, T.V. Tarasenko, N.I. Formanovskaya) consider the sincerity condition optional when performing a sympathetic speech action (as, in fact, when performing any etiquette speech action), substantiating their opinion with an extremely formalized form of its expressions. However, the use of generally accepted clichés does not necessarily mean that the speaker is completely indifferent to the conditions of the event context. Formal words of sympathy are the framework

elements of psychological support for the addressee. If they are insufficient, they are supplemented by other speech actions, expressed by more intense, individualized linguistic means.

Model of dynamic sense generation

The remarkable property of language is that it is able, while combining the forms, to explicate not only fixed values of linguistic units, but also the meanings which the speaker just conceives; the addressee can judge about their nature only indirectly, he/she restores them, based on the linguistic and pragmatic competence, we often complement or transform these meanings in accordance with the momentary state of our individual consciousness.

This important priori assumption underlies the purpose to justify the hypothesis of the dynamic nature of the sense formation of any linguistic expression. The essence of the process of sense formation is the ability of any component of the utterance to continuous change and deployment of sense. The utterance sense is seen as a multidimensional continuum, which elements (elementary meanings induced by language units) are in constant motion, they change their size and position in the semantic whole, they overlap, replacing each other under the influence of heterogeneous and diverse factors in accordance with the relevant linguistic and extra linguistic context.

The common sense continuum is determined by dominance of the particular elementary sense. Yet it does not mean the elimination or failure of others. All elements of the semantic continuum always "shine" through it, forming a hierarchical set of the multiple whole. Depending on various circumstances, one or another element comes to the fore as a decisive force in the integration of sense at a particular moment, all others move away and peep out only in a more or less long term.

The analysis let us order an identified set of components, each of which has its own structure and features of realization, which depend on the pragmatic situation. These components unite into a multi-component dynamic structure, a kind of frame. The slots (sense components or elementary senses) of the frame are: proposition, intention, evaluation, emotion and relation (the speaker's attitude to the partner)²⁸. These elementary senses can be considered as basic and obligatory²⁹. But the significance of each elementary sense, their "weight", even the volume they take in the general semantic structure, and their mutual position within this sense unity can be different depending on the type of a speech act, thus changing the configuration of the general sense of the utterance. Such interpretation of the sense phenomenon allows to present sense as a universal (applicable to all types of utterances) dynamic (changing its layout accordingly) multi-component (comprising a definite number of basic and auxiliary sense elements) unity conveying a certain meaning gained from the semantics of the utterance.

Speaking about the multidimensionality of sense, we should not forget such aspect of it, as the situational, occasional meaning, created by certain elements of the utterance, which join unique semantic components in discourse. They are called connotative meanings - they take place in the expression of the subject's attitude to the subject of speech; or non-intentional meanings, because they occur against the will of the speaker in the process of the utterance perception.

All components of the holistic sense of the utterance (proposition, intention, evaluation, emotions, attitude of the speaker to the addressee, occasional meaning) are framed by the pragmatic competence, which determines the choice of linguistic forms, corresponding to the

²⁸ A more detailed description of the dynamic model of sense and its components can be found in the works by N.A. Trofimova (Trofimova 2010, 2011).

²⁹ Modal and occasional elementary senses sometimes can also be found in an utterance, they may be seen as optional and auxiliary.

case of communication. It is characterized by the speaker's awareness of the situation in general - of the participants and their roles in the denoted event, of listener's presumptive knowledge, his/her social role, etc. Due to the pragmatic competence of the speaker (the ability to determine the relevance/irrelevance of the sign under certain conditions of communication), he/she manages to avoid pragmatic failures, namely, the correct evaluation of the situation leads him/her to the correct choice of the speech act strategy, which can cause an adequate (expected) response of the partner.

To explicate the utterance sense, the language has developed a certain system of means, which are the operators of the sense creation and modification; they are the elements of the language system, which actualize either component of the utterance sense. The knowledge of these "code keys" opens the addressee the way to understanding speaker's intentions and the adequate interpretation of all elementary meanings actualized in the speech act.

Research results

In this section of the paper, we will consider how the components of sense are presented in sympathetic speech acts.

Proposition. The carried out research shows that the propositional elementary sense is always present in an utterance. However, the form of its presence is different in different types of speech acts. In the speech acts under analysis proposition means the occasion on which they are pronounced. This is a certain happening or a particular state of things in the real world which is considered as negative for the addressee, and the speaker shares the negative emotions the addressee is supposed to have, thus showing their empathy. And this is true for all the three speech acts in the study. In the case of regret, however, the direction of proposition is not limited to the addressee alone. The fact of reality considered as negative is presented by the speaker as unfavorable for everyone, so to say, "universally" unfavorable:

Was für eine schöne Frau! Nur schade, dass sie hinkt! (Schwartz)

The propositional elementary sense in sympathetic speech acts may be explicit. This is mostly the case when a sympathetic speech act is used to initiate communication or discussion: Schade, dass du gehst. In this example dass du gehst explicitly expresses the propositional meaning which requires verbal actualization. There would be otherwise too many ways to interpret the sense of this utterance.

Here are more examples of explicit expressing of the propositional part in incentive remarks:

Leider muss ich Ihnen mitteilen, dass Ihr Chef am frühen Morgen verstorben ist, mein herzliches Beileid (Schneider).

Mein Beileid zu deinem Verlust. Ich habe gehört, Thanos war ein großartiger Mann (Snow)

Schade, dass das Wetter nicht mitspielt. Doch die Stimmung ist trotzdem gut.

In the first example, we see a specific situation when condolences are expressed at the same time as the explication of the proposition in the form of the actual message of death to the colleagues of the deceased.

Nevertheless, as is proved by the research results, the characteristic feature of the sympathetic speech acts' functioning in everyday discourse in the form of a dialogue is that the propositional elementary sense in their sense structure is only implied in the majority of the examples. The occasion for pronouncing sympathics, especially condolence and sympathy, does not require verbalization. Both communicants are well aware of the reason to express sympathy and in serious cases deliberately try not to mention it again:

Das tut mir leid <...> Mein herzliches Beileid (Wilkenloh).

Entschuldigen Sie, das war nicht meine Absicht! Selbstverständlich wird alles, was ich gehört habe, von mir vertraulich behandelt, und ich möchte allen hier mein tiefstes Beileid aussprechen (Wilkenloh).

Intention. The next component of the sense unity to be analyzed is the intentional elementary sense. Basing on the research results we can state that in sympathics this element is the most crucial in the general sense-of-the-utterance structure, taking up the largest part of it, and is obligatory for actualization. Realization of intention is definitely the goal of any expressive

speech act, not to mention sympathics. Very often in sympathetic speech acts only the illocutionary part is expressed verbally emphasizing its importance:

Ich fühle mit Ihnen (Klugmann).

Mein Beileid <...> Sie müssen ja einiges durchgemacht haben in den letzten Tagen (Bauer).

Emotions. The following element of the sense structure is the emotive sense which can be further subdivided into three basic senses: emotional, evaluative and relational ones. These elementary senses are not equally represented in the general sense unity of sympathics. Thus, the emotional sense in the studied speech acts usually cannot be exposed to its full since it is restricted by the negative situation itself and the rituals accepted in the given linguosociety to regulate both verbal and non-verbal communication. Hence, this elementary sense is rarely verbalized, being, however, always "at hand" and ready for actualization through sense operators and modifiers if required. Such actualization may be necessary whenever the speaker wishes to go outside the limits of the ritual sayings in order to show the hearer their sincerity and genuine, specifically warm attitude.

The following examples may illustrate the cases of explicit expression of the emotional elementary sense by adverbial modifiers and emotional adjectives:

Aber ich finde es echt schade, dass sich unsere Wege dann morgen trennen (Meier)

Du hast mein zutiefst empfundenenes Mitgefühl! (Franzinger)

The emotive meaning is expressed not only by adjectives, but also by whole sentences, as, for example, in the following passage:

Ich weiß, dass es für diese Katastrophe keine tröstenden Worte gibt. Aber vielleicht gibt es Ihnen ein bisschen Halt, wenn ich Ihnen versichere, dass Berta und Sie einen nicht wegnehmbaren Platz in meinem Herzen haben. Mein aufrichtiges Beileid! (Janz)

The inclusion of assurances of sincere affection for the relatives of the deceased introduces into the cliché expression of condolence an element of emotionality and a warm attitude towards the addressee.

Evaluation. The evaluative elementary sense in sympathics does not require explication. It is "buried" in the deep layers of the sense-of-the-utterance complex. This is accounted for by the fact that the real life situations of condolence, sympathy or regret, as is already stated above, suggest a quite clear and unambiguous negative evaluation of the propositional content by both the speaker and the hearer. This condition being violated the communicative act is destined to fail. Thus, verbalization of the evaluative sense in sympathetic speech acts is excessive.

5.5. Relation. The relational sense component is always present in utterances realizing sympathetic speech acts. Moreover, it is obviously the most important one within the "tricuspid" emotive sense since the mere fact of pronouncing a regret, a sympathy or a condolence is already an acknowledgment of the speaker's non-neutral attitude towards the interlocutor. This particular sense element may also be amplified. It is brought to the foreground in the general sense structure by a syntactic or lexical change in the standard performative pattern or by use of adjectival or adverbial modifiers such as, for example, ehrlich, wirklich, echt, aufrichtig: Wie schade. Wirklich schade. Wo Sie doch Barsch so mögen... (Nilsson). The relational elementary sense often comes forward as closely interconnected with the emotional one, both being realized in speech by the same or similar sense operators. Compared to a reserved cliché Mein Beileid!, the full formula including both anthropocomponents and an adjectival modifier Darf ich dir mein herzliches Mitgefühl aussprechen? elicits the speaker's warm, cordial attitude to the hearer. Here are more examples of the verbal representation of the relational elementary sense:

Unser tiefstes Beileid, mein Freund. Dafür gibt es keine Worte (Pauls)

Ich möchte Ihnen als Erstes mein Beileid aussprechen (Mader).

Ich möchte Ihnen meine Anteilnahme und mein Beileid ausdrücken (Pauls)

In the above examples such a component of the general sense structure as the modal sense can be found, its operators being modal verbs möchte, darf, muss. The functions performed by these operators of modal meaning are identical in all expressive speech acts - making some "run-up"

before the implementation of the main intention, in addition, verbalizing intentionality, meaningfulness of a speech action, marking its non-spontaneous nature.

Conclusions

The performed complex morphosyntactic, semantic and pragmatic analysis of regret, sympathy and condolence utterances in the German language enables us to draw the following conclusions:

1. In sympathetic speech acts the intentional elementary sense dominates the whole sense unity.
2. The propositional sense component is normally not expressed explicitly.
3. The evaluative, emotional and relational sense components are necessarily present in the general sense unity of sympathetic speech acts but they are not equally represented in it. The evaluative and emotional elementary senses are, as a rule, not verbalized. The most important element of the emotive part of the sense of the utterance is the relational sense.
4. The conducted research proves the multi-component nature of sense in sympathetic speech acts. Along with this, sense is capable of modification and change of configuration depending on the speech act type performed, the pragmatic situation in which communication takes place and the language means the communicants possess and the speaker chooses in order to realize their communicative intention.

Sources

- Bauer, H. Karambolage. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2011.
Franzinger, B. Pilzsaion: Tannenbergs erster Fall. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2009.
Janz, D. Schatten über Adlig-Linkunen. Bayreuth: Verlag Kern, 2009.
Klugmann, N. Schlüsselgewalt. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2009.
Mader, R.A. Glasberg. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2011.
Meier, M. Wo die wilden Geister wohnen. Langenargen: MTM-Verlag, 2021.
Nilsson H. Das geheime Manuskript des Hermann Freytag. München: Random House, 2016.
Pauls, Ch. Ein Leben lang. Palm Coast: Grey Eagle Publications, 2018.
Schneider, H. Schwarzkittel. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2011.
Snow, S. Meister der Spiele. Kindle-Ausgabe, 2021.
Wilkenloh, W. Poppenspäl. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2011.

References

- Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. (2005). "Lyubov' i sochuvstviye: k probleme universal'nosti chuvstv i perevodimosti ikh imen (Love and sympathy: to the problem of universality of feelings and translatability of their names)". In: Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 205-225. (in Russian)
- Kazachkova, Yu.V. (2006). Vyrasheniye sochuvstviya v russkom i angliyskom rechevom obshchenii (Expression of sympathy in Russian and English speech communication). Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Saratov: SGU. (in Russian)
- Karasik, V.I. (2006) "Smyslovaya svoboda znaka i tipy obscheniya (Semantic freedom of a sign and types of communication)". In: Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sociokulturnom kontekste sovremennosti. Vyp. 20. Ekaterinburg: UrGU. 316-328. (in Russian)
- Ladosh, O. M. & Khlopova, A. I. (2020). "Kommunikativno-pragmatischeskiy potentsial leksemy Mitleid v nemetskoyazychnoy internet-kommunikatsii (Communicative and pragmatic potential of the lexeme Mitleid in German-language Internet communication)". In: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. №22 (2). (in Russian)
- Mitina, Ye.A. (2012). "Rechevoy zhanr "soboleznovaniye" v russkoy lingvokul'ture (Condolence speech genre in Russian linguoculture)". In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. №2 (236). Filologiya. Iskusstvovedeniye. Vyp. 62. (in Russian)
- Popova, K.A. (2021). Analiz yazykovykh sposobov sochuvstviya v zhanre internet-kommentariya v nemetskom yazyke (Analysis of linguistic ways of compassion in the genre of Internet commentary in German): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (in Russian)

- Rabenko, T. G. (2012) “Zhanr utesheniye i sredstva yego yazykovoy realizatsii (The genre of consolation and the means of its linguistic realization)”. In: Vestnik KemGU. № 4(52). V. 4. 107–111. (in Russian)
- Resenchuk, A.A. (2017). Soboleznovaniye kak akt rechevoy etiketnoy kommunikatsii (Condolence as an act of verbal etiquette communication). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Saratov. (in Russian)
- Trofimova, N.A. (2010) Mozaika smysla: elementy i operatory ikh porozhdeniya (Mosaic of meaning: elements and operators of their generation). SPb.: IVESEP. (in Russian)
- Trofimova, N.A. (2008). Ekspressivnyye rechevyye akty. Semanticheskiy, pragmaticheskiy, grammaticheskiy analiz (Expressive speech acts. Semantic, pragmatic, grammatical analysis). SPb.: VVM. (in Russian)
- Trofimova, N.A. (2015). “Soboleznovaniye: lingvisticheskiy vzglyad (na materiale nemetskogo yazyka) (Condolences: a linguistic view (based on the material of the German language))”. In: Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. V. 15. Vyp. 2. 39–44. (in Russian)
- Kharitonova, O.Ye. (2019). “Simpativy v sostave ekspressivnykh rechevykh aktov (Sympatives in the composition of expressive speech acts)”. In: Voprosy filologii i perevodovedeniya v kontekste sovremennykh issledovaniy. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t. 101–104. (in Russian)
- Al-Shboul, Y. & Maros, M. (2013). “Condolences strategies by Jordanians to an obituary status update on Facebook”. In: GEMA Online Journal of Language Studies. Vol. 13(3). 151–162.
- Goetz, J. L., Keltner, D. & Simon-Thomas, E. (2010). “Compassion: An evolutionary analysis and empirical review”. In: Psychological Bulletin. Vol. 136(3). 351–374. (in Russian)
- Marten-Cleef, S. (1991). Gefühle ausdrücken. Die expressiven Sprechakte. Göppingen: Kümmerle.
- Moghaddam, M.M. (2012). “Discourse Structures of Condolence Speech Act”. In: Journal of English Language Teaching and Learning. № 10. 105-125.

UDC 811.133

O. KHUTORETSKAYA

St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

ON THE USE OF FUTUR ANTÉRIEUR AS AN EQUIVALENT OF PASSÉ COMPOSÉ IN THE CONTEMPORARY FRENCH MEDIA

The paper discusses the use of the French future analytical form (*futur antérieur*) denoting an action taking place in the past and being completed by the moment of speaking. This use of *futur antérieur* is one of its secondary functions that was already observed in Old French texts. The aim of this study is to identify and compare the peculiarities of the above-mentioned function of *futur antérieur* in contemporary French media and in classical normative French grammar books and some specialized works based on fiction. The scientific novelty is the comparative approach to the study of the grammatical form in different types of discourse and the use of Internet resources of the past two decades for the selection of linguistic examples. The analysis of the linguistic material suggests that in most cases when *futur antérieur* has a function of expressing a completed action in the past that is not related to the future and has a distinct meaning of result, it competes with the compound perfect tense (*passé composé*). Some contextual markers

accompanying the studied use of futur antérieur in contemporary French media have also been identified.

Key words: futur antérieur, secondary function, meaning of result, moment of speaking, time period, marked context, discourse.

О. А. ХУТОРЕЦКАЯ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ FUTUR ANTÉRIEUR В КАЧЕСТВЕ ЭКВИВАЛЕНТА PASSÉ COMPOSÉ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ

В статье рассматривается употребление французской аналитической формы будущего времени (futur antérieur) для обозначения действия, имевшего место в прошлом и завершенного к моменту речи. Указанное значение futur antérieur является одним из его вторичных значений и констатируется у этой временной формы уже в старофранцузских текстах. Целью исследования является выявление особенностей использования futur antérieur в изучаемом вторичном значении в языке современных французских СМИ по сравнению с основными случаями, описанными в классических нормативных грамматиках французского языка, а также в ряде специализированных трудов на материале художественной литературы. Выбранный ракурс сопоставительного изучения значений грамматической формы в различных типах дискурса, а также использование для отбора языковых примеров интернет-источников последних двух десятилетий составляют научную новизну исследования. Проведенный анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев использования futur antérieur для выражения завершенности в прошлом, обозначаемое действие никак не соотносится с планом будущего и обладает отчетливым результативным значением, составляя в этой функции конкуренцию форме сложного перфекта (passé composé). Также выявляются некоторые контекстуальные маркеры, сопровождающие использование futur antérieur в изучаемом значении в языке современных французских СМИ.

Ключевые слова: futur antérieur, вторичное значение, результативное значение, момент речи, временной план, маркированный контекст, дискурс.

Introduction

Futur antérieur is one of the French indicative tense-aspect forms that represents a compound form referring to the future. Its initial function is to denote a future action that will have been completed by a certain moment in the future as viewed from the moment of speaking (“un futur accompli” [Imbs, 1968, p. 109]).

(1) Demain à cette heure, il sera parti. (Steinberg, 1972, p. 175)

However, like any other French analytical tense, futur antérieur has a relative meaning of anteriority over another action expressed by a correlating simple form in the same time period, e.i. futur simple.

(2) Je vous donnerai de ses nouvelles aussitôt que j’aurai reçu sa lettre. (Steinberg, 1972, p. 176)

Like most French grammatical forms, futur antérieur does not have only main functions. Under certain circumstances, there are secondary functions. One of these is expressing an action that took place in the past and was completed by the moment of speaking. It is significant that futur antérieur is often used in this way in media discourse. This paper is going to discuss the transposition of futur antérieur to the past in relation to the moment of speaking without acquiring the modal meaning of supposition and competing with the compound past tense passé composé.

Methods and material

The methodology of the present study is mainly based on contextual analysis. The linguistic material for the analysis was taken from the RFI radio website and French online newspapers dated 2005–2021. The method of continuous sampling was used to collect the material.

General interpretations of the use of futur antérieur to express a completed action in the past

1. The possible use of futur antérieur to express a past action is quite often mentioned in the most of normative French grammar books and illustrated by examples from different periods of the language evolution [Damourette, Pichon, 1911-1936; Wagner, Pinchon, 1962; Imbs, 1968; Grevisse, Goosse, 1994; Wilmet, 1998]. The analysis of domestic as well as foreign theoretical and practical works reveals that the authors depicting similar cases of the studied use of futur antérieur still have different points of view concerning its correlation with the initial function of this tense. Recent specific studies show an exchange of initial and secondary functions of futur antérieur according to the degree of its usage and a tendency to the prevalence of its marked meanings in the current language [Taji, 2003; Skvortsova, 2013]. This process is most clearly seen in modern media. The language of media is a special type of standard speech. It is more responsive to changes in spoken language reflecting some tendencies in current French speech.

2. To understand how the studied function of futur antérieur is developing in the current language one should follow the way it is connected with the main use and probably results from it.

2.1. According to the traditional interpretation futur antérieur is used to denote an action that correlates with a specific event (a moment or an act), so-called “a reference point”, in the future, so this action is particularly viewed by the speaker from a future perspective. If an action expressed by the verb in futur antérieur is transferred by the context to the past, it no longer has a taxis meaning of following the moment of speaking but preserves a relative meaning of correlating with a specific moment in the future. A classic example from Stendhal’s is highly illustrative from this point of view:

(3) De grâce, silence, Messieurs.[...] ; si nous discutons encore, il aura été inutile de faire entrer M.Sorel. (Stendhal, 1993, p. 377)

The action expressed by futur antérieur has been completed by the moment of speaking (Mr. Sorel has already been invited), but it correlates with an explicitly expressed reference point in the future (“If we continue arguing, [it will become clear that] we shouldn’t have invited Mr. Sorel”). This particular correlation with the future makes futur antérieur expressing a past action differ from the French analytical perfect (passé composé): the completion of the action in passé composé correlates with the present of the speaker, e.i. the moment of speaking.

The Japanese researcher Kazuko Taji offers the same interpretation of futur antérieur in terms of expressing the past:

(4) Tu ne veux pas parler. Nous allons voir... Tu l’auras voulu! (Gracq. cit. ex [Taji, 2003, p. 38])

In the given example the correlation of futur antérieur with the future is explicitly expressed by the form of the near future (futur proche) of the verb voir (“to see”). The character is unwilling to tell the truth, which he will be whipped for, and then he will probably speak. He will be guilty of that himself. Thus, the action “tu l’auras voulu” (“you wanted that yourself”) correlates with the upcoming punishment. Kazuko Taji considers that if the punishment had already started and was taking place at the moment of speaking, “tu l’as voulu” in passé composé would be used instead of futur antérieur [Taji, 2003, p. 38].

2.2. The reference point in the future is not always expressed. If an explicit reference to the future in the context is absent, then it is implied. The speaker (the character) is transferred in his mind to the future and estimates what is happening from the point of the future.

(5) Elle soupira et après un long silence :

- N’importe, nous nous serons bien aimés.

- Sans nous appartenir, pourtant !

(Flaubert. cit. ex [Taji, 2003, p. 39])

The female character gets to the future in her mind at the moment of parting from her beloved to end their relationships. A specific emotional colouring of the statement can be often seen in similar contexts with the use of *futur antérieur*. As a rule, there is some crucial moment in characters' life. Some researchers think that as the future is less actualized in comparison with the other tenses, the use of the future grammatical form to express a past action helps a speaker to make an undesirable action unreal [Gak, 2000, p. 349].

2.3. As the aspectual meaning of completion is an integral part of *futur antérieur*, this tense acquires the meaning of result, generalization or summing-up when it is transferred to the past. Different researchers offer various names to denote this function: *futur antérieur de bilan* [Denis, Sancier-Chateau, 1994, p. 281], *futur antérieur de rétrospection* [Wagner, Pinchon, 1962, p. 351].

(6) Enfin! Je l'aurai vue, cette pièce! (Sartre. cit. ex [Wagner, Pinchon, 1962, p. 351])

The function of summing-up is also explained by the explicit and implicit connection with the future: the speaker gets in his/her mind to the future and reviews the events that took place in the past.

Thus, the examples from classic fiction books show that the studied use of *futur antérieur* corresponds to *passé composé* from the point of view of correlation with the moment of speaking. However, in contrast to *passé composé*, *futur antérieur* shows a quite obvious correlation with the future.

Futur antérieur expressing a completed action in the past in contemporary French media

The analysis of the language examples from popular French newspapers (*Le Monde*, *Le Figaro*, *Le Parisien*) and the RFI radio website has shown that the above correlation with the future does not always appear in *futur antérieur* expressing a past action.

1. Après 140 % de hausse en dix ans, le marché immobilier a commencé à ralentir en 2007, comme l'avaient anticipé la plupart des analystes. Selon les statistiques de la Fédération nationale de l'immobilier (Fnaim), publiées mardi 8 janvier, "le freinage est saisissant puisqu'en 2007 les prix des logements anciens ont progressé de 3,8 %, contre 7,1 % l'année précédente et 10,4 % en 2005, et il est plus appuyé pour les maisons (4,3 %) que pour les appartements (3,3 %)". La tendance aussi atteint les loyers, qui n'auront, en moyenne, progressé que de 0,9 %, en 2007.

La tendance sur l'année 2007 aura été chaotique, le marché enregistrant hausses et baisses au gré de l'humeur des ménages. Attentistes avant les élections, plus enthousiastes en juillet, ceux-ci se sont montrés à nouveau circonspects à la rentrée, lorsque le Conseil constitutionnel a rejeté le projet gouvernemental de remboursement rétroactif des intérêts d'emprunts immobiliers. La crise financière a conduit à terminer l'année sur une période de doute. Ainsi, au 4e trimestre, les prix n'ont progressé que de 2,5 % par rapport au même trimestre de 2006. (Rey-Lefebvre, 2008)

The article, published in January 2008, sums up the results of the past year 2007 and shows a trend towards slower growth in real estate prices and, consequently, lower rental prices. There is no doubt that all the facts in question took place in the past. The use of *passé composé* to introduce general statistics at the beginning of the article and in the second paragraph in the further development of the topic is significant. It is the *passé composé* forms that are used to describe the behavior of French families in relation to mortgages, and to analyze pricing over the past year. This suggests the equivalence of the temporal content of *passé composé* and *futur antérieur* in this context.

The use of *futur antérieur* at the end of the first paragraph, following *passé composé*, seems to draw attention to the information given and to emphasize the very slight increase in rental prices compared to buying and compared to 2006.

Futur antérieur at the beginning of the next paragraph summarizes what will be explained in more detail and justified below, i.e. it has a prospective function.

2. Il aura été le dernier à déposer sa contribution mais, privilège de la fonction, le premier à monter à la tribune pour s'en faire l'avocat. Devant le Conseil national du Parti socialiste, réuni mercredi 2 juillet dans un grand hôtel parisien, François Hollande s'est livré à un exercice dans

lequel il excelle depuis presque onze ans qu'il se trouve à la tête du PS : tenter de neutraliser ses adversaires. (Normand, 2008)

The article, published in June 2008, refers to a speech made by François Hollande, then first secretary of the French Socialist Party, at a national council meeting the day before.

The first phrase, containing futur antérieur, introduces the content of the article, which partly sums up Hollande's eleven years as head of the party. The time reference of the action expressed by futur antérieur to the past is unambiguously determined by the context that follows. A specific contextual marker is the passé composé form, which, as in example (1), is used in the further unfolding of the plot. Futur antérieur as a vivid, expressive grammatical form is designed to draw the reader's attention to the publication and has a text-forming prospective function.

3. In the same way, futur antérieur is often used in headlines of articles to catch the reader's attention. In the following text of the article, the author may repeat the information given in the title, but using passé composé:

A Mennecey, les travaux à l'école n'auront pas été vains

[...] L'enjeu était d'autant plus important pour cet établissement que la municipalité a financé cet été de gros travaux dans cette école, avec notamment un nouveau bâtiment pour deux classes, et le réaménagement de la partie maternelle pour des espaces plus confortables et plus praticables. (Le Parisien, 2015)

Futur antérieur is used in the heading of an article that refers to the decision already made to open additional primary classes in the school. The decision was taken after large-scale renovations financed by city authorities had been carried out on the school premises. This heading, like the first phrase of example (2), provides a concise announcement of the following information.

In the closing phrase, the author returns to the thought expressed in the title, clarifying and confirming it. In this phrase, passé composé is used instead of futur antérieur.

4. Remercié jeudi après-midi par la direction de Chelsea, José Mourinho aura marqué de son empreinte l'histoire du club londonien qui a collectionné huit trophées sous sa direction. Six entre juin 2004 et septembre 2007 lors de son premier passage et deux depuis l'été 2013 depuis son retour. Mais le club du quartier aisé de la capitale anglaise aura payé au prix fort ces précieuses lignes sur son palmarès. (Keogh, 2015)

Example (4) is the first paragraph of an article about the end of Jose Mourinho's second period of coaching at Chelsea Football Club in London.

Within the same paragraph, futur antérieur is used twice to indicate actions completed by the time the article is published.

In the first case, the meaning of futur antérieur (aura marqué) can be interpreted through the transfer of the reference point to the future. The author takes the reader into the future and appreciates the coach's performance from the perspective of current and future generations: brilliant results have already been achieved, high honours have been won and will remain a crucial milestone in the club's history. The future is included in the time period to which the results of the action designated by futur antérieur apply.

In the second case, futur antérieur is used to state the fact that the coach is highly paid. The fact of payment took place in the past and is related to the current state of affairs, i.e. to the moment of speaking. At the very end of the paragraph, futur antérieur sums up what has been said above, i.e. it emphasizes the result in the present.

5. Les joueurs du Bayern Munich auront tout tenté pour essayer de provoquer le miracle qui les qualifierait pour la finale de la Ligue des champions. Las ! Vainqueurs 3-2 contre le Barça mardi 12 mai, ils échouent tout de même en demi-finale, assomés par l'avantage pris, au match aller, par le club catalan à domicile (3-0).

La multiplication des occasions en deuxième mi-temps n'aura permis au Bayern que de marquer deux buts (Lewandowski à la 59e et Müller à la 74e), venant s'ajouter à celui de Benatia, qui avait ouvert le score dès la 7e minute. Mais les Barcelonais ont pu compter sur Neymar, auteur d'un

doublé, pour réduire le score et empêcher les Munichois, qui devaient alors gagner par quatre buts d'écart pour se qualifier, de s'envoler sur leur propre pelouse. (Le Monde, 2015)

Example (5) is about a failed attempt by the Munich football team to reach the Champions League final by beating the Barcelona team.

Futur antérieur in the first phrase seems to anticipate subsequent events. The situation is deliberately presented as if the decisive match is yet to come. The action expressed by futur antérieur (“auront tenté”), which sums up all the efforts made by the Munich team players to reach the final, correlates with this upcoming match. The proposed interpretation is confirmed by the use of conditionnel présent (“qualifierait”) in the subordinate clause, representing the action as potentially realisable in the future.

The repeated use of futur antérieur (“aura permis”) in the second paragraph, describing details of a match that has already taken place, correlates with an event that has ended to the moment of speaking. The result of the match is known and estimated from the point of the present moment. It is significant that plus-que-parfait (“avait ouvert”) is used to express anteriority to the action denoted by futur antérieur. Therefore, futur antérieur in this context can be equated with passé composé in terms of its aspectual and temporal characteristics.

6. Durant un demi-siècle, cet artiste aussi fougueux que éclectique aura illuminé de sa présence les plateaux de cinéma et les scènes de théâtre, avant qu'un grave problème de santé ne l'éloigne des projecteurs. (Carmarans, 2021)

Example (6) is taken from an article paying posthumous respects to the legend of French cinema Jean-Paul Belmondo, who passed away on September 6 at the age of 88. The article sums up his brilliant career as a theater and film actor.

Futur antérieur denotes a past action completed by the moment of speaking. This reference to the past is indicated both by the explicit means of the context (the temporal adverb-restrictor) and by the extra-linguistic situation. As we see it, there is no reasons to explain the use of futur antérieur by a mental transfer into the future and an estimation of the action expressed by futur antérieur from a future perspective, as in example (4). Moreover, there is no correlation of the action with a reference point deliberately placed in the future, as in example (5). In this example, there is a temporal adverb limiting the period of events, and this period is entirely in the past in relation to the moment of speaking. The pronounced meaning of result inherent in futur antérieur, both in its initial and secondary functions, comes to the fore.

In examples (5) and (6), it is possible to note that the action expressed by futur antérieur has a specific emotional colouring. However, it seems that it is not due to the semantics of futur antérieur as a verb form, but to the described situation. The situation is clearly interpreted, referring to the content of the articles and the background knowledge of the members of the linguistic community.

Conclusion

Thus, the studied examples show that the use of futur antérieur in the current French media to denote the completion of an action in relation to the moment of speaking is not connected with the reference point in the future and does not have a specific emotional component. As a rule, the meaning of result that is inextricably linked to the meaning of this verb form comes to the fore.

The most frequent contextual marker accompanying futur antérieur with its secondary function referring to the past is the use of the forms passé composé in the surrounding context. Besides passé composé, there can be other markers such as adverbs of time, plus-que-parfait forms to express anteriority and the position of the verb in futur antérieur inside a text fragment (the title, the beginning or ending).

Due to the fact that futur antérieur is marked in relation to the past, the meaning of result is more obvious than that of the compound perfect form (passé composé). There are associated meanings of generalization, summing-up, retrospection or anticipation. Thus, futur antérieur denoting an action that was completed in the past and being a more expressive grammatical synonym for passé composé can replace the latter in corresponding contexts.

In some cases time coverage of the action expressed by futur antérieur expands due to the auxiliary verb given in the future form and the aspect of future included in this tense. In this case the result of the action in futur antérieur that has finished by the moment of speaking saves its initial correlation with the future. In similar cases passé composé is not a grammatical synonym for futur antérieur and cannot be used as an equivalent.

The comparison with the examples from fiction books written at the end of the 19th and in the first half of the 20th centuries suggests that the studied secondary function of futur antérieur has developed differently in various types of discourse. The results of this study can be further used in the comparative analysis of the use of futur antérieur in text corpora of printed media and modern fiction.

Sources

- Carmarans Ch. Jean-Paul Belmondo, des rôles en cascade pour une carrière hors du commun // RFI / Culture. 06.09.2021. Available at: <https://www.rfi.fr/fr/culture/20210906-jean-paul-belmondo-des-r%C3%B4les-en-cascade-pour-une-carri%C3%A8re-hors-du-commun> (Accessed: 07.09.2021).
- Keogh E. LE SCAN SPORT - Entraîneur de Chelsea entre 2004 et 2007, puis de juin 2013 à décembre 2015, José Mourinho a coûté une véritable fortune à ses employeurs // Le Figaro. 17.12.2015. Available at: <https://www.lefigaro.fr/le-scan-sport/business/2015/12/17/27004-20151217ARTFIG00233-les-deux-passages-de-jose-mourinho-aurent-coute-130-millions-d-euros-a-chelsea.php> (Accessed: 19.09.2021).
- Le Monde. Ligue des champions: le Barça en finale // Le Monde. 12.05.2015. Available at: http://www.lemonde.fr/football/article/2015/05/12/ligue-des-champions-le-barca-decroche-son-ticket-pour-la-finale_4632491_1616938.html#rzktBbCxybIDFq1y.99 (Accessed: 20.09.2021).
- Le Parisien. A Mennecey, les travaux à l'école n'auront pas été vains // Le Parisien. 03.09.2015. Available at: <http://www.leparisien.fr/mennecey-91540/a-mennecey-les-travaux-a-l-ecole-n-auront-pas-ete-vains-03-09-2015-5059387.php> (Accessed: 20.09.2021).
- Normand J-M. François Hollande tente de fédérer autour de lui une force majoritaire // Le Monde. 03.07.2008. Available at: https://www.lemonde.fr/societe/article/2008/07/03/francois-hollande-tente-de-federer-autour-de-lui-une-force-majoritaire_1065910_3224.html (Accessed: 20.09.2021).
- Rey-Lefebvre I. Après 140 % de hausse en dix ans, le marché immobilier ralentit en 2007 // Le Monde. 08.01.2008. Available at: https://www.lemonde.fr/economie/article/2008/01/08/apres-140-de-hausse-en-dix-ans-le-marche-immobilier-ralentit-en-2007_996963_3234.html (Accessed: 21.09.2021).
- Stendhal. Le rouge et le noir. Gallimard, Folio, 1993.

References

- Damourette J. Pichon E. Des mots à la pensée : essai de grammaire de la langue française. T. 5. 1911-1936 : verbes (fin), auxiliaires, temps, modes, voix.
URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k23991q/f866> (Accessed: 13.11.2021)
- Denis, D., (1994) Sancier-Chateau A. Grammaire du français. Paris: éd. Librairie Générale Française.
- Gak, V.G. (2000) Teoreticheskaya grammatika frantsuskogo yasika. M: Dobrosvet. (in Russian)
- Grevisse, M. & Goosse, A. (2007) Le bon usage. 14e édition. Bruxelles: De Boeck.
- Imbs, P. (1968) L'emploi des temps verbaux en français moderne, Paris: Klincksieck.
- Skvortsova, A.D. (2013) The functions of futur antérieur in modern French // Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo universiteta imeni A.S.Pushkina. Seria Philologia. № 2 (7). P. 181-189. (in Russian)
- Steinberg, N.M. (1972) Grammaire française. I. Leningrad: Prosveshchenie. (in French)

- Taji Kazuko. (2003) À propos du futur antérieur // L'Information grammaticale. № 97. p. 37-40.
- Wagner, R.L. & Pinchon J. (1962) Grammaire du français classique et moderne. Paris: Librairie Hachette.
- Wilmet, M. (1998) Grammaire critique du français. 2e édition. Paris: Hachette Supérieur, Bruxelles : Duculot.

UDC 81'44

Y. KONYAEVA

St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

HUMOUR IN THE NEWS DISCOURSE AS THE INSTRUMENT OF DISCREDITATION

The research is devoted to finding the potential of humour means which are used in mass media to discredit a person. Under discreditation we understand the intended decline of a certain person role in the context of socially significant events, demonstrated through speech tactics of mocking at a person and his actions in the news discourse. To reveal such tactics of discreditation, the mediallyinguistic discursological approach is applied allowing to detect the main tactics of discreditation: teasing, mocking, joking and sarcastic evaluation. In this article the humour means acting is shown by the example of the tactic of joking at a person in news texts.

Key words: humour, discreditation, news discourse, mocking, speech representation.

Ю. М. КОНЯЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

КОМИЧЕСКОЕ В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИСКРЕДИТАЦИИ

Исследование посвящено выявлению потенциала комических средств, которые используются в массмедиа при дискредитации личности. Под дискредитацией мы понимаем намеренное снижение роли определенной личности в контексте общественно значимых событий, демонстрируемое через речевые тактики высмеивания человека и его деятельности в новостном дискурсе. Для выявления тактик дискредитации привлекается медиалингвистический подход, позволяющий выделить основные тактики дискредитации: подтрунивание, вышучивание, насмешка и саркастическая оценка. В настоящей статье развергивание комических средств продемонстрировано на примере тактики вышучивания человека в новостных текстах.

Ключевые слова: комическое, дискредитация, новостной дискурс, вышучивание, речевая репрезентация.

Introduction

In mass media a person constantly becomes an object of close attention [Personality..., 2020]. He determines the vectors for consideration of various aspects in reality: a man is a participant and interpreter of topical events and situations, expresses evaluation, transmits ideas, reflects common human values, becomes an example to follow or an object for impeachment and

mocking etc. In media text, on the one hand, a person is an active subject, a bearer of expert opinion and a voicer of individual or collective position, on the other hand, he reflects the author's intentionality. Thus, according to the selected role media discourse forms various models of human representation, main of which are appraisal and discreditation of a personality. In contemporary conditions of media discourse's commercialization and focus on entertainment personal representation actively draws the humour resources [Karasik, 2011; The Routledge Handbook, 2017]. Laughter allows demonstrating the attitude to people and events of contemporary world, serves for transmitting social values, so it becomes an efficient tool of manipulation, expressing evaluation, demonstrating inconsistency, absurdness of announced ideas. Using humour for mocking or discreditation of a person in front of mass audience, through the text the author debates with society or its single groups, expressing evaluation of a person himself, "another" meaning position, a bearer of which he becomes, or topical events and situation, forming around a person [Bykova, 2020; Enina, Zubova, 2015; Kultysheva, 2016]. The evaluation is often expressed through drawing humour means which obtain various forms in media discourse (from harmless teasing to revealing mockery) and become an instrument of discreditation.

Methods of research

The research is grounded on mediallyinguistic discoursological approach to the analysis of media text [Duskaeva, 2019] which means the study of speech tools in media text, the research of its connections with other texts and their authors as well as determination of its functional efficiency in media space. Bearers of this information in compositional and stylistic structure of media text are intratextual, paratextual and metatextual components forming together the speech structure of the text and demonstrating its content-related and meaning peculiarities.

In this regard at the early stage the main situations forming the mocking discourse and personal discreditation in media of different types (social and political, entertaining, business etc.) are classified. Forming the logic of the humour means analysis, the possibilities of external (paratextual) layer in media text for forming the comic modality are studied. When studying the intratextual component of media text we use analytical methods for genre semantic stylistic category of personality [Duskaeva, Konyaeva, 2017] to reveal main semantic joints and to outline microfields of category of personality (nomination, description and actancy) forming a human portrait. Since means of expression for reference category of personality interact in the journalistic text with means of expressing categories of dialogicity and evaluation, we also study metatextual layer reflecting the specifics of author's subjectivity. The next stage of the analysis is connected with revelation of specific speech means based on the non-conformance of reference and illocutive meanings in the formed human portrait which allow transmitting the comic evaluation within the studied discourse of a person's discreditation.

So, the purpose of the research is seen as the determination of humour specific means aimed at mocking and discreditation of a human and ideas transmitted by him:

in paratext – through the reflection of media technical parameters;

in intratext – through revelation and description of main semantic joints, forming a human portrait;

in metatext – as a "frame" transmitting information about the process of interaction between the author and the addressee.

Discussion

Discreditation of a human in media discourse is revealed through undermining his authority, diminishing the significance of his activity in the context of contemporary events [Barbashov, 2019; Issers, 1997]. The analysis of media discourse demonstrates that the character of humour use means during personal representation mostly depends upon the selection of the object for discreditation as well as the character of evaluation transmitted in the text. As the object of discreditation in media text must be both human and the event and situation in which he is involved, tactics of discreditation are formed aimed to mock at 1) a human in all his complexity

of features or 2) an event / a situation with his participation. The character of textual modality, in its turn, allows differentiating humour, irony and sarcasm in the text, organizing different compositional-speech forms of personal discreditation. The main detected tactics in media discourse are 1) teasing, 2) joking, 3) mockery and 4) sarcastic evaluation. We shall demonstrate the evolution of humour means by the example of tactics of joking at humans in news texts of “Komsomolskaya Pravda” (Internet version).

Findings

Joking is determined as an action towards the verb “joke” – “show in a funny way, mock at” [Great Academic Dictionary..., 2014]. During semantic analysis the word meaning may acquire another feature: joking is characterized as showing something serious in a funny way [Dictionary of the Russian language, 1999]. Joking becomes the reason to draw attention to the existing in the society events and situations, demonstrating topical problems and established stereotypes. Joking often refers to the person as a participant of topical agenda (political, economic, international, cultural, sport etc.) which allows transmitting the negative attitude to the problem and situations through mocking at participants. Use of such a discrediting tactic leads to depreciating of social agenda: if the society is ready to joke at the person appearing in it, the situation on the whole receives ambiguous interpretation.

Joking is built on the contrast between the real agenda, on the one hand, and human characteristics, attention to which is drawn through the event and situation, its components. This is reflected through the contrast of serious – funny, rational – emotional, high – low: the first one in each pair usually characterizes the environment, situation, the second one characterizes the human. Thus, non-conformance between the transmitted facts of reality and the person comically presented at their background.

The specifics of humour means expansion may be seen by the example of joking over scientists and their scientific discoveries. The appearance of publications in mass media which demonstrate the latest discoveries of the world science is usually connected with fulfillment of educational journalistic function. The presentation of a scientist as a creator, maker, inventor, as a rule, is accompanied in media text with a positive evaluation: the scientist’s activity aims at solely the social welfare. In this case, the text is marked with neutral tonality, not distracting the attention from the significance of mentioned facts, but only stressing their importance for the society.

If the accent is changed from the scientist and his actions to the topical agenda which hosts scientist’s activity, then we may notice the change from neutral narration of the material to stylistically colored. Such a device allows demonstrating on the contrast how unserious, joking approach to events of topical world view makes senseless not only the scientific discovery itself but the fragment of reality in which it is developed: mentioning of scientifically doubtful discoveries is usually presented intently neutral which reflects the attitude to them through metatext and paratext.

In the context of general political situation joking includes, for example, a detailed story about scientific discoveries of a Ukrainian scholar (“Christ, Buddha, Tutankhamen, Genghis Khan are great Ukrainians! And only Pushkin is a Jew...”), announcement of an American astrophysicist (American astrophysicist called to sign a treaty with aliens) or representation of Ig Nobel Prize winners (Ig Nobel prizes 2021: sex from running nose, shockproof beards, cat concerts and obesity of bribetakers).

The tonality of joking starts in paratext, including strong positions of the text and visual accompaniment. The headlines are built on the contrast of transmitted facts:

Christ, Buddha, Tutankhamen, Genghis Khan are great Ukrainians! And only Pushkin is a Jew...
Such a world historical discovery was made by a scientist from Independent (the Ukraine) Valery Bebik (“Christ, Buddha, Tutankhamen, Genghis Khan are great Ukrainians! And only Pushkin is a Jew...”. Komsomolskaya Pravda).

An American astrophysicist called to sign a treaty with aliens

Thus, the scholar wants to protect the Earth from hostile civilizations (American astrophysicist called to sign a treaty with aliens. Komsomolskaya Pravda).

Ig Nobel prizes 2021: sex from running nose, shockproof beards, cat concerts and obesity of bribetakers

Americans awarded the authors of what they think are the funniest scientific discoveries (Ig Nobel prizes 2021: sex from running nose, shockproof beards, cat concerts and obesity of bribetakers. Komsomolskaya Pravda).

Uniting in one logical line a number of representatives from different epochs, nationalities and religious beliefs; appeal to impossible; nominations of scientific researches, invented on the edge of absurdness, become alogisms, make us doubt the scientific significance of the discoveries mentioned in the lead, transforming them into funny stories and the mention of scientists' nationalities (a scientist from Independent (the Ukraine), American astrophysicist, Americans awarded) turns the texts into something politically motivated.

The character of scientific facts depreciation is underlined in the selection of textual visual component clashing serious and unserious, neutral and bodacious in personal representation. This may be demonstrated through:

- making distant notions close (at the background of general colors on the Ukrainian flag and a mask of Egyptian pharaoh);
- the contrast between verbal and visual lines (for example, appliance of scientific methods in the household sphere);
- intended outrageousness (for example, visual similarity of a satellite with an alien) etc.

The portrait of a scientist both as a creator and a bearer of national specifics is formed in intratext. For this, nominations of occupation are actively drawn (scientist, self-taught historian, Doctor of Political Science, Candidate of Psychological Sciences, Professor, prize winners, researchers, authors of conceptual research, innovators, a group of experimentalists, astrophysicist etc.). The connection between a mocked human and geographical location extrapolates the portrait of extraordinary scientist on the events and situations of reality, which he is connected with. The contrast to the scientist's portrait is seemingly deliberate neutrality in narrating the essence of his discovery, presented in the form of a fact, due to which the author actively exploits speech means of scientific style, reflecting accuracy, logic, sequence and validity of narration: Did you hear cats singing? Susan Shirty made a huge "phonetic" work. Exactly she listened, recorded and tried to understand multiple sounds, which are produced by tomcats and kitties. ... Susan personally demonstrated some results of her research to those who gathered at the solemn ceremony – she mewed in a special way.

A special role in the formation of a scientist's portrait is occupied by verbs of speech-thinking activity, pointing at the theoretical character of scientists' activity, their address to the world of mentality (claims, addressed, decided, searches, demonstrated, considered, listened, named etc.).

On the contrary to deliberately "scientific" portrait of a scholar, metatext supports the humour character of the text. It is exactly here where the discrediting character of media text is revealed. For this, the author uses various means of idea formation and demonstration of activity process (by the way, and the most important, summing up, I believe, thus etc.), question-response complexes (How did vigilant Bebik discover this great mystery? On the run!; What other "discoveries" will this learned scholar find, drinking wisdom again from the skull of epoch?; Often beaten on the face? Grow a beard – it won't hurt so much etc.), direct address to the audience (Are you ready, dear readers? We shall get acquainted with the epoch-making discovery of an eminent scholar, whose slogan is "I drink wisdom from the skull of epoch and the drink tastes Ukrainian...") etc.

Conclusion

The research demonstrated a significant potential of humour means, drawn while representing a person and his ideas in media. Discreditation as an intended diminishing of a certain person role in the context of socially significant events is shown through speech tactics, aimed at mocking at

various human features and aspects of his activity. One of such tactics is joking over a man as the way to evaluate the reality.

In joking texts the evaluation of a man, formed with devices of humour, is aimed at cleaning the informational space from exuberant “noise”, deescalating tensions around topical subjects. Due to this the character of discreditation is formed in paratext and is supported on the contrast of externally neutral intratext and metatext, demonstrating the author’s attitude not only to the main hero of publication but also to the situations and events, a participant of which he becomes directly or indirectly.

Acknowledgment

The study was carried out with the financial support of the RSF: grant 19-18-00530 “Humour as a communicative resource in the digital news environment”.

Sources

- “Christ, Buddha, Tutankhamen, Genghis Khan are great Ukrainians! And only Pushkin is a Jew...”. Komsomolskaya Pravda. 24.08.2016. URL: <https://www.kp.ru/daily/26351.7/3233392/> (accessed: 20.11.2021).
- American astrophysicist urged to conclude an agreement with aliens. Komsomolskaya Pravda. 30.05.2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/27284.5/4420893/> (accessed: 20.11.2021).
- Ig Nobel Prizes 2021: sex from a cold, shockproof beards, cat concerts and the obesity of bribetakers. Komsomolskaya Pravda. 10.09.2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/28328/4473311/> (accessed: 20.11.2021).

References

- Barbashov, V. P. (2019) Discrediting a famous creative personality in modern media discourse: an interdisciplinary approach. – Barnaul: Altai State Technical University named after I. I. Polzunov. (in Russian)
- Bykova, E. V. (2020) Greta Thunberg as a mediatized phenomenon // Media Linguistics. Issue 7. Language in the coordinates of mass media, ethics and law: IV International Scientific Conferences (St. Petersburg, November 9–12, 2020) / ed. by L. R. Duskaeva, V. V. Vasilieva. – pp. 27–31. (in Russian)
- Dictionary of the Russian language: In 4 volumes (1999) / RAS, Institute of Linguistics. Research; Edited by A. P. Evgenieva. – Moscow: Russkii yazyk; Polygraph Resources. (in Russian)
- Duskaeva, L. R. (2019) Stylistic analysis in media linguistics. – Moscow: Flinta, 2019. (in Russian)
- Duskaeva, L. R. & Konyaeva Yu. M. (2017) Types of information portraits in a journalistic discourse // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. – No. 4. – pp. 131–143.
- Enina, L. V. & Zubova, L. V. (2015) Political figures in the field of the comic in the mass media: funny and serious // Political Linguistics. – № 4 (54). – pp. 77–81. (in Russian)
- Great Academic Dictionary of the Russian language (2004) / Russian Academy of Sciences, Institute of the linguistic research; ed.: L. I. Balakhonova. – Moscow: Nauka; Saint Petersburg: Nauka. – Vol. 3. – 2005. – 664 p. (in Russian)
- Issers, O. S. (1997) Pasha-"Mercedes", or the speech strategy of discrediting // Bulletin of Omsk University. – No. 2. (in Russian)
- Karasik, V. I. (2011) Conceptualization of mockery in linguistic consciousness // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. – No. 13. – Pp. 119–129. (in Russian)
- Kultysheva, I. V. (2016) The category of the comic in the representation of the image of a political enemy (on the example of a political joke) // Political Linguistics. – № 2(56). – pp. 74–79. (in Russian)

Personality in the coordinates of media (2020) / Ed. by E. V. Vyrovitseva, L. R. Duskaeva. – St. Petersburg: Aleteya. (in Russian)
The Routledge Handbook of Language and Humor / Ed. by S. Attardo. – Routledge, New York, 2017.

UDC 372.881.1

T. KUDELKO

Perm State National Research University
Perm, Russian Federation

METHODS AND APPROACHES OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES BY DIGITAL DIDACTICS (VIEWING THE MULTIMODAL DICTIONARY BASED ON THE STORIES OF HARRY POTTER)

The article views modern methods and approaches of teaching foreign languages by digital didactics. The author presents the classification of methodology pointing out the most actual aspects. Multimodal sphere is viewed through the applied researching, including human-computer communication, multimodal mass media and corpus linguistics. The paper is aimed to underline the necessary changes in the postnonclassical paradigm of the education, including the higher level. The author raises the question of the urgency of the coincidence of the modern system of education to the requirements of the society (consider, generation Alpha). New technologies of ICT, multidisciplinary researches and magic methods of teaching should be effectively applied in classroom and extracurricular work of students. Therefore, the author studies the specific language devices in Harry Potter's stories to find the stylistic methods of the intertextuality. The questions of the possibility of the application of the methods used in Harry Potter's series are discussed in the article to follow the study motivation of students. In the practical part of the article samples of digital didactics are shown, consider, working with multimodal dictionary with lexical units from Harry Potter stories by J.K. Rowling. The author suggests the perspectives of using such methods of teaching students foreign languages in different thematical spheres.

Key words: digital didactics, teaching foreign languages, multimodal dictionary, corpus linguistics, Harry Potter

T. A. КУДЕЛЬКО

МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ЦИФРОВОЙ ДИДАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО СЛОВАРЯ ПО ИСТОРИЯМ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ)

В статье рассматриваются различные методы и подходы в обучении иностранным языкам с помощью цифровой дидактики. Автор представляет классификацию рассматриваемых методов, акцентируя внимание на важных аспектах. Мультимодальное пространство изучается с помощью прикладных исследований, включающих общение между человеком и машиной, мультимодальные СМИ и корпусную лингвистику. Статья направлена на выделение проблем в образовании, требующих изменений в постклассической парадигме, включая высшее звено. Автор поднимает вопрос о соответствии запросов общества

(например, поколения Альфа) и современной системы образования. Применение новых информационных технологий, мультидисциплинарных исследований и магических методов обучения возможно эффективно сочетать как в аудитории, так и вне. Автор изучает языковые репрезентанты в историях о Гарри Поттере, чтобы обозначить стилистическую принадлежность и подчеркнуть интертекстуальность. В статье обсуждается вопрос об использовании предлагаемых методов, по материалу Гарри Поттера, в качестве мотивации студентов при обучении иностранным языкам. В практической части статьи представлены примеры применения метода цифровой дидактики в виде мультимодального словаря по анализируемому материалу на уроках. Далее автор предлагает результаты проведённой рефлексии у студентов по заданию. Автор видит перспективы использования мультимодальных словарей и глоссариев, как одного из эффективных методов обучения студентов иностранным языкам, в дальнейшем применении этого ресурса цифровой дидактики в других предметных областях.

Ключевые слова: цифровая дидактика, преподавание иностранных языков, мультимодальный словарь, Гарри Поттер

Introduction

Let us start with the question of interpretation of the postnonclassical paradigm of education. The world has passed several qualified changes. All spheres of human life, namely, the society, science, culture and education, have come into the postnonclassical paradigm, i.e. the new era in the technological sphere (nano- and micro-nano levels), together with the new requirements for the specialists who can be competitive in such technologies. The teaching concepts, being still trapped into the classical paradigm, should be completely transformed suiting the latest educational demand.

The main tasks of education, and of other spheres, consider, economics and politics, should not be given by force, vice versa, it should be formed in the natural and historical way. Education itself, together with its aims and forms, is the social demand of the society. This demand should be satisfied by means of modern teaching technologies [Bordovsky, 2011].

Modern teaching technologies include high level of computer literacy for applying the latest forms of digital didactics. The types of it vary from the scientific sphere up to the individual approach to each student. Teaching foreign languages today is a challenge to the teachers, tutors, etc. as such specialists have to create new digital sources which can rise the motivation level in studying foreign languages. For this purpose, there should be several computer programs or educational platforms which offer qualification courses for the teaching staff for free, pre-schooling, schooling and higher educational level.

English linguist Ron Scollon says that any process of using the language is inevitably multimodal. The definition “multimodal” is derivated from the term “modality” which is widely used in the psychology, neurophysiology and information technology, denoting the type of the outer stimulus which man perceps by his feelings, consider sight and hearing [Kibrik, 2008].

Research question

This research examines the value of the digital didactics in teaching foreign languages. The term ‘digital’ is widely spread in teaching methodologies in various subjects. The specific questions the researcher underlines are:

1. If using digital didactics in the methodology of teaching foreign languages, where to start?
2. How can students and teachers collaborate applying this method?
3. What reflection can students give after studying?

Literature review

Foreign languages are an integral part of humanitarian education. The latter can be defined as the form of understanding of the world and culture, the formation of the image of a person, who sees himself being a part of this culture. The real humanitarian education is a living one that gives and opens the private sense; it demands the cultural and educational space on the inter-relation level

“teacher-student” where an educated person is not the sum of competence but a sum of a person in himself/herself [Arkhipova, 2011].

The postnonclassical idea of education sums classical and non-classical approaches which is a kind of re-birth to the idea of the antique paidei (Greek school), the basis of which is the return to the thinking and human measure of education. Modern education is modernizing hermeneutic and humanitarian foundations of education. This combination will result in the existentialist educational phenomena [Ogurtsov, Platonov, 2004].

Postnonclassical paradigm of education means the application of new, absolutely different from the previous ones, technologies in teaching and motivating students. Therefore, the author stresses the idea of the multimodality in education.

Applied researches in the multimodal sphere can be divided into three groups: works on computer modeling of human speech; research in multimodal discourse, especially in mass media; corpus linguistics [Alm, 2006].

Now human-computer communication is taking the way to more close contact with the natural personal communication. This process leads to the development of the multimodal computer systems. It should be mentioned that such systems are considered to be the future of the modern teaching programs. In this case, the multimodality denotes not only the presence of several communicative channels but, at the same time, their integrity and cooperation [Cohen, 2006]. The systems that are being projected today include the traditional work with the written text and sound, as well as the pragmatic context (consider, Gibbon et al. eds., 2000, Granström et al. eds., 2002; Bengio, Bourlard, eds., 2005; Minker et al. eds., 2005). Except for the propositional content, the interpretation and understanding of the emotions are important in the multimodal sphere (view Kotov 2009). The researches in creation of “embodied conversational agents” are held, aiming at teaching to use all the informational channels simultaneously [Cassel, 2006]. Special multimodal programs have gained the great popularity among disabled people (consider, Edwards, 2002; Alm, 2006).

Methodologies used in similar studies

I. Ubozhenko, Z. Zhang formulated the following problem: supposing, multimodality is a productive tool of teaching academic research skills, certain cognitive elements of the didactic methodology may facilitate the process of students’ critical assessment competence shaping. Their case study has proved the potential didactic resourcefulness of the following combination of cognitive elements used in class by the author with the purpose to develop the beginner researchers’ critical thinking competence:

- cognitive reading during the interactive lectures based on the teacher’s presentation as visual aids, where key conceptual problem issues are marked through core word combinations and phrases;
- mind-mapping ranking of relevant academic literature accompanied by a student’s presentation, where they prove their choice of sources critically and show the conscious skill of distinguishing recognized literature from non-recognized one;
- a collective panel discussion with the cognitive trigger issues prepared by the research project group in advance and accompanied by a collective presentation, where they all speak and participate in the question-answer session;
- cognitive writing, where the teacher’s verbal design prompts serve as elements of assistance in minding the proper structure of the given academic format of a book review.

Almost all regular modes (linguistic, visual, aural, spatial, textual) have been combined and served in class to create a single teaching algorithm of mastering fundamental research skills of critical perception and analysis [Ubozhenko, Zhang, 2019].

L. Changyuan, M. Kopylovskaya, S. Rubstova, T. Dobrova have conducted the multicultural research, based on the issue of internationalization of higher education, in particular, in the sphere of language pedagogy. The concept of multiculturalism within the subject to consider is closer to the first aspect of the paradigm and consists in finding those positive aspects of two educational cultures commonalities and differences that are presumably beneficial to the

internationalization of higher education and higher education language pedagogy. The investigation brought the results which were rooted in the theoretical tenets of intercultural communication and the sociolinguistic aspect of multilingual, multicultural grounds of the theory for internationalization of higher language education [Changyuan, Kopylovskaya, Rubstova, Dobrova, 2019].

Methodology

Modern authors are presenting all future technologies in education in different genres. J.K. Rowling has offered the magic methods of education in the series of Harry Potter. She suggests the mixture of educational principles from the world of Muggles (people) and Non-Muggles (wizards), consider the names of subjects: the Flying Lesson (the analogy of Physical Education), the Potion Lesson (the analogy of Chemistry and Science), the Transfiguration Lesson (the analogy of Physics), the Lesson of the defense from Dark Forces (the analogy of Art, Handicraft and Music), the History of Magic (the analogy of History and Social Studies). Her books are demanded by different ages and generations.

The author suggests viewing this literary form as a conceptual representation of the term EDUCATION, based on the fantasy genre of this work.

The fantasy concept EDUCATION in Harry Potter's series is viewed in our research on three main levels:

- Global (concept EDUCATION is the universal, cultural and human one)
- Special (it is viewed on the national level, consider, the English system of education)
- Particular (it is the author's individual style; how J.K. Rowling has managed to create her own educational world, which has a great success among readers).

The cognitive discourse analysis has made it possible to form the frame of concept EDUCATION based on Harry Potter's stories. The main part of this frame is slot TEACHING which includes subjects of teaching and objects of teaching.

We are presenting the parts of the multimodal dictionary for teaching lexis based on the stories of Harry Potter by J.K. Rowling. The application of electronic multimodal dictionaries let the students work with the real language from the beginning. The amount of the information is more than in the printed versions. Applying this type of dictionaries create a good basis for working with authentic materials. Including the multimodality in the process of learning forms the line connection image-lexical unit or denotat-lexical unit. This connection makes it possible for students to develop language guessing, understanding semantic and syntax of the lexical unit. All above mentioned facts lead to the motivation increase in learning.

Data presentation and analysis

We have observed several programs which offer a wide range of tools in helping to create own multimodal dictionary. Delivering translations and content localization with accuracy and speed is a key challenge for any translation professional. This is why translators and localization teams use Computer Assisted Translation (CAT) tools to help them work quickly and manage their translation jobs more efficiently. Trados Studio is a market-leading CAT tool with over 270,000 users, which means it has the largest community of translation professionals in the world³⁰.

Software Trados has got the access to the largest selection of translation software, training materials, industry know-how, events and multi-lingual learning content anywhere in the world of localization.

The multimodal dictionary based on lexical units from Harry Potter by J.K. Rowling consists of several fields:

³⁰ <https://www.trados.com/products/trados-studio/>

- translation of the lexical unit in Russian and German
- grammar in use of this unit
- thesaurus
- pronunciation
- table of forms
- co-authorship (here students can add their commentaries and examples)

Consider, the topic for the studies is “Animal World”. We offer students to research the names of the faculties of the School of Magic and the name of the School itself. The table (Tab. 1) shows the bright diversity of lexical and grammar sources to be noticed and studied (consider, metaphorical proper names and grammar usage). Students are inspired to give additional commentaries integrating their knowledge in linguistics and literature.

Table 1 Multimodal Dictionary of “Animal Proper Names” in Harry Potter series

Proper Name connected with Animal World	Translation into Russian Galperin Dictionary	Grammar in Use	Thesaurus	Pronunciation	Co-authorship
HOGWARTS	Hog -кабан; бычок; эгоист; нахал; Wart - нарост, бородавка	“Welcome to Hogwarts” (preposition to - where?)	Little cattle Cow Buffalo Pig		Students’ initiatives LVS Ascot (Licensed Victuallers’ School)
SLYTHERIN	Sly - хитрый, ловкий, тайный, скрытый, скользкий как змей	“Or perhaps in Slytherin ...” (preposition in - where (the place))	Cunny snake Wise snake		Students’ initiatives
GRYFFINDOR	Griffin - грифон; бдительный страж	“You might belong to Gryffindor” (phrasal verb - belong to)	Phoenix Bird		Students’ initiatives
RAVENCLAW	Raven - ворон; claw - коготь	“Or yet in wise old Ravenclaw” (adjectives order - quality, age)	Crow Eagle		Students’ initiatives
HUFFLEPUFF	Huffle - надуть, раздуть; Puff - дуновение ветра, выдох, пузырь, раздутая жаба	“Those patient Hufflepuffs are true” (verb to be in Present Simple)	Soap Wind Frog		Students’ initiatives

This work is in process. We hope we would finish it by the spring semester 2022.

Discussion

Reflecting all above mentioned, we kindly asked our students to write the flash back of such kind of methods. There are 100 students on the course of linguodidactics.

Students were asked three questions:

How difficult is such kind of work?

Do you like working with the multimodal technologies?

Are you going to use them in your practice?

The results are given in diagrams below (Fig. 1, 2, 3). Assuming them all, we have come to the conclusion that working with the multilingual sources as a part of the digital didactics, basing on the popular and modern lingual material leads to the rise of the motivation in teaching foreign languages.

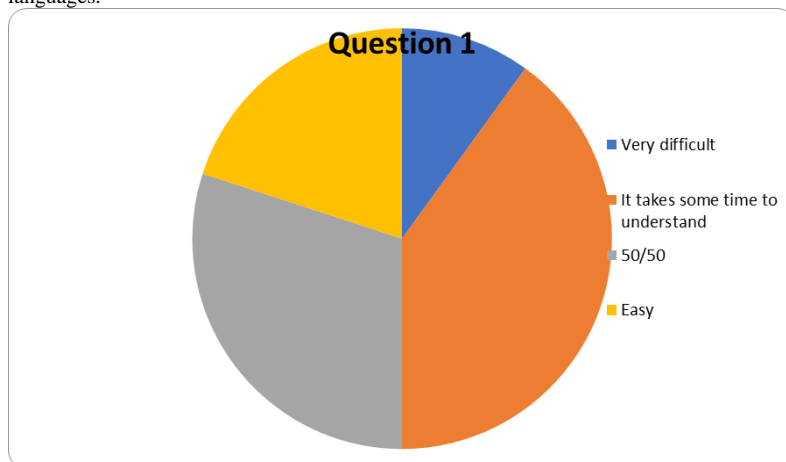

Fig. 1 The answers of the students on the first question

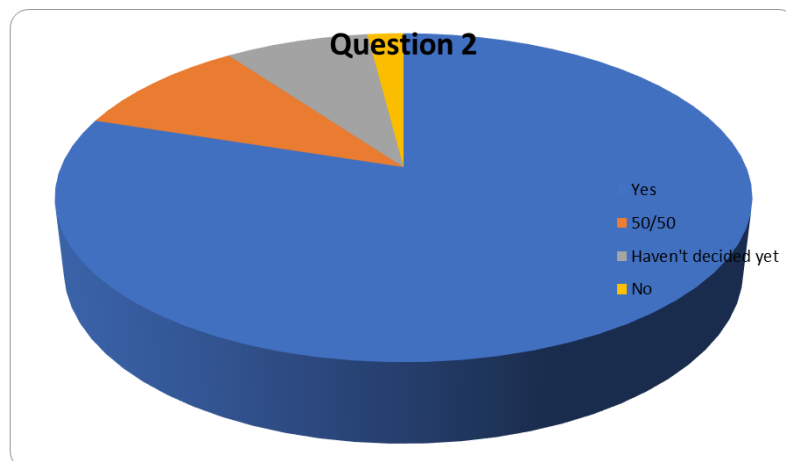

Fig. 2 The answers of the students on the second question

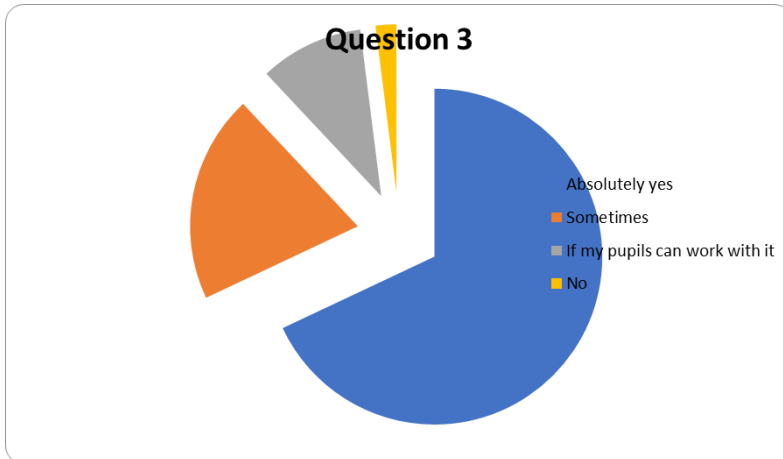

Fig. 1 The answers of the students on the third question

Accumulating the results, as a debatable point, we invite the reader to discuss prospectively on the multimodality thesaurus. We should admit the viewpoint of Prof. L. Chernyakhovskaya regarding the fact, that “people acquire cognitive information as a result of life experience, while language competence is both inherited and socially acquired knowledge [Chernyakhovskaya, 2011].

Conclusion

Yet, viewing the whole situation of the postnonclassical paradigm of education, it is clear that the development of new technologies demands the development of a person himself. It is the first question for modern education to be solved, especially in the sphere of methodology and teaching of young specialists.

Exactly here, the ideas of literature can be used to provide the lingual multimodality, the originality and the uniqueness of methods. Adding some special ideas into the traditional methods can increase the motivation for studying of new generations (consider, using multimodal dictionaries of phytonyms on Botany lessons or adding History of Magic in ordinary textbooks, or why not practicing surfing the net for some extraordinary animal naming of schools or faculties). Such integration can lead to a successful migration in the widespread sphere of professional activity and to an adequate reaction to all changes and shifts (consider, changing roles or integrating from one sphere to another).

“The information era needs to save knowledge as money on a credit card. In order to have a possibility to take them when needed” [Arkhipova, 2011, p. 50]. We can only add that your card won’t be accepted in two cases: when it is empty or when it has non-converted currency.

The adequate representation of the language communication can be achieved with the multimodal approach to studies. This approach allows to act with all communicative channels and its inner organization. The perspectives are connected with further researching of digital didactic methods for teaching foreign languages to students.

Dictionaries

Alm, N. (2006) Augmentative and alternative communication // Encyclopedia of language and linguistics, 2nd ed. / Brown, Keith. Oxford: Elsevier. V. 1. pp.569–574.

- Busch, B. (2006) Media, politics, and discourse: Interactions // Encyclopedia of language and linguistics, 2nd ed. / Ed. by Brown, Keith. Oxford: Elsevier. Vol. 8. pp. 609–616.
- Cassell, J. (2006) Conversational agents, synthetic // Encyclopedia of language and linguistics, 2nd ed. / Ed. by Brown, Keith. Oxford: Elsevier. Vol. 3. pp. 163–169.
- McKay, S. (2006) Media and language: Overview // Encyclopedia of language and linguistics, 2nd ed. Eds. Yu. I. Alexandrov et al. Oxford: Elsevier. V. 8. pp. 597–602.
- Scollon, R. (2006) Multimodality and the language of politics // Encyclopedia of language and linguistics, 2nd ed. / Eds. Yu. I. Alexandrov et al. Oxford: Elsevier. V. 9. pp. 386–387.
- Schröder, K. C. (2006) Media: Pragmatics. Encyclopedia of language and linguistics, 2nd ed. Eds. Yu. I. Alexandrov et al. Oxford: Elsevier. V. 8. pp. 623–631.

Sources

- Rowling, J.K. (2014) Harry Potter and the Philosopher's Stone. LONDON: BLOOMSBURY.

References

- Arkhipova, O.V. (2011) The idea of education in the context of postnonclassical culture, Autoabstract of the diss. ... PhD. Saint-Petersburgh: Publishing Company "Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen", Russia. (in Russian)
- Baranov, A. N. (2003) Vvedenie v prikladnyu lingvistiku. M.: URSS. (in Russian)
- Bengio, S. & Bourlar, H. (2005). Machine learning for multimodal interaction. Berlin: Springer.
- Biber D., Conrad, S. & Reppen, R. (1998) Corpus linguistics: investigating language structure and use. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blache, P., Bertrand, R. & Ferré G. (2008) Creating and exploiting multimodal annotated corpora // Materials of the Language Resources and Evaluation Conference, Marrakech, May.
- Bordovsky, G.A. (2011) Pedagogical university of the XXIst century. Saint-Petersburgh: Publishing Company "Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen", (in Russian)
- Butcher, C. & Goldin-Meadow, S. (2000) Gesture and the transition from one- to two-word speech: when hand and mouth come together // D. McNeill (ed.) Language and gesture. Cambridge: CUP. pp. 235–257.
- Chafe, W. (1994). Discourse, consciousness, and time. Chicago: University of Chicago Press.
- Changyuan, L., Popylovskaya, M., Rubstova, S. & Dobrova, T. (2011) Synergy of multilingualism and multiculturalism from the perspective of internationalization of higher professional education. THE JOURNAL OF TEACHING ENGLISH FOR SPECIFIC AND ACADEMIC PURPOSES Vol. 7, No 4, 2019, pp. 517–530.
- Chernyakhovskaya, L. (2011) The Structure of Text Contents. Russian Journal of Communication, Vol.4, No. 3/4.
- Cohen, P. R. & Oviatt S. L. (2006) Multimodal interaction with computers // Encyclopedia of language and linguistics, 2nd ed. // Ed. by Brown, Keith. Oxford: Elsevier. V. 9. P. 376–386.
- Edwards, A. D. N. (2002) Multimodal interaction and people with disabilities / Eds. Granström et al. 2002. P. 73–92.
- Gallo, C. G., Jaeger, T. F., Allen, J. & Swift M. (2008) Production in a multimodal corpus: How speakers communicate complex actions // Materials of the Language Resources and Evaluation Conference, Marrakech, May 2008.
- Granström, B., House D. & Karlsson I. (2002). Multimodality in Language and Speech Systems. Norwell: Kluwer.
- Gibbon, D., Mertins I., & Moore R. (2000). Handbook of multimodal and spoken dialogue systems: Resources, terminology and product evaluation. Norwell: Kluwer.
- Kibrik, A. A. & El'bert, E. M. (2008) Understanding spoken discourse: the contribution of three information channels // Materials of the 3rd International Conference on Cognitive Moscow, June 2008 Science / Eds. Yu. I. Alexandrov et al. pp. 82–84.

- Kibrik, A. A. & Podlesskaya, V. I. (2008) Is sentence viable? // Materials of the 3rd International Conference on Cognitive Science, Moscow, June 2008 / Eds. Yu. I. Alexandrov et al. pp. 84–85.
- Kitazawa, Sh. E. et al. (2008) A Multimodal infant behavior annotation for developmental analysis of demonstrative expressions // Materials of the Language Resources and Evaluation Conference, Marrakech, May 2008.
- Kotov, A. A. (2009) Patterny`e mocialny`x kommunikativny`x reakcij: problemy` sozdaniya korpusa i perenos na komp`yuterny`x agentov // Komp`yuternaya lingvistika i intellektualny`e tehnologii: Trudy` mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2009». M.: RGGU. 2009. pp. 211–219. (in Russian)
- Kress, G. (2002) The multimodal landscape of communication. *Medien Journal*. V. 4. pp. 4–19.
- Kress, G. & van Leeuwen, T. (2001) Multimodal discourse. The modes and media of contemporary communication. London: Arnold.
- Levy, E. & Fowler, C. A. (2000) The role of gestures and other graded language forms in the grounding of reference in perception // *Language and gesture* / Ed. by D. McNeill. Cambridge: CUP. pp. 215–234.
- LeVine, P. & Scollon, R. (2004). *Discourse and technology: multimodal discourse analysis*. Washington, DC: Georgetown University Press.
- McNeill, D. (1992) *Hand and mind: what gestures reveal about thought*. Chicago: University of Chicago Press.
- Mehrabian, A. (1971) *Silent messages*. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company.
- Minker, W., Bühler, D. & Dybkjær L. (2005). *Spoken multimodal human-computer dialogue in mobile environments*. Dordrecht: Springer.
- Norris, S. (2004) *Analyzing multimodal interaction: A methodological framework*. London: Routledge.
- O'Halloran, K. L. (ed.) (2004) *Multimodal discourse analysis: Systemic functional perspective*. London: Continuum.
- O'Neil, D. (1996) Two-year-old children's sensitivity to a parent's knowledge state when making requests // *Child development*. V. 67 (2). pp. 659–677.
- Ogurtsov, A.P. & Platonov, V.V. (2004) The images of education of the XXth century. Saint-Petersburgh: RAHI, Russia. pp. 26–27.
- Tomasello, M., Carpenter, M. & Liszkowski, U. (2007) A new look at infant pointing // *Child development*. V. 78 (3). pp. 705–722.
- Ventola, E., Charles, C. & Kaltenbacher, M. (2004). *Perspectives on multimodality*. Amsterdam: Benjamins.
- Ubozhenko, I. & Zhang, Z. (2019) Multimodality in teaching academic research skills: the cognitive methodology case of critical assessment competence shaping. *The journal of teaching english for specific and academic purposes* Vol. 7, No 4, 2019, pp. 493–503.

A. KURAGINA

Mari State University
Yoshkar-Ola, Mari El Republic, Russian Federation

THE USE OF AUTHENTIC VIDEO SOURCES FOR THE DEVELOPMENT OF AUDITIVE SKILLS IN EFL CLASS WITH UNIVERSITY TEACHERS IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

The article is devoted to the theoretical aspects and practical application of authentic video materials for the development of the auditive skills of the students of the additional education program “Professionally-Oriented English Language Course”, aimed at training university professors who conduct lectures and workshops for foreign students in English. The article describes the peculiarities of the listening comprehension skills formation and development as the goal of learning process. There is given the work with video sources methodology with some tasks description, androgogical principles taken into consideration. The article outlines the advantages of using authentic video materials to work on the auditive skills of listeners with different levels of development of listening comprehension abilities. The abilities are reflected in the program listeners’ entrance and exit testing results, the analysis of which made it possible to conclude that it is advisable to introduce authentic foreign language video materials into independent work and work in the EFL classroom. Work with authentic video resources promotes the increase in the effectiveness of the development of the program adult students’ listening comprehension skills, on condition of a clear algorithm of actions and a correctly developed exercise series being present, as well as the program goals and professional tasks being set.

Key words: auditive skills, auditive abilities, listening comprehension skills, authentic video material, adult learning, androgogical principles, teaching methods.

А.А. КУРАГИНА

Марийский государственный университет
Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская федерации

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ АУДИТИВНЫХ УМЕНИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ С ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ВУЗА В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена теоретическим аспектам и практическому применению аутентичных видеоматериалов для развития аудитивных навыков слушателей программы дополнительного образования «Курс профессионально-ориентированного английского языка», нацеленной на подготовку преподавателей вузов, ведущих занятия иностранным студентам на английском языке. В статье описываются особенности формирования и развития навыков аудирования как цели обучения. Приводится методика работы с видеоматериалами с примерами заданий, с учетом основных принципов андрогогики. Обозначены преимущества использования аутентичных видео материалов для работы над аудитивными умениями слушателей с различным уровнем развития навыков слушания, которые нашли отражение в результатах входного и выходного тестирования слушателей

программы. Анализ данных результатов позволил сделать вывод о целесообразности введения аутентичных иноязычных видеоматериалов в самостоятельную работу и работу в классе. Работа с аутентичными видео-ресурсами способствует повышению эффективности развития навыков аудирования взрослых слушателей программы при наличии четкого алгоритма действий и корректно разработанного комплекса упражнений с учетом целей программы и профессиональных задач.

Ключевые слова: аудитивные навыки, аудитивные умения, навыки аудирования, аутентичные видеоматериалы, обучение взрослых, принципы андрогогики, методика преподавания.

Introduction

With the development of international relations, inclusion in the World Directory of Medical Schools (WDOMS), having received recognition abroad, the Mari State University every year attracts more and more foreign students for getting bachelor's and master's degrees. Now, more than two thousand students from 35 countries of the world study at the university, including Central, South and Southeast Asia, Africa and South America. It is evident that foreign students might face the problem of studying the material in the Russian language.

The abovementioned problem has been resolved in two ways, firstly by the student adaptation program at MarSU, which implies teaching the Russian language as a preparatory course; secondly, by teaching subjects in English. The latter required the University professors know English at a level sufficient to conduct lectures and practical classes. Partially, the problem of communication between a teacher and a foreign student was solved at the initial stage by attracting interpreters. However, the increase in the number of foreign students and the emergence of new specializations led to the creation of English language courses for the teaching staff of the University who teach foreign students.

The "Professionally-Oriented English Language Course" created as part of the system of additional professional education has two levels - basic and advanced, the distribution of the course participants is carried out according to the results of entrance testing. The main goal of the course is the formation of professional competencies necessary for professional activities in the field of teaching courses in English. Among the objectives of the course are mastery of communication skills (oral and written) in English within the framework of academic and professional topics, the ability to draw up a work program on the subject being taught, taking into account the peculiarities of English academic writing, as well as the ability to conduct a lesson in English in the form of a lecture or a workshop.

To develop communication skills one should master speaking, reading, writing and listening comprehension skills, which are equally relevant in interaction. The latter is frequently said to be the most important and demanding one. The problem of auditive skills formation and development is widely discussed by the methodologists in Russia and overseas. However, the main attention is focused on the young learners teaching in secondary institutions. Adult learners need a different approach to teaching listening comprehension and mastering a foreign language, which takes into consideration environmental factors, psychological peculiarities, and teaching techniques.

Hypothesis and Methods

Hypothesis of the research: auditive skills development will be more successful with the use of authentic video material accompanied with clear instructions, relevant tasks and exercises.

Research Methods. Theoretical analysis of the literature in methodology, psychology and education relevant to the research topic; questionnaires, tests, direct and indirect observation, self-evaluation and education practitioner-led evaluation; statistical analysis of the obtained data; summary of the research outcomes.

Results and Discussion

Listening Comprehension Formation. The Development of the Auditive Skills

Listening is one of the most important types of speech activity, since the ability to understand speech by ear is one of the aspects of oral communication. Imperfect listening skills lead to impaired communication. Listening is also one of the most difficult types of speech activity in a foreign language, this is due to both the objective difficulties of the listening process itself (complexity of information, speech rate, mental stress, fatigue), and listening conditions (one-time presentation of the material, the lack of the possibility of re-asking, etc.). In real communication, four types of speech activity are distributed as follows: listening – 42%, speaking – 32%, reading – 15% and writing – 11% (Fedotova, 2009, p.78). Russian and foreign methodologists believe that it is listening that can determine the further success of all practical teaching of a foreign language (Sysoyev, 2010; Shchukin, 2008; Wilson, 2008)

The auditory skills do not occur independently but need to be formed and taught. A.N. Shchukin underlines the fact that if there are no targeted listening sessions, the level of text comprehension will not exceed 50% (Shchukin, 2008). With purposeful learning, the level of understanding increases, that means there should be organized listening comprehension trainings according to the students' language level.

The development of auditory skills alongside speech, writing and reading skills is one of the main objectives of the “Professional-Oriented English Language Course” for the university lecturers who conduct classes in English. The results of the annual entrance questionnaire show that the respondents understand the importance of well-trained auditory skills for their speech activity development.

Table 1 Importance of speech activities for the foreign language skills development

Year	Speaking	Listening	Reading	Writing
2018	8 (47%)	5 (29%)	2 (12%)	2 (12%)
2019	5 (38%)	3 (23%)	2 (15%)	3 (23%)
2020	6 (25%)	10 (41%)	4 (17%)	4 (17%)
2021	7 (39%)	7 (39%)	1 (6%)	3 (17%)

The table shows that speaking and listening are of great importance for the majority of the trainees. Speaking takes the first place in all the years exceeding 38% but in 2020, when listening was chosen as the most essential for the speech development by 41% of the testees, speaking taking the second place with 25%.

The entrance test shows slightly different results. The test contains the tasks aimed at the examination of all the speech activities and language aspects including grammar and lexis knowledge. For the present research the level of auditory skills development has been analysed.

Table 2 Auditive skills development (entrance test)

Year	Trainees Total	Low	Average	High
2018	17	8 (47%)	7 (41%)	2 (12%)
2019	13	5 (38%)	4 (31%)	4 (31%)
2020	24	10 (41%)	10 (41%)	4 (18%)
2021	18	7 (39%)	9 (50%)	2 (11%)

As can be seen from the table, the course participants demonstrate the "lack" of auditory skills, with the high level fewer than 20% of the testees apart from 2019 with 31% and low level close or exceeding 40% of all groups of the trainees. The number of participants with a low level auditory skills development required elaboration of the listening comprehension skills teaching techniques, with the participants' age, professional field, interests as well as principles of adult learning taken into consideration.

Adult Learning/Teaching Principles and Organization of the Work with Video Sources
 Malcolm Knowles was the first to distinguish the adults and children's differences in learning. In his book “The Modern Practice of Adult Education: Andragogy Versus Pedagogy” (1970) Knowles presented four assumptions: self-concept, experience, readiness to learn and orientation

to learning which later reflected in the androgogical principles developed by the scientist's followers both in Russia and abroad.

The following principles are of special interest to the present research (Ganzenko, 2021):

Adult learners:

are self-motivated and self-directed

are independent

want to manage their own learning.

have diverse experience and knowledge

apply their life experience and knowledge to new learning

use their problem-solving, reflecting and reasoning skills.

are goal focused

want timely learning

need clear learning goals

are practical – their learning should apply to their lives, job, etc.

focus on the aspects that are most useful to them.

The principles were reflected in the organization of listening comprehension teaching in and out of class. It is understood that for students who have an intermediate language level, listening training, integrated with other types of speech activities, may look like speaking - listening - writing. For students with a lower level, one must first work out the lexical and grammatical material in order to remove any possible difficulties and only then give listening tasks. This way the scheme of learning will look like reading - speaking – listening (Kostitsyna, 2015, c. 419). Thus, all the trainees were given the vocabulary material relevant to the audio texts or video clips. The tasks were different though. Those students with a lower level were to analyse the vocabulary with the given Russian translation and then use it in a various exercises (gap-fills, brackets opening, etc.). The students with an intermediate and high level were to translate the vocabulary themselves and then use it in the exercises similar to the abovementioned ones and sentences of their own. Those tasks constitute the pre-viewing stage of the video material work.

Video viewing in EFL class has a certain methodical structure. It is customary to distinguish three main stages: pre-viewing, while viewing, after-viewing (Kuragina, 2009, p. 5).

The main goals of the pre-viewing stage are 1) to motivate the trainees and set them up for the task. Before watching the video, the teacher sets a certain communicative task for the students, which directs their attention to the topic of the video; 2) to remove possible language comprehension problems. Here, it is important to analyze authentic conversational formulas and clichés and some of the realities of the country of the target language that might be difficult or unknown for students. Before the viewing, the instructor gives tasks to anticipate the content of the video, introduces key words and provides leading questions on the topics that will be covered in the film. There might be used visual supports such as stills from the film, the names of the characters and their photographs. If a video film can cause some difficulties for understanding, it is important to point out that the pace of the characters' speech is quite fast, and students should not try to understand every word, but only the general meaning of the talks

The tasks on the video content anticipation may include:

title discussion;

quick preview of an excerpt from a video clip without sound;

vocabulary work with translation or interpretation;

true or false statements.

The tasks on the overcoming possible language comprehension problems may contain preliminary project work on the topic of the video. It encourages the students to get acquainted with the facts of the video, understand possible barriers in audio material and minimize them.

The main goal of the viewing stage is to develop language, auditive, speech and sociocultural skills. Before viewing the trainer sets the communicative task to identify the purpose of listening.

The tasks on information finding may include:

pre-designed graphic organizers fill-in

key words and phrases finding
 English and Russian equivalents matching
 gap-fill exercises

The tasks aimed at the receptive skills development include:

true-false exercises
 sentences and text semantic parts correlation
 text parts hierarchy

The goal of the after-viewing stage is to develop productive skills in oral and written speech. With the adult learners the mostly common tasks are role-play, panel discussion, subtitles writing, video clip dubbing.

The aforementioned algorithm undergoes certain changes in teaching the trainees of the “Professional-Oriented English Language Course” in accordance with the principles of individual approach and independence. The first stage is completed as a rule with the whole group. The second one is given for individual work either in class (usually computer class) or at home where the course participants work at their own pace independently. They may obtain the consultation if needed. The third stage is conducted usually in class, though there may be cases when it is prepared in a group out of class and checked at the lesson.

The Use of Authentic Video Materials. Advantages and Usage Peculiarities

The use of authentic video materials has great potential in the methodology of EFL teaching. On the one hand, this is due to the functions that authentic video materials perform in an EFL class. Here one can name informational, motivational, modeling, integrative, developmental ones, and a number of other functions (Zharov, 2016, p.36). On the other hand, video as a teaching tool has characteristics that make it possible to organize the learning process more effectively, to create communicative conditions close to real communication.

The use of video becomes effective only if a number of conditions are met, which include the following:

- the correct organization of work with video materials, which includes the correct definition of the educational goal and objectives;
- the choice of video according to certain criteria, such as the relevance of the topic of the video recordings, the correspondence of the language content of the video to the level of language skills of students, the informational and artistic value of the video;
- when planning a lesson, one should take into account the types of video materials such as educational, authentic ones, television or Internet broadcasts, etc.;
- taking into account the genre features of video materials.
- systematic use of video clips both in classroom and independent work of course participants.

The video materials used in the “Professionally-Oriented English Language Course” were selected in accordance with the criteria indicated above, taking into account the spheres of the teaching activities of university professors as well as the topics studied according to the program.

To illustrate the point there can be given the following examples:

Topic	Video Clip
An Approach to Academic Writing	Scholargoogle
International academic conferences	How to Organize a Conference
University teaching, learning and research	Peer Assessment
Academic publications	5 tips for Articles That Get Read!

The video clips are taken from Youtube channel with due links. All the topics are accompanied with one or two authentic video clips. The work with the video material is organized in accordance with the algorithm described in the part ‘Adult Learning/Teaching Principles and Organization of the Work with Video Sources’.

The effectiveness of the proposed algorithm for working with authentic video materials is confirmed by the results of intermediate and exit testing.

Table 3 Auditive skills development (midterm test)

Year	Trainees	Low	Avarage	High
------	----------	-----	---------	------

	Total			
2018	17	7 (41%)	8 (47%)	2 (12%)
2019	13	4 (31%)	5 (38%)	4 (31%)
2020	24	7 (29%)	12 (50%)	5 (21%)
2021	18	6 (33%)	10 (56%)	2 (11%)

Table 4 Auditive skills development (exit test)

Year	Trainees Total	Low	Avarage	High
2018	17	5 (29%)	9 (53%)	3 (18%)
2019	13	4 (31%)	5 (38%)	4 (31%)
2020	24	7 (29%)	11 (46%)	6 (25%)
2021	18	3 (17%)	12 (67%)	3 (16%)

As it can be seen from table 3 and table 4, there is no dramatic increase in the level of auditive skills development in general. However, each year there is positive dynamic from a low level to an average one in midterm testing, with one move to a high level in 2020. The results of the final test show that the number of people with an average level of the auditive skills development exceeds from 46 up to 67% except year 2019 with relatively equal distribution of indicators. The test result are also supported by the annual assessments of lectures and practical classes presented by the former course trainees, among which good and positive marks prevail (85%). These facts indicate the correct choice of a strategy for the development of auditive foreign language skills based on authentic video materials.

Conclusion

Auditive abilities are an integral part of communicative competences. The ability to speak and communicate in a foreign language is impossible without the ability to perceive a foreign language speech by ear. That is why listening comprehension skills are of great importance for the development of both productive and receptive speech activities. This fact requires the search for new effective teaching techniques and methods of the auditive skills development.

The use of authentic video materials in the form of clips and video fragments in EFL class and out of class work has demonstrated its potential as one of the main techniques used for the listening comprehension abilities development of the trainees of the additional education program “Professionally-Oriented English Language Course”. As the course participants are university lecturers, the implementation of androgogical principles was important, which in its turn led to the creation of the algorithm for the work with authentic video material based on the traditional scheme but modified in accordance with the principles of adult learning.

The positive results of the intermediate and final testing show effectiveness of the task series, which complement the algorithm and are part of it. The interest of the course participants, their motivation to learning enables the creation on new teaching methods as well as new exercises and tasks.

References

- Azimov, E.G. (2009) *New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching)*. Ikar, Moscow, p. 26. (in Russian)
- Ganzenko, A. *Adult Learning Principles*. Reference by Author. Available at https://spravochnick.ru/pedagogika/principy_obucheniya/principy_obucheniya_vzroslyh/ (accessed 7 September 2021) (in Russian)
- Fedotova, N.L. (2013) *Methods of teaching Russian as a foreign language (practical course) - SPb.: Zlatoust.* (in Russian)
- Knowles, M. (1970) *The modern practice of adult education. Andragogy versus pedagogy*. New York: Association Press.

- Kostitsyna, I.A. (2015) Strategies for the development of students' auditory skills in their preparation for the Unified State Exam in English. *Young Scientist*. - No. 16. - pp. 418-420. Available at: <https://moluch.ru/archive/96/21628/>, free (accessed 15 September 2021) (in Russian)
- Kuragina, A.A. (2009) The use of Video films in Teaching English: teaching aid. – Yoshkar-Ola: MarSU. (in Russian)
- Sysoyev, M.N. (2010) Methods of teaching a foreign language using new information and communication Internet technologies: teaching aid – Rostov n / D, M .: Phoenix: Glossa-Press. (in Russian)
- Shchukin, A.N. (1981) Methodology of the use of audiovisual means. – M .: Russian language. (in Russian)
- Wilson, J.J. (2008) How to Teach Listening / J.J. Wilson. – Pearson Education Limited.
- Zharov, D.A., Baigarov, G.N. & Uskova, B.A. (2016) Key Features of Authentic Videos. *Young Researcher*, no.7.5., p.36. Available at <https://moluch.ru/archive/111/26920/>, (accessed 25 August 2021) (in Russian)

UDC 811.521'36

N. KUTAFAVA

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

IMPORTANCE OF ZOOMORPHIC METAPHORS WHEN TEACHING JAPANESE

A metaphor, and in particular a zoomorphic metaphor, is an important element when learning any language being closely related to the communicative approach when teaching a foreign language. In Japanese language classes, special attention should be paid to the study of zoomorphic metaphors demonstrating national and cultural traits. Students studying Japanese should understand that any zoomorphic metaphor is associated with cultural peculiarities and stereotypes significantly varying across cultures. When using a zoomorphic metaphor, Russian students should not transfer features attributed to this or that Russian zoomorphic metaphor onto the Japanese metaphor. Studying zoonyms and zoomorphic metaphors has applied and theoretical importance. It will help Japanese language students gain a deeper understanding of Japanese culture through the language; get acquainted with Japanese legends and traditions, as well as associations related to these animals in Japanese society; master the use of zoonyms in direct and figurative meanings in phrases and sentences, as well as understand Phraseological units in which the names of animals are used.

Key words: zoomorphic metaphor, association, zoonym, Japanese, Russian.

ВАЖНОСТЬ ЗООМОРФНЫХ МЕТАФОР ПРИ ОБУЧЕНИИ ЯПОНСКОМУ ЯЗЫКУ

Метафора, и, в частности, зооморфная метафора, является важным этапом в освоении любого языка, что напрямую связано с коммуникативным аспектом преподавания иностранного языка. На занятиях по японскому языку следует уделять внимание изучению зооморфной метафоры, которая обладает национально-культурной спецификой. Студенты, изучающие японский язык, должны понять, что зооморфная метафора связана с культурными ассоциациями и стереотипами, которые существенным образом различаются в разных культурах. При использовании зооморфной метафоры русские студенты не должны переносить свое представление о той или иной зооморфной метафоре русского языка на метафору японского языка. Освоение зоонимов и зооморфизмов имеет прикладной и теоретический характер. Оно поможет студентам, изучающим японский язык, глубже понять японскую лингвокультуру; ознакомиться с легендами и преданиями, а также ассоциациями, связанными с данными животными в японском обществе; усвоить использование зоонимов в прямом и переносном значениях в словосочетаниях и предложениях, а также понять фразеологизмы, в которых используются наименования животных.

Ключевые слова: зооморфная метафора, ассоциация, зооним, японский язык, русский язык.

Introduction

The zoomorphic metaphor is the linguistic phenomenon helping to understand general and specific in language and culture. Using such metaphor a person can give a characteristic to another person, and even more broadly to another nation. National and cultural specificity is manifested through zoomorphic metaphor also reflecting associations and stereotypes generally typical for this culture. It should be remembered that associations attributed to a zoomorphic metaphor can be completely different in various cultures; however, they can partially or completely coincide.

For example, in case a person is called “a monkey” in the Russian culture, he/she is dexterous, agile, able to skillfully imitate someone, has funny and ugly appearance. [Yin Bin, 2014, p. 219]. If a Japanese person calls a person “a monkey”, he/she is dexterous, intelligent, able to imitate someone, and cunning [Electronic Dictionary Weblio]. Moreover, when analyzing the results of the associative experiment conducted by us, the following associations were found “the monkey” has long been deified in Japan; the Japanese have faces of monkeys; this is how the Japanese are depicted in caricatures in other countries; Japanese macaques, similar to humans, love hot springs.

Materials and methods

The study of zoomorphic metaphors based on material from different languages has a rather long history. In particular, Kawaguchi Junji [Kawaguchi, 1998], N.V. Kutafeva and A.A. Gladkikh [Kutafeva, Gladkikh, 2016] and T.M. Gurevich and N.N. Izotova [Gurevich, Izotova, 2018] studied zoomorphic metaphors in the Japanese language.

Yada Hiroshi [Yada, 1995] and Matsui Mahito [Matsui, 2002] carried out a comparative analysis of zoomorphic metaphors in Japanese and English languages in order to reveal the cultural identity.

The present paper is the next work in our series of articles on zoomorphic metaphors [Kutafeva, 2020, p. 47–58]. Here we used the material obtained earlier through an associative experiment. In order to identify how the Japanese perceive Russians and Russians perceive the Japanese, we made a questionnaire containing animal names, such as “tanuki” (raccoon dog), “fox”, “turtle”, “monkey”, “dog”, “cat”, “horse”, “bull” (cow), “hare”, “bear”, “elephant”, “wolf”, “squirrel”, “hamster”, “mouse”, “bee”, and “ant”. To fill in the questionnaire participants were asked to choose one or two animals and briefly explain their choice.

The survey involved 100 Japanese university students as well as 100 Novosibirsk State University students.

Discussion

The Japanese used 15 animal names to characterize Russians (including “tanuki”, but excluding “ant” and “monkey”), moreover 6 animals were added (“cheetah”, “reindeer”, “giraffe”, “tiger”, “swan”, and “kangaroo”) as well as one animal species (“polar bear”). The number of individual responses is given in parentheses. The Japanese used the following zoonyms: “bear” (association “big”) (59), “wolf” (association “danger, protector of forests and mountains”) (51), “fox” (association “connection with Inari – the deity of fertility, a wise man, a deceiver”) (23), “elephant” (association “big, strong”) (21), “hare” (association “white, the cold”) (18).

Russians used 13 animal names to characterize the Japanese, such names as “monkey”, “dog”, “bear”, “wolf” were not used, moreover “cheetah” was added. Russians used the following zoonyms: “ant” (association “work hard, collectivism, strict hierarchy in society”) (50), “bee” (association “collectivism, life like in a swarm”) (36), “fox” (association “cute but cunning”) (30), “cat” (association “graceful, it is not clear what is on their mind”) (25).

The purpose of this paper is to propose the stages of studying the Japanese zoonym “hare” and zoomorphic metaphor associated with it based on the national and cultural specificity by Russian students studying the Japanese language.

Since not all students specialize in philology, first of all it is necessary to explain what a zoonym, a metaphor and a zoomorphic metaphor are as linguistic phenomena and explain the meaning of the terms.

As A.A. Kipriyanova defines in her work, the term “zoonym” is used for lexemes the main meaning of which is a semantic component “animal name” [Kipriyanova, 1999].

In the dictionary by D.E. Rosenthal and M.A. Telenkova it is written that “a metaphor is the use of a word in figurative sense based on similarity of two objects or phenomena in any respect” [Rosenthal, Telenkova, 1976, p. 176]. With the help of connotative meaning, an associative representation of target culture specific concept is added to the main meaning of the word.

A zoomorphic metaphor is a set of features on the basis of which a person, due to the anthropocentric nature of the surrounding world, gifts an animal with “human” characteristics. A zoomorphic metaphor may be based on habits of this animal noticed by a human. For example, in Russian culture, one is brave as a lion and slow as a turtle. There are metaphors that use physical characteristics of animals to describe characteristics of a person, for example, hungry as a wolf; slippery as an eel.

The next step is to explain to students that there are two verbal ways to express a metaphor, namely explicit comparison (cunning, like a fox) and hidden comparison (you are such a fox).

In Japanese, the most common way to do so is through the use of such phrases as: ような (ように) *ē: na (yo: ni)* “how”, *みtaina (mitaini)* “looks like, something like”, for example, 狐のよう な 女 *kitsune-no yo: na onna* “woman like a fox.” Moreover words can be used metaphorically in a sentence (hidden comparison), for example, 女は狐だ。 *Onna wa kitsune da.* “A woman is a fox.”

Let us turn to the consideration of the concept “hare” in Japanese culture. “Hare” is associated with luck, home, dexterity, devotion, and speed. Moreover in Japan “hare” is equated to the gods of mountains or used as the god messenger according to widespread traditions. The All Japan

Real Estate Association has made “hare” its symbol because it has ears that precisely capture information, eyes that look to the future, and legs that can run fast [Japanese Wikipedia].

We believe that special attention should be paid to the symbolism of “hare” in Japan. The hare is the symbol of the moon. This story is connected with Indian legend, which probably came to Japan at the end of the Heian period (794-1192). The story tells how the hare was given the appearance of an animal for his bad deeds in the previous life, but he constantly asked to be useful to people. One day, an old man appeared in front of him and this old man was actually the god 帝釈天 Taishakuten. The hare, seeing him saying the words “I have nothing, but you can eat my meat”, threw himself into the fire. Taishakuten, in gratitude for this act, moved the hare to the moon and made it immortal [Udagawa 2010, p. 97].

In September, the Japanese celebrate 月見 tsukimi “moon-watching” and every Japanese believes that the hare makes mochi (rice cakes) on the moon and can see his shape.

Let us turn to the consideration of the concept “hare” in Russian culture. A.V. Gura notes in his monograph that the image of “hare” is associated primarily with the personification of cowardice, as well as with a character from Russian fairy tales. Russians use sayings that symbolize cowardice, such as “cowardly like a hare”, “hare heart”, “hare soul” as well as proverbs such as “a frightened hare is afraid of a bush”, etc. Moreover, “hare” is associated with fertility (male character) and with a demonic beginning (there is a sign that if a hare crosses the road, it is worse than a black cat [Gura, 1997, p. 177–197]).

In Russian fairy tales, the hare is often perceived as a positive hero; however in some fairy tales it is a weak and helpless hero afraid of everything, in others it is a cunning person capable of a brave deed.

Hare nicknames in fairy tales are affectionate e.g. Bunny. Russians use this name to address their children or loved ones affectionately. However there is also a rude nickname Cross-eyed, which is probably due to the shape of the eyes. In colloquial speech, a stowaway is called “hare”. Another characteristic of “hare” is its speed, ability to run fast. Thus, in both Japanese and Russian cultures, there is one common characteristic of “hare”, namely, its speed.

Let us now consider the results of our associative experiment. The zoonym “hare” in both Russian and Japanese language cultures have a wide range of associations.

The Japanese gave the following associations in relation to the Russians: many white people (10), cold (5), big eyes (2), and beautiful (1). Most answers are related to looks and the cold.

The Russians gave the following associations in relation to the Japanese: fast (9), cunning (6). Most answers are related to swiftness and behavior.

The goal of teaching Japanese is the understanding of texts and spontaneous speech, the ability to understand and use metaphors in practice, and in particular, zoomorphic metaphors being vital. Japanese language learners must find a metaphor and understand its meaning when reading texts or perceiving spoken language. If they lack background knowledge, they will not be able to understand the essence of a metaphor.

Next, we move on to the stages of how to use zoonyms and zoomorphic metaphors.

1. Explain how to write down a lexeme: it can be the corresponding hieroglyph 兎 usagi or the katakana alphabet ウサギ usagi if the word is used as a term or if the writer wants to emphasize it in the text.

2. Explain the direct and figurative meaning of the lexeme “hare” in nominative and fixed phrases.

2.1. Direct usage

兎 usagi “hare”, 兎狩り usagigari “hunt on hares”.

2.2. Expressions that can be used directly and figuratively

- ウサギ小屋 usagigoya direct meaning “rabbit house”, figurative meaning “small, cramped living quarters” (an almost constantly used expression when the Japanese talk about their house),

- 兎耳 usagimimi direct meaning “long ears like those of a hare”, figurative meaning “sensitive hearing, sensitive ear; an overly curious person, a gossiper”.

- 兎の糞 usage-no fun direct meaning “hare droppings”, figurative meaning “to interrupt, not to continue doing something for a long time” (interrupted, like hare droppings)

2.3. Fixed expressions that use the hieroglyph 兎 usagi “hare”:

- 兎角 tokaku originates from the Buddhist term 兎角亀毛 tokakukimo: “horns of a hare, fur of a turtle” and means “this and that”, 兎角する内に tokakusuru uchini “meanwhile, while things are being decided” (Dictionary of the national Japanese language);

- 脱兎の勢い datto-no ikioi direct meaning “like a fleeing hare,” figurative meaning “very fast, as fast as lightning” (ibid);

- 兎に祭文 usagi-ni saimon direct meaning “a written Shinto prayer to a hare”, figurative meaning “no result, you might as well talk to a brick wall” (ibid);

- 兎の登り坂 usage-no noborizaka direct meaning “hare slope” (a hare has long hind legs and short front legs, so it easily climbs the slope), meaning “to show its own strength due to favorable conditions” (ibid).

Conclusion

Thus, we examined the meaning of the zoonym “hare” in Japanese and Russian language cultures, analyzed the results of our associative experiment related to the above-mentioned zoonym and found out that when the Russians describe the Russians, “hare” has the following characteristics: it is mentioned in fairy tales, fast, kind, but cowardly (associations are related to behavior and character), when the Russians describe the Japanese it is quick and cunning (associations are related to character and behavior). When the Japanese describe the Japanese, “hare” has the following characteristics: it lives in a group, it cannot work individually, it looks frightened (associations are related to collectivistic behavior). When the Japanese describe the Russians, the associations are the following: many white people, the cold, big, eyes, beautiful (associative shifting due to color (metaphoric transfer white hare → white skin color), habitat and appearance.

Russians in relation to themselves as well as to the Japanese mention one common quality – speed.

Moreover, we suggested the stages how to get acquainted with the zoonym and the zoomorphic metaphor in Russian speaking student groups in the Japanese language classes:

- explain the significance in Japanese and Russian language cultures;
- describe the associations related to the zoonym (optional);
- introduce the zoonym (explain its meaning and spelling);
- show the usage of a zoonym in its direct meaning;
- show the usage of a zoomorphic metaphor.

Mastering zoonyms and zoomorphic metaphors in Japanese classes is of practical use. Students who study Japanese receive information on Japanese culture, when correct understanding and usage of a zoomorphic metaphor will help them understand better the essence of metaphorical transfer, Japanese texts and spoken language, and will also facilitate communication with the Japanese. The main thing during Japanese language classes is to explain to Russian students the significance of this or that zoonym and the stereotypes associated with it that exist in Japanese culture, and also to warn them against transferring ideas about this or that animal based on its perception in Russian culture to the perception of the same animal in Japanese culture.

Course books

Udagawa Noriko. マンガで学日本語表現と日本文化 [Learning Japanese Expressions and Japanese Culture through Manga]. Tokyo, ALC Press. Inc. 2010. (In Japanese)

Dictionaries

Dictionary of the Japanese National Language. Available at: <https://dictionary.goo.ne.jp/> (accessed: 09/14/2021). (In Japanese)

Electronic Japanese dictionary Weblio. Available at: <https://www.weblio.jp/> (accessed: 1.10.2021). (In Japanese)

References

- Gura, A.V. (1997) Animal symbolism in Slavic folk tradition // *Symvolika zivotnykh v slavyanskoi narodnoi tradicii*. Moscow, Indrik. (in Russian)
- Gurevich, T.M. & Izotova, N.N. (2018) Specificity of zoological code of Japanese culture // *Specifichnost zoologicheskogo koda yaponskoi kultury / Culture and Civilization*. 2018, Vol. 8, Is. 2A. P. 29–36. Available at: <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2018-2/4-gurevich-izotova.pdf> (accessed: 20.09.2021). (in Russian)
- Kipriyanova, A.A. (1999) Functional peculiarities of zoomorphisms (phraseology and paremiology of Russian, English, French and Modern Greek languages) // *Funkcionalnye osobennosti zoomorfizmov (na materiale grazeologii i paremiologii russkogo, Angliiskogo, Krasnuzskogo i novogrecheskogo yazykov)*. Cand. of sciences in philology dissertation. Krasnodar. (in Russian)
- Kutafeva, N.V. (2020) Zoomorphic metaphor in Japanese // *Zoomorfnyaya metafora v yaponskom yazyke / Japan XXI NOVA: era and century*. Saint Peterburg, Art-xpress, 2020. (in Russian)
- Kutafeva N. V. & Gladkikh A. A. (2016) Zoomorphisms in Japanese // *Zoomorfizmy v yaponskom yazyke / Issues of XII International conference “Languages of Far East, South and Eastern Asia, Western Africa”*. Moscow, LESEWA. pp. 150–155. (in Russian)
- Rosenthal, D.E. & Telenkova M.A. (1976) Dictionary and reference book of linguistic terms // *Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov*. Moscow, Education. (in Russian)
- Yin, B. (2014) Features of zoomorphy in Russian and Chinese language cultures // *osobennosti zoomorfii v russkoi i kitaiskoi lingvokulture / Izvestiya vuzov. Series “Humanities”*. 2014. No. 5 (3). pp. 217–221. Available at: https://ctj.isuct.ru/e-publ/gum/sites/ru-e-publ_gum/files/2014/t05n03/humscience_2014_t05n03-217.pdf (accessed: 17.09.2021). (in Russian)
- Kawaguchi, J. (1990) 動物名から道具名へ:メトニミ・メタファ・意味の変化 [Name of furniture through names of animal: metonymy, metaphor, change of meaning]. *Geibun kenkyuu. Journal of arts and letters*. Vol. 75. 1990. pp. 112–127. (In Japanese)
- Matsui, M. (2002) 松井真人. メタファーの普遍性と文化的変異についての一考察--英語と日本語におけるイヌに関するメタファー表現をめぐる [On universality and cultural variation in metaphor : Dog-related metaphorical expressions in English and Japanese] // *Bulletin of Yonezawa Women’s College of Yamagata Prefecture*. № 37. 2002. pp. 19–30. Available at: https://yone.repo.nii.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=18&item_no=1&page_id=13&block_id=21 (accessed 10.10.2021). (in Japanese)
- Japanese Wikipedia. Available at: <https://ja.wikipedia.org/wiki/%E3%82%A6%E3%82%B5%E3%82%AE> (accessed 1.11.2021). (In Japanese)
- Yada, H. (1995) 語彙面からの日英語比較: 昆虫・魚介類・動物・鳥に関する語彙を中心にして [A Comparative Study of English and Japanese Vocabulary with Special Reference to Insects, Fish, Animals and Birds] // *Studies in English language and literature*. Vol. 1. pp. 91–117. Available at: https://tokyo-kasei.repo.nii.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=9592&item_no=1&page_id=13&block_id=21 (accessed 09.11.2021). (in Japanese)

A. KUTIMSKAYA

Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russian Federation

MODERN GERMAN BANKING TERMINOLOGY: DIFFERENTIATION BETWEEN SYNONYMY AND VARIATION

The article deals with a controversial problem of differentiating between synonymy and variants in German banking terminology system. Many linguists do not recognize synonyms in terminology, considering them to be variants. Therefore, there are no criteria to differentiate these linguistic phenomena. To do so, the paper proposes to use the method of stylistic interpretation of synonymic rows.

Key words: terminological systems, synonymy, variation, differentiation criteria

А.Ю. КУТИМСКАЯ

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Российская федерация

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СИНОНИМИИ И ВАРИАНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ БАНКОВСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

В статье рассматривается проблема разграничения синонимов и вариантов в современных терминосистемах, в частности в терминосистеме немецкого банковского дела. Этот вопрос является дискуссионным. Многими лингвистами не признается само существование синонимов в терминологии, они считаются вариантами, не разработаны критерии разграничения данных языковых явлений. Одним из методов дифференциации в тексте предлагается стилистическая интерпретация синонимических рядов.

Ключевые слова: терминологические системы, синонимия, вариантность, критерии разграничения.

Introduction

Due to globalization and integration, the current period of our social development is characterized by the ever-growing introduction of science and technology in all aspects of human life. The search for optimal ways of intercultural dialogue in order to exchange both information and goods is becoming increasingly important. One of the striking examples of this search is the development of terminological systems, in particular the system of German banking terms. Using the correct term can influence economic decisions in banking. If you know a certain term and the concept it denotes, as well as its semantic boundaries, it is convenient to use it. However, there are a number of problems associated with the use of terminological units. There is no agreement among linguists concerning some issues: the existence of synonyms, sources of the appearance of synonymous relations in terminological systems and the conditions for distinguishing between synonyms and variants.

One of the most controversial issues is the problem of differentiating synonymy from variation. Both linguistic phenomena are close but not identical. Synonymous terminological units denote the same concept with some significant or insignificant differences, whereas variant

terminological phrases are varieties of the formal structure with a partial mismatch of the lexical composition and a complete match of the semantics and functions of all variants. The main difference between synonymy and variation is the semantic unity of identity and difference, based on formal features [Taranova 2011, p. 64].

Methods and material

Due to the complexity of the above-mentioned differentiation in the text, this paper uses stylistic interpretation of synonymic rows in modern banking terminology as one of the analysis methods.

Discussion

Modern linguistics has been addressing issues concerning terminological units for many years. These issues are connected with the development of scientific thought in different spheres of modern science and, consequently, the emergence of new terms, as well as external linguistic factors influencing linguistic vocabulary. The scope of terminology research is broad and ranges from theoretical general studies of the development of particular terminological systems to practical problems of arranging, unifying and standardizing industry vocabulary and its adequate representation in dictionaries [Slozhenikina 2015]. The theory of variability/ invariance or the theory of variability as a fundamental and integral language feature was considered by many scientists (N.D. Arutyunova, O.S. Akhmanova, N.S. Babenko, A.V. Bondarko, V.V. Vinogradov, M.Ya. Glovinskaya, E. D. Golovina, V. M. Leichik, K. S. Gorbachevich, D. Jones, G. G. Ivleva, Z. I. Komarova, T. P. Lomtev, O. I. Moskalskaya, E. V. Paducheva, N. V. Pertsov, E. V. Rakhilina, R. P. Rogozhnikova, N. N. Semenyuk, Yu. V. Slozhenikina, A. I. Smirnitsky, V. M. Solntsev, M. D. Stepanova, S.D. Shelov, F.P. Filina, M. Halle and others).

The 21st century marked a new, functional stage in the development of terminology when linguists examined the essence of the term and peculiarities of its usage in a specific text, refusing to ascribe desirable properties to the term and recognizing that real terms can have polysemy, synonyms, like any lexemes of the natural language [Khantakova 2006]. One of the problems addressed by modern linguists is the problem of separating synonymy and variation.

The criteria for distinguishing between synonymy and variation are not fully developed and are debatable. Differentiation problems include significant discrepancies between variants and synonyms in their lexicographic description. To interpret the same terminological phrase, different dictionaries can provide a different amount of information and details that explain the features of the concept designated by it (place, time, accompanying circumstances, etc.). The lack of clear structural models for constructing the term definition makes it difficult to understand the concept and compare a specific word combination with other terminological word combinations within the same row [Chan 2020]. Another important criterion is the discrepancy between formal and semantic variation. The indicators of synonymous relations between terminological phrases are differences in the terms content fixed in various definitions and a semantic differentiation of varying components in terms of their direct/ figurative meaning.

Results

One of the first definitions of variation describes it as a variety, heterogeneity of speech, determined by different conditions of its use, as well as speakers' social and territorial differences. To illustrate, the German language unit Fälligkeit (a payment due date) is a variant of the Austrian Abreifung [Chiara Messina 2015, p. 319]. Both definitions are used in reports on the activities of banks and other financial institutions. Another example is the Austrian version of Einbeziehungsmethode (the method of incorporating a subsidiary into a concern) and the German Einbezugsmethode [Chiara Messina 2015, p. 321]. These forms can be considered variants. Being free variants, they do not carry additional information, though the latter shows only partial modifications in the formal structure. Semantically identical terms with the same root but different root phonemic composition, affixes or semantic parts of words, stress, pronunciation, spelling, grammatical gender, and synonymous derivational affixes should be considered formal variants [Ivanova 2006]: Euro - Eurowährung (euro currency), e/ E-Geld - elektronisches Geld (electronic money); Bankteam - Mannschaft der Bank (bank team); Banking

– Bankverkehr (banking operations), and Bankgeschäftsabwicklung, Bankmanager – Führungskraft der Bank (head of the bank).

However, synonyms are terminological units with different roots that are identical or similar in their semantics [Ivanova 2006]. Let us consider the synonymous row Gewinn - Profit - Reibach, registered in the Corpus of Modern German. Das Gewinn (profit) is the dominant synonym and describes profit, income or benefit. Its synonym Profit in its basic meaning also indicates profit. Reibach means profit, gain and is a vulgar, familiar colloquial expression. Thus, substitution, which is one of the variation criteria, does not work in case of synonymy. Synonyms can be symmetric in content and asymmetric in form [Taranova 2011, p. 64]. Asymmetry results in different spheres of their use: Reibach (gain, profit, profit) is a familiar colloquial expression. Gewinn and Profit are used in official documents. This synonymous row has a typical structure from the center to the periphery. The dominant term is Gewinn, which is used more frequently. It has a wide combinability and is characterized by stylistic and pragmatic neutrality. Profit and Reibach are at the periphery and have their own areas of combinability. This synonymous row is a good illustration of Akhmanova's thesis that synonyms are words so close in meaning that their correct use in speech requires an accurate knowledge of the semantic shades of meaning and stylistic properties distinguishing them. [Akhmanova 2004, p. 407]. Therefore, synonyms have fairly clear content semantic differences, i.e. shades of meaning. These shades of meaning determine their combinability and stylistic peculiarities.

Conclusion

Despite ontological, functional and semantic similarity of synonymy and variation [Ivanova 2006, p. 32], these two linguistic phenomena are different. The problem of their differentiation remains controversial. The main differentiation criterion is a formal feature: synonyms are terminological units that are semantically identical, while variants are semantically identical and at the same time different in some features which are irrelevant in certain conditions. The novelty of this research is the use of the stylistic interpretation method to define more accurately synonymy and variation in German banking terminological system.

References

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 569 с.
- Иванова Г.А. Синонимия и вариантность терминов: проблема разграничения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. – 2006. – № 1. – С. 28–32.
- Сложеникина Ю.В. Классификации терминологических вариантов // Язык. Словесность. Культура. – 2015. – № 4–5. – С. 51–71.
- Таранова Е.Н. Проблематика современного теоретического терминоведения, достижения и недостатки терминологических исследований // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2011. – № 24 (95). – С. 142–148.
- Хантакова В.М. Теория синонимии: опыт интегрального анализа : монография. – Иркутск : Иркутский государственный лингвистический университет, 2006. – 211 с.
- Чан Тхи Хуен Чанг. Синонимия и вариативность терминологических словосочетаний макрополя. Деловой английский: business English: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2020.
- Chiara Messina. Die österreichischen Wirtschaftssprachen. Die diatopische Variation // Frank & Timme GmbH Verlag. – Berlin, 2015. – 384 S. достатки терминологических исследований // Вопросы журналистики, педагогики, обращения: 27.11.2021).

References

- Akhmanova, O.S. (2004) Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms] / O. S. Akhmanova. - 2-e izd., ster. - M.: URSS (Kaluga : GUP Oblzdat). (in Russian)

- Ivanova, G.A. (2006) Sinonimiya i variantnost' terminov: problema razgranicheniya. [Synonymy and variation of terms: the problem of differentiation] //Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya. №1 p.28-32. (in Russian)
- Khantakova, V.M. (2006) Teoriya sinonimii: opyt integral'nogo analiza. Monografiya. [The theory of synonymy: the experience of integral analysis: monograph] – Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet. (in Russian)
- Slozhenikina, Yu.V. (2015) Klassifikacii terminologicheskikh variantov [Classifications of terminological variants] // Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura. № 4-5. p. 51-71. (in Russian)
- Taranova, E.N. (2011) Problematika sovremennogo teoreticheskogo terminovedeniya, dostizheniya i nedostatki terminologicheskikh issledovanij. [Problems of modern theoretical terminology, achievements and shortcomings of terminological research] //Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija. №24 (95) p.142-148. (in Russian)
- Chan, Thi Huen Chang (2020) Sinonimiya i variativnost' terminologicheskikh slovosochetaniy makropolya "Delovoj anglijskij": business English [Синонимия и вариативность терминологических словосочетаний макрополя. Деловой английский: business English] : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.04 Moskva. (in Russian)
- Chiara Messina (2015) Die österreichischen Wirtschaftssprachen. Die diatopische Variation/ Frank&Timme GmbH Verlag. Berlin.

UDC (821.112.2+378.4)

E. MARTINEZ

Friedrich Schiller University of Jena
Jena, Germany

“DAS HAUS WAR ZU GROß”: USING PAINTINGS TO TEACH CONTEMPORARY GERMAN LITERATURE TO INTERNATIONAL STUDENTS

My long-term experiences doing Action Research in the German as a foreign language classroom shows the complexity of teaching literature, especially novels (Romane) and Erzählungen: international students feel anxiety, and the language barrier often hinders them from interpreting literary works that they find even less accessible than one-page poems. This paper explores how the presence of images, colors and emotions – in the works of literature and beyond – can be used to facilitate students' entry into contemporary German literature. The teacher and author of the present paper contends that international students first need to understand what a literary work is before they can read and interpret German novels and Erzählungen. While enhancing the importance of interpretations based upon the students' unique cultural background and life experiences – as emphasized by Reception Theory – the author addresses the primary approaches that she developed through her courses at Friedrich Schiller University in Jena, Germany. Unlike existing literature teaching concepts that employ poems and (old) paintings, her methods rest above all on the association of novels (or Erzählungen) with paintings from contemporary German artists. By participating in courses for intermediate or advanced learners of German, students became self-confident about reading Peter Stamm, Ursula Krechel, Daniel Kehlmann, Wolfgang Herrndorf, among others, while enjoying the association with other visual mediums. In time, they broke their habit of excessive translation into their mother tongue and proved capable of reading and interpreting contemporary German novels and Erzählungen, thanks to the personalizing of their learning experience.

Key words: Action Research, Anxiety, Contemporary German Literature, Erzählung, Globalization, Literature Teaching Approaches, Motivation, Paintings, Reception Theory.

Э. МАРТИНЕС
Йенский университет имени Фридриха Шиллера
Йена, Германия

«DAS HAUS WAR ZU GROß»: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАРТИН ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ

Мой многолетний опыт проведения практических исследований на немецком языке в классе иностранного языка демонстрирует сложность преподавания литературы, особенно романов (Romane) и рассказов (Erzählungen): иностранные студенты испытывают неудобства, а языковой барьер часто мешает им интерпретировать литературные произведения, которые они находят даже менее доступными, чем одностраничные стихи. В этой статье исследуется, как присутствие образов, цветов и эмоций - в литературных произведениях и за их пределами - может быть использовано для облегчения погружения студентов в современную немецкую литературу. Учитель и автор данной статьи утверждает, что иностранным студентам сначала необходимо понять, что такое литературное произведение, чтобы иметь возможность читать и интерпретировать немецкие романы и рассказы (Erzählungen). Подчеркивая важность интерпретаций в теории приема, которые основаны на уникальном культурном происхождении и жизненном опыте студентов, автор обращается к основным подходам, которые она разработала в своих курсах в Йенском университете им. Фридриха Шиллера в Германии. В отличие от существующих концепций обучения с использованием стихов и старых картин, ее методы основаны прежде всего на ассоциации романов или рассказов (Erzählungen) с картинами современных немецких художников. Участвуя в курсах для изучающих немецкий язык среднего и продвинутого уровней, студенты стали увереннее читать произведения Питера Штамма, Урсулы Крехель, Даниэля Кельманна, Вольфганга Херрндорфа и т.д., получая при этом удовольствие от общения с другими визуальными средами. В конце концов, они отказались от привычки переводить чрезмерно много материала для чтения на свой родной язык и оказались способными читать и интерпретировать современные немецкие романы и рассказы (Erzählungen) благодаря индивидуальному подходу к обучению.

Ключевые слова: Исследование действий, тревога, современная немецкая литература, рассказ (Erzählung), глобализация, подходы к преподаванию литературы, мотивация, картины, теория восприятия.

“Das Haus war zu groß” is the very first sentence of *Der Besuch*, an Erzählung by the Swiss contemporary writer Peter Stamm. The elderly Regina experiences loneliness and emptiness after her husband passes away, which left her alone in a house that is too big. My students learning German at an intermediate (or advanced) level are typically unable to interpret such a short sentence – despite the fact it belongs to the level A1 of the Common European Reference Framework for Languages – unless they are asked specific questions by their teacher. Literary texts comprised of long sentences containing a poetical language are even more difficult to read and interpret: students experience fear and demotivation. Instinctively, they hurry to translate every single sentence into their mother tongue but translating literary texts is challenging even for an expert of the translation field, so it is no wonder that students fail at reading and interpreting literary works.

From the observations above, it appears that there is a need to raise the learners' awareness on the following points: what a literary text actually is; what text interpretation is about; the fact that they can spare the trouble underpinning the task of excessive translating through specific reading and interpretation methods.

Before starting to read literary works, students attending my classes are tasked with creative writing activities that aim to help them understand – within a clear progression from basic questions about personal taste to exercises on figurative language including metaphors, analogies, personification etc. – what a literary work is (and is not), and that lead them to grasp how literary interpretation works. Students understand that, according to Reception Theory, the meaning of a literary work is created through the relationship between the text and the reader; that they are expected to fill the blanks; that the Leerstellen set the stage for unique text interpretation and strongly rely upon the readers' emotions. Reflecting about problem solving – such as reading and interpreting German literary works – is best-known as metacognition. Regardless of the student's linguistic background, I strongly recommend going through such a process, based upon Schraw & Dennison's [1994, p. 460ff.] argument that the knowledge of cognition should cohabit with the regulation of cognition: my students become their own guides about when they realize that excessive translation into the mother tongue is not the best way to successfully read and interpret works of literature, and about when they can apply strategies learned in class.

Several teaching concepts that proved successful in my German classes shed new light on the potentials of paintings from contemporary German artists as a means to facilitate the perception and reception of contemporary literary works. In this regard, the present paper addresses a pedagogical concept based on multimodal literacy. For many reasons that are discussed below, focusing on the presence of colors and emotions in the works of literature and beyond can be a more effective approach to reach (visual) literacy than the strenuous translation tasks mentioned above that are favored by international students – mainly due to their home countries' foreign language learning and teaching habits.

Following Franz Kafka's famous utterance, Martinez [2013, p. 135] points out that “[j]eder Mensch trägt ein Zimmer voller Emotionen in sich”, while the human being per se is known to be a homo Pictor. Thus, the use of images (rather than words) as a means to express emotions has been deeply rooted in most cultures since the beginning of human history, and it is no coincidence that now-globalized societies have experienced a pictural turn. Paradoxically, in the age of social media, people are confronted with a flood of images, resulting in them becoming increasingly unable to reflect on the meaning of messages or to perceive them at all. On this account, there is now more than ever an emergency to have our students train processes of perception.

Because of their emotional and narrative potentials, paintings smooth the path into literary works, which may seem inaccessible at first glance. As Grätz [1997, p. 5] claims, “[d]ie Suche nach Affinitäten dieser beiden Medien ist fremdsprachendidaktisch sehr wichtig, denn Sehenlernen und Sprachelernen sind verwandte Akte.” Enhancing those similarities so as to teach literature can occur by first focusing on the variety of messages contained in the text itself, before picking a series of paintings. The latter should be combined with the text by the students themselves, which enables them to better interpret it.

The selection of literary texts to be read in the German classroom with teenagers or young adults is “ein dauerhaftes Problem” [Lange/Zienis in Dreier, 2005, p. 3]. According to Pfäfflin [2007, p. 28-47], text selection should occur by concentrating on formal-esthetic criteria on the one hand, and according to the themes that the texts deal with on the other hand, such as basic patterns of human experiences, youth-specific topics (such as first love, the search for ego) and reflection on everyday aesthetic elements. In addition, my experience has shown that specific elements that can help achieve a successful combination with paintings should take center stage. In my opinion, there is a need to consider the presence of colors in the text. The presence of colors includes two sub-types of colors:

those that are explicitly present in the text, for example as simple adjectives or as adjectives that are linguistically more sophisticated (fischgraue Augen in Rote Korallen); those that are implicitly present in the text, for example through a season, a moment of the day or an emotion.

Concerning a), it is important to note that colors often do not appear in isolation in a text: they may be used to express a comparison; their function may be to underscore a character's mood or they may even denote a turning point in the plot. In addition, specific colors may predominate and play a major role in the story itself (red like love, blood, and wrath as opposed to blue in Rote Korallen). The implicit presence of colors enables a variety of interpretations: while snow falling in *Die ganze Nacht* would probably arouse the image of something white in most readers, the hot weather in *Irgendwann werden wir uns alles erzählen* usually is associated with a large (unlimited) palette of (warm) colors and shades.

The selection of literary texts obviously depends on the teacher's personal taste and textual interpretation. There is no right or wrong text selection. Further, the students' intermediate level in German should not be seen as a barrier to text selection: a selective understanding of the texts through a focus on specific elements such as repetitions or colors, or a selection of passages to be read are ways of overcoming what may seem to be a huge obstacle at first glance. To put plainly: no detailed comprehension of the text is needed. Erzählungen by the German contemporary writers Peter Stamm and Judith Herrman can be integrally read, or passages can be selected by the teacher prior to their use in the German classroom. The novels *Ruhm* and *Irgendwann werden wir uns alles erzählen* are appropriate readings for learners at intermediate levels, as long as selected excerpts are first read in the German classroom. German learners should, however, not be encouraged to read the novels *Landgericht* and *Sand* in their entirety, neither in class nor at home: due to their length and various complex components, short excerpts should instead be selected for use in class.

Regarding the selection of paintings, beyond the color symbolism it is important to be aware that "[w]ir verbinden mit jeder Farbe vielfältige Erfahrungen. [...] Der Kontext definiert die Farbwirkung" [Heller, 2003, p.13]. Context also plays a major role when associating paintings with literary works. Furthermore, certain colors, such as blue and red, have opposite effects on most viewers. The German artist Gerhard Birkhofer notes: "Die Wahrnehmung von Rot vermag Pulsfrequenz und Blutdruck zu erhöhen, während Blau genau das Gegenteil bewirkt" [2012, p.21].

The selection based on colors is less risky, as it underscores a clearly recognizable connection between colors in the text and colors in the painting. Nevertheless, there are various ways of selecting artworks, in particular by focusing on similarities between the topics conveyed (and between the emotions aroused) by the works themselves. Moreover, the works of specific contemporary German painters are very much suitable to establish a dialogue between literature and art, hence the main qualities of artworks by Gerhard Richter, Gerhard Birkhofer, Sighard Gille, Annette Schröter and Matthias Weischer are stressed hereafter.

While Pop Art emerged in the 1960s and artists in Europe and in America were experimenting with Duchamp's concept of readymade, Gerhard Richter was contemplating finding "eine bessere Möglichkeit als das Malen", but later claimed: "Ich habe an die Malerei geglaubt" [Richter [2002], in Elger, 2008, p. 390] – as opposed to his fellow painters. He interpreted the concept of readymade by reproducing photographs he himself had taken randomly. The topics of his paintings can be summarized with the motto "Alltägliches und Allgemeinmenschliches, ja Banales und Triviales" [Kasper, 2003, p. 19]. Richter is now one of the most successful contemporary German painters. One can divide his photorealistic paintings into those that are focused and those that are blurred: this characteristic is of paramount importance for the use of Richter's paintings in the language classroom because of the effects it may have on learners. While his work is characterized by the "Koexistenz zwischen dem Gegenständlichen und dem Ungegenständlichen" [Kasper, 2003, p. 174], Richter's abstract paintings now comprise the largest part of his artistic body of work. Last but not least, the recurrence of violence, death

(through skulls) and militaristic topics in his artwork (including some of his abstract paintings) may be a mirror of his own experiences of war when witnessing the bombardment of his German home of Dresden as a child [cf. Schreiber, 2007, p. 18]. My experience indicates that selecting Richter's artworks to create a dialogue with literature ensures a variety of interpretations that range from emotions to more concrete things.

Unlike Richter, Gerhard Birkhofer's art involves geometric forms and mainly deals with the perception of space. One further characteristic of his artwork is the declination of a single color within each painting. Blue and red are characteristic of his paintings: in the language classroom, they may be used to express contradictions.

Sighard Gille, Matthias Weischer and Annette Schröter represent the (Neue) Leipziger Schule, though museums exhibiting their works usually emphasize that to date none of them recognized his or her belonging to the art movement. Despite this ambiguity, their paintings are by all means examples of figurative art. While Gille and Schröter's art mainly depict people's faces or (snowy) landscapes, Weischer is best known for his interior paintings. The absence of people in Weischer's rooms has a peculiar effect on the viewer, who may step into the shoes of a voyeur, just like in the excerpt of *Ruhm* used in the teaching example below: "Das Interieur zeigt einen von der Außenwelt [...] deutlich abgegrenzten Raum des Privaten und der Intimität. [...] [D]ie Neugier, am privaten Leben Fremder teilzunehmen, durch die Wände der Häuser zu blicken, ist ein altbekanntes Bedürfnis" [Pfeffer, 2004, p. 6].

The following teaching example is part of a series of lessons that were very appreciated by my students from European countries, Russian-speaking countries, the United States, Brazil and China. My students' choice of courses during their one-to-two semester stay in Germany depends upon their home university's requirements as well as on their own taste and interests. The paintings employed were a combination of abstract and concrete artworks from the painters mentioned above.

The lesson begins with a cluster on *Das Wiedersehen (zweier Menschen)*. Students are asked to associate colors with this topic using at least two words, e.g. an adjective and a noun, to express a feeling or mood, a comparison, etc. They are encouraged to build *Komposita* – their construction is explained to them prior to the task. Students' responses show *das Wiedersehen* is perceived generally as a positive, exciting event that makes people feel nervous or even euphoric before and during the experience – *sonnengelbe Begrüßung, Rot vor Aufregung, der rosa Kuss, blauer Himmel*; people may also experience *graue, nostalgische Gedanken*.

Paintings are then displayed to the students, who are divided into three groups, along with the questions: *Sehen Sie sich die Gemälde an: Entsprechen Sie Ihren bisherigen Gedanken zum Thema „Das Wiedersehen (zweier Menschen)“? Welche(s) von Ihnen können Sie mit dem Thema „Das Wiedersehen“ verbinden? Warum?*

Students are now asked to read and interpret a text through the use of the paintings. Three *Romanauszüge* are used, and each group is tasked with reading a single text:

From *Sand* (p. 117-118): "Das Haus hatte [...]" until "Ist psychisch."

From *Landgericht* (p. 8-9): "Das Wiedersehen [...]" until "Die Pupillen sind starr."

From *Ruhm* (p. 154-155): "Ein Whiskey [...]" until "Mein Gott."

The next step is a presentation in front of the class, with each group sharing their reception of the paintings with their peers, and explaining their choice to associate some of them with the *Romanauszug* that they have now read and interpreted. At this point, students learn about the literary works and paintings that the other groups have been dealing with, and notice how they differ from their subjects, which captures their attention and curiosity. A plenary discussion then begins with students reflecting on *Gemeinsamkeiten* und *Unterschiede* zwischen den drei *Romanauszügen* (neben *Farben* und *Emotionen* in Bezug auf *das Wiedersehen* auch: *Schreibstil, Satzzeichen, Erzählperspektive, Figuren, Zeit, Ort*), and answering the following questions: *Welcher Romanauszug gefällt Ihnen am besten? Warum? Welche Kunstbilder möchten Sie mit diesem Romanauszug verbinden? Warum?*

Finally, the successful implementation of this engaging and innovative concept presupposes that teachers provide students with enough vocabulary for interpretation and discussion; the moment when literary works and/or artworks are presented simultaneously or separately to students needs to be reflected upon. As there is no right or wrong response to works of art and literature, nor to the tasks themselves, a balance between openness and control is at the core of each lesson, which thus contributes to the personalization of the learning experience and the increase of the fun factor.

References

- Birkhofer, Gerhard. (2012). Reiz und Empfindung – Die Sprache der Farben. In: Ingelore Oomen-Welke & Michael Staiger (Ed.), *Bilder in Medien, Kunst, Literatur, Sprache, Didaktik*. Festschrift für Adalbert Wichert. Freiburg im Breisgau: Fillibach, p. 21-24.
- Dreier, Ricarda. (2005). Literatur der 90er Jahre in der Sekundarstufe 2. Judith Hermann, Benjamin von Stuckrad-Barre und Peter Stamm. In: Günter Lange & Werner Ziesenis (Ed.): *Deutschdidaktik aktuell*. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohen-Gehren.
- Elger, Dietmar & Hans Ulrich Obrist (Ed.). 2008. *Gerhard Richter. Text 1961 bis 2007. Schriften, Interviews, Briefe*. Köln: Walther König.
- Grätz, Ronald. (1997). Kunst und Musik im Fremdsprachenunterricht. In: Goethe-Institut, Hans-Jürgen Krumm et al. (Ed.), *Fremdsprache Deutsch. Zeitschrift für die Praxis des Deutschunterrichts*. Band 17 Kunst und Musik im Deutschunterricht. München: Klett, p. 4-8.
- Heller, Eva. (1999). *Wie Farben wirken. Farbpsychologie. Farbsymbolik. Kreative Farbgestaltung*. Reineck bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch.
- Hermann, Judith. (2010). *Sommerhaus, später*. 2nd edition. Frankfurt am Main: Fischer Verlag.
- Herrndorf, Wolfgang. (2011). *Sand*. 17th edition. Reineck bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.
- Kasper, Astrid. (2003). *Gerhard Richter. Malerei als Thema der Malerei*. Berlin: Reimer.
- Kehlmann, Daniel. (2009). *Ruhm. Ein Roman in neun Geschichten*. 41th edition. Reineck bei Hamburg: Rowohlt Verlag.
- Krechel, Ursula. (2012). *Landgericht. Roman*. Salzburg & Wien: Jung und Jung Verlag.
- Krien, Daniela. (2011). *Irgendwann werden wir uns alles erzählen. Roman*. München: Graf Verlag.
- Martinez, Emilie. (2013). Gegenwärtige Malerei im Unterricht Deutsch als Fremdsprache und die Unterstützung der Kunstbildwahrnehmung durch wortlose Musik und Klänge. In: Eva V. Chen & Magali Moura (Ed.), *Kulturdidaktik im Unterricht Deutsch als Fremdsprache. Facetten der Vermittlung von Kultur und Landeskunde an Fremdsprachenlernende*. Rio de Janeiro: Apa, p. 135-168.
- Pfäfflin, Sabine. (2007). *Auswahlkriterien für Gegenwartsliteratur im Deutschunterricht*. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohen-Gehren.
- Pfeffer, Susanne. (2004). *Matthias Weischer. Simultan. Ostfildern-Ruit: Hantje Cantz*.
- Schraw, Gregory & Rayne Sperling Dennison. 1994. *Assessing Metacognitive Awareness. Contemporary Educational Psychology*, 19(4), p. 460–475.
- Schreiber, Jürgen. (2007). *Ein Maler aus Deutschland. Gerhard Richter. Das Drama einer Familie*. München und Zürich: Pendo.
- Stamm, Peter. (2005). *In fremden Gärten. Erzählungen*. München: btb Verlag.

E. M. MARKOVA, A. G. ZAYTSEVAKosygin State University of Russia
Moscow, Russian Federation**INFLUENCE OF ENGLISH IN LEARNING RUSSIAN AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE IN THE SLAVIC AUDIENCE**

This article examines the influence of the English language during the process of Russian as a second foreign language acquisition in the Slavic (Slovak) audience. The aim of this study is to identify the areas of the strongest interfering influence of two languages (native and first foreign) in the process of learning Russian as a second foreign language. The researchers compared three languages (Russian, Slovak and English), identified similarities and differences between them. The study used a comparative method, an analytical method, a method of observation and classification. As a result of the research, it is concluded that when learning a second foreign language, the negative influence of the native closely related language is enhanced by the similarities between the native and the first foreign language (English). Phonetic, orthoepic, intonation, graphic, morphological, syntactic skills built in the native language acquisition and mastered when learning the first foreign language (English) can lead to more persistent errors made by students. To prevent it, the teacher should pay attention to the provocative moments discussed in this article, take them into consideration when building new skills and make a comparison between the three languages.

Key words: Russian language teaching methodology, Russian as a second foreign language, Slovak language, English language.

Е.М. МАРКОВА, А.Г. ЗАЙЦЕВАРоссийский государственный университет имени А. Н. Косыгина
Москва, Российская Федерация**УЧЕТ ВЛИЯНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО В СЛАВЯНСКОЙ АУДИТОРИИ**

В статье рассматривается влияние английского языка при изучении русского языка как второго иностранного в славянской (словацкой) аудитории. Целью исследования является выявление зон наиболее сильного интерферирующего влияния со стороны двух языков: родного и первого иностранного – в процессе изучения русского как второго иностранного. Для этого авторы провели сравнение трёх языков (русского, словацкого и английского), определили сходства и различия между ними. В исследовании использовались сравнительно-сопоставительный метод, аналитический метод, метод наблюдения, классификации. В результате исследования делается вывод, что при изучении второго иностранного языка отрицательное влияние со стороны родного близкородственного языка усиливается из-за сходств между родным и первым иностранным (английским). Фонетические, орфоэпические, интонационные, графические, морфологические, синтаксические навыки, сформированные в родном языке и закреплённые при изучении первого иностранного (английского), могут привести к более устойчивым ошибкам. Для их предупреждения преподаватель должен обращать внимание на рассмотренные в статье провокационные моменты, проводить сравнение между тремя

языками, уделять им больше внимания на этапе тренировки и формировании новых навыков.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, русский язык как второй иностранный, словацкий язык, английский язык.

Introduction

The English language has the most significant influence in the modern world communication space. It is the language of international communication. In most countries, it has become the first and mandatory foreign language. Russian language in modern conditions is most often studied as a second or third foreign language, which is important to take into account in the practice of teaching it. New goals of studying the Russian language, its changed status, new conditions in which the Russian language is studied and functions, put forward the tasks of studying, comprehending and describing the situation concerning the Russian language in the Slavic language space, as well as developing a concept for its study for successful competition with other languages.

Interest in the problem of teaching a second foreign language has appeared relatively recently. Such scientists as N.V. Baryshnikov, D. Beni, I.L. Bim, S. Gass, R.G. Gasanova, Z. Dyomei, V. Kuk, F. Majlz, E. Marsden, R. Mitchell, L. Plonski, N.N. Rogoznaya, T. Taguti, J. Bartolotti, S. Gray, J. Konecny, V. Marian, K. Morgan-Short, L. Rozboudova, C. Sanz, M.T. Ullman and others studied this problem. Teaching a second foreign language has its own characteristics, the consideration of which can make the process of language acquisition more effective. When learning a second foreign language, three languages (native, first foreign and second foreign) come into contact in the minds of students. For this reason, there is an interfering (negative) influence of the native and the first foreign languages on the second foreign one. If the linguistic features of the native and the first foreign languages are similar, the interference increases. Summarizing the accumulated experience of earlier scientific research, I.L. Bim concluded that the interference “covers all linguistic levels of the language (phonetic, lexical, grammatical, spelling)” [Bim, 2001, p. 7]. However, in the case of close affinity of the native and second foreign languages, the commonality of their lexicons allows us to draw direct parallels between them or point out differences. As for phonetic, graphic and grammatical levels, there is a constant intrusion of the first foreign language.

According to scientists, when learning a second foreign language, the influence of the first foreign language is stronger than the influence of the native one [Bim, 2001, p. 8], which causes an increase in the negative impact on the second foreign language in cases of similarity between the native and the first foreign languages.

Material and methods

When teaching a second foreign language, it is relevant to use a comparative analysis of linguistic phenomena in three languages (native, first foreign and studied second foreign), as indicated by some researchers [Baryshnikov, 2003; Bim, 2001; Borozdina, 2021; Adanka, 2010; Kulichová, 2018]. N.A. Borozdina notes that “the cognitive-communicative and contrastive approaches are the priority provisions determining the effective overcoming of interference” [Borozdina, 2021, p. 21]. In our study, we used comparative and contrastive methods as the main ones in relation to three languages: Slovak (as a mother tongue), English (as a first foreign language) and Russian (as a second foreign language).

The purpose of the study is to identify areas of similarity between two languages – native (Slovak) and the first foreign (English) – and their differences from the second foreign one (Russian) in order to predict and describe the most typical mistakes (phonetic and grammatical) in the Russian speech of Slovaks.

Results

The linguistic affinity of the Slavic languages is transferred to all levels and facts of the language, increasing interference and provoking numerous errors. The strongest interfering

influence in this case is played by phenomena similar in the native and the first foreign language and different from the second foreign one.

Within the framework of this article, an analysis of three languages (Russian, Slovak and English) was carried out. The analysis made it possible to highlight the similarities and differences between the languages, which should be taken into account when developing textbooks on Russian as a second foreign language in the Slovak audience.

In our opinion, the teacher's systematic comparison of the linguistic phenomena of the target language with the general linguistic phenomena of the native and the first foreign languages will help students better understand the logic of the second foreign language and avoid making mistakes.

Discussion

N.V. Baryshnikov notes the special role of setting the goal of teaching a second foreign language, since it is "the definition and formulation of the goal ... that seems to be the fundamental moment in the development of the whole complex of problems of teaching a second foreign language ..." [Baryshnikov, 2003, p. 15]. We believe that the goal of teaching a second foreign language is the formation of a new linguistic personality of students, the ability of multicultural communication.

At the same time, it is worth taking into account the affinity of the native and second foreign languages, which L. Rozboudova emphasized in her study: "The mutual influence of languages (native – first foreign – second foreign) can vary depending on the nature of each language and, accordingly, the presence or absence of an identical or similar phenomenon in each of them" [Rozboudová, 2018, p. 32].

While studying the Russian language, Slavic language natives may encounter the fact that a new linguistic phenomenon: a) coincides with a similar phenomenon of the native or first foreign languages; b) coincides with the phenomenon of the native language, but there is no analogue in the first foreign language; c) has no analogue in the native language, but coincides with the phenomenon of the first foreign language; d) does not coincide with either the phenomenon of the native or the phenomenon of the first foreign language [Urieova, 2016, p. 269]. Within the framework of this article, we will focus mainly on the fourth type of phenomena which also have similarities in the native and the first foreign languages.

The phonetic system of the Russian language, including intonation, is quite different from Slovak. The Slovak language is phonetically and orthoepically closer to English. Since the similarity of Slavic languages is often noted, it automatically applies to the phonetics, which leads to numerous errors in pronunciation.

Difficulties are observed in the pronunciation of Russian soft consonants: there are 18 of them in Russian, in contrast to Slovak, where there are only 4 soft consonants, and English, where there are only semi-soft ones. Mispronunciation of soft consonants as hard ones due to the presence of apical consonants in the Slovak language is even more strengthened during the first foreign language (English) acquisition. Therefore, for Slovaks, a significant difficulty is the movement of the back of the tongue to the palate when articulating soft Russian consonants. The hard Russian [л] is also difficult for Slovaks. Unlike Slovak and English alveolar [l], Russian [л] is a dental sound during pronunciation of which the tip of the tongue rests against the upper teeth. Therefore, exercises on this sound should be aimed at lowering the tip of the tongue to the upper teeth. Slovak language natives are not able to differentiate vowels [и] and [ы], which are also absent in English.

As for the vocal system, the Slovak and English languages are similar due to the division of vowels into monophthongs and diphthongs, as well as the presence of short and long vowels. The pronunciation of Russian vowels is affected by this: under the influence of the native language, in which long vowels are distinguished by a special sign "charka" resembling the accent mark in Russian, Slovaks are trying to prolong the sound in stressed syllables [Markova, 2019]. Phonetic phenomena such as reduction of unstressed vowels, assimilation of consonants and devoicing of consonants at the end of words are not typical for Slovak and English

languages. Thus, in the phonetic aspect, the native and the first foreign languages are closer than the native and the second foreign languages (Russian), despite their close affinity. This requires systematic work on the formation of the phonetic skills.

Slovak and English are also similar rhythmically since both languages are characterized by a fixed stress on the first root syllable; during word formation the stress is usually preserved. In Russian, stress is free and mobile, therefore it is very difficult for Slovaks who come across it for the first time.

Intonation also belongs to the phenomena of the Russian language, which are different from the native and the first foreign languages. Thus, in both Slovak and English, the intonation of a greeting is characterized by an increase in tone at the end of the phrase (Dobrý den↑ Good morning↑). In Russian, as is known, such constructions are pronounced with a lowering tone in the center of the phrase (Добрый ↓ день!), therefore they cause great difficulties in their implementation. There is also no such variety of emotional intonation types in either native or English languages.

In Slovak and English the same graphic system (the Latin alphabet) is used. Therefore, acquaintance with a new Cyrillic script also causes enormous difficulties and problems [Rozboudova et al., 2019; Markova, 2021]. In addition, some letters of the Cyrillic and Latin alphabets (p, b, m, n) have a similar spelling, but correspond to different sounds, which leads to graphical interference.

At the morphological level, the Slovak and Russian languages show greater affinity, since they are closely related and belong to the group of Slavic languages. It is easy for the Slavs to understand the case system of the Russian language, the category of verb aspect is also characteristic of all Slavic languages; therefore, these phenomena do not present great difficulties for the Slavs. Slovak and Russian adjectives, ordinal numbers, demonstrative and possessive pronouns, verbs in the past tense agree with the noun in gender, number and case. In English, such a word modification is not observed, however, the skills built in the native language acquisition is easily transferred to learning Russian [Žofková, 2004]. In both languages, unlike English, nouns have a gender category. However, particular differences similar to the English language units' forms can be noted. For example, sometimes the gender of words in the Russian and Slovak languages does not coincide: программа 'program' in Russian is feminine, and program in Slovak is masculine, while in English the word program has the same form as in Slovak. As a result, under the interfering influence of not only the native, but also the first foreign language, students may have difficulties with identifying the gender of some nouns, especially those borrowed from English.

As is known, the skills built in the native and first foreign language acquisition are especially well-developed at the syntactic level and as a result "syntactic phrases, connections, constructions constantly 'invade' the Russian speech of students" [Rozanova, 2015, p. 36]. In this regard, the importance of working on syntactic structures is greatly enhanced in the Slavic audience. The difference in verbal government between Slovak and Russian equivalents is also overlaid by English variants, leading to interference not only from the native language, but also from the first foreign one. Therefore, it is advisable to use trilingual comparisons of verbs with different government, which can be mastered, for example, in the "game of translators": интересоваться (чем?) (литературой) in Russian, zaujímať sa (o čo?) (o literaturu) in Slovak, англ. be interested (in literature) in English, etc. [Markova, Kvapil, 2021, pp. 6-7].

In terms of syntax, there are also some similarities between Slovak and English: in existential sentences the linking verb "to be" is used, in contrast to the Russian language, in which it is not expressed: On je student (often without the pronoun: Je student) in Slovak; He is a student in English; Он студент in Russian. Therefore, the Slovaks' frequent mistake, intensified during the first foreign language acquisition, is the insertion of the linking verb into similar constructions: Он ље студент. Impersonal sentences in Slovak contain the same linking verb as their two-part counterparts in English, for example, It's clear in English / Je jasno in Slovak / Ясно in Russian; It's foggy in English / Je hmľisto in Slovak / Туманно in Russian; It's cold in English / Je

chladno in Slovak / Холодно in Russian. As a result, when producing such sentences, Slovak students may make errors like *Это холодно or *Есть холодно.

Speaking about verbs of motion, it should be remembered that in Slovak and English they do not differ depending on the nature of movement (on foot or by transport). Unlike the Russian verbs идти ('to move on foot') and ехать ('to travel by transport'), in the Slovak language, in all contexts of their use, the verb íst 'to go' (in the past tense šel, šla, šli) and in English go are used. Therefore, in the speech of Slovaks, erroneous phrases such as "Когда вы пришли из Москвы?" 'When did you come (on foot) from Moscow?' are possible. The verb ездить in all meanings except 'ездить на велосипеде, мотоцикле' 'ride a bike, motorcycle', where the Slovak equivalent jazdiť (na bicykli) is used, corresponds to the verb cestovať 'to travel'. In this regard, the differentiation of verbs denoting movement on foot and by transport, and practice of using constructions with the verbs ехать – ездить, should be given great attention in the Slovak audience.

As is known, all languages can be divided into two types according to the ways of expressing the meaning of possession: the type "to be" and the type "to have". In this sense, the compared languages represent two typologically different systems: Russian belongs to the first type, Slovak and English to the second one. To express possession in Russian, the most common construction is У кого есть что 'Who has what?'. In the Slovak language the meaning of possession is expressed by the verb mať 'to have', while in English the verb have is used. In Russian, similar structures with the verb иметь 'to have' have stylistic limitations and are used much less often than the construction У кого есть что?. Under the influence of their native and first foreign languages, Slovak students often use the verb иметь to express the meaning of possession, for example, (Я) имею сестру и брата 'I have a sister and a brother' instead of У меня есть сестра и брат.

Slovak and English also have some similarity when transforming a general question into indirect speech: in the students' native language the conjunction ěi and in English the conjunction if are used. These conjunctions also appear in conditional sentences, where they correspond to the Russian если 'if'. As a result, this leads to the misuse of the conjunction если in indirect speech when expressing the meaning of a general question. Under the influence of a well-developed skill built in their native language acquisition and mastered when learning the first foreign language, students often misuse the conditional conjunction если in subordinate clauses instead of the particle ли, for example, Он спросил, если я читал эту книгу instead of Он спросил, читал ли я эту книгу 'He asked if I read this book'.

Conclusions

When acquiring a second foreign language, the interfering influence of the native (Slovak) language may increase due to the similarities of linguistic phenomena in the native and the first foreign languages. In this regard, when teaching Russian as a second foreign language, it is necessary to take into account the linguistic features of the three languages and pay special attention to those phenomena that are close in the native and the first foreign languages. As the research has shown, despite the affinity of the native and Russian languages, Slovak and English, studied as the first foreign language, have a number of common features that can negatively affect the acquisition of a second foreign language (Russian), provoking persistent mistakes made by students. Phonetic, orthoepic, intonation, graphic, morphological, syntactic skills formed in the native language acquisition and mastered when learning the first foreign language (English) will constantly invade the second foreign language being studied (Russian). In order to prevent mistakes under the influence of skills that have been built during the study of the first foreign language, the teacher should always pay attention to the provocative moments discussed above, take them into consideration when building new skills and make a comparison between the three languages.

References

- Baryshnikov, N.V. (2003) *Methods in teaching a second foreign language at school*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (in Russian)
- Borozdina, N.A. (2021) *The method of overcoming interference in the study of prepositions of German as the second foreign language after English: Avtoreferat diss. ... kand. ped. Nauk.* (in Russian)
- Bim, I.L. (2001) *The concept of teaching a second foreign language (German after English)*. Obninsk: Titul Publ. (in Russian)
- Lihachyova, O.N. (2009) *Using the comparative method in teaching Russian language to foreign students // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*. No. 3. Majkop, pp.136–139. (in Russian)
- Markova, E.M. (2019) *The specificity of teaching Russian as a second foreign language in a Slavic audience // Sb. statej IV Vseross. nauchno-prakt. konf. M.: IRYA im. A. S. Pushkina Publ.*, pp.380–385. (in Russian)
- Markova, E.M. & Kvapil, R. (2021) *Peculiarities of teaching Russian in a closely related Slovak environment. Rusistika, Vol. 19. No. 2. pp.191–207. Available at: <http://journals.rudn.ru/russian-language-studies> (accessed: 22.11.2021).* (in Russian)
- Rozanova, S.P. (2015) *For teachers of Russian as a Foreign Language. One hundred forty-seven useful tips. M.: Flinta; Nauka Publ.* (in Russian)
- Rozboudova, L., Kopechny, YA. & Markova, E.M. *School textbooks of the Russian language in the Czech Republic today: pros and cons // Vestnik RUDN: Rusistika. Vol. 17, no. 1. P.90–102.* (in Russian)
- Adamka, P. (2010) *Klady a zápory využívania analógií s rodným jazykom pri osvojovaní si niektorých javov gramatického systému ruského jazyka // Vyučovanie cudzieho jazyka: súčasné vyučovacie technológie. Prešov: FF PU Publ.*, pp.7–14.
- Bartolotti, J. & Marian, V. (2012) *Language learning and Control in Monolinguals and Bilinguals // Cognitive Science 36*, pp.1129–1147.
- Grey, S., Sanz, C., Morgan-Short, K. & Ullman, M.T. (2018) *Bilingual and monolingual adults learning an additional language: ERPs reveal differences in syntactic processing // Bilingualism: Language and Cognition 21 (5)*, pp.970–994.
- Kulichová, Z. (2018) *Postoje žáků a učitelů k ruštině jako dalšímu cizímu jazyku. Diplomová práce. Praha: Univerzita Karlova Publ.*
- Markova, E. M. (2021) *Russian language in a closely related (russian-slovak) linguistic and cultural environment // RLMSEE-2020 (The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment) / European Proceeding of Social and Behavioural Sciences (EpsBS), Vol. 115. P.120–128. Available at: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.09.14> (accessed: 22.11.2021).*
- Rozboudová, L. & Konečný, J. (2018) *Sovremennaja didaktika russkogo jazyka kak vtorogo inostrannogo: jazykovyye sredstva. Praha: Karolinum Publ.*
- Žofková, H. (2004) *Problematika vyučování ruštině jako druhému cizímu jazyku a profesionální příprava učitelů cizích jazyků // Fenclová, M. Vzdělávání učitelů cizích jazyků na počátku 21. století. Praha: Univerzita Karlova Publ.*, pp.268–270.
- Urieová, L. (2016) *K postavení ruštiny v České republice v letech 1990–2014. Opera Slavica: Slavistické rozhledy. Brno: Filozofická fakulta Masarykovy university Publ.*, 26(4), pp.47–56. Available at: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/136020/2_OperaSlavica_26-2016-4_7.pdf?sequence=1 (accessed: 22.11.2021).

E. NIKITINA, M. SOLOVIEVA

St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

PETRARCHISM IN LOUISE LABÉ'S SONNETS: THE TRANSFORMATION OF MALE THEMES AND IMAGES UNDER THE PEN OF A WOMAN

The article deals with the peculiarities of the use of traditional Petrarchan imagery in the sonnets of the greatest French female poet of the 16th century, Louise Labé. F. Petrarch and the majority of his imitators were men and celebrated love for a fair lady in their sonnets. L. Labé was the first French female to create a collection of sonnets similar to Petrarch's *Canzoniere*, written on behalf of a woman. The Petrarchan tradition underwent significant changes in terms of both themes and imagery. While the male poet's mistress is only an object of love that does not respond to his passion, the beloved of Labé's heroine in part of the sonnets not only shares her feelings, but even falls in love with her first.

The article shows that Labé uses conventional Petrarchan metaphors in a rather traditional way to describe the heroine's suffering, but when it comes to the physical features or the beauty of the heroine and her beloved, her sonnets, in terms of imagery, differ dramatically from the sonnets of her male contemporaries.

Key words: Louise Labé, 16th century French love sonnet, female literature, Petrarchism, metaphor, imagery

Е.Я. НИКИТИНА, М.В. СОЛОВЬЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

ПЕТРАРКИЗМ В СОНЕТАХ ЛУИЗЫ ЛАБЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ МУЖСКИХ СЮЖЕТОВ И ОБРАЗОВ ПОД ПЕРОМ ЖЕНЩИНЫ

В статье рассматриваются особенности использования традиционного петраркистского образного языка в сонетах крупнейшей французской поэтессы XVI в. Луизы Лабе. Ф. Петрарка и подавляющее большинство его последователей были мужчинами, в их сонетах воспевалась любовь к прекрасной даме. Л. Лабе стала первой французской поэтессой, создавшей сборник сонетов, подобный «Канцоньере» Петрарки, но написанный от лица женщины. Петраркистская традиция при этом претерпела значительные изменения как в плане сюжетов, так и в плане образного языка. Если возлюбленная поэта-мужчины – лишь объект, не отвечающий на его страсть, то возлюбленный героини Лабе в части сонетов не только разделяет ее чувства, но даже влюбляется в нее первым. В статье показано, что, описывая страдания героини, Лабе использует конвенциональные петраркистские метафоры в довольно традиционном ключе, однако, когда речь идет о физических чертах или красоте героини и ее возлюбленного, в образном языке ее сонетов появляются значительные отличия от сонетов мужчин-современников.

Ключевые слова: Луиза Лабе, французский любовный сонет XVI в., женская литература, петраркизм, метафора, образный язык

The legacy of Louise Labé (ca. 1524–1566), the greatest French female poet of the 16th century, is small in size but very significant in scope. She left us a prose dialogue *Débat de Folie et d'Amour*, three elegies and 24 sonnets, in which she depicts a woman suffering from love – first loved and then rejected by her lover.

Louise Labé is also identified as *La belle cordière* because she was the daughter and wife of ropemakers from Lyons. Thanks to the wealth of her father and husband, she held a large library and was well educated. Labé is considered a member of the Lyonnese school of poetry, of which Maurice Scève (ca. 1505-1569) was the leader.

In 2006, Mireille Huchon, professeur à l'Université Paris IV, published a monograph, *Louise Labé: Une créature de papier* [Huchon, 2006], in which she tried to prove that the poet Louise Labé had never existed, that it was a hoax by a group of 16th-century poets and publishers from Lyons, and that the name Louise Labé itself supposedly belonged to a Lyons prostitute. Although Huchon's idea was supported by Marc Fumaroli, a member of the French Academy, who peremptorily wrote "Exit Louise Labé" [Fumaroli, 2006], most researchers were not convinced by the book because the author had not provided sufficient evidence for her version (see: [Launet, 2006]). The author of the 2004 biography of Louise Labé, Madeleine Lazard, paying tribute to the author's erudition and detective talent, calls this book "a bundle of presumptions": «Son argumentation peut séduire de bons esprits, mais, malgré toute l'estime que m'inspirent les travaux de cette collègue, il faut bien avouer que ces indices ne forment qu'un faisceau de présomptions, et ne fournissent pas une preuve. Des présomptions suffisent-elles à condamner la poétesse Louise Labé?» [Lazard, s. a.] Daniel Martin, in a detailed analysis of Huchon's arguments, reproaches her for her lack of attention to Labé's texts, and for the fact that Louise was by no means the only female poet in Lyons in the sixteenth century (of other poets who belonged to the Lyonnese school, Pernelle du Guillet is the best known) [Martin, 2006]. Michel Jourde, a specialist in sixteenth-century literature, also criticises the book, reminding us of a letter from the great sixteenth- and seventeenth-century French poet and author of *Les Tragiques*, Agrippa d'Aubigné, to his daughters, in which he names Louise Labé, along with Marguerite of Navarre, one of the most educated women of their era [Jourde, 2011].

The question of the actual authorship of the works attributed to Louise Labé, the number of their creators and his/her/their gender will probably never be settled. Still, in any case, these works were written on behalf of a woman, so it is very fruitful to study their differences from traditional male literature. The transformation of conventionally masculine themes and images in Labé's sonnets is of particular interest: the 24 sonnets that the poet has left us are written by the Petrarchan love tradition.

Petrarchan poetry, as the name implies, is an imitation of the love lyrics of the great Italian poet Francesco Petrarch (1304-1374), who in his collection *Canzoniere*, much of which consists of sonnets (317 of 366), sang his love for a beautiful lady named Laura. Petrarch's poetic collection (primarily the first part, *In Vita di Madonna Laura*), in which the poet spoke of his passionate platonic love for Laura (not everyone, beginning with Petrarch's friend Giovanni Boccaccio, is also convinced of her existence, too), had an incredible impact on European love poetry.

Although Petrarch in *Canzoniere* continued the traditions of the troubadours *fin'amor* and the *dolce stil novo* poets, he at the same time created an entirely new aesthetic and a new system of themes and images. Petrarch's poetry generated a vast number of imitations: both in his native Italy and France, Spain, England, etc. (Note that French petrarchists, especially towards the end of the sixteenth century, sometimes based their work not only on Petrarch himself but also on his Italian followers). It would not be a great exaggeration to say that all European Renaissance love lyrics are Petrarchan in one way or another. It is from Petrarch that the tradition of depicting the hero of the sonnet as in severe agony over the eternal coldness of an inaccessible beloved comes; it is Petrarch who invented a complex system of metaphors to describe the beauty of the fair lady and the pain of the poet; it is his poetry that is characterised by oxymorons and antithesis, as well as a passion for antique mythology and various plays upon words: Petrarch plays with the name of his beloved, transforming Laura into *lauro* (the laurel tree and the poet's laurel wreath), then

l'aurea (golden), then *l'aura* (breeze), then *l'aurora* (dawn) (see, for instance [Encyclopédie Larousse]).

The first imitation of Canzoniere in France was Maurice Scève's *Délie, objet de plus haulte vertu* (1544), which, unlike Petrarch, however, consists not of sonnets, but *dizains* (10 lines instead of 14). The first French collections of Petrarchan love sonnets were *L'Olive* by Joachim Du Bellay (1549–1550) and *Les Amours* by Pierre de Ronsard (1552–1553). By the time Labé's sonnets were published (1555), Pontus de Tyard's *Erreurs Amoureuses* (1549–1551), Jean-Antoine Baif's *Les Amours de Méline* (1552) and Olivier de Magny's *Les Amours* (1553) had also been published in France. Labé was probably familiar with at least part of these volumes and may have relied on them (on the connections between Ronsard and the Lyonnese School see [Giudici, 1997]).

Louise Labé is the first and most significant French female poet to sing love in a Petrarchan Canzoniere, but on behalf of a woman. The Petrarchan tradition thus underwent substantial changes both in terms of themes and imagery. For example, while the male poet's mistress is only the object of his love and does not respond to his passion, the beloved of the Labé's heroine in several sonnets not only shares her feelings but even more, falls in love with her first (as we learn, for example, from ballads XVI and XXIII).

Louise Labé has been the subject of many academic works, most of which lie within the framework of gender studies. Labé's biography and work (not only poetry but also prose) are discussed in the context of the history of feminism; much attention is paid to the position of women in Renaissance society in general and in sixteenth-century Lyons in particular. The works on Labé's sonnets focus primarily on the female voice of the poet and its intonation, the behaviour of the heroine compared to the male hero, the correspondence of this behaviour and the heroine's speech to the canons of the era, questions of corporeality and the appropriateness of the representation of bodily experiences, etc., e.g. [Wiley, 1981], [Baker, 1996], [Rigolot, 1997], [Wilson, 2004], [Mathieu-Castellani, 2004], [Alonso, 2018] and many more. Some studies are devoted to Petrarchism in the works of L. Labé, but they pay little attention to the transformation of the traditional Petrarchan imagery under the pen of a woman; this is what we would like to focus on in this article.

The vast majority of the metaphors in Petrarchan sonnets denote either the lady's beauty or the torment of the poet in love. While the metaphors used by Labé to describe the suffering of love are roughly the same (fire, arrows, wounds, bonds, etc.) as those used by the male poets, the description of the object of love is quite different. Here, for example, is how the fair lady is described in Sonnet XXIII of Ronsard's *Les Amours*:

*Ce beau coral, ce marbre qui soupire,
Et cest ébène ornement d'un sourci,
Et cest alabastré en vouste racourci,
Et ces zaphirs, ce jaspe, & ce porphyre,
Ces diaments, ces rubis qu'un zephyre
Tient animez d'un soupir adouci,
Et ces œilletz, & ces roses aussi,
Et ce fin or, où l'or mesme se mire,
Me sont au cœur en si profond esmoy,
Qu'un autre object ne se présente à moy,
Si non le beau de leur beau que j'adore:
Et le plaisir qui ne se peult passer
De les songer, penser, & repenser,
Songer, penser, & repenser encore.*

This sonnet's quatrains consist entirely of metaphors drawn from the fields of flowers and jewels. Each of them seems to refer to some part of the lady's body (sometimes Ronsard gives us hints, such as *soupirer*, *sourci* or *voute*, alluding to the forehead), but in most cases, they are riddles, whose meaning the reader must guess for himself, relying on his erudition. In Ronsard's sonnets

such metaphors are very common, both in long lists and alone, as in the sonnet LV from *Les Amours* (1553):

*O doux parler, dont l'appast doucereux
Nourrit encore la faim de ma memoire:
O front, d'Amour le Trophée & la gloire,
O riz succez, o baisers savoureux.*

*O cheveux d'or, o coustaulx plantureux,
De liz, d'œilletz, de Porphyre, & d'yvoire :*
*O feuz jumeaulx dont le Ciel me fit boyre
A si longs traitz le venin amoureux.*

*O vermeillons, o perlettes encloses,
O diamantz, o liz pouprez de roses,
O chant qui peulz les plus durs esmovoyr,
Et dont l'accent dans les ames demeure.*
*Et dea beaultez, reviendra jamais l'heure
Qu'entre mes bras je vous puisse r'avoyr ?*

*Labé, too, in Sonnet II, draws a portrait of her lover:
O beaux yeus bruns, ô regars destournez,
O chaus soupirs, ô larmes expandues,
O noires nuits vainement atendues,
O jours luisans vainement vainement retournez:
O tristes pleins, ô desirs obstinez,
O tems perdu, ô peines despendues,
O mile morts en mile rets tendues,
O pires maus contre moy destinez.*

*O ris, ô front, cheveux, bras, mains et doits:
O lut pleintif, viole, archet et vois:
Tant de flambeaus pour ardre une femmelle!
De toy me plein, que tant de feus portant,
En tant d'endroits d'iceus mon coeur tatant,
N'en est sur toy volé quelque estincelle.*

In the first line of the sonnet, we see the word *yeux* with two epithets (*beaus yeus bruns*), neither of which, unlike Ronsard's *d'or, d'yvoire* etc., is metaphorical. In the first line of the first tercet, the poet lists the object's physical features of her passion without accompanying them with any epithets (*O ris, ô front, cheveux, bras, mains et doits*), which was not typical of the male Petrarchan tradition. However, it cannot be said that Labé's poem has no metaphors at all: among the physical features of her beloved, the poet scatters the attributes of her tormented love (*regars destournez, chaus soupirs, larmes expandues, tristes pleins, desirs obstinez* etc.). One line contains two traditional Petrarchan metaphors (*mile morts en mile rets tendues*), denoting respectively the mortal torment of the lover and the net with which the object of passion entangles its victim (in male Petrarchan poetry, they were often associated with the hair of the lady). Note that, unlike the male poets, Labé pays little attention to the physical features, not even a hint of Ronsard's flowery metaphors. Finally, after listing all the things that ignited her passion, Labé metaphorically calls them all torches, *flambeaux*. This metaphor then develops and becomes the critical metaphor for the sonnet's conclusion: the fire of the lover's beauty scorches the heroine and turns into the fire of her love, and she laments that not a single spark from this flame has flown to her lover himself, that is, that the object of her passion remains cold to her. The latter metaphor, though it cannot be called widely spread, is not, however, exclusively female: similar images in the poems of male authors are pointed out, for example, in [Podgaetskaya, 1988, p. 301-302]

In the quatrains of Sonnet XXI, Labé turns again to the theme of the physical portrait of the man. She challenges the male tradition that a woman should have blond, gold-like hair, scarlet lips,

dark eyes, full breasts, marble shoulders, etc., and wonders how tall and how fat a man must be, what eyes and what hair he must have, how he must sing, etc., to be able to inflict a mortal wound (note that *playe* is the only, and traditionally Petrarchan, metaphor in the entire sonnet):

Quelle grandeur rend l'homme venerable?

Quelle grosseur? quel poil? quelle couleur?

Qui est des yeus le plus emmieleur?

Qui fait plus tot une playe incurable?

Quel chant est plus à l'homme convenable?

Qui plus penetre en chantant sa douleur?

Qui un dous lut fait encore meilleur?

Quel naturel est le plus amiable?

The author gives no answer to her questions, allegedly because love prevents her from reasoning (*Je ne voudrois le dire assurément, / Ayant Amour forcé mon jugement*). But the point is, of course, that while the canons of female beauty have been well known and continually reflected in poetry since the first half of the 16th-century fashion for *blasons* – poems praising some part of the body of a fair lady – the standards of male beauty have not been sanctified by poetic tradition. The peculiar beginning of the sonnet, which Gabriella S. Eschrich calls provocative, because the poet invites her female readers to speculate about things closely related to the male literary tradition [Eschrich, 2004, p. 324], however, is followed by much more conventional tercets, where the author assures us that none of this matters, for no beauty and no artifice could yet increase her passion:

Mais je say bien et de tant je m'assure,

Que tout le beau que lon pourroit choisir,

Et que tout l'art qui ayde la Nature,

Ne me sauroient acroître mon desir.

In sonnet XIII, Labé uses the traditional phrase *beau sein*. Still, it takes on a different meaning: while the sonnets written by men refer to a woman's beautiful breast, Labé's poetry refers to the breast of the man she loves, which the heroine wants to cling to to stay together forever; apart from the single word *beau*, this sonnet is not at all concerned with the beauty of the beloved:

Oh si j'estois en ce beau sein ravie

De celui là pour lequel vois mourant:

Si avec lui vivre le demeurant

De mes cours jours ne m'empeschoit envie:

Si m'acollant me disoit, chere Amie,

Contentons nous l'un l'autre, s'assurant

Que ja tempeste, Euripe, ne Courant

Ne nous pourra desjoindre en notre vie:

Si de mes bras le tenant acollé,

Comme du Lierre est l'arbre encerclé,

La mort venoit, de mon aise envieuse:

Lors que souef plus il me baiseroit,

Et mon esprit sur ses levres fueroit,

Bien je mourrois, plus que vivante, heureuse.

In sonnet VI, Labé turns the traditional theme of comparing the object of love to the sun in a new way. In the quatrains of this sonnet, which are quite difficult to understand and have been

interpreted differently by various scholars [Weil-Bergougnoux, 2004], the return of the bright star (*cler Astre*), which is easily recognized as the sun, which in turn is identified with the lover, is described:

*Deus ou trois fois bienheureus le retour
De ce cler Astre, et plus heurus encore
Ce que son oeil de regarder honore.
Que celle là recevroit un beau jour,
Qu'elle pourroit se vanter d'un bon tour
Qui baiseroit le plus beau don de Flore,
Le mieus sentant que jamais vid Aurore,
Et y feroit sur mes levres sejour!*

In male Petrarchan sonnets, the fair lady (or her eye) is often compared to the sun, whose appearance brings to life the suffering lover. In the first tercet, the poet assures readers that the return of the luminary, that is, the lover, is her personal reward for the long days of tears; if we ignore the feminine gender of the word *seule*, these lines could well have been written by a man (*C'est à moy seule à qui ce bien est dû, / Pour tant de pleurs et tant de tems perdu*). But the sonnet's ending is highly original:

*Mais le voyant, tant lui feray de feste,
Tant emploiray de mes yeux le pouvoir,
Pour dessus lui plus de credit avoir,
Qu'en peu de temps feray grande conquete.*

The heroine confidently asserts that when she sees her beloved, she is sure to win him over with the power of her eyes. Such a statement is inconceivable in a man's poem. Usually, the hero of a Petrarchan sonnet is only tormented by love for the fair lady and dreams of her favour. Still, his actions to achieve it are reduced mainly to her glorification in verse. It is impossible to imagine a male poet hoping to seduce his mistress with the beauty/power of his eyes.

Sonnet VI comes in a kind of parallel with sonnet XV, most of which is an idyllic mythological picture of how nature awakens and rejoices when the sun returns. In the final lines, the heroine appeals to Zephyr to return her Sun so that she too can be reborn:

*Veus tu Zephyr de ton heur me donner,
Et que par toy toute me renouvelle?
Fay mon Soleil devers moy retourner,
Et tu verras s'il ne me rend plus belle.*

The heroine promises Zephyr that he will see her become more beautiful beside her Sun. Of course, such a story is impossible for a sonnet written by a man. In the case of both sonnets, we are back to the fact that beauty and, more generally, the physical features of the male in sonnets written by men is a virtually non-existent theme. Only female beauty could be the subject, and the poet was only supposed to suffer.

An exciting transformation of traditional Petrarchan imagery can be seen in sonnet XIX. The poet depicts Diana, the huntress surrounded by nymphs in its quatrains. The myth of the goddess Diana was a prevalent one in 16th century France (for a significant collection of articles devoted to this subject see [Le Mythe de Diane, 2002]), not least because the mighty Diane de Poitiers was the favourite of King Henry II (reign: 1547–1559); thanks to her, this myth is widely represented in the decorations of the castles of Fontainebleau, Chenonceau, Anet etc. In sixteenth-century French poetry, the popularity of the myth of Diana (as both the goddess of the hunt and the Moon / Hecate) reached its apogee towards the end of the century, in Mannerist and

Baroque poetry – in particular, Philippe Desportes’s sonnet collection *Diane* and Agrippa d’Aubigné’s *Hécatombe à Diane* (the 1570s), – but even in the 1550s the image of Diana was already present in the lyrics of Maurice Scève, Joachim Du Bellay, Pierre de Ronsard [Mathieu-Castellani, 2002, p. 152-153].

However, the heroine of the sonnet is not Diana herself, but one of the nymphs in her entourage. The male poet’s mistress is often associated with a goddess (including Diana) or a nymph who, armed with a bow, strikes the poet’s heart with the arrows of her beauty (arrows can also be shot by Cupid, lurking in the lady’s eyes). But here, the nymph is the heroine herself, and she does not cause love but instead falls in love. If the author were to develop the picture in the traditional way (the nymph strikes the man with her arrows), it would contradict the sonnet’s aim to show herself as a victim of painful passion. Thus, an extraordinary transformation of the story of the arrow-throwing nymph occurs in the tercets. When Diana asks her companion where her bow and arrows are, the fairy tells what happened: being angry at a random passerby, she shot at him all the arrows in her quiver and then threw her bow at him, but the man picked them up and struck her with her weapon, inflicting hundreds of painful wounds:

Je m’animay, respons je, à un passant,

Et lui getay en vain toutes mes flesches

Et l’arc apres: mais lui les ramassant

Et les tirant me fit cent et cent bresches.

Throwing a bow at a man out of anger that the arrows did not kill him is an impulsive act of an earthly woman, very far from the traditional image of a cold and cruel-hearted goddess. F. Charpentier notes that here lies the boundary between the heroine of the sonnet and other nymphs in Diana’s suite, including the goddess herself: the former is struck by arrows of love for a man, while the latter bear only hatred and disgust for the opposite sex. [Charpentier, 2002, p. 36]

Thus, we have examined the most interesting transformations of the conventional Petrarchan themes and images in the sonnets of Louise Labé. As we have tried to show, in her attitude to Petrarchan imagery Louise Labé is very traditional, on the one hand, and dramatically innovative, on the other. While preserving many of the conventional Petrarchan metaphors (above all those referring to love suffering), she at the same time radically transforms other traditional images. There is no doubt that Louise Labé is an outstanding poet, whomever the author of her sonnets is.

Sources

- Labé, L. (2006) Complete Poetry and Prose. A Bilingual Edition. Edited with critical introductions and prose translation by Deborah Lesko Baker; poetry translation by Annie Finch. Chicago University Press.
- Ronsard, P. (1963) *Les Amours*, ed. Henri and Catherine Weber. Paris: Garnier, p. 4–140.

References

- Alonso, B. (2018) Louise Labé Lyonnaise, une revendication féministe plutôt que féminine ? L’exemple du sonnet II // Textes et contextes [Online], 13.1.2018, Online since 29 November

- 2018, Available at: <http://preo.u-bourgogne.fr/textesetcontextes/index.php?id=1811> (accessed: 23.11.2021)
- Baker, D. L. (1996) *The Subject of Desire: Petrarchan Poetics and the Female Voice in Louise Labé*. Purdue University Press.
- Charpentier, F. (2002) Diane Lyonnaise // *Le mythe de Diane en France au XVIe siècle*. Albineana, Cahiers d'Aubigné, 14, 2002. Sous la direction de Jean-Raymond Fanlo et Marie-Dominique Legrand. P. 25-38. DOI: 10.3406/albin.2002.927 Available at: http://www.persee.fr/doc/albin_1154-5852_2002_num_14_1_927 (accessed: 23.11.2021)
- Encyclopédie Larousse: <https://www.larousse.fr/encyclopedie/litterature/Pétrarque/176013>
- Eschrich, G. S. Celebrating Love, Desire, and Melancholia: The Sonnets of Louise Labé, *Women's Studies*, 33:3, 307-334, DOI: 10.1080/00497870490430960. Available at: <https://doi.org/10.1080/00497870490430960> (accessed: 23.11.2021)
- Fumaroli, M. Louise Labé, une géniale imposture // *Le Monde des livres*, 11 mai 2006. Available at: https://www.lemonde.fr/livres/article/2006/05/11/louise-labe-une-geniale-imposture-par-marc-fumaroli_770476_3260.html (accessed: 23.11.2021)
- Giudici, E. (1997) Pierre de Ronsard et l'école lyonnaise. // *Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance*, n°45, pp. 67-100. DOI: <https://doi.org/10.3406/rhren.1997.2167> Available at: www.persee.fr/doc/rhren_0181-6799_1997_num_45_1_2167 (accessed: 23.11.2021)
- Huchon, M. (2006) *Louise Labé: Une créature de papier*. Genève: Librairie Droz S. A.
- Jourde, M. (2011) Louise Labé, deux ou trois choses que je sais d'elle // *Transitions*. 30/09/2011. Available at: <https://www.mouvement-transitions.fr/hospitalites/republications-traductions-inedits/sommaire-des-articles-deja-publies/640-louise-labe-deux-ou-trois-choses-que-je-sais-delle> (accessed: 23.11.2021)
- Launet, E. (2006) Louise Labé, femme trompeuse // *Libération*. 16.06.2006. Available at: https://www.liberation.fr/grand-angle/2006/06/16/louise-labe-femme-trompeuse_41395/ (accessed: 23.11.2021)
- Lazard, M. Droit de réponse envoyé au Monde des livres, non publié // *Société Internationale pour l'étude des femmes de l'ancien régime*. Available at: <http://siefar.org/debats-articles/m-lazard-le-monde-des-livres/> (accessed: 23.11.2021)
- Le mythe de Diane en France au XVIe siècle*. Albineana, Cahiers d'Aubigné, 14, 2002. Sous la direction de Jean-Raymond Fanlo et Marie-Dominique Legrand. Available at: https://www.persee.fr/issue/albin_1154-5852_2002_num_14_1 (accessed: 23.11.2021)
- Martin, D. (2006) Louise Labé est-elle «une créature de papier»? // *Réforme, Humanisme, Renaissance*, n°63, pp. 7-37. DOI : <https://doi.org/10.3406/rhren.2006.3044> Available at: www.persee.fr/doc/rhren_1771-1347_2006_num_63_1_3044 (accessed: 23.11.2021)
- Mathieu-Castellani, G. (2002) La figure de Diane dans la poésie baroque et maniériste : de la dramatisation du mythe à sa décoloration // *Le mythe de Diane en France au XVIe siècle*. Albineana, Cahiers d'Aubigné, 14, 2002. Sous la direction de Jean-Raymond Fanlo et Marie-Dominique Legrand. P. 149-168. Available at: https://www.persee.fr/doc/albin_1154-5852_2002_num_14_1_934 (accessed: 23.11.2021)
- Mathieu-Castellani, G. (2004) Les marques du féminin dans la parole amoureuse de Louise Labé // *Louise Labé 2005. Etudes réunies par Béatrice Alonso et Éliane Viennot*. Saint-Étienne : Publications de l'Université de Saint-Étienne, pp. 107-118.
- Podgaetskaya, I. Y. (1988) *Notes // Labé L. Œuvres*. Ed. prepared by I. Y. Podgaetskaya. Ser. Literary Monuments. Moscow: Nauka. (in Russian)
- Rigolot, F. (1997) *Louise Labé Lyonnaise ou la Renaissance au féminin. Etudes et Essais sur la Renaissance*, 15. Paris: Editions Champion.
- Weil-Bergougnot, M. (2004) *Dialogie de Louise Labé // Louise Labé 2005. Etudes réunies par Béatrice Alonso et Éliane Viennot*. Saint-Étienne : Publications de l'Université de Saint-Étienne, pp. 37-56

- Wiley, K. F. (1981) Louise Labé's Deceptive Petrarchism // *Modern Language Studies*, vol. 11, no. 3, *Modern Language Studies*, pp. 51–60. Available at: <https://www.jstor.org/stable/3194379> (accessed: 23.11.2021)
- Wilson, D. B. (2004) La poésie amoureuse de Louise Labé // Louise Labé 2005. Etudes réunies par Béatrice Alonso et Éliane Viennot. Saint-Étienne : Publications de l'Université de Saint-Étienne, pp. 181-196 ive.tpu.ru/bitstream/11683/18459/1/conference_tpu-2015-C77-V1-050.pdf accessed 20.11.2021

UDC 811.11

N. Y. OSOKINA

St Petersburg State University
St Petersburg, Russian Federation

ON TRANSLATION OF THE INTENTIONAL SEMANTIC SHIFT IN THE VERB 'TO BE'

The article analyzes the peculiarities of translation of structures with the Intentional Semantic Shift in the verb 'to be' from the English to the Russian languages. The deliberate use of the verb 'to be' in alien Grammatical context may result in expressiveness and ambiguity, such sentences being examples of 'Grammatical Metaphor'. The analysis of works by modern writers in the English language reveals the Intentional Semantic Shift in the verb 'to be' based on both formal and covert Grammatical categories (Simple – Continuous tenses; location in space – temporal meaning; state (existence) – action (behaviour)). However, translation into the Russian language often fails to convey the expressiveness and ambiguity of such structures, as the translators avoid using grammatically incorrect structures. In some cases, the meaning of the original may be distorted.

Key words: The Intentional Semantic Shift, Grammatical Metaphor, covert categories, the category of existence

Н.Ю. Осокина

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА СЛУЧАЕВ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО СДВИГА С ГЛАГОЛОМ TO BE

Статья рассматривает особенности перевода с английского языка на русский случаев интенционального семантического сдвига с глаголом to be у современных англоязычных авторов. Намеренное использование глагола to be в несвойственном ему грамматическом контексте может становиться выразительным грамматическим средством, для которого характерна многозначность, выразительность, образность. У современных англоязычных авторов отмечаются случаи интенционального переноса как на основе формально выраженных грамматических категорий (Simple – Continuous), так и скрытых грамматических категорий пространственность – темпоральность, состояние (бытийность) – действие (поведение). Однако при переводе на русский язык таких «грамматических метафор» нарушение норм сочетаемости как правило не сохраняется, что ведет к потере

выразительности и многозначности. В некоторых случаях попытка передать грамматическую образность ведет к искажению смысла оригинала.

Ключевые слова: интенциональный семантический сдвиг, грамматическая метафора, бытийность, скрытые категории

Introduction

Although creative potential of Grammar is believed to be neglected by linguists [Gin 1996, 7, Hairutdinova, 2009], an adequate translation cannot overlook the expressiveness of the original Grammar structures. Grammatical imagery often results from the Intentional Semantic Shift, or deliberate use of a Grammatical form in an alien grammatical environment to create new additional non-grammatical meaning. Such structures may be expressive and have multiple meanings, therefore the term ‘Grammatical Metaphor’ was coined for them [Shendels, 1972, p.48, Maslennikova, 2006]. For instance, expressiveness and multiple meanings as a result of the Intentional Semantic Shift characteristic of an object – characteristic of an action may be found in the sentence from M. Atwood’s ‘Edible Woman’ I felt a slight sensation of alarm as I stepped over the threshold and the door closed woodenly behind me [Atwood, 1969]. The adverb woodenly formally refers to the verb closed, while semantically it denotes the property of an object – the door (the wooden door closed), creating the effect of the immediacy of perception and focusing the reader’s attention on the details. The deliberate deviation from the grammatical norms helps to convey the feeling of anxiety and misgivings, as is the case with lexical metaphors, there are various interpretations possible.

This article aims to analyze different types of the Intentional Semantic Shift in the verb ‘to be’ in the works of modern English fiction writers, to discuss how the deliberate use of the verb ‘to be’ in alien grammatical context creates expressiveness and imagery, and then to see how the structures with the Intentional Semantic Shift are translated into the Russian Language (evaluation of the translation not being our objective).

Literary Review

The term ‘Grammatical Metaphor’ may refer to structures with asymmetry (or tension) between the semantic and grammatical levels of the language, when the text is perceived on both the formal level of grammar and the level of semantics [Devrim, 2015, 2, Halliday 1998]. Thus, a grammatical metaphor of mood involves using an interrogative sentence instead of a sentence in the imperative mood (‘Get up’ – ‘Why don’t you get up?’). Maslennikova’s *The Peculiarities of the Grammatical Metaphor* [Maslennikova, 2006] discusses the cognitive processes behind different types of syntactic and morphological metaphors in the English and Russian languages, e.g. Future is Present, Past is Present, Transitive is Intransitive, Prohibitive is Expressive, etc. For instance, in the sentence William the Conqueror invades Britain in 1066 the Present Simple tense is used to narrate about the events of the past (the so-called *praesens historicum*) [Maslennikova, 2006, 27-28]. Such structures with asymmetry between the formal (grammatical) expression and the semantic level are characteristic not only of academic, bureaucratic and scientific discourse [Dverim 2015], they may be used in fiction to convey hidden meanings [Maslennikova, 2006].

As in its broader meaning the term ‘Grammatical Metaphor’ refers to congruent realization or junction between elemental semantic categories, such as thing, quality, process [Halliday, Matthiessen 1999], which are generally viewed as grammatically standard (e.g. the use of nouns to denote process, etc.), in our work, when analyzing deliberate deviations from the grammatical norms in fiction by modern English-speaking writers and their translations, we will use the term ‘Intentional Semantic Shift’.

The Intentional Semantic Shift may take place in different parts of speech, with different grammatical categories being its base (see Maslennikova’s example of the use of *praesens historicum* above). Often the Intentional Semantic Shift may be based on the so-called covert categories, i.e. the categories that have no formal (overt) marks, and which are based on a

certain, sometimes subtle meaning, that is functionally important in grammar and defines the use of the words. As B.L. Whorf put it, this often intuitively sensed meaning 'delimits a quite definite class of words and grammatical forms' [Whorf, 1972, p.71]. To demonstrate these language limitations, B.L. Whorf analyzed the use of the prefix un-, which, according him, may only be used with the verbs of covering, enclosing and surface-attaching meaning (cover – uncover, dress – undress, fold – unfold, etc.). This enabled him to speak about a special category of verbs with 'a centripetal enclosing and self-attaching meaning' that can be used with the reverse prefix un- (of course, nowadays, due to the spread of IT, the list of the verbs that can be used with the un- prefix is considerably larger and includes verbs like 'unfriend', 'undo', that were not considered the norm in the 1970s). The Intentional Semantic Shift often allows us to see the limitations of the language imposed by these covert categories, which, not being described in grammar textbooks, make up the bulk of the language [Katznelson, 2009, p.83]. For instance, the category of gradability in verbs is covert, there being no formal marks for either verbs that can or cannot be used with adverbs of degree (more, a little, seriously), however, the difference between these verbs and limitations are immediately felt by speakers. Intentional deviation from these unspoken rules may result in grammatical imagery, making it possible to convey what cannot be conveyed by grammatically correct utterances, as in the example from E. Gilbert's 'Eat, Pray, Love' I have put on weight. I exist more now than I did four months ago [Gilbert, 2010, p.154]. The phrase I exist more can be understood as 'I put on weight', or 'my life has become richer' or 'I have more opportunities', etc [Osokina, Dekterev, 2019].

Although Maslennikova A.A. analyzed grammatical metaphors based on covert categories Transitivity, Intentionality, Person/Object [Maslennikova, 2006], there has been no comprehensive study of the Intentional Semantic Shift in covert categories. Works on grammatical metaphor mainly focus on grammatical metaphors based on formally expressed grammatical categories: modality and mood in [Dervim, 2015], person and number [Pantelev, Kerimova, 2017]. Thus, the analysis of the Intentional Semantic Shift in the verb to be in modern English fiction works and the way they are translated into the Russian language may help to show both the creative potential of the hidden rules of the language and to see whether it is possible to convey grammatical imagery in translation.

The analysis shows that modern English-speaking writers may resort to different types of the Intentional Semantic Shift in the verb to be: Simple – Continuous tenses; location in space – temporal meaning; state (existence) – action (behaviour)³¹. Such structures are very rare and expressive and may be considered an example of real grammatical imagery. Translation of sentences with the Intentional Semantic Shift in the verb to be may seem a complicated task, as the categories at its base may differ considerably (or be altogether non-existent) in the English and Russian languages. On the other hand, translators may turn to avoiding grammatically incorrect structures in their work, leaving out the expressiveness and ambiguity of the original.

The Intentional Semantic Shift location in space – temporal meaning

The verb to be can be used both with the words denoting location of an object and with the words of temporal semantics. The language imposes its restrictions: sentences with the verb to be and the subject denoting a thing or a person are to be used with the adverbial modifier of place. Without the indication of the object location, the name of the person / object will acquire a temporal meaning and will be interpreted as the name of the event [Arutyunova, 2009, p.78], e. g. 'Войдет гусар в заснеженной шинели/И будут ссора, свечи и дуэль'. This sentence is not about candles as objects, it implies a whole situation with candles burning or being lit

³¹ This work does not aim to discuss the use of the verb to be in continuous form in such structures as 'he is being silly', as they are frequently used and grammatically standard.

[Arutyunova, 2009, p.78-79]. Russian literature abounds in examples of such a shift in meaning, however the rigid sentence structure of the English language requiring a subject (even if it is a formal 'there') makes it impossible to endow the names of objects with the meaning of an event by using them in sentences without location indications. The English variant of 'будут свечи' is 'there will be candles', where the formal subject 'there' sets the location of the object.

Although direct equivalents of sentences like 'И будут ссора, свечи и дуэль' can hardly be found in the English language, a different, perhaps even more expressive example of the Intentional Semantic Shift location in space – temporal meaning may be found in S. King's sentence 'Hilly smiled, not sure where he was, not sure when he was, sure only that many things had been wrong – just what those things had been no longer mattered, because everything was okay now' [King, 1988, p.746]. The phrase not sure when he was, where the name of the person is used with the verb 'to be' and the question word 'when' without indication of the location creates a new meaning of the child's complete disorientation. The little boy who woke up in hospital did not understand where he was, what day it was, moreover, he also did not remember what had happened to him. Thus, besides expressiveness (as the reader inevitably stops – 'stumbles' seeing such a deviation from the grammatical norms), the Intentional Semantic Shift also results in multiple interpretations. The translation by Yu. Moiseenko, M. Kazanskaya «Хилли улыбнулся, не понимая, где он находится, в каком месте и времени» [King, 2016] is grammatically correct and basically has the same meaning as the original, however it lacks its expressiveness, originally emphasized by italics. The translators did not use the question word 'когда', putting an emphasis on the place (где он находится, в каком месте – where he was, in what place), so the phrase 'и времени' (and time), added to this structure, does not seem to be grammatically incorrect. The overall effect of the original is smoothed, both grammatically and expressively.

Another variant of the translation by T. Dadianova, F. Postovalov, M. Volkova does not include any mention of the time 'Хилли улыбнулся, не вполне уверенный, что это ему не приснилось. Нет, кажется все в порядке' [King, 1993]. Devoid of any attempt to render the Intentional Semantic Shift, this variant lacks the dramatic effect of the moment (which is strong position, the very end of the novel); the child's confusion and disorientation is not even hinted at. The Intentional Semantic Shift State – Action (existence - behaviour)

Sentences with the verb to be make up the centre of the functional-semantic field 'existence', however the verb to be is rarely used in sentences without mentioning time, place, quality / attribute or class of the object (with the exception of 'let her be', leave her be', etc.). When the verb to be is intentionally used on its own in the sentences like 'She made an effort to just be, she couldn't quite remember how to be', it creates new additional non-grammatical meanings, but this type of the Intentional Semantic Shift may require certain efforts to be translated. Sometimes the grammatical expressiveness may disappear:

'I really love what I do,' she said to Patrick. That defensive tone was still there. She made a conscious effort to let it go, to just be. 'I'm quite good at it too.' [Moriarty, 2014, p.39].

The translator T. Golubeva presents the following interpretation of the situation, avoiding deviation from grammatical norms:

- Мне действительно нравится то, чем я занимаюсь, - сказала она Патрику. Однако интонация самообороны продолжала звучать в ее голосе. Элен сделала сознательное усилие, чтобы прогнать ее, чтобы просто констатировать факт. – И я делаю свое дело хорошо. [Moriarty, 2015]

This interpretation of the Intentional Semantic Shift is not the only one possible: 'to just be' here can mean an attempt to meditate, to free the mind of negative thoughts and emotions. The ambiguity of the original is lost.

Another example of the Intentional Semantic Shift, when the verb to be is used without the nominal phrase, results in the meaning 'to behave in a certain way':

Recently, she'd notice something strange happening when she talked to people in groups. She couldn't quite remember how to be. She'd find herself thinking: Did I just laugh too loudly? Did I forget to laugh? Did I just repeat myself? [Moriarty, 2014, p.39].

The Russian translation by I. Ivanchenko demonstrates the use of the verb 'вести себя':

В последнее время она стала замечать, что во время разговора с людьми в компании с ней происходит что-то странное. Она не вполне понимала, как себя вести. Иногда ловила себя на мысли: «Я слишком громко смеялась? Не засмеялась вовремя? Повторяюсь?» [Moriarty, 2015].

However, the absence of grammatical incompatibility leads to the loss of additional non-grammatical meanings, since the verb to be without the nominal phrase in She couldn't quite remember how to be may be interpreted not only as 'to behave', but also to convey the feeling of the character's loss of identity, failure to understand who she was and how to be or stay herself.

The Intentional Semantic Shift Simple – Continuous tenses

Another type of the Intentional Semantic Shift in the verb to be may be observed when this verb is deliberately used in the Continuous Aspect:

'You mean he's cool. All film stars are cool.' said Greg. 'That's what films do to them.'

'It's not about being cool,' I told him. 'It's about just being. De Niro was just being; I can never do that now'. [McCarthy, 2011, p.22].

- Ты хочешь сказать, какой он крутой. Все кинозвезды крутые. Такими их в кино делают.

- Дело не в том, что ты крутой, - сказал я ему. - Дело в том, что ты существуешь. Де Ниро ничего не делал – просто существовал; я теперь так не могу. [McCarthy, 2011]

After watching a film with Robert De Niro, the main character of T. McCarty's 'Remainder' was impressed by how real De Niro seemed. To translate the phrase 'De Niro was just being' A. Aslanyan used the verb 'существовать' – 'to exist', but this leads to the loss of the expressiveness. Moreover, the meaning of 'being real', is lost as well (and it is to be real was what the main character strove to do, which is reflected in the translation of the title – 'Remainder' – 'Когда я был настоящим').

Conclusion

The analysis of translation of structures with different types of the Intentional Semantic Shift in the verb to be from the English to the Russian language has shown that originality, expressiveness and multiple meanings of the original can be reduced or even lost in the translation due to attempt to follow the grammar rules, to stick to the norm. When trying to avoid deviating from the norms in the Russian language, translators often choose to convey the meaning they consider to be the main one, thus failing to retain the multiple meanings of the original. In some cases, the original meaning can be distorted. When the Intentional Semantic Shift in the verb to be is based on the category absent in the Russian language, translators may try to resort to lexical means, losing both expressiveness and multiple meanings.

At the same time, it is the translation process and analysis that helps to reveal the covert grammatical categories otherwise not evident in the language, thus helping to see the hidden, but very important, structure of the language.

Sources

Atwood M. The Edible Woman. McClelland and Stewart. 1969. // Available at: https://royallib.com/read/Atwood_Margaret/The_Edible_Woman.html#81920 (accessed 27.10.2021)

Gilbert E. Eat, Pray, Love. Penguin Books. 2010.

King S. The Tommyknockers. A Signet Book. 1988.

King S. Tommynokeri. Moscow: AST Publishers, 2016. Available at: <https://libking.ru/books/sf/sf-horror/1100227-stiven-king-tominokery.html>. 15.09.2021 (accessed: 15.09.2021). (In Russian)

- King S. Tommynokeri. Moscow: Cadman, 1993. Available at: <https://booksread-online.com/fantastika-i-fjentezi/uzhasy-i-mistika/104258-stiven-king-tomminokery.html> (accessed: 15.09.2021). (In Russian)
- McCarthy T. Remainder. Alma Books. 2016.
- McCarthy T. Kogda ya byl nastoyaschim. Moscow: Ad Marginem Press, 2011. // Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=152549> (accessed: 15.09.2021). (In Russian)
- Moriarty L. Big Little Lies. Penguin books. 2014.
- Moriarty L. Bolshaya malenkaya lozh. Moscow: Inostranka, Azbuka-Atticus, 2015. Available at: <https://mir-knigi.net/books/proza/sovremennaya-proza/page-6-50298-bolshaya-malenkaya-lozh.html> (accessed: 27.10.2021). (In Russian)
- Moriarty L. The Hypnotist's Love Story. Penguin books. 2012.
- Moriarty L. Poslednyaya ljubov gipnotizera. Moscow: Inostranka, Azbuka-Atticus, 2015. Available at: <https://libking.ru/books/love-/love-contemporary/1119744-liana-moriarty-poslednyaya-lyubov-gipnotizera.html#book> (accessed: 15.09.2021). (In Russian)

References

- Arutyunova, N.D. (2009) The Sentence and Its Meaning: Logical and semantical problems Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy. Moscow: Knizhnyi dom "Librokom". (in Russian)
- Devrim, D.Y. (2015) Grammatical metaphor: What do we mean? What exactly are we researching?// Functional Linguistics. A Springer Open Journal. Available at: <https://functionallinguistics.springeropen.com/track/pdf/10.1186/s40554-015-0016-7.pdf> (accessed: 24.12.2021)
- Gin, Ya.I. (1996) The Problems of Poetics of Grammatical Categories: Selected works. Problemy poetiki grammaticheskikh kategoriy: Izbrannie raboti. St. Petersburg: Gumanitarnoye agenstvo "Gumanisticheskiiy proekt". (in Russian)
- Hairutdinova, G.A. (2009) Aesthetic potential of morphological means of the Russian Language Esteticheskiye resursy morfologicheskikh sredstv russkogo yazyka. Avotoreferat dissertacii... filologicheskikh nauk. Kazan. (in Russian)
- Halliday, M.A.K. (1998) Things and relations: regrammaticising experience as technical knowledge. In Reading science: Critical and functional perspectives on discourse of science. London: Routledge, pp. 185-235.
- Halliday, M.A.K. & Matthiessen C.M.I.M. (1999) Construing experience through meaning: A language-based approach to cognition. London: Cassell.
- Katznelson, S.D. (2009) Language Typology and Verbal Thinking Tipologiya yazyka i rechevoye mishleniye. Moscow: Knizhnyi dom "Librokom". (in Russian)
- Maslennikova, A.A. (2006) The Peculiarities of the Grammatical Metaphor Osobennosti grammaticheskoy metafori // Language Metaphors and Metaphors in the Language. St. Petersburg, P. 21 – 44. (in Russian)
- Osokina, N.Y. & Dekterev S.B. (2019) The Intentional Semantic Shift gradability – non-gradability as a source of hidden meanings in works of modern English writers Intentsionalniy semanticheskiiy sdvig gradualnost – negradualnost kak istochnik skrytyh smyslov v proizvedeniyah sovremennykh angloyazychnykh avtorov //Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya. № 57. P. 124-136. (in Russian)
- Pantelev, A.F. & Kerimova, S.U. (2017) Grammatical Metaphor in the novel 'Master and Margarita': linguacultural aspect and the problem of identity Grammaticheskaya metafora v romane 'Master I Margarita': linguokulturologicheskiiy aspekt I problema identichnosti. Materials of the III International Congress// National Identity through the Cultural Dialogue: Russia and Ibero-American world. Available at: <http://congreso2017.espcentr.sfedu.ru/materials/17/995/pantelevandreykerimovasabina.pdf> (accessed: 24.12.2021) (in Russian)

- Shendels, E.I. (1972) Grammatical Metaphor Grammaticheskaya Metafora // Higher School Scientific Reports. Studies in Philology Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskoye nauki. No 3. P. 48-57. (in Russian)
- Whorf, B.L. (1972) Language, Thought, and Reality. The MIT Press.

UDC 398.8

I. POWKH

Brest State A.S. Pushkin University,
Brest, Belarus

**ALTERNATIVE TRANSLATIONS OF TRADITIONAL IRISH SONGS
INTO ENGLISH AS MANIFESTATIONS OF TRANSLATORS'
APPROACHES TO IRISH FOLK CULTURE³²**

The article discusses sean nós songs translated into English in the framework of translators' preferences and interpretations of Irish folk culture. A comparative analysis of amateur translations submitted by anonymous Internet users takes into account the stylistic correspondence between the translation and the original as well as the specific features of alternative translations. The analysis illustrates the translators' intention to render the idea and the atmosphere of traditional sean nós songs as manifestations of Irish national culture by preserving the original spelling of proper nouns, emphasising the emotional intensity of the text, as well as its stylistic peculiarities (free metre combined with blank verse, anaphoric repetitions etc.). The author pays special attention to discrepancies between the original lyrics and the translator's interpretation thereof.

Key words: traditional Irish songs, sean nós, alternative translations, amateur translation, folk culture

³² The author wants to express her appreciation and gratitude to Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research for the financial support that made it possible to carry out the research and prepare the article within the "Belarusian Folklore Studies in the Modern World: Scope of Methods, Themes and Issues, Theoretical Innovations" assignment; contract № G20U-004, state registration number 20201112 of 26 June 2020

**ВАРИАНТНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИРЛАНДСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН НА
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
К ФОЛЬКЛОРНОЙ КУЛЬТУРЕ ИРЛАНДИИ³³**

В статье рассматривается проблема перевода ирландскоязычных песен sean nós на английский язык в контексте отражения в нём переводческих подходов к интерпретации традиционной ирландской культуры. Автор проводит сравнительный анализ переводов, выполненных анонимными переводчиками-любителями, уделяя особое внимание стилистическому соответствию перевода и оригинала, а также специфическим особенностям вариантов переводов. Отмечается стремление переводчиков передать основную идею и атмосферу песен sean nós как проявления ирландской национальной культуры, в том числе посредством сохранения оригинального написания имён собственных, подчёркивания эмоциональной насыщенности текста, а также точного отражения его стилистических особенностей (вольный метр и отсутствие рифмы, анафорические повторы и др.). Особое внимание автор обращает на расхождения между оригинальным текстом и его переводческой интерпретацией.

Ключевые слова: ирландские народные песни, sean nós, варианты переводов, любительский перевод, народная культура

Irish folklore – like that of any nation – embodies the cultural heritage of the people, their talents, values and attitudes. The antiquity and diversity of Irish folk songs – composed and performed in Irish or in English – illustrate various aspects of Irish national culture and folklore. Traditional Irish solo a capella songs constitute a special folklore subgenre known as sean nós (“old way”, or “old tradition”). The stylistics and the so called “proper performance practice” [Williams 2011] of such songs – including the free metre, the Irish language, variation between verses etc.– make them highly complex and personal, providing the performer with unlimited means of self-expression and ornamentation. When it comes to sean nós, both lyrics and music acquire equally vital importance, while the rhythm and tune variations from verse to verse and from performance to performance highlight the poetic and expressive potential of the song, at the same time demonstrating the performer’s skill and experience. All that makes sean nós the touchstone of traditional Irish music [Noone 2012], “the orally transmitted unaccompanied, highly ornamented musical tradition” [Hobbs 2011, p. 587–588]. Researchers distinguish between three main styles of sean nós, corresponding to the three areas where Irish is still spoken as a community language: the Gaeltachtaí areas of Munster, Connacht and Ulster [Ó Maoldomhnaigh 2004]. Today sean nós songs are performed and recorded by numerous music groups at various kinds of concerts, art festivals and competitions [Costello 2017]. The purpose of our research is to compare alternative English translations of sean nós songs as manifestations of translators’ preferences and interpretations of Irish folk culture. The research methods include close reading and comparative analysis. The research focuses on sample songs

³³ Работа выполнена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках задания «Белорусская фольклористика в современном мире: методологический, проблемно-тематический диапазон, теоретические новации»; договор № Г20У-004, номер государственной регистрации 20201112 от 26.06.2020.

presented on the <https://songsinirish.com> website together with their respective amateur English translations submitted by anonymous Internet users. The analysis takes into account the stylistic correspondence between the translation and the original as well as the specific features of alternative translations. Most of the songs presented on the said website go along with just one translation, quite often a machine one, but some of them have two or even three translation versions. These include *Tiocfaidh An Samhradh* (Summer will come), *Beidh Aonach Amárach* (“There’s a Fair Tomorrow”), *Mo Ghile Mear* (“My Gallant Darling”) and *Sí Do Mhaimeo Í* (“She is Your Granny”), which constitute the object of our research.

A traditional Irish song *Tiocfaidh An Samhradh* (Summer will come) is very popular in Donegal area. It exists in a number of versions, but the main story is that of a man, often a sailor, whose loved one betrays him in favour of another man. There exist at least three arrangements thereof, one belonging to The Bothy Band, another one – to the Altan group and the other one – to Na Casaidigh (“The Cassidys”). Out of the three alternative translations of the arrangements aforesaid, one (namely, that of the Altan’s version) follows the inconsistent ABCB rhyming pattern, while the other two are made in free verse in line with the classic sean nós tradition. The lyrics consists of thirty-two (sometimes written down as sixteen) lines arranged into four verses, with the framed structure, where the last verse is identical to the first one. The original text of the first verse is as follows:

Tiocfaidh an Samhradh / agus fásfaidh an féar
Tiocfaidh an duilliúr glas / ar bharr na gcrabhbh
Tiocfaidh mo rúnsearc / le bánú an lae
*Is buailfidh sí tiúin suas / le cumhaidh i mo dhéidh*³⁴.

One of the most conspicuous discrepancies between the three English translations of the above verse is the syntactic link between the clauses *tiocfaidh an Samhradh* (“summer will come”), *fásfaidh an féar* (“grass will grow”), *tiocfaidh an duilliúr glas* (“leaves will turn green”), *tiocfaidh mo rúnsearc* (“my darling will come”), and *buailfidh sí tiúin suas* (she will play a tune). In the original text the said clauses are combined both with the help of conjunction *agus / is* (and) in the first and the last lines and *asyndetically* (lines 2 and 3). This tendency is partly preserved in the translated *Na Casaidigh* (“The Cassidys”) version (with *syndesis* in lines 1 and 2), while the translations of those performed by The Bothy Band and the Altan provide *asyndetic* and *polysyndetic* connection respectively. The actor in line 3 also varies. In the original text the tune is played by the lady, the persona’s beloved, which is preserved in two English versions. However, the Altan’s version in translation shifts the accent from the lady to the man, giving him the opportunity to express his feelings and attitudes toward the situation. Of special interest is the translation of the word *cumhaidh* in line 4. The word bears negative connotation, its direct meaning being “loneliness, homesickness, parting sorrow” [Ó Dónaill 1977]. However, while two translations follow this implication, using words “loneliness”³⁵ (The Bothy Band) and “mournful”³⁶ (Altan), in the *Na Casaidigh*’s version the word is translated as “a song of love”³⁷. This not only runs counter to the Irish text, but also breaks the original juxtaposition of the first

³⁴ Songs in Irish. *Tiocfaidh An Samhradh*. Available from: <https://songsinirish.com/tiocfaidh-an-samhradh-the-cassidys/> [Accessed 29th August 2021].

³⁵ Songs in Irish. *Tiocfaidh An Samhradh*. Available from: <https://songsinirish.com/tiocfaidh-an-samhradh-lyrics/> [Accessed 29th August 2021].

³⁶ Songs in Irish. *Tiocfaidh An Samhradh*. Available from: <https://songsinirish.com/tiocfaidh-an-samhradh-altan-lyrics/> [Accessed 29th August 2021].

³⁷ Songs in Irish. *Tiocfaidh An Samhradh*. Available from: <https://songsinirish.com/tiocfaidh-an-samhradh-the-cassidys/> [Accessed 29th August 2021].

and the second halves of the verse, where the first two lines create a brightly coloured picture of a summer day, while the other two change the mood to the opposite.

Verses 2 to 4 differ depending on the performer. The Na Casaidigh and Altan perform the second verse as follows:

Is óg 's is óg a chuir mé dúil i ngreann
Do dhéanfainn súgradh le mo rún ar fail
Níl baile cuain ann nár gluaiseas ann
Nach bhfuair eas póigín ó mo stóirín ann

(or Nach bhfaighinn maighdean óg / deas a thrialladh liom)³⁸.

This verse is omitted in The Bothy Band's version, so in this case we have only two alternative translations to compare. The analysis shows that both translations are similar to each other except for the last line, which differs in the original versions as well. If the Na Casaidigh's version and its respective translation strengthen the relationship between the man and his loved one, suggesting that the girl follows the sailor from port to port, the Altan's text hints that the sailor finds a new sweetheart in every new place.

Verse 3 in the Altan's and The Bothy Band's lyrics expresses the sailor's sorrow about having to leave his beloved and go to sea. The deep feeling of grief is emphasised and intensified in English translations by adding the connotation of anger and wrath (splóid – "bad cess" (Altan)³⁹, brón (literally "sorrow", "grief") – "curse" (The Bothy Band)⁴⁰). The Altan's version's translator substitutes the negative imperative mood of the second line (Ná is í atá mór – "don't be big") with a pair of synonyms "broad and wide", thus depersonifying the sea as an active agent that separates people. On the other hand, the use of synonymous pairs ("broad and wide", "joy and pride", "grieve and mourn") adds an emphatic tone to the text, stressing its emotional aspect. In The Bothy Band's version the above effect is achieved by the translator through the expressive syntax (the emphatic inversion "And no woman will I marry"⁴¹, polysyndeton) as well as the image of grave in the last line of the verse.

Finally, there is one more verse breaking the news of the girl's being unfaithful to her former beloved. This verse plays the key role in rendering the main idea of the song, therefore, it is present in all the versions: the last one in the Altan's, the last but one in Na Casaidigh's (where the last verse repeats the first one forming a framed structure) and the second one in The Bothy Band's. Neither the Altan's nor the Na Casaidigh's translation follows the asyndetic anaphoric repetition of the original (Scairt mé in lines 1 and 2(3)), inserting the conjunction "and" (Altan)⁴² or the words "last night" (Na Casaidigh)⁴³, and thus breaking the original suspense effect, which leads to the climax. The most exact and closest to the original is the translator's interpretation of The Bothy Band's version, which not only preserves the syntactic structure of the Irish verse, but also sticks to the minute details of the original vocabulary, translating demonstrative pronoun

³⁸ Ibid.

³⁹ Songs in Irish. *Tiocfaidh An Samhradh*. Available from: <https://songsinirish.com/tiocfaidh-an-samhradh-altan-lyrics/> [Accessed 29th August 2021].

⁴⁰ Songs in Irish. *Tiocfaidh An Samhradh*. Available from: <https://songsinirish.com/tiocfaidh-an-samhradh-lyrics/> [Accessed 29th August 2021].

⁴¹ Ibid.

⁴² Songs in Irish. *Tiocfaidh An Samhradh*. Available from: <https://songsinirish.com/tiocfaidh-an-samhradh-altan-lyrics/> [Accessed 29th August 2021].

⁴³ Songs in Irish. *Tiocfaidh An Samhradh*. Available from: <https://songsinirish.com/tiocfaidh-an-samhradh-the-cassids/> [Accessed 29th August 2021].

thall (ann) as “yonder”⁴⁴ and not substituting it with a possessive noun / pronoun as in the other versions.

Beidh Aonach Amárach (“There’s a Fair Tomorrow”) is a traditional Irish song also arranged and performed by the Altan and Na Casaidigh (The Cassidys) groups. This song is familiar to schoolchildren and Irish language-learners around the country, therefore, researchers categorize as a “school song”. The main difference between the two translators’ interpretations is the degree of emotional intensity and expressiveness of the text manifested in diminutive nouns (“mammy” (Altan)⁴⁵ vs. “mother” (Na Casaidigh)⁴⁶), verbs with the connotation of strong feeling (“plead” (Altan) vs. “ask” (Na Casaidigh)), and lexical units of the “affection” semantic group (“dearest love” (Altan), where both words belong to the said group, vs. “fondest child” (Na Casaidigh), where only the first word is stylistically marked). Another point worth mentioning is the translators’ intention to preserve the original rhythmic structure of the lyrics, wherever possible without detriment to the lexical correspondence between the translation and the original, which allows performing the chorus and certain verses of the English version to the original tune.

Mo Ghile Mear (“My Gallant Darling”) is a traditional Irish song of a ballad type composed to honour Prince Charles Stewart. The difference between the two Irish versions performed by The UCD Choral Scholars and an Irish solo performer Deirbhile Ní Bhrolchain hinders the comparative analysis of their translations, reducing it to the chorus and certain identical verses. The chief and the most important distinction between the two texts is the high-flown style of the Deirbhile Ní Bhrolchain’s version as opposed to the plain English of The UCD Choral Scholars’ one. The divergence starts with the interpretation of the title epithet mear used to describe the person the song is addressed to. The direct meaning of the Irish word – “quick, fast, nimble, lively, spirited” [Ó Dónaill 1977] – is preserved in the UCD Choral Scholars’ translation (“dashing”) given in the chorus, although the title remains the same as in the other version (“gallant”) that sounds much less decisive and fearless and, therefore, runs contrary to the image of Caesar, the character is compared to. Other examples of elevated translation style include the *Bímse buan ar buairt gach ló* line given as “Every day I’m constantly enduring grief” by Ní Bhrolchain⁴⁷ as opposed to “I am perpetually worried every day” by The UCD Choral Scholars⁴⁸, *Ag caoi go cruaidh* – as “weeping bitterly” and “wailing heavily” respectively, and the *Ní haoibhinn (labhrann) cuach ba suairc ar neoin* line – as “The pleasure of the cheerful cuckoo at noon is gone” (Ní Bhrolchain) in contrast with “The cuckoo doesn’t sing cheerfully after noon” (The UCD Choral Scholars). As is the case with the *Beidh Aonach Amárach* song, the translators render the emotional intensity of the text through lexical and syntactic means of expression. On the lexical level the feelings of anguish and longing are rendered in the translation of Ní Bhrolchain’s version through the pairs of directly or contextually synonymous word combinations (“over the hills and far away”, “a spent, worn-out widow”, “neither rest nor fortune”, “weeping bitterly and shedding tears”) as well as lexical units belonging to the semantic field of death (widow, black cloaks). Syntactically, both Ní Bhrolchain’s and The UCD

⁴⁴ Songs in Irish. *Tiocfaidh An Samhradh*. Available from: <https://songsinirish.com/tiocfaidh-an-samhradh-lyrics/> [Accessed 29th August 2021].

⁴⁵ Songs in Irish. *Beidh Aonach Amárach*. Available from: <https://songsinirish.com/beidh-aonach-amarach-atlan-lyrics/> [Accessed 4th September 2021].

⁴⁶ Songs in Irish. *Beidh Aonach Amárach*. Available from: <https://songsinirish.com/beidh-aonach-amarach-lyrics/> [Accessed 4th September 2021].

⁴⁷ Songs in Irish. *Mo Ghile Mear*. Available from: <https://songsinirish.com/mo-ghile-mear-ucd-lyrics/> [Accessed 7th September 2021].

⁴⁸ Songs in Irish. *Mo Ghile Mear*. Available from: <https://songsinirish.com/mo-ghile-mear-lyrics/> [Accessed 7th September 2021].

Choral Scholars' translations follow the anaphoric repetition in the first two lines of the chorus (in the former case combined with inversion) and the parallel syntactic structures of the original. The *Sí Do Mhaimeo Í* ("She is Your Granny") song is a traditional Irish song from the region of Connemara. It is performed by the Altan, Celtic Woman and Anúna groups, and presented on the <https://songsinirish.com> website by three nearly identical translations. The minor differences concern the approach to proper names (the town of Iorrais Mhóir (Inis Mhóir) is rendered as Nishmore in the Altan's version, while all the other proper nouns retain the original spelling) and the use of colloquialisms ("squander" and "cause" in Altan's version⁴⁹ vs. "drink" and "because" in the two others⁵⁰).

Thus, the above examples illustrate the translators' intention to render the idea and the atmosphere of traditional sean nós songs as manifestations of Irish national culture by preserving the original spelling of proper nouns, emphasising the emotional intensity of the text, as well as its stylistic peculiarities (free metre, anaphoric repetitions etc.). The translators tend to follow the marked rhythmic structure of humorous songs (Beidh Aonach Amárach and *Sí Do Mhaimeo Í* in our case), while sean nós of a ballad type (*Mo Ghile Mear* and *Tiocfaidh An Samhradh*) have less explicit rhythmic patterns and are translated without regard to the number of syllables or stresses. On the other hand, translators add their own interpretation of the Irish lyrics by modifying its tone, using synonymous pairs to stress the key notions and images, and changing the syntactic pattern of the verse.

References

- Costello, E. (2017) Sean-nós song in the Oireachtas na Gaeilge Festival: The Aesthetics of sean-nós song through the Gaze of the Oireachtas na Gaeilge Adjudicators. *Ethnomusicology Ireland*, 5: 31–47.
- Hobbs, H. (2011) Sean-nós i gConamara / Sean-nós in Connemara: Digital Media and Oral Tradition in the West of Ireland. *Oral Tradition*; 26(2): 587–594.
- Noone, J. (2012) Irish Traditional Music. World Federation of Music Therapy Folk Music Project. Available from: https://www.academia.edu/2039563/Irish_Traditional_Music [Accessed 19th August 2021].
- Ó Dónaill, N. (1977) *Foclóir Gaeilge-Béarla*. London: Colton Book Imports. Available from: <https://www.teanglann.ie/en/fgb/> [Accessed 7th September 2021].
- Ó Maoldomhnaigh, T. (2004) *Amhranaíocht ar an Sean-nos: Traditional Singing*. Available from: https://comhaltas.ie/music/treoir/detail/amhranaiocht_ar_an_sean_nos/. [Accessed 5th September 2021].
- Williams, S. & Ó Laoire, L. (2011) *Sean-nós Singing in Theory and Practice*. Bright Star of the West: Joe Heaney, Irish Song Man. Oxford: Oxford University Press; 27–46.

49 Songs in Irish. *Sí Do Mhaimeo Í*. Available from: <https://songsinirish.com/si-mhaimeo-i-lyrics/> [Accessed 8th September 2021]

50 Songs in Irish. *Sí Do Mhaimeo Í*. Available from: <https://songsinirish.com/si-mhaimeo-i-celtic-woman-lyrics/> [Accessed 8th September 2021]

P. R. RODRÍGUEZPeople's Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation**PRAGMATICS AND TRANSLATION: LINGUISTIC INTERFERENCE
IN THE TRANSLATION PROCESS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN
THE RUSSIAN-SPANISH COMBINATION**

In the field of translation and interpreting, phraseology represents an area so far little studied. The existing works to date on the didactics of phraseological units during foreign language learning seem not to take into account the basic needs of the translator and interpreter, that is, they are works that address the subject of translation from a pure point of view linguistic leaving aside the pragmatic approach. In this sense, a new didactic and translational approach must be developed and applied that allows addressing issues related to the identification of phraseologisms, taking into account the context of communicative situation, which includes the compression of the literal meaning that is given by default and its interpretation. idiomatic in a concrete context, as well as the own search of phraseological correspondences. The challenge of translating phraseological units is more than a conscious search in the lexical repertoire of two languages. Every translator and interpreter constantly interpret texts, reflecting, in turn, the interrelation between the explicit, implicit, and understood messages in the source text. To date, many authors emphasize the importance of phraseological units within the communicative competence of a native speaker and the need to promote phraseological competence in students of foreign languages. However, due to linguistic interference, the teaching and learning process of these units is often hampered.

Key words: phraseology, linguistic interference, situational communication, translation process, pragmatics.

П. Р. РОДРИГЕС**ПРАГМАТИКА И ПЕРЕВОД: ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ПРОЦЕССЕ
ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ**

В сфере письменного и устного перевода фразеология представляет собой область, которая пока мало изучена. Существующие на сегодняшний день работы по дидактике фразеологизмов при изучении иностранного языка не учитывают основные потребности переводчика, то есть это работы, которые обращаются к теме перевода с чисто лингвистической точки зрения без прагматического подхода. В этом смысле необходимо разработать и применить новый дидактический и переводческий подход, позволяющий решать вопросы, связанные с идентификацией фразеологизмов, с учетом контекста или коммуникативной ситуации, что включает понятие буквального значения, которое дается по умолчанию, и его идиоматическая интерпретация в конкретном контексте, а также собственный поиск фразеологических соответствий. Задача перевода фразеологизмов — это больше, чем сознательный поиск в лексическом репертуаре двух языков. Каждый переводчик постоянно интерпретирует тексты, отражая, в свою очередь, взаимосвязь между явными, подразумеваемыми и понятыми сообщениями в исходном тексте. На сегодняшний день много авторов подчеркивают важность фразеологизмов в

коммуникативной компетенции носителя языка и необходимость развития фразеологической компетенции у изучающих иностранные языки. Однако из-за языковой интерференции процесс преподавания и обучения в этой области часто затруднен.

Ключевые слова: фразеология, языковая интерференция, коммуникативная ситуация, процесс перевода, прагматика.

Introduction

Today it is indisputable to deny that translation as a tool for the transmission of cultures and as a means of communication has become a social phenomenon. For this reason, it is important that the translator, in his role as mediator, handles important elements that go beyond the content of the sentences. In the process of translation, the requirements that the translator must face imposing a double direction, translating from a foreign language (L2) into a native language (L1) and vice versa. To perform this function, the translator must have a high degree of text literacy to move in both directions.

A phraseological unit as a translation unit in itself presents a difficulty at any stage of the translation process. First, it is the recognition of a specific phraseological unit in the original text. If there is no phraseological unit, then the translation of the context is transmitted without taking into account the contribution of the phraseological unit of the source text under consideration. In these circumstances, intercultural and interlingual mediation of the translator becomes impossible, since the contribution of a phraseological unit that has not been recognized or, if it has been recognized, has not been correctly interpreted, can hardly be transferred to the target text. However, the translator is faced with the internal difficulty of creating a new text that somehow reflects the contextual-semantic renewal of the unit, its implicatures, and its global pragmatic-textual function, within which they are enclosed in the possible effects of creative manipulation in the context.

Taking into account the role played by the translator as an advanced user of two or more languages, it is not surprising that the study of translations of phraseological units is now beginning to be imposed as an object of research [Corpas, 2003, p. 22]. The presence of phraseological units in the text tends to increase the complexity of translation, and there are several authors on this issue [Sevilla, 2009, p. eight]; [Mogorrón, 2002, p. 13]; [Bango, 2004, p. 7], which consider the relationship between translation and phraseology, both from the point of view of globalization, for example, analysis of the methods of translation of phraseology and varying degrees of equivalence or inequality, as well as translation of a certain type of phraseological units.

The study of interlanguage equivalence is one of the topical topics that continues to arouse interest both in the field of contrastive linguistics and in the world of translation and interpretation. Interlanguage equivalence, as we mentioned earlier, is understood as the correspondence of the meaning of two lexical units belonging to two different languages. However, in the field of phraseology, given its complexity, according to Koller [1992, p. 24], it is necessary to distinguish between systemic equivalence (langue) and textual equivalence (parole). Systemic equivalence refers, as the name suggests, to the language system as a set of signs stored in the mental vocabulary of each person. In other words, it is about the general equivalence of two different linguistic codes. On the other hand, textual equivalence is always associated with the text, so the phraseological unit under consideration will completely depend on the context in which it is strung. This, translated into a phraseological context, emphasizes the originality of the text, and in many cases makes translation equivalence a difficult task for professionals.

At the phraseological level, functional equivalence considers situations of use and also assumes the possibility of equivalence through a simple lexeme (in Russian, *проболтаться*, and Spanish - *irse de la lengua* (literal. To leave the tongue). Lexicographic equivalence should be obtained by analyzing the behavior of phraseological units at this level. In addition, in dictionaries, it is advisable to explain, together with equivalences in the target language, possible restrictions on

use, combinatorial problems, or discrepancies in the structure of the meaning of the corresponding phraseological units, individual words, sentences for the translation of a given phraseological unit cannot simply be considered as functional equivalents in the lexicographic sense, since translations represent a very diverse typology from paraphrasing to phrases and phrases and even the very elimination of phrases in the target language, since there is no valid match.

This explains why there are discrepancies between the equivalence of a certain phraseological unit in the text and the equivalence that we can find for this unit in dictionaries [Piitulainen, 2006, p. 20]. On the other hand, concerning textual equivalence, Torrent-Lenzen [2012, p. 6] considers it expedient to speak of full, partial, or zero equivalence, since for a correct translation of a text, equivalence must always be completed. This means that the text equivalent cannot be a phraseological unit in the target language, since the main character is the text as a whole, and therefore it is the text, taking into account the communicative situation, to choose the equivalent phraseological unit.

Methods and Material

According to Zuluaga [1990, p. 24], the first step to translating a text in the presence of phraseological units is its analysis. According to the author, the text should not have any restrictions that may be imposed on the prospect of translation into a particular language. First, it is necessary to clarify the subject matter, function, and contexts, not only historical and cultural but also geographic. For example, the Russian expressions “язык до Киева доведёт” and “Москва не сразу строилась” refer to the geographical regions of historical events that took place in the Russian region or on the territory of the former USSR. The first example, which translates as “la lengua nos llevará a Kiev”, means that by asking (with your tongue) you get to Rome (Kiev). The second example “Zamora no se ganó en una hora” means a certain lengthy construction process, that is, a possible analog in Spanish would be “Zamora no se ganó en una hora”. This analysis should also reveal the structure of the text, that is, parts or units of the text and, above all, their relationship to each other. Written procedures such as symbols, metaphors, comparisons, exaggerations, irony, and repetition are as important as the syntactic structures of text segments and some specific aspects of vocabulary [Stolze, 1994, p. 13].

Discussion

In the phraseological field in the analysis of interlanguage equivalence, six parameters are considered essential at the system level [Hessky, 1987, p. 6]; [Korhonen, 1998, p. 3]; [Mellado Blanco, 2010, p. 2]. Among the parameters are lexical components, morphosyntactic structure, image, semantic expansion and structure, connotative-pragmatic component, and syntagmatic combinatorial element. However, in this work, only the connotative-pragmatic component will be studied, since we consider it most relevant when working with phraseological units that depend on the context created within the framework of a given culture.

Often, vocabulary can differ from one language to another, which can lead to cross-lingual interference. So, for example, in Russian “волосы дыбом встали”, which in Spanish “ponérsele a alguien los pelos de punta” (literally put someone's hair at the end) represents the corresponding global image of the word “волосы / pelos”. Lexically, they are expressed in different ways. Differing lexical components in both languages may or may not belong to the same conceptual field. An example of equivalent phraseological units with divergent lexemes that do not belong to the same field is the Russian expression “провал в памяти” and in Spanish “tener lagunas [лагуны] en la memoria”).

Results

Based on the fact that at present no linguistic expression can be interpreted without translation, the translation process is considered an equivalence relation between two texts, that is, if one text is a translation of the other (there must be an equivalence relation between them) [Snell-Hornby, 1986, p. 2]. However, the problem of linguistic equivalence between the two codes arises as a relative concept [Albrecht, 1990, p. 4], that is, when translating, it is difficult to talk about

absolute or complete equivalence, but rather about partial equivalence. That is, a similarity is established with the original text from certain points of view and various characteristics. Therefore, the style of the text, the impact it can have on recipients, the social value, or even the symbolism it can represent in the community must be taken into account.

For example, in the case of the Russian verbal idiom “иметь язык без костей”, which would correspond to the Spanish equivalent “no tener pelos [hair] en la lengua,” the noun hair could be equivalent to the bone in Russian. In Russian, the expression *язык без волос (language without hair) cannot be used, since such a concept is not considered appropriate in its natural and cultural environment, therefore the noun bone is chosen. Both nouns hair and bone do not correspond in their meaning, but they are good equivalents, since they correspond from a conceptual point of view, since both concepts are part of the same conceptual map, that is, parts of the human body and from the point of view of social value both words denote the meaning of something that does not fit into its natural environment in the respective languages and cultures.

The same thing happens with the Russian expression “язык на плече”, which denotes fatigue or exhaustion and introduces the concept of sticking out the tongue, as dogs do, to breathe in such a way that the tongue reaches shoulder level. However, this would be a literal translation only as a result of misinformation or linguistic tracing from Russian into Spanish, since its closest analog, in this case, would be “estar con la lengua afuera” (literally, to be with the language outside).

In this sense, as we have already mentioned, equivalence is established in terms of translation units or texts as a whole, and not in words taken separately. Concerning translation units, Jakobson [1958, p. 22] also indicates that when translating between different languages, messages in one language are replaced not by separate code units, but by complete messages in another language. This explains why the use of dictionaries for translation is relative, many of them do not take into account the communicative situation and offer a literal translation, which can be seen in the examples of online dictionaries above.

Precisely because words are not translated as units of code, but words in their real functionality, that is, in sentences that have meaning in themselves, the equivalence relation can be defined as units or expressions of different languages that can be put into mutual correspondence. based on identifying common features and situations in the cultures in which they function, so we can say that these units have the same application [Lyons, 1968, p. 10]. Another translation problem that we face in translation is related to some practical procedures, such as borrowing, tracing, neologisms, or semantic changes.

Conclusion

This article emphasizes the importance of phraseological didactics in translation, since to date, in the field of translation, no pedagogical materials have been found directly devoted to this training. Translation training implies working simultaneously with two languages and a constant translation operation, which in the case of phraseological units has an internal difficulty that can arise at two main stages of the process: when referring to the text in the source language and the case of translation into the target language. The translator is obliged to develop his phraseological competence in his two working languages and his translation competence in parallel, as well as acquire methods that allow him to identify and understand phraseological units in this context to search for phraseological matches.

With the help of such a comparative analysis of translations in the phraseology of the Russian and Spanish languages, one can make sure that, given the nature of phraseological units as linguistic units reflecting the linguistic, cultural, social, historical, pragmatic, and emotional aspects of the linguistic community, their translation becomes difficult, because the procedures used are not always retained these aspects, resulting in a significant loss of meaning in the target text. On the other hand, textual equivalence can be seriously affected by the lack of phraseological competence of the translator, since non-identification or erroneous interpretation of phraseological units in the source text can lead to an undetectable pragmatic error when simply reading the target text.

Finally, it should be noted that phraseological equivalence between two languages is a continuum that goes from complete equivalence to zero equivalence, which sometimes makes it difficult to carry out strict demarcation in classification. Therefore, to determine the suitability of the units used in translation, it is recommended to adhere to the sociolinguistic context of the source text.

References

- Albrecht, J. (1990): "Invarianz, Äquivalenz, Adäquatheit, Übersetzungswissenschaft: Ergebnisse und Perspektiven". Hg. von Arntz und G. Thone, Tübingen, Narr, 2, pp. 71-81.
- Bango, F. (2004): "Sobre la (in)equivalencia de las UFs: el caso de las locuciones", *Anales de Filología Francesa*, 12, pp. 21-38.
- Corpas, G. (2003): "Fraseología y traducción", en Gloria Corpas Pastor (ed.): *Diez años de investigación en fraseología: análisis sintáctico-semánticos, contrastivos y traductológicos*, Madrid/ Frankfurt a.M.: Vervuert, pp. 245-273.
- Corpas, G. (2007): "Europäisimen — von Natur aus phraseologische Äquivalente? Von blauem Blut und sangre azul", en Martina Emsel y Juan Cuartero Otal (eds.), *Brücken: Übersetzen und interkulturelle Kommunikationen. Festschrift für Gerd Wotjak zum 65. Geburtstag*, Berlin: Peter Lang, pp. 65-77.
- Hessky, R. (1987): *Phraseologie. Linguistische Grundfragen und kontrastives Modell deutsch-ungarisch*, Tübingen: Niemeyer.
- Jakobson, R. (1958): "On Linguistic Aspects of Translation", *On Translation*, ed. R. Brower. Cambridge Mass: Harvard Univ. Press, 3, pp. 232-239.
- Koller, W. (1992): *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*, Heidelberg / Wiesbaden: Quelle & Meyer.
- Korhonen, J. (1998): "Acerca de la investigación de la fraseología contrastiva inerlingüística", manuscrito de la ponencia pronunciada en el congreso *Tendencias en las Investigaciones Fraseológicas y Paremiológicas* (Univ. Complutense de Madrid, 4-5 Mayo 1998), pp. 1-10.
- Lyons, J. (1968): *Introduction in Theoretical Linguistics*. Cambridge.
- Mellado blanco, C. (2010): "Die phraseologische Äquivalenz auf der System- und Textebene", en Jarmo Korhonen et al. (eds.): *Phraseologie global - areal - regional*, Tübingen: Narr, pp. 277-284.
- Mogorrón, P. (2002): *La expresividad en las locuciones verbales españolas y francesas*. Alicante: Publicaciones de la Universidad de Alicante.
- Piitulainen, M. (2006): "Äquivalenz im Wörterbuch und im Text. Am Beispiel deutscher Verbidiome und ihrer finnischen Entsprechungen", en Ulrich Breuer e Irma Hyvärinen (eds.): *Wörter - Verbindungen. Festschrift für Jarmo Korhonen zum 60. Geburtstag*, Frankfurt a.M.: Peter Lang, pp. 237-246.
- Sevilla, M. (2009): "Procedimientos de traducción (inglés-español) de locuciones en contexto", *Paremia*, 18, pp. 197-207.
- Snell-hornby, M. (1986): "Übersetzen, Sprache, Kultur", en Mary Snell-Hornby (ed.): *Übersetzungswissenschaft - Eine Neuorientierung. Zur Integrierung von Theorie und Praxis*, Tübingen: Francke, pp. 9-29.
- Stolze, R. (1994): "Übersetzungstheorien". Tübingen: Narr. *Zar Bedeutung von Henneneutik und Textlinguistic beim Übersetzen*, (2), pp. 133-160.
- Torrent-lenzen, A. (2012): "Los conceptos relativos a la equivalencia traductora en el campo de la fraseología: revisión crítica y propuestas", en Heike van Lawick y Brigitte Jurku (eds.): *Performanz & Translation*, Berlin et al.: Lit Verlag, pp. 273-286.
- Zuluaga, A. (1990): "Spanische Phraseologie". *Lexikon der Romanischen Linguistik VI*, 1. Tübingen: Niemeyer, 3, pp. 125-131.

S. RUBTSOVA

St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

LINGUACULTURAL ASPECTS OF TEACHING ESP AND TRANSLATION FROM THE PERSPECTIVE OF INTERTEXTUALITY IN THE CONTEXT OF PLURICULTURALISM

The importance of the issues of teaching ESP and translation/interpreting from the perspective of a foreign culture has long been under discussion (Byram M., Han Y., Palmer G.B., Sharifian F, Shuang L.), studying the national character, mentality and behavioral stereotypes of the target language speakers being one of them. In the era of globalization, internationalization of education, pluriculturalism and multilingualism teaching ESP should facilitate multicultural/cross-cultural/intercultural transferable skills of graduates. Interestingly, even such a skill as mobility depends on the ability to adjust to studying/working in a different cultural environment. To avoid a cultural shock or a communication failure it is essential to acquire a good command of cultural background knowledge, to develop an understanding of and respect to a different culture. On top of that, an absolute must is getting acquainted with the precedent phenomena in common usage, well-known to the target language community, such as biblical phraseologisms, catch phrases from films, television shows, works of literature, cartoons, etc. (Rubtsova S.). Precedent phenomena are regarded from the perspective of intertextuality.

Key words: intertextuality, precedent phenomena, pluriculturalism, intercultural competence, linguacultural, cultural code

С.Ю. РУБЦОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ESP И ПЕРЕВОДА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПЛЮРИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Важность вопросов преподавания ESP и письменного/устного перевода с точки зрения иностранной культуры уже давно обсуждается (Байрам М., Хан Ю., Палмер Г.Б., Шарифиан Ф., Шуан Л.), одним из которых является изучение национального характера, менталитета и поведенческих стереотипов носителей целевого языка. В эпоху глобализации, интернационализации образования, плюрикультурализма и многоязычия преподавание ESP должно способствовать развитию мультикультурных/межкультурных/межкультурных передаваемых навыков выпускников. Интересно, что даже такой навык, как мобильность, зависит от способности адаптироваться к учебе/работе в другой культурной среде. Чтобы избежать культурного шока или сбоя в общении, важно хорошо владеть знаниями о культуре, развивать понимание и уважение к другой культуре. Кроме того, абсолютной необходимостью является знакомство с прецедентными явлениями в обиходе, хорошо известными сообществу изучаемого языка, такими как библейские фразеологизмы, крылатые фразы из фильмов, телевизионных шоу, произведений литературы, мультфильмов и т.д. (Рубцова С.). Прецедентные феномены рассматриваются с точки зрения интертекстуальности.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентные феномены, плюрикультурализм, межкультурная компетенция, лингвокультура, культурный код

This chapter covers the problem of integrating a linguacultural component in teaching ESP and translation in the vein of sustainable development in the sphere of higher education in the shadow of globalization and pluriculturalism according to the main goals of humanity defined by UNO.

The pluriculturalism of the modern world on the one hand, and the processes of globalization, on the other hand, the internationalization of education and research among other things, have set new goals for higher education in general and for teaching ESP and translation in particular. Along with the ideas of lifelong learning, individualization of education and inclusion, the focus is placed on facilitating linguacultural transferable competence, among other skills.

The importance of teaching a foreign language in terms of a foreign culture is emphasized by many authors (Byram M., 1997, 2002; Palmer G.B., Sharifian F., 2007; Shuang L., 2012; Han Y., 2012). In the era of globalization, academic mobility, pluriculturalism and plurilingualism, teaching ESP aims at facilitating primarily intercultural / multicultural/cross-cultural transferable skills of graduates with the focus on studying the national character, mentality and behavioral stereotypes of the target language community that find reflection in national concepts and language units. Such skills enable graduates to adjust to studying/working in different cultural environments. Thus, intercultural competence fosters maintaining effective professional communication across borders and broadens the horizons of cognition. Even a skill such as mobility depends on possessing intercultural competence. To lessen the repercussions of a cultural shock and to avoid communication failures in a new linguacultural milieu, it is essential to acquire a good command of cultural background knowledge of the target language, and to develop an understanding of a different culture. It is true that the world has always been multicultural due to racial, cultural and ethnic diversity. Through the process of globalization and immigration as well as the global Net, the process of different ethno-cultural groups communing with each other has been increasingly accelerating in such a way that the modern society is becoming a sort of an amalgamation of different ethnic groups and cultures, which interact and influence each other. The English language having become a lingua franca, it is unsurprising that being the bearer of British and American culture, it has a serious impact on other languages and cultures.

At an individual level, pluriculturalism refers to how individuals shape their cultural identity and interact with representatives of a different culture. At an international level, pluriculturalism is interconnected with globalization. In teaching ESP and translation, pluriculturalism refers to certain linguacultural skills. So, in the narrow sense of the word, pluriculturalism as an expression of linguacultural skills is cultural tolerance, respect to other cultures and desire to get closely acquainted with them without losing one's own national and cultural self-identity through the prism of the language, that is focusing on linguistic tools of expressing cultural diversity. The importance of incorporating linguacultural principles into the curricula of ESP and translation studies should not be under-estimated. The demand to integrate intercultural competence into teaching foreign languages and translation has become one of the state educational standards in the Russian Federation and at St Petersburg University. To implement the principles of pluriculturalism in the process of teaching ESP and professionally oriented translation/interpreting, it is necessary to initiate learners into the treasury of cultural background knowledge of the target language. Pluriculturalism of the modern world, thus, places priority on linguacultural aspects in teaching ESP and translation.

Intercultural/linguacultural competence presupposes mastering the entirety of cultural knowledge, embedded in the national language, and at the same time - readiness for evaluating language and cultural differences in the dialogue of cultures from the perspective of cultural values of humanity. Learning to speak a foreign language one develops an awareness of the

target language culture along with rethinking the basics of one's national cultural values, thus developing one's own national and international self-identity.

Intercultural competence is especially important for specialists such as economists-to-be and lawyers-to-be, to name but a few, whose professional activities call for intensive international communication. Intercultural skills are facilitative of mobility that is characteristic of modern professional and research context. Fostering intercultural competence helps overcome ethno-cultural stereotypes and prejudices that are barriers for intercultural dialogue. Special emphasis is placed upon studying peculiarities of the so-called national character, ethno-specific thinking and behavioral stereotypes. It is evident, for example, that unawareness of the famous British art of understatement can result in communication failures. For example, if one compares what an Anglophone says, with what the recipient thinks the latter means, and with what the Anglophone really means, one can see all the difference between the explicit utterance and the implication. E.g. An Englishman says: "See you some time." What the recipient would normally think: "He wants to see me again." What the Englishman possibly implies: "I am not really going to see you again, but I should sound polite."

To sum up, intercultural/linguacultural competence is mastering a web of cultural concepts embodied in the target language and the value-oriented interpretation of linguistic realities. In this context, the language is regarded as the form of expressing national culture, every discourse being a sort of interconnection of linguistic tools and cultural background knowledge, such as, for example, allusions to the history of the target language country or its folklore. Background knowledge information can be contained in a simple ordinary word or be present in the text as a so-called "vertical context" or "subtext", i.e. different kinds of implications, symbols, allusions, equivoques, eggcorns, etc. Such implications exist along with explicit utterances in one and the same discourse.

The linguacultural approach to teaching ESP infers teaching speaking etiquette, the so-called functions of English (how to refuse politely, how to express gratitude, etc.), i.e. the culture of professional and everyday communication, the basics of country studies, national customs and traditions, stereotypes of national language behavior and even peculiarities of the national body language, to mention but a few aspects. The linguacultural approach in teaching ESP facilitates creating a bicultural/multicultural personality thus implementing the ideas of pluriculturalism. A bilingual person is able to switch over from one linguistic and cultural code to another and back on these basic levels: cognitive, including the thesaurus or verbal semantic level, behavioral and ethno-cultural (Karaulov Y., 1987). According to research, even the brain of a bilingual person does not work in the same way as that of a monolingual person. More areas of brain such as parietal and temporal are activated. The principle of maintaining the dialogue of language and culture in teaching languages and in translation studies, learning a language as a phenomenon of culture, the preserver thereof and the means of transferring cultural knowledge and folk memory from generation to generation, shapes pluricultural worldview of learners.

It is also noteworthy, that in the context of digitalization "...the concept of intercultural competence has been given a new meaning through the use of computer-mediated communication...to foster interaction in the L2 between native and non-native speakers (NNS) and among NNS, and to enable them to access and manipulate foreign cultural environments." (Kramsch C., 2013).

From the perspective of cognitive linguistics, communicating in a foreign language means perceiving (decoding) one type of information and transforming (encoding) it into another one. Thus, it is essential to integrate linguacultural "frames" of background knowledge into the curricula of ESP and translation studies in the sphere of professional communication. ESP learners in every specific field should study certain cultural values, corporate culture standards, verbal and non-verbal communication stereotypes, professional jargon characteristic not only of different cultures, but of various social strata as well.

Communication success or failure depends on cultural competence of communicators, that is to what extent their worldviews overlap, as well as on sharing allusions, reminiscences and associations on the ground of common linguacultural knowledge.

Every language offers a ready-made interpretation of the world, a *Weltanschauung*, a sort of metaphysical world-picture, the important constituent of which is cultural awareness in all its diversity. It is the worldview of an individual or a group. The term is attributed to W. Humboldt. *Weltanschauung* means "fundamental cognitive, affective, and evaluative presuppositions a group of people make about the nature of things, and which they use to order their lives". (Hiebert P., 2008). Thus, *Weltanschauung* is the fundamental cognitive orientation of an individual or society encompassing the entirety of the individual or society's knowledge and point of view.

In terms of cognitive linguistics each language has a set of specific concepts. Concept is one of the main terms of cognitive linguistics. A concept comprises both the content of a notion and a certain informational frame of the national cultural awareness combined with personal perception based on individual experience, individual education and background knowledge, national folklore, customs and traditions, religion, the system of values and personal imagination and allusions. The web of concepts constitutes the national sphere of concepts or *conceptosphere* that forms the *Weltanschauung* of a native speaker.

Conceptosphere is the systemized web of national concepts, the database of way of thinking and national mentality. The term was introduced by academician Dmitry Likhachev. "The richer the culture of a nation, its folklore, literature, science, fine arts, historical experience, religion, the richer its *conceptosphere*." (Likhachev D., 1993: p.5). He also argues that the richness of any language is determined not only by its lexis and grammatical apparatus, but first and utmost by its *conceptosphere*, in the context whereof the national *lingua persona* is formed. (Likhachev D., 1997: p.287).

The national *conceptosphere* as a constituent of *Weltanschauung* is also called a cultural code, which is sometimes construed as a taxonomic substrate of precedent texts. (Teliya V., 1999). Cultural code or cultural background knowledge is transferred into discourse among other means by precedent phenomena (Karaulov Y., 1987; Sliyshkin G., 2000).

Precedent phenomena (including precedent units and precedent texts) constitute a complicated web in the cultural code of a native speaker, which can be both national and individual. The aim of teaching ESP and translation skills effectively is to introduce students to the target language cultural code. The more profound such knowledge is, the more effective the intercultural communication. Ideally, precedent phenomena are to evoke more or less the same allusions in native speaker's and language learner's mind. To be a fluent speaker or a good translator/interpreter, it is vital to have a good command of precedent phenomena in common usage, well-known to the target language community, such as biblical quotations, catch phrases from films and works of literature, to mention but a few (Rubtsova S., 2005,2011,2015,2018). They constitute the essential part of the target language the *conceptosphere* expressing the national worldview. It is important to incorporate such linguacultural "frames" or "bits" of background knowledge as precedent phenomena into the syllabi of ESP and translation studies courses.

Such constituents of national *conceptosphere* as factual data (historical events, for instance), associations and allusions, figurative images, value attitudes, connected in native speaker's mind with the texts known to him, constitute a special area of the national *conceptosphere* which is called "text *conceptosphere*" (Sliyshkin G., 2000). The most popular precedent texts are "the texts significant for a certain personality cognitively and emotionally, being of suprapersonal nature, which are well known to a wide network of contacts of the person in question, including the predecessors and contemporaries, and those which are repeatedly referred to in the discourse of this very person." (Karaulov Y., 1986: 105). The more often people refer to a certain text in the process of creating the new ones, the more valuable it is for a certain culture, which indicates that it is precedent.

It is important to emphasize that firstly, there exist precedent texts, known only to a narrow circle of users (a family catchphrase, a student group reminiscence of a funny situation or a practical joke, for example). Secondly, some texts are short-lived (a joke, a catchphrase from a film, an ad clip, etc.). Group and national precedent texts are of cultural value to a group or an ethnos. They can range from an appellative proper name (Napoleon) to a catchphrase, from a quotation to a poem/film/painting/theatre performance/saga, etc.

Precedent phenomena can be classified into microgroup, macrogroup, national and those universal for humanity. They shape a collective concept and function for a certain period of time, some of them being buzz-words and phrases only briefly and soon after being coined going out of date. They vary not only depending on social strata, ethnic or professional groups, but also from generation to generation, thus making the generation gap wider.

Some authors interpret works of art also as a sort of “texts” (Karaulov Y. 1987: 216), because the names and titles thereof constitute an essential bulk of the national fund of precedent units (titles of some popular films, paintings, etc.). There exist many types of precedent texts: citations, quasi-citations, aphorisms, author’s or character’s names, etc. that signal about the presence of an outsider/borrowed word or expression in the intertext. It is important to take into account that the majority of precedent units, especially proper names, do not refer to globally and even nationally well-known language units. For example, ‘the road to Canossa’ is unlikely to be understood by all representatives of a certain linguacultural community. Precedent phenomena or intertextual units (appellative names, historical and literary metaphors, textual reminiscences, etc.) can also mean different things and evoke different allusions, associations and interpretations for representatives of different cultures, social groups, professional groups and generations. For example, ‘ivory tower’ can be associated with Song of Solomon for those, who are knowledgeable in Biblical studies: “Thy neck is as a tower of ivory; thine eyes like the fishpools in Heshbon, by the gate of Bathrabbim: thy nose is as the tower of Lebanon which looketh toward Damascus”. (Song of Solomon. The Bible, King James Version, 7:4). This biblical allusion is to the notion of ivory towers as symbols of virginal purity. The contemporary figurative meaning is 1) a place of unworldly isolation; 2) a state of sheltered and unworldly intellectual isolation; seclusion or remoteness of attitude regarding real problems, everyday life; a condition or place, as academia, regarded as isolated or withdrawn from the practical affairs of society. For example, *Those who have examined innovation closely know that it is a myth that it comes from brilliant thinkers, let alone ones who live in ivory towers.* (The Sunday Times, 2017).

In aircraft engineering it is a vertical test stand. In American culture this expression is mainly used to criticize academics, especially from the Ivy League Universities for their snobbism.

There are cases of precedent phenomena turning in the course of time into conventional linguistic units thanks to the frequency of usage. For example, proper names turning into appellatives, like “mentor” – originally the name of the tutor of Telemachus, the son of Odyssey in Homer’s poem “Odyssey”, later popularized in the novel of a French author Fenelone (1699). “Telemachus’s adventures”. Some phrases from popular books or films can also turn into fixed expressions and turn into phraseological metaphors not bearing any associations with the original text in collective consciousness any more. The fixed expression “strange bedfellows” is hardly associated with the name of Shakespeare in the consciousness of native speakers anymore. The origin of it is the line “Misery acquaints a man with strange bedfellows” from the play “Tempest” by W. Shakespeare. E.g. *But charity unites strange bedfellows, and great names from disparate walks of life united yesterday to publicize one of the biggest donations in Oxford’s history.* (The Times, March 2012).

The titles of films can also be precedent texts: “Gone with the wind” being a line from the stance by Dowson, later – the title of the novel by M. Mitchell, popularized by the film, bears lots of allusions and implications not only for native speakers, both the novel and the film being popular worldwide thanks to very good translations and dubbing.

The theory of precedent phenomena is closely connected with that of intertextuality. Intertextuality is the shaping of texts’ meanings by other texts. J. Kristeva, who coined the term,

argued against the concept of a text as an isolated entity, which operates in a self-contained manner. She claimed that "... any text is constructed as mosaic of quotations; any text is the absorption and transformation of another." (Kristeva J., 1986), "... the writer is a reader of texts... before s/he is a creator of texts, and therefore the work of art is inevitably shot through with references, quotations, and influences of every kind" (M. Worton, J. Stills, 1990).

Thus, texts as communicative occurrences are characterised by their interdependence on other texts. In case of intercultural communication it is an "intercultural intertextuality".

Textual conceptosphere is a substantial corpus in the thesaurus of a linguistic persona. Linguistic reminiscences based on the units of textual conceptosphere are used in communication on a regular basis, sometimes for the sake of achieving a humorous effect. It is worth noting that sometimes one has difficulty "recognizing" a precedent phenomenon, because it can be outdated or used in a modified form as a quasi-citation. The modification can be accounted for either lack of accurate knowledge on the part of a speaker or by his/her desire to achieve a humorous effect, thus exercising the ludic function (wordplay/equivocality) of the language. For example, the intended modification of one of the well-known utterances of W. Churchill has a humorous effect: "*You know the PM's motto 'In defeat, malice. In victory, revenge' (TV series Yes, Minister), the original citation being 'In war, resolution; in defeat, defiance; in victory, magnanimity.'* Modifications of prominent citations can be an inexhaustible source of paradoxical sayings, such as Bernard Shaw's famous aphorism '*Lack of money is the root of all evil*' (the modified saying 'money is the root of all evil', tracing its roots to the Biblical 'For the love of money is the root of all evil...' [1 Timothy, 6:10, KJV]). Such modifications as specific figures of speech are not infrequently used in mass media, especially in the titles of newspaper articles, being eye-catching and emotionally expressive. E.g. *I Am, Therefore I Want (The NYT, 6 November 2005) – modified Decarte's "Cogito ergo sum" 'I think, therefore I am'.*

New anthropological approach to linguodidactics results in teaching principles being oriented at communicative, cognitive and linguacultural perspectives, with the focus on language as a phenomenon of culture in the first place and at the same time as a preserver thereof and the tool of categorization and conceptualization of the surrounding world, the basis for the formation of a language personality, this cultural code being passed over from generation to generation.

The linguacultural approach to teaching ESP and translation/interpreting facilitates creating a bilingual/multilingual and bicultural personality thus implementing the ideas of pluriculturalism. Not only do students master different ways of mental and language activities, but also develop communicative skills, empathy, tolerance, and shape the culture of feelings and emotions. Though first and utmost teaching ESP aims at giving learners the tools of overcoming cultural differences, filling up cognitive lacunae and helping "decipher" linguacultural implications in the process of communication or translation. In the era of digitalization, e-learning is of great value to this effect, enabling students to plunge into the virtual linguacultural space, giving them the opportunity to acquire both professional and linguacultural skills, which will help them overcome barriers in professional intercultural communication.

Our teaching practice shows that focusing on precedent phenomena and intertextual analysis of linguacultural implications in teaching both ESP and translation/interpreting broadens not only the horizons of the target language cultural knowledge, but also those of the native language.

References

- Byram, M. (1997) Teaching and assessing intercultural communicative competence. Clevedon: Multilingual Matters.
- Byram, M. et al. (2002) Developing Intercultural Dimension in Language Teaching. Strasbourg.
- Han, Y. (2012) Intercultural Competence in Technical Communication: A Working Definition and Review of Assessment Methods, *Technical Communication Quarterly*, 21:2, pp. 168-186.
- Hiebert, P. G. (2008) Transforming Worldviews: an anthropological understanding of how people change. Grand Rapids, Mich.: Baker Academic.
- Karaulov, Yu.N. (1986) Role of precedent text in the structure and functioning of linguistic personality// Scientific traditions and new directions in teaching of Russian and literature:

- Lectures of soviet delegation on the 6th congress of MAPRYAL [Rol pretsedentnogo teksta v strukture i funkcionirovanii yazykovoi lichnosti]. Nauchnye traditsii i novye napravleniia v prepodavanii russkogo yazyka I literary: Doklady sovet'skoi delegatsii na VI kongresse MAPRJaL]. Moscow, pp. 105-123. (in Russian)
- Karaulov, Y. (1987) The Russian language and persona lingua. [Russkij yazyk I yazykovaja lichnost.] Moscow: Nauka. (in Russian)
- Kramsch, C. (2013) Culture in foreign language teaching. In: Iranian Journal of Language Teaching Research 1 (1), pp. 57-78.
- Kristeva, Julia. (1986) 'Word, dialogue and novel'. The Kristeva Reader, Ed. Toril Moi, New York: Columbia University Press.
- Likhachev, D. (1997) The conceptsphere of the Russian language. // Russian philology. From the theory of philology to the text structure: anthology. [Konceptosfera russkogo yazyka// Russkaya slovesnost. Ot teorii slovesnosti k structure teksta:antologija]. Moscow, pp 280-287.
- Palmer, G.B. & Sharifian, F. (2007) Applied Cultural Linguistics: Implications for second language learning and intercultural communication. - John Benjamins Publishing Co.
- Rubtsova, S. (2005) Biblical phrases with proper names from the perspective of the difficulties of translating. Papers of VII International Philological Conference in Translation studies "Fedorovskiye chteniya". Ed, 7. Saint- Petersburg: Philological Faculty of SPb State University, pp. 430-445.
- Rubtsova, S. (2011) English precedent units with positive assessment connotations from the perspective of translation: Vestnik of Saint Petersburg State University. Edition 9. Philology. Oriental Studies. Journalism, № 1, pp. 152-185.
- Rubtsova, S. (2015) Modified precedent units with historical allusions in the English language. Difficulties of translating. Papers of XLIV International Philological Conference in Translation studies "Fedorovskiye chteniya". Ed, 24. Saint- Petersburg: Philological Faculty of SPb State University, pp. 104 – 120.
- Rubtsova, S. (2018) Integrating biblical and historical precedent unit awareness in teaching ESP in terms of media discourse. Convergence of ESP with other disciplines. Wilmington, Vernon Press, pp. 111-118.
- Shuang, L. (2012) Rethinking intercultural competence: Global and local nexus. Journal of Multicultural Discourses, 7:3, pp 269-275.
- Slyshkin, G. (2000) Linguacultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. Moscow: Academia.
- Slyshkin, G. (2000) From text to the symbol: lingual and culture concept of precedent texts in consciousness and discourse [Ot teksta k simvolu: lingvokulturnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse]. Moscow: Academia.
- Teliya, V. (1999) Urgent tasks and methodological issues of phraseological study of language in the context of culture.//Phraseology in the context of culture. [Pervoocheredniye zadachi I metodologicheskiye problemy issledivaniia frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'turyi.] Moscow: Languages of Russian culture, pp 13-24.
- Worton, M. & Stills, J. (1990) Introduction. Intertextuality: Theories and Practices. Manchester: Manchester University Press, 1-44, 1-2. 9.

R. SALAKHOVA
Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation

PECULIARITIES OF TRANSLATING DENOMINATIONS OF PERSONS AND INTERJECTIONS FROM THE TATAR INTO RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE WORKS OF F. YARULLIN)

The article examines the names of persons and interjections of the Tatar language from the point of view of their translation into Russian. The works of the famous tatar writer F. Yarullin (translated by E. Imbovits) were selected to study the translation features of this lexical units into Russian. The past few years have seen growing interest in studying the peculiarities of how emotions are expressed in written speech. A study of the works of linguists has shown that the most expressive means of conveying emotions are interjections and the name of a person, especially when addressed to it. This article is of scientific novelty as far as the interjections and names of persons seen in F. Yarullin`s works has not been analyzed in terms of ways of translation yet.

Key words: interjective units, names of persons, emotive vocabulary, literary translation, Tatar language, Russian language.

Р.Р. САЛАХОВА
Казанский федеральный университет
Казань, Российская федерация

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ И МЕЖДОМЕТИЙ С ТАТАРСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ Ф. ЯРУЛЛИН)

В статье рассматриваются имена лиц и междометия татарского языка с точки зрения их перевода на русский язык. Для изучения особенностей перевода данной лексической единицы на русский язык были отобраны произведения известного татарского писателя Ф. Яруллина (перевод Е. Имбовица). В последние несколько лет наблюдается растущий интерес к изучению особенностей выражения эмоций в письменной речи. Изучение работ лингвистов показало, что наиболее выразительными средствами передачи эмоций являются междометия и имя человека, особенно когда к нему обращаются. Данная статья представляет научную новизну, поскольку междометия и имена лиц, встречающиеся в произведениях Ф. Яруллина, еще не были проанализированы с точки зрения способов перевода.

Ключевые слова: междометные единицы, имена лиц, эмотивная лексика, художественный перевод, татарский язык, русский язык.

The life realities of our time on the one hand clearly demonstrate the need for knowledge and respect for the ethnic culture of the nation, and on the other hand, for learning the culture of other nations. Since ancient times, the history of Russian and Tatar peoples has had close economic, political and cultural ties, which led to wide range of literary, scientific, journalistic and other types of texts translated from one language to another. The specificity of a translated literary text is that it passes through the prism of translator's subjective ideas about a foreign culture and his interpretation of the original work, which largely depends on the life experience

and the literacy level of the translator. This, we think, explains the relevance of studying the specifics of comprehending the spiritual culture of another nation through translated works.

One of the most difficult tasks for a translator is the correct selection of a lexical unit aimed at the most complete transfer of the original meaning of each word from the text that is being translated. The most difficult and controversial, in our opinion, is translating denominations of persons and interjections. The way a person calls another person often shows his or her attitude towards this person. So, for example, in the Tatar language the words *äni*, *änkäj*, *irkäm*, *bäbkäm*, *sandugachym*, *egetlär* have different semantic shades. Calling their mother *änkäj*, Tatar people convey all the warmth and tenderness that they feel towards their mother. Using the word *egetlär* to denominate, for example, boys, the hero shows that he is optimistic for them [Sibgaeva, 2019, p. 261]. All this determines the importance of studying the specifics of translating denominations of persons in the original and translated works.

Interjections are emotional-volitional signals, purely subjective speech units that serve for the shortest and most direct expression of feelings, experiences and expression of volition: *a*, *ä*, *i*, *ih*, *ah*, *uf*, *aj-haj*, *chü*, *tss*, *jä* [Tatar grammar, 1993, p. 364]. The interjection gives the expression a national flavor, naturalness and emotionality. Considering the functioning of Tatar language interjections in a literary text and the peculiarities of their translation into Russian appears the most interesting to us. Thus, the article outlines some comments and approaches to the problematic.

Materials and methods

Studying denominations of persons and interjections in translation of a literary text based on the F. Yarullin's works seems appropriate to us, as the contribution of this writer to the Tatar poetry of the 80s of the last century – the beginning of the 21st century is invaluable. The abundance of language, psychological accuracy in revealing characters, the absence of empty sentences, the ability to simply and clearly convey the most difficult experiences - all these qualities determine the value of F. Yarullin's works not only for a discerning reader, literary critics, but also for linguists.

The theoretical basis of the research was the work of linguists in the field of translation studies [Komissarov, 1990], [Latyshev, 2005], [Salimova, 2012].

The leading research methods applied in the work were contextological, comparative methods. The main research method was the method of linguistic material observation. This method includes the study of factual material, generalization, interpretation and classification.

Results

The research carried out on the material of F. Yarullin's works and their translations into Russian made it possible to single out a number of specific features in translating denominations of persons.

The lexical unit *abzyj* is realized in translations using the translational transcription method. Thus, the national flavor and respectful appeal to the elder are preserved. Let's consider an example:

– *Bäräkät, sin Gyjlaçi abzyj ikänse* □ *ich*, – *dide Zäjtün, soldatny tanyp* [Yarullin, 2004, p. 65].

– *Da e'to zhe Gilyazhi-abzyj!* – *uznal ego Zajtun* [Yarullin, 1981, s. 22].

– *Oh, this is Gilyazhi-abzyi!* – *Zaytun recognized him* [Yarullin, 1981, p. 22].

Lexical units *üskänem*, *üskännärem* are often used by the older generation in relation to the younger. They show a shade of both love and a reverent attitude towards the younger generation. Since Russian language does not have an equivalent of this name and, as our observation on the material of translations of Fanis Yarullin's works shows, the method of omission is most often applied in this case. Here are some examples:

– *Mäle, üskänem, soldat közgesennän ber karap al. Kolak arty* □ *dagy mi* □ *e* □ *ne kürerse* □ *mikän* [Yarullin, 2002, p. 67].

Well, look at yourself. Can you see the mole that's behind your ear? [Yarullin, 1981, p. 23].

– *Nu-ka, posmotri na sebya. Uvidish' li rodinku, chto u tebya za uxmom?* [Yarullin, 1981, s. 23].

Some denominations of persons and appeals have a pronounced emotive connotation. For example:

– Rezin kam şäp chiertterde, ahry, abyem shunduk gyyryldaudan tuktady, eh itkänche sikerep toryp minem yakaga yabyshty:

– Nishlise□, et malae? – di [Yarullin, 2004, p. 24].

– Perepuganny`j artist vskochil, sprashivaet: – Ty` pochemu bezobraznichaesh? [Yarullin, 1981, s.13]

– The frightened artist jumped up and asked: – Why are you misbehaving? [Yarullin, 1981, p.13] In this case, we see that the translator is trying to compensate for the meaning of the expression “et malae” with the verb “misbehaving” (the Tatar version uses a neutral verb – “nishlise□”). However, we see that the expression of anger within the framework of the original work is presented much brighter, while a shade of fear from an unexpected action prevails in the translation.

Most often, translators manage to find an equivalent translation of emotionally marked denominations of persons. Let's consider a few examples:

– Tösh rul`dän, çebeğän. Utyrsyn änä ätie□ [Yarullin, 2004, p. 357].

– And translated into Russian:

– Otdaj rul` otczu, razmaznya, – opyat` skomandovala mat` [Yarullin, 2000, s.15].

– Give the steering wheel to your father, you namby-pamby, – again commanded the mother [Yarullin, 2000, p.15]

It is interesting to trace the peculiarities of using denominations between husband and wife in traditional Tatar families. In the second half of the twentieth century, such denominations äñise, ätise, änkäse, ätkäse are still widespread. Let's see how emotionally rich these expressions can be, sounding from the lips of a beloved husband and wife, who have lived together for most of their lives:

– Böten instrumentlarny kütärep ällä avylga kitim mikän, änkäse, – dide ul. – Üzemne□ tuyy üskän yaklarny da ber küräse kilä [Yarullin, 2004, p.140].

The Russian translation uses the equivalent of the word “ana” – “mother”. Let's read this sentence in translation:

– A chto, mat`, esli vzyat` da i maxnut` v derevnyu? I mesta, gde vy`ros, uvidet` xochetsya [Yarullin, 1981, s. 8].

– Well, mother, what if we just rush off to the village? I'd also love to see the places where I grew up [Yarullin, 1981, p. 8].

In our opinion, the translation text has more vernacular semantics. Perhaps it would have been possible to achieve a more accurate rendering of the stylistics if the method of omission had been used and the colloquial verb “to rush off to” was not used. We believe that the unity of souls, the urgent need to support one's thoughts, actions by another person can be conveyed, for example, by a sentence of the following content:

– A mozhet stoit sobrat` instrumenty` i poexat` v derevnyu? Davno ya ne by`val v mestax svoego detstva [Yarullin, 2000, s. 8].

– Maybe it is worth collecting tools and going to the village? I haven't been to the places of my childhood for a long time [Yarullin, 2000, c. 8].

Thus, the translator uses different methods of translation to convey the national specifics, the semantic load of denominations of persons: translational transcription, omission, selection of equivalent words.

Being mainly used in oral speech, interjections often express a person's emotional state. As the academic grammar correctly notes, “unlike intellectual words, that is, words with a subject-logical content, interjections entirely belong to the emotional sphere of the language” [Tatar grammar, 1993, p. 363]. As a rule, translation of interjections from Tatar into Russian does not present any particular difficulties for translators, since most Tatar interjections have equivalents in Russian [Salakhova, 2014, p. 196]. When translating some interjections, the method of zero transformation is used. Consider the following case:

- Fu, monnan da glupyjrak soraulary□ yukmy? [Yarullin, 2004, p. 50].
- Fu, couldn't you think of a more stupid question? [Yarullin, 1981, p.238].
- Fu, glupee voprosa ne pridumala? [Yarullin, 1981, 238].

In some cases, the difference between the original text and the translated text is only that in Russian the soft vowel is replaced by a hard one. For example, Tatar ä (ä-ä) can be translated as a (a-a). Let's give an example:

- Ä-ä Läjläbez ikän, – dide, – any□ shundyj öyanäge bar shul [Yarullin, 2000, p. 41].
- A-a, e`to nasha Lejla! U nee by`vayut takie pristupy` [Yarullin, 1981, s. 230].
- Ah, that's our Leila! She has these seizures [Yarullin, 1981, p. 230].

We believe that in this case the translator chose the most adequate version of the translation, since, firstly, both interjections semantically express conjecture, recognition, and secondly, the translation retains the lingering sound of the interjections from the original text.

It is interesting to consider the specifics of translating interjections formed by conversion from independent parts of speech or stable combinations.

Annary kisätep: “Kara any, monda tele□ne bik bäjdän ychkyndyrma”, – dip ysyldap kitte [Yarullin, 2002, p. 196].

No tut zhe proshipel: “Smotri, bol`no-to yazy`k ne raspuskaj” [Yarullin, 2000, s. 364].

But then he immediately hissed: “Look, don't let your tongue go too far” [Yarullin, 2000, p. 364].

As we can see, interjections formed by conversion are most often translated in an equivalent way, since the significant parts of speech that served as the basis for the formation of such interjections are the words of the active vocabulary, common in both languages. So, in the above case, the basis for the conversion is the imperative form of the verb “look”, which has the meaning of “directing your gaze somewhere to see” [Kuznetsov, 2000, p. 1219]. The imperative interjection formed by conversion denotes a warning, a threat.

However, such an equivalent translation is not always possible. Let's consider a case of translation for a simple interjection bäräkät, which has the semantics of sudden strong surprise:

- Bäräkät, sin Gyjlaçi abzyj ikänse□ ich, – dide Zajtün, soldatny tanyp [Yarullin, 2004, p. 65].
- Da e`to zhe Gilyazhi-abzyj`! – uznal ego Zajtun [Yarullin, 1981, s. 22].
- Oh well, this is Gilyazhi-abzyi! – Zaytun recognized him [Yarullin, 1981, p. 22].

In Russian, the translator used the particle “да”-“ well”, which in this case is used to add more expressiveness to what was said. The translation can be considered adequate, but it would be possible not to replace one part of speech with another, but to use the equivalent interjections of the Russian language proposed by dictionaries [Tatarcha-ruscha sozlek, 2007: p. 221]. In this context, it seems appropriate to us to use the Russian interjection “ба-а”- “heigh”.

Scientists note that “traditionally, words addressing to mythical creatures and ancestors are also considered as part of emotional interjections” [Tatar grammar, 1993, p. 373]. F. Yarullin actively uses this group of interjections. As our observations show, they are most often used in combination with primary interjections such as uf, ekh, i (uh, eh, and) and others.

In the example below, the religious formula “Allaga shöker”, which has the semantics of deep satisfaction and gratitude to the creator, acts as an interjection.

For example: Bashka balalarym alyp kitkändä, kü□eldä çi□ellek toep: “Allaga shöker, tagyn ber narasybezyz üz bäheten tapy”, – dip sönenep kala idek [Yarullin, 2000, p. 114].

Kogda zabilali drugix detej, my`, provozhaya ix, radovalis`: “Slava Allaxu, eshhe odin nash maly`sh obrel rodnoe gnezdy`shko” [Yarullin, 1981, s. 293].

When they took other children, we, seeing them off, rejoiced: “Glory to Allah, another one of our babies has found a home.” [Yarullin, 1981, p. 293].

In this case, the translator uses the transcription method in relation to the “Аллаһ” component. Thus, in addition to adequate translation, national and religious connotations are preserved as much as possible. However, in some cases, the translator prefers to use the word “Lord”, considering it equivalent to the word “Allah”. Let's give an example:

- Aj Allam, harap ikän. Alarny aldyjm, imesh [Yarullin, 2000, p. 28].
- O Gospodi, podumaesh`. Obmany`vayu, vidite li [Yarullin, 2000, s. 219].

– Oh Lord, what's the big deal? I'm cheating, if you please [Yarullin, 2000, p. 219].

As our observations show, there is a tendency to use the words God, Lord when translating into Russian, if the exclamations have negative semantics (complaints, indignations, and so on) and the use of the method of transcribing interjections with the component Allah, Hodai, Rabbe, etc., if they have positive semantics. However, in our opinion, this approach does not always justify itself, for example, in the last sentence, even the Russian reader does not quite understand why an elderly Tatar woman used the word Lord instead of Allah. Perhaps it would be appropriate to use the interjection я Аллах or omit the first component and use the interjection я Аллах.

In the works of F. Yarullin, there is an interesting Tatar interjection – ästägyfirulla (ästäg"firulla). Lexicographic sources define it as an interjection with religious semantics, expressing surprise, bewilderment, confusion and, as equivalent words, offer such compound interjections of the Russian language as get real!; for God's sake [Татарча-русча сүзлек, 2007, p. 177]. We have noted a case when this interjection was translated by means of the word combination Oh my God:

Ästägyfirulla! Menä ishetmäsä □ ishet. Vasyany bish jöz sumga strahovat' itüem bolarga any □ äniläre salgan bish me □ sum bulyp ireshkän! [Yarullin, 2000: 92].

Oh my God! Blimey! The very five hundred rubles for which I insured Vasya, the rumor turned into five thousand! [Yarullin, 2000, p. 274].

It still seems to us that it would be more preferable to use the interjection for God's sake in this context, because otherwise the semantics of confusion and bewilderment are lost and only the semantics of surprise remains.

Summary

Thus, our observation allows us to conclude that the translation of interjections and vocatives requires from a translator a subtle and deep understanding of the meaning of the text, the idea of the work, since the polysemy of these parts of speech may otherwise cause their incorrect use. Most interjections, especially imperative and especially those formed with the help of conversion, have an equivalent version in Russian. However, one must be careful when translating such interjections as bäräkät, söbhanalla, Allaga şöker etc., since full equivalents of such words are not observed in Russian. Special care is also required when translating stable combinations, one of the components of which is the interjection. In the absence of an equivalent phraseological unit in the translation language, the use of non-equivalent translation methods is allowed. For example, we have recorded cases of using the methods of omission and replacement.

Thus, we can say that the translation of a literary work has a number of peculiarities that require the translator to possess not only knowledge of the source and the translation language, but also the cultural characteristics of speakers of both languages, the creativity of the author of the original text. In addition, literary translation implies presence of translation competence and does not exclude the search for solutions to those especially complex artistic and aesthetic problems that specialists in the field of literary translation tirelessly talk about. It is necessary not only to know both languages, but to know them “in translation,” that is, in combination with the rules and conditions for the transition of units of one language into units of another, from one culture to another.

Conclusions

E. Imbovitz's translation can be characterized as rather short, relatively free. The translator was able to convey the main content and the ideas of the work to the reader; however, due to the rather frequent use of the omission method, it is not always possible to clearly characterize the hero, to accurately convey his psychological state. The works of F. Yarullin are recognized as belonging to classics of modern Tatar literature, so the translator should rather omit intruders carefully, as she thinks. Nevertheless, in most cases, the translator manages to achieve the adequacy of translation via use of compensation methods, lexical and semantic replacement. Interjections were mainly translated by the equivalent method, yet we identified certain lexical

units (bäräkät, söbhanalla, Allaga şöker etc.) that do not have an equivalent in Russian. Also, when translating interjections, the methods of omission and replacement are used relatively rarely.

In our opinion, works of Tatar literature translated into Russian also require scientific research from the aspect of emotive vocabulary usage. So, we hope that the results and outcomes of our work will serve as a foundation for further research in the field of literary translation.

Sources

- Yarullin F. First furrow / authorized translation from Tatar by E. Imbovitz. Moscow: Soviet Russia, 1981.144 p.
- Yarullin F. Yaraly yazмышlar = Grass blades in the wind = The Ways of Fate. - Kazan: "Rukhiyat" Publishing House, 2000. 440 p.
- Yarullin F. Sajlanma äsärälär. Bish tomda. 3 T.: hikäyälär. - Kazan: Tatar Publishing House, 2004.495 b.
- Yarullin F. Sajlanma äsärälär. - Kazan: Heter, 2002.480 p.

Dictionaries

- Kuznetsov S. Big explanatory dictionary. St. Petersburg: Norint, 2000.1536 p.
- Tatar-Russian dictionary. In two volumes. Vol. 1. (A - L). Kazan: Megarif, 2007.728 p.
- Tatar-Russian dictionary. In two volumes. Vol.2 (M - Z). Kazan: Megarif, 2007.726 p.

References

- Komissarov, V. (1990) The theory of translation (linguistic aspects): Textbook. for institutes and foreign. lang. M.: Higher. shk. (in Russian)
- Latyshev, L. (2005) Technology of translation: Textbook. Moscow: Ed. Center "Academy". (in Russian)
- Salakhova, R.R. (2014) Features of the translation of Tatar interjections on the example of A. Eniki's story "The Copper Bell"//Philology and Culture. 2014. No. 4 (38). Kazan: Publishing house of KFU, pp. 195-199.
- Sibgaeva, F., Salakhova, R., Mukhamedova S. (2019) Representation of person emotional state in the Tatar Language picture of the world //AD ALTA-Journal of Interdisciplinary Research, vol. 7, Special Issue. - pp. 260-262.
- Salimova, D. & Timerkhanov, A. (2012) Bilingualism and translation: theory and research experience. Moscow: Flinta: Nauka. (in Russian)
- Tatar grammar. In three volumes. Vol.2: Morphology / ed. board M. Zakiev, F. Ganiev, K. Zinnatullina. Kazan: Tat. book publishing house, 1993.

UDC 372.881.111.1

I. SALAMATINA, T. KOVALEVA

State University of Humanities and Social Studies
Kolomna, Russian Federation

TRENDS IN MODERN EDUCATION: THE PHENOMENON OF E-LEARNING

The article is dedicated to analyze the phenomenon of "e-learning" in the market of educational services. They also use such definitions as "distance learning", "distance education", "distance

learning system". Definitely, all concepts are sometimes used as synonyms and have points of intersection, but none of them fully characterizes the other and carries a self-sufficient semantic load. But we must remember that e-learning has both advantages and disadvantages. Today it is necessary to take care of a comprehensive solution to problems, because it is obvious that e-learning is an ingrained reality that penetrates into all spheres of modern educational processes.

Key words: e-learning, education, Internet technologies, informatization of education, multimedia, distance learning methods

И.И. САЛАМАТИНА, Т.А. КОВАЛЕВА

Государственный социально-гуманитарный университет
Коломна, Российская Федерация

ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: КОНЦЕПЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена изучению феномена “электронное обучение” на рынке образовательных услуг. Для ее определения используются такие понятия, как “дистанционное обучение”, “дистанционное образование”, “система дистанционного обучения”. Определенно, все понятия иногда используются как синонимы и имеют точки пересечения, но ни одно из них полностью не характеризует другое и не несет самостоятельной смысловой нагрузки. Но мы должны помнить, что электронное обучение имеет как преимущества, так и недостатки. Сегодня необходимо позаботиться о комплексном решении проблем, потому что очевидно, что электронное обучение - это укоренившаяся реальность, которая проникает во все сферы современных образовательных процессов.

Ключевые слова: электронное обучение, образование, Интернет-технологии, информатизация образования, мультимедиа, дистанционные методы обучения

In the system of education there is a very advanced professional community aimed at introducing innovations in the learning process, particularly the widespread use of E-learning projects.

A wide range of scientific and pedagogical community is accustomed to the term "informatization of education", since 1996 it has been used both in documents and in scientific publications. Indeed, informatization is an objective, universal and natural process that manifests itself in various spheres of human life. In the field of education, this is the process of providing its methodology and practice for the development and optimal use of ICT tools aimed at improving the mechanisms of management of the education system, updating the methodology and organizational forms of training, intellectualization of the teacher and the student's activities, the use of integrated methods of control and assessment of knowledge [National standard of the Russian Federation, 2006, p. 6].

E-learning is the cause of significant changes in the very definition of the approach to education, as well as changes in the understanding of how it should be organized and managed [Lapchik, 2013, p. 5]. With the development of e-learning, managers and methodologists of universities and schools began to engage in various activities that require the development of new algorithms of interaction with students and search for alternatives to solve emerging problems that go beyond educational issues.

Before assessing the effectiveness of the introduction of e-learning in the process of teaching foreign languages, it is necessary to understand what this concept includes. It is known that to determine this phenomenon in the market of educational services different scientists (Gevorgyan E.N., Panina T.S., Vavilova L.N., Lapchik M. P.) use different definitions, such as "e-learning" (learning with the help of ICT); "blended learning" (a combination of online learning with face-to-face or offline learning); "distance learning" (e-learning using mobile devices, unlimited

location or changing the location of the student); "offline learning" (learning using a computer without connecting to the information and telecommunications environment).

Definitely, all concepts are sometimes used as synonyms and have points of intersection, but none of them fully characterizes the other and carries a self-sufficient semantic load. In distance learning, there is no difference how the learning materials will be delivered, while e-learning involves the same process of delivering learning materials from a teacher to a student, but only in an electronic form [National standard of the Russian Federation, 2006, p. 4].

Over the past 20 years, the percentage of Internet technologies in education has reached high levels, which led to the formation of a more specific and capacious term "e-learning". The European Commission defines e-learning as "the use of new multimedia and Internet technologies to improve the quality of learning by improving access to resources and services, as well as sharing and collaboration of remote knowledge" [UNESCO between the two phases of the world summit on the information society, 2005, p. 205]. UNESCO researchers briefly characterize e-learning as learning through the Internet and multimedia.

A wide range of the scientific and pedagogical community is familiar with the term "informatization of education", which has been used since 1996 both in documents and in scientific publications. Indeed, informatization is an objective, universal and natural process that manifests itself in various spheres of human life. In relation to the field of education, this is the process of providing it with a methodology and practice for the development and optimal use of funds ICT focused on improving management mechanisms the system of education, updating the methodology and organizational forms of training, intellectualization of the activities of the educator and the trainee, use of complex methods of control and assessment of the level of knowledge.

It is already becoming obvious that e-Learning, as a virtual structure, is the basis for the global educational space and opens up a wide scope for distance learning methods, thus laying the Foundation for quality education of the future.

The existence in the 21st century of global universities for millions of students from different countries and continents, implementing e-learning on a huge scale, suggests that the creation of an integrated educational environment is possible and effective. Such platforms combine the resources of many educational institutions into a single complex and give access to intellectual wealth to all mankind. The use of massive opened online courses (MOOC - massive open online course) of world-famous universities in addition to their own training programs is possible today [UNESCO between the two phases of the world summit on the information society, 2005]. Such courses are provided by popular educational platforms, such online giants as Coursera, edX, Khan Academy, Russian Lectorium, Universarium, "University without borders", "Open College", "virtual school of Cyril and Methodius", but also numerous faculties of foreign languages. The introduction of these resources for teaching foreign languages in various educational institutions creates a natural system for the information society of an open, individual approach to learning, allowing students to obtain the necessary knowledge in several educational institutions on an individual program using authentic materials. This brings us closer to the solution of several acute problems: increasing access to education for persons with disabilities, ensuring its continuity throughout life in accordance with the goals set out in UNESCO documents. The actual problem of choosing content for language educational programs is solved by itself.

When we introduce new products into the educational process management process, we must clearly understand the goals and methods of their implementation using specific technologies. The requirements for the education of a modern student have changed significantly. In addition to the basic knowledge obtained at school or University, and the constant mastery of new, one must have variable competencies: to be able to productively use information resources and technologies in order to be able not only to learn throughout life, but also to actively manage this process, making operational decisions on the choice of learning paths, adapted to its specific goals. With the integration of information technology in education, new roles of a learner and a

teacher are being formed. In a high-tech environment, the teacher is not only a source of information and academic facts, he helps students to understand the learning process and reveal the mechanisms of obtaining new knowledge. In common, it is a technical and didactic base of E-learning, which is considered as a structured, purposeful use of information and communication technologies for the organization and conduct of the learning process [Gevorgyan, 2006, p. 12].

To sum up, we can highlight the main advantages of e-learning in the education system:

- 1) the freedom of Internet access to e-courses from any place, at any time, regardless of the teacher, training at your own pace, aimed at mastering the material, the ability to view video lectures an unlimited number of times;
- 2) mature and quality education, competent, well-designed courses. Compared with full-time forms of learning, the speed of memorization of educational material is higher by 15-25%; [Panina, Vavilova, 2008, p. 153] in the presence of high-quality educational content and competent construction of the training course, in many industries, the effectiveness of e-learning is not inferior to the effectiveness of full-time education;
- 3) lower prices for delivery of education without expenses on the part of the student for the purchase of educational materials, transportation, etc. According to Cedar Group, the cost of e-learning services is cheaper than other forms of education by 32-45%, which allows to compete in the market [<http://mag-union.ru/obzor-mirovogo-i-rossijskogo-rynkov-e/>];
- 4) the division of large amounts of material into blocks (microlearning), the flexibility of training, the ability to adapt the material to their capabilities and needs. According to Cedar Group, e-learning training time is 35-45% less [<http://mag-union.ru/obzor-mirovogo-i-rossijskogo-rynkov-e/>];
- 5) the development in step with times in accordance with the latest modern technologies and standards, the ability to timely and promptly update training materials;
- 6) the ability to set clear criteria for assessing knowledge, easy updating of educational material, transparency of the learning process, quick availability of statistics for analysis.

It should be noted that with all these advantages of e-learning, there are a number of problems. They include: the quality of e-learning courses, the legal issues of intellectual property protection, the financial costs of preparing and updating e-learning courses, and the staffing difficulties associated with training teachers who are able and willing to develop such solutions. In addition, there are problems associated with the identification of the student's personality, lack of internal and external motivation, lack of control characteristic of full-time training, lack of feedback, lack of live communication—all this imposes certain difficulties in application.

Today it is obvious that e-learning is an ingrained reality that penetrates into all spheres of educational processes. Therefore, it is necessary today to take care of a comprehensive solution to these problems, to create an industry center to assess the quality of electronic courses, to train teachers, to draw the attention of companies operating in the market of information technology, to the problems of complex informatization of institutions with a narrow focus.

Sources

National standard of the Russian Federation "Information and communication technologies in education. Terms and Definitions", is approved and put into effect by the order of Federal Agency for technical regulation and Metrology of December 27, 2006 N 419-Art. GOST R 52653-2006. - 7 p. URL: <http://www.ifap.ru/library/gost/526532006.pdf>
<http://mag-union.ru/obzor-mirovogo-i-rossijskogo-rynkov-e/>

References

E-learning for teacher training: building capacity for the information society / p. Resta // UNESCO between the two phases of the world summit on the information society:

- proceedings of the International conference (17-19 may 2005). – M.: Institute of the information society, 2005. – Pp. 204-215. (in Russian)
- Gevorgyan, E. N. (2006) E-Learning in a knowledge-based economy // Higher education in Russia. No1. P. 12. (in Russian)
- Lapchik, M. P. (2013) Pedagogy in multilevel system of training for education: convergence with e-learning // Informatics and education. No. 8. P. 3-8.
- Panina, T. S. & Vavilova, L. N. (2008) Modern methods of activation of training. - 4th ed., - M. (in Russian)

UDC 811.161.1

T. SIROTKINA

Surgut State Pedagogical University
Surgut, Russian Federation

RUSSIAN LANGUAGE IN SLOVAKIA: FROM THE EXPERIENCE OF CREATING TEACHING AIDS

The purpose of this article is to analyze the problems of teaching the style of the Russian language in the classroom studying Russian as a foreign language. The tasks of the author are as follows: to consider the methodology of work in stylistics when teaching RFL, to describe the main types of tasks that can be used in the aspect of teaching active communication. The materials for writing this article were a new textbook on stylistics for foreign students, published as part of a joint project of Matea Bela University (Banska Bystrica, Slovakia) and Surgut State Pedagogical University (Surgut). The main methods of work are descriptive, comparative, semantic and stylistic. The author of the article analyzes the tasks presented when studying the topics of the stylistics course, and concludes that in the aspect of active communication, tasks aimed at producing one's own statements and texts (oral and written), the formation of the ability to substantiate one's position (for example, when determining whether the text belongs to a particular functional style). The work should be based on textual material that is relevant for students, the linguistic potential of which will allow them to master all the possibilities of the stylistic system of the Russian literary language.

Key words: stylistics, functional style, text, stylistic system, Russian as a foreign language.

Т.А. СИРОТКИНА

Сургутский государственный педагогический университет
Сургут, Российская федерация

РУССКИЙ ЯЗЫК В СЛОВАКИИ: ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ УЧЕБНО- МЕТОДИЧЕСКИХ ПОСОБИЙ

Целью данной статьи является анализ проблем обучения лексикологии и стилистике русского языка как иностранного. Задачами автора являлись следующие: рассмотреть методику работы по лексикологии и стилистике при обучении РКИ, описать основные типы заданий, которые могут быть использованы в аспекте обучения активной коммуникации. Материалом для написания статьи послужили новые учебники по лексикологии и стилистике для иностранных студентов, изданные в рамках совместного проекта Университета Матеа Бела (Банска Бистрица, Словакия) и Сургутского

государственного педагогического университета (Сургут). Основные методы работы - описательный, сравнительный, стилистический. Автор статьи анализирует проблемы, существующие при изучении тем курсов лексикологии стилистики, и приходит к выводу, что в аспекте обучения активной коммуникации актуальными являются задачи, направленные на создание собственных высказываний и текстов (устных и письменных), формирование умения обосновывать свое мнение (например, при определении принадлежности текста к определенному функциональному стилю). Работа должна быть основана на актуальном для студентов текстовом материале, языковой потенциал которого позволит им освоить все возможности лексической и стилистической систем русского литературного языка.

Ключевые слова: лексикология, стилистика, функциональный стиль, текст, стилистическая система, русский язык как иностранный.

As the researchers rightly point out, “in the methods of teaching RFL, there is an ever more noticeable shift in emphasis from the theoretical study of grammatical, phonetic and lexical aspects of the language towards active language practice” [Lashkevich, 2018, p. 116].

The communicative teaching method developed by Efim Izrailevich Passov is based on the principle of communicativeness, i.e. maximum approximation of the learning process to the process of language communication in a speech situation [Passov 1991].

Especially, in our opinion, the implementation of this principle is relevant in the framework of such RFL courses as lexicology and stylistics. The material for my today's report was the new textbooks for Slovak students published within the framework of a joint project of Matea Bela University (Banska Bystrica, Slovakia) and Surgut State Pedagogical University (Surgut). One of them is called "Russian Lexicology: Active Communication" [Lyashuk, 2021], it is currently being prepared for publication, and we will tell you more about the implementation of the communicative method in it, probably next year. The second manual is “Russian stylistics: active communication. A practical course” [Lyashuk, 2020], which was published last year and is already being used by our Slovak colleagues in the educational process. We will dwell on it in more detail.

Stylistics, according to the observations of specialists, is one of the most difficult sections of the Russian language for foreign students. However, “it is impossible to use the language without taking into account its stylistic stratification. The choice of linguistic means necessary for successful communication is made taking into account many factors: the sphere of social activity in which communication is carried out, forms of communication (oral or written), communicative goals, relations between the addressee and the addressee, the stylistic coloring of words and the laws of their compatibility, etc.” [Shcherbakov, 2018, p. 36]. Therefore, it is relevant to choose the ways of working on the study of Russian stylistics in a foreign language audience. Researchers turned to various aspects of studying this problem: teaching the scientific style of speech [Nedosugova 2014], determining the place of functional stylistics in teaching RFL [Erdei 2018]. We will try to consider what types of tasks are most relevant in the aspect of teaching active communication.

It is especially important for foreign students to master the norms of the scientific style of the modern Russian language, since practice shows that when writing, for example, scientific articles in Russian, they “face difficulties associated with the need to formalize a scientific text in accordance with the norms of the Russian literary language and the characteristics of the scientific style of Russian speech” [Nedosugova, 2014, p. 135].

In the textbook proposed by us for use in teaching RFL, a significant place is also given to the scientific style. Tasks performed by students are associated, for example, with identifying the specifics of certain scientific genres: “Read the description of the terms abstract, annotation and advice for writing texts of the specified genre. Explain verbally what abstract and annotation are, using terms and expressions from the texts”; “Read the abstracts of qualifying papers. What linguistic and stylistic features have you noticed? Describe the composition of the abstracts.”

The achievement of the practical goals of mastering the skills of creating texts of a scientific style is facilitated by completing tasks related to the study of samples of texts of certain genres and writing their own based on them: "Study the template for writing a dissertation abstract. On its basis, write an annotation for your qualifying work (bachelor's)."

Mastering the skills of creating official business texts is associated with the study of the peculiarities of texts of different sub-styles of this style: clerical, legal, diplomatic: "Read the Note of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. What subtype does the text of this document belong to? Motivate your answer with stylistic parameters and content of the analyzed text. "

In order not to make mistakes in the preparation of documents, students must first learn how to correct mistakes in the texts given by the authors of the manual: "Find errors and inaccuracies in the summary. Explain what they are and correct. "

Determining the linguistic features of style, ways of expressing semantics in official business speech is another task solved in the course of studying stylistics: "Read the text of the official invitation to the conference. What style features have you noticed? Describe the style of the document. How is the information that the university is a budgetary institution of higher education indicated? "

Revealing of interstyle interaction in texts of different styles is actual. Difficult, but important in this regard for students is such, for example, the task: "Read the report on the internship. Why is this document in the official style? In what fragments of it are there inclusions of scientific style? What is the reason for this? "

It is no less important for foreign students to master the journalistic style of the Russian language, which is widespread in the practice of Russian speech. Methodologists write that "over many years of methodological practice and theoretical research, a great deal of experience has been accumulated in teaching foreign students the language of the newspaper" [Guo, 2001, p. 10], and in recent years "work with newspaper-journalistic texts has become increasingly important and is used as a basic teaching material in textbooks and teaching aids on various aspects of teaching Russian as a foreign language" [Go, 2001, p. 50].

You can start writing journalistic-style texts from the genre of the note, in which the students present this or that information: "Read the characteristics of the journalistic genre of the note. Write a short note according to the specified parameters and describe its stylistic features. "

A successful methodological step is, as we have already written about this [Sirotkina 2020], an appeal to texts created by the same students as the students themselves. The following tasks of our manual are aimed at analyzing such texts: "Read the creative works that won the international competition. Define their genres and give reasons for your answer. What stylistic features can be traced in them? How did these works, in your opinion, attract the jury? "

The study of the topic ends with more complex tasks related to the formation of the skills of scientific substantiation of the belonging of the text to the journalistic style, identifying errors in determining the style: "Read and answer the question why the journalistic text placed below is characterized as scientific and artistic on some websites? What essential features of the text were not paid attention to by non-specialists who made a mistake in defining the style? "

A controversial issue in modern linguistics is the allocation of a confessional style in the system of functional styles of the Russian language. However, RFL teachers are inclined to think that it is necessary to take into account the specifics of this style in teaching, since "the history and culture of Russia are closely related to the Orthodox Church, and the Orthodox Church has its own speech sphere" [Erdei, 2018, p. 67].

In the analyzed manual, the topic "Confessional style" is presented separately and includes tasks aimed, in particular, at identifying the vocabulary characteristic of this style: "Read a fragment of the Orthodox calendar - 2020. Indicate the specific vocabulary that you have not encountered in other styles," "Select the text of the sermon and make its detailed stylistic analysis, referring to dictionaries and reference books for the interpretation of incomprehensible words. "

Working with the texts of the artistic style, as well as with the texts of other styles, also includes tasks for the analysis of interstyle interaction, identification of errors in the stylistic identification of the text: "Read the story of M. Zoshchenko. Describe its stylistic features, bearing in mind that the style of the story is artistic. It stylizes (imitates) a colloquial style that is not functionally colloquial"; "Conduct an examination of the texts presented on the educational portals on the Internet as fiction. On the basis of a set of stylistic parameters, prove or disprove this affiliation (in this case, determine its style). Compile scientific information about your expertise."

The debatable question in the field of studying and teaching RFL about whether a foreigner needs to know the conversational style of the Russian language, students discuss when studying the corresponding topic of the course of stylistics. In addition to oral work, they complete a written assignment: "Read examples of spoken words and expressions in the assignment texts. Find the ones that you know or have heard. Write a note "About my knowledge of Russian colloquial style."

The study guide ends with topics related to functional and stylistic analysis of the text, identification and correction of stylistic errors.

Thus, in the aspect of active communication, tasks aimed at the production of one's own statements and texts (oral and written), the formation of the ability to substantiate one's position (for example, when determining the belonging of a text to a particular functional style) are relevant for the RCT methodology. The work should be based on textual material that is relevant for students, the linguistic potential of which will allow them to master all the possibilities of the stylistic system of the Russian literary language.

References

- Guo, L. (2001) Teaching the newspaper and journalistic style of Chinese students of Russian studies in the system of work on the development of written speech: on the example of the genre of reporting. - St. Petersburg. (in Russian)
- Lashkevich, N.A. (2018) Text-dialogue as an educational and methodological unit of education // Belarus - India - Russia: cooperation in the field of teaching Russian as a foreign language: Proceedings of the Internet conference, November 13, 2018. - S. 115 - 120. (in Russian)
- Lyashuk, V.M. & Sirotkina T.A. (2021) Russian lexicology: active communication. Study guide for Slovak students. - 1st ed. - Surgut. (in Russian)
- Lyashuk, V.M. & Sirotkina, T.A. (2020) Russian stylistics: active communication. Practical course. - 1st ed. - Banská Bystrica. (in Russian)
- Nedosugova, A.B. (2014) The linguodidactic aspect of teaching the scientific style of speech in the teaching methods of RFL // Bulletin of RUDN. Series: "Education Issues: Languages and Specialty" - No. 3. - P. 134 - 138. (in Russian)
- Passov, E.I. (1991) Communicative method of teaching foreign language speaking / E.I. Passov. - M.: Education. (in Russian)
- Sirotkina, T.A. (2020) Russian language for Slovak students (from the experience of creating teaching aids) // World without borders: Russian as a foreign language in the international educational space: Materials of the International Scientific and Practical Conference. - Pskov, 2020.-- P. 171 - 176. (in Russian)
- Shcherbakov, A.V. (2018) Study of expressive means of language in a foreign audience // Russian language abroad. - 2018. - No. 2. - pp. 36 - 40.
- Erdei, I. The place of functional stylistics in teaching RFL // Modern Russian language: functioning and teaching problems. Materials of the XXIII International Scientific and Practical Conference. - Budapest, 2018.-- pp. 65 - 69.

D. STAROSTIN, E. KULESHOVA

St Petersburg University,
St Petersburg, Russian Federation

CLAUDE DE SEYSSSEL (1450-1520) AND THE DEVELOPMENT OF TRANSLATION PRACTICES IN FRANCE IN THE HUMANIST PERIOD

The article addresses the translation activities of Claude de Seyssel (1450-1520), a French humanist from Savoy and a bastard son of the Marshal of Savoy. In it an attempt is made to place his translations from Latin and Greek into the context of the development of humanism in France. The article suggests that his activity in this field built a bridge between the Italian humanists interested in translating from Greek and their French counterparts and laid the foundation for the French humanist translators of the second half of the 16th century.

Key words: Humanism, Translations in the Renaissance, French Renaissance humanism, Claude de Seyssel (1450-1520)

Д.Н. СТАРОСТИН, Е.В. КУЛЕШОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

КЛОД ДЕ СЕЙССЕЛЬ (1450-1520) И РАЗВИТИЕ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА ВО ФРАНЦИИ В ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассматривается переводческая деятельность Клода де Сейсселя (1450-1520), французского гуманиста из Савойи и внебрачного сына маршала Савойи. В ней предпринята попытка поместить его переводы с латинского и греческого языков в контекст развития гуманизма во Франции. В статье предполагается, что его деятельность в этой области построила мост между итальянскими гуманистами, заинтересованными в переводе с греческого, и их французскими коллегами и заложила основу для французских переводчиков-гуманистов второй половины 16 века.

Ключевые слова: гуманизм, переводы в эпоху возрождения, французский гуманизм эпохи Возрождения, Клод де Сейссель (1450-1520)

The expectations of translators in the Late Middle Ages placed high value not on their translating skills, but also on their abilities as poets and writers, although the basic language from which they were to translate was Latin. Chaucer (1340/1345-1400) is one example of this perception since in addition to his literary works like the Canterbury Tales he was known for his translation of Boethius' *De consolatione philosophiae* and some others. The high standards required of translators that were to prove their aptitude by creating their own literary work naturally gave way when Humanists started to address sources in Greek that had been hitherto unknown to Europeans. Development of humanism led to the growing interest to texts produced in Antiquity and the discovery and the introduction of these texts into intellectual circles were the breakthrough of this period. Translating, and especially translating from Greek, became one of the key intellectual activities for humanists that set them apart from many other people of knowledge. Participation of the Italian humanists in this has been studied well. Appearance of the key historical works in Greek, like the «History of the wars» by Procopius of Caesarea (by Leonardo Bruni (1370-1444), among humanists led to a significant widening of historical

worldview in Europe. Bruni also significantly contributed to translation of Aristotle, Plato, Plutarch, Demosthenes, Aeschylus. Lorenzo Valla (1405-1457) put much effort into translating Herodotus and Thucydides. Angelo Poliziano (1454-1494) created a Latin version of the «Iliad». Leonardo Bruni's treatise «On translating correctly» («De interpretatione recta») laid down the foundation for humanistic approaches to translation practice. Bruni mentioned, for example, that knowledge of the language was not enough, because a translator had to possess adequate knowledge in the history and culture of the period when the text had originated. By 1539 there appeared in French the verb «traduire», and in 1540 Jean Du Bellay (1522-1560) included into one of his treatises the terms «traduction» and «traducteur». But even he warned humanists from becoming euphoric of the possibilities of translation because he believed that figures of speech, the choice of words and many hidden meanings could only be delivered to the reader in the original language. Scholars who studied the practice of translation in humanistic France noted that translators like Étienne Dolet (1508-1546) had their own cycle of development and went through the stages of euphoria, idealism and practicality, sometimes becoming too idealistic, capricious or emotional about certain topics. This French humanist actively engaged in an argument with Erasmus of Rotterdam, holding on to the idea that Cicero was the model of Latin speech while his famous opponent was thinking to the contrary. (Worth, 1988) Thus a translator could take unto himself a more significant role and become an adherent of linguistic purity, the role which he could channel out in significant public and educated controversies. Another study showed that humanist scholars soon started to share the view that translation was the philosophical basis of all literary activity. (Norton, 1984)

In addition to the well-known names of the famous Italian and French humanists who worked in the field of translation new ones has started to gain wider significance in modern scholarship. One of such persons whose linguistic activities have long been overlooked in Russian and partly in European scholarship is Claude de Seyssel (1450-1520), the bastard son of the marshal of Savoy. (Kuleshova, 2015; 2017; Starostin, Kuleshova, 2020) He is known because of his translations of «Anabasis» of Xenophon and of the «Church history» of Eusebius of Caesaria. In this study we seek to show him as a transition figure between Italian and French humanists. We suggest that he was working in the period when the requirements for translations significantly changed, becoming stringent and erudite as scholars moved towards seeing the encyclopaedic knowledge of Greek language and culture as a prerequisite for any approach to texts. We hope to show that his activity took place at the time of the significant conceptual rethinking of translation as a learned exercise and that he gave a closure to the period of the first approaches to important texts in Greek. He is the person whose activity stands at a turning point between the first attempts of translating texts from Greek that took place after the Byzantine ambassador Manuel Chrysoloros (1350-1415) came to Italy and those professional guilds of translators and commentators that emerged as the congregation of Maurists in France.

The treatises of Claude de Seyssel (1450–1520) show his wide spectrum of talents. He wrote «La grant monarchie de France» and «Les louenges du roy Louis XIII», which are interesting examples of political thought of the Renaissance period. (Seyssel, 1508 ; Seyssel, 1519) However, modern scholars have trouble establishing his place among other French historians since his views and approaches to the history of France were specific in many aspects. (Blanchard, 2010, p. 70 ; Fournel, 2010, p. 120 ; Collard, 2010, p. 62) His treatises were all written in an apologetic vein and his main theme was to evaluate highly the achievements of the French monarchy and those kings who were contemporaries to him.

In 1498 Louis XII, a nephew of Charles VIII became the king of France. His claim to be the duke of Milan originated from the fact that he was the grandson of Valentina Visconti, the daughter of the first duke of Milan Giangaleazzo Visconti. By 1500 the attacks of the new king made Milan and Naples to cease their active participation and the king of Aragon Alphonso II abandoned his claim to be the king of Naples. This allowed Louis XII to become the king of Naples after having achieved an agreement with Pope Alexander VI. (Mallett, Shaw, 2012, p. 47–50; Pellegrini, 2009, p. 63–64) Louis XII was successful in establishing his authority in North

Italy.(Bridge, 1929, p. 121) But because the Pope was able to gather some of his supporters, Louis XII was defeated in 1504 and gave up Naples.(Lavisse, Rambaud, 1893, p. 61; Mowat, 1928, p. 32)

Claude de Seyssel was writing in the period that was critical for the development of the new European realities in the course of the Italian wars. The first Italian war of Charles VIII (1494–1498), the second Italian war of Louis XII (1499–1504), the Cambrais league war (1508–1516) and the Italian war of 1521–1526 created the context in which this humanist was developing his views of the monarchy and also pondering the texts he could translate. In 1508 France, the Empire and Spain signed the Treaty in Cambrais, creating a League against Venice. (Machiavelli, 1985, Ch. 77.) The great breakthrough in the course of war took place in 1513 when in the battle of Novara the Swiss used their tactics of attacking in «three columns».(Baumgartner, 1994, p. 230) Their total defeat came in the battle of Marignano in 1515 r.(Mallett, Shaw, 2012, p. 128–129) This battle disproved the thesis of the Swiss superiority on the battlefield and made the task of the French army easier despite the fact that there were to come other battles in the long war. The next period of fighting between the League of Cambrais and Papacy against Venice was more of an Italian squabble than a pan-European war. So Seyssel was active in working on his political treatises at a time when France showed its best on the battlefield. It is possible that the new requirement to create the positive image of the king Louis XII in the course of the Italian wars there emerged a group of poets and writers whose sole purpose was writing the apologetical works that defended the French and their ruler.

But an interesting new development in the scholarship has been in paying attention to Claude de Seyssel as translator of the critical Classical and Late Antique texts whose original language was Greek. Greek immigrants who were escaping the Ottoman threat began to translate texts in Italy. First were Leontius Pilatus from Calabria (1310-1366) and Simon Atumanus, bishop of Gerace in Calabria, of which the former started to translate (into Latin) Homer and the latter, the treatise of Plutarch on anger (*De cohibenda ira*). A significant event was a translation of Greek histories for Juan Fernandez de Heredia, the Hospitaller Master of Rhodes (1377-1396).(Luttrell, 1960) A big boost came from the coming of Manuel Chrysoloros, who upon coming to Italy in 1397 as part of the embassy which ultimately failed to bring help to Byzantium from Western Europe, greatly contributed to the study of Greek among Italian humanists.(Mann, 1996, p. 14–17; Thorn-Wickert, 2006) Theodorus Gaza (1398-1475) continued his work, translating from Aristotle and other works in Greek. In the XIVth and he beginning of the XVth centuries Vittorino da Feltrè (1378-1446) in Padua and later in Mantua, Gasparino Barizza (1360-1431) in Padua, Guarino Veronese (1374-1460) in Ferrara were creating a new, «humanistic» Latin.(Botterill, 1999, p. 135) But in addition to that, they were asking their students to study Greek. If turning to Greek, humanists were taking up the texts of Archimedes, Euclid that helped them study Ancient science.(Zilsel, 2013, p. 51–52) Leonardo Bruni also participated in making the knowledge of the Greek available by working with the treatises of Aristotle, dedicated to the achievement of happiness.(Elfond, 2016, c. 431) In France the early humanists like Guillaume Tardif (b. 1440) started with making translations from Latin.(Staf, 2015, c. 116) His Latin grammar (Lawrence J. Schoenberg Collection, The Library of the University of Pennsylvania, 242) was published in 1470 and became one of the popular study means. In Germany Conrad Celtès (1459-1508) and Conrad Peutinger (1465-1547) contributed to the process by their search for ancient manuscripts.

One may see in the work of Claude de Seyssel an interesting dichotomy. On the one hand, a trend was growing in his age to produce translations that would convey in a very deep manner not only the text, but realities and cultural paradigms of the period. But at the same time, the end of the 15th century and the beginning of the 16th witnessed a sharply growing demand for translations that was necessitated and prompted by the development of the printing press. Since the coming of Manuel Chrysoloros to Italy translating from the Greek had long been the occupation of the closed and small groups of intellectuals. Even the "History of Florence" of Leonardo Bruni had long been kept unknown from the public by his sponsor Girolamo Strozzi.

Thus in the late 15th century translations from the Greek were rare and they were accessible only to a small group of intellectuals. On the other hand, the news of the development of the printing press with movable type by Johann Gutenberg fuelled the expectations for the appearance of the books translated from the Greek. The choice of Claude de Seyssel to choose as his first work in translation the «Ecclesiastical history» of Eusebius (which came out in 1497) that had long been translated in Latin was predicated, we propose, on the expectations for the classical texts to appear in print. It was thus not a translation from the Greek original, but a translation from the 4th-century Latin version of Rufin (345–410). But this text was published 3 years after the Italian wars had started, and the political opportunity was no doubt the reason for such a speedy enterprise. It was a sign that the French humanists were interested in making and publishing translations from the Greek, but it also showed that at that time they were starting along this path in the manner different from that of the Italian humanists, who had beaten them to better knowledge of the Greek. In a sense, it was an attempt to show the French humanists' readiness for such a complex translation activity. At the same time, it showed that French humanists were aware that still had some path to cover to be better prepared. Between 1497 and 1520s one can sense a flurry of invisible activity that made the later watershed of published translations possible.

Along his way in this particular field of humanistic intellectual activity Claude de Seyssel made a great contribution to this field by translating, together with Constantine Laskaris, the «Anabasis» of Xenophon (1505), the «Roman Wars» of Appian of Alexandria (1507), the «Life of Marc Antony» by Plutarch (1507), the «Epitome» of Justin (1509), the «Peloponnesian war» of Thucydides (1514), the «Spanish war» and the «War with Hannibal» by Appian (1514), of Diodorus Siculus and of the «Life of Demetrius» by Plutarch (1511). All showed the path French humanism chose and as set on following: historical works were of significant if not dominant interest for Renaissance scholars in France. (Starostin, Kuleshova, 2016) Interestingly, the first attempt of translating from the Latin was followed in the case of Seyssel with a whole set of translations from the Greek originals, even though one may easily and rightly surmise that it was Constantine Laskaris who bore the brunt of working with the Greek manuscripts. These translations had been made two decades ahead of the main group of translations by the next generation of French humanists. One may also guess that the appearance of these translations went hand in hand with the growth of intellectual and commercial interest to the Greek grammar, which had been written by Theodorus Gaza (Gazis) and which was published in Venice and Strassburg in 1495 (for example, a copy is in Bibliotheca Apostolica Vaticana, coll. Barberini gr. 156) and translated by Erasmus in 1515. In light of these facts it may be concluded that Claude de Seyssel became a bridge between the Italian and French humanists in the sphere of translations of Greek texts. His biography and publication activity suggest that because of being intimately connected to the French court, he was the first intellectual of political status in France to take not only the intellectual challenge of translating from the Greek, but also the political and commercial challenges, one prompted by the desire of the French elites to show that their scholars are no worse than Italian humanists and also by the need to address the demand of people interested in approaching the Classical past.

References

- Baumgartner, F. J. (1994) Louis XII's Gallican Crisis of 1510-1513// Politics, ideology, and the law in early modern Europe: essays in honor of J.H.M. Salmon / ed. by J. H. M. Salmon, A. E. Bakos. — Rochester, N.Y. : University of Rochester Press, 1994. — P. 55–72.
- Blanchard, J. (2010) Comynes et Seyssel : proximités et divergences à propos de la Monarchie de France// Claude de Seyssel, c.1450-1520 : écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes : issu du colloque «Autour de Claude de Seyssel» / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. — Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2010. — P. 63-70.

- Botterill, S. (1999) *Minor writers // The Cambridge History of Italian Literature / ed. by P. Brand, C. Brand, L. Pertile. — Cambridge University Press, 1999. — P. 108–145. — (Cambridge histories online).*
- Bridge, J. S. C. (1929) *A history of France from the death of Louis XI. Vol. 3. Reign of Louis XII, 1498-1507. — Oxford : The Clarendon Press.*
- Collard, F. (2010) *Claude de Seyssel à l'épreuve de Robert Gaguin // Claude de Seyssel, c.1450-1520 : écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes : issu du colloque «Autour de Claude de Seyssel» / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. — Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2010. — P. 43-62.*
- Elfond, I. I. (2016) *Leonardo Bruni, the Ethics of Civic Humanism and the Greek Heritage // Herald of the Saratov University. New Series: History, International Relations. — 2016. — V. 16, № 4. — P. 425—432.*
- Fournel, J.-L. (2010) *L'écriture du gouvernement et de la force en France et en Italie au début du XVIe siècle // Claude de Seyssel, c.1450-1520 : écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes : issu du colloque «Autour de Claude de Seyssel» / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. — Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2010. — P. 103-120.*
- Kuleshova, E. V. (2015) *Claude de Seyssel (1450-1520) and his «La grant monarchie de France» in Recent Research Publications // Problems of Social History and Culture of the Middle Ages and of the early Modern Period. V. 12. — St-Petersburg, 2015. — c. 336—350.*
- Kuleshova, E. V. (2017) *Claude de Seyssel (1450–1520) on the French Monarchy and the Italian Wars // Scientific Studies: Theory, Method and Practice. The Materials of the International Conference (Cheboksary, 21 May, 2017). — Center for Scientific Cooperation «Interactive Plus», 2017. — c. 43—48.*
- Lavisie, E. & Rambaud, A. (1893) *Histoire générale du IVe siècle à nos jours. T. 4. Renaissance et Réforme les nouveaux mondes, 1492-1559. — Paris : Armand Colin.*
- Luttrell, A. (1960) *Greek Histories Translated and Compiled for Juan Fernández de Heredia, Master of Rhodes, 1377-1396// Speculum. — 1960. — July. — Vol. 35, no. 3. — P. 401–407.*
- Machiavelli, N. (1985) *The Prince / trans. by H. Mansfield. — Chicago : University of Chicago Press.*
- Mallett, M. E. & Shaw C. (2012) *The Italian Wars, 1494-1559 : War, state and society in early modern Europe. — Harlow, England; New York : Pearson.*
- Mann, N. (1996) *The origins of humanism // The Cambridge Companion to Renaissance Humanism / ed. by J. Kraye, K. Jill. — Cambridge : Cambridge University Press, 1996. — P. 1–19. — (Cambridge Companions to Literature).*
- Mowat, R. (1928) *A History of European Diplomacy, 1451-1789. — London : Longmans, Green & Co.*
- Norton, G. P. (1984) *The Ideology and Language of Translation in Renaissance France and their Humanist Antecedents. — Genève : Librairie Droz.*
- Pellegrini, M. (2009) *Le guerre d'Italia: 1494-1530. — Bologna : Il mulino.*
- Seyssel, C. (1519) *La grant Monarchie de France. — Paris : Regnault Chaudiere, F. d'Egmont.*
- Seyssel, C. (1508) *Les louenges du roy Louis XII de ce nom. — Paris : Antoine Vêrard.*
- Staf, I. K. (2015) *Humanism, Translation and the Ideal of a Ruler in the Early French Renaissance // Values and Norms in the Flow of Time: Materials of the VI International Scientific Conference / под ред. B. S. Shaliutin. — Kurgan : Kurgan State University, 2015. — c. 115—116.*
- Starostin, D. N. & Kuleshova, E. V. (2016) *French érudites and the construction of Merovingian history// Historia da Históriagrafia. — 2016. — Vol. 21. — P. 77–95.*
- Starostin, D. N. & Kuleshova, E. V. (2020) *Claude de Seyssel (1450-1520) on the Formation of the Image of the Ideal French monarchy in the Context of the Italian Wars and of the Competition with the Italian City-states// Electronic research and teaching journal History. — 2020. — т. 11, 10 (96).*

- Thorn-Wickert, L. (2006) Manuel Chrysoloras (ca. 1350-1415) : eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance. — Frankfurt am Main : P. Lang, 2006. — (Bonner romanistische Arbeiten ; 92).
- Worth, V. (1988) Practising translation in Renaissance France : the example of Étienne Dolet. — Oxford : Clarendon, 1988. — (Oxford modern languages and literature monographs.)
- Zilsel, E. (2013) The Methods of Humanism // The Social Origins of Modern Science / ed. by P. Zilsel (et al.). — Dordrecht : Springer Netherlands, 2013. — P. 22–64. — (Boston Studies in the Philosophy and History of Science).

UDC 801.73

N. STEPANOVA

State University of Humanities and Social Studies
Kolomna, Russian Federation

THE FORMATION OF A TRANSLATOR'S INFORMATION RETRIEVAL COMPETENCE: CHALLENGES AND CHOICES

The paper dwells on the place of the information retrieval competence in the paradigm of the translator's competences in the twenty-first century and its role in the professional development of a translator-to-be. The author describes different terminological approaches to the issue in question and singles out the components of the competence. The paper stresses the importance of regular efforts on the part of translator educators to develop the skills which the competence encompasses and comes to the conclusion that the best way to meet the challenges of the modern labor market is to introduce a special course into the curriculum of students majoring in translation. The analysis is based on the author's personal experience in developing and teaching such a course.

Key words: information retrieval competence; the Russian Professional Standard in Translation; digital literacy, information retrieval, extraction and processing

Н.Ю. СТЕПАНОВА

Российский государственный гуманитарный университет
Коломна, Российская федерация

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО ПЕРЕВОДЧИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья затрагивает место информационно-поисковой компетенции в парадигме переводческих компетенций в двадцать первом веке и ее роль в профессиональном развитии будущего переводчика. Автор описывает различные терминологические подходы к данному вопросу и уделяет внимание компонентам информационно-поисковой компетенции. В статье подчеркивается важность постоянной работы над формированием навыков, которые охватывает данная компетенция, в ходе подготовки переводчиков в вузе. Автор приходит к выводу, что лучшим способом ответить на вызовы современного рынка труда является включение в учебный план по переводческим профилям отдельной дисциплины, нацеленной на формирование информационно-поисковой компетенции.

Проведенный анализ основывается на личном опыте автора, который является разработчиком и ведущим преподавателем подобного курса.

Ключевые слова: информационно-поисковая компетенция, Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода» РФ, цифровая грамотность, поиск, извлечение и обработка информации

Introduction

The first two decades of the twenty-first century have witnessed a pyrotechnical growth of technological progress in translation practice and the digitalization of the information space worldwide. As a result, translator and interpreter training process in tertiary education is rapidly becoming focused on the formation of special skills and competencies that allow students to meet the requirements of the modern labor market from the point of view of digital literacy.

The formation of a common information space in the world has had a significant impact on translation business. New information technologies and online and electronic tools aimed at accelerating the translation process have become its integral part. They include electronic multilingual and bilingual dictionaries and monolingual explanatory dictionaries; electronic libraries and encyclopedias; Translation Memory systems (Smartcat, Trados, Déjà Vu, etc.); electronic corpora; software products for machine translation; texts editing programs; terminology databases and other resources. Thus, a question arises how to develop the skills required to master proficiency in this sphere. To this end, let us consider whether the appropriate skills and competences are included in the educational standards of higher education in Russia.

It is no secret that modern higher education is characterized by the competence-based approach. It means that it is aimed at creating appropriate conditions to master skills and abilities in practice, rather than theory. The formation of professionally significant competences is viewed as one of the principal aims of education at tertiary level. The competence which provides the development of skills and abilities to effectively use various sources of information in translation bears the name 'information retrieval competence'.

Approaches

Viewed historically, as far back as the XXth century the competence under consideration was not included into the paradigm of translator's competences. For example, V. N. Komissarov singled out the following competences: linguistic, text-forming, communicative, technical (dealing with translation techniques) and personal ones. No information-oriented competence can be found on the list [Komissarov, 2002, p.326].

Late XXth century saw a change in the paradigm. The importance of a translator's search for information stole the limelight of several research works and translation theory and practice course books. It was in 1999 that H. Ahrens stressed the importance of the Internet as a source of information for translators. She singled out the following spheres of its application in translation practice: to search for orders and proceed them, to communicate professionally with colleagues, to reach out for the public and to retrieve information [Ahrens, 1999, p.25–47].

Laurent Lagarde from Sorbonne University conducted research devoted to translators' preferences in information search (Lagarde 2009). He interviewed a group of professional translators and presented the results in his doctoral thesis, which stated the following: the overwhelming majority of translators put the Internet sources on top of the list of information retrieval strategies; asking for professional consultations took the second place; whereas the traditional paper sources of information, such as books, dictionaries, etc. were only the third on the priority list. Among the arguments for the use of the Internet to satisfy the information search needs there was its usability, easy access any time and place, and the availability of up-to-date information which is regularly updated [Lagarde, 2009, p. 71–72].

In the second decade of the new millennium, the didactic aspect of information retrieval got into the focus of translator trainers' attention. For example, Hanna Schüßler characterized the Internet as a source of macro search for information. She introduced a detailed concept of the Internet-

searching competence formation and described various searching techniques and strategies which she found mandatory to be introduced into translator training practice [Schübler, 2012, p. 1].

Since then, numerous studies have been conducted providing convincing evidence that the competence mentioned above should become an indispensable part of the translator's professional competency. Nowadays the information retrieval competence occupies a prominent place in the paradigm of translators' competences. One of the factors promoting its growth in popularity was the necessity to fulfill the requirements of the Federal State Educational Standard of the Russian Federation of the new generation, according to which a proficient translator is supposed to be able to apply various information sources in the professional sphere [Federal State Educational Standard of the Russian Federation. Bachelor. 45.03.02 Linguistics].

Another step towards the unification of approaches to similar competences was the introduction of the Russian Professional Standard in Translation approved in March 2021 [Russian Professional Standard in Translation]. Like any other professional standard, it seeks to promote the highest standards in the profession. Analyzing all the generalized labor functions in translation stated in the Standard we could conclude that all of them contain at least one element of the information retrieval competence.

Though researchers and practitioners in the field of translator and interpreter training seem to be unanimous in highlighting the importance of the formation of the competence. To mention but a few, the following terms and definitions are worth mentioning:

Information competence is the entity of the readiness and the demand to utilize contemporary sources of information in the professional and everyday spheres [Schübler, 2012, p. 1];

Information technology competence (also information communication technology competence, ICT competence / digital competence/ e-competence) is a complex of knowledge and skills of utilizing various information resources and technologies, software and web sources of information required to perform computer-assisted translation [Inyutin, 2006], [Ivanova, 2016]. Its formation is of vital importance for such translation processes and as terminology management, pre-editing, post-editing and quality assurance and control. It embraces the skills of using both general software tools, such as MS office, web browsers, online terminological bases, and specialized software, such as CAT-tools and machine translation. According to translator educators, it promotes further self-development in the professional domain.

Exploratory competence is a skill of identifying information a translator needs to understand and translate the text adequately; a complex of skills necessary and sufficient to work out the strategy for searching the sources of information, assessing and verifying their validity to complete the translator's task; also a group of technical information retrieval skills (ICT skills) comprising the skills of search, selection, classification and accumulation and storage of the information retrieved by the translator [Khairova, 2006].

Search competence (Recherchenkompetenz) is an analytical competence which allows a translator to search for and find the type and amount of information necessary for adequate translation [Nord, 2004].

European scholars tend to use the term 'information competence'. For example, Spanish researchers Maria Pinto and Dora Sales stress the point that translators are not only information users, but also information processors and producers [Pinto, Sales, 2007]. Therefore, according to the researchers mentioned above, translators' documentary competence should evolve in three dimensions: the information, the methodological and the strategic. They introduced a model for the development of information competence for translators, which is based on information literacy (INFOLIT) standards. According to the authors, 'the model is a gathering of skills, competences and, knowledge and values'.

Some scholars use the term 'literacy' to refer to what we view as 'information competence'. E. Gallardo-Echenique, J. Minelli de Oliveira, L. Marqués-Molias, and F. Esteve-Mon made an attempt to combine several literacies under digital competence [Gallardo-Echenique et al. 2015, p. 10], which involves:

- 1) information literacy for managing digital information;
- 2) computer literacy for processing data in different formats;
- 3) media literacy for analyzing and creating multimedia resources;
- 4) communication literacy for effective participating in digital environments.

Methodology

The approaches described, demonstrate a wide variety of approaches to the issue under consideration. In the given study we are going to apply the term “information retrieval competence”. (Novikova, 2012; Korolkova et al., 2016) Following E. Novikova’s concept [Novikova, 2012, p.78-83], we single out the following components of the given competence:

cognitive – a translator is aware of the necessity of information retrieval for adequate understanding and translation of the text;

strategic – a translator is capable of retrieving and collecting the information required for translation;

technical – a translator is capable of utilizing information resources efficiently;

critical – a translator is capable of verifying the validity and reliability of the sources of information and the information retrieved;

heuristic - a translator is capable of spotting a translation problem, formulating the search query and limiting the search area to find the necessary and sufficient amount of information.

To meet the requirements of the modern labor market, it is necessary for a translator to have a clear understanding of the stages and the strategy of the information retrieval and extraction process ahead. To this end, one should be fully aware of the aim of the search and the type of information required. The strategy to follow depends on the search area and the resources available.

We distinguish the following areas of search where the Web becomes an indispensable source of information for a translator:

Quick and easy access to online monolingual and bilingual, general and special dictionaries, encyclopedias, terminological glossaries and databases;

The use of the Internet as a multilingual corpus of texts providing varied linguistic information which allows a translator to verify the translation hypothesis to ensure adequate translation;

Providing background information in the subject matter of the translation area;

Using specialized linguistic and translator’s tools (linguistic corpora (the BNC, COCA, The National Corpus of the Russian Language, and others), translation memory programs (CAT tools: Trados, Déjà Vu, Smartcat, and others);

Online communication tools (email and messenger communication services, translation forums, etc.)

Results

Taking into consideration the importance of the formation of information retrieval competence for the professional development of a translator, the author of the given paper worked out a special course named “E-Dictionaries and Online Resources in Translation Practice”, which was introduced into the curriculum of the Foreign Languages Department of the State University of Humanities and Social Sciences for the third-year students majoring in translation and interpretation. The course aims to develop the skills of information retrieval, extraction and processing in the process of computer-assisted translation. The course consists of the information, technological and strategic modules which are directly connected with the following components of the information retrieval competence: cognitive, strategic, technical, critical and heuristic ones.

The information module is primarily devoted to the search strategies: how to formulate a search query; the paradigm of information retrieval; types of websites; types of dictionaries and reference sources; how to use monolingual and bilingual dictionaries effectively; the verification of websites; the verification of information retrieved; how to verify linguistic information with the help of linguistic corpora; the strategies of the assessment of the information validity; and the

use of the retrieved information in the process of translation depending on the genre of the text and type of translation.

The technological module comprises a variety of practical activities aiming at empowering the students' digital literacy which is necessary to retrieve information online. They cover such problem areas as the effective use of search engine operators and special software, translation memory programs and programs facilitating the process of translation, editing and post-editing.

To improve web search expertise there are also integrative tasks belonging to the strategic module, which aim at developing the soft skills a translator needs to acquire, namely the 4Cs of the twenty-first century skills: communication, collaboration, critical thinking, and creativity [Grishenko, Reztsova, Stepanova, 2021, p.9093]. They have become an indispensable part of both the information retrieval competence and of the general professional competence of the modern translator.

Below you can find an example of such an activity developed by the author of the paper. It is aimed at the development of various skills that nurture information retrieval competence: communicative skills, collaborative and creative skills, critical thinking, digital skills, search, selection and classification and accumulation and storage of the information translation skills.

Interactive Group Activity "The Dictionary of My Dream".

Follow the link and watch the video <https://www.youtube.com/watch?v=eq1uGdGUtn8>. What does Merriam Webster's Dictionary mean to the student according to the video?

Make up groups of three. Choose one online monolingual English dictionary you have recently used in the process of translation and found really useful. Discuss its features, its advantages and disadvantages with your group mates.

Search the web for mind mapping platforms available online. Focus on those that allow you to work collaboratively. Using one of the platforms create a mental map demonstrating the key features of the dictionary (you are supposed to work together as a team).

Search the web to find information about "Call Me Ishmael" project. What is it like? Why is it named like this? Where does the quotation come from? Share the information you have found with your group mates.

Search the web for reviews about "Call Me Ishmael". Provide statistics based on the following criteria: the number of reviews made by men/women; the countries they represent; the dates of the reviews.

Make a bilingual glossary of terms to use in translation about "Call Me Ishmael" project.

Imagine you are going to take part in the project. Relying on the mind maps you created, record a voicemail about the dictionary you chose. Make sure to use special lexicographic terminology when speaking about the key features of the dictionary that attract you.

Share them with the other groups. Be ready to discuss your impressions.

In the course of research, we conducted a survey among the third and fourth-year students majoring in translation and interpretation. The question was "Did the course "E-dictionaries and Online Resources in Translation Practice" help you to make the process of information retrieval in the process of translation more effective? If yes, in what way? (You can give more than one answer).

100 % of the respondents answered the question positively. 92 % mentioned advanced skills of dictionary search; 88 % named general web search skills; 76 % - use of special software; 63 % - the process of the verification of information; 48% considered tasks developing digital skills to be really important; and 37% of the respondents found it important to mention the use of linguistic corpora in the process of translation.

Conclusion

Translation in the twenty-first century requires new approaches and strategies with regard to relevant information retrieval, extraction and processing. The ability to interact with the World Wide Web is now a basic market requirement. To fulfill all the contemporary demands, translators should not only be competent in the linguistic scope of translation, but also be proficient in the sphere of web technologies that facilitate the translation process and provide its

adequacy and accuracy. To this end it is necessary to integrate the information retrieval competence into the translation classroom. A possible solution to the problem can be the introduction of courses into the university curriculum that will develop this competence and also foster the rest of the twenty-first century skills. To sum up, translation students can successfully increase their information retrieval competence as a result of regular and purposeful efforts on the part of translator educators.

References

- Ahrens, H. (1999) Der Translator im Dschungel des Internet. Oder: Pfadfinderausbildung für Translatoren? *TextconText / H. Ahrens. – Zeitschrift für Translation, Theorie, Didaktik, Praxis*, H. 13. NF 3. pp. 24–47. (in German)
- Federal State Educational Standard of the Russian Federation. Bachelor. 45.03.02 Linguistics. Federalny Gosudarstvenny obrazovatelny standart vyshogo obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 45.03.02 Lingvistika. Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/450302_B_3_31082020.pdf accessed: 20.11.2021. (in Russian)
- Gallardo-Echenique, E., Minelli de Oliveira J., Marqués-Molias L., Esteve-Mon F. Digital Competence in the Knowledge Society. *MERLOT Journal of Online Learning and Teaching*. Vol. 11, No. 1, March 2015. Available at: https://jolt.merlot.org/vol11no1/Gallardo-Echenique_0315.pdf (accessed: 20.11.2021).
- Grishenko, V.D., Reztsova, S.A. & Stepanova N.Y. Incorporating soft skills into foreign language teaching: choices and challenges. 14th annual International Conference of Education, Research and Innovation, 8-9 November, 2021. ICERI2021 (Proceedings, pp. 9093-9098. Available at: <https://library.iated.org/view/GRISHENKO2021EQU> (accessed: 22.11.2021).
- Inyutin, N.G. (2006) The formation of the information technology competence of a future translator in the professional sphere. *Formirovanie informatsionno-technologicheskoy kompetentsii budushchego perevodchika v sfere professionalnoy kommunikatsii*. dis. kand. ped. nauk: 13.00.08. N. Novgorod. (in Russian)
- Ivanova, O. (2016). Translation and ICT Competence in the Globalized World. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*. 231. P.129-134. Available at: https://www.researchgate.net/publication/309183250_Translation_and_ICT_Competence_in_the_Globalized_World (accessed: 20.11.2021).
- Khairova, S.R. (2006) The formation of exploratory skills in the process in translation training. *Formirovanie issledovatel'sko-poiskovykh navykov i umeniy v obuchenii pis'mennomu perevodu / Khairova S.R., Seropegina T.V. // Yazik. Kul'tura. Kommunikatsiya: materialy mezhdunar. Nauch. Konf. Volgograd, 18-20 aprelya, 2006. V 3 ch. Ch.2 Volgograd: Volgogr. Hauch. Izd-vo, 2006. pp.28-33. (in Russian)*
- Komissarov, V.N. (2002) *Modern Translation Studies. Sovremennoye perevodovedenie: ucheb. posobie*. M. : ETS. (in Russian)
- Korolkova, S.A., Novozhilova, A.A. & Shovgenina, E.A. (2016) The integrative concept of forming the translator's information retrieval competence. *Informatsionno-poiskovaya kompetentsia perevodchika: kontseptsia formirovaniya. Vestnik VolGU. Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsia*. 2016. № 3. pp.80-85. (in Russian)
- Lagarde, L. (2009) *Le traducteur professionnel face aux textes techniques et à la recherche documentaire. Linguistique. Université de la Sorbonne nouvelle - Paris III, 2009. Français*. Available at: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00797032/document> (accessed: 20.11.2021). (in French)
- Nord, B. (2004) *Wernichtfragt, bleibtdumm – Recherchekompetenz als Teil der Translationskompetenz / B. Nord // Translationskompetenz. Tagungsberichte der Lictra (Leipzig International Conference on Translation Studies 4.–6.10.2001) / E. Fleischmann, P. A. Schmitt, G. Wotjak (Hg.). – Tübingen : Stauffenburg, 2004. – pp. 173–181.*

- Novikova, E. Yu. (2012) Information retrieval competence in the paradigm of translation competencies. *Informatsionno-poiskovaya kompetentsiya v paradigme perevodcheskikh kompetentsiy*. // Vestnik VolGU. Ser.6, Vyp.13. 2012. pp.78-83.
- Pinto, M. & Sales, D. (2007). A research case study for user-centred information literacy instruction: Information behaviour of translation trainees. *J. Information Science*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/220195795> (accessed: 20.11.2021).
- Russian Professional Standard in Translation. Professionalny standart "Spetsialist v oblasti perevoda". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382769/6121fbcf67a348caf32cf9450feb3776733eb9e/. Accessed: 20.11.2021.
- Schüßler, H. (2012) Wer suchet, der findet? Die Vermittlung von Internetrecherchekompetenz in der Übersetzer Ausbildung / H. Schüßler. – Verlag Dr. Kovač, Hamburg. (in German)

UDC 81'255.2

SUN XIAOLI
St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

FEATURES OF TRANSLATING CHINESE PRAGMATIC MARKERS 这个 ZHE GE AND 那个 NA GE INTO RUSSIAN (BASED ON PARALLEL LITERARY TEXTS)

The article describes features of translating pragmatic markers (PM) 这个 zhe ge and 那个 na ge, corresponding to the Russian marker *eto samoe*, from Chinese into Russian. The source of the material was 23 literary works by Chinese writers Lao She and Lu Xun, which contain 33 uses of the studied PM, and their parallel translations. Writers in their texts actively use these markers in order to create a speech portrait of characters. The purpose of this study is to reveal features of translating Chinese PM into Russian, as well as a comparative analysis of the methods of their translation from one language to another. Both PM under consideration are used in texts in two of their functional varieties: boundary and hesitative markers. In Russian translated texts, four methods of their translation were used: (1) omission of the PM (no translation); (2) PM → significant unit; (3) Russian PM → Chinese PM; (4) PM → paralinguistic element. The most suitable Russian analogue of the Chinese PM – *eto samoe* – has never been encountered in translations. The correct understanding of various functions of the PM in the original text and their adequate transfer in the translation should become important tasks for Russian and Chinese translators.

Key words: pragmatic marker, context analysis, comparative analysis, translation technique, translation adequacy, colloquial speech.

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК КИТАЙСКИХ
ПРАГМАТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ 这个 ЧЖЭ ГЭ И 那个 НА ГЭ (НА
МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)**

В статье описывается специфика перевода на русский язык китайских прагматических маркеров (ПМ) 这个 чжэ гэ и 那个 на гэ, соответствующих русскому маркеру это самое. Источником материала стали 23 художественных произведения китайских писателей Лао Шэ и Лу Синь, в которых содержатся 33 употребления исследуемых ПМ, и их параллельные переводы. Писатели в своих текстах достаточно активно используют данные маркеры с целью создания речевого портрета того или иного персонажа. Цель настоящего исследования заключается в раскрытии особенностей перевода китайских ПМ на русский язык, а также в сопоставительном анализе приемов их перевода с языка на язык. Оба рассматриваемых ПМ употребляются в текстах в двух своих функциональных разновидностях: разграничительные маркеры и маркеры-hesитативы. В русских переводных текстах использовались четыре приема их перевода: (1) опущение ПМ (отсутствие перевода); (2) ПМ → значимая единица; (3) русский ПМ → китайский ПМ; (4) ПМ → паралингвистический элемент. Наиболее подходящий русский аналог данных ПМ – это самое – в переводах не встретился ни разу. Правильное понимание разных функций ПМ в тексте-оригинале и их адекватная передача в переводе должны стать важными задачами русских и китайских переводчиков.

Ключевые слова: прагматический маркер, контекстный анализ, сопоставительный анализ, прием перевода, адекватность перевода, разговорная речь.

Introduction

Pragmatic markers (PM), implemented as speech automatisms, have aroused the increased interest of many researchers in China and abroad in recent decades. PM are those units of our speech that have undergone a process of pragmaticalization, as a result of which "their lexical meaning <...> is largely weakened or completely lost, and it is replaced by a pragmatic meaning or function" [Bogdanova-Beglaryan, Filyasova, 2018]. Such markers are found exclusively in oral spontaneous speech, as well as in its imitation in written texts.

The reason for this study was the results of the analysis of the features of translating the Russian PM *это самое* (ES) (most of them belong to hesitative-search markers) into Chinese in literary texts [Sun Xiaoli, 2021]. The analysis showed that Chinese translators are poorly aware of the specifics of this marker, which is very typical in Russian colloquial speech, and either use some significant words instead of it, losing its pragmatic essence (this happens most often: 52.5 %, according to the study), or leave the marker completely without attention and do not translate it in any way (25 %), or still find Chinese correspondences to it (less often: 20 %): 这个 *zhe ge* 'this' or 那个 *na ge* 'that' (ibid.: 328). It is these two Chinese PM and their reverse translations into Russian that have become the object of attention in this study. In addition, most of modern Chinese PM studies are devoted to English language and have little to do with the study of Russian PM, especially in the aspect of translation, which is the value and perspective of this study.

Literature review

Pragmatic and discursive units in oral communication relatively recently began to attract both foreign and Russian researchers' attention. Research findings in recent decades show that various aspects of analysis and differences in linguistic typology have led to the fact that different works use many different terms for such units. They can be divided into three categories:

1) discourse markers (DM). For example: Schiffrin 1987; Watts 1989; Fraser 1990, 1996, 1999.
2) pragmatic markers (PM). For example: Traugott 1995; Brinton 1996; Risselada, Spooen 1998.

3) other terms. For example: pragmatic expressions (Erman 1987), pragmatic formations (Fraser 1987), discursive operators (Redeker 1991), etc.

In this study the term pragmatic marker is adopted, as shown above. PM covers a narrower range of linguistic and speech units with different functions than the term DM.

In China an overwhelming majority of scholars are devoted to studying the English-Chinese translation of PM/DM (eg, oh, well, you know, etc.) (see: Zheng Qun et al. 2003; Wu Guoliang 2005; Wu Yong et al. 2007; Qiao Shuxia 2008). The functions of PM 这个 and 那个 in oral communication have attracted attention among some Chinese linguists and scholars (Liu Liyan 2005; Xu Jiajin 2008; Guo Fenglan 2009; Li Heng 2011), but their English and Russian translations have not been studied.

Research material and methodology

The source of the material was 23 literary texts belonging to famous Chinese writers Lao She and Lu Xin, and their Russian translations [Lao She 1982; 2001; Lu Xun 1971; 2017]. These texts revealed 33 uses of the studied PM in 6 variants: 那什么 na shen me (10 uses, 30.3%), 那 na (8, 24.2%), 那是 na shi (5, 15.2 %), 这 zhe (4, 12.1%), 这个 zhe ge (3, 9.1%), 那个 na ge (3, 9.1%). It can be seen that the versions of zhe ge and na ge, used by Chinese translators who worked with Russian texts, turned out to be the least frequent in the works of Lao She and Lu Xin. During the research the following scientific methods were used: continuous sampling method, descriptive, comparative, discursive and quantitative methods.

Results

All uses of PM in the considered Chinese texts can be divided into two functional types: 22 boundary markers (66.7%), including 17 starting markers (77.3%) and 5 navigational markers (22.7%), and 11 hesitant markers (33.3%) (about the PM typology underlying the study, for more details see: [Pragmaticcheskie markery..., 2021]). It is interesting to see how these markers are transmitted in Russian translations of the studied texts. Let's look at some examples.

掌柜也伸出头去,一面说,“孔乙己么?你还欠十九个钱呢!”孔乙己很颓唐的仰面答道,“这……下回还清罢。这一回是现钱,酒要好。”

– Kun? – voskliknul on. – Tak ved' za toboj eshche devyatnadcat' medyakov! Podnyav golovu, Kun, teryaya poslednie sily, chut' slyshno proiznes;

– Eto... v drugoj raz. A sejchas zaplachu nalichnymi... Tol'ko vina poluchshe.

“那,”牛牧师抓了抓稀疏的黄头发。“那,‘启示录’是最难懂的。在我们国内,光说解释‘启示录’的书就有几大车,不,几十大车!你呀,先念‘四福音书’吧,等到功夫深了再看‘启示录’!”

– Kkha-kkha! – Pastor zapustil ruku v ryzhevatuuyu redkuyu rastitel'nost'. – Kkha-kkha! Otkrovenie svyatogo Ioanna – chast' Zaveta malo ponyatnaya. V strane, otkuda ya rodom, napisano mnozhestvo knig, v kotoryh raz' yasnyatsya temnye ee mesta, a knig etih stol'ko, chto oni ne ulozhatsya na neskol'ko bol'shih teleg! Luchshe, syn moj, nachnite so «Svyatyh blagovestvovaniy», a kogda uglubite svoi poznaniya, berites' za «Otkrovenie»!

In the above examples, two versions of the PM 这 zhe and 那 na are used in speech as starting markers.

In context (1), hearing the question of the liquor store owner, the speaker is embarrassed by his unpaid credit. He cannot immediately decide how to answer the question, so he uses the starting marker and also the hesitative marker – to indicate his readiness to utter a response (that is, not to evade an answer) while buying time to find the right words. This marker is translated as Russian PM *eto*. It is worth noting that it is not a reduced form of PM *eto* *samoe*. In the linguistic literature this form is given separately from ES in a variety of lists of "parasite words", which "indicate <...> insufficient speech culture" of the speaker [Zemskaya, 1987, p. 91; Kozlov, 1997, p. 298]. The Dictionary of Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech also devotes separate entries to these two PM [Pragmaticcheskie markery..., 2021, pp. 432-435, 435-458].

In example (2), the protagonist began to speak before he had time to think about his utterance. Here the marker *那na* is used twice in a row to mark the difficulty of speech production and retention of the speech initiative (queue in the conversation) (for more details on the ways of transmission and retention of the queue in the dialogue, see: [Sachs et al. 2015]). PM is translated in this context as a paralinguistic element – the sound of coughing (Kkha-kkha!). It is known that the paralinguistic elements – laughter, sigh, cough – "in addition to expressing the physiological state of the speaker, distinguishing his behavior patterns (<...> the same group includes yawning, crying, sobbing, whistling, sniffing and some others. [Kreidlin, 2002, pp. 29, 34-35]) or reactions to a situation or the topic of conversation (laughter), can also perform various discursive functions in oral speech": the function of a hesitative- search, reflexive and even a final marker (for more details see: [Bogdanova-Beglaryan, 2019, p. 24].

那什么 (a), 没有。天还没亮, 就都起来了, 简直顾不得说话了。 火车是, 那什么 (b), 七点四十分就开! 那什么 (c), 我怎么过那院去?" 王二急于要过去。

Da vrode by (a) net! Yeshche do rassveta, znachit, podnyalis', nekogda bylo govorit'. Poyezd, znachit (b), ushel v sem' sorok. Tak (c) kak mne proyti v dom? – zatoropilsya Van"er.

In context (3) the marker *那什么na* *shen me* is used three times, in three different functions. Construction (a) marks the beginning of a character's line (starting PM). The speaker finds it difficult to begin his speech and utters the PM, unconsciously and reflexively, as if collecting his thoughts. This marker has been translated into Russian as a set of particles *da vrode by*, conveying the uncertainty of the speaker (in the typology of Russian PM is an approximative marker, not recorded in the Russian material as a starting marker, for more details see: [Pragmaticcheskie markery..., 2021, pp. 89-96]). The construction (b) is a typical hesitative-search marker, which is immediately followed by the required verb-predicate *开 kai* 'gone'. The marker is translated as an introductory word *znachit* with the meaning 'thus, therefore'. The last construction (c) is used as a navigational marker: the speaker finished the topic block about the time of the train departure and moved on to a new topic – *kak mne proyti v dom?* The marker is translated as the particle *so* in a pragmatic sense close to the marker function, see: "it is used at the beginning of a line resuming an interrupted conversation or returning it to some topic" [MAS, 1988, p. 332].

“你反了,你这.....”大竹杠又向他劈下来了。阿Q 两手去抱头, 拍的正打在指节上, 这可很有些痛。他冲出厨房门, 仿佛背上又着了一下似的。“忘八蛋!”秀才在后面用了官话这样骂。

– Ty chto, vzbessilsya?... Akh ty!.. Palka opyat' opustilas' na golovu A-k'yu, no udar prishelsya po pal'tsam, tak kak golovu A-k'yu prikryl rukami. Eto bylo yeshche bol'neye. Vyskakovaya za dver', A-k'yu poluchil yeshche odin udar po spine.

– Akh ty, zabyvshiy vos'moye pravilo, – po-uchenomu vyrugalsya vsled yemu syutsay.

In context (4) the PM *这zhe* appears in the hesitative-search function. The word *忘八蛋 wang ba dan* is found and used distantly after the marker as a result of search. The PM is translated as an idiomatic interjection (underlined in the example). It should be noted that *忘(王)八蛋 wang ba dan* in Chinese is a swear word meaning 'bastard, assholes' (literal translation – 'turtle egg'). It

actually comes from the ancient expression 忘八端 *wang ba duan*, meaning 'forget the eight rules', not 'forget the eighth rule' as in this translation, but nowadays the Chinese rarely know about it and do not use the expression in speech. This translation chosen by the Russian translator does not have a strong vulgar coloring in this example, and therefore easily bewilders both Russian readers and native Chinese speakers. When working with texts, the translator must accurately understand the meaning of vulgar words in a particular context, especially know and understand the measure of emotional expression, and translate it accordingly in the translated text.

“那些事是七夫人都知道的。”慰老爷仰起脸来说。“爱姑，

你要是不转头，没有什么便宜的。你就总是这模样。你看你的爹多少明白；你和你的弟兄都不像他。打官司打到府里，难道官府就不会问问七夫人么？那时候是，‘公事公办’，那是，……你简直……”

Vse eto Sed'momu gospodinu izvestno, – skazal gospodin Vey, podnyav golovu. – Nichego ty ne dob'yesh'sya, odumaysya luchshe. Zachem artachish'sya? Posmotri na svoeyego ottsa – on chelovek razumnyy, ne v primer tebe i tvoim brat'yam. Budesh' sudit'sya, doydesh' do okruga? A nachal'nik okruga razve ne stanet sovetovat'sya s Sed'mym gospodinom? I togda eto budet ofitsial'noye delo, i reshitsya ono po-ofitsial'nomu... I togda... Net, ty prosto...

学程正捧着一本小而且厚的金边书快步进来，便呈给四铭，

指着一处说：“这倒有点像。这个……”

Syue-chen bystro voshel, derzha v rukakh nebol'shuyu, tolstuyu knizhku s zolotym obrezom. Protyanuv yeye ottsu, on pokazal na raskrytuyu stranitsu:

– Vot zdes' kak budto pokhozhe...

In example (5), after the automatic and unconscious use of PM 那是 *na shi* and a break, the speaker's attempt to find appropriate evaluative words is clearly visible (underlined in context), but the hesitant search was unsuccessful. The marker is translated as a union and adverb as a result: *i togda*. In example (6), the search is also unsuccessful, after a hitch, the required units are not found, and here you can observe the omission of the marker during the translation. In both contexts, unlike the previous examples, hesitant-search PM are used in a situation where the search proves unsuccessful.

We can see that Russian translators face the same difficulties in translating pragmatic markers of spoken language as Chinese translators do: they do not always feel the pragmatic features of specific units and either omit the PM in the translation (according to this study – in 24.2% of cases), or translate with meaningful units (most often: 51.5%), and less often find a corresponding Russian PM, even if not always the same functional type as was in the original Chinese text (15.2%). These figures are quite comparable with those that were obtained on the material of Chinese translations of Russian PM, and once again indicate the need to establish a complete inventory of such markers in each language, with a description of their functions and possible correspondences in other languages. In addition, the present study revealed the method of translation PM → paralinguistic element (9.1%), which was not found in the analysis of Russian-Chinese translations of such markers.

It is also curious that the Chinese analogs of the Russian PM *eto samoe* – 这个 *zhe ge* and 那个 *na ge* – with which our research began, have never been met in reverse translations. Instead of them, other markers are used: *eto*, *eta*, *nu vot*, *vot i znachit*.

Conclusion

"Every utterance is created in order to get some kind of communicative effect, so the pragmatic potential is the most important part of the content of the utterance <...>. The study of the pragmatic aspects of translation is therefore one of the central tasks of translation theory" [Komissarov, 1999, p. 20]. PM can be frequently found in verbal communication, and they

function variously in different contexts. Thus how to deal with them in translation is worth further study." Since translation is a process of understanding information and code conversion, the most important step is the successful understanding of the target text" (Xue Yuan, 2003, pp. 60-62). There is no doubt that a direct translation into another language of pragmatic markers in oral speech (in its stylizations in a literary text) without taking into account their function is simply impossible, it will not ensure an adequate perception of the reported information by the addressee. The translator should reproduce the pragmatic potential of the original text as accurately as possible and strive to provide the desired impact on the reader, for which a pragmatic approach to the creation of a translation is essential.

Sources

- Lao She. Izbrannoye: Sbornik [Selected Works: Collection] / Per. s kit., sost. i red. A. A. Fayngar; predisl. N. T. Fedorenko. – M.: Raduga, 1982. – 512 p.
- Lao She. Novels by Lao She. Shu Yu (ed.). – Hangzhou: Zhejiang Literature and Art Publishing House, 2001. – 428 p. (老舍. 舒雨选编. 老舍小说. 杭州: 浙江文艺出版社, 2001. 428 p.)
- Lu Xun. Povesti. Rasskazy [Novella. Stories]. – M.: Khudozhestvennaya literatura. 1971. – 516 p.
- Lu Xun. Diary of a Madman. – Chengdu: Sichuan People's Publishing House, 2017. – 431 p. (鲁迅. 狂人日记. 成都: 四川人民出版社, 2017. 431 p.)

Reference

- Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2019) Pragmatika neverbal'nogo v russkoj ustnoj rechi [Pragmatics of Non-verbal in Russian Oral Speech] // Rusistika v XXI veke: tendencii i napravleniya razvitiya [Russian Studies in the XXI Century: Trends and Directions of Development]. International scientific conference. Coll. articles. October 24-25, 2019. – Yerevan: YSU Publ., 2019. – pp. 21-26. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N. V., Blinova, O. V., Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu., Zaides, K. D., Popova, T. I. (2019) Annotirovanie pragmaticheskikh markerov v russkom recevom korpusе: problemy, poiski, resheniya, rezul'taty [Annotation of Pragmatic Markers in the Russian Speech Corpus: Problems, Searches, Solutions, Results] // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii [Computational Linguistics and Intelligent Technologies]: Based on the materials of the annual international conference "Dialogue" (Moscow, May 29 - June 1, 2019) / Ch. ed. V. P. Selegey. – Issue. 18 (25), 2019. – pp. 72-85. (in Russian)
- Zemskaya, E. A. (1987) Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskij analiz i problemy obucheniya [Russian Colloquial Speech: Linguistic Analysis and Learning Problems]. – Moscow: Russkij jazyk. (in Russian)
- Kozlov, N. I. Istinnaya pravda, ili uchebnik dlya psihologa po zhizni [True Truth, or a Textbook for a Psychologist in Life]. – Moscow: AST-PRESS, 1997. – 480 p. (In Russ.)
- Komissarov, V. N. (1999) Obshchaya teoriya perevoda [General Translation Theory]. – Moscow: CHERo. (in Russian)
- MAS – Slovar' russkogo jazyka v chetyrekh tomah [Dictionary of the Russian Language in Four Volumes]. Tom IV. S – Ya / A. P. Evgenjeva (ed.). – Moscow: Russkij jazyk, 1988. – 790 p. (in Russian)
- Pragmaticheskie markery russkoj povsednevnoj rechi: Slovar'-monografiya [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: A Dictionary-Monograph] / N. V. Bogdanova-Beglaryan (ed.). – St Petersburg: Nestor-Istoria, 2021. – 520 p. (in Russian)
- Sachs, H., Jefferson & G., Schegloff, E. A. (2015) Prostejshaya sistematika organizacii ocherednosti v razgove [The Simplest Systematics of Organizing Turn-taking in a

- Conversation] // Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]. – Volume 14, № 1, 2015. – pp. 142–202. (in Russian)
- Bogdanova-Beglyaran, N. V. & Filyasova, Yu. A. (2018) Discourse vs. Pragmatic Markers: A Contrastive Terminological Study // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, SGEM2018 Vienna ART Conference Proceedings, 19-21 March. 2018. – Vol. 5. – pp. 123-130.
- Brinton, L. J. (1996) Pragmatic Markers in English: Grammaticalization and Discourse Functions. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1996.
- Erman, B. (1987) Pragmatic Expressions in English: A Study of You Know, You See, and I Mean in Face-to-Face Conversation. – Stockholm: Almqvist and Wiksell.
- Fraser, B. (1987) Pragmatic Formatives // The Pragmatic Perspective / J. Verschueren, M. Bertucelli-Papi (eds). – Amsterdam: Benjamins, 1987. – pp. 179-194.
- Fraser, B. (1990) An Approach to Discourse Markers // Journal of Pragmatics. – Vol. 14, 1990. – pp. 383-395.
- Fraser, B. (1996) Pragmatic Markers // Pragmatics. – Vol. 6 (2), 1996. – pp. 167-190.
- Fraser, B. (1999) What Are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. – Vol. 31, 1999. – pp. 931-953.
- Redeker, G. (1991) Linguistic Markers of Discourse Structure // Linguistics. – Vol. 29, 1991. – pp. 1139-1172.
- Risselada, R. & Spooren, W. (1998) Introduction: Discourse Markers and Coherence Relations // Journal of Pragmatics. – 1998, № 30. – pp. 131-133.
- Schiffirin, D. (1987) Discourse Markers. – Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Sun Xiaoli. (2021) The Ways of Translating Pragmatic Marker eto samoe (Based on the Material of Parallel Russian and Chinese Literary Texts) // Communication Research. – Vol. 8, 2021, № 2. – pp. 323-332.
- Traugott, E. C. (1995) Subjectification in Grammaticalization // Subjectivity and Subjectivisation: Linguistic Perspectives / D. Stein, S. Wright (eds.). – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. – pp. 31-54.
- Watts, R. (1989) Taking the Pitcher to the ‘Well’: Native Speakers’ Perception of Their Use of Discourse Markers in Conversation // Journal of Pragmatics. – 1989. Vol. 13. – pp. 203-237.
- Guo Fenglan. (2009) A Sociolinguistic Analysis of the Discourse Markers "Zhe Ge" and "Na Ge" in Beijing Dialect. Chinese Language, 2009, № 5. – pp. 429-437.
- 郭风岚.北京话语标记“这个”、“那个”的社会语言学分析.中国语文,2009,第5期:429-437.
- Li, Heng (2011) Analysis of Pragmatic Functions of Discourse Markers "Zhe Ge" and "Na Ge" // Cultural and educational materials. 2011, № 32. – pp. 25-26.
- 李恒.话语标记语“这个”和“那个”的语用功能分析.文教资料, 2011, 第32期: 25-26.
- Liu, Liyan. (2005) Discursive Markers in Oral Communication. – Zhejiang: Zhejiang University.
- 刘丽艳. 口语交际中的话语标记. 浙江: 浙江大学, 2005.
- Qiao, Shuxia. (2008) The Pragmatic Function and Chinese Translation of the Discourse Marker YOU KNOW. Journal of Shangluo University, 2008, № 3. – pp. 28-32.
- 乔淑霞.论话语标记语YOU KNOW的语用功能及其汉译.商洛学院学报,2008,第3期:28-32.
- Xu, Jiajin. (2008) The Functional Analysis of Discourse Marker "Na (Ge)" in Chinese Natural Conversation. Linguistic Sciences, 2008, № 1. – pp. 49-57.
- 许家金.汉语自然会话中话语标记“那(个)”的功能分析.语言科学, 2008, 第1期: 49-57.
- Xue, Yuan. (2003) Discourse markers and their pragmatic enrichment in translation // Foreign Languages and Foreign Language Teaching, 2003, № 7. – pp. 60-62.
- 薛媛.话语标记语及其在翻译中的语用充实.外语与外语教学, 2003, 第7期: 60-62.
- Wu, Guoliang. (2005) Comments on the Usage and Translation of Discourse Markers Well. Chinese Translation, 2005, № 5. – pp. 86-88.

吴国良. 话语标记词well用法译评. 中国翻译, 2005, 第5期: 86-88.

Wu, Y. & Zheng, S. (2007) Reproduction of the Pragmatic Function of Discourse Marker WELL in English-Chinese Translation. *Foreign Languages and Foreign Language Teaching*, 2007, № 7. – pp. 47-52.

吴勇, 郑树棠. 话语标记语WELL语用功能在英译汉中的再现[J]. 外语与外语教学, 2007, 第7期: 47-52.

Zheng, Q. & Gao, Ch. (2013) The Pragmatic Function and Translation of the Discourse Marker Oh: Taking the English-Chinese Script of Lady Precious Stream as an Example. *Chinese Journal (Foreign Language Education and Teaching)*, 2013, № 4. – pp. 36-39.

郑群, 高常秋月. 话语标记语Oh的语用功能及翻译: 以 Lady Precious Stream 英汉对照剧本为例. 语文学刊(外语教育教学), 2013, 第4期: 36-39.

UDC 81-139

E. VARLAMOVA, F. SIBGAEVA, R. LATYPOV

Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russian Federation

LINGUISTIC LANDSCAPE OF THE MULTILINGUAL CITY: TRANSLATION AND TRANSLANGUAGING

The research material in this article was the ergonyms of one of the central streets of the city of Kazan - Profsoyuznaya Street. The aim of the study is seen as determination of the features through which translanguaging as a language practice of bilinguals, using entire language repertoire in their speech, manifests itself in the ergonyms of Kazan. In addition, it seems necessary to compare the degree of presence in the linguistic landscape of Kazan such phenomena as translation, that is, duplication of information in another language, and translanguaging. Based on this, the authors set themselves two research tasks:

RQ1: How widespread is translanguaging in the linguistic landscape of a multilingual city compared to the translation of information into another language in case of ergonyms?

RQ2: What languages are involved in the linguistic repertoire of Kazan residents in case of ergonymy?

The study revealed that translanguaging is even more typical for the linguistic landscape of a multilingual city than translation (28% of multilingual ergonyms compared to 25% of ergonyms built on the principle of information duplication). The linguistic repertoire in ergonyms is not limited to two languages - Russian and Tatar; English actively manifests itself in the landscape, making translanguaging multilingual rather than bilingual.

Key words: linguistic landscape, translanguaging, translation, ergonym, bilingualism, multilingualism

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОГО ГОРОДА: ПЕРЕВОД И ТРАНСЪЯЗЫЧИЕ

Материалом исследования в данной статье послужили эргонимы одной из центральных улиц города Казани – улицы Профсоюзная. Целью исследования является стремление определить, насколько активно транслингвизм как языковая практика билингвов, задействующих в своей речи весь свой языковой репертуар, проявляет себя в эргонимах города Казани. Кроме этого, представляется необходимым сопоставить степень присутствия в лингвистическом ландшафте Казани таких феноменов как перевод, то есть дублирование информации на другом языке, и трансъязычие. Исходя из этого, авторы ставят перед собой две исследовательские задачи:

RQ1: Насколько распространено трансъязычие в лингвистическом ландшафте мультилингвального города по сравнению с переводом информации на другой язык на примере эргонимов?

RQ2: Какие языки задействованы в лингвистическом репертуаре жителей Казани в случае эргонимии?

В ходе исследования было выявлено, что трансъязычие даже более характерно для лингвистического ландшафта мультилингвального города, чем перевод (28% трансъязычных эргонимов по сравнению с 25% эргонимов, построенных по принципу дубликации информации). Лингвистический репертуар на примере эргонимов не ограничивается двумя языками – русским и татарским, английский язык активно проявляет себя в ландшафте, делая трансъязычие не би-, а мультилингвальным.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, трансъязычие, перевод, эргоним, билингвизм, мультилингвизм

Introduction

For the first time, R. Landry and R. Burhis introduced the term “Linguistic landscape” in their research done in 1997 [Landry, 1997]. The authors used it to describe the co-existence of languages in the space of a metropolis. Scientists examined street signs – different types of denominations – organization names, signs on the shops, information notices, road signs, etc. Thus, they made a conclusion about a certain language prevalence in a given area.

Currently, the description of the linguistic landscape is a new way of studying the language in the context of globalization, the emergence of which is due to the growing number of bilingual and multilingual regions around the world [Kirilina, 2013]. It consists in the study of written signs in public space of the urban environment [Backhaus, 2007]. The study of the linguistic landscape reveals patterns in the ways in which people, organizations, institutions, government agencies communicate using symbols within a complex linguistic reality [Ben-Rafael, 2006].

The study of the linguistic landscape is of interest for linguistics in the sense that it becomes possible to determine the degree of mutual influence of languages on each other in the urban space, in other words, to determine the degree of linguistic integration. “Linguistic integration is the processes of borrowing, mixing, crossing languages. In a multinational society, linguistic integration is associated with the conflict-free functioning of the social and communicative system, the components of which (different languages) are in a relationship of functional complementarity” [Zherebilo, 2010].

The city of Kazan, the capital of the subject of the Russian Federation - the Republic of Tatarstan, is a multilingual city, which is enshrined in the constitution of Tatarstan: “The state languages in the Republic of Tatarstan are equal Tatar and Russian languages. The state

languages of the Republic of Tatarstan are used on an equal basis in state power bodies, local self-government bodies, state institutions of the Republic of Tatarstan” [the Constitution of the Republic of Tatarstan].

The focus of this study is the features of the translation of ergonyms in the linguistic landscape of the city of Kazan on the example of all the denominations of this type found on Profsoyuznaya Street, the main “bar” street of the city, as well as the phenomenon of translanguaging. By translation, in the context of an urban text, we mean the duplication of information in another language. The term “translanguaging” is manifested as the language practice of bilinguals - people who successfully communicate in two or more languages [Garcia, 2014]. “Translanguaging is the use of the entire communicative repertoire of the speaker, as a result of which languages and cultures smoothly flow into each other” [Proshina, 2017, p. 161].

Methods and material

The linguistic landscape is made up of different types of information units: indices, opening hours, legal addresses, information notices, ergonyms, etc. By an information unit, we understand a segment of the linguistic landscape that is functionally / geographically delimited from other information units [Varlamova, 2021, p. 149].

Information units, which contain lexical units belonging to different languages, can be called multilingual information units. Multilingual units can be expressed by a phrase, a sentence, a text. Other units that can be referred to as multilingual information units, in our perception, are compound words formed with the help of morphemes of different languages (or letters of different alphabets) as well as abbreviations containing letters of different alphabets, etc. At the same time, a multilingual unit is not built on the principle of information duplication in another language. Elements in different languages in the composition of multilingual units represent separate, non-duplicated semes, thus, understanding a multilingual unit of information testifies to the bilingualism (multilingualism) of the individual or his broad linguistic erudition. Consequently, the following units can be attributed to multilingual information units:

1) Скачайте приложение «Самокат шеринг». Приложение доступно в Google play, App store и на сайте samokat.net (unit type – information notice).

2) МЫ ПРИНИМАЕМ mastercard, maestro, mastercard paypass pay VISA VISA ELECTRON МИР (unit type - information notice).

3) СПБ самый правильный бар est. 2006 (type of information unit - ergonym). The information unit is considered to be multilingual as СПБ is the multigraphic abbreviation with the first letter of the town name transliterated into the Latin alphabet, while two following letters retain the Cyrillic writing.

4) УРАГАН САРАЙ кофейня (type of information unit - ergonym). This unit consists of Russian and Tatar words, as “Saray” is the Tatar word defined as “Palace”.

5) CINNABON всемирно известные булочки с корицей КАФЕ ПЕКАРНЯ (type of information unit - ergonym). This ergonym is considered to be a multigraphic one.

6) Чайхана Мархаба ТАТАР CUISINE (type of information unit - ergonym).

7) Новогодняя Инстасказка (type of information unit - advertisement). In this case, the second word in the unit has been formed by means of multilingual compounding, employing the letters belonging to different alphabets.

8) FishKa Discount Bar (type of information unit - ergonym). The first element in the ergonym has been formed by means of multilingual word-building, in which the stem of the newly formed word belongs to English, and the word-building suffix – to the Russian language.

Thus, we can elicit Russian-Tatar, Russian-English, English-Tatar, Russian-Tatar-English units in the linguistic landscape of the city of Kazan (the degree of presence of foreign languages other than English in the landscape of the city of Kazan is minimal, therefore we do not consider units with their presence in this study).

We perceive monolingual information units to be such units of information, words (morphemes of one word) in which are presented in one language, as well as the letters belonging to one alphabet are employed.

In the definition of an ergonym, we adhere to the opinion of A.M. Emelyanova: “Ergonyms are understood only as the proper names of enterprises of various functional profiles: business associations of people (scientific, educational, industrial institutions), commercial enterprises (agencies, banks, stores, companies), objects of culture (cinemas, clubs entertainment facilities, theaters, parks), sports facilities (complexes, stadiums), which are units of the city linguistic space” [Emelyanova, 2007, p. 5]. Following the researcher, we study all ergonyms regardless of their structure: “Ergonyms in the derivational aspect are combined into two nominative types: 1) semantic, represented by ergonyms-words, ergonyms-phrases, ergonyms-sentences; 2) actually derivational, represented by ergonyms formed by such derivational methods as abbreviation, addition and material suffixation” [Emelyanova, 2007, p. 5].

In the course of the study, the method of information units identification, the method of functional analysis, the method of linguistic affiliation determination, and the method of statistical calculation were applied.

The material of the research was collected by the method of continuous sampling by photographing the ergonyms of Profsoyuznaya street of Kazan in February 2021.

Results

In February 2021, in the linguistic landscape of Profsoyuznaya Street, ergonyms in Russian were represented in the amount of 47 ergonyms (*RESTORAN PO CHESNOKU, Dzhem BAR*). English monolingual units - 22 ergonyms (*BOURBON BAR ROUTE BAR 66 AMERICAN FOOD*). Tatar ergonyms - 7 units (*Ir-at kieme Məktəp formasi FIRMA KIBETE*).

Multilingual ergonyms were presented on Profsoyuznaya Street in the amount of 29 units. For example:

Royal Style butik naryadov - Royal Style kiyemnar butigi;

KazanExpress Vygodnyye pokupki bystreya chem za sutki;

FLOWER STUDIO OlaCvetok; Begemotъ beer bar;

Nit' BAR & KITCHEN;

VERSALE zinnət səngate - VERSALE iskusstvo roskoshi;

MORE & MORE moreprodukty i vino.

Thus, 76 monolingual ergonyms and 29 multilingual ones were recorded on Profsoyuznaya Street in February 2021. Consequently, the percentage of language integration at this date was 28%. As an indicator of linguistic integration, we consider the percentage of the presence of multilingual information units in the linguistic landscape of the total number of information units in comparison with monolingual units. Multilingual units testify to the multilingual competence of the population of a multilingual city, since they are not built on the principle of duplication of information in another language.

Bearing in mind that translanguaging is the use of the entire communicative repertoire of the speaker, as a result of which languages and cultures smoothly flow into each other, we can assume that this linguistic feature employed by bilinguals (or even multilinguals) in their speech can be clearly observed in multilingual information units, which are not built on the principle of information duplication. In this respect, 28% of the information given testifies to the bilingual/multilingual nature of the city residents, as in one and the same unit it is possible for them to switch from one language to another.

The number of multilingual units in which English words were used together with Russian was the maximum in the linguistic landscape of Profsoyuznaya Street (24 units). Cases of transliteration were identified (*Intayp Intellektual'naya pechat'; EAT N GO STRIT FUD PITSTSA VOK-POKE; FLOWER STUDIO OlaCvetok*), one case of multigraphism, that is, contamination (combination) of graphic systems (*EnotekaS BUTIK ELITNOGO ALKOGOLYA*). 5 units were identified in which the Tatar language was combined with Russian (for example, *TOKMACH STOLOYAYA*).

Thus, while translanguaging, the “repertoire” of the Russian, English and Tatar languages is used in the linguistic landscape of Kazan.

In February 2021, 12 ergonyms were duplicated in another language; the cases of duplication are the following:

1. *Begemot pivnoy bar beer bar* (the case of Russian to English translation of the function of the establishment)
2. *Muzhskoy kostyum Shkol'naya forma FIRMENNY MAGAZIN – Ir-at kiyeme Maktap formasy FIRMA KIBETE* (the rare case of the Russian to Tatar duplication of all the elements of the ergonym)
3. *MORE & MORE seafood and wine - MORE & MORE moreprodukty i vino* (the case of English to Russian duplication of the function of the establishment)
4. *OFISNY TSENTR KAZANSKOYE PODVOR'YE OFIS YZÖGE* (the case of Russian to Tatar information duplication)
5. *AKTSIONERNOYE OBSHCHESTVO MNOGOPROFIL'NAYA KLINIKA «AVA-KAZAN'» - MULTIDISCIPLINARY CLINIC “AVA-KAZAN” – AKTSIONERLYK ЖӨМГҮҮЯТЕ КИПРОФИЛ'ЛЕ «AVA-KAZAN'» KLINIKASY* (the information is duplicated in three languages in this example)
6. *AVTOMOYKA – AVTOYUGYCH* (Russian to Tatar information duplication)
7. *NOGAY OTEL' HOTEL* (Russian to English information duplication)
8. *KAZANSKOYE TEATRAL'NOYE UCHILISHCHE UCHEBNNY TEATR – KAZAN TEATR UCHILISHCHESY ÖYRÖNY TEATRY* (Russian to Tatar information duplication)
9. *UPRAVLENIYE KUL'TURY – MÖDÖNIYAT IDARÖSE* (Russian to Tatar information duplication)
10. *café WOK@GO kafe* (English to Russian information duplication)
11. *APTEKA DARUKHANÖ* (Russian to Tatar information duplication)
12. *LECHEBNO-DIAGNOSTICHESKIY TSENTR FARM-T - MEDICAL CENTRE – ЖЧЖ «FARM-T» DIAGNOSTIKA DÖVALAU YZÖGE* (the information is duplicated in three languages in this example)

Thus, 26 monolingual ergonyms in the linguistic landscape of Profsoyuznaya Street were built on the principle of information duplication, which comprises 25% of the total number of the ergonyms registered.

Discussion

The article examines the recently emerging concept of translanguaging, studies the ways translanguaging manifests itself in the linguistic landscape of the multilingual city, and the way translanguaging differs from the mere information duplication. While transculturalism is perceived as the simultaneous existence of an individual in the role of several identities at once in different cultures, with the preservation of the imprints of each of them; translanguaging is understood as a smooth transition from one linguoculture to another, as a result of which some merging occurs. At the same time, there is no complete assimilation of the linguocultural identity of language users, as a mixed discourse is created, characterized by the permeability of languages, their mutual influence, due to which a new quality of enriched linguoculture is given rise to. Applied use of translanguaging is possible both in the field of teaching languages, cultures and literatures, and in the field of translation practice.

Translanguaging is the process while speakers of different languages use their native languages as an integrated communication system. However, nowadays the term multilingual repertoire has been promoted, referring to what multilingual intelligence the learner has. Some linguists claim that a multilingual speaker's full repertoire should be considered while teaching the language; knowledge or mastering any other language should be taken into account and used in the class.

In our research, we suggest to apply the term translanguaging not only to the linguistic repertoire of bilinguals with two native languages being the part of it, but to the whole scale of linguistic awareness, as the cases of translanguaging from Russian to Tatar, or Tatar to Russian are not as numerous in the linguistic landscape of Kazan. Multilingual units with the English / Latin alphabet element are much more frequent.

Conclusion

The results of the study and the discussion of the results have clearly shown that translanguaging in the linguistic landscape of Kazan can be multilingual, not bilingual, as it has often been considered to be. As the use of Russian-English, as well as Russian-Tatar-English units is more widespread than the mingling of Tatar and Russian elements in one and the same ergonym. Such phenomenon can be attributed to the esthetic function, typical of ergonyms, as their target is attention catching.

Translation as duplication of information in another language is quite typical and customary in the linguistic landscapes, but raises almost no linguistic interest. Translanguaging in the linguistic landscape of Kazan with the multilingual repertoire employed is even more widespread than information duplication, it exceeds the latter by 3% (as 28% to 25%), which testifies to the high level of the multilingual competence of the residents, as multilingual units are not based on information duplication.

References

- Laundry, R. (1997) Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study / R. Laundry, R.Y. Bourhis // *Journal of Language and Social Psychology*. - 16 (1). - 3p. 23-49.
- Kirilina, A.V. (2013) Description of the linguistic landscape as a new method of studying language in the era of globalization // *Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya»*. - №24. - Vypusk 5. - pp. 159-167. (in Russian)
- Backhaus, P. (2007) *Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo* / P. Backhaus. - Clevedon: Multilingual Matters.
- Ben-Rafael, E. (2006) Linguistic Landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel / E. Ben-Rafael, E. Shohamy, M.H. Amara, N. Trumper-Hecht // *International Journal of Multilingualism*. - Vol. 3 (1). - Pp. 7-30.
- Zherebilo, T.V. (2010) *Dictionary of linguistic terms*. Izd. 5-ye, ispr. i dop. – Nazran': OOO «Pilgrim».
- Constitution of the Republic of Tatarstan [Electronic resource]. - Access mode: https://minjust.tatarstan.ru/konstitutsiya.htm?pub_id=1084014.htm
- Garcia, O. (2014) Countering the dual: Transglossia, dynamic bilingualism and translanguaging in education // Rubdi, R., Alsagoff, L. (eds.) *The global-local interface and hybridity: Exploring language and identity*. Bristol, Buffalo and Toronto: Multilingual Matters, pp. 100-118.
- Proshina, Z.G. (2017) Translanguaging and its applied prominence // *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: YAzyki i spetsial'nost'*. - V. 14. - №2. – Pp. 155-170. (in Russian)
- Varlamova, Ye.V. (2021) Linguistic landscape of the city of Kazan: features of language integration // *Global Scientific Potential*. - №2(119). - Pp. 148-152.

UDC 811.111

E. VLASOVA

Odintsovo Branch of MGIMO University
Odintsovo, Russian Federation

EXAGGERATION IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF MODERN BRITISH AND AMERICAN NEWSPAPERS)

The author deals with exaggeration (overstatement) in modern political discourse, used for overestimating readers' reactions to phenomena, events and objects. The article provides examples of lexical means of expressing exaggeration, including emotional-evaluative

adverbs/adjectives that focus the reader's attention on a certain property or quality of the subject and serve to enhance the expression of meaning, as well as an superlative degree of comparison of adjectives, which enhances the reader's impression and affects his emotions and the implementation of the strategy of the author of the article. The author also identifies stylistic means of expressing exaggeration: hyperbolic metaphor, which is used for political and propaganda influence on the reader in order to control public consciousness, and hyperbole, which enhances the expressiveness and emphasis of the said thought and convinces the reader of the reliability of the information.

Key words: exaggeration, overstatement, political discourse, emotional-evaluative adverbs/adjectives, superlative degree of comparison of adjectives, hyperbole, metaphor.

Е.В. ВЛАСОВА

Одинцовский филиал МГИМО
Одинцово, Российская федерация

ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ГАЗЕТ)

Автор статьи рассматривает преувеличение (переоценку) в современном политическом дискурсе, используемое для завышенной оценочной реакции читателей на явления, события и предметы. В статье приводятся примеры лексических средств выражения преувеличения, включающих эмоционально-оценочные наречия/прилагательные, акцентирующие внимание читателя на определённом свойстве или качестве предмета и служащие усилению выражения смысла, а также превосходную степень сравнения прилагательных, которая усиливает впечатление читателя и влияет на его эмоции и реализацию стратегии автора статьи. Автор также выделяет стилистические средства выражения преувеличения: гиперболическую метафору, которая используется для политического и пропагандистского воздействия на читателя с целью управления общественным сознанием и гиперболу, усиливающую выразительность и подчёркивание сказанной мысли и убеждающей читателя в достоверности информации.

Ключевые слова: преувеличение, переоценка, политический дискурс, эмоционально-оценочные наречия, превосходная степень сравнения прилагательных, гипербола, метафора.

Introduction

The relevance of this research is due to the insufficient study of the diverse ways of expressing exaggeration in political discourse and the need for the reader to understand the true intentions and techniques of linguistic manipulation of the authors of newspaper articles. In this study we will make an attempt to analyze the diverse ways of expressing overstatement in the speech of the authors of newspaper articles and their impact on the emotional reaction of the reader.

The actual material of the work is electronic editions of British and American newspapers: The Guardian, The Economist, Bloomberg-Businessweek, of which 75 contexts of the use of exaggeration in the language of newspaper articles were recorded by a continuous sampling method.

Methods and material

The methodology of the present study is mainly based on discourse analysis. The reliability of the scientific results is supported by the convincing analysis of the collected linguistic material taken from the British and American online newspapers dated 2021. The methods of continuous sampling, comparative and quantitative analysis were used to collect, compare and count the material.

Discussion

In the linguistic literature there is a large number of works in which political metaphors, hyperbole, irony, euphemisms and other ways of linguistic influence of the author of newspaper articles on the reader are considered. In this study, we will summarize various ways of expressing the author's exaggerated reaction to events, objects and phenomena in political discourse.

In this paper, we adhere to the definition of political discourse given by E.I. Sheigal. The researcher defines political discourse as a text in a specific situation of political communication [Sheigal, 2004, p. 9] and refers it to communication in which the author influences the listener/reader using various linguistic means [Sheigal, 2004, p. 6]. In our understanding, the linguistic means of influencing the reader are lexical and stylistic ways of expressing exaggeration (overstatement).

Thus, exaggeration is an overestimated evaluative reaction of the author to objects, phenomena and events taking place in the modern world with a specific purpose [Vlasova, 2005, p. 46]. The analysis of 54 newspaper articles showed that the main ways of expressing exaggeration in political discourse are lexical means:

emotional-evaluative adverbs/adjectives;
superlative degree of comparison of adjectives;
and stylistic means:
metaphor / hyperbolic metaphor;
hyperbole.

Results

Let us consider some lexical and stylistic ways of expressing exaggeration which are most common in the British and American online papers.

1. Lexical means of expressing exaggeration in a political text.

Emotional-evaluative adverbs are considered as intensifiers and, in combination with adjectives, represent a lexical form of exaggeration [Vlasova, 2005, p. 29-30]. Intensifiers are, as a rule, evaluative adverbs or adjectives that reinforce the subsequent part of speech. These amplifiers focus the reader's attention on a certain part of the statement [Vlasova, 2005, p. 34]. Let us consider the above-mentioned combinations in the speech of the authors of newspaper articles:

Emotional-evaluative adverbs + adjectives

The analysis of 54 newspaper articles showed that the most commonly used adverbs are the intensifiers really (25) and very (20), which are combined with a variety of adjectives [Vlasova, 2005, p. 30]:

Because, obviously it was more of a disputed commodity trader that helped to organize some of the shipments. It was really very difficult (Ryan, 2021).

Adverbs really and very in combination with the adjective difficult convince the reader of the complexity of this enterprise. Let us move on to the next example:

But a smaller one, such as a tax targeted to certain securities or with an extended phase-in period, is "very real possibility," says Isaac Botansky, a Compass Point Research & Trading analyst (Light, 2021).

In this example, the analyst uses an emotional-evaluative adverb in combination with the adjective very real in order for the reader to believe in this possibility and make the right decision. Let us focus on the adverb rather, which intensifies the assessment slightly, but in combination with the word more overestimates the reader's estimated reaction to the situation:

Others seem to enjoy the experience rather more (Harding, 2021).

A separate type of amplifier is the word *so*, which is not so common [Vlasova, 2005, p. 34]. In the following example, the author of the article uses the combination of the words *so much worse* in order to emphasize a negative situation and convince the reader of his rightness: “It *so much worse* than it was when Covid began.” (Bauman, 2021).

In newspaper discourse we find occasional adverbs, the purpose of which is to strengthen the meaning. Let us consider them:

Stark variations in Covid vaccine uptake between richer and poorer areas of England, together with “stubbornly high” [coronavirus rates](#) in some deprived communities, are posing serious questions about the measures needed for restrictions to be safely eased (Davis, 2021).

The two powers also have largely incompatible interests in Georgia and Ukraine, both of which Turkey would like to see as members of NATO (Harding, 2021).

Even so, the uninsured population in the U.S. remains unacceptably large... (Light, 2021).

All of the above emotional-evaluative adverbs in combination with adjectives intensify the meaning of the statement and affect the reader.

Adjectives are one of the types of exaggeration [Vlasova, 2005, p. 29]. Adjectives in political texts solve two tasks: communicative and expressive. The authors of newspaper articles often use the superlative degree of comparison of adjectives to create emotionally expressive statements in order to convince and influence the reader. According to S.I. Smetanina, the author of the article uses adjectives to create figurative segments of the text, designed to be able to “see” what is written, to realize the sign of evaluation [Smetanina, 2002, p. 383].

Let us consider examples of adjectives of the first group forming a superlative degree of comparison using the suffix *-est*:

Superlative degree of comparison of adjectives

Group № 1

... a very small group of the smartest people run the show... (The Edgington, 2021).

The biggest political problem is The Northern Ireland protocol, under which the province stays in the single market for goods and the customs union (Edgington, 2021).

Investments funds and firms that trade the most, such as high-frequency traders, could face the highest costs (Light, 2021).

Analysis of newspaper articles has shown that the most frequent adjectives are those forming a superlative with the help of the most intensifier. Such adjectives belong to the second group:

Group № 2

(11) Tony Blair described the ordeal as “the most nerve-racking, discombobulating, nail-biting, bowel-moving, terror-inspiring, courage-draining experience in my prime ministerial life” (Kidd, 2021).

(12) The decision to buy the s-400 air-defence system is the most consequential element of the new relationship so far. Two years ago Mr Erdogan called the purchase “the most significant in our history” (Kidd, 2021).

Thus, with the help of adjectives, the author of the article influences the opinion of readers.

Let us turn to the consideration of stylistic ways of expressing reevaluation.

2. Stylistic ways of expressing exaggeration in a political text

One of the types of expression of exaggeration is hyperbole or hyperbolic metaphor, creating the effect of overstatement [Ivushkina, 1997, p. 73; Carston, 2015, p.90; Kondakova, 2015, p. 98]. These stylistic techniques can be found in newspaper discourse, in which the author gives his assessment of what is happening.

Let us focus on the speech of Boris Johnson, the British statesman:

Metaphor / Hyperbolic Metaphor

(13) “The crocus of hope is poking through the frost and spring is on the way” (Sparrow, 2021).

The author of the newspaper article gives an example of the use of metaphor in the speech of the Prime Minister of Great Britain. The article notes that Boris Johnson often resorts to using this stylistic device in his speech to describe the events taking place. In this example, the metaphor

serves as a "reference point" for a politician's critical reflection on the coronavirus. The politician's statement is connected with the return of people to normal life after long months of restrictions. In the given example, the politician continues the same thought:

(14) "to send the virus packing" (Sparrow, 2021).

In the following sentence, direct and figurative meanings are intertwined and evaluativeness prevails over imagery, contributing to a clear presentation of the author's opinion:

(15) Russia bloodied Turkey's nose in Syria and captured valuable turf to its north by annexing Crimea (Durden, 2021).

It should be noted that the metaphor helps to understand the author's ideas and thoughts, [Pokrovskaya, 2006, p. 81-87]. In this context, the author expresses a negative assessment of Russia.

Let us consider an example of a hyperbolic metaphor:

(16) Across Asia the same chorus of complaints is heard... (Cristofani, 2021).

In this context, the author of the article deliberately uses a hyperbolic metaphor in order to convince the reader that there are a large number of people dissatisfied with the events taking place.

Let us focus on the metaphorical model of the proverb used in a newspaper article:

(17) A Creole saying holds that "constitutions are paper, but bayonets are steel", says Robert Fattouh of the University of Virginia (Deibert, 2021).

The author of the article quotes a saying in order to emphasize the fact that no one follows the laws of the constitution and the opposition advocates that it is time to change it long ago. In this example, the metaphor, creating an evaluative subtext, highlights the main ideas of the author of the article.

It should be noted that pictorial metaphorical vocabulary can be found in newspaper discourse: epithets, personification, etc. Let us consider an example:

(18) Given the aircraft have among the longest life cycles of any industrial product, the next battle for dominance will likely be waged a decade from now. "It's a 10-year-old-long chess game," says Vertical Research Partners' Stallard. "You make a move, and 10 years later it plays out." (Ryan, 2021).

In the given example, the author ironically describes the battle for the dominance of an industrial product, which will be waged in ten years and with the help of a metaphor compares this situation with a game of chess. Repetitions and the use of the adjective in the superlative in the speech of the author of the article express an ironic assessment.

The important thing to note is that in British and American newspapers there are ironic metaphors for expressing criticism. Researchers believe that a metaphor can reflect an ironic assessment of the speaker, and in this case, irony, combining evaluativeness and imagery, is closely intertwined with metaphor [Ermakova, 2000, p.48-57]. Analysis of newspaper articles has shown that ironic metaphors convey the nature of the authors of the articles, and at the same time create a subtext of the phenomena and events described, which requires a special interpretation.

Thus, the metaphorical fund of British newspapers is very diverse, which allows modern authors of articles to actively use metaphorical vocabulary. Metaphor, in addition to conveying an assessment, affects the emotions and intelligence of the reader [Burgers, 2016, p.412]. In newspaper discourse, metaphor is used for the purpose of political manipulation of the reader's consciousness. Metaphor creates special associations and is the author's assessment.

Let us focus on another stylistic form of reassessment - hyperbole.

Hyperbole

This stylistic device is associated with the figure of deliberate implausibility, which consists in exaggeration used to enhance [Moskvin, 2004, p.52]. In a problematic article of newspaper discourse, hyperbole is the core on which the author's idea is based. In newspaper discourse, hyperbole can focus the reader's attention on a significant problem, argue a certain point of view

and give an exaggerated characterization of the subject of journalistic speech [Neagu, 2019, p.98]. In this case, hyperbole expresses an exaggeration of the events described. Let us focus on examples in which the hyperbola has the function of an exaggerated characteristic:

(19) Hundreds or thousands of people are going to have an opinion about you and post it everywhere (Booth, 2021).

In this context, the reader's attention is focused on a large number of people. In the following example, the author of a newspaper article creates an individualized hyperbole [Carston, 2015, p. 80-81], which has a creative function:

(20) Infrastructure will be at the core of the administration's multitrillion-dollar recovery plan (Condon, 2021).

The analysis of the examples showed that hyperbole enhances the expressiveness and emphasis of the said thought and convinces the reader of the reliability of the information. Hyperbole is the dominant way of creating an exaggerated reaction to the situation in a newspaper text.

Conclusion

The conducted study of exaggeration in political discourse based on the material of British and American newspaper articles allows us to draw the following conclusions:

Exaggeration in political discourse is an overestimated evaluative reaction to objects, phenomena, events and is realized with the help of lexical and stylistic means that affect the emotional evaluation of the reader.

Emotional-evaluative adverbs "really, very, rather, so" and a number of other occasional adverbs in combination with adjectives reinforce the meaning of the political text, focusing on a certain thought.

The authors of newspaper articles often use the superlative degree of comparison of adjectives to create emotionally expressive statements in order to convince and influence the reader.

A newspaper metaphor is an emotional and evaluative means that conveys the author's assessment and affects the reader.

Hyperbole is the dominant way to create a reassessment in a newspaper text. This stylistic technique enhances the expressiveness and emphasis of the said thought.

According to the results of the study, exaggeration is widely used in political discourse, to present events that influence and shape the reader's reaction. The theoretical significance lies in the definition of the ways of expressing exaggeration in the political text used for news coverage. The practical significance is expressed in using the results of the research in lecture courses of general linguistics, lexicology, stylistics, country studies, in special courses on linguoculturology and the theory of intercultural communication.

Sources

Bauman V. Covid pandemic has only made the opioid crisis worse // Bloomberg-Businessweek. 20.02.2021. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-20/covid-pandemic-has-only-made-the-opioid-crisis-worse> (accessed: 01.03.2021).

Booth T. Here, there and everywhere // The Economist. 06.02.2021. Available at: <https://www.economist.com/special-report/2013/01/17/here-there-and-everywhere#> (accessed: 27.02.2021).

Condon C. Biden's Economic Legacy at Stake as Next Package Takes Shape // Bloomberg-Businessweek. 22.02.2021. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-21/biden-s-economic-legacy-at-stake-with-next-package-taking-shape#> (accessed: 01.03.2021).

Cristofani B. In no region is China's influence felt more strongly than in South-East Asia // The Economist 27.02.2021. Available at: <https://www.economist.com/briefing/2021/02/27/in-no-region-is-chinas-influence-felt-more-strongly-than-in-south-east-asia#> (accessed: 27.02.2021).

- Davis N. England's covid dilemma how to ease lockdown without deepening social divisions // The Guardian. 14.03.2021. Available at: <https://www.theguardian.com/society/2021/mar/14/england-covid-dilemma-how-to-ease-lockdown-without-deepening-social-divisions> (accessed: 14.03.2021).
- Deibert M. Can Haiti rid itself of Jovenel Moïse? // The Economist. 25.02.2021. Available at: <https://www.economist.com/the-americas/2021/02/25/can-haiti-rid-itself-of-jovenel-moise#> (accessed: 27.02.2021).
- Durden T. Putin and Erdogan have formed a brotherhood of hard power // The Economist. 27.02.2021. Available at: <https://www.economist.com/europe/2021/02/23/putin-and-erdogan-have-formed-a-brotherhood-of-hard-power#> (accessed: 27.02.2021).
- Edgington T. The quest for a more pragmatic Northern Ireland protocol // The Economist. 19.06.2021. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2021/06/19/the-quest-for-a-more-pragmatic-northern-ireland-protocol> (accessed: 27.06.2021).
- Harding L. Putin and Erdogan have formed brotherhood of hard power // The Economist. 23.02.2021. Available at: <https://www.economist.com/europe/2021/02/23/putin-and-erdogan-have-formed-a-brotherhood-of-hard-power> (accessed: 27.02.2021).
- Kidd P. Why the British prime minister's job is an impossible one // The Economist. 27.02.2021. Available at: <https://www.economist.com/britain/2021/02/27/why-the-british-prime-ministers-job-is-an-impossible-one#> (accessed: 27.02.2021).
- Light J. Wall street transaction tax gets fresh look after GameStop furor // Bloomberg-Businessweek. 19.02.2021. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-19/wall-street-transaction-tax-gets-fresh-look-after-gamestop-furor> (accessed: 01.03.2021).
- Ryan C. Airbus wants to seize the skies from Boeing // Bloomberg-Businessweek. 26.02.2021. Available at: <https://www.bloombergquint.com/businessweek/airbus-bets-on-small-airplanes-to-beat-boeing-ba#> (accessed: 01.03.2021).
- Sparrow A. Boris Johnson manages expectations with England's covid-19 plan // The Economist. 27.02.2021. Available at: <https://www.economist.com/britain/2021/02/27/boris-johnson-manages-expectations-with-englands-covid-19-plan#> (accessed: 27.02.2021).

References

- Burgers Ch., Konijn Elly A., Steen Gerard J. (2016): Figurative Framing: Shaping Public Discourse Through Metaphor, Hyperbole, and Irony // Communication Theory. 2016. Vol. 26. Issue 4. P. 410–430.
- Carston R., Wearing C. (2015): Hyperbolic language and its relation to metaphor and irony // Journal of Pragmatics. 2015. Vol. 79. P. 79-92.
- Ermakova, O. P. (2000) Irony and metaphor // Oblik slova: sb. st. M. pp. 48-57. (in Russian)
- Ivushkina, T. A. (1997) The language of the English aristocracy: socio-historical aspect: monograph. MSU, VSPU. Volgograd: Peremena. (in Russian)
- Kondakova, I. A. (2015) On the issue of metaphorical conceptualization (based on the material of the London metaphor in P. Ackroyd's book "London: Biography") // Philological Sciences. Questions of theory and practice. No. 1-1 (43). P. 97-101. (in Russian)
- Neagu, M. (2019) Figurative Language in the Literary Discourse: A Cognitive Linguistic Perspective // Journal: Translation Studies: Retrospective and Prospective. Issue XII. pp. 91-103. (in Russian)
- Pokrovskaya, E. V. (2006) Pragmatika sovremennogo gazetnogo teksta [Pragmatics of the modern newspaper text]. Russian Speech. No. 3. P. 81-87. (in Russian)
- Smetanina, S. I. (2002) Media-text in the system of culture (dynamic processes in the language and style of journalism of the late XX century): Scientific publication. - St. Petersburg: Mikhailova V. A. Publishing House. pp. 383. (in Russian)
- Sheigal, E. I. (2004) Semiotics of political discourse. Volgograd: Peremena. (in Russian)

Vlasova, E. V. (2005) Sociolinguistic aspect of studying understatement and overstatement in the speech of a modern Englishman (based on the material of fiction of the beginning of the XXI century): dis. ... candidate of philology. Volgograd, 2005. (in Russian)

Dictionaries, educational literature

Moskvin V. P. Expressive means of modern Russian speech: Tropes and Figures. Terminological dictionary-reference. Rostov-on-Don: Publishing House Fenix, 2004. P.52. (in Russian)

UDC 81'23

A. YAKOVLEV

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
St Petersburg, Russian Federation

LANGUAGE CONSCIOUSNESS: CONTENT, VOLUME AND APPLICATION FIELD

In Russian linguistics, the term language consciousness is usually defined as human knowledge associated with linguistic signs for externalizing images of consciousness in the process of communication. On its basis, it is impossible to explain the change in language not in a random way. As well as it is impossible to understand the role of personal sense in the images of consciousness and their change. This paper discusses the problem of the language consciousness application area and outlines the range of problems that can and cannot be solved using the proposed interpretation of language consciousness. The traditional interpretation is suitable for cases when the researcher is faced with the task of finding out whether some words are associated with according representations. The interpretation of the concept of "language consciousness" proposed by the author of the article is appropriate for those studies that are specifically aimed at identifying dynamic connections between representations, images, values, etc. with culture and personality.

Key words: language consciousness, meaning, personal sense, terminology of psycholinguistics, methodology of psycholinguistics.

А.А. ЯКОВЛЕВ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Санкт-Петербург, Российская федерация

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: СОДЕРЖАНИЕ, ОБЪЁМ И ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПОНЯТИЯ

На сегодняшний день почти общепринятой является такая точка зрения на языковое сознание, согласно которой оно определяется как знания человека, ассоциированные с языковыми знаками для овнешнения образов сознания в процессе общения. Однако неясно, какие свойства сознания отражаются в такой интерпретации. На её основе невозможно объяснить изменение языка закономерным, а не случайным образом. Как невозможно понять роль личностного смысла в образах сознания и их изменении. Традиционная интерпретация подходит для случаев, когда перед исследователем стоит задача узнать, связаны ли такие-то слова с такими-то представлениями людей.

Представления и их связи с языковыми средствами выражения рассматриваются как неизменные ни в силу социально-культурных, ни в силу личностных факторов. Предлагаемая автором статьи интерпретация понятия «языковое сознание» целесообразна для тех исследований, которые специально направлены выявление динамических связей между представлениями, образами, ценностями и т.д. с культурой и личностью.

Ключевые слова: языковое сознание, значение, личностный смысл, терминология психолингвистики, методология психолингвистики.

Introduction

In Russian linguistics, the concept of "language consciousness" (hereinafter — LC) has been very widespread in recent decades, and research based on it has been carried out for even longer. This concept is used, as a rule, for linking within the framework of one study of language and related phenomena, such as consciousness, thinking, culture, personality, etc. However, the views of different scientists on these phenomena can vary greatly. In this regard, the definition is needed for the content and scope of LC as a scientific concept in order to designate the object field and problem area in which this concept can be effectively applied. This is the purpose of the present article.

Content of the concept "language consciousness"

Today, the most common point of view on LC defines it as human knowledge associated with language signs for the externalization of images of consciousness in the process of communication [Dzyuba, 2015, p. 38–39; Ufimtseva, Tarasov, 2009, p. 20; Ufimtseva, 2011, p. 206]. Due to the limited scope of the article, we do not give here an analysis of the different definitions given by the authors of the mentioned works; in general, these definitions are similar. So, LC is defined as a special, "linguistic" part of a person's consciousness, and such definition encounters a number of problems.

If LC is defined only as a constituent part of "consciousness in general" relating to the use of language in all its forms, then we can only state that some "part" of consciousness (ideas, meanings, senses, values, etc.) finds regular expression in language facts. At the same time, it is impossible to study language facts in their dynamics, i.e. it is impossible to explain the change in meanings and senses of linguistic signs in a natural and not random way. The given interpretation of the LC simply does not allow doing this.

Also, it is not entirely clear what place personal sense occupies in the traditional interpretation of LC (for personal sense, see: [Leontiev 2007]). If a large number of brightly emotional associations were obtained for a word in an associative experiment. For example, TICKET TAKER — evil, cattle, bitch; MANAGER — blunt, idiot, dumb work; MONDAY — hatred, pain, horror, hell; see [Bashanova, Zhang Yu, Yakovlev, 2019a; 2019c]. This tendency cannot be explained from the standpoint of the traditional interpretation of LC. Still it should be explained as follows: in these words, personal sense prevails, which is based, on the one hand, on social stereotypes, and on the other hand, on personal experience of interaction with the objects called by these words. Consequently, this personal assessment of these words will to some extent determine the further interaction of people with these objects. If we simply state that LC is the language part of consciousness, then the explanation of such facts eludes the researcher.

For instance, our research, in which students of different year of study were involved, show that the image of the teacher, student, their interaction and the studying environment change not only due to the student's accumulation of experience, but also to a large extent due to the emotional and personal evaluation of this experience [Yakovlev, Elizarova (Telesheva), 2016; Yakovlev, 2020a; 2020b; 2021].

Other study conducted by our research group shows that many words in the mental lexicon of Russian and Chinese students are much more influenced by the fact that they are students than the fact that they are Russian and Chinese students [Bashanova, Zhang Yu, Yakovlev, 2019a; 2019b; 2019c]. Consequently, their belonging to the social group of students and the regular

implementation of educational activities affect their consciousness much more strongly than the cultural factors. So all these factors of personal (evaluation), social (social group of students), and cultural (two different cultures) order do not neutralize each other, but interact; none of the factors prevails either in meanings of all the words or in all the situations of their use.

T.L. Masych in her study shows that the more specific the professional activity and the more closed the professional group is, the greater the features of can be revealed in LC of representatives of this profession [Masych, 2010, p. 81]. For instance, the difference in associations for the stimulus CRIME gives grounds for the conclusion: law enforcement officials are characterized by a legal assessment of the crime, for ordinary native speakers by a general negative assessment associated with an imaginary danger [Op. cit., p. 106]. T.L. Masych also notes a decrease in the evaluative component in the reactions of law enforcement officials to the incentive CRIME, explaining this by professional deformation, a decrease in the value comprehension of the phenomenon, when a crime is perceived as part of everyday life [Op. cit., p. 87].

Many similar studies reveal the difference between the conceptual and evaluative components of the words of legal topics in LC of lawyers and people who are not related to the law. Words such as law, suspect, judge, lawyer, etc. are evaluated differently by different groups of people due to their individual experience, as well as social stereotypes, cultural values and ideology [Alferova, 2007; Nikaeva, Sizyh, 2020; Talitskaya, Ananyeva, 2020].

A number of studies show the interaction of socio-cultural and individual factors in the formation of LC of schoolchildren and, in particular, in the change of meanings of words [Danilevskaya, 2019; Lemyaskina, 2020; Pak, Dolgova, 2020].

As we can see many experimental studies give grounds to assert that when it is simply stated that LC is the language part of consciousness, it is impossible to show what social and cultural factors influence this part. This requires a different interpretation of LC.

Due to the indicated circumstances, we give the following definition of LC. Language consciousness is a psycholinguistic concept that shows how the internal and external conditions for the functioning of a language as a human property are associated with a change in the meanings and senses of words. This concept reflects the features of ordering the speech experience of a group of people depending on certain (i.e., fixed by theory) internal and external factors. The LC contains not a listing of the properties of individual images of consciousness, but a general pattern according to which the images of the consciousnesses of a group of individuals are organized precisely in certain system with certain connections and characteristics, which are influenced to a certain extent by factors of the individual (personal senses, emotions, values, etc.) and external (social norms, cultural stereotypes, etc.) order.

We should emphasize that the formulated definition of LC contains not just an indication of a certain class of objects or their properties, but a regular link of these properties with the properties of other objects (conscious and socio-cultural ones). In the absence of regularity in the definition of the analyzed concept, it would be impossible to answer the question: "If LC or some of its fragments changes, what is the reason for this change?"

We have deliberately put into the formulated definition of LC as the main property of consciousness its partiality to the reflected reality, although other properties of consciousness are not ignored. Both partiality and the active nature of the reflection of reality determine that important feature of human consciousness, which is remarkably expressed in the formula of S.L. Rubinstein: external causes act only through internal factors [Rubinstein, 2012, p. 49]. That is why the above definition combines external (socio-cultural) and internal (personal) factors that act on the language as a human property.

All of the above leads to an important conclusion: there is no such thing as "LC in general", there is only LC of a specific group of individuals: LC of metallurgists, LC of students, LC of housewives, LC of gardeners, LC of deputies, LC of truckers and etc. Establishing the boundaries of the study group is not based on the arbitrariness of the scientist or scientific taste, it is determined by the activities that the representatives of the study group carry out regularly.

Thus, the concept of LC in the interpretation given in the works of E.F. Tarasov, N.V. Ufimtseva and others, allows only stating whether certain phenomena are reflected in the consciousness and mental lexicon of an individual in a given period of development of society and the linguistic community. Our interpretation allows revealing what determines the connection between the meanings and senses of words with the corresponding images of the phenomena of the external world changes. Such connection, as soon as there is a group of individuals, can be shown probabilistically, in the form of a trend, but not absolutely.

Scope and application field of "language consciousness"

The study of LC is entirely connected with the fact that this psycholinguistic concept does not contain a listing of the properties of individual images of consciousness (representations), but a general pattern according to which the images of consciousness in a group of individuals are organized precisely into a known system with known connections and characteristics influenced by known factors.

For psycholinguistics, the basic position is that a word contains a diverse experience of interacting with the world with the help of this word. Consequently, the LC reflects not any experience, but the one that is associated precisely with the essential characteristics of a certain social group, which a person belongs to and according to the norms of which he / she carries out his / her activities. LC as a theoretical concept does not contain the actual individual experience of people in all its diversity, but its generalized theoretical model. The methodology of psycholinguistic studies of LC cannot but reckon with this: LC is a theoretical construct, a model of some linguistic phenomena, but it's not these phenomena themselves.

Interpretation of LC as a part of the individual consciousness makes it sufficient to state the features observed in results of its actions. This is what makes sense in many studies. But if the researcher is faced with not just stating the presence of some peculiarities, but explaining them through the activities of people and their personal experience as something regular and not accidental, then it becomes necessary to interpret LC differently. This is both an advantage and a disadvantage of the proposed interpretation of LC as a scientific concept: it imposes additional methodological difficulties, but at the same time allows us to fix and explain the regular connections of the observed phenomena, and not just state them.

It is possible to state that such and such a phenomenon of the world and human life is reflected in his language. But it is also possible to find the reasons why this phenomenon is reflected in consciousness and language in this way, and not in some other way. The first possibility (and intention) corresponds to the widespread interpretation of LC as a part of a person's individual consciousness, which can be called classical. The second possibility (intention) corresponds to another interpretation of LC — as a theoretical concept, reflecting in a generalized form the probabilistic connections between the word, activity and personality of a person; this interpretation can be called non-classical.

The classical interpretation of LC is suitable for research aimed at finding out whether certain phenomena are reflected in the meanings and meanings of words. For example, the names of professions give a large number of associations meaning the place of implementation of the corresponding activity, characteristics of labor and its result, the representative of the profession itself (it is interesting that the names of the same professions evoke associations different from those of Russians in Chinese subjects, i.e. there is an influence of cultural characteristics). In short, when we just want to state that such and such words are associated with such and such representations of people (as if they do not change, are considered statically), the classical interpretation of LC is suitable.

On the contrary, in those studies that are specifically aimed at dynamics, at changing ideas, images, values, etc., at identifying their dependencies on culture and personality, it is advisable to use a non-classical interpretation of LC, which allows us to explain exactly how and what factors (of socio-cultural and emotional-personal order) affect the connection of words with such and such images in people's consciousness. In addition, this interpretation of LC is suitable for

research aimed specifically at finding out the “specific weight” of the personal sense of different words in the mental lexicons of representatives of different socio-cultural groups.

What does the proposed interpretation of LC have to do with the traditional subject of psycholinguistics — language as a human property, language competence, mental lexicon? With the definition formulated above, this concept explains the reasons why certain tendencies are observed, why certain words are associated with certain fragments of personal experience, assessment, comprehension, etc. The non-classical interpretation allows one to judge the degree of commonality of the fragments of LC in representatives of different social groups. It becomes possible to study the language not as the property of an abstract person, but of an active member of a group, communicating according to the norms of this group and evaluating the interaction with its other members.

LC is a concept that connects the external and the internal features in the language as the property of a person, the connection between which seems to be non-existent. Communication is carried out through a set of interacting individuals (both words are important!). The concept of LC is designed not to give the observed phenomena a unique and final explanation through their immanent properties. It is intended to show a regular, but at the same time dynamic connection between phenomena that, at first glance, are in no way connected with each other, and then to show what factors influence a possible change in this connection. It is easy to show how the image that’s behind the word exam differs in the minds of students and teachers (or first year and senior students), as well as with what fragments of their experience (emotions, values, attitudes, etc.) this image is connected, and through these connections to show the reasons for the observed differences.

Conclusion

All of the above should not be considered an attempt to prove the superiority of the non-classical interpretation of the LC (or the approach to the LC) over the classical one. In the author’s previous publication on this topic [Yakovlev, 2019], special attention was paid to the content of the concept of LC, however, another equally important issue was hardly touched upon — the scope of this concept. There are sufficient grounds to assert that the classical interpretation of LC is a special case of the non-classical interpretation. Consequently, there are studies that, in terms of their goals, material and method, can rely on the classical interpretation of LC, and there are those that should rely on the non-classical one. This article was devoted to an attempt to outline the range of problems that can and cannot be solved with the help of different interpretations of LC.

If we want to find the features of some “units” of human consciousness and experience, reflected in the units of the language, we must look for them in the ways of carrying out activities and in the personal experience of these methods and results. Some of the observed linguistic phenomena are due to the characteristics of a social group and the system of its activities and they cannot be deduced from a language taken without any activity. On the other hand, these features cannot be attributed to the entire linguistic community and require clarification and limitations. It is difficult to overestimate the prospects of the concept of LC in this respect.

In many works on anthropocentric linguistics, the reflection of the world in consciousness is taken, so to speak, in a frozen form, as if it is not subject to influence either from the activity or from the human personality. The proposed interpretation of the LC allows us to avoid this idealization and to study the language of a person in the dynamics of its connections with activity and personality, as well as to reveal the patterns of this dynamics.

References

Alferova, Ju.I. (2007) Professional'no markirovannye komponenty jazykovogo soznaniya budushhego jurista i jelementy pravosoznaniya v jazykovom soznanii nejurista [Professionally marked components of language consciousness of a future lawyer and elements of legal

- consciousness in language consciousness of a non-lawyer]. *Jurisljngvistika [Legal linguistics]*, 2007, no. 8, p. 14–19. (In Russian)
- Bashanova, M.A., Zhang, Yu & Yakovlev, A.A. (2019a) Naimenovaniya nauk v jazykovom soznanii russkikh i kitajskikh studentov [Names of the days of the week in the language consciousness of Russian and Chinese Undergraduate Students]. *Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*, 2019a, no. 2, p. 102–114. (In Russian)
- Bashanova, M.A., Zhang, Yu & Yakovlev, A.A. (2019b) Naimenovaniya professij v jazykovom soznanii russkikh i kitajskikh studentov [Science names in the language consciousness of Russian and Chinese students]. *Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*, 2019b, no. 3, p. 145–155. (In Russian)
- Bashanova, M.A., Zhang, Yu & Yakovlev A.A. (2019c) [Naimenovaniya dnei nedeli v jazykovom soznanii russkikh i kitajskikh studentov] Professions names in the language consciousness of Russian and Chinese students. *Vestnik Cheljabinskogo gos. un-ta. Serija «Filologicheskie nauki» [Vestnik ChSU. Series: philological studies]*, 2019c, no. 2, p. 21–30. (In Russian)
- Daniilevskaya, O.N. (2019) Obraz shkoly v jazykovom soznanii ukrainских подростkovo [Image of the school in language consciousness of Ukrainian adolescents]. *Uchenye zapiski VGU im. P.M. Masherova [Scientific notes of Voronezh State University named after P.M. Masherov]*, 2019, vol. 29, p. 137–141. (In Russian)
- Dzyuba, E.V. (2015) Lingvokognitivnaya kategorizatsiya v russkom jazykovom soznanii: monografiya [Linguocognitive categorization in Russian linguistic consciousness]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. (In Russian)
- Garanovich, M.V. (2020) Jekspierimental'noe issledovanie stereotipnogo vosprijatija cheloveka chelovekom v jazykovom soznanii v zavisimosti ot social'nyh faktorov govorjashhego [Experimental study of the stereotypical perception of a person by a person in language consciousness, depending on the social factors of the speaker]. *Global'nyj nauchnyj potencial [Global scientific potential]*, 2020, no. 4 (109), p. 142–148. (In Russian)
- Lemyaskina, N.A. (2020) Koncept «ljubov'» v jazykovom soznanii mladshhego shkol'nika [Concept "love" in language consciousness of a junior schoolchild]. *Social'nye i gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]*, 2020, vol. 6. no. 2 (22), p. 176–185. (In Russian)
- Leontiev, D.A. (2007) Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti [Psychology of Sense: Nature, Structure and Dynamics of Conceptual Reality]. Moscow: Smysl. (In Russian)
- Masyh, T.L. (2010) Professional'naja jazykovaja kartina mira sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: na materiale russkogo jazyka [Professional language picture of the world of law enforcement officers: on the material of the Russian language]: thesis... candidate of philology. Volgograd. (In Russian)
- Nikaeva, T.M. & Sizyh, A.A. (2020) Sistema asociacij «zakon» i «prestuplenie» v jazykovom soznanii studentov [The system of associations "law" and "crime" in language consciousness of students]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice.]*, 2020, vol. 13. no. 6, p. 234–237. (In Russian)
- Pak, M.K. & Dolgova, T.V. (2020) Ponjatije «zhizn'» v jazykovom soznanii shkol'nikov [Concept "life" in language consciousness of schoolchildren]. *Aktual'nye nauchnye issledovanija v sovremennom mire [Actual scientific research in the modern world]*, 2020. no. 3–6 (59), p. 70–73. (In Russian)
- Rubinshtein, S.L. (2012) Bytie i soznanie [Being and consciousness]. Saint Petersburg, Piter. (In Russian)
- Talitskaya, A.A. & Ananyeva I.I. (2020) Ponjatija lingvisticheskoj jekspertizy v obydennom jazykovom soznanii [Concepts of linguistic expertise in everyday language consciousness].

- Social'nye i gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge], 2020, vol. 6, no. 4, p. 396–406. (In Russian)
- Ufimtseva, N.V. (2011) Language consciousness: dynamics and variations. Moscow, (In Russian)
- Ufimtseva, N.V. & Tarasov, E.F. (2009) Problemy izucheniya jazykovogo soznaniya [Problems of the linguistic consciousness research]. Voprosy psikholingvistiki [Psycholinguistic journal]. 2009. № 10. P. 18–25. (In Russian)
- Yakovlev, A.A. & Elizarova (Telesheva), S.V. (2016) Nekotorye osobennosti jazykovogo soznaniya studenta: dannye associativnogo jeksperimenta [Some aspects of student's language consciousness: associative experiment]. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2016, vol. 14, no. 4. P. 27–38. (In Russian)
- Yakovlev, A.A. (2019) Jazykovoe soznanie — chast' individual'nogo soznaniya ili chast' teorii? [Language consciousness: is it part of consciousness or of a theory?]. Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2019, no. 40, p. 157–171. (In Russian)
- Yakovlev, A.A. (2020a) Sistemnoe opisanie jazykovogo soznaniya studenta: obraz samogo studenta [Systemic description of the student's language consciousness: student's self-image]. Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Vestnik NSU. Series: Linguistics and intercultural communication], 2020a, vol. 18, no. 2, p. 117–131. (In Russian)
- Yakovlev, A.A. (2020b) Sistemnoe opisanie jazykovogo soznaniya studenta: obrazy ideal'nogo prepodavatelja i ideal'nogo studenta [Systemic Description of the Student's Language Consciousness: The Ideal Teacher and Student Images] Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2020b, vol. 18, no. 3, p. 141–153. (In Russian)
- Yakovlev, A.A. (2021) Sistemnoe opisanie jazykovogo soznaniya studenta: real'nyj obraz prepodavatelja Systemic [Description of the Student's Language Consciousness: Teacher's Image]. Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2021, vol. 19, no. 1, p. 53–66. (In Russian)

UDC 808.5

**K. ZAIDES, D. GORBUNOVA,
T. POPOVA, N. BOGDANOVA-BEGLARIAN**
St Petersburg University
St Petersburg, Russian Federation

PRAGMATIC MARKERS AND PERSONALITY: APPROACHES TO ANALYSIS

The paper presents the possibilities of multidimensional analysis of pragmatic markers in Russian spontaneous spoken speech and their relationship with the speaker's personality. The research was carried out on the data of two corpora—the corpus “One Day of Speech” and the corpus “Balanced Annotated Text Library”. The pragmatic markers, such as *vot*, *kak by*, *slushai*, *kak ehto*, *tipa*, and some others, play an important role in discourse structuring, filling the hesitation pauses, having metacommunicative, reflexive and other functions. Firstly, the article shows the results of the search for correlations between the use of different groups of pragmatic markers and personality type. The most frequent in extraverts' and introverts' speech turned out to be hesitant and boundary markers. Secondly, the article considers the use of metacommunicative pragmatic markers in the gender aspect, taking into account the social roles

of the speaker. The discovered features may be a tendency of change of discourse practices among women. Thirdly, the distinction between students' and teachers' speech can be implemented by studying and counting only one type of pragmatic markers—predicative pragmatic markers, that look like sentences but have only functions in the discourse. The most frequent markers in students' and teachers' speech are different: (ya) ne znayu vs. (po)slushai/te. *Key words:* Pragmatic Marker, Spoken Speech, Speech Corpus, Sociolinguistics, Psycholinguistics

**К.Д. ЗАЙДЕС, Д.А. ГОРБУНОВА,
Т.И. ПОПОВА, Т.В. БОГДАНОВА-БЕГЛЯРИЯ**
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская федерация

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ И ЛИЧНОСТЬ: ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ

В статье представлены возможности многомерного анализа прагматических маркеров в русской спонтанной разговорной речи и их взаимосвязи с личностью говорящего. Исследование проводилось на данных двух корпусов — корпуса “Один день речи” и корпуса “Сбалансированная библиотека аннотированных текстов”. Прагматические маркеры, такие как “вот”, “как мимо”, “слушай”, “как это”, “типа” и некоторые другие, играют важную роль в структурировании дискурса, заполняя паузы колебания, выполняя метакоммуникативные, рефлексивные и другие функции. Во-первых, в статье показаны результаты поиска корреляций между использованием различных групп прагматических маркеров и типом личности. Наиболее частыми в речи экстравертов и интровертов оказались нерешительные и пограничные маркеры. Во-вторых, в статье рассматривается использование метакоммуникативных прагматических маркеров в гендерном аспекте с учетом социальных ролей говорящего. Обнаруженные особенности могут быть тенденцией изменения дискурсивных практик среди женщин. В-третьих, различие между речью студентов и преподавателей может быть реализовано путем изучения и подсчета только одного типа прагматических маркеров - предикативных прагматических маркеров, которые выглядят как предложения, но выполняют только функции в дискурсе. Наиболее частые маркеры в речи студентов и преподавателей различны: “(я) не знаю” против “(по)слушай/те”.

1. Introduction

Different discourse units of spontaneous spoken speech relatively recently began to attract linguists' attention as such speech elements that convey the pragmatic procedural meanings, which are extremely important in communication. Spontaneous speech is characterized by the presence of hesitation pauses (filled and unfilled), self-interruptions, word or phrase breaks, slips of the tongue, elements of metacommunication (linguistic reflection), as well as discourse and pragmatic means of communication. Among these phenomena, those that have long remained outside the scope of the scientific description as “parasite words”, formally insignificant elements of speech, are especially interesting, the use of which is directly related to the spontaneous nature of speech production:

1) tam to delai / tam kak by tam zadanie // chego-to kak-to ustayu bezumno na samom dele // *П просто вообшче как бы / в принципе и *П не то чтобы я прямо тут так уматываюс' // da? no vot real'no ochen' ustayu // *П как бы вот ehti yeshchyo kursy / kak by oni (...) ochen' sil'no (...) vymatyvayut (corpus “One Day of Speech”, Speaker 27).

The psycholinguistic approach to the study of spontaneous spoken speech involves considering the latter from the point of view of the specifics of individual knowledge formed in accordance with the speaker's psychophysiological capabilities. Since speech behavior is a purely individual manifestation of a personality and is associated with its various characteristics, it is highly

relevant to study the personality itself, expressed in language and through language, that is, a linguistic personality, in the aggregate of its social and psychological characteristics. Thus, since pragmatic markers are an integral part of everyday communication, speakers can implicitly manifest themselves through them.

2. Pragmatic Markers as Functional Speech Units

In linguistic research on functional units of speech, many different terms for such units are used, in addition to the term pragmatic marker (PM), which is understood in this paper as a purely functional speech unit that has undergone the process of pragmaticalization and performs various functions in the spoken speech. Such units are often referred to the discourse markers [Schiffrin, 1987; Fraser, 1990, 1999], discourse connectives [Blakemore, 1992], discourse particles [Schourup, 1985], pragmatic particles [Östman, 1995], etc.

Pragmatic markers are functional units used by a speaker in spontaneous spoken speech unconsciously, under the influence of speech automatism [Verkholotova, 2010]. As a rule, in such usages, the original units (words, phrases, and even sentences) undergo pragmaticalization, and, as a result, practically lose (or significantly weaken) their lexical meaning and acquire a pragmatic meaning or function in discourse. In the process of pragmaticalization, the role of the pragmatic component increases and the importance of the denotative and significative components decreases [Diewald, 2011; Degand, Evers-Vermeul, 2015]. The study of pragmatic markers functions, the very set of these units, as well as the features of their functioning is currently at the stage of active development [Bogdanova-Beglarian et al., 2019b].

In the course of the analysis of the spoken data, it is difficult to unambiguously qualify the status of a word or expression and determine whether it is a pragmatic marker or a full-fledged linguistic unit. However, there are several differential features which allow distinguishing homonymic words and markers. PMs do not have their own lexical meaning (or have significantly weakened semantics), but perform one or several functions in the spoken speech. PMs are mostly grammaticalized and usually do not have syntactic relations with other words in a phrase. Particular PMs tend to appear after full-fledged words and expressions as desemanticized repetitions. The homonymy of markers and content words makes the automatic annotation of pragmatic markers almost impossible, especially without full understanding and scientific description of their special functions and typical structure.

3. Research Data and Methods

The sources of data for the study are two corpora of spontaneous spoken speech—“One Day of Speech” (ORD) and “Balanced Annotated Text Library” (SAT). The ORD corpus records all the speech production of the speaker during the day, in all the variety of genres and speech situations that arise in the course of everyday communication, and for the most part represents the dialogues of the speakers with various interlocutors. The SAT corpus contains spontaneous monologues of speakers, following four communicative scenarios: reading and retelling of plot and non-plot texts, description of plot and non-plot pictures, and a story on a given topic.

The analysis of the speaker’s personality in section 4 was carried out using a set of Data Mining methods [Stepanov, 2008]. The dataset in the present study was collected on the basis of all PMs in the corpus “One Day of Speech” and the metadata of each speaker in the sample. The psychological type of the ORD speakers was determined automatically based on a comparison of the results of two psychological tests [Gorbunova, 2017].

The research in section 5 was carried out on the data of the ORD corpus, based on transcripts of audio recordings obtained in natural conditions. The volume of the subsample was approximately 200,000 words. It includes episodes of “speech days” by 15 women and 15 men of three age groups. The informants act in various social roles, opposed by the principle of symmetry/asymmetry.

The material in section 6 (500 usages of predicative pragmatic markers) was the research subcorpus formed from the material of the two corpora, including datasets of monological and dialogical speech samples comparable in the number of tokens (50,000 tokens of 15 speakers

from the ORD and 50,000 tokens of 42 speakers from the SAT). The resulting sample of speakers as a whole is unbalanced, therefore, we consider the ratio of the group sizes in a particular sample.

4. Personality Type Dependent Functional Distribution of Pragmatic Markers

The development of psycholinguistics today makes it possible to look at linguistically significant units from the point of view of their psychological fullness, conditioning with the help of modern numerical methods. From the linguistic point of view, the expression of psychoemotional states exists in a personality, first of all, in speech behavior. To identify specific cases of PMs use by introverts (IT) and extroverts (ET), the percentage of use of a marker in a particular function with different parameters was compared in the work.

Table 1 shows the results of automatic analysis of the functional distribution of pragmatic markers by psychological types of speakers (introvert/extrovert), where p-type—speaker’s psychotype (“-” in the column means speakers who have not completed one or several tests);

Function—PM function;

NContexts—the number of contexts in which the PM is used in the specified function;

% TotalPtypeWords—the ratio of the number of PMs in the specified function to the total number of words in the speech of the speaker with the given psychotype;

% TotalPtypeContexts—the ratio of the number of PMs in the specified function to the total number of contexts in the speech of the speaker with the given psychotype;

% TotalFuncContexts—the ratio of the number of PMs in the specified function of a given psychotype to the total number of PMs used in this function.

Table 1. Functional distribution of PMs by different psychotype

p-type	Function	NContexts	%Total Ptype Words	%Total Ptype Contexts	%TotalFunc Contexts
-	Approximators	149	0,10	7,62	69,63
	Boundary	393	0,26	20,10	56,30
	Deictic	57	0,04	2,92	51,82
	Replacement	20	0,01	1,02	74,07
	Xeno-markers	115	0,08	5,88	62,84
	Metacommunicative	225	0,15	11,51	61,64
	Rhythm-forming	148	0,10	7,57	67,89
	Reflexive	16	0,01	0,82	53,33
IT	Hesitative	832	0,55	42,56	61,09
	Approximators	10	0,05	2,56	4,67
	Boundary	112	0,51	28,72	16,05
	Deictic	12	0,05	3,08	10,91
	Replacement	2	0,01	0,51	7,41
	Xeno-markers	5	0,02	1,28	2,73
	Metacommunicative	63	0,29	16,15	17,26
	Rhythm-forming	4	0,02	1,03	1,83
	Reflexive	12	0,05	3,08	40,00
ET	Hesitative	170	0,77	43,59	12,48
	Approximators	55	0,07	6,36	25,70
	Boundary	193	0,26	22,31	27,65
	Deictic	41	0,05	4,74	37,27
	Replacement	5	0,01	0,58	18,52

Xeno-markers	63	0,08	7,28	34,43
Metacommunicative	77	0,10	8,90	21,10
Rhythm-forming	66	0,09	7,63	30,28
Self-correction	3	0,001	0,35	100,00
Reflexive	2	0,001	0,23	6,67
Hesitative	360	0,48	41,62	26,43

It is important to focus not on the number of contexts, but on the ratio of the number of PMs in the specified function to the total number of words in the speech of those speaking with this psychotype, since introverts and extroverts used a different number of words in terms of volume. The most frequent in the speech of both types of speakers turned out to be hesitative (H) and boundary (B) markers: among introverts, hesitative PM turned out to be 0.77 % of the total number of words and boundary markers—0.51 %, as for extraverts—0.48 and 0.26 %, respectively.

However, this distribution is not as uniform as it might seem at first glance. In the introverts' speech, the most frequent markers (H, B, and metacommunicative) stand apart, percent of other functional types of PMs in their speech is small. In the extroverts' speech, all 10 identified types of PMs are present, and their use of these markers is uniformly frequent, with some exceptions.

5. Metacommunicative Pragmatic Markers: Gender Aspect

As a result of the analysis of approximately 200,000 units, it was found that women use metacommunication twice as often as men. Metacommunication itself is widespread in the speech of speakers in general. It is found at almost all speakers, but in female speech there are 156 usages, in male speech—82.

Interestingly, in male speech, metacommunication occurs only in symmetrical social roles—communication with friends, mostly at home with the wife and children:

2) *potom na golodnyi zheludok yeyo luchshe ne est' / znaesh* (Speaker 127, 42 y.o., at home with the son);

3) *ideal'nykh uslovii ne byvaet / ponimaesh?* (Speaker 127, 42 y.o., at home with the son).

Among the material, there is a clear tendency to use metacommunicative markers in order to express dissatisfaction, indignation, in order to refuse:

4) *yazyki pokazyvaet / predstavlyaesh?* (Speaker 119, 49 y.o., at home with the wife);

5) *slushai / davai popozzhe ! *P ili ty seichas hochesh?* (Speaker 36, 40 y.o., at home with the friend);

6) *da net / ty znaesh / ya kak-to / na samom dele (...) segodnya (m-m) nemnozhko grushchu opyat'* (Speaker 122, 33 y.o., with the colleague).

There are almost no cases where the PM serves as a mean of expressing an indirect request:

7) *privet Andrei // *P slushai / vopros(:) v sleduyushchem / chto u nas tam po naryadam tret'yego fakul'teta?* (Speaker 102, 27 y.o., with the friend).

The material of female speech looks quite different. In all age groups, regardless of the social role—even at work in a situation of formal communication, women actively use metacommunication:

8) **V nu ty znaesh vot / ty proiznesla frazu / ot kotoroi deistvitel'no *K (eh) volosy dybom* (Speaker 130, 74 y.o., with the friend);

9) *nu slushai nu vidish hochet videt' na ekrane formu...* (Speaker 91, 48 y.o., with the friend).

In female speech, it is difficult to trace the special pragmatic significance of PMs. This special feature of speech is only a way of cooperation, a constant signal to the interlocutor that his/her opinion is important and necessary, that the statement needs a response:

10) *net / ehto znachit nuzhno postepenno s rebyonkom / ponimaesh?* (Speaker 130, 74 y.o., with the friend);

11) *smotri / *P po povodu chetverga* (Speaker 65, 48 y.o., with the client);

12) a(:) a ponimaesh / a Sergei ne shchitaet vot nuzhnyh (a-a) u... u(:)... (m-m) kak () kak () uzhat'sya(:) / utruzhdat'(:) sebya / kopit' den'gi(:) tam na kvartiru(:) (Speaker 131, 69 y.o., with the friend).

It is important to note that metacommunication is particularly characteristic for the older age group (from 55 years)—106 cases of 156 (68 %), in the middle age group—34 metacommunicative PMs were used (21.8 %), and in the younger—only 16 (10.2 %):

13) slushai / etot Evgenii_Hrapov on s ofisa ili otкуда? (Speaker 71, 22 y.o., with the colleague-friend);

14) vidish / ya pereselyayus' na Shevchenko (Speaker 69, 20 y.o., with the friend);

15) smotrite! tam yeshchyo v etom fotoapparate est' takaya fishka (Speaker 62, 30 y.o., with the client).

In all the cases presented, the metacommunication marker is multifunctional and also acts as a border marker, or rather a starting marker. The discovered feature may be a tendency of change of discourse practices among women.

The main sample of the subcorpus of spoken everyday speech confirms the conclusions described earlier in the works of linguists that women in fact resort to the tactics of making a good impression.

6. Predicative Pragmatic Markers: Functions and Frequency in Speech of Representatives of Different Professional Groups

In this section, the distinction between pragmatic markers—words, word-combinations, and sentences as predicative units is proposed. Note that such units are only homophonic to the traditional linguistic elements—words, word-combinations, and sentences.

Markers—sentences, or predicative pragmatic markers (PPMs), are pragmatic units that formally coincide with predicative units (sentences) and, in our opinion, form a separate group of units, since initially they are formed not from simple word-combinations but on the basis of combinations with a predicative relation, e.g., (ya) ne znayu, (ya) (ne) dumayu (chto), (ty/vy) ponimaesh/te, kak eto ((mozhno) skazat'/nazyvaetsya), etc.:

16) on ves' na odnom aipi-adrese / i poehtomu ona govorit / Marin govorit / to chto u vas v pomeshchenii seichas nikto ne kachaet / ne fakt chto tam / Sharena / kto u nas yeshchyo mozhet kachat' / govorit / Sharena mozhet kachat' (ORD, S19);

17) okazyvaetsya / tam vot s e... s ehtogo vhoda / *V tam u nikh vot k... / vsyakie konferenc-zaly / i tam ustraivayut / *P vsyakogo roda (eh...eh) vot takie (eh...eh) kak eto skazat' / (...) *V nu vot (eh...eh) vsyakogo roda tam ya ne znayu / vystupleniya / *V (eh...eh) obrazovatel'nye takie / nu she... shou (ORD, S24).

To reveal the correlations between the speakers' profession and the number of PPMs in their speech, we compared the frequency of PPMs in the speech of different groups of speakers. The ipm of PPM (instances per million words) was calculated for speech of each professional group since the volumes of subcorpora of speech produced by representatives of various professional groups did not coincide.

The speakers' profession affects the use of PPMs being an integrative characteristic correlating both with the speakers' age and with their level and type of education. Among other professional groups, teachers are opposed to students in typical PPMs used in speech. However, the mean number of PPMs in their speech seems approximately equal (in the students' speech—4459 ipm, in the teachers' speech—4848 ipm). More significant in this case is the analysis of the most frequent PPM used in the speech of representatives of different professions shown in Table 2.

Table 2. Predicative pragmatic markers in students' and teachers' speech

PPM	Students (ipm)	Teachers (ipm)
znaesh/te	784	758
ponimaesh/te	269	253
vidish/te	67	219
(po)smotri/te	22	320

(po)slushai/te	202	859
predstavlyaesh/te	67	84
prikin'/te	67	17
chto yeshchyo	247	168
kak ehto, kak yego/yeyo/ikh	224	253
ili kak ehto, ili kak yego/yeyo/ikh	45	51
sobstvenno (govorya)	112	67
koroche (govorya)	695	337
skazhem (tak)	45	101
(ya) ne znayu	829	589
(ya) (ne) dumayu (chto)	359	303
govorit	381	455

In students' speech, the PPM (ya) ne znayu (829 ipm), znaesh/te (784 ipm) and koroche (govorya) (695 ipm) are the most common. Half of all PPMs in the teachers' speech are metacommunicative ones, and the most frequent is the PPM (po)slushai/te (859 ipm). Koroche (govorya) is the marker used more often by young men, mostly students. The PPM (po)slushai/te, on the other hand, is characteristic of the speech of women of middle age groups, especially teachers.

Thus, we can assume that the set of predicative pragmatic markers that are frequent in spontaneous spoken speech depends on speakers' social characteristics, and, vice versa, the set of PPMs can help us to predict the speakers' gender, age and even profession.

7. Conclusion

The data obtained in the course of analyzing the material of everyday communication, taking into account various sociological parameters, such as social role and communicative situation, will allow us to get a more accurate idea of how our stereotypes affect speech behavior, to understand in which communicative situations they are most active, and when they recede.

The most frequent functional types of pragmatic markers (hesitative and boundary) also require a more detailed analysis. The percentage of difference in their use between introverts and extroverts is negligible, but testing on expanded material may reveal additional characteristics.

Besides, the quantitative analysis of spontaneous spoken speech showed that we can talk about the dependence of the number of certain predicative pragmatic markers and the speakers' profession. Thus, in speech of teachers, the number of the PPM (po)slushai/te is relatively high; in students' speech the most frequent PPM is (ya) ne znayu.

The results of the study show that only discourse approach, taking into account the markers functions and structure, the communicative situation, in which markers are used, the speech genre, the speakers' social and psychological characteristics, allows analyzing pragmatic markers and speech behavior multidimensionally.

Acknowledgment

The presented research was supported by Saint Petersburg State University, project #75254082 "Modeling of Russian Megalopolis Citizens' Communicative Behavior in Social, Speech and Pragmatic Aspects Using Artificial Intelligence Methods".

References

- Blakemore, D. (1992) *Understanding Utterances: an Introduction to Pragmatics*. Oxford: Blackwell.
- Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Martynenko, G. (2019a) Pragmatic markers distribution in Russian everyday speech: frequency lists and other statistics for discourse modeling. 21st International Conference SPECOM 2019, Proceedings, 11658, 2019a. Pp. 433–443.

- Bogdanova-Beglarian, N. V., Blinova, O. V., Sherstinova, T. Ju., Troshchenkova, Je. V., Gorbunova, D. A., Zaides, K. D. (2019b) Pragmatic markers of Russian everyday speech: the revised typology and corpus-based study. Proceedings of the 25th Conference of Open Innovations Association FRUCT, 2019b. Pp. 57–63.
- Degand, L. & Evers-Vermeul, J. (2015) Grammaticalization or pragmaticalization of discourse markers? More than a terminological issue. *Journal of Historical Pragmatics*, 16(1), 2015. pp. 59–85.
- Diewald, G. (2011) Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions. *Linguistics*, 49(2), 2011. Pp. 365–390.
- Fraser, B. (1990) An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*, 14, pp. 383–395.
- Fraser, B. (1999) What are discourse markers? *Journal of Pragmatics*, 31, pp. 931–953.
- Gorbunova, D. (2017) Spontaneous oral speech from the psycholinguistic side: pragmatemes in the speech of informants with a different psychotype. *Kommunikativnye issledovaniya [Communication Studies]*, 4(14), pp. 73–82.
- Östman, J.-O. (1995) Pragmatic particles twenty years after. *Organization in discourse. Proceedings from the Turku Conference*, pp. 95–108.
- Schiffrin, D. (1987) *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schourup, L. (1985) *Common Discourse Particle in English Conversation: Like, Well, Y'know*. New York: Garland.
- Stepanov, R. (2008) *Tekhnologija data mining: intellektual'nyi analiz dannykh [Data Mining Technology and Data Science]*. Kazan': Kazanskii Gosudarstvennyi Un-t im. V.I. Ul'yanova-Lenina. (in Russian)
- Verkholetova, Je. Je. (2010) *Strukturno-dinamicheskii podhod k social'noi stratifikacii ustnoi rechi [Structural-Dynamic Approach to Social Stratification of Spoken Speech]*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Abstract of PhD Thesis]. Perm'. (in Russian)

UDC 81.25

N. TIMKO

MGIMO University (Odintsovsky Branch)
Odintso, Russian Federation

CULTURE-BOUND BARRIERS IN TRANSLATION. LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC ASPECTS

This article views the problems of translation in the aspect of cultural linguistics. The article studies the elements of national culture and culture experience reflected at the level of language and speech (culture-bound lexis, culture-bound grammar, cultural specifics of speech norms), as well as at the level of culture-bound information, which is implicit in the source text and refers to value orientations, judgments and mentality of a specific nation (culture-bound context, allusions, specifics of a text transmission channel and its perception). The author also views the mediation techniques to deal with overcoming cultural misunderstanding in translation.

Key words: translating between cultures, cultural barriers in translation, relevance of culture for translation, linguistic asymmetry, translation strategies

ЛИНГВОЭТНИЧЕСКИЙ БАРЬЕР В ПЕРЕВОДЕ: ЯЗЫКОВАЯ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Статья посвящена рассмотрению проблем перевода в лингвокультурологическом аспекте. В ней исследуются элементы национальной культуры и культурного опыта, отражённые как в языке (культурно обусловленная специфика лексики и грамматики языка, национально-специфические особенности речевых норм), так и в тексте (культурное содержание, аллюзии, культурно обусловленный способ подачи и получения информации). Также автор статьи описывает основные переводческие стратегии при передаче имплицитно выраженных культурных смыслов.

Ключевые слова: культурологический аспект перевода, лингвоэтнический барьер в переводе, национально-культурная картина мира, языковая асимметрия, переводческие стратегии

Introduction

The concept of “culture”, i.e. national traditions, behavior, thinking and different worldviews of different peoples, currently occupies a central place in the studies of linguists around the world who study the cultural specifics of languages and communication. Researchers in different directions and fields of knowledge have come to the conclusion that culture is reflected in the consciousness of an individual and determines the characteristics of his communicative behavior. That is why culture-bound issues are recognized now to be really crucial for translation studies. Culture as a system of beliefs, value orientations, communication strategies and cognitive environment, which, in fact, determine the basis of behavior shared by all members of a certain linguocultural community, represents a significant barrier to achieving equivalence in translation, because even if people speak the same language, differences in their cultural experiences lead to communication failure. That is why the translators of the new generation, to a greater extent than before, are concentrating on achieving mutual understanding in the field of cultures, the effectiveness of cultural dialogue.

Many linguists sometimes even hypostatize the meaning of culture in translation, calling translators “cultural mediators” [Bochner, 1981, p. 12], “bicultural personalities” [Vermeer, 1978, p. 28], “cross-cultural specialists” [Snell-Hornby, 1992, p. 101], “cultural operators” [Hewson, Martin, 1991, pp. 133-155]. These terms, nevertheless, ignore the linguistic aspect of translation activities. This remark does not mean, however, that we want to diminish the meaning of the factor “culture” for translation. We would like to highlight, that culture is not just a set of norms, behavioral attitudes and values. Culture, among other things, is also an essential condition for the existence of language, the context in which language operates and manifests itself. In other words, language is inextricably linked with culture, with the reality in which people live and with the activities that they perform, that is, it is the most important culture-forming element. The spiritual culture of a nation is expressed in its language, and the system and norms of the language have an impact on this culture. The use of language acquires its meaning only in activity. Thus, speaking a particular language is part of an activity within the boundaries of a particular culture. That is why in this article the author sticks to the point that culture-bound barriers in translation have both linguistic and cultural components.

Methods and material

The methodology of this study is mainly based on comparative analysis of asymmetrical language and speech structures in the source and the target languages (English and Russian), as well as on sociocultural interpretation of the implicit cultural information of a text (in English and Russian). The reliability of the scientific results is supported by the pre-translation analysis of the linguistic material taken from the British and American online newspapers. To collect the material the author used the method of continuous sampling.

Discussion

On the issue of the fundamental possibility of achieving equivalence in translation, there are two opposing points of view. According to the first point of view, everything is translated (without losses in content and verbal expression), according to the second, a full-fledged translation is impossible because of linguistic and cultural asymmetry. In fact, both points of view reflect only part of the truth and can be reviewed in connection with the problem of the “linguo-ethnic barrier” – «лингвоэтнический барьер» (the term introduced to the Russian translation studies by L. K. Latyshev) [Latyshev, 2000].

Since both the national language and the national culture are a manifestation of a special national mentality, overcoming only the language barrier in translation is not enough. Understanding the meaning of the cultural barrier and its neutralization in translation is no less difficult problem than neutralizing differences of a purely linguistic nature. The main components of the linguo-ethnic barrier are differences at the language system level (grammar structures and lexis), differences at the speech norms level (culture-bound rules of language use). Both aspects are expressed visibly / verbally. But there is also an invisible level of meaning, the level of extralinguistic reality, which manifests itself at the level of cultural references, describing some important values and prevailing judgments and assessments. Such descriptions, which are not directly related to the language, manifest themselves in a text at the level of linguistic pragmatics (a language that performs its functions as a means of communication). Such “cultural asymmetry” has a nature of an anti-communicative factor, which complicates mutual understanding and is a puzzle for a translator. As Kramsh wrote, “it is a mistake to believe that if Russians drink Pepsi-Cola today, Pepsi means the same to them as it does to Americans” [Kramsh, 1993, p. 60].

Results

Culture-bound asymmetry at the level of language systems of the Russian and the English languages

Grammar creates the potential within which we act and enact our cultural being. This potential is at once both enabling and constraining: that is, grammar makes meaning possible and also sets limits on what can be meant. The situation with presenting oneself in the English and the Russian languages is one of the examples of the limitations and possibilities of grammar. It is clearly seen in the use of pronouns which is generally a clear index pointing to a referent. In the English language culturally determined striving for privacy and singleness is presented with the pronoun I. In the Russian language there is a striving for the “collective” way of description (we, all, both):

Where should I meet you tonight?

Where should we meet tonight (Literally Russian)

Everybody is busy

All are busy (Literally, Russian).

Peter and I went to the cinema

We with Peter went to the cinema (Literally, Russian).

Vysson and Wierzbicka point out that in the English-speaking world an individual is in charge of their own destiny, while Russians with their “spirit of fatalism” are alternatively, at the opposite end of the spectrum: they feel that the environment (including supernatural forces, destiny, luck) has a measure of control over them [Wierzbicka, 1991; Vysson, 2005]. Russians, in contrast to

the English-speaking way of expressing direct wish and attitude (I'm thirsty, I'm sleepy, I've broken the cup, I can, I want...), tend to use impersonal structures with no subject; they use it as if everything that happens around them, happens without their direct participation, as if everything is predestined (Есть хочется, спать хочется, чашка разбилась). Wierzbicka notes the fundamental importance of 3 Russian values: *dusha*/soul, *sudba*/destiny, and *toska*/yearning/a painful feeling/nostalgia. These three concepts permeate Russian conversation, language and literature. The range of meaning is wider and the effect of these words deeper than in English because they are core values. As with all values, the translator has to be extremely aware that the values are directly and inexorably connected to identity [Wierzbicka 1992, pp. 31-116].

English and Russian have different culture-bound potentials in word-formation. In the Russian language there is a great variety of prefixes, suffixes and diminutives, in which, as some linguists say, Russian emotionality is expressed, f.e. *Машенька*, *чайк*, *солнышко* и т.д. In translation from Russian into English it's needed to use compensation or explanation⁵¹. In American English it's common to coin new words from the old words. The first settlers in America literally invented new compound words from the old, partly to categorize aspects of their new environment unseen or rare in England, f.e., *jointworm*, *glowworm*, *eggplant*, *canvasback*, *copperhead*, *rattlesnake*, *bluegrass*, *bobcat*, *catfish*, *bullfrog*, *sapsucker* etc. As Bryson points out, "these new terms had the virtue of directness and instant comprehensibility – useful qualities in a land whose populace included increasingly large numbers of non-native speakers – which their British counterparts often lacked" [Bryson 1994, p. 26]. Striving for directness also made Americans specialize in acronyms. When President Clinton was elected, the term *FOB* (*Friend of Bill*) became a commonly used term to show disapproval (*TGIF* – *Thank God it's Friday*, *NIMBY* – *Not in my backyard*).

Apart from different ways of categorizing what is seen, languages can lack the concept itself. In every language there are culture-bound words with denotative meaning, representing specific (not general) features peculiar to this culture. Russians don't understand what *Amish country*, or *marshmallows*, or *garage sale*, or *NASCAR dads*, or *GEICO Cavemen*, or *Black Friday*, or *cubicle* mean because they don't have these concepts in their environmental experience. In Russian there are also many culture-bound words: *perestroika*, *borsh*, *samovar*, *matryoshka* etc. In translating culture-bound words, as Katan puts it, there are a number of alternatives. The language can either borrow the language label, do without a concept, or invent its own label [Katan, 1999, p. 81]. Now Russian as well as languages throughout the world is borrowing English to a great extent. There is a number of academies who keep a check on language borrowing and periodically recommend own national labels. However, it is clear that for the year 2021 and beyond different cultures come together under the global communication umbrella, and the English language happens to be an inseparable part of it.

As for connotative meanings they also have culture-bound specifics. We judge and react to words at the level of connotative meanings which are culturally or socially determined value judgments that are implicit in the semantics of a word. For Russians, for example, "birch tree" is a national symbol, associated with a beautiful girl or Motherland, for Americans "an apple pie" is very dear and symbolic, for English "green belts" stand for leafy and wealthy areas where building id restricted around the city etc.

So, it is absolutely clear that how languages convey meaning is related to culture. Though languages can convey concepts from other cultures, people (including translators and

⁵¹ Gleb Struve, who translated pieces of the Russian classics, suggests giving notes explaining some specifics of the Russian diminutive forms, f.e. *Dunyushka* (*Дунюшка*) – a diminutive form of the name *Eudoxia* (*Евдокия*, *Дуня*) [Russian Stories, 1990, p. 334].

interpreters) tend not to realize that their perception (through language) is, in fact, bound by their own culture.

Culture-bound asymmetry at the level of speech norms of the Russian and the English languages

Beside culture manifested in language culture is also manifested in speech. The way we speak says just as much about ourselves and our culture as the clothes we wear. Culture encompasses all of the shared rules for appropriate speech behavior. Stereotypical patterns of behavior are acquired by individuals as a consequence of being members of the same group, or community, as well as the values and beliefs that underlie overt behaviors. Their cultural meaning is invisible and lies in the way these meanings are interpreted by the insiders.

For example, in America with the idea of democracy permeating all communication there is a tendency to use first names soon after getting acquainted. It's common to see that a professor and a student, a boss and a clerk are on first name terms. In Russia the hierarchy of social relationships is much more confused and strict. In the Russian language there are two U-forms – ty and vy (as in German du/Sie and in French tu/vous). Each particular situation prescribes the usage of ty-form or vy-form. Moreover, in formal conversations Russians always use first names together with patronymic. People can know each other for ages but still call each other in such a formal way.

The Russian language and the core-English languages have their own culturally appropriate greeting rituals. In English there is a standard reply to the question “Hi, how are you?” “Fine, and you?”. As for Russians they like to reply to this question in detail. As Zhelvis writes in his book “These Strange Russians” “if you meet a Russian and ask him how he is today he will take a deep breath to tell you all the details of his life. So, never ask a Russian how he is today if you don't want to know whether he had a good sleep and what he had for breakfast” [Zhelvis, 2002, p. 34].

There are a lot of other examples of asymmetrical speech behavior within cultures (methods of saying good-bye, thank you, invitation, mode of address in written communication etc). All of them show that literal translation is rarely appropriate. Even dictionaries are now beginning to include sections on speech behavior.

Extralinguistic reality verbalized in a text (cultural component of lingo-ethnic barrier)

Observable behavior is part of a larger pattern at the level of interpretation. The most powerful elements of culture are those that lie beneath the surface of everyday interaction. The focus here is not on what is read, seen, heard or felt, but how a message is transmitted and how it is perceived. A translator as cultural mediator needs to account for information which is implicit in the context of culture, for example:

[UK] Government climate's tsar's dirty secret: he still drives a diesel car (The Telegraph, Aug.11, 2021)

In the headline of one of “The Telegraph” articles the label “climate tsar” stands for Alok Sharma, the Tory cabinet minister and the leader of Britain's push to ban gasoline vehicles. Sharma is also known to the British people as a person who regularly ignores quarantine when returning from countries on the Covid-19 red list. The label “climate tsar”, as well as the negative implicit information connected with the politician who regularly breaches his own bans, becomes a puzzle as it crosses a cultural divide. There is a number of translation techniques to unobtrusively manipulate a text: footnotes, omission, deletion, addition, or explication. In this particular case while translating from English into Russian a translator may use an in-text explanation and add missing information for a Russian reader.

Let's view one more example. When talking about the great American guitarist Jimmy Hendrix, the journalist of “The New York Times” Brian Alexander cites a Mr. Cross who describes the atmosphere of Hendrix's childhood:

It sort of gives an indication of the fractured family Mr. Hendrix grew up in...This was not “Leave-it-to-Beaver-ville (The New York Times, Sept. 25, 2004).

“Leave-it-to-Beaver” is a reference to a popular American TV series of the 50s, which has attained an iconic status in the United States, with the Cleavers family exemplifying the idealized suburban life of the mid-20th century. In translating this phrase into Russian a translator may either give an explanation in a footnote, which is highly not recommended to do in newspaper texts, or come up with some substitution. But the substitution of the film’s title by one of the Russian popular films portraying a family idyll would be rather strange in the context, so the possible solution here may be rephrasing – the back translation from Russian would sound like “His childhood was far from idyllic”.

Sometimes cultural context can be so unique and culturally bound that translation fails. It refers to folklore and fairy tales in particular. For example, English speaker will not understand why the main character of many of the Russian fairy tales is Ivan-the-Fool who is lazy, does nothing but in the end gets both the princess and the kingdom. Ivan-the-Fool, however, possesses some qualities valued in the Russian culture – kindness, modesty and inventiveness. Russians even have a proverb “Fools are lucky”.

Conclusion

Culture is a context within which all communication takes place. The success of translator’s/cultural mediator’s activity to overcome a linguistic-cultural barrier depends on the ability to understand how culture in generally operates, that is to understand the cultural and experimental logic of a foreign culture which lies behind the original act of speaking or writing; to understand the potential of the two semiotic systems in terms of their image making; to understand the invisible cultural meaning formed by values; to be able to match all of these with appropriate linguistic and cultural responses. The heart of his task is to be a mediator not between two texts but between two cultures.

References

- Bochner, S. (1981) *The Mediating Person: Bridges between Cultures*. Cambridge: Schenkman.
- Bryson, B. (2004) *Made in America*. London: Martin Secker and Warburg.
- Hewson, L. & Martin J. (1991) *Redefining Translation: The Variational Approach*. London: Routledge.
- Katan, D. (1999) *Translating Cultures. An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*. Manchester: St. Jerome Publishing.
- Kramsh, C. (2000) *Context and Culture in Language Teaching*. Oxford: Oxford University Press.
- Latyshev, L. K. (2000) *Technologiya perevoda*. – M: NVI-Tezaurus. (In Russian)
- Snell-Hornby, M. (1992) *Teaching Translation and Interpreting: Training, Talent and Experience*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Vermeer, H. (1978) *Ein Rahem fur eine Allgemeine translationnsthierie*. *Lebende Sprachen*.
- Visson, L. (2005) *Where Russians Go Wrong in Spoken English*, Moscow: R. Valent. (In Russian)
- Wierzbicka, A. (1991) *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Zhelvis, V. (2002) *Those Strange Russians*. Moscow: Egmont.

Подписано в печать 28.03.2022 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 27,2. Тираж 20 экз.
Заказ № 5649.

Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_leva@mail.ru
<http://www.levaprint.ru>